

КАРЛ МЕНГЕР

ИЗБРАННЫЕ
РАБОТЫ

ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО

У Н И В Е Р С И Т Е Т С К А Я

Б И Б Л И О Т Е К А

А Л Е К С А Н Д Р А

П О Г О Р Е Л Ь С К О Г О

С Е Р И Я

Э К О Н О М И К А

КАРЛ МЕНГЕР

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ

ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ О МЕТОДАХ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ОСОБЕННОСТИ

МОСКВА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ТЕРРИТОРИЯ БУДУЩЕГО»

2005

УДК 1: 33 (082.21)

ББК 87

М 50

СОСТАВИТЕЛИ СЕРИИ:

*В. В. Анашвили,
Н. С. Плотников,
А. Л. Погорельский*

НАУЧНЫЙ СОВЕТ:

*А. Л. Глазычев, А. И. Уткин,
А. Ф. Филиппов, Р. З. Хестанов*

М 50   **Карл Менгер.** Избранные работы. М.: Издательский дом
«Территория будущего», 2005. — 496 с.

ISBN 5-7333-0175-9

© Издательский дом
«Территория будущего», 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Ф.А. Хайек. Карл Менгер (1840—1921)	11
<i>Приложение.</i> Место «Grundsätze» Менгера в истории экономической мысли	44

ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Предисловие к русскому переводу	59
Предисловие	61
Глава первая. Общее учение о благах	65
§ 1. О сущности благ	65
§ 2. О причинном соотношении благ	70
§ 3. Законы, которым подчиняются блага, в отношении их характера, как таковых	72
§ 4. Время — заблуждение	80
§ 5. О причинах прогрессирующего благосостояния людей	84
§ 6. Совокупность благ, находящихся в распоряжении индивида для удовлетворения его потребностей	86
Примечания	88
Глава вторая. Хозяйство и хозяйственные блага	88
§ 1. Надобность в благах (Bedarf)	91
§ 2. Количества, подлежащие распоряжению	99
§ 3. О происхождении человеческого хозяйства и хозяйственных (экономических) благах	103
§ 4. Имущество	119
Примечания	124
Глава третья. Учение о ценности	124
§ 1. О сущности и источнике происхождения ценности благ	124
§ 2. О первоначальной мере ценности благ	132
§ 3. Законы, которым подчиняется ценность благ высшего порядка	160
Примечания	184

Глава четвертая. Учение об обмене	185
§ 1. Основания экономического обмена	185
§ 2. Пределы экономического обмена	190
Глава пятая. Учение о цене	200
§ 1. Образование цен при изолированном обмене	203
§ 2. Образование цен при монопольной торговле	205
§ 3. Образование цен и распределение благ при двусторонней конкуренции	221
Глава шестая. Потребительная и меновая ценность	229
Глава седьмая. Учение о товаре	238
§ 1. Понятие «товар» в обыденном и научном смысле	238
§ 2. Способность товаров к сбыту	244
Глава восьмая. Учение о деньгах	257
§ 1. О сущности и происхождении денег	257
§ 2. Особые для каждого народа и эпохи деньги	266
§ 3. Деньги как «мерило цен» и как наиболее экономическая форма накопления меновых ценностей	274
§ 4. Монета	281
Примечания	285
ИССЛЕДОВАНИЯ О МЕТОДАХ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ОСОБЕННОСТИ	
Предисловие	289
КНИГА ПЕРВАЯ	
НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ КАК НАУКА ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ; ОТНОШЕНИЕ ЕЕ К ИСТОРИЧЕСКИМ И ПРАКТИЧЕСКИМ НАУКАМ О НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ	
	299
Глава 1. Различные точки зрения исследования в области народного хозяйства	299
Глава 2. Ошибки, вытекающие из непонимания формальной природы теоретической национальной экономики	305

Глава 3. Особенная природа теоретических знаний в области народного хозяйства не лишает национальную экономия характера науки теоретической	314
Глава 4. Два основных направления теоретического исследования вообще и такового в области народного хозяйства в частности	318
Глава 5. Отношение точного направления исследования в области социальных наук к направлению реалистически-эмпирическому	330
Глава 6. Теория о необходимости рассмотрения народно- хозяйственных явлений в неразрывной связи с общим социальным и государственным развитием народов	337
Глава 7. Догма «своекорыстия» в теоретической национальной экономии и ее положение среди научно- теоретических проблем последней	345
Глава 8. Упрек в «атомизме» теоретической национальной экономии	352
КНИГА ВТОРАЯ	
Историческая точка зрения исследования в политической экономии	358
Введение	358
Глава 1. Историческая точка зрения в теоретической национальной экономии	362
§ 1. Развитие народно-хозяйственных явлений	362
§ 2. Влияние, оказываемое развитием народно-хозяйственных явлений на природу и задачи реалистически- эмпирического направления теоретического исследования	364
§ 3. Так называемый исторический метод отнюдь не может совершенно устранить упрека в слишком широкой обобщенности теоретических познаний о народном хозяйстве . .	369
§ 4. Влияние, оказываемое фактом развития народно- хозяйственных явлений на природу, и задачи точного направления теоретического исследования	372
Глава 2. Псевдоисторические направления исследования в теоретической национальной экономии	374

Глава 3. Историческая точка зрения в практических науках о народном хозяйстве	383
Книга третья	
Органическое понимание социальных явлений	387
Глава 1. Аналогия между социальными явлениями и естественными организмами, пределы ее и вытекающие отсюда для социального исследования методологические точки зрения	387
§ 1. Теория об аналогии между социальными явлениями и естественными организмами	387
§ 2. Пределы основательности аналогии между естественными и социальными явлениями	389
§ 3. Методологические положения, вытекающие для социального исследования из неполноты аналогии между социальными явлениями и естественными организмами	392
Глава 2. Теоретическое выяснение тех социальных явлений, которые суть не результаты соглашения или положительного законодательства, а несознательные результаты исторического развития	396
§ 1. Признание социальных феноменов явлениями органическими отнюдь не исключает стремления к точному (атомистическому) выяснению их	396
§ 2. Различные направления теоретического исследования, вытекающие из понимания социальных явлений как «органических» феноменов	402
§ 3. Прежние попытки разрешения проблем, вытекающих из органического понимания социальных явлений	406
§ 4. Точное (атомистическое) выяснение происхождения тех социальных явлений, которые суть несознательные результаты общественного развития	409
Книга четвертая	
Развитие идеи исторической разработки политической экономии	419
Глава 1. Основные мысли исторической школы немецких экономистов уже издавна были известны в политических науках	419

Глава 2. Историческая школа немецких экономистов не поняла основных реформаторских идей исторической школы юристов и лишь по недоразумению считает себя исторической в смысле последней (школы)	427
Глава 3. Происхождение и развитие исторической школы немецких экономистов	434

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I. Сущность народного хозяйства	451
Приложение II. Понятие теоретической национальной экономики и сущность ее законов	455
Приложение III. Отношение практических наук о народном хозяйстве к практике последнего и к теоретическому учению о народном хозяйстве	460
Приложение IV. Терминология и классификация наук о народном хозяйстве	463
Приложение V. В области человеческих явлений точные законы (так называемые «естественные законы») достижимы при тех же формальных условиях, как и в области явлений природы	471
Приложение VI. Исходный пункт и конечная цель всякого человеческого хозяйства строго определены	473
Приложение VII. Приписываемое Аристотелю мнение, будто государство есть явление первоначальное, заложенное в самом существе человека	477
Приложение VIII. «Органическое» происхождение права и точное уразумение его	479
Приложение IX. Так называемое этическое направление политической экономики	492

Ф. А. ХАЙЕК

КАРЛ МЕНГЕР (1840—1921)¹

История экономики полна рассказов о забытых предшественниках, людях, чьи труды не оказали никакого влияния и были заново открыты только после того, как их главные идеи стали популярными благодаря другим людям, о поразительных совпадениях одновременных открытий и необычной судьбе отдельных книг. И ни в экономике, ни в любой другой отрасли знания почти не случается такого, чтобы работы автора, который революционизировал корпус уже вполне развитой науки и получил соответствующее признание, оставались столь же мало известными, как работы Карла Менгера. Сложно привести схожий пример, когда работа, наподобие *Grundsätze*, оказала длительное и устойчивое влияние, но все же имела — вследствие чисто случайных обстоятельств — чрезвычайно ограниченное обращение.

¹ [Эта статья, которая в целом соответствует работе Хайека о Менгере, опубликованной в: *Economica*, N. S., vol. 1, November 1934, pp. 393—420, а также в качестве введения к изданию избранных работ Менгера, осуществленному в 1934 году Лондонской школой экономики, дополнена материалами двух более поздних публикаций. Во-первых, добавлены фрагменты небольшой статьи о Менгере, написанной Хайеком для «Международной энциклопедии социальных наук»: *International Encyclopedia of the Social Sciences*, ed. David L. Sills (New York: Macmillan and The Free Press, 1968), vol. 10, pp. 124—127. Здесь в основном повторяется информация, изложенная в публикуемой статье, но также вводятся некоторые новые соображения и сведения относительно *Methodenstreit* и вклада Менгера в микроэкономическую теорию и в то, что позднее стало называться «методологическим индивидуализмом». Эти фрагменты содержатся в добавленных редактором примечаниях. Сам Хайек еще в 1965 году внес исправления и дополнения в статью для немецкого издания, и эти дополнения также приводятся здесь главным образом в виде новых примечаний.

История статьи вкратце такова. Впервые она была опубликована на английском языке в 1934 году в виде введения к переизданию *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre* Менгера, первого из четырех томов, содержащих основные опубли-

Сведущие историки не сомневаются, что, если в течение последних шестидесяти лет² австрийская школа заняла особое место в развитии экономической науки, то это благодаря основам, заложенным этим человеком. Репутация школы в остальном мире и развитие его системы в важных отношениях обязаны усилиям его блестящих последователей — Евгению фон Бём-Баверку и Фридриху фон Визеру. Но сказать, что их фундаментальные идеи целиком и полностью принадлежат Карлу Менгеру, не значит умалить достоинства этих авторов. Не будь у него этих учеников, он мог бы остаться сравнительно неизвестным, мог бы даже разделить судьбу многих блестящих людей, которые предвосхитили его и были забыты, и почти наверняка в течение долгого времени о нем бы почти ничего не знали за пределами немецкоязычных стран. Но общим для всех членов австрийской школы — тем, что составляет ее своеобразие и лежит в основе последующих разработок, — является принятие учения Карла Менгера.

Независимое и почти одновременное открытие закона предельной полезности Уильямом Стэнли Джевансом, Карлом Менгером и Леоном

ликованные работы Менгера и выпущенных Лондонской школой экономики в 17–20 томах ее «Серии переизданий редких работ по экономике и политической науке». Эти четыре тома были переизданы в Германии в виде: Karl Menger, *Gesammelte Werke* (Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1968–1970), а вводная статья Хайека, слегка пересмотренная и исправленная, была опубликована в переводе на немецкий в первом томе этого издания. Немного раньше она была издана на немецком языке в: H. C. Recktenwald, ed., *Lebensbilder großer Nationalökonomien* (Cologne: Kierpeneur und Witch, 1965), pp. 347–364. О пересмотренной немецкоязычной версии Хайек пишет: «Пользуясь случаем, я несколько изменил переводной текст и учел различные замечания друзей, которые оказались настолько добры, чтобы прочесть черновой вариант»; также он выразил признательность Фридриху Энгель-Яноши, Регинальду Хансену, Карлу Менгеру-младшему, Людвигу фон Мизесу и Рихарду Шуллеру. Как уже отмечалось, в настоящую статью включены изменения, сделанные в немецком переводе. «Введение» Хайека также переиздавалось в первоначальном виде в сборнике: Henry William Spiegel, ed., *The Development of Economic Thought: Great Economists in Perspective* (New York: John Wiley; London: Chapman and Hall, 1952), pp. 526–553, а также в 1981 году в виде введения к английскому изданию *Grundsätze*: Carl Menger, *Principles of Economics*, op. cit.

Последняя работа Хайека о Менгере, «Место *Grundsätze* Менгера в истории экономической мысли», заново публикуется в виде приложения к этой статье. — *Ред.*]

² [Хайек писал в 1934 году. — *Ред.*]

Вальрасом прекрасно известно и не нуждается в пересказе. 1871 год — год выхода в свет «Теории политической экономии»³ Джевонса и *Grundsätze* Менгера — теперь многими справедливо считается началом современного этапа развития экономики. Джевонс изложил свои фундаментальные идеи девятью годами ранее в лекции (опубликованной в 1866 году)⁴, которая, тем не менее, не привлекла большого внимания, а Вальрас начал публиковать свои работы только в 1874 году, но полная независимость работы этих трех основателей совершенно очевидна. И хотя их центральные положения, основные идеи их системы, которым они и их современники закономерно придавали самое большое значение, остаются одними и теми же, их работы настолько явно различаются по общему характеру и обстоятельствам появления, что наиболее интересной проблемой на самом деле оказывается то, каким образом настолько различными путями можно было прийти к таким схожим результатам.

Чтобы понять интеллектуальную основу работы Карла Менгера, необходимо сказать несколько слов об общем состоянии экономики того времени. Хотя в течение четверти века между 1848 годом, датой выхода «Основ»⁵ Джона Стюарта Милля, и возникновением новой школы наблюдалось множество величайших триумфов классической политической экономики в прикладных областях, ее основания, особенно ее теория ценности, все больше утрачивали доверие. Возможно, само систематическое изложение в «Основаниях» Милля, вопреки или благодаря его полной уверенности в правильности теории ценности, вместе с его более поздним отказом от других важных идей доктрины больше, чем что-либо другое способствовало выявлению недостатков классической системы. Во всяком случае, критические выпады и попытки пересмотра теории множились в большинстве стран.

Нигде, однако, упадок классической школы экономистов не был более быстрым и всеобъемлющим, чем в Германии. Историческая школа нападала не только на классические доктрины, полностью оставленные, — они никогда не имели прочных корней в этой части света; глубокое недовольство вызывали также любые попытки теоретического анализа. Отчасти это было связано с методологическими соображениями. Но в еще большей степени это было обусловлено резким неприятием практических выводов классической английской школы, которая стояла на пути реформа-

³ [W. Stanley Jevons, *The Theory of Political Economy* (London: Macmillan, 1871). — *Ред.*]

⁴ [W. Stanley Jevons, «Brief Account of a General Mathematical Theory of Political Economy», *op. cit.* — *Ред.*]

⁵ [Милль Дж. С. *Основы политической экономии*. Т. 1–3. М.: Прогресс, 1980–1981. — *Ред.*]

торского рвения новой группы, с гордостью называвшей себя «этической школой»⁶. В Англии экономическая теория находилась в состоянии застоя. В Германии выросло второе поколение исторических экономистов, которое не только никогда по-настоящему не ознакомилось с существовавшей развитой системой теории, но также приучилось считать любые теоретические спекуляции бесполезными, если не прямо вредными.

Доктрины классической школы были, по-видимому, настолько сильно дискредитированы, что не могли стать основой преобразования для тех, кого по-прежнему интересовали проблемы теории. Но в сочинениях немецких экономистов первой половины XIX столетия содержались семена для возможного нового развития⁷. Одна из причин того, почему классические доктрины не смогли укрепиться в Германии, заключалась в том, что немецкие экономисты всегда осознавали определенные противоречия, свойственные трудовой теории ценности или издержек. Возможно, отчасти благодаря влиянию Галиани⁸ и других французских и итальянских авторов XVIII века, сохранилась живая традиция, которая отказывалась отделять ценность от полезности. С самого начала столетия и до 1850–1860-х годов череда авторов, из которых выдающейся и наиболее влиятельной фигурой был, наверное, Херманн⁹ (о добившемся известности Гюссене не стоит даже упоминать), пыталась сочетать идеи полез-

⁶ [Речь идет о *Sozialpolitik*, немецком движении за социальную реформу в XIX веке. — *Ред.*]

⁷ То же во многом верно и для Франции. Даже в Англии существовала особая неортодоксальная традиция, о которой можно сказать то же самое, но она полностью находилась в тени господствующей классической школы. И о ней важно упомянуть здесь потому, что работы ее выдающегося представителя Лонгфилда через посредство Херна, несомненно, оказали влияние на Джевонса. [Маунтифорд Лонгфилд (1802–1884) — ирландский юрист и экономист, который в своих «Лекциях по политической экономии» (Mountiford Longfield, *Lectures on Political Economy* [Dublin: R. Milliken, 1833]) придавал особое значение рыночным детерминантам стоимости, а не рикардианским (классическим) «реальным» или базовым издержкам; Уильям Эдвард Херн (1826–1888) — автор «Плутологии, или Теории попыток удовлетворить человеческие потребности» (William Edward Hearn, *Plutology: or the Theory of the Efforts to Satisfy Human Wants* [London: Macmillan, 1864]), трактата, развивающего идеи Бастиа и Герберта Спенсера. — *Ред.*]

⁸ [Фердинандо Галиани (1728–1787). — *Ред.*]

⁹ [Фридрих Б.В. фон Херманн (1795–1868) возглавлял кафедру в Мюнхенском университете, где он написал влиятельную работу: Friedrich B.W. von Hermann, *Staatswirtschaftliche Untersuchungen* (Munich: A. Weber, 1832). — *Ред.*]

ности и редкости при объяснении ценности, часто вплотную приближаясь к решению, предложенному Менгером. И именно этим построениям, которые должны показаться более практически настроенным современным английским экономистам бесполезными экскурсами в философию, Менгер обязан больше всего. Простой взгляд на обширные сноски в его *Grundsätze* или именной указатель, который добавлен к изданию 1934 года, показывает, каким необычайно широким знанием этих немецких, а также французских и итальянских авторов он обладал и какую незначительную роль по сравнению с ними сыграли авторы классической английской школы¹⁰.

Но хотя Менгер, вероятно, превосходил всех своих современников и основоположников доктрины предельной полезности по широте знания литературы — и только от страстного коллекционера книг, вдохновленного примером энциклопедистов, Рошера¹¹ можно было ожидать подобного знания во времена написания *Grundsätze*, — в списке авторов, на которых он ссылается, имеются курьезные пробелы, объясняющие отличие его подхода от подходов Джевонса и Вальраса.¹² Особенно показательно его явное незнание во время написания *Grundsätze* работы Курно¹³, которой, по-видимому, прямо или косвенно обязаны все остальные основатели современной экономической науки — Вальрас, Маршалл и, весьма возможно, Джевонс¹⁴. Но еще более поразителен тот факт, что в

¹⁰ [О том, чем Менгер обязан немецким экономистам его эпохи, см.: Eric Streissler, «The Influence of German Economics on the Work of Menger and Marshall», op. cit. Штрейсслер отмечает, что пять из десяти наиболее часто цитируемых автором в *Grundsätze* — немцы и только один (Адам Смит) — британец. Книга Менгера «безусловно, обнаруживает свою тесную связь с немецкой экономической наукой — почти *ad nauseam*» (p. 33). — *Ред.*]

¹¹ [Вильгельм Георг Фридрих Рошер (1817–1894) — профессор Лейпцигского университета и основатель старой немецкой исторической школы. *Grundsätze* посвящены Рошеру. — *Ред.*]

¹² Удивительно, что он не знал своего непосредственного немецкого предшественника Германа Генриха Гюссена, но его не знали ни Джевонс, ни Вальрас, когда они впервые сделали свои идеи достоянием общественности. Первая книга, которая вообще воздала должное работе Гюссена (F.A. Lange, *Die Arbeiterfrage* [Winterthur: Bleuler-Hausheer], вышла в свет в 1870 году, когда *Grundsätze* Менгера, вероятно, уже была в печати.

¹³ [Антуан Огюстен Курно (1800–1877) — профессор анализа и механики Лионского университета. — *Ред.*]

¹⁴ По словам сэра Джона Хикса, у него были некоторые основания полагать, что диаграмма Ларднера, отражающая теорию монополии, которая, по собственному

то время Менгер, по-видимому, не был знаком и с работой фон Тюнена¹⁵, которая кажется особенно близкой ему. Хотя можно сказать, что он работал в обстановке, особенно благоприятной для проведения исследований с точки зрения полезности, у него не было ничего столь же определенного для построения современной теории цен, как у его коллег в этой области, которые находились под влиянием Курно, а также — в случае Вальраса — Дюпюи и — в случае Маршалла — фон Тюнена.

Интересно представить, как развивалась бы мысль Менгера, будь он знаком с работами этих основателей математического анализа. Любопытно, что, насколько мне известно, он нигде не высказывался о ценности математики как средства экономического анализа¹⁶. Нет оснований полагать, что у него не было необходимых для этого специальных знаний или наклонностей. Напротив, его интерес к естествознанию не вызывает сомнений, а сильный интерес к его методам прослеживается во всех его работах. И тот факт, что его братья, особенно Антон, как известно, интересовались математикой, а его сын Карл стал известным математиком, может служить свидетельством явных математических наклонностей в его семье. Но хотя позднее он познакомился не только с работами Джевонса и Вальраса, но и с работами своих соотечественников Ауспитца и Либена, ни в одной из своих методологических работ он не обращается к математическому методу¹⁷. Не

признанию Джевонса, оказала на него значительное влияние, взята у Курно. См. об этом: John Hicks, «Leon Walras», *Econometrica*, vol. 2, 1934, pp. 338–348.

¹⁵ [Иоганн Генрих фон Тюнен (1783–1850) — первопроходец в теории сельского хозяйства и теории распределения с точки зрения предельной производительности и один из основателей математической экономики. См.: Johann Heinrich von Thünen, *Der Isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und National-ökonomie* [1826–1863]; в переводе на английский: Johann Heinrich von Thünen, *The Isolated State* (Oxford and New York: Pergamon Press, 1966). — *Ред.*]

¹⁶ Но см. два письма Менгера к Вальрасу, датируемые 1883–1884 годами: William Jaffé, *Correspondence of Léon Walras*, op. cit., vol. 1, p. 768 (letter 556) и vol. 2, p. 4 (letter 602). [См. также Jaffé, «Menger, Jevons and Walras Dehomogenized», op. cit., pp. 521–522.

¹⁷ Единственное исключение — его рецензия на работу Ауспитца и Либена «Исследования по теории цен», опубликованная в газете *Wiener Zeitung* 8 июля 1889 года, — вряд ли можно назвать исключением в собственном смысле слова, так как он открыто говорит о своем нежелании обсуждать ценность математического изложения экономических доктрин. Общий тон рецензии, а также его неприятие того факта, что авторы, по его мнению, «используют математический метод не только как средство изложения, но и как средство изучения», подтверждают общее впечатление о том, что он не считал его особенно полезным.

следует ли нам сделать вывод о том, что он довольно скептически относился к его полезности?

Среди влияний, которые Менгер должен был испытать во время становления его собственной мысли, почти полностью отсутствует влияние австрийской экономической науки по той простой причине, что в начале XIX века в Австрии почти не было собственных экономистов. В университетах, в которых учился Менгер, политическая экономия преподавалась в составе курсов правоведения главным образом экономистами, приезжавшими из Германии. И хотя Менгер, как и все поздние австрийские экономисты, получил степень доктора права, нет никаких оснований полагать, что на него как-то серьезно повлияли его учителя экономики. И это подводит нас к его личной истории.

Родившийся 28 февраля 1840 года в Новом Сандеце, Галиция, на территории нынешней Польши, сын юриста, он происходил из старой семьи австрийских ремесленников, музыкантов, чиновников и офицеров, которая только поколением ранее переехала из немецкой части Богемии в восточные провинции. Его дед по материнской линии,¹⁸ богемский торговец, который сделал состояние во время наполеоновских войн, купил большое имение в Западной Галиции, где Карл Менгер провел большую часть своего отрочества, и до 1848 года застал полукрепостную жизнь

¹⁸ Антон Менгер, отец Карла, был сыном другого Антона Менгера, который происходил из старой немецкой семьи, эмигрировавшей в 1623 году в Эгер в Богемии, и Анны, урожденной Мюллер. Его жена Каролина была дочерью Йозефа Гержабека, торговца из Югенмаута, и Терезы, урожденной Калаус, предков которых можно проследить по записям о крещении до XVII и XVIII веков соответственно. [В нацистский период считалось, что члены австрийской школы, включая самого Менгера, были в основном евреями. Хайек написал в *Frankfurter Zeitung* опровержение, и 13 октября 1936 года *Frankfurter Zeitung* опубликовала следующую заметку: «Профессор Ф.А. фон Хайек, профессор экономики Лондонского университета, сообщил нам по поводу опубликованного в номере 511/512 от 6 октября отчета об университетской конференции национал-социалистического союза юристов, что в прочитанной на ней лекции было сделано ошибочное утверждение о том, что, помимо других ведущих членов “австрийской школы” экономики, даже ее лидер Карл Менгер, в частности, был евреем. Из письма следует, что профессор фон Хайек, занимаясь подготовкой собрания сочинений Карла Менгера при поддержке Лондонской школы экономики, — при написании введения к этому собранию сочинений — установил, на основании документов, принадлежащих сыну Менгера, что Карл Менгер и по отцовской, и по материнской линии, происходил из семей, проживавших в различных областях немецкой Богемии, что можно проследить по церковным записям до XVII—XVIII веков». — *Ред.*]

крестьян, которая в этой части Австрии сохранилась дольше, чем где-либо еще в Европе, за исключением России. Со своими двумя братьями — Антоном, позднее написавшем известные работы о праве и социализме, автором «Права на весь продукт труда» и коллегой Карла по факультету права в Венском университете, и Максом, известным членом австрийского парламента и автором работ по социальным проблемам, — он поступил в Венский (1859—1860) и Пражский университеты (1860—1863). После получения докторской степени в Краковском университете он поначалу посвятил себя журналистике, занимаясь написанием статей в Лемберг, а затем и в Вену по экономическим вопросам¹⁹. Через несколько лет он поступил на службу в пресс-бюро австрийского кабинета министров, которое всегда занимало совершенно особое положение в австрийской государственной службе и привлекало множество талантливых людей²⁰.

Визер сообщает, что Менгер однажды сказал ему, что одной из его обязанностей было написание обзоров состояния рынка для официальной газеты *Wiener Zeitung* и что при изучении отчетов о состоянии рынка его поразило явное противоречие между традиционными теориями цен и фактами, которые опытные практики считали решающими для установления цен. Было ли это истинной причиной, которая побудила Менгера заняться изучением ценообразования, или же, что кажется более вероятным, это только придало определенную направленность исследованиям, которые он вел после окончания учебы в университете, мы не знаем. Но почти не приходится сомневаться, что между 1867—1868 годами и временем выхода в свет *Grundsätze* ему пришлось усиленно работать над этими проблемами, откладывая публикацию до тех пор, пока система не сложится полностью в его сознании²¹.

Говорят, что, по его словам, он писал *Grundsätze* в состоянии нездорового воодушевления. Едва ли это может означать, что эта книга была продуктом внезапного вдохновения, что она была задумана и написа-

¹⁹ В это время Менгер принял участие в основании ежедневной газеты *Wiener Tagblatt*, вместо которой вскоре, однако, стала выходить *Neue Wiener Tagblatt*, на протяжении десятилетий остававшаяся одной из наиболее влиятельных венских газет. Менгер сохранил тесные связи с редактором последней Морцем Шепсом, и зачастую неподписанные статьи в этой газете приписывались Менгеру.

²⁰ [В своей небольшой статье о Менгере в «Международной энциклопедии социальных наук» Хайек пишет, что эта «должность часто служила трамплином к высшим постам государственной службы». — *Ред.*]

²¹ Дошедшие до нас ранние рукописные заметки по теории стоимости датируются 1867 годом.

на в большой спешке. Редко встречаются более тщательно продуманные книги; и редко первое изложение идеи бывает более глубоко проработанным во всех отношениях. Небольшая книга, вышедшая в свет в начале 1871 года, должна была стать первой, вводной частью всестороннего трактата. Фундаментальные вопросы, по которым он расходился с общепринятыми взглядами, рассматривались в ней в той полноте, которая была необходима для того, чтобы убедить автора в том, что он отталкивался от безупречно прочной основы. Проблемами, рассматривавшимися в этой «Первой, общей части», как гласила надпись на титульном листе, были общие условия экономической деятельности, обмена, цен и денег. Из рукописных заметок, о которых его сын²² сообщил более полувека спустя при подготовке вступительной статьи ко второму изданию, мы знаем, что вторая часть должна была быть посвящена «проценту, заработной плате, ренте, доходу, кредиту и бумажным деньгам», третья «прикладная» часть — теории производства и торговли, а четвертая — критике существующей экономической системы и предложениям по экономической реформе.

Его основной целью, как он заявляет в «Предисловии»²³, было создание единой теории цен, которая объясняла бы все связанные с ними явления, а также процент, заработную плату и ренту при помощи одной главной идеи. Но более половины тома посвящено вопросам, которые только подготавливали решение главной задачи, — понятию, которое определило своеобразие новой школы, т. е. ценности в ее субъективном, личном смысле. И даже этого невозможно достичь без всестороннего рассмотрения основных понятий, необходимых для экономического анализа.

Здесь явно прослеживается влияние ранних немецких авторов с их склонностью к несколько педантичным классификациям и пространному определению понятий. Но в руках Менгера проверенные временем «основополагающие понятия» традиционных немецких учебников обретают новую жизнь. Вместо сухого перечисления и определения они становятся мощным инструментом анализа, в котором каждый последующий шаг неизбежно вытекает из предыдущего. И хотя изложению Менгера

²² [Карл Менгер-младший (1902–1985) — математик и профессор Венского университета; позднее он преподавал в университете Нотр Дам и Иллинойском технологическом институте в Чикаго. Его статью об «Австрийском маржинализме и математической экономике» см.: *Carl Menger and the Austrian School of Economics*, op. cit. — Ped.]

²³ См.: *Gesammelte Werke*, op. cit., vol. 1, pp. x и 143n. [Р. 49 и 173 в английском издании 1981 года, *Principles of Economics*, op. cit; далее в этой статье в скобках приводятся на *Gesammelte Werke*, vol. 1. — Ped.]

все же недостает многих более впечатляющих фраз и изящных формулировок, встречающихся в работах Бём-Баверка и Визера, по своему содержанию оно не уступает, а во многих отношениях даже превосходит такие более поздние работы.

Цель этой статьи состоит не в связном изложении аргументации Менгера. Ведь есть несколько менее известные и подчас поразительные аспекты его трактовки, которые заслуживают особого рассмотрения. Австрийская школа, вопреки распространенному представлению, при рассмотрении технической структуры производства всегда уделяла особое внимание тщательному изучению причинной связи между человеческими потребностями и средствами их удовлетворения, которое с первых страниц подводит его к признанному ныне разграничению благ первого, второго и третьего порядка и столь же известной идее комплиментарности различных благ, а наиболее очевидным систематическим выражением этого служит разработка *vorwerttheoretischer Teil*, предвосхищающей рассмотрение теории ценностей в поздней работе Визера «Теория социальной экономики».

Еще более примечательна выдающаяся роль, которую с самого начала играет элемент времени. Распространено представление, что ранние представители современной экономической науки склонны были пренебрегать этим фактором. В отношении основателей математического описания современной теории равновесия²⁴ такое впечатление, вероятно, оправданно. Иначе обстоит дело с Менгером. Для него экономическая деятельность, по сути, представляет собой планирование будущего, и его рассмотрение периода или скорее различных периодов, на которые простирается человеческое предвидение различных потребностей²⁵, вполне современно по своему подходу.

Сейчас трудно поверить, что именно Менгер первым предложил в качестве основания для различия между бесплатными и экономическими благами идею редкости. Но, как он сам замечал²⁶, хотя эта идея не была известна в английской литературе, все немецкие авторы, которые использовали ее до него, и особенно Херманн, пытались положить в основу такого различия наличие или отсутствие издержек в смысле приложения усилий. Но весьма примечательно, что хотя весь анализ Менгера основывается на идее редкости, сам этот термин нигде не используется. «Недостаточное количество» или *«das ökonomische Mengenverhältnis»* — самое точное, но несколько тяжеловесное словосочетание, которое он использовал вместо него.

²⁴ [Джевонс, Вальрас и Вильфредо Парето. — *Ред.*]

²⁵ См.: *Gesammelte Werke*, op. cit., vol. 1, pp. 34–36 [79–82].

²⁶ *Ibid.*, p. 70n [109, 291–292].

Отличительная особенность его работы в целом заключается в том, что он уделяет больше внимания осторожному описанию явления, а не наделению его коротким и подходящим названием. Из-за этого его изложение часто лишается желаемой выразительности. Но это также позволяет ему избежать некоторой односторонности и склонности к упрощению, к которой так легко ведут краткие формулировки. Классическим примером этого, конечно, является тот факт, что Менгер не был автором и, насколько мне известно, никогда не использовал термин «предельная полезность», введенный Визером, а всегда объяснял понятие ценности при помощи несколько неуклюжей, но точной фразы — «значение, которое для нас имеют конкретные блага или количества благ вследствие того, что в удовлетворении своих потребностей мы сознаем зависимость от наличия их в нашем распоряжении», и определял величину этой ценности значением, придаваемым наименее важному удовлетворению, получаемому от имеющейся единицы этого блага²⁷.

Еще один, возможно, менее важный, но не менее показательный пример неприятия Менгером сжатого выражения в одной-единственной формуле встречается еще раньше при рассмотрении снижения остроты потребностей индивида с ростом насыщения. Этот психологический факт, который позднее получил название «закона насыщения потребностей Госсена», занял, пожалуй, чересчур большое место в изложении теории ценности и даже был назван Визером главным открытием Менгера, занимает в системе Менгера более подобающее ему второстепенное положение в качестве одного из факторов, которые позволяют нам упорядочивать различные чувственные потребности человека в порядке их значимости.

Взгляды Менгера удивительно современны еще в одном и более интересном вопросе, связанном с чистой теорией субъективной ценности. Хотя иногда он говорит об измеримости ценности, его изложение позволяет понять, что он имеет в виду только то, что ценность любого блага может быть выражена через сопоставление с другим благом такой же ценности. Что касается чисел, которые он использует при рассмотрении шкалы полезности, он четко говорит, что они призваны отражать не абсолютное, а только относительное значение потребностей²⁸, а сами примеры, которые он приводит в своем изложении, ясно дают понять, что он считает их не количественными, а порядковыми величинами²⁹.

²⁷ См.: *Ibid.*, p. 78, и ср.: p. 99 [115 и 132].

²⁸ См.: *Ibid.*, pp. 163–171 [183–190].

²⁹ См.: *Ibid.*, p. 92 [125]. Из других особенностей трактовки Менгером общей теории ценности можно упомянуть его постоянное подчеркивание необходимости

Помимо общего принципа, который позволил ему положить в основу объяснения ценности полезность, еще одним важным вкладом Менгера, возможно, является его применение этого принципа к случаю, когда для удовлетворения потребности требуется более одного блага. Именно здесь скрупулезный анализ причинной связи между благами и потребностями приносит свои плоды. Даже сегодня почти не осознают, что Менгер решил проблему распределения полезности конечного продукта между несколькими сочетающимися благами высшего порядка — проблему вменения, как она позднее была названа Визером, — при помощи достаточно развитой теории предельной производительности. Он явно проводит различие между случаями переменных и постоянных пропорций между двумя или более факторами, которые могут быть использованы при производстве любого блага. И он решает проблему в первом случае, отмечая, что такие различные факторы производства, которые могут замещать друг друга для получения того же дополнительного количества продукта, имеют равную ценность, а в случае с постоянными пропорциями он отмечает, что ценность различных факторов определяется их полезностью при ином использовании³⁰.

В этой первой части книги, посвященной изложению теории субъективной ценности и вполне сопоставимой с более поздними изложениями Визера, Бём-Баверка и других, в изложении Менгера присутствует только один серьезный изъян. Теорию ценности вряд ли можно назвать полной и достаточно убедительной, если роль, которую играют издержки производства в определении относительной ценности различных благ, не получает четкого объяснения. В самом начале своего изложения Менгер отмечает, что он сознает проблему и обещает решить ее позднее. Но обещание так и не было выполнено. Изложить закон альтернативных издержек довелось Визеру («закон Визера»): закон, согласно которому другие направления использования, соперничающие за факторы производства, так будут ограничивать количества, доступные какому-то одному направлению производства, что ценность продукта не упадет ниже суммы ценностей, которая может быть получена этими факторами при производстве в других направлениях.

классификации различных товаров по экономическим, а не техническим основаниям (pp. 115–117 [142–144] и примечание на p. 130 [303–305]), его предвосхищение доктрины Бём-Баверка о недооценке будущих потребностей (pp. 122, 127–128 [148, 152–154]), а также тщательный анализ процесса накопления капитала, вследствие которого первоначально бесплатные факторы производства превращаются в редкие блага.

³⁰ *Ibid.*, pp. 138–142 [162–165].

Иногда говорят, что Менгер и его школа были так довольны своим открытием законов, определяющих ценность в экономике индивида, что были даже готовы быстро и чересчур упрощенно применить те же законы к объяснению цены. Такое утверждение в какой-то мере оправданно, когда дело касается работ некоторых последователей Менгера, особенно молодого Визера. Но этого, безусловно, нельзя сказать о работах самого Менгера. Его изложение полностью подчинено правилу, которому позднее придавал такое значение Бём-Баверк, что любое удовлетворительное объяснение цены должно состоять из двух отдельных составляющих, причем объяснение субъективной ценности является только одной из них. Оно составляет основу для объяснения причин и границ обмена между двумя или более людьми. В этом отношении показательно менгеровское решение в *Grundsätze*. Глава об обмене, которая стоит перед главой о ценах, делает влияние ценности в субъективном смысле на объективные отношения обмена вполне понятным и без утверждения большей, чем может быть оправдано исходными посылками, степени соответствия между ними.

Сама глава о ценах с ее тщательным рассмотрением того, как относительные представления о ценности индивидуальных участников обмена влияют на отношения обмена в случае изолированного обмена между двумя людьми в условиях монополии и, наконец, в условиях конкуренции, представляет собой, наверное, наименее известный вклад *Grundsätze*. Тем не менее, только при чтении этой главы сознаешь сущностное единство его мысли, ясную цель, которая направляет его изложение с самого начала и до конца.

Что касается последних глав, где рассматривается влияние производства на рынок, научное значение термина «товар» (*Ware*) в отличие от его обыденного значения, различия в степени их способности к сбыту, и, наконец, денег, то в этом отношении сказать почти нечего. Идеи, содержащиеся здесь, и разрозненные замечания о капитале, содержащиеся в предыдущих разделах, были только первыми набросками, которые получили развитие в более поздних публикациях. И хотя они оказали серьезное влияние, известными они стали только благодаря более позднему и более подробному изложению.

Такое подробное рассмотрение здесь содержания *Grundsätze* может быть оправдано выдающимся положением этой работы среди публикаций Менгера, а по сути и среди всех работ, заложивших основы современной экономической науки. Возможно, в этой связи уместно процитировать суждение ученого, лучше всего способного оценить относительные достоинства различных вариантов современной школы, Кнута Викселла, который первым наиболее успешно соединил то лучшее, что было в

учениях различных групп. По его словам, «своей славой он обязан этой работе и благодаря ей его имя дойдет до потомков, поскольку можно с уверенностью сказать, что после “Начал” Рикардо не было ни одной книги — даже с учетом блестящих, хотя и довольно афористичных достижений Джевонса и необычайно трудной работы Вальраса, — которая оказала бы на развитие экономической науки такое большое влияние, как *Grundsätze* Менгера»³¹.

Но сам прием этой книги едва ли можно назвать восторженным. Ни один из рецензентов в немецких журналах, кажется, так и не понял значения ее основного вклада.³² У себя на родине попытки Менгера получить на основании этой работы право чтения лекций в Венском университете увенчались успехом лишь после преодоления определенных трудностей. Едва ли он знал, что перед тем, как он начал читать свои лекции, университет окончили два молодых человека, которые сразу увидели в ней «архимедову точку опоры», как назвал ее Визер, позволяющую совершить переворот в существующих системах экономической теории. Бём-Баверк и Визер, его первые и наиболее восторженные последователи, никогда не были его непосредственными учениками, и их попытка популяризировать учение Менгера на семинарах ведущих представителей старой исторической школы — Книса, Рошера и Гильдебранда — не принесла никаких плодов³³. Но постепенно влияние Менгера у себя в стране возросло. Вскоре после его повышения на должность экстраординарного профессора Менгер (в 1873 году) оставил свое место в канцелярии пре-

³¹ Knut Wiksell, «Carl Menger», op. cit., p. 118.

³² За исключением, возможно, рецензии Хака в *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*, vol. 28, 1872, pp. 183–184, который не только отметил превосходное качество работы и новизну использованного в ней метода, но также указал, в отличие от Менгера, что экономически значимые отношения между благами и потребностями представляют собой отношения не между причиной и следствием, а между средствами и целями.

³³ Возможно, не такой уж неуместной будет здесь попытка исправить ошибочное впечатление, которое может создаться вследствие утверждения Альфреда Маршалла, что в 1870–1874 годах, когда он подробно излагал свою теоретическую позицию, «Бём-Баверк и Визер еще сидели за партой в школе...» (*Memorials of Alfred Marshall*, ed. A.C. Pigou (London: Macmillan, 1925), p. 417). В 1872 году оба они закончили учебу в Венском университете и поступили на государственную службу, а в 1876 году уже смогли изложить на семинаре Книса в Гейдельберге основные элементы своего учения. [Карл Книс (1821–1898) преподавал в Гейдельбергском университете с 1865 по 1896 год; Бруно Гильдебранд (1812–1878) преподавал в Йенском университете. — *Ред.*]

мьер-министра к большому удивлению его начальника Адольфа Ауэрсперга, который не мог понять, как кто-то может хотеть поменять должность, открывающую широкие перспективы для удовлетворения больших амбиций, на академическую карьеру³⁴. Но это еще не было последним «прощай!» миру политики. В 1876 году Менгер был назначен учителем несчастного кронпринца Рудольфа, которому тогда было восемнадцать лет от роду, и сопровождал его в длительных поездках по Европе, включая Англию, Шотландию, Ирландию, Францию и Германию³⁵. После своего возвращения в 1879 году он возглавил кафедру политической экономии в Вене и погрузился в спокойную и размеренную жизнь ученого, которая была столь характерной для второй половины его долгой жизни.

К этому времени идеи его первой книги — в этот промежуточный период он не опубликовал ничего, если не считать нескольких небольших рецензий, — начали привлекать широкое внимание. Заслуженно или нет, но в случае с Джевонсом и Вальрасом именно математическая форма, а не содержание их учения, по-видимому, была их главным нововведением и составляла основное препятствие для его принятия. Но для понимания менгеровского изложения новой теории ценности подобных препятствий не было. В течение первого десятилетия после публикации книги ее влияние стало стремительно распространяться. В то же самое время Мен-

³⁴ К тому времени Менгер уже отверг предложения стать профессором университетов в Карлсруэ (1872) и Бадене (1873), а немного позднее отклонил также должность профессора в Цюрихском политехническом институте с перспективой получения должности постоянного профессора в Университете.

³⁵ [Кронпринц Рудольф (1858–1889), сын Франца-Иосифа I (1830–1916), в январе 1889 года совершил самоубийство, будто бы из-за пессимистической оценки политического будущего Австрии (хотя его настоящие мотивы неизвестны). Только недавно стало известно, чему Менгер учил Рудольфа в области экономической науки и политики, благодаря находке неопубликованных тетрадей кронпринца с лекциями Менгера. О содержании этих тетрадей см.: Eric Streissler, «Carl Menger on Economic Policy: The Lectures to Crown Prince Rudolph», *op. cit.* Как ни странно, Рудольфу, по-видимому, читался курс классической политической экономии — Адам Смит в толковании Карла Генриха Пау и Ф.В.Б. Херманна — безо всякого упоминания о революционных идеях, содержащихся в *Grundsätze*. Хайек также сообщает в своей статье о Менгере в «Международной энциклопедии социальных наук», что Менгер, «по-видимому, помог кронпринцу в составлении памфлета (анонимно опубликованного в 1878 году), в котором критически оценивалась роль высшей австрийской аристократии. Когда в 1906 году, спустя семнадцать лет после смерти эрцгерцога, открылось его авторство, это вызвало некоторое замешательство». — *Ред.*]

гер приобрел репутацию отличного преподавателя, и его лекции и семинары стали посещать все больше студентов, многие из которых впоследствии стали уважаемыми экономистами. Помимо уже названных, среди ранних членов его школы особого упоминания заслуживают Эмиль Сакс и Иоанн фон Коморжинский, а также его студенты — Роберт Мейер, Роберт Цукеркандль, Густав Гросс, а чуть позже Германн фон Шуллерн цу Шраттенхофен, Рихард Рейсх и Рихард Шуллер.

Но если в Австрии шел процесс формирования новой школы, то в Германии — больше, чем в других странах — отношение к экономистам было враждебным. Именно тогда в Германии получила наибольшее влияние молодая историческая школа под руководством Шмоллера. На смену обремененному традиции *Volkswirtschaftliche Kongress* пришел вновь созданный *Verein für Sozialpolitik*³⁶. Курсы экономической теории в германских университетах читались все реже. Таким образом, работе Менгера не было уделено должного внимания не потому, что немецкие экономисты считали, что он ошибался, а потому, что они считали предложенный аналитический подход бесполезным.

Вполне естественно, что в таких условиях Менгер считал более важным не продолжение работы над *Grundsätze*, а защиту избранного им метода от притязаний исторической школы на обладание единственным подходящим инструментом исследования. Именно этими обстоятельствами обусловлено появление его второй большой работы — *Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere*³⁷. Необ-

³⁶ [*Verein für Sozialpolitik* (Союз социальной политики) был создан для проведения социальной и экономической реформы законодательным путем, в отличие от либеральной политики групп, наподобие *Volkswirtschaftliche Kongress*. См.: Franz Boese, *Geschichte des Vereins für Sozialpolitik* (Berlin: Duncker und Humbolt, 1939). — *Ред.*]

³⁷ Carl Menger, *Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der politischen Oekonomie insbesondere*, *op. cit.* В своей статье о Менгере в «Международной энциклопедии социальных наук» Хайек пишет о его работе (называя ее по заглавию первого английского издания): «В... “Проблемах экономики и социологии”... [Менгер] попытался обосновать важность теории для социальных наук. Такое предприятие казалось ему необходимым из-за полного безразличия или даже враждебности большинства его немецких коллег, находившихся под влиянием антитеоретического подхода молодой исторической школы в экономике, к его попытке в “Основаниях” пересмотреть всю экономическую теорию.

Чтобы понять цель “Проблем” и природу споров, вызванных этой работой, необходимо сознавать характер школы, против которой она была направле-

ходимо помнить, что в 1875 году, когда Менгер начал работу над этой книгой, и даже в 1883 году, когда она была опубликована, еще не начали выходить работы его учеников, которые привели к четкому закреплению позиций школы, и что он вполне мог считать, что дальнейшие усилия окажутся тщетными, пока не будет разрешен принципиальный вопрос.

В каком-то смысле, *Untersuchungen* представляют собой не меньшее достижение, чем *Grundsätze*. В полемике против притязаний исторической

на. Название “молодая историческая школа” может вводить в заблуждение: в отличие от фон Савиньи и “старой исторической школы” в экономике эту “молодую” школу интересовала не история как исследование уникальных событий, а историческое исследование как эмпирический подход, ведущий, в конечном итоге, к теоретическому объяснению социальных институтов. Благодаря изучению исторического развития, она надеялась прийти к выявлению законов развития социального целого, которые, в свою очередь, позволяли вывести исторические законы каждого этапа этого развития. Это была разновидность позитивистско-эмпирического подхода, которая позднее была принята американскими институционалистами и которая отличалась от схожих недавних попыток только недостаточно серьезным использованием статистических методов, и которую, вслед за Поппером, лучше всего называть историцизмом.

Именно от такого использования истории как средства обнаружения эмпирических законов Менгер пытался защитить то, что он считал основной задачей теории — воссоздание структуры социального целого из его частей при помощи процедуры, которую Шумпетер называл “методологическим индивидуализмом”, а сам Менгер — “композитивным методом”. По сути, речь шла о том, что сегодня называют микротеорией. Менгера всерьез интересовали история и генезис институтов, и он старательно подчеркивал различие между задачами теории и задачами истории и прилагал все усилия, чтобы не допустить смешения их методов. Проведенное им различие позднее оказало значительное влияние на работы [Генриха] Риккерта и Макса Вебера. Возможно, наиболее важной заслугой его исследования было четкое осознание, во-первых, того, что задача всей социальной теории заключается в прослеживании того, что теперь обычно называют непреднамеренными последствиями отдельных действий (Менгер использовал термин *unbeabsichtigte Resultante*), и, во-вторых, того, что в этом предприятии генетические и функциональные аспекты нельзя разделять (*Untersuchungen*, op. cit., 1963). При разъяснении и иллюстрации своей точки зрения он выходит далеко за пределы экономики и уделяет особое внимание возникновению права.

Природа спора зачастую затемнялась тем обстоятельством, что Менгер, выступая против того, что он считал господствующей псевдоисторической шко-

школы на исключительное право толкования экономических проблем с этой книгой вряд ли что-то может сравниться. Менее ясно, можно ли столь же высоко оценить ее положительное изложение теоретического анализа. Если бы Менгер был известен только благодаря этой работе, сожаление, которое иногда высказывают его поклонники, что он отошел от своих работ по конкретным проблемам экономики, имело бы смысл. Это не значит, что его рассуждения о характере теоретического или абстрактного метода не имели большого значения или влияния. Возможно, эта книга — больше, чем какая-либо другая, — способствовала прояснению особого характера научного метода в социальных науках и оказала огромное влияние на профессиональных «методологов» среди немецких философов. Но мне, во всяком случае, кажется, что ее основное значение для современного экономиста заключается в необычайно глубоком понимании природы социальных явлений, которое обнаруживается при рассмотрении указанных проблем для иллюстрации различных методов и при рассмотрении развития идей, с которыми должны работать социальные науки. Рассмотрение несколько устаревших взглядов, например органического или, точнее, физиологического толкования социальных явлений, позволяет ему прояснить истоки и характер социальных институтов, что может представлять интерес для современных экономистов и социологов.

Один из основных тезисов книги следует рассмотреть более подробно: подчеркивание необходимости строго индивидуалистического или, как он обычно говорил, атомистического метода анализа. Один из наиболее выдающихся последователей Менгера отмечал, что «сам он всегда оставался индивидуалистом в смысле классической экономической науки, чего нельзя сказать о его последователях». Вряд ли такое утверждение применимо больше, чем к паре случаев. Но в любом случае в нем явно недооценивается метод, использованный Менгером. То, что у классических экономистов оставалось некой смесью этических постулатов и методологических инструментов, было систематически развито им в последнем направлении. И если внимание к субъективной составляющей в работах представителей австрийской школы полнее и убедительнее, чем в работах представителей любой другой школы современной экономической

лой в экономической науке, придерживался идей, заимствованных у исторической школы в правоведении. Эти идеи восходят к Мандевиллю, Дэвиду Юму и шотландским философам конца XVIII века, хотя не вполне ясно, насколько хорошо Менгер был знаком с этими источниками XVIII века. Стоит отметить, что Менгер всегда интересовался историей экономической теории и искусно использовал ее в своих лекциях в качестве введения к проблемам современной экономической теории». — *Ред.*]

науки, то этим они во многом обязаны блестящему обоснованию, приведенному Менгером в этой книге.

Его первая книга не привлекла внимания немецких экономистов. Но он не мог пожаловаться на недостаток внимания ко второй его книге. Резкая критика единственного признанного учения сразу же привлекла к себе внимание и вызвала среди прочих враждебных отзывов необычайно враждебную менторскую отповедь главы школы Густава Шмоллера³⁸. Менгер принял вызов и ответил страстным памфлетом *Irrthümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie*³⁹, написанным в форме писем к другу, где он безжалостно громил позиции Шмоллера. С точки зрения содержания, в памфлете не было ничего нового по сравнению с *Untersuchungen*. Но он отличался необычайной силой и блеском изложения, которой Менгер смог достичь, занимаясь не построением сложной академической аргументации, а участием в открытом споре.

Вслед за учителями к спору вскоре подключились также ученики. Создалась редко встречающаяся в научном споре обстановка враждебности. С австрийской точки зрения направленность спора определил сам Шмоллер, который после выхода памфлета Менгера пошел на беспрецедентный шаг и объявил в своем журнале, что, хотя он получил экземпляр книги для рецензии, он не смог оценить ее, потому что сразу же вернул ее автору, и воспроизвел оскорбительное письмо, приложенное к возвращенной книге⁴⁰.

³⁸ Gustav Schmoller, «Zur Methodologie der Staats- und Sozialwissenschaften», *Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im deutschen Reich*, 1883. При переиздании этой статьи наиболее оскорбительные отрывки были изъяты: Gustav Schmoller, *Zur Literaturgeschichte der Staats- und Sozialwissenschaften* (Leipzig: Duncker und Humblot, 1888).

³⁹ *Irrthümer des Historismus in der deutschen Nationalökonomie* (Vienna: A. Hölder, 1884). — Ped.]

⁴⁰ «Редактор *Jahrbuch* не в состоянии отрецензировать книгу, поскольку она немедленно была возвращена автору со следующим посланием: “Уважаемый господин, я получил посланную вами работу “Ошибки историцизма в немецкой экономической науке”. К ней было приложено извещение: “От автора”, поэтому я должен поблагодарить Вас лично за то, что Вы послали мне ее. Какое-то время назад мне сказали, что она, в сущности, представляет собой прямую атаку на меня, а поверхностный просмотр первой же страницы полностью подтвердил это. Хотя я должен поблагодарить Вас за внимание и желание просветить меня, я полагаю, что мне следует оставаться верным своим принципам в этой литературной борьбе. Поэтому я должен рассказать Вам о них и посоветовать Вам следовать им; они помогут Вам сберечь много времени и нервов. Я выбрасываю все такие

Чтобы понять, почему проблемы соответствующих методов больше всего волновали Менгера до конца его жизни, нужно представить, какие страсти вызывал этот спор и что означал для Менгера и его последователей разрыв с господствующей немецкой школой. Шмоллер дошел до публичных заявлений о том, что члены «абстрактной» школы не соответствовали занимаемым ими должностям в немецких университетах, а его влияние было достаточно сильным, чтобы сместить сторонников учения Менгера с академических постов в Германии. И через тридцать лет после завершения спора влияние новых идей, которые теперь торжествуют повсюду, затрагивало Германию меньше, чем любую другую страну мира.

Но, несмотря на такие нападки, за шесть лет — с 1884 по 1889 год — вышел целый ряд книг, которые окончательно закрепили в мире репутацию австрийской школы. Бём-Баверк уже в 1881 году опубликовал свое небольшое исследование *Rechte und Verhältnisse vom Standpunkt der wirtschaftlichen Güterlehre*, но только с одновременным выходом его работы о капитале *Geschichte und Kritik der Kapitalzintheorien* и *Ursprung und Hauptgesetze des wirtschaftlichen Wertes* Визера в 1884 году стало очевидно, насколько сильное подкрепление получило учение Менгера в этом лагере. Из этих двух работ более важной для дальнейшего развития основных идей Менгера, несомненно, была работа Визера, поскольку в ней содержалось исследование явления издержек, известное теперь как визеровский закон издержек, о котором уже шла речь ранее. Но еще через два года вышла работа Бём-Баверка *Grundzüge einer Theorie des wirtschaftlichen Güterwertes*⁴¹, которая, хотя и не добавила ничего особенно нового к работам Менгера и Визера, но благодаря огромной убедительности и четкости аргументации больше любой другой работы способствовала популяризации доктрины предельной полезности. В 1884 году

личные нападки на меня, не читая, в печь или в мусорную корзину, особенно когда я уже не жду от автора ничего хорошего. Поэтому я никогда не пытаюсь докучать публике литературными войнами в полемической манере многих немецких профессоров. Но мне бы не хотелось быть грубым с Вами и уничтожить так замечательно изданную небольшую книгу. Поэтому я с благодарностью возвращаю ее Вам в надежде, что Вы найдете ей лучшее применение. Я буду очень признателен Вам за дальнейшие нападки. Ибо «в большой вражде — много чести». Искренне Ваш, Г. Шмоллер»».

⁴¹ Первоначально она была опубликована в виде нескольких статей у Конрада: *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 1886; затем она была переиздана в 1932 году в 11-м номере *Series of Reprints of Scarce Tracts in Economics and Political Science*, выпускаемой Лондонской школой экономики.

два непосредственных ученика Менгера Виктор Матайя и Густав Гросс опубликовали свои интересные работы о прибыли, а Эмиль Сакс выпустил небольшое, но очень качественное исследование по вопросу о методе, в котором он поддержал Менгера в его основном послыле, хотя и критиковал некоторые детали⁴². В 1887 году публикацией своей работы *Grundlegung der theoretischen Staatswirtschaft*, первой и наиболее полной попытки применить принцип предельной полезности к проблеме государственных финансов, Сакс внес свой основной вклад в развитие австрийской школы, и в том же году своим исследованием близкой проблемы природы дохода о себе заявил еще один из ранних учеников Менгера Роберт Мейер⁴³.

Но самым «урожайным» был 1889 год. В этом году были опубликованы *Positive Theorie des Kapitalzins* Бём-Баверка, *Natürlicher Wert* Визера, *Zur Theorie des Preises* Цукеркандля, *Wert in der isolierten Wirtschaft* Коморжинского, *Neueste Fortschritte der Nationalökonomischen Theorie* Сакса и *Untersuchungen über Begriff und Wesen der Grundrente* Шуллерн-Шраттенхофена⁴⁴. В последующие годы много сторонников появилось также среди чешских, польских и венгерских экономистов из Австро-Венгерской монархии.

Возможно, наиболее успешным изложением учения австрийской школы на иностранном языке была «Чистая экономика» Маффео Панталеони, первое издание которой вышло в том же году⁴⁵. Из других

⁴² Viktor Mataja, *Unternehmungsgewinn* (Vienna: A. Hölder, 1884); G. Gros, *Die Lehre vom Unternehmungsgewinn* (Leipzig: Duncker und Humblot, 1884); Emil Sax, *Das Wesen und die Aufgaben der Nationalökonomie* (Vienna: A. Hölder, 1884).

⁴³ Robert Meyer, *Das Wesen des Einkommens* (Berlin: Hertz, 1887).

⁴⁴ В том же году два других венских экономиста Рудольф Ауспитц и Рихард Либен опубликовали свою работу «Исследования по теории цен», которая до сих пор остается одной из важнейших работ в области математической экономики. Но, несмотря на сильное влияние работ Менгера и его группы, они опирались скорее на основы, заложенные Курно и Тюненем, Госсеном, Джевонсом и Вальрасом, нежели на работы своих соотечественников.

⁴⁵ Maffeo Pantaleoni, *Principii di Economia Pura* (Florence: G. Barbera, 1889; второе издание — 1894; перевод на английский — London: Macmillan, 1898). Неправедливое обвинение Менгера в плагиате у Курно, Госсена, [Ричарда] Дженнингса и Джевонса, сделанное в итальянском издании, было устранено в английском издании, и позднее Панталеони исправил положение, осуществив перевод *Grundsätze* на итальянский и снабдив его своим предисловием: Maffeo Pantaleoni, *Principii fondamentali di economia pura, con prefazioni di Maffeo Pantaleoni* (Imola: P. Galeati, 1909, впервые опубликовано в виде приложения к: *Giornale degli Economisti* в 1906 и 1907 годах без предисловия Панталеони). Предисловие также пе-

итальянских экономистов идеи Менгера в большинстве своем или полностью были приняты Л. Коса, А. Грациани и Г. Маццола. Схожего успеха его идеи добились также в Голландии, где использование известным голландским экономистом Н. Г. Пирсоном учения о предельной полезности в его учебнике (1884–1890), опубликованном затем на английском языке под названием «Основы экономики», также оказало заметное влияние. Во Франции распространением нового учения занимались Шарль Жид, Е. Виллей, Шарль Секретан и М. Блок, а в Соединенных Штатах оно было тепло принято С. Н. Паттенном и Ричардом Эли. Даже первое издание «Принципов» Альфреда Маршалла⁴⁶, вышедшее в 1890 году, отражало намного большее влияние Менгера и его группы, чем могли представить себе читатели поздних изданий этой великой работы⁴⁷. А в следующие несколько лет Уильям Смит и Джеймс Бонар, которые еще до этого выказали свою приверженность австрийской школе, широко популяризировали ее работы в англоязычном мире⁴⁸. Но — и это возвращает нас к особому положению работы Менгера — теперь все более известными становились уже не столько его собственные работы, сколько работы его учеников. Основным объяснением этого было то, что тираж *Grundsätze* Менгера уже был распродан и книгу было трудно достать, а Менгер не давал разрешения ни на переиздание, ни на перевод. Он надеялся в скором времени предложить намного более проработанную «систему» экономической теории и уж во всяком случае не желал переиздавать работу без тщательной переработки. Но его внима-

реиздано и в итальянском переводе второго издания *Grundsätze*, о котором будет сказано ниже, опубликованном в Бари в 1925 году.

⁴⁶ [Маршалл А. *Принципы политической экономии*. Т. 1–3. М.: Прогресс, 1983–1984. — *Ред.*]

⁴⁷ Подтверждением этого служат также заметки, оставленные Маршаллом на полях его экземпляра *Grundsätze*, который хранится в библиотеке Маршалла в Кембридже. [В своей небольшой статье о Менгере в «Международной энциклопедии социальных наук» Хайек писал: «Его работа также оказала влияние на единственную важную конкурирующую школу того периода — неоклассическую кембриджскую традицию. Поначалу Альфред Маршалл, основатель кембриджской школы, изучал работы Менгера с куда большей прилежностью, чем можно себе представить по немногочисленным ссылкам на Менгера (большинство из которых было опущено в более поздних изданиях) в «Принципах» Маршалла». — *Ред.*]

⁴⁸ См., например: J. Bonar, «The Austrian Economists and Their View of Value», *Quarterly Journal of Economics*, vol. 3, October 1888, pp. 1–31, и «The Positive Theory of Capital», *ibid.*, vol. 3, April 1889, pp. 336–351.

ние отвлекали другие задачи, и осуществление этого замысла постоянно откладывалось.

Открытый спор Менгера со Шмоллером закончился в 1884 году. Но спор о методе продолжили другие, и поднимаемые в ходе него проблемы продолжали привлекать его внимание. В следующий раз открыто выступить по этим вопросам его подвиг выход в 1885 и 1886 годах нового издания шенберговского *Handbuch der politischen Ökonomie*, коллективного труда многих немецких экономистов, большая часть которых не придерживалась взглядов исторической школы, ставившего себе целью систематическое изложение всех вопросов политической экономии. Менгер отрецензировал эту работу для венского юридического журнала в статье, которая также вышла в виде отдельной брошюры под названием *Zur Kritik der politischen Ökonomie*⁴⁹. Ее вторая часть была посвящена главным образом рассмотрению классификации различных дисциплин, обычно объединяемых под названием «политическая экономия», — тема, которая через два года была рассмотрена более подробно в другой статье под названием *Grundzüge einer Klassifikation der Wirtschaftswissenschaften*⁵⁰. А в 1888 году он опубликовал одну из двух своих важных работ о сути, а не методологии экономической теории — *Zur Theorie des Kapitals*⁵¹.

Вполне очевидно, что появление этой статьи было вызвано несогласием с определением термина «капитал» в первой, исторической части работы Бём-Баверка «Капитал и процент». Рассмотрение не носит характер полемики. Книга Бём-Баверка упоминается только в положительном ключе. Но основная цель статьи явно состоит в отделении абстрактного понятия капитала как денежной ценности собственности, предназначенной для накопления, от смитовского понятия «произведенных средств производства». Его главный тезис, что различия в историческом происхождении благ с экономической точки зрения не имеют большого значения, а также акцент на необходимости четкого разграничения ренты, получаемой от уже существующих средств производства, и собственно процента, — до сих пор не получили должного внимания.

⁴⁹ См.: *Gesammelte Werke*, op. cit. vol. 3, pp. 99–131; сначала рецензия вышла в: *Zeitschrift für das Privat- und öffentliche Recht der Gegenwart*, vol. 14; отдельная брошюра: *Zur Kritik der politischen Ökonomie* (Vienna: A. Hölder, 1887).

⁵⁰ См. *Gesammelte Werke*, op. cit., vol. 3, pp. 185–218, и *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 1889.

⁵¹ См.: *Gesammelte Werke*, op. cit., vol. 3, pp. 133–183, и *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 1888; сокращенный перевод на французский, выполненный Шарлем Секретаном, вышел в том же году в *Revue d'Economie Politique* под названием «Contribution a la theorie du capital».

Примерно в то же самое время в 1889 году друзья почти убедили Менгера не откладывать и дальше публикацию нового издания *Grundsätze*. И хотя он уже написал новое предисловие к этому новому изданию (выдержки из которого были опубликованы более тридцати лет спустя его сыном во введении ко второму изданию), публикация, тем не менее, опять была отложена. В последующие два года его основное внимание было сосредоточено на целом ряде новых публикаций.

К концу 1880-х годов вечная проблема австрийских денег приняла такую форму, что серьезная и окончательная реформа стала казаться возможной и необходимой. В 1878–1879 годах падение цен на серебро привело к обесцениванию бумажных денег до серебряных и вскоре заставило отказаться от свободной чеканки серебряных денег; после этого стоимость австрийских бумажных денег постепенно выросла относительно серебра и колебалась относительно золота. Сложившаяся ситуация — во многих отношениях одна из наиболее интересных в истории денег — все более и более считалась неудовлетворительной, а поскольку финансовое положение Австрии впервые за долгое время казалось достаточно стабильным, все ожидали, что правительство займется решением этой проблемы. Кроме того, соглашение, заключенное с Венгрией в 1887 году, предусматривало незамедлительное создание комиссии для обсуждения подготовительных мер, необходимых для возобновления платежей в звонкой монете. После серьезной задержки, вызванной обычными политическими разногласиями между двумя частями дуалистической монархии, комиссия или, точнее, комиссии — одна для Австрии и одна для Венгрии — были созданы и созваны в марте 1892 года в Вене и Будапеште соответственно.

Обсуждение в *Währungs-Enquete-Commission*, наиболее заметным членом которой был Менгер, представляет значительный интерес не только из-за особой исторической ситуации, в которой она была вынуждена работать. В качестве основы ее работы австрийское министерство финансов с необычайной тщательностью подготовило три объемных меморандума, содержащих, возможно, наиболее полное из когда-либо публиковавшихся собрание документальных материалов по денежной истории предыдущего периода⁵². В состав комиссии, помимо Менгера, вошли также другие известные экономисты, например Сакс, Рихард Либен и Маттай, и многие журналисты, банкиры и промышленники, например Бе-

⁵² *Denkschrift über den Gang der Währungsfrage seit dem Jahre 1867; Denkschrift über das Papiergeldwesen der österreichisch-ungarischen Monarchie; Statistische Tabellen zur Währungsfrage der österreichisch-ungarischen Monarchie*. Все они были опубликованы министерством финансов в 1892 году.

недикт, Гертцка и Тауссиг, хорошо знакомые с денежными проблемами, а Бём-Баверк, служивший в министерстве финансов, был одним из представителей правительства и заместителем председателя. Задачей комиссии была не подготовка отчета, а рассмотрение и обсуждение взглядов ее членов по множеству вопросов, поставленных перед ними правительством⁵³. Эти вопросы касались основы будущих денег, вывода из оборота — в случае принятия золотого стандарта — существовавших серебряных и бумажных денег, обменного курса существовавшего бумажного флорина и золота и природы будущей денежной единицы.

Знание проблемы, а также дар ясного изложения, позволили Менгеру сразу же занять ведущие позиции в обсуждении, а его заявления привлекали такое широкое внимание, что однажды даже привели к временно-му спаду на фондовой бирже. Его вклад заключался не столько в обсуждении общего вопроса о выборе стандарта — здесь практически все члены комиссии были согласны с тем, что принятие золотого стандарта было единственно возможным решением, — сколько в тщательном рассмотрении практических проблем установления паритета и определения времени перехода. И во многом благодаря его оценке этих практических трудностей, связанных с переходом к новому денежному стандарту, и обзору различных соображений, которые необходимо принимать в расчет, его свидетельства по праву получили признание. И сегодня они представляют необычайный интерес, так как почти все страны столкнулись со схожими проблемами⁵⁴.

Работа о деятельности этой комиссии — первая в ряде работ, посвященных проблемам денег, — была законченным и зрелым результатом тщательного изучения этих вопросов. За один год было опубликовано больше работ, вышедших из-под пера Менгера, чем за любой другой период

⁵³ Ср.: *Stenographische Protokolle über die vom 8. bis 17. März 1892 abgehaltenen Sitzungen der nach Wien einberufenen Währungs-Enquete-Commission* (Vienna: k.k. Hofund Staatsdruckerei, 1892). Незадолго до начала работы комиссии Менгер изложил основные проблемы в публичной лекции: Carl Menger, «Von unserer Valuta», *Allgemeine Juristen Zeitung*, nos. 12–13, 1892.

⁵⁴ К сожалению, в рамках данной статьи невозможно уделить этому важному эпизоду в истории денег место, которого он заслуживает вследствие его тесной связи с Менгером и его школой и вследствие общего интереса обсуждавшихся проблем. Он вполне заслуживает специального исследования, и очень жаль, что не существует изложения истории тогдашних дискуссий и проводившихся мероприятий. Помимо официальных публикаций, упомянутых ранее, сочинения Менгера являются наиболее важным источником для такого исследования.

его жизни. Результаты изучения особых проблем Австрии были изложены в двух отдельных брошюрах. Первая, под названием *Beiträge zur Währungsfrage in Oesterreich-Ungarn*⁵⁵, посвященная истории и особенностям австрийской денежной проблемы и общему вопросу о принятии стандарта, представляет собой пересмотренное издание ряда его статей, которые вышли ранее в том же году в конрадовском *Jahrbücher* под другим названием⁵⁶. Вторая, названная *Der Uebergang zur Goldwährung, Untersuchungen über die Wertprobleme der österreichisch-ungarischen Valutareform*⁵⁷, рассматривает главным образом технические проблемы, связанные с принятием золотого стандарта, особенно вопросы установления правильного паритета и факторы, способные повлиять на курс валюты после завершения перехода.

Но в этом же году было опубликовано намного более общее исследование проблемы денег, которое не касалось напрямую вопросов, стоявших на повестке дня, и которое следует считать третьим и последним важным вкладом Менгера в экономическую теорию. Речь идет о статье, посвященной проблеме денег, в третьем томе публиковавшегося тогда первого издания *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*.⁵⁸ Именно его занятие широкими исследованиями, проводившимися при подготовке этого подробного изложения общей теории денег, исследования, занимавшие его в предшествующие два или три года, позволили Менгеру принять участие в обсуждении австрийских проблем. Его, конечно, всегда интересовали вопросы денег. Последняя глава *Grundsätze* и разделы *Untersuchungen über die Methode* содержат важные наблюдения, особенно по вопросу о происхождении денег. Следует также отметить, что, среди множества рецензий, которые Менгер писал в ежедневные газеты, особенно в молодости, в 1873 году были две, в которых подробно рассматривались «Очерки» Д. Э. Кернса о последствиях открытия месторождений золота: во многих отношениях поздние взгляды Менгера тесно связаны со взглядами Кернса.

Но хотя ранние работы Менгера, особенно предложенная им идея различных степеней «продаваемости» различных благ в качестве основы для понимания функции денег, обеспечили бы ему достойное место в истории учений о деньгах, именно его последняя крупная публикация стала основным вкладом в центральную проблему ценности денег. До появления работы профессора Мизеса двадцать лет спустя, ставшей прямым продолжением работы Менгера, эта статья оставалась основным вкладом

⁵⁵ См.: *Gesammelte Werke*, op. cit., vol. 4, pp. 125–187.

⁵⁶ «Die Valutaregulierung in Oesterreich-Ungarn», *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*, 1892.

⁵⁷ См.: *Gesammelte Werke*, op. cit., vol. 4, pp. 189–224.

⁵⁸ См.: *Ibid.*, vol. 4, pp. 1–116.

австрийской школы в теорию денег. Стоит немного остановиться на вопросе о сути этого вклада, ибо здесь по-прежнему существует значительное недопонимание. Существует мнение, что вклад австрийской школы заключался только в несколько механической попытке применить принцип предельной полезности к проблеме ценности денег. Но это не так. Основное достижение австрийцев в этой области состоит в последовательном использовании в теории денег субъективистского или индивидуалистического подхода, который на самом деле лежит в основе анализа предельной полезности, но который намного шире и имеет более универсальное значение. В этом и состоит заслуга Менгера. Его изложение значения различных теорий ценности денег, причин изменений и возможности измерения этой ценности, а также его исследование факторов, определяющих спрос на деньги, на мой взгляд, представляет собой значительный шаг вперед по сравнению с традиционным подходом количественной теории с точки зрения агрегатных и средних величин. И даже там, где, как в случае с привычным для него различием между «внутренней» и «внешней» ценностью денег (*innere und äußerer Tauschwert*), используемые термины несколько сбивают с толку — различие относится не к разнообразным видам ценности, как может показаться из терминологии, а к разнообразным силам, которые влияют на цены, — основная идея проблемы необычайно современна.

Перечень основных работ Менгера, вышедших в свет при его жизни, неожиданно обрывается на публикациях 1892 года⁵⁹. В последние три десятилетия его жизни он опубликовал только несколько небольших статей, полный перечень которых приведен в библиографии его работ в конце последнего тома его собрания сочинений. Еще несколько лет эти публикации были посвящены главным образом вопросам денег. Из них особого упоминания заслуживают лекция *Das Goldagio und der heutige Stand der Valutareform* [1893]⁶⁰, статья о деньгах и чеканке монеты в Австрии после 1857 года в *Österreichische Staatswörterbuch* [1897] и особенно полностью пересмотренная публикация его статьи о деньгах в четвертом томе второго издания *Handwörterbuch der Staatswissenschaften* [1900]⁶¹. Последние пуб-

⁵⁹ Помимо упомянутых здесь работ в том же году были опубликованы статьи на французском и английском языках: Carl Menger, «La Monnaie Mesure de la Valeur», *Revue d'Economie Politique*, vol. 6, 1892; Carl Menger, «On the Origin of Money», *Economic Journal*, vol. 2, 1892, pp. 239–255.

⁶⁰ См. *Gesammelte Werke*, op. cit., vol. 4, pp. 308–324.

⁶¹ Переиздание той же статьи в четвертом томе третьего издания *Handwörterbuch* [1909] содержит лишь небольшие стилистические изменения по сравнению со второй редакцией.

ликации в основном носят характер рецензий, биографических заметок и предисловий к работам его учеников. Последняя опубликованная статья Менгера представляет собой некролог его ученику Бём-Баверку, скончавшемуся в 1914 году.

Причина такой кажущейся бездеятельности понятна. Менгер решил полностью сосредоточиться на основных поставленных для себя задачах — на долго откладывавшейся систематической работе по экономической теории и на всестороннем исследовании природы и методов социальных наук в целом. На завершение этой работы были направлены его основные усилия; в конце 1890-х годов он рассчитывал осуществить публикацию в ближайшем будущем, причем в значительной части работа уже была готова. Но его интересы и охват намеченной работы продолжали расширяться. Менгер считал необходимым перейти и другим дисциплинам. Философия, психология и этнография⁶² отнимали все больше и больше его времени, и публикация его работы вновь и вновь откладывалась. В 1903 году в сравнительно раннем возрасте — ему тогда было 63 года — Менгер оставил кафедру для того, чтобы полностью посвятить себя своей работе.⁶³ Но он постоянно был чем-то недоволен и продолжал работу над рукописью вплоть до своей смерти в 1921 году в возрасте восьмидесяти одного года. Изучение его рукописей показало, что в какое-то время значительная часть работы уже была готова к публикации. Но даже после того, как силы начали покидать его, он продолжал пересматривать и переделывать рукописи столь серьезно, что всякая попытка восстановления будет очень трудной, если не невозможной задачей. Некоторые материалы, имевшие отношение к предмету *Grundsätze* и частично предназначенные для нового издания этой работы, были включены его сыном во второе издание, опубликованное в 1923 году⁶⁴. Но гораздо больше материалов осталось в виде обширных, но разрозненных и неупорядоченных рукописей, которые могут стать доступными только благодаря

⁶² Чтобы оценить влияние Менгера, следует сказать, что его идеи были введены в антропологию Рихардом Турнвальдом, одним из его учеников.

⁶³ В результате почти все поздние представители австрийской школы («третье поколение»), например профессора Ганс Майер, Людвиг фон Мизес, Йозеф Шумпетер, были непосредственными учениками не Менгера, а Бём-Баверка или Визера.

⁶⁴ Carl Menger, *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, Zweite Auflage mit einem Geleitwort von Richard Schüller aus dem Nachlaß herausgegeben von Karl Menger*, op. cit. Всестороннее рассмотрение изменений и дополнений, сделанных в этом издании, см.: F.X. Weis, «Zur zweiten Auflage von Carl Mengers Grundsätzen», *Zeitschrift für Volkswirtschaft und Sozialpolitik*, N.S., vol. 4, 1924.

долгой и упорной работе очень искусного редактора. Во всяком случае в настоящее время результаты деятельности последних лет жизни Менгера следует считать утраченными⁶⁵.

Рискованная попытка дополнить этот очерк научной карьеры Менгера оценкой его характера и личности была бы сомнительной для того, кто не знал его лично. Но поскольку о нем так мало известно нынешнему поколению экономистов и поскольку нет ни одного всестороннего литературного портрета, попытка объединить немногочисленные записи о нем его друзей и учеников⁶⁶ и устные предания Вены может оказаться не такой уж неуместной. Такие впечатления, естественно, относятся ко второй половине его жизни, ко времени, когда он прекратил активное участие в делах окружающего мира и погрузился в спокойную и размеренную жизнь ученого, посвященную только преподаванию и исследовательской работе.

Впечатления молодого человека от одного из тех редких случаев пребывания рядом с почти легендарной личностью прекрасно переданы на известной гравюре Ф. Шмутцера. Вполне возможно, что сохранившийся образ Менгера обязан этому мастерски выполненному портрету не меньше, чем воспоминаниям. Массивную, рельефную голову с большим лбом, выполненную грубоватыми, но ясными линиями, не просто забыть. Среднего роста⁶⁷, с пышной шевелюрой и бородой — во времена своего расцвета Менгер должен был производить необычайно сильное впечатление.

⁶⁵ [Незадолго до своей смерти в 1985 году Карл Менгер-младший почти завершил биографию своего отца, и семья Менгера, в соответствии с его распоряжением, доверила завершение рукописи профессору Альберту Цлабингеру, директору института Карла Менгера в Вене. Кроме того, собрание рукописей Карла Менгера недавно было приобретено университетом Дьюка. — *Ped.*]

⁶⁶ Следует особо упомянуть о небольших заметках Ф. фон Визера и Р. Цукеркандля соответственно: *Neue österreichische Biographie* (Vienna: Amalthea, 1923); *Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung*, vol. 19, 1911.

⁶⁷ [В первоначальном варианте текста написано «высокого». В немецком варианте статьи в 1968 году Хайек писал: «Следует отметить, что единственная внесенная мною в текст фактическая поправка касается единственной детали, о которой я могу свидетельствовать по собственному опыту. В первоначальном английском тексте я описал Карла Менгера как высокого, и именно такое впечатление произвел на меня этот достойный человек во время церемонии в Венском университете. Но все, кто знали его лучше, позднее уверили меня, что он был только среднего роста». — *Ped.*]

В годы после его отставки среди молодых экономистов, вступавших на путь университетской карьеры, традицией стало совершать паломничество в его дом. Их встречал радушный прием Менгера среди его книг, где они говорили с ним о жизни, которую он знал так хорошо и от которой отошел, получив все, что хотел. И со стороны он с интересом наблюдал за экономикой и университетской жизнью до конца своих дней, а когда в последние годы ухудшающееся зрение победило в нем неумолимого читателя, он заставлял посетителей рассказывать о своей работе. В последние годы он производил впечатление человека, после долгой и активной жизни продолжавшего работать не ради какого-то долга или возложенного на себя обязательства, а из чистого интеллектуального удовольствия движения в стихии, которая стала его собственной. В последние годы жизни он, возможно, в какой-то степени соответствовал распространенному представлению об ученом, не имеющем связей с реальным миром. Но это не было результатом ограниченности его мировоззрения. Это был результат сознательного выбора в зрелом возрасте, совершенного человеком, который имел богатый и разнообразный опыт.

И если бы Менгер только пожелал, у него не было бы недостатка ни в возможностях, ни во внешних знаках отличия, чтобы стать одной из самых влиятельных фигур в общественной жизни. В 1900 году он стал пожизненным членом верхней палаты австрийского парламента. Но Менгера не интересовала возможность участия в его работе. Для него мир был объектом исследования, а не действия, и именно поэтому пристальное наблюдение за ним доставляло ему такую радость. Бесполезно искать в его опубликованных работах какого-то выражения его политических взглядов⁶⁸. На самом деле он тяготел к консерватизму или либерализму старого типа. Он не без симпатий относился к движению за социальные реформы, но социальный энтузиазм никогда не смешивался с его холодными рассуждениями. В этом, как и во многом другом, он представлял любопытную противоположность своему более страстному брату Антону⁶⁹. Поэтому по-

⁶⁸ [Но см.: Streissler, «Carl Menger on Economic Policy: The Lectures to Crown Prince Rudolph». Штрейсслер отмечает, что записи Рудольфа «показывают, что Менгер был классическим либералом чистой воды, отводившим государству куда меньшую роль, чем даже Адам Смит» (p. 110). — *Ред.*]

⁶⁹ Два брата были постоянными членами группы, которая в 1880–1890-х годах почти каждый день собиралась в кофейне напротив университета и первоначально состояла главным образом из журналистов и предпринимателей, а позднее — все больше из бывших учеников и студентов Менгера. Именно благодаря этому кружку, по крайней мере до своей отставки из университета, Менгер сохранял связь и оказывал некоторое влияние на текущие дела. Про-

коления студентов помнят Менгера, как одного из самых лучших преподавателей университета⁷⁰, и именно так он оказывал косвенное влияние на австрийскую общественную жизнь⁷¹. И все, как один, с одобрением вспоминают удивительную ясность изложения. Показательно следующее описание впечатлений молодого американского экономиста, посещавшего лекции Менгера зимой 1892–1893 годов: «Профессор Менгер выглядит достаточно молодо для своих 53 лет. В лекциях он редко использует записи, разве что для сверки с цитатами и данными. Кажется, что идеи приходят к нему во время чтения лекции, и они излагаются столь ясным и простым языком и сопровождаются столь уместными жестами, что слу-

тивоположность между двумя братьями хорошо описана одним из его наиболее выдающихся учеников Рудольфом Зигхартом. Ср.: Rudolf Sieghart, *Die letzten Jahrzehnte einer Grossmacht* (Berlin: Ullstein, 1932), p. 21: «Братья Менгеры на самом деле были странной и необычной парой: с одной стороны Карл, основатель австрийской школы экономики и первооткрыватель психоэкономического принципа предельной полезности, учитель кронпринца Рудольфа, журналист в молодости, знакомый с большим миром и готовый отвернуться от него, революционер в своей области, хотя и придерживавшийся довольно консервативных взглядов в политике; с другой стороны Антон, нелюдимый, постепенно утративший интерес к своей собственной области — гражданскому праву и гражданскому процессу — и все более интересовавшийся социальными проблемами и ролью государства в их решении, страстно увлеченный проблемами социализма. С одной стороны, Карл, мастер ясного изложения и доступного письма, бесстрастного в духе Ранке; а с другой — Антон, менее доступный в своих работах, но увлеченный социальными проблемами во всех их проявлениях — гражданское право, экономика и политическая жизнь. Именно у Карла я научился экономической методологии, а на проблемах, занимавших меня, отразилось влияние Антона».

⁷⁰ Число людей, которые в то или иное время принадлежали к более тесному кругу учеников Менгера, а затем оставили след в австрийской общественной жизни, необычайно велико. К именам, уже упоминавшимся ранее в тексте, прибавим лишь некоторых из тех, кто внесли тот или иной вклад в специальную экономическую литературу: Карл Адлер, Стефан Бауэр, Мориц Дуб, Маркус Эттингер, Макс Гарр, Виктор Гратц, И. фон Грубер-Меннингер, А. Красни, Г. Кунвальд, Вильгельм Розенберг, Рудольф Зигхарт, Герман Шварцвальд, Е. Швидланд, Эрнст Сейлер и Рихард Турнвальд.

⁷¹ Однако через своего брата Макса, который многие годы входил в Совет Австрийской империи, и через различных знакомых по кофейне Менгер долгое время оказывал значительное влияние на политические и экономические взгляды немецких либеральных депутатов палаты представителей.

шать его — одно удовольствие. Студент чувствует, что его подводят, а не подталкивают к выводам, а когда они достигнуты, они возникают в уме не как нечто внешнее, а как очевидное следствие своего собственного мыслительного процесса. Говорят, что тем, кто регулярно посещает лекции профессора Менгера, не нужно специально готовиться к выпускным экзаменам по политической экономии, и я готов поверить этому. Я редко, если вообще когда-либо слышал лектора, который обладал бы таким же талантом сочетания ясности и простоты суждений с философской широтой взглядов. Его лекции редко бывают непонятными даже самым слабым студентам, и тем не менее они всегда содержат нечто полезное для самых проницательных»⁷². Все студенты Менгера сохранили особенно живые воспоминания о сочувственном и глубоком изложении истории экономических учений, а ротапринтные копии его лекций о государственных финансах студенты разыскивали для подготовки к экзаменам и через двадцать лет после его выхода в отставку.

Однако лучше всего его великий дар учителя раскрывался на его семинарах, собиравших избранный круг наиболее прилежных студентов и многих из тех, кто уже давно защитили свои докторские диссертации. Иногда обсуждение практических вопросов на семинарах строилось по образцу заседаний парламента, когда основные докладчики выступали за и против предлагаемых мер. Но чаще тщательно подготовленный одним из участников доклад служил основой долгих дискуссий. Менгер позволял студентам самим вести споры, но при этом с бесконечным старанием помогал готовить доклады. Он не только предоставлял свою библиотеку в полное распоряжение студентов и даже покупал особенно нужные книги, но и перечитывал рукописи, не только обсуждая основные вопросы, но и «обучая их публичной речи и технике дыхания»⁷³.

Новичкам поначалу трудно бывало установить с Менгером близкие отношения. Но как только он находил особый талант и включал студента в избранный круг участников семинара, он, не жалея сил, помогал ему в его работе. Связь Менгера с участниками его семинара не ограничивалась академическими дискуссиями. Он часто приглашал его участников на воскресные поездки за город или просил отдельных студентов составить ему компанию на рыбалке. На самом деле рыбалка была единственным его развлечением. Даже здесь он все пытался делать по науке, вникая в каждую деталь рыболовной техники и изучая специальную литературу.

⁷² Henry R. Seager, «Economics at Berlin and Vienna», *Journal of Political Economy*, vol. 1, 1893, pp. 236–262, особ. p. 255; Henry R. Seager, *Labor and Economic Essays* (New York: Harper, 1931).

⁷³ См.: Viktor Gratz, «Carl Menger», *Neues Wiener Tagblatt*, February 17, 1921.

Трудно представить Менгера горячо увлеченным чем-то, что не было бы связано с главной целью его жизни — изучением экономики. Но, помимо непосредственного изучения своего предмета, было еще одно занятие, которое увлекало его также сильно: собирание и сохранение его библиотеки. Экономический раздел его библиотеки сопоставим с тремя-четырьмя библиотеками, когда-либо составленными частными собирателями⁷⁴. Но она состояла не только из книг по экономике, собрания работ по этнографии и философии были не менее богатыми. После смерти Менгера значительная часть этой библиотеки, включая все книги по экономике и этнографии, была переправлена в Японию и теперь хранится как отдельная часть в библиотеке экономической школы в Токио (ныне университет Хитоцубаси). Только в экономическом разделе опубликованного каталога присутствует более 20 тысяч наименований⁷⁵.

⁷⁴ [В своей небольшой статье о Менгере в «Международной энциклопедии социальных наук» Хайек пишет, что в 1911 году Менгер оценивал величину библиотеки примерно в 25 тысяч томов. — *Ред.*]

⁷⁵ *Katalog der Carl Menger-Bibliothek in der Handelsuniversität Tokyo*, Erster Teil, Sozialwissenschaften (Tokyo: Bibliothek der Handelsuniversität, 1926), и *Katalog der Carl Menger-Bibliothek in der Hitotsubashi Universität*, vol. 2 (Tokyo: Bibliothek der Hitotsubashi University, 1955) содержат несколько портретов Менгера. О написанных от руки заметках в книгах из библиотеки Менгера, проливающих определенный свет на развитие его идей, см.: Emil Kauder, «Menger and his Library», *Economic Review*, Hitotsubashi University, vol. 10, 1959; Emil Kauder, «Aus Mengers nachgelassenen Papieren», *Weltwirtschaftliches Archiv*, vol. 89, 1962. С помощью профессора Эмиля Каудера библиотека университета Хитоцубаси выпустила ротапринтные издания заметок из первых двух томов под названием: «Carl Mengers Zusätze zu Grundsätze der Volkswirtschaftslehre» и «Carl Mengers erster Entwurf zu seinem Hauptwerk “Grundsätze”, geschrieben als Anmerkungen zu den “Grundsätzen der Volkswirtschaftslehre” von Karl Heinrich Rau». [В своей небольшой статье о Менгере в «Международной энциклопедии социальных наук» Хайек писал о них: «Недавнее [1963 года] издание его замечаний к *Grundsätze der Volkswirtschaftslehre* Pay показывает, что именно критический анализ этого учебника с изложением классического учения подвиг — с 1867 года — Менгера на создание своей собственной теории ценностей. В обширной немецкой и французской литературе по экономике начала XIX века Менгер должен найти обильный материал для проведения глубокого анализа с точки зрения полезности. (В английской литературе традиция анализа с точки зрения полезности была выражена не так сильно.) По-видимому, среди работ, которые он смог привлечь, была одна из работ Курно, а также работа австрийского экономиста Йозефа Кудлера: Joseph Kudler, *Die Grundlehren*

Менгеру не суждено было осуществить замысел последних лет своей жизни и завершить большой трактат, который, как он надеялся, должен был увенчать его труды. Но он должен был быть удовлетворен тем, что его ранние работы принесли такие богатые плоды, и он до самого конца сохранял сильную и неослабевающую привязанность к избранному объекту исследований. Человек, который мог однажды сказать, как говорят о нем, что если бы у него было семь сыновей, они все бы занимались изучением экономики, вероятно, был необычайно счастлив в своей работе. Свидетельством его дара внушать схожий энтузиазм своим ученикам служит то, что многие выдающиеся экономисты с гордостью называют его своим учителем.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МЕСТО «GRUNDSÄTZE» МЕНГЕРА В ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ⁷⁶

Grundsätze появились в 1871 году, спустя всего 95 лет после выхода в свет «Богатства народов», 45 лет после издания «Начал» Рикардо и каких-то 23 лет после пересмотра Дж. С. Миллем классической экономической теории. Об этих интервалах следует помнить, чтобы не кичиться современной экономической теорией (100 лет спустя), которая должна была добиться большего, чем она смогла добиться на самом деле. В конце этого столетия произошла еще одна революция, которая привела к смещению интереса к аспектам экономического анализа, слабо разрабатывавшимся в начале столетия, когда влияние работ Менгера было особенно велико. Тем не менее, в долгосрочной перспективе «микроэкономический» этап, который во многом обязан Менгеру, оказался достаточно продолжительным. На него пришлось более четверти от тех почти двух веков, что отделяют нас от Адама Смита.

der Volkwirtschaft (Vienna: Braumuller and Seidel, 1846). Однако среди источников не встречается работа автора, который наиболее полно предвосхитил его: Gossen, *Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs* (Braunschweig: Bieweg, 1854). — *Ред.*]

⁷⁶ [Опубликовано в: J.R. Hicks and W. Weber, eds., *Carl Menger and the Austrian School of Economics*, op. cit., pp. 1–14. В сокращенном виде опубликовано также на немецком: «Die Stellung von Mengers «Grundsätzen» in der Geschichte der Volkswirtschaftslehre», *Zeitschrift für Nationalökonomie*, vol. 32, no. 2, 1972, pp. 3–9. — *Ред.*]

Чтобы по достоинству оценить Менгера, важно также избежать недооценки того, что было достигнуто до него. Было бы ошибкой считать, что предшествующий период — 1820–1870-е годы — был временем господства рикардianской ортодоксии. Во всяком случае, первое поколение после Рикардо имело множество новых идей. И в классической экономической теории, окончательно изложенной Дж. С. Миллем, и даже вне ее было накоплено множество инструментов анализа, позволивших более поздним поколениям выстроить проработанную и последовательную структуру теории после того, как идея предельной полезности стала основой объединения. Если и можно говорить о каком-то господстве квазирикардianской ортодоксии, то только после ее убедительного пересмотра Дж. С. Миллем. Но даже его «Основы» содержат важные идеи, которые идут намного дальше Рикардо. И даже до публикации этой работы существовали важные достижения, которые не были включены Миллем в его синтез. И речь идет не только о важных работах Курно, Тюнена и Лонгфилда по теории цен и предельной производительности, но и множестве других выдающихся исследований, посвященных спросу и предложению, не говоря уже о первых попытках анализа с точки зрения предельной полезности, которые остались тогда незамеченными и только позднее были обнаружены в работах Ллойда, Дюпюи и Госсена. Таким образом, уже была накоплена большая часть того материала, который рано или поздно неизбежно был бы использован кем-то для создания новой экономической теории, что, в конечном итоге, и сделал Альфред Маршалл, и можно предположить, что отсутствие маржиналистской революции не так уж сильно сказалось бы на результатах его работы.

То, что реакция на классическую экономическую теорию приняла известную нам форму и что почти в то же самое время Уильям Стенли Джевонс в Англии, Карл Менгер в Вене и Леон Вальрас в Лозанне сделали субъективную ценность благ для индивидов отправной точкой для своих построений, возможно, обусловлено именно открытым возвратом Милля в своей теории ценности к точке зрения Рикардо. На самом деле работы Менгера и Вальраса по теории ценности были не так сильно связаны с реакцией на Милля, как в случае с Джевонсом. Но то, что стало очевидным у Милля, а именно отсутствие у него общей теории ценности, которая объясняла бы определение всех цен единым принципом, можно было сказать обо всех системах и учебниках по экономической теории, которые широко использовались на континенте. Хотя во многих из них содержался анализ факторов, способствующих установлению цен в отдельных случаях, в них отсутствовала общая теория, позволявшая подвести под нее отдельные случаи. То же относится и к аппарату кривых спроса и предложения, который только начал тогда использоваться; воз-

можно, стоит отметить, что издание немецкого учебника Карла Генриха Рау, который Менгер тщательно изучил перед написанием *Grundsätze*, содержало в конце диаграммы с использованием этих кривых. Но, в целом, преобладающие теории предлагали различные объяснения формирования цен на прирастающие и неприрастающие блага; и в случае первых цены продуктов связывались с издержками производства, то есть с ценами используемых факторов, которым, в свою очередь, не давалось соответствующего объяснения. Такую теорию едва ли можно назвать удовлетворительной. На самом деле довольно трудно понять, как такой проникательный и честный в интеллектуальном отношении ученый, как Дж. С. Милль, мог заявить относительно наиболее слабой части своей системы, что «в законах стоимости нет ничего, что осталось бы выяснить современному или любому будущему автору; теория этого предмета является завершённой»⁷⁷. Многим критически настроенным мыслителям того времени было совершенно очевидно, что такое основание всего здания экономической теории было неудовлетворительным.

Тем не менее, было бы несправедливо утверждать, что всеобщее разочарование в распространенной экономической теории, наступившее вскоре после громкого успеха работы Милля, целиком или в значительной степени было вызвано этой ошибкой. Были и другие обстоятельства, которые пошатнули доверие к экономической теории, столь успешно завадевшей общественным мнением предыдущего поколения, например — в случае Милля — его отказ от теории фонда заработной платы, которая играла важную роль в его работах и которую ему нечем было заменить. К тому же, выросло влияние исторической школы, которая сомневалась в целесообразности попыток создания общей теории экономических явлений. И факт, что выводы преобладающей экономической теории казались помехой новым социальным ожиданиям, вызвал враждебность к ней, которая обнаружила большинство ее несомненных недостатков.

Но, хотя иногда утверждалось обратное, я не могу найти свидетельства того, что Джевонс, Менгер или Вальрас в своих попытках перестроить экономическую теорию были движимы желанием заново утвердить практические выводы классических экономистов. Напротив, их симпатии были на стороне движений за социальные реформы той поры. На мой взгляд, их научная работа основывалась на осознании недостаточности преобладающей теории для объяснения того, как на самом деле действует рыночный порядок. А источником вдохновения во всех трех случаях, по-видимому, была интеллектуальная традиция, которая, по крайней мере со времен Фердинандо Галиани в XVIII веке, развивалась бок о бок с

⁷⁷ Милль Дж. С. *Основы политической экономии*. Т. 2. М.: Прогресс, 1980. С. 172.

теориями труда и издержек, восходящими к Джону Локку и Адаму Смиту. У меня нет возможности излагать здесь теперь уже достаточно хорошо изученную историю этой традиции полезности в теории ценности. И хотя в случае Джевонса и Вальраса их опора на отдельных ранних авторов достаточно очевидна, в случае Менгера не так просто отыскать того, кому он обязан решающими выводами. Конечно, в целом немецкая литература, от которой он отталкивался вначале, уделяла больше внимания отношениям между ценностью и полезностью, чем английские авторы. Тем не менее, ни одна из известных ему работ не подходила и близко к найденному им в конечном итоге решению проблемы; и кажется очевидным, что до написания *Grundsätze* он не был знаком с единственной немецкой работой, во многом предвосхитившей его выводы, а именно — работой Германа Генриха Госсена. И вряд ли его окружение, в лице коллег и учеников, могло способствовать изучению интересовавших его проблем. По-видимому, он работал в полной изоляции и в старости с сожалением рассказывал молодым экономистам, что во времена его молодости у него не было возможностей для обсуждения, которыми располагают последующие поколения⁷⁸. И Вена тогда действительно была не тем местом, откуда можно было ожидать серьезного вклада в экономическую теорию.

Но мы слишком мало знаем о молодых годах и образовании Менгера, и можно только сожалеть, что представители австрийской школы сделали так мало для того, чтобы пролить свет на эти вопросы⁷⁹. То небольшое, что сделано на сегодняшний день для прояснения истоков и истории его идей, было сделано за пределами Австрии и вряд ли может заменить работу с местными источниками⁸⁰. Даже если материала для подробной био-

⁷⁸ Ludwig von Mises, *The Historical Setting of the Austrian School of Economics*, op. cit., p. 10.

⁷⁹ Мой собственный [переизданный здесь] очерк жизни Менгера, написанный в 1934 году в Лондоне в качестве предисловия к его собранию сочинений, не способен заполнить этот пробел. Тогда была сделана только компиляция данных, доступных из письменных источников, дополненная информацией, предоставленной сыном Менгера и некоторыми его учениками.

⁸⁰ См.: George J. Stigler, «The development of utility theory», *Journal of Political Economy*, vol. 58, 1950, переиздано в: George J. Stigler, *Essays in the History of Economics* (Chicago: University of Chicago Press, 1965); Richard S. Howey, *The Rise of Marginal Utility School 1870–1880* (Lawrence, Kans.: University of Kansas Press, 1960); Reginald Hansen, «Der Methodenstreit in den Socialwissenschaften zwischen Gustav Schmoller und Karl Menger: seine wissenschaftshistorische und wissenschaftstheoretische Bedeutung», in Alwin Diemer, ed., *Beiträge zur Entwicklung der Wissenschaftstheorie im 19. Jahrhundert* (Meisenheim am Glan: A. Hain, 1968); а также работы Эмиля Каудера, приведенные в следующем примечании.

графии Менгера не существует вовсе, следует по возможности создать более четкую, чем имеется у нас сейчас, картину интеллектуальной основы его исследований и ранних работ. Здесь мне приходится ограничиться изложением немногочисленных важных сведений, большинством которых я обязан публикациям профессора Эмиля Каудера⁸¹.

В Австрии не было такой моды на экономическую теорию Смита и такого безоговорочного принятия английских и французских экономических идей, как в большей части Германии в первой половине XIX века. Вплоть до середины 1840-х годов экономика в австрийских университетах изучалась по камералистскому учебнику XVIII века Йозефа фон Шоненфельса. И только в 1846 году на смену ему пришел учебник Д. Кудлера *Grundlehren der Volkswirtschaft*, по которому, по-видимому, учился и Менгер. В этой работе он должен был найти исследование связи между ценностью и полезностью и особенно значения потребностей различной остроты, удовлетворяемых различными благами. Однако у нас нет свидетельств того, что после окончания учебы в университете Менгер начал всерьез интересоваться этими проблемами. Говорят, что, по его словам, интерес пробудился в нем во время написания, будучи молодым чиновником, отчетов о состоянии рынка, когда он осознал, насколько мало устоявшаяся теория помогает объяснить изменения цен. Самые ранние сохранившиеся заметки в его экземпляре упомянутого ранее учебника Рау говорят о том, что к 1867 году, то есть в возрасте 27 лет, он уже начал всерьез задумываться над этими вопросами и довольно близко подошел к своему окончательному решению. Эти обширные записи на полях его экземпляра книги Рау, которые вместе с экономической частью библиотеки Менгера хранятся в токийском университете Хитоцубаси, изданы японцами при участии профессора Каудера под заглавием «Первый набросок *Grundsätze*»⁸², что вряд ли соответствует действительности. Хотя они показывают, что он уже пришел к своей идее зависимости ценности блага для индивида от определенных желаний, удовлетворению которых они служат; хотя в них явно видно недовольство неопределенными замечаниями по этому пово-

⁸¹ Emil Kauder, «The retarded acceptance of marginal utility theory», *Quarterly Journal of Economics*, vol. 67, 1953, pp. 564–575; «Intellectual and Political Roots of the older Austrian school», *Zeitschrift für Nationalökonomie*, vol. 17, 1958, pp. 411–425; «Menger and his library», op. cit.; «Aus Mengers nachgelassenen Papieren», op. cit.; and *A History of Marginal Utility Theory* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1965).

⁸² «Carl Menger erster Entwurf zu seinem Hauptwerk “Grundsätze” geschrieben als Anmerkungen zu den “Grundsätzen Volkswirtschaftslehre” von Karl Heinrich Rau», op. cit., а также «Carl Menger Zusätze zu Grundsätze der Volkswirtschaftslehre», op. cit.

ду, что понятно для человека, который пришел к четкому осознанию проблемы; они по-прежнему (возможно, даже неизбежно) далеки от методического подхода, которым отличаются *Grundsätze*. Я полагаю, что, судя по ссылкам на известную немецкую полемику, приводимым в примечаниях, работа над книгой на самом деле велась между 1867 и 1871 годами.

Столь убедительным изложение *Grundsätze* делает его последовательная неторопливость приближения к основной проблеме. Менгер определяет свойства сначала полезных объектов, затем благ, затем редких или экономических благ, и только после этого он переходит к факторам, определяющим ценность; потом он подходит к определению способности благ к сбыту (с различными степенями этой способности), что в конечном итоге подводит его к деньгам. И каждый раз Менгер подчеркивает (в манере, которая вполне может показаться современному читателю, для которого такие вещи стали общим местом, слишком скучной), что все эти свойства зависят от: 1) потребностей действующего человека; 2) его знания фактов и обстоятельств, в силу которых удовлетворение его потребностей зависит от этого конкретного объекта. Он не устает замечать, что эти свойства не присущи вещам (или услугам) самим по себе; что они являются не свойствами, которые могут быть открыты в результате изучения изолированных вещей. Они полностью зависят от отношений между вещами и людьми, которые предпринимают действия по отношению к ним. Именно люди, исходя из знания своих субъективных потребностей и объективных условий для удовлетворения этих потребностей, приписывают физическим вещам особую важность.

Наиболее очевидным результатом такого анализа является, конечно, решение старого парадокса ценности благодаря проведению различия между общей и предельной полезностью благ. Менгер еще не использует термин «предельная полезность», который (или, точнее, его немецкий эквивалент *Grenznutzen*) был введен только тринадцать лет спустя Фридрихом фон Визером. Но он достаточно четко проводит различие, показывая на простейшем из всех возможных примере данного количества определенного потребительского блага, которое может быть использовано для удовлетворения различных потребностей (острота каждой из которых снижается по мере удовлетворения), что важность любой единицы блага зависит от последней потребности, для удовлетворения которой достаточно имеющегося количества. Но если бы он на этом остановился, он продвинулся бы не дальше, чем некоторые его предшественники, работы которых остались ему неизвестными, а влияние его вряд ли оказалось бы больше, чем у них. То, что позднее было названо (Визером) двумя законами Госсена, а именно — снижение полезности последовательного удовлетворения какой-либо потребности и уравнивание различных по-

требностей, для удовлетворения которых может быть использовано данное благо, — для Менгера были всего лишь отправной точкой для применения тех же основных идей к более широкому комплексу отношений.

Преимущество анализа Менгера по сравнению с тем, чего достигли его предшественники, заключается в систематическом применении основной идеи к ситуации, в которой удовлетворение потребности только косвенно (или частично) зависит от определенного блага. Тщательное описание причинных связей между благами и удовлетворением потребностей, которому они служат, позволяет Менгеру показать такие базовые отношения, как комплиментарность потребительских благ и факторов производства, различие между благами низшего и высшего порядка, изменчивость пропорций, в которых могут быть использованы факторы производства, и, наконец, самое важное — определение издержек через полезность, которой могут обладать блага при альтернативном использовании. Именно в этом распространении выведения ценности блага из его полезности со случая с заданным количеством потребительских благ на общий случай всех благ, включая факторы производства, и состоит главная заслуга Менгера.

Таким образом, положив в качестве основы для своего объяснения ценности благ определенную типологию возможных структур отношений средств и целей, Менгер установил фундамент того, что позднее было названо чистой логикой выбора или экономическим расчетом. Она содержит, по крайней мере, элементы анализа поведения потребителя и производителя — двух важнейших составляющих современной микроэкономической теории. Но его непосредственные последователи разрабатывали главным образом поведение потребителя и не развили встречающиеся у Менгера размытые указания на анализ предельной производительности, важный для правильного понимания поведения производителей. Разработка серьезного дополнения — теории фирмы — была оставлена на откуп Альфреду Маршаллу и его школе. Тем не менее, сделанного Менгером достаточно, чтобы утверждать, что он предложил все основные элементы для достижения своей главной цели — объяснения цен, которое нельзя вывести из анализа поведения отдельных участников рыночного процесса.

Последовательное использование рационального поведения индивидов в качестве строительных элементов моделей сложных рыночных структур составляет суть метода, который сам Менгер назвал «атомистическим» (или иногда в рукописных заметках «композитивным») и который позднее стал известен под названием методологического индивидуализма. Его суть лучше всего выражена в ярком высказывании в предисловии к *Grundsätze*, где он говорит, что его цель состоит в том,

чтобы «свести сложные явления человеческого хозяйства к их простейшим элементам, еще доступным точному наблюдению». И хотя он подчеркивает, что при этом он использует эмпирический подход, общий для всех наук, одновременно он утверждает, что, в отличие от физических наук, которые разлагают непосредственно наблюдаемые явления на гипотетические составляющие, в социальных науках мы отталкиваемся от знакомых элементов и используем их для построения моделей возможных конфигураций сложных структур, которые они могут образовывать и которые не столь доступны непосредственному наблюдению, как сами элементы.

Это поднимает множество важных вопросов, наиболее трудные из которых я лишь вкратце затрону. Менгер полагает, что, наблюдая за действиями других людей, мы способны *понимать* значение таких действий, чего нельзя сказать о физических событиях. Это тесно связано с одним из смыслов, в котором, по крайней мере, некоторые из последователей Менгера говорили о «субъективном» характере своих теорий, подразумевая, среди прочего, что они основываются на нашей способности понимать внутреннее значение наблюдаемых действий. Термин «наблюдение», таким образом, используется Менгером в таком значении, с которым не согласились бы современные бихевиористы; и он предполагает *Verstehen* («понимание») в том смысле, который позднее был вложен в это понятие Максом Вебером. Мне кажется, что еще многое можно сказать в защиту первоначальной позиции Менгера (и австрийской школы в целом) по этому вопросу. Но поскольку позднее развитие техники кривых безразличия и особенно подхода «явных предпочтений», которые были созданы для того, чтобы избежать опоры на такое интроспективное знание, показали, что, по крайней мере, в принципе гипотеза об индивидуальном поведении, востребованная микроэкономической теорией, может излагаться независимо от этих «психологических» посылок, я оставляю этот важный вопрос и обращаюсь к еще одной трудности, связанной с приверженностью методологическому индивидуализму во всех его разновидностях.

Дело, конечно, в том, что если мы попытаемся вывести из нашего знания индивидуального поведения определенные предсказания об изменениях сложных структур, которые образуются в результате индивидуальных действий, нам необходимо будет иметь полную информацию о поведении каждого отдельного индивида. Менгер и его последователи, конечно, осознавали, что получить такую информацию невозможно. Но они явно считали, что обычное наблюдение дает нам достаточно полный перечень различных *типов* вероятного индивидуального поведения и даже достаточно знание вероятности возникновения определенных типичных ситуаций. Они пытались доказать, что, отталкиваясь от

этих известных элементов, можно будет показать, что они ведут к образованию одних определенных структур. В этом смысле такая теория позволяет предсказать появление фальсифицируемых структур. Но на самом деле такие предсказания будут относиться только к определенным свойствам, которыми такие структуры обладают, или обозначать некие пределы, в которых эти структуры могут варьироваться, и редко, если такое вообще будет происходить, предсказывать отдельные события или изменения в этих структурах. Чтобы вывести такие предсказания отдельных событий из подобной микротеории, нам необходимо знать не только типы отдельных элементов, из которых состоят сложные структуры, но и особые свойства каждого отдельного элемента, входящего в состав особой структуры. Микроэкономическая теория, по крайней мере, если не считать тех случаев, когда она использует более или менее убедительные — *ceteris paribus* — послышки, ограничивается тем, что я назвал в другом месте «структурными предсказаниями» — предсказаниями определенных структур, которые могут быть образованы из доступных элементов. Это ограничение способности конкретного предсказания, которое, на мой взгляд, справедливо для всех теорий, относящихся к явлениям, обладающих тем, что Уоррен Уивер назвал «организованной сложностью» (в отличие от явлений неорганизованной сложности, где мы можем заменить информацию об отдельных элементах статистически установленными вероятностями появления определенных элементов)⁸³, относится и к большей части микроэкономической теории. Позиция, которая преобладает здесь, прекрасно иллюстрируется часто цитируемым высказыванием В.Парето об ограниченной применимости системы уравнений, посредством которых школа Вальраса описывает состояние равновесия всей экономической системы. Он недвусмысленно заявляет, что эти системы уравнений «никоим образом не имеют целью точное вычисление цен» и что было бы «абсурдно» предполагать, что мы можем знать все особые обстоятельства, от которых зависят эти конкретные величины⁸⁴.

На мой взгляд, Карл Менгер вполне осознавал ограниченность предсказательной способности изложенной им теории и был удовлетворен ею, потому что считал, что большего в этой области достичь невозможно. Мне кажется, что в скромности поставленной задачи, ограничивающейся стремлением указать лишь некие пределы, в которых могут колебаться цены, присутствует определенный освещающий реализм. Даже непри-

⁸³ Warren Weaver, «Science and Complexity», *The Rockefeller Foundation Annual Report*, 1958.

⁸⁴ Vilfredo Pareto, *Manuel d'économie politique*, second edition (Paris: M. Giard, 1927), p. 223.

язнь Менгера к использованию математики кажется мне направленной против притязаний на большую точность, чем та, которую он считал достижимой. С этим также связано и отсутствие в работах Менгера понятия общего равновесия. Если бы он развил свою мысль дальше, вероятно, стало бы более ясно, чем во вводной части (*Grundsätze*), что он ставит перед собой целью создание инструментов скорее для того, что мы теперь называем анализом процессов, чем для теории статического равновесия. В этом отношении его работа и работа австрийской школы вообще, конечно, совершенно отличается от общего представления об экономической системе в целом, которое дает нам Вальрас.

Ограничение предсказательной способности, о котором говорилось ранее, на мой взгляд, применимо ко всему корпусу микротeorии, которая постепенно была построена на основе анализа предельной полезности. В конечном итоге, именно желание достичь большего, чем такая скромная цель, привело к росту неудовлетворенности подобной микротeorией и попыткам заменить ее теорией иного рода.

Прежде чем обратиться к этой реакции против того типа теории, прообразом которой служили работы Менгера, следует также сказать несколько слов о том любопытном влиянии, которым обладал Менгер во время своей наибольшей известности. Наверное, немногие книги оказали столь же значительное влияние, как *Grundsätze*, хотя его работа была прочитана сравнительно небольшим числом людей. Влияние работы было главным образом косвенным; и она стала значимой только по простетивии значительного времени. Хотя маржиналистская революция обычно датируется годом выхода работ Менгера и Джевонса, на протяжении последующих десяти лет бесполезно искать в литературе следы оказанного ими воздействия. О книге Менгера известно, что поначалу у нее было совсем не много внимательных читателей, среди которых не только Евгений Бём-Баверк и Фридрих фон Визер, но и Альфред Маршалл⁸⁵; но только с выходом в середине 1880-х годов работ Бём-Баверка и Визера, основанных на идеях Менгера, они начали широко обсуждаться. Только с этого времени можно начинать отсчет маржиналистской революции в экономической теории. И работами, широко читавшимися в это время, были именно их работы, а не работа Менгера. И если книги первых были вскоре переведены на английский, то работа Менгера восемьдесят лет ждала своего английского издания.

⁸⁵ На полях экземпляра *Grundsätze*, принадлежавшего Маршаллу и хранящегося в его библиотеке в Кембридже, содержатся подробные заметки, подытоживающие основные шаги аргументации, правда, без комментариев. Я полагаю, что они были написаны рукой самого Маршалла.

Возможно, такое запоздалое влияние работы Менгера также служит причиной того, почему сам Менгер вместо того, чтобы продолжить свои теоретические разработки, обратился к защите теоретического метода социальных наук в целом. Но ко времени, когда он начал свою вторую книгу «Исследования метода» (*Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften*), которая вышла в 1883 году, у него должно было сложиться впечатление, что его первая книга не оказала никакого влияния; причем не потому, что ее сочли неверной, а потому, что экономисты того времени, по крайней мере в немецкоязычном мире, считали экономическую теорию в целом несущественной и неинтересной. Закономерно, хотя, возможно, и достойно сожаления, что в этих обстоятельствах Менгеру казалось более важным утверждение значимости теоретического анализа, а не завершение систематического изложения его теории. В результате распространением и развитием его теории почти полностью занимались более молодые представители австрийской школы, и не приходится сомневаться, что в течение пятидесяти лет, прошедших с середины 1880-х до середины 1930-х годов, они, по крайней мере за пределами Британии, в которой господствовали идеи Альфреда Маршалла, оказали огромное влияние на развитие того, что сейчас не вполне точно называют неоклассической экономической теорией. В этой связи у нас есть свидетельство Кнута Викселя, мнение которого представляется в данном случае наиболее авторитетным, потому что он одинаково хорошо знаком со всеми различными течениями маржиналистской теории, и который в 1921 году в некрологе Карлу Менгеру смог написать, что «после “Начал” Рикардо не было ни одной книги, которая оказала бы на развитие экономической науки такое большое влияние на экономическую науку, как *Grundsätze* Менгера»⁸⁶.

И если спустя пятьдесят лет такое утверждение вряд ли можно признать справедливым, то это, конечно, потому, что произошло общее смещение интереса с микро- на макроэкономику, связанное главным образом, хотя и не полностью, с работой лорда Кейнса. Некоторые сдвиги в этом направлении наблюдались еще до выхода «Общей теории»⁸⁷, и связаны они были главным образом с ростом неудовлетворенности той ограниченностью предсказательной способности микротeorии, о которой я уже говорил. Растущая потребность в более продуманном управлении экономическими процессами (которое требовало лучшего понимания особых последствий от конкретных мер) привела к попытке использовать доступные статистические данные в качестве основы для таких предсказаний. Это жела-

⁸⁶ Knut Wiksell, op. cit., p. 118.

⁸⁷ [Кейнс Дж. М. *Общая теория занятости, процента и денег*. М.: Прогресс, 1978. — Ред.]

ние подкреплялось определенными методологическими представлениями, например, что для того, чтобы быть по-настоящему научной, теория должна вести к определенным предсказаниям, что она должна обращаться к измеримым величинам и что должна иметь место возможность для выявления связей между количественными изменениями статистически измеримых агрегатных показателей. Я уже отмечал, что, на мой взгляд, теория с куда более скромными целями все еще может оставаться проверяемой в том смысле, что она может быть опровергнута наблюдениями; и теперь мне бы хотелось добавить, что более амбициозные цели недостижимы. Но нельзя отрицать, что если бы можно было установить, что некоторые из таких связей действительно сохраняются на протяжении продолжительных промежутков времени, предсказательная способность и, следовательно, полезность экономической теории заметно бы возросли. Я не уверен, что за последние двадцать пять лет, несмотря на все усилия, направленные на достижение этой задачи, удалось достичь многого. Мне кажется, что вообще устойчивые связи ограничиваются условиями, которые должны определяться с микроэкономической точки зрения, и что в результате при вынесении суждения о сохранении таких количественных связей между агрегатными показателями нам необходимо будет опираться на макроэкономическую точку зрения. Следовательно, можно ожидать, что в будущем новым стимулом для дальнейшего развития макроэкономической теории послужат потребности макроэкономики.

Возможно, следует добавить, что наблюдающееся у многих молодых экономистов в последнее время явное отсутствие интереса к микротео-рии представляет собой следствие влияния особой формы макроэкономической теории. Она развивалась Кейнсом главным образом как теория занятости, которая, по крайней мере в самом начале, исходила из послы-лки о том, что существуют неиспользуемые резервы всевозможных фак-торов производства. Сознательное пренебрежение фактом редкости ре-сурсов привело к тому, что структура относительных цен стала считаться исторически предопределенной и не требующей теоретического объяс-нения. Возможно, подобная теория была справедливой в ситуации об-щей безработицы, которая имела место во время Великой депрессии. Но от нее не так уж много прока в ситуации с безработицей, которая имеет место сегодня и появится в будущем. Появление и рост безработицы в пе-риод инфляции⁸⁸ показывает, что безработица — это не просто функция общего спроса; она определяется структурой цен и производства, кото-рую нам помогает понять только микротеория.

⁸⁸ [То есть инфляционного спада, того, что мы теперь называем «стагфляцией». — *Ред.*]

Мне кажется, что сейчас наблюдаются признаки возрождения интереса к подобного рода теории, который впервые достиг своей наивысшей точки в прошлом поколении, — в конце периода, когда влияние Менгера было весьма ощутимым. Конечно, к тому времени его идеи перестали быть собственностью австрийской школы и влились в общий корпус экономической теории, которая преподавалась почти во всем мире. Но хотя больше не существует особой австрийской школы, я полагаю, что по-прежнему существует особая австрийская традиция, которая, будем надеяться, внесет значительный вклад в дальнейшее развитие экономической теории. Продуктивность этого подхода еще далеко не исчерпана, и все еще существует много задач, которые она с успехом способна решить. Но эти задачи на будущее послужат предметом других статей. Здесь же я попытался дать очерк общей роли, которую идеи Менгера играли на протяжении ста лет, прошедших со времени выхода в свет его первой и наиболее важной книги. Надеюсь, что следующие статьи покажут, насколько сильным остается его влияние.

ОСНОВАНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

Предлагаемое вниманию русской публики сочинение венского профессора Карла Менгера написано 30 лет тому назад (1871 г.). Хотя за это время оно успело создать в западной экономической литературе школу, у нас оно осталось почти незамеченным и во всяком случае недостаточно оцененным.

Причиной этого следует считать увлечение доктринами Маркса, которые своей стройностью и соответствием запросам жизни в течение продолжительного времени удовлетворяли потребностям значительной части русской интеллигенции, догматически устраняя конкуренцию других школ и направлений. В настоящее время, когда среди самого марксизма пробудился критический дух и стремление выйти за пределы узкого догматизма, внимание лиц, интересующихся экономическими вопросами, может и должно обратиться к двум основным направлениям в экономической науке: к историческому и к тому, видным представителем которого является Менгер.

Заслуги исторической школы в области исторического и описательного изучения экономических явлений велики и бесспорны. Но она оказалась не в состоянии дать новые теоретические основы науки, а потому останется всегда ценной скорее для специалистов, нежели для тех, кто ищет в науке широких обобщений и даже из специальных наук старается извлечь элементы общего мировоззрения. Значительную противоположность этому направлению представляет школа Менгера. Разработанное им с классической простотой учение, получившее впоследствии название теории предельной полезности, не только оказалось способным послужить основанием для перестройки всех частей экономической теории, но и, выйдя за пределы последней, нашло себе применение в смежной области финансовой науки и даже проникло в совершенно, по видимому, чуждую экономике область этики. Таким образом открывается широкая перспектива возможности сведения явлений различного порядка к одной общей точке зрения. С другой стороны, не меньшее значение

Печатается по изданию: Менгер К. «Основания политической экономии» / Пер. с нем. Г. Тикчина и И. Абезгуза под редакцией доцента Р. М. Орженцкого. Одесса, 1903.

имеет и психологический метод исследования Менгера, что ясно хотя бы уже из того, что именно этот метод и привел к установлению столь плодотворного теоретического положения. В пользу правильности и целесообразности этого метода говорит и то обстоятельство, что в последнее время он получает широкое распространение в истории, праве, в социальных науках вообще.

Желая содействовать ознакомлению русских читателей со взглядами этого выдающегося основателя и представителя психологического направления в экономической науке и теории предельной полезности, мы решились предложить вниманию публики перевод сочинения Менгера.

*Доктору Вильгельму Рошеру,
профессору государственных и камеральных наук
Лейпцигского университета и т.д.
В знак почтительнейшего уважения посвящает*
Автор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если в наше время успехи на поприще естественных наук встречают всеобщую и радостную признательность, тогда как наша наука обращает на себя так мало внимания, и значение ее вызывает столь сильное сомнение именно в тех кругах общества, для которых ей следовало бы служить основой практической деятельности, то причина этого не должна вызывать недоумения со стороны людей беспристрастных. Еще ни одна эпоха не ставила хозяйственных интересов выше, еще никогда потребность в научном основании хозяйственной деятельности не была так развита и не чувствовалась так глубоко; еще никогда практические деятели не обладали таким умением пользоваться успехами науки на всех поприщах человеческой деятельности. Поэтому тот факт, что практические деятели, не заботясь о развитии, достигнутом нашей наукой, прибегают в своей хозяйственной деятельности к собственному опыту, объясняется не легкомыслием или неспособностью их точно так же, как и не высокомерным отказом от более глубокого понимания тех фактов и отношений, которые определяют успех их деятельности, понимания, доставляемого им истинной наукой.

Причина этого, бросающегося в глаза равнодушия, заключается ни в чем ином, как в настоящем положении самой науки, в бесплодности делавшихся до сих пор попыток постигнуть ее эмпирические основания.

Поэтому, уже в каждой новой попытке в данном направлении, как бы ни были слабы те силы, с которыми она предпринимается, заключается ее оправдание. Стремиться к исследованию основ нашей науки значит посвятить свои силы разрешению задачи, стоящей в тесном соотношении с благосостоянием человечества, значит служить общественному интересу, имеющему необыкновенно большое значение, и вступить на такой путь, на котором даже ошибка может отчасти считаться заслугой.

Для того, чтобы такого рода предприятие не встретило справедливо-го недоверия со стороны специалистов, мы должны, с одной стороны, не преминуть уделить должное внимание всем течениям, по которым шел до сих пор творческий дух в сфере нашей науки, с другой стороны — не должны побояться с полной самостоятельностью суждения подойти к критике не только взглядов наших предшественников, но даже и тех научных воззрений, которые до сих пор считались прочно установившимися основами науки. Не сделав первого, мы добровольно лишили бы себя всей суммы данных, собранных на пути к той же цели столь многими замечательными мыслителями всех народов и времен; не исполнив второго условия, мы уже с самого начала должны были бы отрешиться от всякой надежды на более глубокую реформу основ нашей науки. Мы избегаем и одной, и другой опасности, принимая в свое духовное обладание взгляды наших предшественников, но нигде не отступая перед поверкой последних, перед апелляцией от *научных мнений* к опыту, от человеческой мысли — к природе вещей.

На такой почве стоим мы. В последующем изложении мы старались свести сложные явления человеческого хозяйства к их простейшим элементам, еще доступным точному наблюдению, приложить к последним соответствующую их природе меру и с установлением ее снова показать, как сложные хозяйственные явления закономерно развиваются из своих элементов.

Это тот метод исследования, который, будучи применен в естественных науках, привел к столь значительному результату, что, по недоразумению, стал называться естественно-научным, тогда как он является общим для всех наук, основанных на опыте, и правильное должен быть назван эмпирическим. Последнее различие важно потому, что каждый метод получает свой характер от сущности той области знания, в которой он применяется, почему и нельзя говорить просто о естественно-научном направлении в нашей науке.

Делавшиеся до сих пор попытки перенести особенности естественно-научного метода исследования в область науки о народном хозяйстве приводили, поэтому, лишь к весьма грубым методологическим ошибкам и к пустой игре внешними аналогиями между явлениями народного хозяйства и явлениями природы. *Magna cum vanitate et desipientia inanes similitudines et sympathias rerum describunt atque etiam quandoque affingunt*¹, — говорит Бэкон о таких исследователях, слова, которые еще се-

¹ Многие описывают с большим суесловием и безрассудством внешние подобия и сходства явлений и к тому же еще допускают измышления. — *Novum Organ. II. 27.* — (Прим. перев.).

годня, правда лишь по какому-то странному совпадению, применимы именно к тем исследователям нашей науки, которые, при всяком случае, называют себя учениками Бэкона, совершенно извращая в то же время сущность его метода.

Если в оправдание таких стремлений приводится то, что задачей нашего времени является установление связи между всеми науками и единства их высших принципов, то даже тогда мы оставили бы под сомнением, призвано ли наше время разрешить эту проблему. Нам кажется, что исследователи различных отраслей науки никогда не должны упускать из внимания этой общей цели своих стремлений, под страхом ущерба для науки; приступить к успешному разрешению задачи можно будет все же только тогда, когда будут исследованы самым тщательным образом отдельные отрасли и будут найдены им свойственные законы.

К каким результатам привел нас вышеуказанный метод исследования и удалось ли нам, благодаря достигнутому при его помощи успеху, показать, что явления хозяйственной жизни подлежат строгим законам, подобно явлениям природы, — судить об этом теперь дело наших читателей. Нам хотелось бы лишь оградить себя от нападок тех, которые отрицают закономерность народнохозяйственных явлений, ссылаясь на свободу воли людей, так как этим самым отрицается вообще наука о народном хозяйстве, как точная дисциплина.

Становится ли, и при каких условиях, вещь для меня *полезной*, становится ли, и при каких условиях, она *благом*, становится ли, и при каких условиях, *благом хозяйственным*, имеет ли, и при каких условиях, она для меня *ценность*, и как велика *мера* этой ценности, когда, и при каких условиях, произойдет *экономический обмен* благ между двумя хозяйствующими субъектами, и каковы границы, в пределах которых при этом последует *образование цен* и т. д., — все это так же не зависит от моей воли, как закон химии от воли химика-практика. Приведенный выше взгляд покоится, следовательно, на легко обнаруживаемой ошибке касательно истинной сферы нашей науки. Теоретическая наука о народном хозяйстве занимается не преподаванием практических советов для хозяйственного поведения, а установлением *условий*, при которых люди проявляют предсмотрительную деятельность, направленную на удовлетворение своих потребностей.

Из этого видно, что теоретическая наука о народном хозяйстве не находится в ином отношении к практической деятельности хозяйствующих людей, чем химия, например, к деятельности химика-практика, и ссылка на свободу человеческой воли может иметь значение, как возражение против полной закономерности хозяйственного поведения, но никак не против закономерности явлений, совершенно независимых от

человеческой воли и обуславливающих собой результат хозяйственной деятельности. Но ведь именно эти-то явления и составляют предмет нашей науки.

Особенное внимание мы уделили исследованию причинной связи между хозяйственными явлениями, касающимися продуктов, и соответственными элементами производства не только для установления теории цены, соответствующей природе явлений и обнимающей все явления цены (вместе с прибылью на капитал, заработной платой и доходом с земли) с единой точки зрения, но и в силу важных выводов, которые мы, благодаря этому, получаем относительно некоторых других хозяйственных фактов, совершенно до сих пор не поддававшихся пониманию. Это именно та область нашей науки, в которой закономерность явлений хозяйственной жизни выступает наиболее рельефно.

Особенное удовольствие доставило нам то обстоятельство, что обработанная нами здесь область, охватывающая все наиболее общие учения нашей науки, в немалой доле представляет собой результат новейшего развития немецкой политической экономии, и предлагаемый здесь опыт реформы основ нашей науки последовал, поэтому, на почве предварительных работ, созданных почти исключительно немецким трудолюбием.

Пусть на эту работу посмотрят, поэтому, как на дружеский привет товарища из Австрии, как на слабый отголосок научных порывов, которые к нам, австрийцам, долетели из Германии, благодаря многим замечательным ученым, которых она нам дала, и столь многочисленным прекрасным работам.

Д-р Карл Менгер.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОБЩЕЕ УЧЕНИЕ О БЛАГЕ

§ 1. О сущности благ

Все явления подчинены закону причины и следствия. Этот великий принцип не имеет исключения, и было бы напрасно искать в пределах, доступных нашему опыту, чего-либо ему противоречащего. Прогрессирующее развитие человечества не обнаруживает тенденции поколебать этот принцип, а, напротив, стремится утвердить его, все более расширить познание области его применения, и, таким образом, непоколебимое и возрастающее признание его связано с человеческим прогрессом.

Точно так же наша собственная личность и всякое ее состояние являются членами этой великой мировой связи, и переход нашей личности из одного состояния в другое, от него отличное, немислим иначе, как только под действием закона причинности. Поэтому, когда человек переходит из состояния ощущения потребности в состояние удовлетворения ее, должны быть налицо достаточные для того причины, т.е. — или действующие в нашем организме силы должны устранить наше неприятное состояние, или же на нас должны подействовать внешние предметы, способные по своей природе вызвать состояние, называемое нами удовлетворением наших потребностей.

Те предметы, которые обладают способностью быть поставленными в причинную связь с удовлетворением человеческих потребностей, мы называем *полезностями*; поскольку же мы познаем эту причинную связь и в то же время обладаем властью действительно применить данные предметы к удовлетворению наших потребностей, — мы называем их *благами*².

² *Аристотель* (Политика I, 3) называет средства к жизни и благосостоянию людей «благами». Господство этической точки зрения, с которой в древности смотрели на жизненные отношения, проявляется, между прочим, во взглядах большинства древних писателей на сущность полезности и благ; точно так же во взглядах средневековых писателей проявляется господство религиозной точки зрения. «Nihil utile, nisi quod ad vitae illius aeternae prosit gratiam»¹, — говорит *Ambrosius*, а *Thomassin*, принадлежащий по своим экономическим воззрениям к Средним векам, пишет в своем «Traité de négoce» 1697 г. (с. 22): «L'utilité

Для того, чтобы предмет стал благом, или, другими словами, для того, чтобы он приобрел характер блага (*Güterqualität*), необходимо совпадение следующих четырех условий:

- 1) Человеческой потребности.
- 2) Свойств предмета, делающих его годным быть поставленным в причинную связь с удовлетворением этой потребности.
- 3) Познания человеком этой причинной связи.
- 4) Возможности распоряжаться предметом таким образом, чтобы действительно употреблять его для удовлетворения этой потребности.

Предмет только тогда становится благом, когда совпадают эти четыре условия; но если отсутствует хотя бы одно из них, то предмет никогда не может стать благом.

Если бы даже предмет уже обладал характером блага, то как только отпало бы хотя одно из этих четырех условий, он утратил бы характер блага³.

même se mesure par les considérations de la vie éternelle»². Из новых писателей *Forbonnais* определяет блага (*biens*) так: «Les propriétés, qui ne rendent pas une production annuelle, telles que les meubles précieux, les fruits destinées a la consommation»³ (*Principes économiques* 1767, chap I, p. 174 и сл. ed. Daire), противопоставляя им в то же время «richesses» (блага, которые дают доход), точно так же, как это делает *Dupont*, но в другом смысле (*Physiokratie*. P. CXVIII). Употребление слова «благо» в смысле современной науки встречается уже у *Le Trosne* (*De l'intérêt social* 1777, ch. I, § 1), который потребностям противопоставляет средства для их удовлетворения, и эти последние называет благами (*biens*). Ср. также *Necker*: *Legislation et commerce des grains*, 1775. Part. I, ch. IV. *Say* (*Cours d'économie politique*. 1828. I. P. 132) называет благами (*biens*) «les moyens que nous avons de satisfaire nos besoins»⁴. Направление, по которому пошло в Германии учение о благе, видно из следующего: понятие блага определяют: *Soden* (*National-Ökonomie*, 1805. I, § 43): «...предметы потребления»; *H. L. u. Jacob* (*Grundsätze der Nationalökonomie*, 1806. § 23): «...все, что служит для удовлетворения человеческих потребностей»; *Hufeland* (*Neue Grundlegung der Staatswiss*, 1807. I, § 1): «...всякое средство для достижения человеком цели»; *Storch* (*Cours d'économie polit*, 1815. I. P. 56 и сл.) говорит: «...l'arrêt que notre jugement porte sur l'utilité des choses... en fait des biens»⁵. Основываясь на его определении, говорит затем *Fulda* (*Kammeral-Wissenschaften*, 1816. S. 2, ed. 1820): «Благо — всякая вещь, которую человек признает как средство для удовлетворения своих потребностей» (ср., однако, уже *Hufeland*'а, op. cit. I, § 5); *Roscher* (*System* I, § 1) говорит: «...все то, что признано годным для удовлетворения истинной человеческой потребности».

³ Из предыдущего ясно, что характер благ не есть нечто присущее благам, не есть их свойство, но представляется нам просто, как отношение, в котором

Следовательно, предмет теряет характер блага: *во-первых*, когда изменение в сфере потребностей человека имеет следствием то, что нет потребности, к удовлетворению которой предмет был бы пригоден.

Во-вторых, такое же следствие наступит во всех тех случаях, где, благодаря переменам в свойствах предмета, теряется годность последнего быть поставленным в причинную связь с удовлетворением человеческих потребностей.

В-третьих, предмет теряет характер блага в силу того, что исчезает познание причинной связи между ним и удовлетворением человеческих потребностей.

Наконец, *в-четвертых*, благо теряет свой характер, как такового, когда исчезает возможность распоряжаться им, и именно, когда люди не только не могут непосредственно употреблять предмет для удовлетворения своих потребностей, но и не имеют в своем обладании средств для того, чтобы опять подчинить его своей власти.

Особого рода явление можно наблюдать везде, где предметы, которые не могут быть поставлены ни в какую причинную связь с удовлетворением человеческих потребностей, признаются тем не менее людьми за блага. Такого рода явление наступает тогда, когда предметам ошибочно приписываются свойства, а вследствие этого и действия, им в действительности не присущие, или же ошибочно предполагаются потребности, которых на самом деле нет. В обоих случаях нашему суждению подлежат предметы, которые, хотя и не в действительности, а лишь во мнении людей, но все же находятся в том именно отношении, которое создает характер благ. К предметам первого рода принадлежит большинство украшений, амулеты, большая часть лекарств, применяемых у народов, стоящих на низкой ступени культуры, даже еще в настоящее время, волшебные жезлы, любовные зелья и т.п.; все эти вещи, в действительности, не годны для удовлетворения тех человеческих потребностей, которым они предназначены служить. К предметам второго рода относятся лекарства от несуществующих в действительности болезней, утварь, статуи, постройки и т.д., служащие языческим народам для идолопоклонства, орудия пытки и т.п. Такие предметы, которым приписывается характер благ только благодаря воображаемому их свойствам, или благодаря воображаемым потребностям людей, можно назвать *воображаемыми благами*⁴.

находятся некоторые предметы к человеку и с исчезновением которого они, разумеется, тотчас перестают быть благами.

⁴ Уже Аристотель (De anima III, 10) различает действительные и воображаемые блага, в зависимости от того, проистекает ли потребность из разумного убеждения или неразумного.

Чем выше уровень культуры народа и чем глубже люди проникают в действительную сущность вещей и своей собственной природы, тем больше число истинных, и тем меньше становится, как оно и понятно, число воображаемых благ, и немалым доказательством соотношения между истинным познанием, т.е. наукой, и благополучием людей служит то, что, как показывает опыт, у тех народов, которые наиболее бедны действительными благами, количество так называемых воображаемых благ наиболее велико.

Особенный научный интерес представляют еще те блага, которые некоторыми исследователями нашей науки объединяются в особую категорию благ под названием «*отношений*» (*Verhältnisse*). Сюда относятся: фирмы, круг покупателей, монополии, права издания, патенты, вещно-промысловые права⁵, авторские права; некоторые писатели причисляют сюда отношения семьи, дружбы, любви, церковные и научные сообщества и т.д. Должно во всяком случае сознаться, что отнесение к благам некоторых из этих отношений не выдерживает строгой критики, но другая часть их, как, например, фирмы, монополии, права издания, круг покупателей и т.п., действительно представляют собой блага, в пользу чего говорит то обстоятельство, что мы встречаем их в большом изобилии в обороте. Если же, тем не менее, теоретик, наиболее основательно занимавшийся этим предметом⁶, признает, что существование таких отно-

⁵ Права на промыслы, соединенные с владением недвижимостью. — *Прим. перев.*

⁶ *Schäffle*. Theorie der ausschliessenden Verhältnisse, 1867. S. 2. Ср. *Stewart*: Principles of Polit. economy. Basil, 1796, II. P. 128 и сл., где блага уже делятся на материальные предметы, личные услуги и права, и к последним (там же, с. 141) причисляются отчуждаемые привилегии; *Say* причисляет к благам (*biens*) не только адвокатские конторы, круг покупателей купца и газетные предприятия, но также славу военного предводителя и т.д. (*Cours Complet* III. P. 219, 1828); *Hermann* (*Staatswirthschaftliche Untersuchungen*, 1832. S. 2, 3, 7, 289) обнимает под понятием внешних благ большое число житейских отношений (отношения общежития, любви, семьи, приобретения) и противопоставляет их, как особую категорию благ, материальным благам и личным услугам. *Roscher* (*System I*, § 3) государство также причисляет к «отношениям», тогда как *Schäffle* ограничивает понятие отношений «рентами, отчуждаемыми и получившими монопольный характер, вследствие завладения сбытом и устранения конкуренции» (там же, с. 12), причем ренту нужно понимать в особенном, с точки зрения этого писателя, смысле (*Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirthschaft*, 1867. S. 192 и сл.) Ср. также еще *Soden* (*Nationalökonomie I*, § 26 и сл.) и *Hufeland* (*Neue Grundleg. I*. S. 30 d. ed. 1815).

шений, как благ, представляет собою нечто, выходящее из ряда, и беспристрастному зрителю кажется аномалией, то, как я думаю, причина этого в действительности лежит несколько глубже, нежели в бессознательно проявляющихся и здесь реалистических чертах нашего времени, признающего вещами, а затем и благами, лишь материи и силы (материальные блага и труд).

Уже неоднократно делались указания со стороны юристов на то, что наш язык не имеет выражения для «полезных действий» (*nützliche Handlungen*) вообще, а лишь для «трудовых услуг» (*Arbeitsleistungen*). Между тем существует целый ряд действий и даже бездействий (*Unterlassungen*), которые, хотя и не могут быть названы трудовыми услугами, тем не менее для известных людей безусловно полезны и даже представляют весьма значительную хозяйственную ценность. То, что кто-либо покупает у меня товары или пользуется моими услугами в качестве адвоката, не представляет собой, конечно, проявления труда с его стороны, но для меня — это полезное действие; а если состоятельный врач, живущий в маленьком городе, где кроме него находится еще один врач, перестает заниматься практикой, — это, с его стороны, еще менее представляет собой проявление труда, но, во всяком случае, весьма полезное бездействие, благодаря которому второй врач становится монополистом. То, что большее или меньшее количество людей (например, некоторое количество покупателей) регулярно совершает полезные действия по отношению к какому-нибудь лицу (например, к торговцу), не изменяет природы этих действий; точно также некоторое, полезное для одного лица, бездействие нескольких или всех жителей какого-либо места, допустим государства, добровольно или в силу правового принуждения (естественные или правом установленные монополии, права издания, охрана торгового клейма) не изменяет нисколько сущности этих полезных бездействий. Поэтому то, что называют кругом покупателей, публикой, монополиями и т.д., представляет собой, с хозяйственной точки зрения, совершаемые другими лицами полезные действия, или их полезное бездействие, или же, как это бывает, например, при фирмах, — совокупность материальных благ, труда и других полезных действий, а в соответствующих случаях и полезного бездействия. Даже отношения дружбы и любви, религиозные союзы и т.п. состоят из таких полезных для нас действий или бездействия других лиц. Если эти полезные действия или бездействие такого рода, что мы в состоянии распорядиться ими, как это, например, действительно имеет место по отношению к кругу покупателей, фирмам, монопольным правам и т.д., то нет основания не приписывать им характера благ, не прибегая вместе с тем к темному понятию «отношений» и не противопоставляя последних прочим благам,

как особой категории. Я думаю, что всю совокупность благ должно скорее разделить на следующие две категории: с одной стороны, материальные блага (включая сюда и все силы природы, поскольку они являются благами) и с другой стороны — полезные человеческие действия (в соответствующем случае бездействия), из которых наибольшую важность представляет труд.

§ 2. О причинном соотношении благ

Мне кажется самым важным в нашей науке — прежде всего уяснить себе причинное соотношение благ, потому что, как во всех других науках, так и в нашей, истинный и постоянный прогресс начнется только тогда, когда мы перестанем рассматривать объекты нашего научного наблюдения, как разобщенные явления, а будем стараться исследовать их *причинную связь* и законы, которыми они управляются. Хлеб, который мы потребляем, мука, из которой мы приготавливаем хлеб, зерно, из которого мы мелем муку, поле, на котором растет рожь, — все это предметы блага. Однако, подобное знание для нашей науки недостаточно; гораздо важнее, чтобы мы, как это имело место во всех других опытных науках, старались распределить блага по внутренним основаниям, узнать, какое место занимает каждое из них в причинном соотношении благ, и, наконец, исследовать законы, которым блага в этом отношении подчиняются.

Наше благосостояние, поскольку оно зависит от удовлетворения наших потребностей, обеспечено, если мы всякий раз имеем в нашем распоряжении блага, необходимые для непосредственного удовлетворения их. Если мы располагаем, например, необходимым количеством хлеба, то в нашей непосредственной власти удовлетворить потребность в пище; поэтому причинная связь между хлебом и удовлетворением одной из наших потребностей непосредственна, и никаких затруднений не представляет выяснение того, — благо ли хлеб, на основании положений, изложенных нами в предыдущем отделе. Подобное же суждение мы можем составить себе и о всех прочих благах, которые мы в состоянии употребить непосредственно для удовлетворения наших потребностей, как-то, например, напитки, одежда, украшения и т.п.

Но этим еще не ограничивается круг предметов, которые мы признаем благами. Наряду с перечисленными благами, которые, для краткости, будем называть в дальнейшем изложении «благами первого порядка», мы встречаем в человеческом хозяйстве большое количество других предметов, которые не могут быть поставлены ни в какую непосредственную связь с удовлетворением наших потребностей, но характер ко-

торых, как благ, столь же несомненен, как и благ первого порядка. Так, мы видим на наших рынках, наряду с хлебом, в числе других благ, годных для непосредственного удовлетворения человеческих потребностей, также количества муки, топлива, соли; мы находим также приспособления и орудия для изготовления хлеба, а также и необходимый для этого квалифицированный труд. Все эти предметы, или преобладающее большинство их, непригодны для непосредственного удовлетворения наших потребностей; какая, в самом деле, потребность может быть непосредственно удовлетворена специфическим трудом подмастерья булочника, каким-нибудь приспособлением для печения хлеба или сырой мукой? Если же, тем не менее, с этими предметами обращаются в человеческом обиходе, как с благами, точно так же, как с предметами, составляющими блага первого порядка, то лишь на том основании, что они служат для производства хлеба и других благ первого порядка, и таким образом, хотя вообще и не могут служить непосредственному удовлетворению человеческих потребностей, но посредственно служат этой цели. Подобным же образом обстоит дело с тысячью других предметов, которые, не обладая способностью непосредственно удовлетворять человеческие потребности, служат для производства благ первого порядка, и вследствие этого могут быть поставлены в посредственную причинную связь с удовлетворением человеческих потребностей. Из этого также ясно, что отношение, благодаря которому эти и им подобные предметы становятся благами второго порядка, по своему существу совершенно сходно с отношением благ первого порядка; происходит это потому, что различие, имеющее здесь место и состоящее в том, что блага первого порядка находятся в непосредственной, а блага второго порядка в посредственной причинной связи с удовлетворением наших потребностей, не оказывает никакого влияния на сущность отношения; необходимым условием того, что эти предметы становятся благами, является, конечно, причинная связь между предметами и удовлетворением потребностей, но не непременно непосредственная причинная связь.

Было бы легко, однако, показать, что и этими благами не ограничивается круг предметов, обладающих характером благ, и что, оставаясь в пределах избранных нами примеров, — мельница, пшеница, рожь, труд, нужный для производства муки и т.д., — представляют блага *третьего* порядка; поля под хлебами, необходимые для обработки орудия и приспособления, специальный труд земледельцев — блага *четвертого* порядка. Мне кажется, что мысль, которая должна быть тут выражена, уже достаточно ясна.

В предыдущем отделе мы видели, что причинное соотношение между предметом и удовлетворением человеческой потребности является

одним из условий блага. Мысль, которую мы старались уяснить в этом отделе, может быть выражена теперь следующим образом: *непосредственная* причинная связь предмета с удовлетворением человеческих потребностей — не является условием блага. Вместе с тем было показано, что между благами, которые находятся в таком посредственном отношении к удовлетворению человеческих потребностей, существует то различие, впрочем, отнюдь не касающееся их, как благ вообще, что одни из них находятся в более, другие в менее близком причинном соотношении с удовлетворением наших потребностей, и, соответственно с этим, мы должны различать блага первого, второго, третьего, четвертого и т.д. порядков.

Однако и здесь необходимо с самого начала предохранить себя от ошибочного понимания вышесказанного. Уже там, где мы говорили о характере благ вообще, было указано на то, что характер блага не есть свойство, присущее предмету. Это же указание должно быть сделано и здесь, где идет речь о порядке, занимаемом благом в причинном ряде благ. Этот порядок показывает только, что благо, в зависимости от определенного назначения своего, находится то в более близком, то в более отдаленном причинном соотношении с удовлетворением человеческой потребности; поэтому он не представляет собой чего-либо присущего благам и менее всего какое-либо свойство последних.

Следовательно, не цифры, обозначающие порядок, представляют собой то, чему мы здесь, как и в последующем изложении законов, управляющих благами, придаем значение, хотя они, поскольку их правильно понимают, являются желательным вспомогательным средством при изложении сколь трудного, столь и важного предмета: особенное значение мы придаем уразумению причинной связи между благами и удовлетворением человеческих потребностей и более или менее посредственного причинного соотношения первых к последнему, сообразно с назначением благ.

§ 3. Законы, которым подчиняются блага, в отношении их характера, как таковых

а. (Блага высшего порядка, в своем характере благ, обусловлены наличием в нашем распоряжении соответственных комплементарных благ)

Если мы имеем в нашем распоряжении блага первого порядка, то нам предоставлена возможность употребить их непосредственно на удовлетворение наших потребностей. Если мы имеем в нашем распоряжении соответственные блага второго порядка, то в нашей власти преоб-

разовать их в блага первого порядка, и таким, посредственным, образом применить к удовлетворению наших потребностей. Если же в нашем распоряжении находятся только блага третьего порядка, то мы имеем возможность обратить их в соответственные блага второго порядка, последние же, в свою очередь, в соответственные блага первого порядка, и таким, повторно посредственным, образом блага третьего порядка применить к удовлетворению наших потребностей. Равным образом обстоит дело и со всеми благами высшего порядка, и мы постольку не сомневаемся в их характере благ, поскольку в нашей власти имеется возможность действительного применения их к удовлетворению наших потребностей.

В последнем обстоятельстве заключается, однако, довольно важное ограничение относительно благ высшего порядка, именно: мы ни в коем случае не в состоянии употребить единичное благо высшего порядка на удовлетворение наших потребностей, если в то же время не располагаем остальными (комплементарными) благами высшего порядка.

Предположим, для примера, что хозяйствующий индивид, хотя и не имеет в своем распоряжении непосредственно хлеба, но обладает всеми необходимыми для производства последнего благами второго порядка; в таком случае нет сомнения в том, что он имеет возможность удовлетворить свою потребность в хлебе. Теперь предположим, что тот же субъект имеет в своем распоряжении муку, соль, дрожжи, необходимый для производства хлеба труд и даже все требуемые для этого приспособления и орудия, но не располагает ни топливом, ни водой; ясно, что он уже не будет в состоянии применить вышеуказанные блага второго порядка к удовлетворению своей потребности в хлебе, так как без топлива и воды хлеб не может быть изготовлен даже при наличности в его распоряжении всех остальных, необходимых для этого, благ. Поэтому, в данном случае, блага второго порядка, по отношению к потребности в хлебе, тотчас же перестали бы быть благами, так как недоставало бы одного из четырех условий наличности последних (в данном случае четвертого условия).

Этим, однако, никоим образом не исключается, даже при вышеуказанных условиях, возможность сохранения предметами, о которых здесь идет речь, их характера, как благ, по отношению к другим потребностям того индивида, в распоряжении которого они находятся, если только последний в состоянии применить эти блага к удовлетворению других потребностей, а не потребности в хлебе, или же, если, несмотря на отсутствие того или другого комплементарного блага, остальные все же годятся для удовлетворения какой-либо человеческой потребности, посредственно или непосредственно. Если же данные блага вто-

рого порядка, вследствие недостатка в одном лишь или многих комплементарных благах, взятые отдельно или в соединении с другими благами, доступными распоряжению, не могли бы быть приспособлены к удовлетворению ни одной человеческой потребности, то, конечно, они совершенно бы потеряли свой характер благ, уже лишь по причине недостатка в комплементарных благах, так как хозяйствующие лица потеряли бы тогда возможность приспособить их к удовлетворению своих потребностей и, благодаря этому, отпало бы одно из существенных условий блага.

Итак, результатом предыдущего исследования является прежде всего то положение, что блага второго порядка обусловлены в своем характере благ тем, что в распоряжении данного лица имеются налицо комплементарные блага того же порядка, необходимые для производства какого бы то ни было предмета первого порядка.

Большую трудность представляет вопрос о том, насколько блага высшего, нежели второй, порядка обусловлены в своем характере, как блага, наличностью в распоряжении людей комплементарных благ. Однако, эта трудность никоим образом не заключается в отношении между благами высшего и соответственными благами ближайшего низшего порядка, как, например, между благами третьего и соответственными благами второго порядка, благами пятого и таковыми четвертого, так как одно лишь рассмотрение причинной связи между этими благами обнаруживает полную аналогию ее с только что представленным отношением между благами второго и соответственными благами ближайшего низшего, т.е. первого порядка. Таким образом, предыдущее основное положение, естественным образом, получает более широкий смысл: благо высшего порядка обусловлено в своем характере блага наличностью в распоряжении людей комплементарных благ, необходимых для производства по крайней мере одного какого-либо блага ближайшего к нему низшего порядка.

Трудность, о которой мы говорили по отношению к благам высшего, нежели второй, порядка, заключается в том, что даже наличность в распоряжении всех благ, необходимых для производства блага ближайшего низшего порядка, не обеспечивает непременно благам такого высшего порядка характера благ, если только люди вместе с тем не располагают всеми благами комплементарными, по отношению к благу этого ближайшего порядка и затем всех низших порядков. Предположим, что некто имел бы в своем распоряжении все блага третьего порядка, необходимые для производства блага второго порядка, но не располагал бы благами, комплементарными по отношению к последнему; тогда даже наличность в его распоряжении всех благ третьего порядка, необходи-

мых для производства одного блага второго порядка, не обеспечивала бы ему возможности действительного применения благ третьего порядка к удовлетворению потребностей, так как хотя и было бы в его власти обратить их в блага второго порядка, но он был бы бессилие обратить последние в соответственные блага первого порядка. Следовательно, вне его власти было бы приспособление данных благ третьего порядка к удовлетворению своих потребностей, и эти блага, в таком случае, тотчас же перестали бы быть благами.

Вместе с этим становится ясным, что вышевысказанное положение: «...блага высшего порядка в своем характере благ прежде всего обусловлены наличностью в распоряжении людей комплементарных благ того же порядка, годных для производства по крайней мере какого-либо одного блага ближайшего низшего порядка», — не обнимает всей суммы условий, определяющих характер благ предметов высшего порядка, так как только наличность в нашем распоряжении комплементарных благ высшего порядка обеспечивает нам возможность применить блага этого порядка к удовлетворению наших потребностей. Если мы располагаем благами третьего порядка, то характер последних, как благ, конечно, прежде всего обусловлен возможностью для нас преобразовать их в блага второго порядка, но дальнейшим условием является еще и возможность обратить последние в блага первого порядка, что имеет своим дальнейшим предположением наличность в нашем распоряжении определенных комплементарных благ второго порядка.

Совершенно аналогичным представляется отношение благ четвертого, пятого и шестого порядков. И здесь характер благ предметов, отстоящих так далеко от удовлетворения человеческих потребностей, обусловлен, прежде всего, наличностью в нашем распоряжении комплементарных благ того же порядка; затем характер благ их обусловлен еще наличностью в нашем распоряжении комплементарных благ ближайшего низшего порядка, далее комплементарных благ следующего за этим порядка и т.д., т.е. тем, чтобы мы действительно имели в своей власти возможность применить все эти блага высшего порядка к производству блага первого порядка и, в конечном результате, к удовлетворению человеческой потребности. Если совокупность благ, необходимых для приспособления блага высшего порядка к производству блага первого порядка, мы назовем его комплементарными благами в широком смысле слова, то отсюда следует общее положение: *блага высшего порядка обусловлены в своем характере благ возможностью иметь в нашем распоряжении комплементарные блага в только что указанном смысле слова.*

Ничто не может более живо представить нам столь важное причинное соотношение благ, чем этот закон взаимной их обусловленности.

Когда, в 1862 году, североамериканская междоусобная война закрыла Европе самое важное место добывания хлопка, то тысячи других благ, комплементарным благом которых был хлопок, потеряли характер благ. Я имею в виду применявшийся в фабричном производстве хлопчатой бумаги труд английских и континентальных рабочих, которые теперь вдруг должны были, по большей части, остаться без работы и прибегнуть к помощи общественной благотворительности. Труд (которым могли располагать эти дельные рабочие) остался тот же, однако, в большей части, он перестал быть благом, так как отсутствовало комплементарное благо — хлопок, и специфический труд сам по себе не мог быть приспособлен, в общем, к удовлетворению какой-либо человеческой потребности. Но этот труд опять сделался благом, как только комплементарное благо, в данном случае необходимый хлопок, стало снова доступно, частью благодаря повышенному ввозу из других мест добывания, частью благодаря ввозу из прежнего места добывания по окончании американской междоусобной войны.

И обратно, блага нередко перестают быть таковыми вследствие того, что в распоряжении людей нет необходимого труда, который является их комплементарным благом. В странах с малочисленным населением, а особенно в таких, в которых возделывается преимущественно один род растений, как, например, пшеница, после особенно обильных урожаев возникает большой недостаток в рабочих руках, так как сельские рабочие, количество которых само по себе ограничено, в это время к тому же и мало нуждаются в работе, а между тем работы при жатве, благодаря культуре исключительно пшеницы, сосредоточены в очень коротком промежутке времени. При таких условиях (например, на плодородных равнинах Венгрии), когда размер потребности в рабочих руках в пределах короткого промежутка времени очень велик, а находящиеся в распоряжении рабочие руки недостаточны, большие количества хлеба обыкновенно пропадают на полях; причина этого лежит в недостатке блага комплементарного, по отношению к находящемуся на полях хлебу (необходимых для собирания его рабочих рук) и, таким образом, последний перестает быть благом.

Когда хозяйственные отношения народа высоко развиты, то, по общему правилу, различные комплементарные блага высшего порядка находятся в руках различных лиц. Производители каждого отдельного предмета механически правильно продолжают свое дело, в то время, как производители комплементарных благ весьма мало думают о том, что характер благ предметов, производимых или перерабатываемых ими, обусловлен наличием других благ, совсем не находящихся в их обладании; и ошибка, заключающаяся в том, что блага высшего порядка сами по

себе, без всякого отношения к наличности комплементарных благ, будто бы обладают характером благ, может, в действительности, скорее всего возникнуть в странах, где, благодаря деятельному обороту и высоко развитому народному хозяйству, почти каждый продукт возникает при молчаливом, даже не проникающем в сознание производителя, предположении, что другие лица, связанные с ним обменом, своевременно позаботятся о комплементарных благах. Только, когда это молчаливое предположение, при изменившихся обстоятельствах, не соответствует действительности и действие законов, управляющих благами, выходит наружу, тогда прерывается обычный механический ход производства, и общественное внимание обращается на такого рода явление и их более глубоко лежащие причины.

в. (Блага высшего порядка обусловлены в своем характере благ таковым же характером соответственных благ низшего порядка)

Изложенное в первых двух отделах наблюдение над сущностью и соотношением благ приводит нас к познанию дальнейшего закона, которому подчинены блага, как таковые, т.е. без отношения к их экономическому характеру.

Мы показали, что наличность человеческих потребностей представляет собой одно из существенных условий благ, и что если, после полного отпадения человеческих потребностей, с удовлетворением которых благо может находиться в причинном соотношении, не возникают новые потребности в нем же, оно тотчас перестает быть благом.

Следовательно, после сказанного о сущности благ, вполне очевидно, что блага первого порядка тотчас перестают быть благами, как только исчезают все потребности, удовлетворению которых они служили, а новые потребности в них же не возникли. Этот вопрос становится более сложным, если мы обратим наше внимание на совокупность благ, находящихся в причинном соотношении с удовлетворением какой-либо человеческой потребности, и затем посмотрим, какое действие окажет исчезновение этой потребности на характер благ высшего порядка, стоящих в причинном соотношении с удовлетворением этой потребности.

Предположим, что потребность в табаке, в силу изменившихся вкусов людей, исчезла бы совершенно и одновременно исчезли бы все остальные потребности, на удовлетворение которых был бы годен заготовленный для потребления табак. В таком случае, несомненно, весь табак, находящийся в обладании людей в той форме, в какой это растение потребляется ими, тотчас бы перестал быть благом. А как обстоя-

ло бы тогда дело с соответственными благами высшего порядка? Что было бы с листьями сырого табака, с имеющимися орудиями и приспособлениями для производства различных сортов его, с применяемым для этого квалифицированным трудом, одним словом, со всеми наличными благами второго порядка, необходимыми для производства табака? Что было бы с табачными семенами, с плантациями табака, с рабочими руками, нужными для производства табака в сыром виде, с применяемыми здесь орудиями и приспособлениями и всеми остальными благами, которые мы можем, по отношению к потребности человека в табаке, считать благами третьего порядка? Как, наконец, обстояло бы дело с соответственными благами четвертого, пятого и следующих порядков?

Характер блага, как мы видели, обусловлен возможностью для предмета находиться в причинном соотношении с удовлетворением человеческих потребностей. Мы видели также, что непосредственное причинное соотношение между благом и удовлетворением потребности ни в коем случае не представляет собой необходимого условия блага, и что, наоборот, большое количество предметов становится благами просто благодаря тому, что находится в более или менее посредственном причинном соотношении с удовлетворением человеческих потребностей.

Если установлено, что наличность человеческих потребностей, подлежащих удовлетворению, является всякий раз условием блага, как такового, то в то же время ясно и то положение, что блага тотчас перестают быть благами, как только исчезают все потребности, удовлетворению которых они до сих пор служили, независимо от того, могут ли они быть поставлены в непосредственное или же более или менее посредственное причинное соотношение с удовлетворением этих потребностей. Ясно именно то, что с исчезновением соответственных потребностей исчезает вся основа того отношения, которое, как мы видели, является источником сущности благ.

Хинная кора перестала бы быть благом, если бы совершенно исчезли болезни, излечению которых она служит, так как тогда не было бы более той единственной потребности, с удовлетворением которой она находится в причинном соотношении. Исчезновение назначения хины имело бы дальнейшим следствием то, что большая часть соответственных благ высшего порядка перестала бы быть благами. Жители стран, где добывается хина, в настоящее время приобретающие средства к жизни отыскиванием и собиранием коры хинных деревьев, внезапно увидели бы, что не только их запасы хины, но, как естественное следствие этого, также и их хинные деревья, орудия и приспособления,

годные только для производства хины, специфический труд, которым они до сих пор добывали себе пропитание, внезапно перестали бы быть благами, так как, при изменившихся обстоятельствах, они не находились бы более в каком-либо причинном соотношении с удовлетворением человеческих потребностей. Если бы, благодаря изменению во вкусе, потребность в табаке совершенно исчезла, то это имело бы своим следствием не только то, что перестали бы быть благами запасы табака, находящиеся в распоряжении людей в той форме, в какой люди его потребляют, но также и то, что перестали бы быть благами листья табака в сыром виде, машины, орудия и приспособления, годные исключительно для переработки табака, специфический труд, применяемый в данном производстве, наличные запасы табачных семян и т.д. Столь хорошо оплачиваемый в настоящее время труд тех агентов, которые в Кубе, Маниле, Пуэрто-Рико, Гаванне и т.д. обнаруживают особенную ловкость в определении качества табака и в закупке его, перестали бы быть благами, как и специфический труд многих людей, занятых в производстве сигар в этих далеких странах и в Европе. Даже многочисленные, весьма полезные в настоящее время для практиков, книги о возделывании табака и о табачной промышленности, перестали бы тогда быть благами и остались бы не проданными в складах издателей. Мало того, даже табакерки, портсигары, все виды табачных трубок, чубуки и т.д. перестали бы быть благами.

Это, по-видимому, весьма сложное явление находит себе объяснение в том, что характер благ всех вышеназванных предметов вытекает из причинного соотношения их с удовлетворением потребности людей в табаке, и с исчезновением этой потребности исчезает одно из условий, необходимых для наличности признака блага.

Нередко, впрочем, блага первого порядка, а блага высшего порядка даже по общему правилу получают свой характер благ не от единичного, а от более или менее многочисленных причинных соотношений с удовлетворением человеческих потребностей, и потому их характер, как благ, не исчезает вследствие того лишь обстоятельства, что одна какая-либо потребность в них, или одна лишь часть этих потребностей, отпадает. Ясно, что такого рода следствие наступает только тогда, когда исчезают *все* потребности, с удовлетворением которых блага находятся в причинном соотношении, тогда как, в противном случае, блага эти все-таки сохраняют свой характер таковых, по отношению к остающимся еще потребностям, с удовлетворением которых они, и при изменившихся обстоятельствах, находятся в причинном соотношении, что вполне согласно с общим законом. И в данном случае блага сохраняют свой характер постольку, поскольку они стоят еще в причинном соотношении

с удовлетворением человеческих потребностей, и теряют свой характер благ, как только исчезают и эти последние.

Если бы наступил вышеприведенный случай, и потребность людей в табаке совершенно бы исчезла, то уже заготовленный для потребления людей табак, запасы сырых табачных листьев и табачных семян и многие другие блага высшего порядка, стоящие в причинном соотношении с удовлетворением данной потребности людей, совершенно потеряли бы свой характер благ, но подобный результат не наступил бы необходимо для всех относящихся сюда благ высшего порядка; так, например, приспособленные для возделывания табака участки земли и применяемые при этом сельскохозяйственные орудия, как и многие орудия и машины, употребляемые в табачной промышленности, остались бы благами по отношению к другим человеческим потребностям, с удовлетворением которых они и после исчезновения потребности в табаке стояли бы в причинном соотношении.

Закон, по которому блага высшего порядка обусловлены в своем характере благ таковым же характером благ низшего порядка, производству которых они служат, должен быть рассмотрен не как модификация, нарушающая сущность вышеупомянутого основного положения, но просто как конкретная форма его.

Если до сих пор мы рассматривали все вообще блага, стоящие в причинном соотношении с удовлетворением какой-либо человеческой потребности в их совокупности, и поэтому предметом нашего исследования была вся причинная связь до последнего действия — удовлетворения человеческих потребностей, то теперь, выставляя вышеуказанное положение, мы сосредоточиваем свое внимание на некоторых лишь ее частях, так что, например, отвлекаемся от причинной связи между благами третьего порядка и удовлетворением человеческих потребностей и останавливаем наше внимание лишь на причинном соотношении между благами этого порядка и соответственными благами какого-либо произвольно взятого высшего порядка.

§ 4. Время — заблуждение

Процесс постепенного преобразования благ высшего порядка в блага низшего порядка и применения затем последних к удовлетворению человеческих потребностей — не беспорядочен, как мы это видели в предыдущих отделах, но, подобно другим процессам преобразований, подчинен законам причинности. Однако идея причинности неразрывна с идеей времени. Каждый процесс превращения состоит из возникновения и развития, и мыслим только во времени. Очевидно, поэтому, что

мы никогда не будем в состоянии постигнуть вполне причинного соотношения отдельных явлений этого процесса и самый процесс, если не будем рассматривать его во времени и применять к нему меры последнего. Таким образом и при том процессе преобразования, который последовательно превращает блага высшего в блага низшего порядка до того момента, когда последние, наконец, вызывают состояние, называемое нами удовлетворением человеческих потребностей, время составляет существенный момент нашего наблюдения.

Если мы располагаем комплементарными благами какого-либо высшего порядка, то сперва эти блага должны быть преобразованы в блага ближайшего низшего и т. д., пока мы не получим благ первого порядка, которые можно уже непосредственно применить к удовлетворению наших потребностей. Промежутки времени, лежащие между отдельными фазами этого процесса, как бы они ни были коротки в некоторых случаях, — а успехи в технике и путях сообщения имеют тенденцию их все больше и больше сокращать, — все же вполне исчезнуть не могут. Невозможно превратить блага какого-либо высшего порядка в соответственные блага низшего порядка одним лишь мановением руки; напротив, не может быть никакого сомнения в том, что тот, кто располагает благами высшего порядка, будет в состоянии располагать соответственными благами ближайшего низшего порядка лишь через некоторый промежуток времени, то более короткий, то более длинный, в зависимости от особенности случая. То, что относится к отдельным звеньям причинной цепи, относится в большей еще степени ко всему процессу.

Промежуток времени, занимаемый этим процессом, весьма различен в разных случаях и зависит от характера последних. Кто располагает всеми необходимыми для производства дубового леса участками земли, рабочими руками, орудиями и семенами, должен ждать сто лет, прежде чем будет в состоянии располагать годным для срубki высокоствольным лесом, и, в большинстве случаев, конечно, это выпадет на долю его наследников или других правопреемников; с другой стороны — тот, кто располагает составными частями пищи или напитков и необходимыми для их производства орудиями, рабочими руками и т.п., может, в некоторых случаях, в несколько минут располагать кушаньями и напитками; как бы ни было, однако, велико это различие, несомненно, что известный промежуток времени, протекающий между обладанием благами высшего порядка и обладанием соответственными благами низшего порядка, никогда не может быть устранен. Следовательно, блага высшего порядка получают и удерживают свой характер не по отношению к потребностям непосредственно настоящего времени, но исключительно

по отношению к тем потребностям, которые предусмотрены человеком и проявятся по окончании производственного процесса, о котором мы выше говорили.

После всего сказанного очевидно, что поскольку мы имеем в виду определенное назначение, обладание благами высшего порядка отличается от обладания соответственными благами низшего порядка, прежде всего, тем, что мы из последних можем тотчас сделать соответственное употребление, тогда как первые представляют более раннюю ступень в процессе образования благ, и поэтому непосредственное употребление их возможно лишь по истечении определенного промежутка времени, то более, то менее длинного, в зависимости от характера случая. Отсюда вытекает дальнейшее, весьма важное, различие между непосредственным и посредственным (благодаря обладанию соответственными благами высшего порядка) распоряжением благами.

Кто имеет в своем распоряжении непосредственно некоторые блага, тот уверен в количестве и качестве их. Между тем, тот, кто располагает этими благами лишь посредственно, т.е. благодаря обладанию соответственными благами высшего порядка, не может с равной уверенностью определить количество и качество благ низшего порядка, которыми он будет в состоянии располагать по окончании процесса производства.

Владеющий ста мерами зерна располагает этим благом с такой уверенностью относительно его количества и качества, какую только может дать вообще непосредственное обладание благами. Наоборот, располагающий таким количеством земли, семян, удобрения, рабочих рук, сельскохозяйственных орудий и т.д., которое требуется для производства ста мер хлеба, может случайно получить больше ста мер, но может получить и меньше, может даже и совершенно не получить урожая; сверх того, ему придется считаться и с некоторой неизвестностью относительно качества продукта.

В одних отраслях производства существует большая, в других меньшая неуверенность относительно количества и качества продукта, которым мы располагаем в виде соответственных благ высшего порядка. Кто располагает необходимыми для производства обуви материалами, орудиями и рабочими руками, тот, по количеству и качеству находящихся в его обладании благ высшего порядка, в состоянии довольно определенно заключить о количестве и качестве обуви, которой он будет обладать в конце производственного процесса. Наоборот, кто обладает полем, приспособленным для возделывания рапса, соответственными сельскохозяйственными орудиями, необходимыми рабочими руками, семенами, средствами удобрения и т.д., тот не будет в состоянии составить себе точного суждения о количестве и качестве семян,

которые он получит в конце производственного процесса. Но все же он будет подвержен меньшей неуверенности по отношению к количеству и качеству продуктов, чем возделыватель хмеля, охотник или искатель жемчуга.

Несмотря на степень различия указанной неуверенности в разных отраслях производства, несмотря на то, что прогресс культуры имеет тенденцию постоянно уменьшать ее, все-таки очевидно, что некоторая степень неуверенности относительно количества и качества конечного продукта, то большая, то меньшая, в зависимости от характера случая, присуща всем отраслям производства.

Конечная причина этого явления лежит в своеобразном положении, занимаемом человеком в причинном процессе, называемом нами производством благ. Блага высшего порядка, по законам причинности, становятся благами ближайшего низшего порядка; эти последние, в свою очередь, подвергаются такому же изменению, пока, наконец, не превратятся в блага первого порядка и не вызовут того состояния, которое мы называем удовлетворением человеческих потребностей. Блага высшего порядка являются весьма важными элементами этого причинного процесса, однако не исчерпывают его. Кроме этих элементов, принадлежащих к миру благ, на качество и количество результата причинных процессов, называемых нами производством благ, оказывают влияние и такие элементы, причинную связь которых с нашим благосостоянием мы еще не познали, или, хотя и познали их, но по каким-либо основаниям не можем подчинить нашей власти.

Так, до недавнего времени люди не были знакомы с влиянием различных родов почвы, почвенных солей и средств удобрения на рост различных растений, и эти обстоятельства оказывали то более, то менее благоприятное или неблагоприятное влияние на конечный результат производственного процесса в количественном и качественном отношении. Благодаря исследованиям в области сельскохозяйственной химии, теперь устранена уже некоторая доля этой неизвестности, и люди в состоянии, насколько простираются их знания, создавать благоприятные условия и устранять неблагоприятные в каждом отдельном случае.

Для второго случая примером может служить смена погоды. Хотя в большинстве случаев земледельцам известно, какая погода наиболее благоприятна для произрастания растений, однако они не властны ни вызвать благоприятную погоду, ни устранить дурную, и поэтому количество и качество жатвы в значительной степени зависит от влияний, которые, хотя и действуют по неизменному закону причинности, но, находясь вне сферы власти хозяйствующих людей, являются для последних случайными.

Большая или меньшая степень уверенности в предвидении качества и количества продукта, находящегося в распоряжении людей через посредство обладания нужными для его производства благами высшего порядка, зависит от более или менее полного познания элементов каузального процесса, стоящих в причинной связи с производством благ, и от более или менее полного подчинения их распоряжению людей. Степень неуверенности в количестве и качестве продукта обусловлена противоположными обстоятельствами. Чем большее количество элементов, которых мы не знаем, или которыми мы, хотя они нам и известны, не в состоянии располагать, принимает участие в причинном процессе образования благ, чем большая часть этих элементов не носит в себе характера благ, тем больше неуверенность относительно качества и количества результатов всего причинного процесса, т.е. в соответственных благах низшего порядка.

Эта неуверенность — один из самых существенных моментов экономической неуверенности людей и, как мы увидим впоследствии, имеет весьма большое практическое значение для хозяйства.

§ 5. О причинах прогрессирующего благосостояния людей

«Наибольшее развитие производственной силы труда, — говорит Адам Смит, — и увеличение ловкости, навыка и проницательности в направлении и исполнении работы, представляются следствием разделения труда»⁷, и «вызванное разделением труда увеличение количества продуктов в различных отраслях промышленности обуславливает, в хорошо управляемом обществе, то всеобщее благосостояние, которое проникает даже в низшие слои народа»⁸.

Таким образом, Адам Смит принял за исходный пункт хозяйственного прогресса людей возрастающее разделение труда, в соответствии с тем преобладающим значением, какое он придает трудовому элементу в человеческом хозяйстве. Я думаю, однако, что замечательный исследователь, о котором здесь идет речь, в главе о разделении труда указал на одну лишь причину повышающегося благосостояния людей, другая же, не менее важная, ускользнула от его наблюдения.

Предположим, что оккупаторный, по преимуществу, труд какого-либо австралийского племени целесообразно распределен между отдельными его членами, таким образом, что одни занимаются охотой, другие — рыболовством, третьи — исключительно собиранием дикорас-

⁷ Wealth of Nat. B. I. Ch. 1. Basil, 1801. Ч. I. С. 6.

⁸ Ibid. С. 11 и сл.

тущих плодов; женщины — частью заняты приготовлением пищи, частью изготавливают одежду. Представим себе еще более полное разделение труда у этого племени — пусть каждая отдельная работа выполняется особым лицом, — и тогда спросим себя, окажет ли столь полнопроведенное разделение труда то именно влияние на увеличение количества предметов потребления у данного народа, какое Адам Смит приписывает развитию разделения труда? Очевидно, что данное племя, как и всякое другое, будет достигать таким способом прежних результатов труда с меньшими усилиями, а при затрате тех же усилий — больших результатов и, таким образом, улучшит свое положение, поскольку это вообще достижимо при наиболее целесообразной и плодотворной организации оккупаторной деятельности; однако это улучшение значительно будет отличаться от того, которое мы действительно наблюдаем у прогрессирующих в хозяйственном отношении народов. Напротив, если народ не ограничивается только оккупаторной деятельностью, т.е. собиранием находящихся налицо благ низшего порядка (в первобытном состоянии людей — по преимуществу первого и лишь отчасти второго порядка), а переходит к благам третьего, четвертого и высшего порядка и стремится для удовлетворения своих потребностей к благам все более высоких порядков, то при таких условиях мы будем в состоянии, конечно, найти у него, при наличности в то же время и целесообразного разделения труда, тот именно прогресс в благосостоянии, который Адам Смит был склонен приписать исключительно последнему обстоятельству.

Мы видим, что охотник, преследующий дичь с дубиной в руках, переходит к охоте с помощью лука и сети, к скотоводству и постепенно к более интенсивным его формам; мы видим, что люди, питающиеся дикорастущими плодами, переходят к все более интенсивным формам земледелия; мы видим, что возникают промыслы, что они совершенствуются введением орудий и машин, и что в тесной зависимости от указанных переходов растет благосостояние народа.

Чем дальше идут люди в этом направлении, тем многообразнее становятся виды благ, тем многообразнее вследствие этого работы, тем необходимое и хозяйственное становится увеличивающееся разделение труда. В то же время ясно, что прогрессивный рост доступных распоряжению людей предметов потребления не есть исключительное следствие этого последнего обстоятельства; оно не может быть признано даже важнейшей причиной экономического прогресса людей, но, по справедливости, должно быть рассматриваемо лишь как один из факторов тех могущественных влияний, которые ведут человечество от невежества и бедности к культуре и благосостоянию.

Нетрудно найти объяснение влиянию, какое оказывает возрастающее привлечение благ высшего порядка на увеличение доступных распоряжению людей предметов потребления (благ первого порядка).

Самая первобытная форма оккупаторного хозяйства ограничивается собиранием предоставляемых в данный момент природой благ низшего порядка. Хозяйствующие люди не оказывают никакого влияния на их возникновение: оно независимо от желаний и потребностей людей и носит, по отношению к последним, случайный характер. Когда же люди покидают эту первобытную форму хозяйства, начинают исследовать вещи, соединением которых в причинном процессе создаются предметы потребления, и подчиняют их своей власти, т.е. делают их благами высшего порядка, тогда процесс образования предметов потребления происходит, как и прежде, на почве причинного закона, но уже не носит более случайного характера по отношению к желаниям и потребностям людей, а представляет собой процесс, подчиненный власти последних и направляемый в границах, поставленных законами природы сообразно с целями человека. Предметы потребления, бывшие прежде результатом случайного совпадения условий их возникновения, теперь, когда люди познали эти условия и подчинили их своей власти, являются продуктом их воли, в границах, проведенных законами природы, и количества этих благ, доступные распоряжению людей, находят свой предел только в пределах проникновения людей в причинную связь между вещами и в размере их власти над последними. Прогресс в познании причинной связи предметов с благосостоянием людей и возрастающее подчинение наиболее отдаленных условий этого благосостояния привели людей от состояния дикости и глубочайшей бедности к современной ступени их культуры и благосостояния, обратили страны с малочисленным, трудящимся и все же находящимся в крайней нужде населением в густонаселенные культурные страны, и можно быть уверенным, что хозяйственный прогресс людей и в будущем будет определяться указанными успехами.

§ 6. Совокупность благ, находящихся в распоряжении индивида для удовлетворения его потребностей

Потребности людей разнообразны, и жизнь и благосостояние их не обеспечены, если в их распоряжении имеются средства для удовлетворения лишь одной какой-либо потребности, хотя бы и в каком угодно большом размере. Поэтому, хотя размеры, в каких удовлетворяются потребности по отношению к их полноте, почти безграничны, тем не ме-

нее, для поддержания жизни и благосостояния до известной степени, абсолютно необходима известная гармония в удовлетворении потребностей. Один может жить в роскошных палатах, есть изысканнейшие блюда и одеваться в самые дорогие ткани, другой — отыскивать себе для ночлега темный угол жалкой хижины, питаться отбросами и одеваться в лохмотья, но каждый из них должен стремиться к тому, чтобы удовлетворить свою потребность как в жилище и одежде, так и в пище. Ясно, что даже самое полное удовлетворение одной лишь потребности не может поддержать нашу жизнь и наше благосостояние.

С этой точки зрения справедливо можно сказать, что все доступные распоряжению хозяйствующего субъекта блага взаимно обусловлены в своем характере благ, так как каждое из них в отдельности не может само по себе повести к осуществлению общей цели, которой они служат, т.е. к поддержанию жизни и к благосостоянию, а может это сделать лишь сообщая с другими благами.

В изолированном хозяйстве и даже везде там, где обмен незначителен, эта взаимная обусловленность благ, необходимых для поддержания жизни и благосостояния людей, проявляется внешним образом в совокупности благ, находящихся в распоряжении хозяйствующих индивидов, и гармония, с которой они стараются удовлетворять свои потребности, отражается в том имуществе, которым они владеют⁹. При более высокой культуре и особенно при наших развитых условиях обмена, где обладание достаточным количеством какого-либо экономического блага предоставляет в наше распоряжение соответственные количества всех других благ, затемняется внешним образом вышеуказанная картина единичного хозяйства, но с тем большей ясностью она выступает в хозяйстве народном.

Мы наблюдаем везде, что не отдельные блага, но совокупность различного рода благ служит целям хозяйствующих людей, совокупность, доступная распоряжению единичных хозяйствующих индивидов, иногда только непосредственно, как в изолированном хозяйстве, иногда частью непосредственно, частью посредственно, как это имеет место при наших развитых условиях, и только в этой совокупности блага производят тот результат, который мы называем обеспечением наших нужд и вследствие этого и обеспечением жизни и благосостояния.

Совокупность благ, доступных распоряжению хозяйствующего индивида и служащих для удовлетворения его потребностей, мы называем его состоянием, оно является не произвольно составленным количеством разных благ, но отражением его потребностей, целым, состоящим

⁹ Cp. Stein, Lehrbuch. С. 36 и сл.

из членов, ни в какой своей существенной части не могущим быть уменьшенным или увеличенным без того, чтобы не было нарушено осуществление общей цели, которой оно служит.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полезно только то, что благоприятствует вечной жизни человека.

² Даже полезность измеряется с точки зрения вечной жизни.

³ Имущества, не приносящие годового дохода, как, например, ценные движимости, плоды, предназначенные для потребления.

⁴ Средства, которые мы имеем для удовлетворения наших потребностей. — *Прим. перев.*

⁵ Приговор, произносимый нашим суждением насчет полезности предметов... делает их благами. — *Прим. перев.*

ГЛАВА ВТОРАЯ

ХОЗЯЙСТВО И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ БЛАГА

Наши потребности вытекают из влечений, последние же коренятся в нашей природе; неудовлетворение потребностей ведет нашу природу к гибели, недостаточное удовлетворение — к разрушению ее, а удовлетворять потребности значит жить и преуспевать. Поэтому забота об удовлетворении потребностей имеет то же значение, что и забота о нашей жизни и нашем благосостоянии; она является самым важным из всех человеческих стремлений, как предположение и основа всех остальных.

Эта забота, в практической жизни людей, проявляется в том, что они стремятся подчинить своей власти все то, от чего зависит удовлетворение их потребностей. Если в нашем распоряжении находятся блага, необходимые для удовлетворения потребностей, удовлетворение зависит исключительно от нашей воли; в таком случае, в практическом отношении мы вполне удовлетворены, так как наша жизнь и наше благосостояние тогда в наших собственных руках. Количество благ, необходимых человеку для удовлетворения его потребностей, называется нужным ко-

личеством (Bedarf). Поэтому, забота людей о поддержании своей жизни и своего благосостояния является заботой об обеспечении нужного им количества благ.

Однако, удовлетворение потребностей, как и жизнь, и благосостояние людей, были бы весьма дурно обеспечены, если бы последние думали об обеспечении нужного им количества благ, лишь когда потребности уже непосредственно дают о себе знать.

Предположим случай, когда жители какой-либо местности, при внезапном наступлении сурового времени года, остались бы без всяких запасов пищи и одежды; нет сомнения, что большинство из них, даже при самой усиленной деятельности, направленной на удовлетворение этих потребностей, не в состоянии было бы спасти себя от гибели. Однако, по мере того, как развивается культура и люди научаются добывать необходимые для удовлетворения потребностей блага путем длинного производственного процесса (с. 80 и сл.), все настоятельнее становится необходимость заблаговременно заботиться об удовлетворении потребностей, т.е. обеспечивать нужное количество благ на предстоящее время.

Даже австралийский дикарь отправляется на охоту не тогда, когда он уже голоден, и строит жилище не тогда, когда уже наступило суровое время года, и он уже подвержен вредному влиянию погоды¹⁰. Культурные люди тем отличаются от всех других хозяйствующих индивидов, что они заботятся об удовлетворении своих потребностей не на короткое, а на продолжительное время, стремятся к их обеспечению на многие годы, даже на всю свою жизнь, и обыкновенно простирают свою заботливость даже на то, чтобы и у потомков их не было недостатка в необходимых для удовлетворения их потребностей средствах.

Везде, куда мы ни обратим свой взор, мы видим у цивилизованных народов целую систему колоссальной предусмотрительности в удовлетворении человеческих потребностей.

В то время, как мы теплыми одеждами защищаемся от зимнего холода, готовые весенние материи находятся уже на пути к лавкам розничных торговцев, а на фабриках ткут легкие материи, которые мы будем носить будущим летом, и прядут ткани, которые мы будем носить будущей зимой. Когда мы заболеваем, мы нуждаемся в услугах врача, а при правовых спорах — в совете юриста. Было бы, однако, слишком поздно, если бы кто-нибудь вздумал по наступлении такого положения приобретать медицинские или юридические познания и опыт самостоятельно, или же готовить других специально для этой надобности, даже

¹⁰ Даже некоторые звери накапливают запасы и таким образом заранее заботятся о том, чтобы у них зимою не было недостатка в пище и теплом убежище.

имей он все нужные для того средства. В цивилизованных странах заранее предусмотрены потребности в таких и других подобных же услугах; опытные и надежные люди, в течение многих лет готовившиеся к своему занятию и приобретшие богатый опыт путем практики, предоставляют в распоряжение общества свои услуги. В то время, как мы таким образом пользуемся плодами предусмотрительности прошлого времени, в наших высших школах уже работает много молодых людей для служения в будущем потребностям общества в подобных услугах.

Таким образом, забота людей об удовлетворении своих потребностей обращается в *предварительную заботу* об обеспечении нужного количества благ на будущее время, и мы называем нужным количеством благ то их количество, какое необходимо для удовлетворения потребностей человека, в пределах времени, на которое простирается его предусмотрительность¹¹.

Предварительная забота людей об удовлетворении своих потребностей, в целях успешности, предполагает знание двух величин. Мы должны быть осведомлены:

а) относительно нужного нам количества благ, т.е. относительно количества благ, необходимых для удовлетворения наших потребностей в тот промежуток времени, на который простирается наша предусмотрительность;

б) относительно того количества благ, которое находится в нашем распоряжении для указанной цели.

Вся предусмотрительная деятельность людей, направленная на удовлетворение потребностей, основана на знании этих двух вели-

¹¹ Слово «Bedarf» в немецком языке имеет двоякое значение. С одной стороны, оно обозначает те количества благ, какие необходимы для полного удовлетворения потребностей лица, с другой стороны — те количества, которые человек, по предположению, потребит. В этом последнем смысле человек, получающий 20000 талеров ренты и привыкший их тратить, имеет очень большой «Bedarf»; сельский рабочий, доход которого составляет 100 талеров, — весьма незначительный, а обреченный на бедность нищий совсем не имеет «Bedarf'a»; тогда как в первом своем смысле слово «Bedarf», хотя также обнаруживает весьма значительное различие, сообразно со степенью развития и привычками людей, однако каждое лицо, даже лишенное всех средств, все же имеет «Bedarf», измеряющийся количеством благ, необходимых для удовлетворения его потребностей. Купцы и промышленники употребляют обыкновенно выражение «Bedarf» в более узком смысле и понимают под ним нередко «предполагаемый спрос» в каком-либо благе. В этом смысле говорят также, что по такой-то цене имеется «Bedarf», по другой нет и т.д.

чин. Без знания первой эта деятельность была бы слепа, так как люди не сознавали бы ее цели. Без знания второй она была бы лишена плана, так как люди не имели бы представления о находящихся в их распоряжении средствах.

В последующем изложении мы сначала покажем, как люди приходят к познанию нужного им на будущее время количества благ, а затем — как они определяют доступные их распоряжению на это время количества благ и, наконец, рассмотрим ту их деятельность, в которой они стремятся применить доступные их распоряжению количества благ (предметы потребления и средства для производства) к удовлетворению их потребностей наиболее целесообразным образом.

§ 1. Надобность в благах (Bedarf)

а. Надобность в благах первого порядка (в предметах потребления)

Люди ощущают прежде всего и непосредственно потребность в благах первого порядка, т.е. в таких благах, которые могут быть непосредственно применены к удовлетворению человеческих потребностей (с. 70). Если нет надобности в благах этого рода, не может возникнуть и надобность в благах высшего порядка. Надобность в благах высшего порядка обусловлена, таким образом, надобностью в благах первого порядка, и исследование, касающееся этой последней, составляет основу исследований о надобности в благах вообще. Поэтому мы займемся сначала вопросом о надобности в предметах первого порядка и затем изложим те положения, которыми определяется надобность в предметах высшего порядка.

Количество блага первого порядка, необходимое для удовлетворения какой-либо конкретной потребности, а вместе с тем и количество, необходимое для удовлетворения всей потребности в этом благе, проявляющейся в течение определенного промежутка времени, определяется непосредственно самой потребностью или потребностями, и находит в них свою меру. Поэтому, если бы люди всегда были вполне и точно осведомлены о том, какие конкретные потребности они будут иметь, и с какою интенсивностью последние проявятся в течение времени, на которое распространяется их предусмотрительность, они, руководствуясь предыдущим опытом, никогда не имели бы сомнений относительно необходимых для удовлетворения их потребностей количеств благ, т.е. относительно размера их надобности в благах первого порядка.

Опыт учит нас, однако, что нередко по отношению к будущему времени более или менее недостоверно проявятся ли вообще известные по-

требности в пределах этого времени. Нам заранее известно, что в пределах определенного будущего промежутка времени мы будем нуждаться в пище, напитках, одежде, жилище и т.п.; однако, дело обстоит иначе по отношению ко многим другим благам, как, например, услугам врача, лекарствам и т.п., так как проявление наших потребностей в этих благах нередко находится в зависимости от таких влияний на нашу личность, которые мы не можем предвидеть с определенностью.

К этому присоединяется еще то обстоятельство, что даже при потребностях, относительно которых заранее известно, что они проявятся в пределах того промежутка времени, на который простирается наша предусмотрительность, имеется неопределенность в количественном отношении: мы знаем, что эти потребности проявятся, но не знаем заранее столь же хорошо их размер, т.е. количеств благ, которые будут нужны для их удовлетворения. А в данном случае вопрос идет именно о количествах благ.

Что касается прежде всего нашей неуверенности относительно того, проявятся ли вообще некоторые потребности в промежуток времени, на который простирается наша предусмотрительность, то опыт учит, что это недостаточное знание отнюдь не исключает предусмотрительности людей относительно удовлетворения этих потребностей в случае надобности. Даже здоровые люди, живущие в деревне, имеют, поскольку им позволяют средства, домашнюю аптеку или хотя некоторые лекарства на непредвиденные случаи; предусмотрительные хозяева имеют огнетушительные приспособления для спасения своей собственности в случае пожара и оружие для защиты ее в случае надобности, несгораемые и нескрываемые шкафы и еще много других подобных благ. Я думаю, что даже между благами, принадлежащими наиболее бедным людям, находятся такие, которые предназначены служить лишь в непредвиденных случаях.

Поэтому то обстоятельство, что неизвестно, проявится ли вообще потребность в каком-либо благе в пределах промежутка времени, на который простирается наша предусмотрительность, не исключает предусмотрительности в удовлетворении этой потребности, и таким образом это обстоятельство не устраняет вопроса о надобности в благах, необходимых для удовлетворения таких потребностей. Вернее, люди всегда предусматривают, поскольку им позволяют доступные их распоряжению средства, возможное удовлетворение и этих потребностей, и всегда, когда идет речь об определении полного объема их надобности, включают сюда необходимые для вышеуказанных целей блага¹².

¹² Cp. Condillac: *Le commerce et le gouvernement* (I. Chap. 1. P. 248 ed. Daire).

То, что здесь было сказано о тех потребностях, относительно которых неизвестно, проявятся ли они вообще, относится в равной степени к тем случаям, когда нет сомнения в самой потребности в благе, но лишь неизвестно, в какой мере она проявится, так как и в этом случае люди считают, и нужно заметить — вполне справедливо, свою надобность в благах лишь тогда вполне удовлетворенной, когда они могут иметь в своем распоряжении количества благ, достаточные для всех предусматриваемых случаев.

Дальнейшим обстоятельством, на которое здесь должно указать, является *способность человеческих потребностей развиваться*. Если человеческие потребности способны развиваться и, как иногда указывают, развиваться до бесконечности, то может возникнуть представление, будто, благодаря этому, границы количеств благ, необходимых для их удовлетворения, непрерывно, даже до бесконечности, расширяются и, таким образом, исчезает всякая возможность для людей предусмотреть размер их надобности в благах.

Прежде всего, что касается способности человеческих потребностей *бесконечно* развиваться, то, мне кажется, что здесь понятие бесконечности применимо лишь к неограниченности прогрессирующего развития человеческих потребностей, но не к количествам благ, необходимым для удовлетворения последних в пределах определенного промежутка времени. Если даже допустить, что ряд бесконечен, каждый отдельный член этого ряда все-таки конечен. Если человеческие потребности, даже в наиболее отдаленные промежутки времени, не могут быть мыслимы остановившимися в своем развитии, то все-таки они количественно определены по отношению к каждому данному промежутку времени, особенно такому, который в человеческом хозяйстве на практике принимается во внимание. Поэтому, даже при предположении безостановочного прогресса в развитии человеческих потребностей, мы всегда, поскольку принимаем во внимание определенные промежутки времени, имеем дело с конечными, но никогда не с бесконечными и поэтому вполне неопределенными величинами.

Наблюдая людей в их предусмотрительной деятельности, направленной на удовлетворение их потребностей в будущем, мы можем легко убедиться, что они далеки от того, чтобы оставлять без внимания способность потребностей к развитию, но наоборот, самым усердным образом стремятся считаться с этим обстоятельством. Кто ждет увеличения своей семьи или более высокого общественного положения, тот при постройке жилища и устройстве его, при приобретении экипажей и т.п. благ большей прочности, будет обращать больше внимания на увеличение своих потребностей в будущем и, вообще, поскольку ему позволят

средства, будет стараться считаться с более высокими требованиями будущего, не только в одном каком-либо отношении, но и в отношении ко всему своему состоянию. Аналогичное явление мы можем наблюдать в общинной жизни. Мы видим, что городские общины сооружают водопроводы, публичные здания (школы, больницы и т.д.), сады, улицы, принимая во внимание не только потребности настоящего времени, но и возрастающие потребности будущего — тенденция, которая, естественно, еще яснее выступает в деятельности людей, направленной на удовлетворение государственных потребностей.

Из всего сказанного вытекает, что надобность в средствах потребления представляет собой величину, для количественного определения которой, по отношению к будущему времени, нет никаких принципиальных затруднений, величину, выяснить которую люди стараются в своей деятельности, направленной на удовлетворение потребностей, в пределах действительной возможности и практической необходимости, т.е. ограничиваясь, с одной стороны, теми промежутками времени, на которые простирается в данном случае их предусмотрительность, с другой — той степенью точности, которая достаточна для практического осуществления их деятельности.

б. Надобность в благах высшего порядка (в средствах для производства)

Если надобность в благах первого порядка по отношению к предстоящему времени уже непосредственно покрыта количествами этих благ, то не может быть речи о дальнейшем покрытии данной надобности благами высшего порядка. Если же эта надобность не покрыта непосредственно, или даже не вполне еще покрыта благами первого порядка, то возникает надобность в благах высшего порядка, во всяком случае по отношению к указанному времени, и величина ее измеряется тем количеством благ высшего порядка, какое необходимо для полного покрытия надобности в благах первого порядка, смотря по данному уровню техники в соответственной отрасли производства.

Это простое явление, только что представленное нами по отношению к средствам для производства, очень редко, как мы увидим, подлежит нашему наблюдению, в большинстве же случаев оно подвергается важной модификации под влиянием обстоятельства, вытекающего из причинной связи между благами.

Выше (с. 72) мы более подробно показали, что люди не могут применить какое-либо благо высшего порядка к производству соответственных благ низшего порядка, если они не могут иметь в то же время в своем распоряжении комплементарные блага. То, что было сказано выше о

благах вообще, получает более точное выражение теперь, когда мы рассматриваем блага с точки зрения количеств их, доступных нашему распоряжению. Как мы прежде видели, блага высшего порядка только тогда могут быть преобразованы в блага низшего порядка и таким образом применены к удовлетворению наших потребностей, когда доступны нашему распоряжению вместе с тем и комплементарные блага; это положение с вышеуказанной точки зрения представляется в таком виде: *мы можем применить количества благ высшего порядка к производству определенных количеств благ низшего порядка и вместе с тем к покрытию надобности не иначе, как располагая в то же время комплементарными количествами прочих благ высшего порядка.* Мы, например, не можем даже самое большое количество участков земли применить к производству хотя бы самого незначительного количества хлеба, не имея в своем распоряжении количеств хлебных семян, рабочих рук и т.п., необходимых (комплементарных) для производства этого незначительного количества благ.

Поэтому никогда не бывает надобности в одном лишь благе высшего порядка, а наоборот, можно заметить, что всегда, когда не покрыта или покрыта не полностью надобность в благе низшего порядка, надобность в каждом отдельном из соответственных благ высшего порядка в действительности проявляется всегда лишь одновременно с количественно-соответственной надобностью в комплементарных благах высшего порядка.

Предположим такой случай: мы имеем в нашем распоряжении, при непокрытой еще на определенный промежуток времени, надобности в 10 тыс. пар обуви, необходимое для изготовления такого количества обуви число орудий, рабочих рук и т.д., кроме количеств кожи, которой мы имеем лишь столько, чтобы изготовить 5 тыс. пар обуви; или наоборот: располагаем всеми остальными, необходимыми для изготовления 10 тыс. пар обуви, благами высшего порядка, кроме количества рабочих рук, которых мы имеем лишь столько, сколько нужно для изготовления 5 тыс. пар обуви; нет сомнения, что, по отношению к указанному промежутку времени, наша *общая надобность*, как прежде, так и теперь, будет простираться на такие количества отдельных благ высшего порядка, необходимых для производства обуви, какие достаточны для получения всего указанного количества обуви; но наша *действительная надобность* будет простираться только на такие количества всех прочих комплементарных благ, какие требуются для изготовления 5 тыс. пар обуви; остальная надобность будет *скрытой* и станет *действительной* только тогда, когда в нашем распоряжении окажутся недостающие комплементарные блага.

Из вышесказанного вытекает закон, по которому *действительная надобность в отдельных благах высшего порядка по отношению к определенным*

промежуткам времени обусловлена наличием в нашем распоряжении комплементарных количеств соответствующих благ высшего порядка.

Когда последствием североамериканской междоусобной войны явилось значительное уменьшение ввоза хлопка в Европу, надобность в нем осталась, очевидно, почти не изменившейся, так как данная война не могла существенно изменить потребность в этом благе. Поскольку эта надобность в хлопчатобумажных материях на известное количество времени не была уже покрыта готовыми мануфактурными продуктами, возникла в результате надобность в соответственных количествах благ *высшего* порядка, необходимых для производства хлопчатобумажных тканей; ясно, что последняя также не могла никоим образом значительно измениться в своем объеме под влиянием междоусобной войны. Между тем, так как доступное распоряжению количество одного из необходимых в данном случае благ высшего порядка, именно сырого хлопка, значительно уменьшилось, то естественным последствием этого было то, что часть прежней надобности в благах, являющихся в производстве хлопчатобумажных тканей комплементарными по отношению к хлопку (каковы рабочие руки, машины и т.д.), сделалась *скрытой*, действительная же надобность в комплементарных, по отношению к хлопку, благах понизилась до количеств, необходимых для обработки доступного распоряжению сырого хлопка. Между тем, как только ввоз сырого хлопка опять повысился, тотчас должна была увеличиться и действительная надобность в этих благах, в том же отношении, в каком уменьшилась *скрытая*.

Переселенцы, под влиянием воззрений, приобретенных ими в высококультурных отечественных странах, нередко впадают в ту ошибку, что стремятся прежде всего, и в ущерб более важному, к большому земельному владению, не обращая даже внимания на то, доступны ли их распоряжению соответственные количества других комплементарных, по отношению к земле, благ. Между тем, нет сомнения в том, что они могут с успехом приспособить участки земли к удовлетворению своих потребностей лишь в той мере, в какой будут в состоянии добыть соответственные комплементарные количества хлебных семян, скота, земледельческих орудий, рабочих рук и т.п. В основе их поведения лежит незнание вышеустановленного, неизменно проявляющегося закона, которому люди, в сфере его господства, должны подчиниться, или же нести на себе пагубные последствия пренебрежения им.

Чем более развивается человеческая культура, тем более, при высококультурном разделении труда, отдельные лица имеют обыкновение производить количества благ высшего порядка при молчаливом и, по общему правилу, оправдывающемся предположении, что другие лица будут со своей стороны производить соответственные количества компле-

ментарных благ. Тот, кто изготавливает бинокли, в весьма редких случаях производит также оптические стекла, покрышки из слоновой кости или черепахи и бронзу, из которых составляются эти бинокли. Наоборот, известно, что изготавливающие бинокли обыкновенно добывают от специальных фабрикантов или мастеров отдельные части и лишь соединяют их, и таким образом последними прилагают к ним свою руку. Шлифовальщик стекол, рабочий, занятый в галантерейном производстве изготовлением покрышек из слоновой кости или черепахи, бронзовщик, изготавливающий бронзовые части, все эти лица действуют при молчаливом предположении, что надобность в продуктах их производства имеется налицо; однако, нет сомнения в том, что действительная надобность в продуктах каждого из них обусловлена производством комплементарных количеств так, что если в производстве оптических стекол явится остановка, то и действительный круг потребностей в остальных благах высшего порядка, необходимых для производства подзорных труб, биноклей и т.п. предметов, делается скрытым и наступят хозяйственные пертурбации, в житейском обиходе считающиеся совершенно ненормальными, но в действительности вполне законосообразные.

*с. Время, в пределах которого проявляют свое действие
человеческие потребности*

В исследовании данного вопроса нам остается еще только рассмотреть момент времени и показать, в пределах какого времени надобность в благах фактически обнаруживается.

Прежде всего ясно, что надобность в благах первого порядка представляется покрытой на определенный предстоящий промежуток времени, если мы, в пределах этого промежутка, будем в состоянии иметь непосредственно в нашем распоряжении соответственное количество благ первого порядка, о которых идет речь. Иначе обстоит дело, если мы должны покрыть надобность в благах первого, или вообще низшего, порядка посредственно, т.е. при помощи соответственных благ высшего порядка — иначе, именно вследствие затраты времени, которая, как мы выше видели, нераздельна со всяким процессом производства. Промежуток времени, ближайший к настоящему и простирающийся до того момента, когда из находящихся в нашем распоряжении благ второго порядка смогут быть произведены соответственные блага первого порядка, — назовем периодом I; промежуток времени, примыкающий к нему и простирающийся до того момента, когда из доступных нашему распоряжению благ третьего порядка могут быть произведены блага первого порядка, — периодом II, последующие промежутки времени, соответ-

ственно этому, — периодами III, IV и т.д. Тогда, по отношению к каждому особому виду благ, окажется последовательный ряд промежутков времени, в которые мы имеем прежде всего и непосредственно надобность в благах первого порядка, надобность, которая покрыта в действительности, в пределах этих промежутков времени тем, что мы имеем непосредственно в нашем распоряжении соответственные количества благ первого порядка.

Предположим такой случай, что мы хотели бы покрыть надобность в благах первого порядка в пределах периода II при помощи благ четвертого порядка; ясно, что это было бы физически невозможно, и что можно было бы достигнуть этого лишь при помощи благ первого или второго порядка.

Вышеуказанное наблюдение относится не только к нашей надобности в благах первого порядка, но и к надобности во всех благах низшего порядка, по сравнению с доступными нашему распоряжению благами высшего порядка. Мы не можем, например, покрыть надобности в благах третьего порядка в пределах периода V наличными в нашем распоряжении соответствующими количествами благ шестого порядка; ясно, что для этой цели мы должны были бы иметь в своем распоряжении последние блага в пределах периода II.

Если надобность народа в хлебе в текущем периоде времени, поздней осенью еще не покрыта непосредственно количеством хлеба, то было бы слишком поздно тогда применить к этой цели сельскохозяйственные орудия, рабочие руки и т.д.; но тогда было бы как раз время позаботиться о покрытии надобности в хлебе на ближайший будущий период времени при помощи вышеуказанных благ высшего порядка. Для того, чтобы покрыть надобность в услугах учителей на предстоящее десятилетие, мы должны теперь уже готовить к этому способных индивидов.

Поэтому надобность в благах высшего порядка, подобно таковой же в благах первого порядка, представляет собой не только величину, которая подчиняется строгой закономерности в количественном отношении, и поскольку представляется практическая необходимость, может быть наперед вычислена, но и притом такую, которая выступает в пределах определенных промежутков времени; иначе говоря, люди, на основании опытного знакомства с потребностями и прогрессом производства благ, в состоянии заранее определить как количества отдельных благ, в которых они будут нуждаться для удовлетворения своих потребностей, так и те промежутки времени, в пределах которых наступит надобность в этих благах, определить с точностью, достаточной для их практических целей, и притом, как показывает опыт, постоянно совершенствующейся.

§ 2. Количества, подлежащие распоряжению

Если верно вообще, что сознание действующим лицом цели своих стремлений составляет существенный момент всякой успешной деятельности, то очевидно, что знание надобности в благах на предстоящие промежутки времени является первым условием всякой предусмотрительной деятельности, направленной на удовлетворение потребностей. Как бы ни складывались внешние обстоятельства, при которых развивается названная деятельность людей, успех ее в значительной степени обусловлен правильным предвидением необходимых им в будущем количеств благ, т.е. их надобности в благах, и ясно, что полное отсутствие этого предвидения делает невозможной вообще всякую предусмотрительную деятельность, направленную на удовлетворение потребностей.

Вторым моментом, определяющим успех человеческой деятельности, является знакомство действующего субъекта с доступными его распоряжению средствами для достижения намеченных целей. Поэтому мы видим, что везде, где люди проявляют свою деятельность, направленную на удовлетворение потребностей, они усердно заботятся о том, чтобы приобрести точное представление о доступных им для вышеуказанной цели количествах благ. Способ и образ действия их в данном отношении составляет предмет нашего рассмотрения в этом отделе.

Величина количеств благ, доступных распоряжению отдельных членов народа, всегда дана фактически, и задача отдельных лиц, при приведении в известность количеств, о которых идет речь, ограничивается лишь счетом и измерением благ, доступных их распоряжению. Идеальную цель этих обоих актов предусмотрительной деятельности людей составляет полное констатирование благ, доступных их распоряжению в данный момент времени, распределение их на совершенно разные количества и точное определение величины последних. В практической же жизни, люди, будучи далеки от преследования этой идеальной цели, обыкновенно не стремятся к полной точности, возможной при данном состоянии искусства инвентаризации и измерения благ, а ограничиваются той степенью точности, которая нужна им для их практической цели. Однако, высокую практическую важность точного знания лицом количеств благ, доступных его распоряжению в данное время, характеризует во всяком случае то обстоятельство, что мы находим такое знание в особенно большой мере у купцов, промышленников и вообще у тех лиц, предусмотрительная деятельность которых высоко развита. Даже на низших ступенях культуры встречаем мы некоторое представление о доступных распоряжению количествах благ, так как очевидно, что пол-

ное отсутствие такового делает невозможной всякую вообще предусмотрительную человеческую деятельность, направленную на удовлетворение потребностей.

Если, таким образом, по мере развития предусмотрительной деятельности, направленной на удовлетворение потребностей, люди стараются привести в известность доступные в данное время их распоряжению количества благ, то там, где уже имеется развитой обмен благ, мы можем видеть стремление их составить себе суждение и о количествах благ, доступных в данное время распоряжению других членов народа, с которыми они связаны обменом.

Пока люди не вступают в сколько-нибудь значительный обмен друг с другом, то понятно, что каждый лишь в незначительной степени заинтересован в знании количеств благ, находящихся в руках других лиц. Но лишь только вследствие разделения труда возникают обширные взаимные сношения, и люди видят, что для покрытия надобности в благах им, по большей части, приходится прибегать к обмену, для них приобретает весьма большой интерес знание не только своего собственного состояния, но и состояния всех тех, кто находится с ними в меновых сношениях, так как, благодаря этому, состояние этих последних лиц, если не прямо, то косвенно (путем обмена) делается в немалой степени доступным их распоряжению.

Как только культура какого-либо народа достигает определенной высоты, начинает образовываться, рука об руку с растущим разделением труда, особый промышленный класс, занимающийся посредничеством при обмене и избавляющий остальных членов общества не только от заботы о механической стороне меновых операций (перевозке, делении, сохранении благ и т.д.), но и от приведения в известность доступных распоряжению количеств; таким образом, мы приходим к тому явлению, что определенный класс лиц имеет специальный, связанный со своим занятием, интерес в том, чтобы рядом со многими другими общими отношениями, о которых мы будем иметь случай говорить позже, приводить в известность и наличное состояние количеств благ, так называемых запасов (stocks) в широком смысле этого слова, доступных распоряжению отдельных групп народа или народов, в обмене которых эти лица являются посредниками, — деятельность, которая, по степени положения, занимаемого лицами в организме обмена, простирается на более или менее обширные области обмена, на отдельные округа, провинции или же на целые страны и части света.

Между тем этому приведению в известность, поскольку оно относится к количествам благ доступным в данное время распоряжению больших групп индивидов или целых народов, или групп народов, ста-

вятся немалые затруднения, так как точный учет запасов, о которых идет речь, мог бы иметь место лишь посредством обследования; этот же путь требует сложного, охватывающего целые области обмена, аппарата государственных чиновников, снабженных нужными полномочиями; а такой аппарат может быть создан лишь правительствами и то только в пределах их территорий; да и действие этого аппарата, даже в указанных пределах, останавливается сверх того, как это известно каждому знатоку дела, везде, где он наталкивается на блага, количества которых, доступные распоряжению, нелегко поддаются публичному контролю.

Такого рода обследования удобно предпринимать лишь от времени до времени и в большинстве случаев не иначе, как через долгие промежутки времени, так что показания, собранные в определенный момент, даже если они достоверны, нередко теряют свою практическую ценность уже во время своего опубликования, как это бывает со всеми благами, доступные распоряжению количества которых подвержены сильному изменению.

Поэтому деятельность государства, направленная на приведение в известность количеств благ, доступных в данное время распоряжению целого народа или части его, естественно ограничивается, с одной стороны, такими благами, количество которых не подвержено слишком большому изменению, каковы участки земли, здания, домашние животные, пути сообщения и т.д., так что обследования, предпринимаемые от времени до времени в определенные моменты, сохраняют свою ценность и на моменты более отдаленные; с другой стороны — благами, доступные распоряжению количества которых настолько подлежат публичному контролю, что до некоторой степени можно ручаться за правильность полученных цифр.

Понятно, что, несмотря на выдающийся интерес, который, при вышеизложенных обстоятельствах, представляет для торгового мира возможно точное знание количеств благ, доступных распоряжению в некоторых областях обмена, деловые люди не довольствуются этими недостаточно полными результатами правительственной деятельности, не обладающей, к тому же, в большинстве случаев, достаточной осведомленностью в торговых отношениях и простирающейся всегда лишь на определенные страны или части их, но не на всю область обмена; они стараются самостоятельно приобрести всестороннее и по возможности точное знание количеств, о которых идет речь, что нередко связано с большими жертвами; потребность в таком знании вызвала многочисленные органы, служащие специальным интересам торгового мира и имеющие задачей ознакомление членов каждой отрасли

предприятий с наличным состоянием запасов в различных областях обмена¹³.

Эти сведения основываются на публичных обследованиях всякого рода, которыми торговый мир стремится воспользоваться, как только они представляются надежными хоть в каком-либо отношении, на справках, собираемых сведущими корреспондентами на месте, отчасти на комбинациях опытных торговых деятелей; такие сведения простираются не только на запасы, доступные в данное время распоряжению, но и на те количества благ, которые будут предположительно предоставлены распоряжению людей в будущем¹⁴.

¹³ К этим органам принадлежат, прежде всего, корреспонденты, содержимые большими торговыми домами во всех центральных пунктах местонахождения того товара, продажей которого они занимаются; главной обязанностью этих агентов является сообщение своим патронам о текущем состоянии запасов. Кроме того, для каждого важного товара существует настоящая литература, в виде периодически появляющихся торговых сведений, служащих той же цели. Кто внимательно следит за ведомостями Bell'я в Лондоне, Meyer'a в Берлине — о хлебе, Licht'a в Магдебурге о сахаре, Ellison'a и Haywood'a в Ливерпуле о хлопчатой бумаге и т.п., тот найдет в них, наряду с кое-какими другими важными для торгового мира данными, о которых мы будем иметь случай говорить позже, также тщательно составленные показания о настоящем состоянии запасов, основанные на обследованиях всякого рода, а где нет последних, на остроумных вычислениях, показания, оказывающие, как мы увидим позже, весьма резкое влияние на народнохозяйственные явления, особенно на образование цен. Так, например, вышеупомянутые ведомости Ellison'a и Haywood'a о хлопке содержат текущие известия о наличном состоянии запасов хлопка в Ливерпуле и вообще в Англии, а также сведения о различных сортах хлопка и другие подобные данные для континента, Америки, Индии, Египта и прочих областей его производства. Эти ведомости знакомят нас с количествами хлопка, находящегося на море (плавающий товар), с гаванями, в которые он направляется, с количествами его, находящимися в Англии, с тем, имеется ли он уже в лавках прядильщиков и прочих потребителей, или же еще находится в первых руках, и с количествами его, заявленными для вывоза и т.д.

¹⁴ Например, в вышеупомянутой ведомости Licht'a не только находятся сведения о данном состоянии запасов сахара во всех областях, находящихся в меновых сношениях с Германией, но, кроме того, тщательно собраны все данные, оказывающие влияние на сырые материалы и на направление производства; так, главным образом, сведения о данном размере участков земли, засеянных сахарным тростником или предназначенных для возделывания свеклы,

Эти показания, в большинстве случаев, достаточны для ознакомления торгового мира с доступными распоряжению, в менее или более широких областях обмена, количествами определенных благ; они дают возможность судить о предполагающихся переменах запаса, а где в действительности имеется некоторая неопределенность в этом отношении, там обратить на это внимание торгового мира для того, чтобы сделать заметным для него рискованный характер торговых операций, если исход их зависит от большего или меньшего количества благ, доступных распоряжению.

§ 3. О происхождении человеческого хозяйства и хозяйственных (экономических) благах

а. Хозяйственные блага

В двух предыдущих отделах мы видели, что как отдельные индивиды, так и связанные обменом жители целых стран или частей света, стремятся к тому, чтобы составить себе суждение о круге своих надобностей в будущем времени, с одной стороны, и о доступных их распоряжению количествах благ, нужных для покрытия его, — с другой, для того, чтобы таким образом получить необходимую основу для деятельности, направленной на удовлетворение своих потребностей. Задача, к которой мы теперь приступаем, состоит в том, чтобы показать, как люди, на основе таких суждений, применяют доступные их распоряжению количества благ (предметы потребления и средства для производства) к возможно полному удовлетворению своих потребностей.

Результат исследования надобностей и количеств благ, доступных распоряжению, может быть тройким:

а) Надобность превышает доступное распоряжению количество благ.

о данном состоянии сахарных произрастаний и свекловичных полей, сведения о предполагающемся влиянии погоды на время жатвы, на урожай в количественном и качественном отношениях, сведения о последнем, о количестве занятых в производстве и не работающих сахарных фабрик и рафинадных заводов, о продуктивности первых, о количестве чужеземных и местных продуктов, которые, по предположениям, могут быть доставлены на рынок Германии, и о моментах, когда это может последовать, об успехах в технике сахарного производства, о застоях в обмене и т.д. Подобные сведения находятся и в прочих торговых ведомостях, о которых было упомянуто выше, но касательно других предметов.

b) Надобность меньше количества благ, доступного распоряжению.

c) Надобность и доступное распоряжению количество благ покрывают друг друга.

Мы можем постоянно наблюдать для значительного большинства благ первое отношение, при котором часть потребностей в соответственных благах необходимым образом должна остаться неудовлетворенной. Я не стану для этого указывать на предметы роскоши, так как при этом данное отношение само собою ясно. Но даже самая грубая одежда, самые обыкновенные жилища и обстановка, самая простая пища и т.д., суть блага этого рода. Даже земля, камни и самые неприглядные отбросы, по общему правилу, не предоставлены в наше распоряжение в столь большом размере, чтобы мы не в состоянии были использовать еще дальнейшие количества их.

Везде, где в границах известного промежутка времени проявляется это отношение, т.е. везде, где люди познают, что надобность в каком-либо благе превышает доступное их распоряжению количество его, им, далее, становится ясно и то, что ни одна доля доступного распоряжению количества благ, имеющая хоть какое-либо практическое значение, не может ни потерять своих полезных свойств, ни быть изъятой из распоряжения людей без того, чтобы не остались неудовлетворенными или были удовлетворены менее полно, чем прежде, какие бы то ни было конкретные человеческие потребности, которые до тех пор были удовлетворяемы.

Ближайшим следствием этого познания для деятельности людей, обращенной на возможно полное удовлетворение потребностей, является стремление их:

1. Удержать в своем распоряжении каждую долю благ, находящихся в вышеуказанном количественном отношении.

2. Сохранить эту долю в ее полезных свойствах.

Дальнейшим следствием познания вышеуказанного отношения между надобностью и доступным распоряжению количеством является, с одной стороны, сознание людьми того, что при всяких обстоятельствах часть их потребностей в благах, о которых идет речь, останется неудовлетворенной, и что, с другой стороны, каждое нецелесообразное употребление части количества этих благ будет иметь необходимым последствием то, что даже часть потребностей, могущих быть удовлетворенными при целесообразном употреблении всего доступного распоряжению количества благ, должна остаться неудовлетворенной.

Поэтому в предусмотрительной деятельности, направленной на удовлетворение потребностей, люди стремятся, — относительно благ, стоящих в вышеуказанном количественном отношении:

3. Сделать выбор между наиболее важными потребностями, подлежащими удовлетворению доступными их распоряжению количествами названных благ, и теми потребностями, которые они решили оставить неудовлетворенными.

4. Достигнуть, путем целесообразного употребления, каждую частью количества благ, находящегося в вышеуказанном количественном отношении, возможно большего результата и определенного результата возможно меньшим количеством благ, или, иными словами, применить наиболее целесообразным образом к удовлетворению своих потребностей как количества предметов потребления, так и количества средств для производства, доступные их распоряжению.

Всю совокупность деятельности людей, направленной на только что указанную цель, мы называем их *хозяйством*, а блага, стоящие в вышеуказанном количественном отношении, исключительными объектами хозяйства — *хозяйственными* благами, в отличие от тех, по отношению к которым люди не видят практической необходимости в хозяйственной деятельности, по причинам, которые, как мы увидим ниже, могут быть сведены к количественному отношению, доступному самому точному определению так же, как это только что показано было по отношению к хозяйственным благам¹⁵.

¹⁵ Исследование сущности экономических благ начинается с попыток установить понятие имущества в смысле индивидуального хозяйства. А. Smith коснулся этого вопроса лишь вскользь, однако его почин имел самые значительные последствия для названного учения. «Лишь только установилось разделение труда, — говорит он (W. o. N. Chap. V. Basil, 1801. С. 43 и сл.), — каждый человек становится богат или беден, по мере количества труда, которым он может располагать или которое он может купить». Поэтому, то обстоятельство, что благо предоставляет в наше распоряжение труд или, — что по мнению Smith'a одно и то же, — имеет меновую ценность, является в последовательном развитии теории Smith'a критерием его характера, как «имущественного объекта» в вышеуказанном смысле слова. Say следует примеру Smith'a. Он отличает (*Traité d'économie politique*, 1803. С. 2) блага, имеющие меновую ценность, от тех, которые таковой не обладают, и исключает последние из круга имущественных объектов. («Ce qui n'a point de valeur, ne saurait être une richesse. Ces choses ne sont pas du domaine de l'économie politique»)¹. И Ricardo делает различие между «ценностями» и благами, не представляющимися нам таковыми. (*Principles* XX. С. 165, ed. 1846); он отличается от своих предшественников лишь постольку, поскольку он слово «riches» употребляет в существенно ином смысле, чем Say слово «richesse». Malthus, опираясь на А. Smith'a (W. o. N. B. II, ch. III) ищет критерий имущественного характера благ сначала (*Principles* 1820. С. 28) исключительно

Однако прежде, чем перейти к изложению этого отношения и тех явлений, которые находят в нем свое конечное обоснование, следует припомнить еще одно явление общественной жизни, получившее неизмеримое значение для благосостояния людей и обусловленное в конечных своих причинах тем же количественным отношением, с которым мы выше познакомились.

До сих пор мы представляли в общем явления жизни, проистекающие из того, что в отношении одной группы благ надобность людей превышает доступные их распоряжению количества, не обращая особого внимания на общественную группировку людей, так что сказанное до сих пор равным образом относится к изолированному индивиду, как и к обществу в своей совокупности, как бы оно ни было организовано. Совместное сожительство людей, преследующих свои индивидуальные интересы и в качестве членов общества, вызывает по отношению ко всем благам, находящимся в неоднократно указывавшемся количественном отношении, особое явление, изложением которого мы здесь и займемся.

Если названное количественное отношение выступает в обществе, т.е. если большей надобности общества соответствует меньшее дос-

в материальности благ, а также в своих более поздних трудах ограничивает понятие имущественных объектов материальными благами. Последнего взгляда придерживаются в Германии: *Storch* (Cours I. C. 108 и сл., 1815); *Fulda* (Cameralwissenschaft 1816. C. 2, ed. 1820); *Oberndorfer* (Nationalökonomie 1822, § 23); *Rau* (Volkswirtschaftslehre § 1, 1826); *Lotz* (Staatswirtschaftslehre, I, § 19, ed. 1837); *Bernhardi* (Kritik der Gründe etc, 1849. C. 134 и сл., особ. 143 и сл.). Против выделения нематериальных благ: *Say* (Cours I. C. 161, 1828); *Mac Culloch* (Principles of P. E. ed. 1824. C. 4); *Hermann* (Staatswirtschaftliche Untersuchungen. C. 8, 1832); *Roscher* (System I, § 3). Впрочем, было признано еще Malthus'ом (Principles, 2 изд., 1836. C. 34), о колебаниях которого в определении понятия имущества мы будем говорить ниже, что ограничение этого понятия материальными благами никоим образом не определяет правильно понятия имущественных объектов. Новейшие представители науки о народном хозяйстве в Англии почти все без исключения снова связывают понятие имущественного объекта с меновой ценностью. Так, например, поступают: *Mac Culloch* (Principles. C. 4, изд. 1864); *J.St.Mill* (Principles, 6 изд. Prelim. Rem.); *Senior* (Polit. Econom. C. 6, 1863). Между новейшими французскими писателями особенно следуют этому воззрению A.Clement и A.Walras. В то время, как французские и немецкие экономисты просто различают среди благ те, которые являются имущественными объектами, и те, которые таковыми не представляются, *Hermann* (Staatswirtschaftliche Untersuch. C. 3, 1832) идет гораздо глубже, противопоставляя хозяйственные блага

тупное распоряжению количество благ, то невозможно, чтобы соответственные потребности индивидов, составляющих общество, были вполне удовлетворены; наоборот, нет сомнения в том, что потребности части членов этого общества совсем не будут удовлетворены или же будут удовлетворены лишь неполно. В этом обстоятельстве кроется побуждение к проявлению человеческого эгоизма, и каждый индивид там, где доступного распоряжению количества благ хватает не для всех, стремится покрыть собственную надобность возможно полнее, путем устранения других.

В этом стремлении отдельные индивиды достигают весьма различных результатов. Однако, как бы ни происходило распределение благ, находящихся в названном количественном отношении, всегда надобность части членов общества или совсем не будет удовлетворена, или будет удовлетворена лишь неполно, и потому каждая часть доступных распоряжению благ будет для них иметь интерес, противоположный интересу тех, которые в данное время являются владельцами этих благ. Вместе с тем понятна необходимость защиты обществом отдельных индивидов в их владении благами, находящимися в указанном количественном отношении, от возможных насильственных действий со сторо-

(объекты хозяйства) свободным благам; с тех пор это различие удержалось в немецкой науке, за немногими исключениями. Однако, даже Hermann понятие хозяйственных благ определяет слишком узко. «Хозяйственное благо, — говорит Hermann, — это то, что может быть добыто путем определенной жертвы, или затратой труда, или путем обмена» (там же, с. 3); таким образом, он ставит экономический характер блага в зависимость от труда (*ibid.*, с. 4, также от человеческого обмена). Однако, разве плоды, срываемые изолированным субъектом с деревьев без всякого труда, не являются для него хозяйственным благом, если они доступны его распоряжению в меньшем количестве, нежели то, которое нужно для удовлетворения его надобности, и разве предметы, добываемые хотя также без труда, но в количестве, превышающем надобность в них, не суть блага неэкономические? Roscher в своих «Основах» (1843, с. 3) определявший хозяйственные блага, как «подлежащие обмену», а в прежних изданиях своей «Системы», как «блага менеспособные» или по крайней мере споспешествующие обмену (System I, 1857. С. 3), в новых изданиях своего главного труда определяет хозяйственные блага = «цели и средства хозяйства», что, как простое описание понятия, нуждающегося в определении, показывает, что этот замечательный ученый оставляет открытым вопрос о критерии экономических и неэкономических благ. Ср. также Schäffle. Tübing. Univ. Schrift. 1862, отд. 5. С. 22 и «Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirthschaft», 1867. С. 2.

ны других индивидов; таким образом мы приходим к экономическому источнику происхождения нашего современного правопорядка и прежде всего к так называемой *защите владения*, основе собственности.

Таким образом, и человеческое хозяйство, и собственность имеют общее хозяйственное происхождение, так как и то и другое своим конечным основанием имеют существование благ, доступное распоряжению количество которых меньше, нежели надобность людей; вместе с тем собственность, как и хозяйство людей, является не произвольным изобретением, а наоборот — единственным практически-возможным разрешением проблемы, навязываемой нам природой вещей, т.е. указанной несоразмерностью между надобностью и доступным распоряжению количеством благ, как это имеет место по отношению ко всем хозяйственным благам.

Поэтому устранение института собственности невозможно без уничтожения причин, необходимо ведущих к этому, т.е. без увеличения в то же время количества всех экономических благ до предела, при котором надобность всех членов общества была бы вполне удовлетворена, или же без ограничения потребностей людей настолько, чтобы для полного удовлетворения их хватило бы доступных распоряжению людей благ. Без такого установления равновесия между надобностью и доступным распоряжению количеством благ, новый общественный порядок мог бы, правда, повести к тому, чтобы не те лица, что теперь, а другие пользовались доступными распоряжению количествами экономических благ для удовлетворения своих потребностей, но никогда нельзя было бы этим устранить существование лиц, круг потребностей которых в экономических благах совсем не был бы удовлетворен или был удовлетворен лишь неполно, и необходимости защиты владельцев экономических благ от возможных насильственных действий. Поэтому собственность, в вышеуказанном смысле, нераздельна с человеческим хозяйством в его общественной форме, и все проекты социальных реформ могут быть разумно направлены лишь на целесообразное распределение экономических благ, но не на уничтожение самого института собственности.

б. Неэкономические блага

В предыдущем отделе были рассмотрены явления, в основании которых лежит то, что надобность в некоторых благах превышает доступное распоряжению количество их. Теперь мы переходим к рассмотрению явлений, которые представляются следствием противоположного отношения, именно того, при котором надобность людей в каком-ли-

бо благе меньше, нежели доступное их распоряжению количество последнего.

Ближайшим следствием этого отношения является сознание людьми, что не только вполне обеспечено удовлетворение всех их потребностей в соответственных благах, но и что они не в состоянии использовать для удовлетворения своих потребностей все находящееся в их распоряжении количество благ, стоящих в указанном отношении. Предположим, что горный поток, протекающий мимо деревни, доставляет в течение дня 200 тыс. ведер воды, причем во время ливней и весной при таянии снега на горах это количество повышается до 300 тыс., а во время сильной засухи падает до 100 тыс. ведер. Предположим, далее, что жителям этой деревни ежедневно нужно воды для питья и для других целей — 200, самое большее 300 ведер для полного удовлетворения своих потребностей; следовательно, самой большей надобности, равной 300 ведам, соответствует ежедневно наличность по крайней мере 100 тыс. ведер, находящихся в их распоряжении. Ясно, что в этом и в каждом другом случае, где имеется указанное количественное отношение, не только вполне обеспечено удовлетворение всех потребностей в соответствующем благе, но и для удовлетворения потребностей хозяйствующих субъектов невозможно употребить всего доступного их распоряжению количества. Ясно также, что части количеств этих благ могут быть изъяты из распоряжения или могут утратить свои полезные свойства без нанесения тем самым какого бы то ни было вреда удовлетворению потребностей, конечно, лишь поскольку, благодаря этому, указанное количественное отношение не переходит в противоположное. Поэтому хозяйствующие лица не имеют практической необходимости, по отношению к этим благам, ни удерживать в своем распоряжении каждую часть количества, ни сохранять последнюю в ее полезных свойствах.

Точно так же третья и четвертая из упомянутых форм явлений хозяйственной деятельности людей не может быть наблюдаема по отношению к благам, доступное распоряжению количество которых больше, нежели надобность в них. Какой смысл имело бы, при наличности этого отношения, стремление людей сделать выбор между потребностями, подлежащими удовлетворению, и теми, которые они решают оставить без удовлетворения, если они даже при полном удовлетворении своих потребностей не будут в состоянии использовать все находящееся в их распоряжении количество? И что могло бы заставить людей стремиться достигнуть возможно большего результата при посредстве каждого определенного количества этих благ и определенного результата при посредстве возможно малого количества их?

При этом ясно, что все формы, в которых проявляется хозяйственная деятельность людей, так же естественно устраняются по отношению к благам, доступное распоряжению количество которых превышает надобность в них, как естественно наступают по отношению к благам, находящимся в противоположном количественном отношении; вследствие этого они не являются объектами человеческого хозяйства, и мы называем их *неэкономическими* благами.

До сих пор мы рассматривали отношение, лежащее в основании неэкономического характера благ, лишь в общих чертах, т.е. не обращая особого внимания на современное общественное состояние людей. Нам остается еще только указать на особенные общественные явления, наступающие вследствие вышеуказанного количественного отношения.

Стремление отдельных членов общества иметь в своем распоряжении надлежащие количества благ, устраняя от этого всех остальных членов общества, имеет своим источником, как мы видели, то, что доступное распоряжению общества количество некоторых благ меньше, нежели надобность в них, и поэтому каждый отдельный индивид, вследствие невозможности полного покрытия надобностей всех индивидов, при таком положении дела, побуждается к покрытию своей надобности, устраняя от этого всех других хозяйствующих субъектов. При конкуренции всех членов общества из-за количества благ, которое во всяком случае недостаточно для полного удовлетворения потребностей отдельных индивидов, как мы видели, практическое разрешение противоречия интересов мыслимо не иначе, как путем распределения между отдельными хозяйствующими субъектами частей всего количества, доступного распоряжению общества, и защиты обществом этих хозяйствующих субъектов в их владении, одновременно с устранением от этого всех остальных хозяйствующих индивидов.

Дело обстоит существенно иначе с благами, не обладающими экономическим характером. В этом случае доступное распоряжению общества количество благ превышает надобность в них, так что, если даже все индивиды вполне удовлетворят соответственные свои потребности, все же останутся части доступного распоряжению количества благ, которые пропадут, как совершенно бесполезные для удовлетворения человеческих потребностей. При таких обстоятельствах ни один индивид не видит практической необходимости обеспечить себя частью количества, достаточной для покрытия его надобности, так как одно лишь познание количественного отношения, служащего основой неэкономического характера данных благ, является для него ручательством того, что даже если все остальные члены общества покро-

ют вполне свою надобность в этих благах, все же останутся больше чем достаточные количества для удовлетворения его потребностей.

Поэтому, как показывает опыт, стремление отдельных индивидов не направлено на обеспечение своих потребностей количествами неэкономических благ путем устранения от этого всех других индивидов, и эти блага, как не составляющие предмета хозяйства вообще, не составляют и объекта собственности. По отношению к благам, находящимся в условиях, обосновывающих их неэкономический характер, мы замечаем картину полного коммунизма. Люди — коммунисты везде, где это возможно, в зависимости от существующих естественных условий. В местностях, расположенных у рек, дающих больше воды, нежели в том могут нуждаться для удовлетворения своих потребностей окрестные жители, каждый индивид отправляется к реке, чтобы зачерпнуть любое количество воды; в первобытных лесах каждый беспрепятственно добывает себе необходимое количество дерева; точно так же каждый выпускает в свое жилище такое количество воздуха и света, какое ему нужно. Коммунизм этот имеет такое же естественное основание в указанном количественном отношении, как собственность в противоположном.

с. Отношение между экономическими и неэкономическими благами

В предыдущих двух отделах мы исследовали сущность человеческого хозяйства и источник его происхождения, причем показали, что разница между экономическими и неэкономическими благами в конечном результате зиждется на различии в отношениях между надобностью и доступным распоряжению количеством соответствующих благ — различии, допускающем весьма точное исследование.

Отсюда ясно, что экономический характер благ, как и неэкономический, не представляет собой чего-либо присущего благам, не есть их свойство, и потому каждое благо, без отношения ко внутренним его свойствам или внешним моментам¹⁶, приобретает экономический ха-

¹⁶ Экономический характер благ ни в коем случае не предполагает человеческого хозяйства в его общественной форме. Если надобность в благе изолированно-хозяйствующего субъекта превышает доступное его распоряжению количество, то он удерживает, сохраняет в своем распоряжении каждую долю этого количества, применяет ее к удовлетворению своих потребностей наиболее целесообразным образом и делает выбор между потребностями, подлежащими удовлетворению, и теми, которые не будут удовлетворены. По отношению к благам, предоставленным распоряжению человека в коли-

рактер, когда вступает в вышеуказанное количественное отношение, и теряет его, когда это отношение обращается в противоположное.

Опыт показывает, что блага одного и того же рода, не обнаруживающие экономического характера в одних местностях, в других являются экономическими благами, и что блага одного и того же рода в одном и том же месте то получают, то теряют экономический характер, в зависимости от изменения условий.

В то время, как не имеют экономического характера количества воды для питья в местностях, изобилующих источниками, сырые стволы деревьев в первобытных лесах, и даже участки земли в некоторых странах, те же блага, в то же время в других местностях обнаруживают экономический характер; не менее многочисленны примеры, когда блага, не обладавшие экономическим характером в определенный период времени в определенной местности, приобретают его в той же местности, но в другое время. Эти различия и изменения в благах не могут, поэтому, иметь в своем основании какого-либо их свойства. Напротив, при точном и тщательном анализе занимающего нас явления мы можем во всех случаях удостовериться в том, что где блага того же рода одновременно в двух различных местностях имеют различный характер, или же, где в одном и том же месте они первоначально не облада-

честве, превышающем его надобность, тот же субъект не будет иметь побуждения к указанной деятельности. Поэтому и для данного изолированного субъекта будут существовать блага экономические и блага неэкономические. Ни способность блага быть «объектом обмена», ни способность его быть «объектом собственности» не может быть причиной его экономического характера. Столь же мало можно выставить критерием экономического и неэкономического характера благ то обстоятельство, что блага частью являются продуктами труда, частью предоставляются нам без всякого труда природой, несмотря на все остроумие, затраченное на объяснение с этой точки зрения явлений, ей противоречащих. Опыт учит нас, что многочисленные блага, на которые не затрачивается никакого труда (например, наносная земля, сила воды и т.д.), обладают экономическим характером везде, где они предоставлены нашему распоряжению в количестве, не покрывающем нашей надобности в них; с другой стороны, само по себе то обстоятельство, что предмет является продуктом труда, не влечет за собой необходимо экономического характера блага и даже характера блага вообще. Поэтому и затраченный на благо труд не может быть критерием экономического характера благ; ясно, что его нужно искать исключительно в отношении между надобностью и количеством благ, доступным распоряжению.

ли экономическим характером, а затем приобретали его, или же наоборот, всюду существует перемена в отношении между надобностью и количеством благ, доступным распоряжению.

На основании сказанного, причины, по которым блага неэкономические становятся экономическими, могут быть двоякие, а именно: или рост потребностей, или уменьшение количества, доступного распоряжению.

Важнейшими причинами увеличения надобности являются:

1) Увеличение населения, в особенности местное приращение его.
2) Рост человеческих потребностей, благодаря которому увеличивается количество благ, необходимое для удовлетворения потребностей одного и того же числа жителей.

3) Успехи людей в познании причинной связи между предметами и их благосостоянием, вследствие чего возникают новые назначения благ.

Это именно те явления, которые сопровождают переход людей из низшей в высшую ступень культуры, что впрочем не нуждается в особенном указании, и отсюда, как естественное следствие, вытекает, что неэкономические блага в связи с ростом культуры обнаруживают тенденцию к приобретению экономического характера и главным образом потому, что один из моментов, оказывающих здесь влияние, именно требуемое для удовлетворения человеческих потребностей количество благ увеличивается по мере развития культуры. Если к этому еще присоединяется уменьшение доступного распоряжению количества благ, обладавших до сих пор неэкономическим характером (что, например, бывает с деревьями, вследствие расчистки леса под пашню, или опустошения лесов, свойственного некоторым ступеням культуры), то вполне естественно, что блага, доступные распоряжению количество которых на более ранних ступенях культуры значительно превышало надобность в них, в силу чего они были лишены экономического характера, с течением времени становятся экономическими. Во многих местностях, особенно в Новом свете, можно исторически проследить этот переход неэкономического характера в экономический, по отношению к некоторым благам, особенно дереву и участкам земли; даже в настоящее время его можно еще наблюдать. Хотя сведения на этот счет скудны, но я думаю, что и в столь некогда изобиловавшей лесами Германии можно найти лишь мало местностей, жители которых не наблюдали бы когда-либо этого перехода, например, по отношению к дереву.

После сказанного ясно, что всякое изменение, вследствие которого экономические блага переходят в неэкономические и наоборот, точно так же сводится исключительно к перемене в отношении между надобностью и количеством, доступным распоряжению.

Особенный научный интерес приобретают те блага, которые по обнаруживаемым ими явлениям, занимают среднее место между экономическими и неэкономическими благами.

К этим благам должны быть прежде всего причислены те, которые при высокоразвитой культуре, благодаря своей особенной важности, производятся и предоставляются обществом публичному пользованию в столь большом количестве, что они доступны распоряжению даже беднейшего члена общества в каком угодно размере, и, вместе с тем, получают для потребителя неэкономический характер.

На высокой ступени культуры народов таким благом бывает обыкновенно школьное обучение. Точно так же свежая вода для питья имеет для жителей многих городов значение столь важного блага, что где ее нет в естественном изобилии, там путем водопроводов ее проводят в публичные источники, и в столь больших количествах, что не только полностью покрывается надобность в ней жителей, но всегда распоряжению доступны еще значительные количества, превышающие круг потребностей. В то время как на низких ступенях культуры обучение есть экономическое благо для нуждающегося в нем, при высокоразвитой культуре это благо становится для каждого жителя данной местности неэкономическим, благодаря предусмотрительности общества. Точно так же хорошая, здоровая вода для питья теряет свой экономический характер для потребителей во многих больших городах.

В противоположность этому, блага, предоставленные природой в распоряжение человека в количестве, превышающем надобность в них, все же получают для потребителей экономический характер, когда тот, кто обладает властью, устраняет остальных хозяйствующих субъектов от свободного распоряжения ими. В изобилующих лесами странах есть много местностей, щедро наделенных природою деревом, так что доступное распоряжению количество последнего значительно превышает надобность в нем жителей, и дерево в сыром виде, согласно естественному ходу вещей, не должно было бы иметь никакого экономического характера. Но если кто-либо захватит в свою власть весь лес или же значительную часть его, то он может регулировать количество дерева, действительно доступного распоряжению жителей данной местности, так что последнее приобретет для них экономический характер. В изобилующих лесами Карпатах есть много мест, где мелкие поземельные владельцы, прежние Grundhold'ы¹⁷, должны покупать необходимое им дерево у помещиков, тогда как последние сами ежегодно допускают догниения многие тысячи древесных стволов, так как количества, доступ-

¹⁷ Особый вид земельной зависимости в средние века. — *Прим. перев.*

ные их распоряжению, значительно превышают надобность в них. Это именно тот случай, когда блага, естественными условиями лишенные экономического характера, искусственно получают таковой для потребителей, и когда в действительности можно наблюдать все явления хозяйственной жизни, свойственные экономическим благам¹⁸.

Наконец, сюда нужно отнести еще те блага, которые хотя и не обладают экономическим характером в настоящее время, однако, с точки зрения будущего развития, в некоторых отношениях принимаются хозяйствующими людьми за экономические. Когда доступное распоряжению количество неэкономического блага последовательно уменьшается, или же надобность в нем последовательно увеличивается, и отношение между обеими величинами таково, что конечный переход неэкономического характера данных благ в экономический может быть заранее предусмотрен, хозяйствующие индивиды, в виду будущего времени, уже теперь обыкновенно делают конкретные количества такого блага предметами своего хозяйства; при определенных социальных отношениях они обеспечивают необходимое для удовлетворения своих индивидуальных потребностей количество путем подчинения его своему обладанию, даже если еще имеется налицо количественное отношение, не создающее экономического характера благ. То же самое относится к неэкономическим благам, доступное распоряжению количество которых подлежит весьма значительным колебаниям, так что только наличность некоторого излишка в нормальное время обеспечивает покрытие надобности во время недостатка; то же можно сказать и о тех неэкономических благах, количество которых, доступное распоряжению, столь незначительно превышает надобность в них (сюда относится прежде всего третий случай, указанный на с. 104), что целесообразное употребление или ошибка со стороны отдельных хозяйствующих индивидов может послужить ко вреду для других; сюда, наконец, принадлежат и те случаи, когда особенные соображения (например, удобства, опрятности) делают полезным подчинение своему обладанию конкретных количеств неэкономических благ. Поэтому, из этих и подобных им оснований может возникнуть собственность и на такие блага, которые в остальных своих хозяйственных явлениях представляются нам еще неэкономическими.

Мы хотели бы обратить внимание наших читателей еще на одно обстоятельство, весьма важное для выяснения экономического характе-

¹⁸ По аналогии с употребляемым уже в нашей науке термином, можно последние блага, в отличие от собственно экономических, назвать quasi-экономическими, а первые quasi-неэкономическими.

ра благ — мы имеем в виду различие в качестве их. Когда все количество блага, доступное распоряжению, не в состоянии покрыть надобность в нем, каждое конкретное количество этого блага становится предметом хозяйства, т.е. экономическим благом, безотносительно к его высшему или низшему качеству. Если же, наоборот, количество блага, доступное распоряжению, превышает надобность в нем, и, следовательно, имеются количества, не употребляемые на удовлетворение какой бы то ни было потребности, то, на основании сказанного о сущности неэкономических благ, мы знаем, что все части количества этого блага должны были бы приобрести неэкономический характер, поскольку они все одинакового качества. Однако, благодаря тому, что одни части количества блага, доступного распоряжению, имеют некоторые преимущества перед другими и вследствие этого лучше, или же более полно удовлетворяют человеческие потребности, нежели другие, — эти блага высшего качества могут приобрести экономический характер, в то время как другие, низшего качества, сохраняют еще неэкономический. Так, например, в стране, изобилующей участками земли, лучшие по качеству и положению участки приобретают экономический характер, в то время как худшие сохраняют еще неэкономический, или же в городе, лежащем у реки, доставляющей воду для питья низкого качества, количества воды из источника могут быть предметом индивидуального хозяйства, в то время как речная вода еще не обладает экономическим характером.

Поэтому, если мы встречаемся подчас с тем явлением, что различные части всего количества блага обладают одновременно различным характером, то причиной этого является и здесь всегда лишь то, что количество благ высшего качества, доступное распоряжению, меньше, нежели надобность в них, в то время как блага низшего качества доступны распоряжению в количестве, превышающем надобность в них (не покрываемую благами высшего качества), и, следовательно, такие случаи не составляют исключения, а, наоборот, являются подтверждением положений, здесь выставленных.

*d. Законы, которым подчиняются блага
в отношении своего экономического характера*

В своих исследованиях законов, которым подчинена надобность в благах высшего порядка, мы пришли к тому выводу, что она обусловлена прежде всего надобностью в соответственных благах низшего порядка и, сверх того, тем, что надобность в этих последних благах вовсе или частью не покрыта. Блага, доступное распоряжению количество кото-

рых не полностью покрывает надобность в них, мы называли экономическими; отсюда следует, что *надобность в благах высшего порядка обусловлена экономическим характером соответствующих благ низшего порядка.*

В местностях, где хорошая и здоровая вода для питья имеется в количестве, превышающем надобность населения в ней, вследствие чего это благо обладает неэкономическим характером, не может возникнуть надобности во всех тех приспособлениях и средствах перевозки, которые могут служить исключительно проведению, фильтрации или доставке воды для питья. В странах, изобилующих дровами (точнее древесными стволами), и где, следовательно, это благо не имеет экономического характера, невозможно, разумеется, существование какой бы то ни было надобности в благах высшего порядка, годных исключительно для производства дров. Между тем, в странах, где как вода для питья, так и дерево обладают экономическим характером, возникает надобность в указанных благах высшего порядка.

Если, таким образом, верно то, что надобность в благах высшего порядка обусловлена надобностью в соответственных благах низшего порядка, и что надобность в благах высшего порядка не может возникнуть, поскольку они не служат для получения экономических благ, то, при наличности этого последнего условия, надобность в благах высшего порядка не может быть больше доступного распоряжению количества этих благ, хотя бы оно и было незначительно, а в таком случае устраняется и экономический характер благ высшего порядка.

Отсюда следует общее положение, что *экономический характер благ высшего порядка обусловлен таковым благ низшего порядка, производству которых первые служат*, или, иными словами, что никакое благо высшего порядка не может приобрести или сохранить экономического характера, если оно не применяется для производства экономических благ низшего порядка.

Поэтому, если нашему исследованию подлежит вопрос о конечных причинах экономического характера благ низшего порядка, то было бы извращением действительного отношения утверждать, будто блага низшего порядка являются экономическими потому, что блага, употребленные на их производство, обладали экономическим характером раньше, нежели они были применены в процессе производства. Такое предположение противоречило бы прежде всего всякому опыту, показывающему, что из благ высшего порядка, экономический характер которых стоит вне всякого сомнения, могут быть произведены, как это в действительности и бывает, в силу экономического непонимания, совершенно ненужные вещи, не обладающие даже характером блага, не говоря уже — блага экономического. Возможны случаи, когда из эко-

номических благ высшего порядка могут быть произведены предметы, обладающие характером блага, но не блага экономического. Стоит только представить себе людей, добывающих затратой экономических благ дерево в первобытных лесах, воду в местностях, изобилующих ею, или же затратой дорогих материалов — воздух.

Итак, экономический характер блага не является следствием того обстоятельства, что оно произведено из экономических благ высшего порядка, и такого рода объяснение этого явления хозяйственной жизни людей должно было бы быть безусловно отвергнуто даже и тогда, если бы оно и помимо этого не заключало еще в себе внутреннего противоречия. Объяснение экономического характера благ низшего порядка существованием такового у благ высшего порядка является лишь кажущимся и, независимо от своей неправильности и противоречия со всяким опытом, не удовлетворяет даже формальным условиям объяснения явлений. Объяснение экономического характера благ первого порядка экономическим характером благ второго порядка, а последнего экономическим характером благ третьего порядка и т.д. не подвигает разрешения вопроса в сущности вперед ни на один шаг, так как вопрос о конечной и истинной причине экономического характера благ остается все-таки без ответа.

Из нашего предыдущего изложения вытекает, что человек со своими потребностями и своею властью над средствами удовлетворения последних составляет исходный и конечный пункт всякого человеческого хозяйства. Человек прежде всего ощущает потребности в благах первого порядка и делает предметами своей хозяйственной деятельности — хозяйственными благами — те из них, доступное распоряжению количество которых меньше, нежели количество, необходимое для удовлетворения его потребностей, не имея в то же время практического побуждения включать в круг своей экономической деятельности другие блага.

Позднее мышление и опыт ведут людей к все более глубокому познанию причинной связи между вещами и вместе с тем причинной связи между вещами и своим благосостоянием, и они знакомятся с благами второго, третьего и высших порядков. Однако и среди этих благ, как и среди благ первого порядка, они находят такие, которые доступны их распоряжению в количестве, превышающем их надобность, тогда как другие находятся в противоположном отношении. Поэтому, люди разделяют и эти блага на такие, которые они включают в круг своей хозяйственной деятельности и такие, по отношению к которым они не ощущают в этом практической необходимости. Это именно и является источником экономического характера благ высшего порядка.

§ 4. Имущество

«Совокупность благ, доступных распоряжению лица» мы называли выше (с. 87) его *состоянием*, совокупность же *экономических* благ, доступных распоряжению¹⁹ хозяйствующего субъекта, мы называем его *имуществом*²⁰, и поэтому неэкономические блага, находящиеся в распоряжении хозяйствующего субъекта, как вообще не составляющие предмета его хозяйства, не являются также частями его имущества. Таким образом, мы видели, что экономические блага это такие блага, доступное распоряжению количество которых меньше надобности в них. Поэтому имущество может быть также определено как «совокупность благ, доступных распоряжению хозяйствующего субъекта в количестве меньшем, нежели надобность в них», и потому в обществе, которому все блага были бы доступны в количестве, превышающем его надобность, не было бы ни экономических благ, ни «имущества». Вот почему имущество является мерилom степени полноты, с какою лицо может удовлетворять свои

¹⁹ «Доступным распоряжению» (verfügbar) в хозяйственном смысле слова является благо для какого-либо лица тогда, когда оно может употребить это благо на удовлетворение своих потребностей. Такому употреблению могут препятствовать физические или правовые обстоятельства. Например, имущество подопечного не доступно распоряжению опекуна в вышеуказанном смысле.

²⁰ Hermann. Staatswirthschaftliche Untersuch., 1832. С. 6. Какое затруднение представляет для немцев определение понятия «имущество» (Vermögen) при отсутствии у них понятия «экономических благ», видно весьма ясно из сочинений такого писателя, как Malthus. В первом издании своих «Principles of pol. econ.», появившемся в 1820 г., он определяет (с. 28) «wealth» = «those material objects, which are necessary, useful or agreeable to mankind»². Это определение подводит под понятие имущества все (материальные) блага и неэкономические также, и, следовательно, безусловно слишком широко. В своих «Definitions», выпущенных им семь лет спустя, Malthus делает добавление к вышеуказанному определению, по существу оставленному без изменения (Chap. II, статья «Wealth». С. 7, изд. 1853): «Which have required some portion of human industry to appropriate or produce»³. Это добавление он так объясняет во втором издании своих «Основ» (1836, с. 34): «This latter part was added to exclude air, light, rain etc.»⁴ Однако и это определение он впоследствии признает несостоятельным, так как «there is some objection, — говорит он там же, — to the introduction of the term industry or labour into the definition (of wealth), because an object might be considered as wealth, which has had no labour employed upon it.»⁵, и наконец приходит к следующему определению понятия «имущество» (Principles of Pol. E., 1836. С. 33):

потребности сравнительно с другими лицами, развивающими свою хозяйственную деятельность при равных условиях; однако это мерило отнюдь не абсолютно²¹, так как высшее благосостояние всех индивидов и общества было бы достигнуто, если бы доступные распоряжению общества количества благ были столь велики, что никто не нуждался бы в имуществе.

Эти замечания должны быть руководящим началом при разрешении проблемы, которая может вызвать недоверие к правильности основ на-

«I should define wealth to be the material objects necessary, useful or agreeable to man, which are voluntary appropriated by individuals or nations», т.е. приходит к определению объектов имущества, как «материальных благ, произвольно присваиваемых людьми в свою собственность», и, таким образом, впадает в новую ошибку, возводя в принцип сущности имущества (экономического характера благ) то обстоятельство, что благо находится в собственности хозяйствующих людей. Почти такие же колебания в установлении понятия имущественного объекта находим мы в сочинениях Say. В своем «Traité d'écon. pol.» (1803) он ставит ценность (меновую ценность) принципом имущественного характера благ: «Ce qui n'a point de valeur, ne saurait être une richesse»⁶ (с. 2). Взгляд этот оспаривается *Torrens*'ом (On production of wealth. С. 7, 1821), и Say в своем Cours d'E. P. (1828, I, с. 133 и сл.) приходит, относительно благ, являющихся имущественными объектами, к следующему воззрению: «Nous sommes forcés d'acheter, pour ainsi dire, ces biens par des travaux, des économies, des privations, en un mot par des véritables sacrifices»⁷, т.е. приходит к воззрению, близкому к тому, которого придерживался Malthus в своих «Definitions». С другой стороны Say говорит (там же, с. 133, дальше внизу): «On ne peut pas séparer de ces biens l'idée de la propriété. Ils n'existeraient pas si la possession exclusive n'en était assuré à celui qui les a acquis...» (с. 34). «D'un autre côté la propriété suppose une société quelconque, des conventions, des lois. On peut en conséquence nommer les richesses ainsi acquises "*des richesses sociales*"»⁸.

²¹ Относительный характер имущества, как мерила для суждения о степени полноты, с какою индивид может удовлетворить свои потребности, повел к тому, что некоторые писатели определяли имущество с точки зрения индивидуального хозяйства, как совокупность *экономических* благ, а имущество с точки зрения народного хозяйства, как совокупность *всех* благ, по той причине прежде всего, что они имели в виду в первом случае относительное благосостояние отдельных индивидов, в последнем — абсолютное благосостояние общества. Особенно *Landerdale* «Inquiry into the nature» etc. с. 39 и сл., а также с. 56 и сл., 1804. Недавно предложенный *Roscher*'ом вопрос (System I, § 8), не оценивается ли народное имущество по потребительной ценности, а частное — по меновой, должен также быть сведен к предыдущему противоположению.

шей науки, вследствие кажущихся антиномий, к которым она ведет. Было, именно, указано на то, что с увеличением количества экономических благ, доступных распоряжению хозяйствующих субъектов, они необходимо теряют под конец свой экономический характер и, таким образом, составные части имущества должны уменьшиться. В этом проявляется странное противоречие, будто продолжающееся увеличение имущественных объектов необходимо влечет за собой в конечном результате уменьшение имущественных объектов²².

Предположим для примера, что количество какой-нибудь минеральной воды, доступное распоряжению того или другого народа, меньше, нежели надобность в ней. В таком случае части всего количества этого блага, находящиеся в распоряжении отдельных хозяйствующих лиц, как и отдельные источники, будут представлять собой блага экономические, составные части имущества. Далее допустим, что вдруг некоторые ручьи начинают доставлять целебную воду в таком изобилии, что она вследствие этого теряет свой прежний экономический характер. В этом случае нет сомнения, что количества минеральной воды, имеющиеся в распоряжении хозяйствующих индивидов до наступления только что предположенного события, как и сами минеральные источники, перестали бы быть составными частями имущества, и, таким образом, наступил бы момент, когда продолжающееся увеличение составных частей имущества повлекло бы за собой уменьшение последнего.

Этот парадокс, весьма странный на первый взгляд, при более подробном рассмотрении оказывается лишь кажущимся. Как мы видели, экономические блага таковы, что количество их, доступное распоряжению, меньше, нежели надобность в них, т.е. это такие блага, в которых имеется частичный недостаток; имущество же хозяйствующих индивидов является ничем иным, как совокупностью этих благ. Если же количество их, доступное распоряжению, продолжает увеличиваться до тех пор, пока они в конце концов не теряют своего экономического характера, то уже не существует более недостатка в них, и они выступают из круга благ, составляющих части имущества хозяйствующих людей, т.е. из круга благ, в которых имеется частичный недостаток. Однако в том обстоятельстве, что продолжающееся увеличение количества благ, в котором имеется недостаток, влияет в конце концов на то, что последнее перестает быть благом, без сомнения не заключается противоречия.

Что постоянное увеличение экономических благ должно в конце концов иметь своим следствием уменьшение тех благ, в которых до тех пор имелся недостаток, составляет положение, каждому столь же непосред-

²² Ср. уже Landerdale. Там же. С. 43.

ственно очевидное, как и противоположное, т.е., что некоторое время продолжающееся уменьшение находящихся в изобилии благ (неэкономических) в конце концов ведет к частичному недостатку в последних, т.е. делает их составными частями имущества, и поэтому круг последних расширяется.

Таким образом, вышеуказанный парадокс, выставленный не только здесь, где речь идет лишь об объеме имущественных объектов, но аналогичным образом и относительно ценности и цены экономических благ²³, является только кажущимся и покоится на непонимании сущности имущества и его составных частей.

Мы определили имущество как совокупность экономических благ, доступных распоряжению хозяйствующего субъекта. Поэтому каждое имущество предполагает хозяйствующего субъекта или хотя бы такого, для которого хозяйничают. Поэтому количества экономических благ, предназначенные для определенной цели, не являются имуществами в экономическом смысле слова, так как фикция юридического лица, имеющая, правда, значение для целей практической юриспруденции или даже юридических конструкций, безусловно, не имеет значения в нашей науке, не признающей никакой фикции. Поэтому, так называемые «целевые имущества» являются количествами экономических благ, предназначенными для определенных целей, но не имуществом в экономическом смысле слова.

Предыдущий вопрос приводит нас к вопросу о *народном имуществе*. Государства, отдельные части страны, общины и общества располагают вообще количествами экономических благ для удовлетворения *своих* потребностей, для осуществления *своих* целей. Для экономиста здесь нет надобности в фикции юридического лица. Для него без всякой фикции существует хозяйствующий субъект, общество, которое управляет через свои органы известными экономическими благами, доступными его распоряжению в целях удовлетворения его потребностей, и применяет их к этому назначению. Никто, поэтому, не остановится перед признанием существования имущества, принадлежащего государству, округу, общине и обществу.

Иначе обстоит дело с тем, что обозначают именем «*народное имущество*». Здесь речь идет не о совокупности экономических благ, доступных распоряжению народа для удовлетворения его потребностей, управляемых его органами и применяемых к указанному назначению, но о совокупности благ, доступных распоряжению отдельных хозяйствующих индивидов и общественных групп в народе и самому народу для своих

²³ Proudhon, Contradictions. Chap. II, § 1.

индивидуальных целей, т.е. о понятии, отличающемся в некоторых существенных пунктах от того, что мы называем имуществом.

Если допустить фикцию и представить себе совокупность людей, составляющих народ, экономически действующих в целях удовлетворения своих специальных потребностей, притом нередко руководимых противоположными интересами, в виде единого хозяйствующего субъекта, и далее предположить, что количества экономических благ, доступные распоряжению отдельных хозяйствующих лиц, предназначены не для удовлетворения их специальных потребностей, но для удовлетворения потребностей всей совокупности хозяйствующих индивидов, составляющих народ, то можно, конечно, прийти к понятию совокупности экономических благ, доступных распоряжению хозяйствующего субъекта (здесь народа) для целей удовлетворения его потребностей, т.е. к понятию того, что вполне правильно может быть названо народным имуществом. Однако при наших современных социальных условиях, совокупность экономических благ, доступных распоряжению хозяйствующих в народе лиц в целях удовлетворения их специальных потребностей, явно не составляет имущества в экономическом смысле слова, но скорее связанный взаимными отношениями комплекс имуществ²⁴.

Однако потребность в научном обозначении только что упомянутой совокупности благ является столь законной, и выражение «народное имущество» столь распространено и санкционировано употреблением, что устранять этот термин представляется тем менее оснований, чем яснее мы представляем себе истинную сущность так называемого народного имущества.

Тогда необходимо будет только оградить себя от ошибок, могущих возникнуть в результате аргументации, оставляющей без внимания вышеуказанное различие. Во всех вопросах, где речь идет просто о количественном определении, так называемого народного имущества, все-таки таковым может считаться совокупность индивидуальных имуществ народа. Где же речь идет об обратном заключении от величины народного имущества к благосостоянию народа или о тех явлениях, которые суть следствие контакта отдельных хозяйств, понятие народного хозяйства в буквальном смысле слова должно было бы необходимо повести к многочисленным ошибкам. Во всех этих случаях мы будем рассматривать народное имущество как комплекс индивидуальных имуществ народа, и будем также обращать наше внимание на различную меру последних.

²⁴ Ср. Dietzel: Die Volkswirtschaft und ihr Verhältniss zur Gesellschaft und Staat, 1864. С. 106 и сл.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Что не обладает ценностью, не может составить богатства; такие предметы не входят в область политической экономии». — *Прим. перев.*

² «Богатство» — это «те материальные предметы, которые необходимы, полезны или приятны людям». — *Прим. перев.*

³ «Которые потребовали некоторого количества человеческого прилежания для приобретения или производства».

⁴ «Эта последняя часть была прибавлена для исключения воздуха, света, дождя и т.д.».

⁵ «Можно представить возражение против введения термина прилежания или труда в определение (богатства), так как и такой предмет может считаться богатством, на который вовсе не затрачено труда».

⁶ «Что не имеет ценности, то не могло бы быть богатством».

⁷ «Мы вынуждены, так сказать, покупать эти блага работой, сбережениями, лишениями, одним словом настоящими жертвами». — *Прим. перев.*

⁸ Нельзя отделить от этих благ идеи собственности. Они не существовали бы, если бы исключительное владение ими не было обеспечено за теми, кто их приобрел. С другой стороны, собственность предполагает какое-либо общество, соглашения, законы. Поэтому богатства, приобретенные таким, образом можно назвать «богатствами общественными». — *Прим. перев.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

УЧЕНИЕ О ЦЕННОСТИ

§ 1. О сущности и источнике происхождения ценности благ

Если в пределах времени, на которое простирается предусмотрительная деятельность людей, надобность их в благе превышает количество последнего, доступное на то же время их распоряжению, то люди в своем стремлении удовлетворить потребности настолько полно, насколько это возможно при данном положении вещей, ощущают по отношению к данному благу побуждение к деятельности, сущность которой мы изложили выше и назвали *хозяйством*. Познавание указанного отношения создает в то же время еще одно явление, более глубокое понимание которого имеет весьма важное значение для нашей науки, — мы имеем в виду ценность благ.

Если надобность в благе превышает доступное распоряжению количество последнего, то ввиду того, что часть соответственных потребностей и без того должна оставаться неудовлетворенной, количество данного блага, доступное распоряжению, не может быть уменьшено ни на какую долю, имеющую хотя какое-либо практическое значение; в противном случае останется неудовлетворенной вовсе или лишь частью какая-нибудь потребность, до этого времени удовлетворявшаяся. Поэтому при всех благах, находящихся в таком количественном отношении, от каждой конкретной части их, доступной распоряжению и имеющей еще практическое значение, зависит удовлетворение какой-либо человеческой потребности. Когда хозяйствующие лица приходят к сознанию этого обстоятельства, т.е. когда они познают, что от каждой доступной их распоряжению доли количества данных благ, иными словами, от каждого конкретного блага, находящегося в таком количественном отношении, зависит удовлетворение одной из их потребностей, или по крайней мере большая или меньшая полнота удовлетворения, то эти блага для них получают значение, называемое нами *ценностью*. Следовательно, ценность есть значение, которое для нас имеют конкретные блага или количества благ вследствие того, что в удовлетворении своих потребностей мы сознаем зависимость от наличности их в нашем распоряжении²⁵.

²⁵ Стремление установить общие элементы для всех форм явлений ценности благ, т.е. дойти до *общего* понятия ценности, свойственно новейшим немецким писателям, самостоятельно исследовавшим учение о ценности. Они также стремятся отличать потребительную ценность благ от простой полезности. Friedländer (Theorie d. Werthes, Dorpater Univ. Progr., 1852. С. 48) определяет ценность как «познанное человеческим суждением отношение, в котором вещь может стать средством для достижения цели, заслуживающей стремления» (ср. также Storch. Cours d'économ. polit. Ч. I. С. 36). Так как указанное отношение есть именно основание полезности (поскольку заслуживающая стремления цель есть удовлетворение человеческой потребности, или же стоит в соотношении с последним), то предыдущее определение имеет такое же значение, как и то, по которому ценность благ понимается как *признанная* пригодность их к достижению цели, т.е. как признанная полезность вещи. Однако эта полезность является общим предположением характера благ, и потому определение Friedländer'a, независимо от того, что оно не касается сущности ценности, слишком широко. Действительно, последний приходит к заключению (с. 50), что неэкономические блага суть такие же объекты человеческой оценки, как и экономические. Knies (Lehre vom Werth, Tübing. Zeitschr., 1855. С. 423), как и многие из его предшественников, видит в ценности *степень* годности блага для целей людей (ср. еще прежние издания Roscher'a System. I, § 4), взгляд, которому я все же не могу следовать, потому что хотя ценность

Поэтому явление жизни, называемое нами ценностью благ, происходит из того же источника, что и экономический характер благ, т.е. из вышеизложенного отношения между надобностью и количеством благ,

и величина измеримая, однако мера ее столь же мало принадлежит к ее сущности, как мера места или времени к сущности последних. Knies сам чувствует затруднения, к которым ведет такое понятие ценности в своих дальнейших следствиях, так как он признает определение понятия ценности также в смысле годности, полезности, даже просто блага, и замечает, что «действительно в своем целом теория ценности в отдельных местах построена на комбинации обоих значений слова «ценность» и, таким образом, не приходит к единому принципу. Schäffle (Tübing. Universitätsschrift, 1862. Отд. 5. С. 10) исходит из такого взгляда: «Всегда, когда должна идти речь о хозяйстве и хозяйственных благах, требуется наличность потенциального или актуального, сознательной волей человека установленного, отношения между лицом и внешним предметом. Это отношение может быть понимаемо как с точки зрения хозяйственного *объекта*, так и с точки зрения хозяйственного *субъекта*. Объективно — оно *годность* блага, субъективно — *ценность* его. Годность (полезность) — это способность вещи служить человеческой цели. *Ценность* же — это *значение*, которое благо имеет благодаря своей пригодности для экономического целесознания хозяйственной личности». Между тем и это определение ценности безусловно слишком широко, так как и неэкономические блага обладают годностью и стоят в вышеуказанном отношении к целесознанию людей, не обладая однако ценностью, как это признает сам Schäffle в своих позднейших трудах (Das gesellschaftliche System, 1867, с. 6), определяя ценность как «значение блага, *вследствие жертв, которые должны быть ради него принесены*». Следовательно, старое определение Schäffle не ограничивает ценности экономическими благами, хотя этот остроумный исследователь (Tübing. Universitätssch., 1862, там же, с. 11) вполне сознает, что явления ценности не может быть у неэкономических благ. Наоборот, новейшее определение Schäffle безусловно слишком узко, так как нет сомнения, что весьма многие неэкономические блага попадают в распоряжение людей без малейших жертв (например, наносная земля и т.д.), тогда как другие не могут быть добыты путем экономических жертв (например, природные дарования). Однако здесь уже находит полное освещение существенный момент более глубокого понимания сущности ценности: не объективная годность сама по себе (Tübing. Universitätsschr., с. 11) и не степень годности (там же, с. 31), но *значение* блага для хозяйствующего субъекта составляет сущность ценности благ, согласно мнению Schäffle. Интересное добавление к правильному пониманию ценности благ дает Rösler (Theorie des Werthes, Hildebr. Jahrbücher, 1868, IX. С. 272 и сл., 406 и сл.). Он приходит к выводу, «что обычное различие между потребительной и меновой

доступным распоряжению²⁶. Различие между обоими явлениями заключается в том, что познание количественного отношения является побуждением для нашей предусмотрительной деятельности, благодаря чему

ценностью неправильно, и понятие ценности абсолютно не может быть связано с моментом полезного употребления вещей, что наоборот понятие ценности *едино*, что оно обозначает *имущественный характер* предметов и путем осуществления имущественного правопорядка становится конкретным явлением». Особенность точки зрения Rösler'a явствует из сравнения с предыдущим изложением; точно так же ясен и шаг вперед в его учении, заключающийся в правильном ограничении круга объектов ценности и строгом различии полезности благ от их ценности. Однако я не могу согласиться с тем, что Rösler делает имущественный характер блага, являющийся таким же следствием вышеизложенного количественного отношения, как и сама ценность, принципом последней; мне кажется неправильным и то, что Rösler заимствует понятие имущественного характера из юриспруденции (с. 295, 302 и сл. Ср. также Ch. Schlözer, Anfangsg. I, § 15). Ценность благ, как и экономический характер их, не зависит от человеческого хозяйства в его общественной форме, не зависит и от правопорядка и даже от существования общества. Она наблюдается и в изолированном хозяйстве, и поэтому не может корениться в правопорядке. Из старых попыток установить общее понятие ценности должны быть упомянуты попытки *Montanari* † 1687 (Della Moneta III, с. 43, р. а, ed. Custodi), *Turgot* (Valeurs et monnaies, с. 79 и сл., ed. Daire), *Condillac* (Le commerce et le gouvernement, 1776, с. 151 и сл., ed. Daire), *Garnier* (с. 5 предисловия к его переводу А. Smith'a), *Storch* (Cours d'économie polit., 1815, I, с. 56 и сл.). Особенное же значение имеет *Condillac*, у которого определение понятия ценности имеет немало сходства с некоторыми новыми направлениями этого учения в Германии.

²⁶ В предыдущей главе мы более подробно рассмотрели попытки свести различие между экономическими и неэкономическими благами к тому, что первые являются продуктами труда, а вторые суть «добровольные дары природы», что первые являются объектами менового оборота, а вторые не являются ими, причем пришли к результату, что экономический характер благ не зависит от только что указанных моментов. То же относится и к ценности. Последняя, как и экономический характер благ, является следствием многократно упоминавшегося отношения между надобностью и количеством благ, доступным распоряжению, и те же основания, которые говорят против определения экономических благ, как «продуктов труда» или «менных благ», исключают эти же критерии везде, где речь идет о различии между благами, имеющими для нас ценность, и теми, которые таковой не обладают.

блага, стоящие в таком отношении, делаются предметами нашего *хозяйства*, т.е. экономическими благами; с другой стороны, познание этого отношения приводит нас к сознанию значения, которое имеет для нашей жизни и для нашего благосостояния наличность в распоряжении каждой конкретной²⁷ части всего доступного распоряжению количества благ. Поэтому блага, стоящие в вышеуказанном отношении, получают для нас *ценность*²⁸.

Итак, ясно, почему лишь экономические блага имеют для нас ценность, тогда как блага, находящиеся в количественном отношении, создающем неэкономический характер благ, не получают для нас никакой ценности.

Отношение, создающее неэкономический характер благ, состоит в том, что надобность в соответственных благах меньше, нежели доступное распоряжению количество их. Благодаря этому, всегда существуют части количества неэкономических благ, которым не соответствует ника-

²⁷ Из смешения понятий «потребительной ценности» с «полезностью», или первой со «степенью полезности» или «признанной полезностью» вытекает учение об *абстрактной* ценности благ (см. *Rau*. «Volkswirtschaftslehre», § 58 и сл., 1863). Род может обладать полезными свойствами, делающими конкретные блага годными для удовлетворения человеческих потребностей, степень полезности может быть различна по отношению к определенным целям употребления (буковое и ивовое дерево для целей отопления и т.п.), но ни полезность рода, ни различная степень полезности в различных родах или видах благ не могут быть названы «ценностью». Не родовые, но конкретные блага всегда *доступны распоряжению* хозяйствующих индивидов, и поэтому только они являются *благами* и только они — *объекты нашего хозяйства* и нашей *оценки* (ср. O. Michaelis. «Das Capitel v. Werthe». Vierteljahrschrift F. V. W., 1863, I. C. 16 и сл.).

²⁸ Подобно тому, как при более глубоком исследовании душевных процессов предметы внешнего мира познаются нами, как проникшее в наше сознание воздействие вещей на нас самих, т.е. в конечном результате являются познанием состояния нашей собственной личности, так и всякое значение, которое мы приписываем предметам внешнего мира, представляет собой в конечном результате отражение (Ausfluss) того же значения, какое имеет для нас поддержание существа и развития нашей природы, т.е. нашей жизни и нашего благосостояния. Поэтому ценность не есть нечто присущее благам, не свойство их, но наоборот — лишь то значение, которое мы прежде всего придаем удовлетворению наших потребностей, т.е. нашей жизни и нашему благосостоянию, а затем переносим на экономические блага, как на исключительные причины этого удовлетворения.

кая человеческая потребность, подлежащая удовлетворению, и которые, поэтому, могут потерять свой характер блага без всякой опасности для удовлетворения человеческих потребностей. Таким образом, от наличия в нашем распоряжении конкретных благ, не имеющих экономического характера, не зависит никакое удовлетворение потребности, и поэтому конкретные количества благ, стоящих в указанном отношении, т.е. неэкономических, не имеют для нас также никакой ценности.

Если житель девственного леса располагает несколькими тысячами лиственных стволов, тогда как ему ежегодно для покрытия своей надобности в дереве необходимо лишь около двадцати, то он ни в коем случае не будет считать себя потерпевшим ущерб в удовлетворении своих потребностей, когда лесной пожар уничтожит около тысячи стволов, если только он в состоянии будет оставшимся количеством столь же полно удовлетворить свои потребности, как и прежде. Следовательно, при таких условиях, от наличия в его распоряжении одного ствола не зависит удовлетворение ни одной его потребности, и поэтому один ствол не имеет для него никакой ценности. Напротив, если в лесу находятся десять диких фруктовых деревьев, плоды которых данный субъект потребляет и если отношение таково, что доступное его распоряжению количество плодов не больше, нежели его надобность в этом благе, то, конечно, ни одно из этих деревьев не могло бы быть уничтожено без того, чтобы субъект в результате не испытал голода, или же по крайней мере не удовлетворил свою потребность в плодах менее полно, чем прежде, и поэтому каждое из этих деревьев в отдельности имеет для него ценность.

Если жители деревни ежедневно нуждаются в тысяче ведер воды для полного покрытия своей надобности в этом благе и располагают ручьем, доставляющим ежедневно сто тысяч ведер воды, то для них некоторая конкретная часть количества этой воды, например, одно ведро, не имеет ценности, так как они смогут столь же полно удовлетворять свою потребность в воде и тогда, когда эта часть количества будет изъята из их распоряжения, или просто потеряет свой характер блага. Они будут спокойно смотреть на то, как ежедневно многие тысячи ведер воды будут вливаться в море, причем это не нанесет никакого ущерба удовлетворению их потребности в воде. Поэтому до тех пор, пока сохранится отношение, создающее неэкономический характер воды, от наличия в их распоряжении одного ведра воды не будет зависеть удовлетворение ни одной из их потребностей в том смысле, что этого удовлетворения не последовало бы, не будь они в состоянии располагать этим именно благом; на этом и основано то обстоятельство, что такое количество воды не имеет для них ценности. С другой стороны, если бы ко-

личество воды, доставляемое этим ручьем, понизилось до пятисот ведер в день, вследствие особенной засухи или другого явления природы, и если бы в то же время, жителям деревни, о которых идет речь, не был доступен другой источник воды, так что вся совокупность доступного их распоряжению количества воды была бы недостаточна для полного удовлетворения их потребности в ней, то они не могли бы пренебречь ни одной имеющей практическое значение долей доступного им количества воды, например, одним ведром, без того, чтобы не был нанесен ущерб удовлетворению их потребностей. Следовательно, каждая конкретная часть количества, доступного их распоряжению, конечно, имела бы тогда для них ценность.

Итак, неэкономические блага не только не имеют меновой ценности, как думали до сих пор, но не имеют ценности вообще, а вместе с тем и ценности потребительной. После того, как мы установим еще некоторые научные положения, мы ниже остановимся более подробно на отношении между потребительной и меновой ценностью. Здесь заметим лишь предварительно, что и меновая ценность, и потребительная составляют два понятия, подчиненные общему понятию ценности, следовательно, между собой соподчиненные, и потому все, что мы выше говорили о ценности вообще, так же относится к потребительной ценности, как и к меновой.

Если же многие исследователи народного хозяйства, не приписывая неэкономическим благам меновой ценности, все же приписывают им потребительную, а некоторые новейшие английские и французские экономисты стремятся вообще изгнать понятие потребительной ценности из нашей науки и заменить его понятием полезности, то это объясняется непониманием существенного различия между обоими вышеуказанными понятиями и явлениями жизни, лежащими в их основании.

Полезность — это годность предмета служить удовлетворению человеческих потребностей и потому (именно, как *познанная* полезность) является общим условием характера благ. И неэкономические блага полезны в той же мере, как и экономические, вследствие своей годности удовлетворять человеческие потребности, и эта их годность также должна быть *познана* людьми, так как иначе они не могли бы вообще стать благами. Отличие неэкономического блага от экономического заключается в том обстоятельстве, что удовлетворение человеческих потребностей не зависит от обладания нами конкретными количествами первого, но зависит от наличности в нашем распоряжении конкретных количеств второго; вследствие этого, хотя первого рода блага и обладают полезностью, но лишь блага второго рода имеют для нас, наряду с полезностью, еще и то значение, которое мы называем ценностью.

Ошибка, лежащая в основании смешения понятия полезности с понятием потребительной ценности, разумеется, не имела влияния на практическую деятельность людей. Ни один хозяйствующий субъект, как до этого, так и после, не наделил при обыкновенных условиях ценностью кубического фута воздуха, или кружки воды в местностях, изобилующих водой, и всякий на практике отличает, и даже весьма хорошо, годность вещи служить удовлетворению одной из его потребностей от ее ценности. Однако вышеуказанная ошибка явилась большим препятствием для развития общих учений нашей науки²⁹.

То обстоятельство, что благо имеет для нас ценность, заключается, как мы видели, в том, что наличность его в распоряжении имеет для нас значение удовлетворения потребности, которая без того не была бы удовлетворена. Правда, наши потребности могут отчасти зависеть от нашей воли или от нашей привычки, по крайней мере, поскольку идет речь об их происхождении, но раз они уже налично, ценность, которую блага имеют для нас, уже не представляет собой *ничего произвольного*, но есть неизбежное следствие познания их значения для нашей жизни или нашего благосостояния. Поэтому мы напрасно старались бы не приписывать благу ценности, раз мы пришли к сознанию, что от наличности его в распоряжении зависит удовлетворение одной из наших потребностей. Напрасно было бы также стараться приписывать ценность благам, от наличности которых в нашем распоряжении мы не сознаем своей зависимости. Поэтому ценность благ не есть нечто произвольное, но всегда необходимое следствие познания человеком зависимости сохранения своей жизни, своего благосостояния или хотя бы одной части последних, какой бы то ни было величины, от наличности в распоряжении блага или количества блага.

Что же касается этого *познания*, то люди могут также ошибаться по отношению к ценности благ, как и по отношению ко всем другим объектам человеческого познания, и потому могут приписывать ценность предметам, в действительности, согласно экономическому положению вещей, ею не обладающим, если только они ошибочно считают, будто от какого-нибудь блага или количества блага зависит более или менее полное удовлетворение их потребностей, тогда как на самом деле этого отношения нет; в таком случае перед нами явление *воображаемой* ценности.

Ценность благ основана на отношении благ к нашим потребностям, а не на их сущности. С изменением этого отношения должна также возникнуть

²⁹ Proudhon (*Système des contradictions économiques*. Ch. II, § 1), введенный в указанное заблуждение, констатирует непримиримое противоречие между потребительной и меновой ценностью.

или исчезнуть ценность. Для жителей оазиса, имеющих в своем распоряжении источник, вполне покрывающий круг их потребностей в воде, определенное количество воды не имеет ценности на месте нахождения источника. Если же источник, вследствие землетрясения, внезапно стал бы давать настолько меньше воды, что удовлетворение потребностей жителей этого оазиса уже не было бы вполне обеспечено, так что удовлетворение каждой конкретной потребности должно было бы зависеть от наличности в распоряжении определенного количества воды, то последнее тотчас приобрело бы для жителей оазиса ценность. Однако эта ценность исчезла бы тотчас по восстановлении прежнего отношения, т.е. после того, как источник снова стал бы давать воду в прежнем изобилии. Подобное же явление имело бы место, если бы число жителей оазиса увеличилось настолько, что воды из источника не хватало бы уже более для удовлетворения всех потребностей. Такое изменение, вызванное увеличением числа потребителей, могло бы даже наступать с известной закономерностью периодически, именно во время посещения оазиса многочисленными караванами.

Итак, ценность не есть нечто присущее благам, не свойство их, но также и не самостоятельная, не сама по себе существующая вещь. Ценность — это суждение, которое хозяйствующие люди имеют о значении находящихся в их распоряжении благ для поддержания их жизни и их благосостояния, и потому вне их сознания не существует. Поэтому также безусловно ошибочно называть благо, имеющее ценность для хозяйствующих субъектов, «ценностью», или же говорить о «ценностях», как о самостоятельных реальных предметах, как это делают экономисты, благодаря чему ценность объективируется. Объективно существуют ведь всегда лишь вещи, точнее говоря, количества их, а ценность их есть нечто существенно от них отличное, именно суждение, которое хозяйствующие индивиды себе составляют о значении, какое имеет наличность в их распоряжении количества благ для поддержания их жизни и благосостояния. Объективация ценности благ, по своему существу вполне *субъективной*, также много содействовала смешению основных понятий нашей науки.

§ 2. О первоначальной мере ценности благ

До сих пор мы ввели в круг своих исследований вопрос о сущности и конечных причинах ценности, а также о моментах, общих для всякой ценности. В жизни, однако, ценность отдельных благ является в виде величины весьма различной, нередко даже изменяющейся у одного и того же блага. Теперь, в этом отделе, предметом нашего рассмотрения будет

исследование причин различия ценности благ и меры ее. Ход нашего исследования явствует из нижеследующего изложения.

Блага, подлежащие нашему распоряжению, имеют для нас ценность не ради их самих. Мы видели, что прежде всего имеет для нас значение лишь удовлетворение наших потребностей, так как им обусловлена наша жизнь и наше благосостояние. Мы показали также, что это значение переносится людьми на подлежащие их распоряжению блага, поскольку последние обеспечивают им удовлетворение потребностей, которые, в случае отсутствия благ, остались бы неудовлетворенными, т.е. на экономические блага. Во всякой ценности благ проявляется лишь то значение, которое мы приписываем удовлетворению наших потребностей, т.е. нашей жизни и нашему благосостоянию. Если этим объяснением мы исчерпали всю сущность ценности благ и установили, что в конечном результате для нас имеет значение лишь удовлетворение наших потребностей, и что всякая ценность есть только перенесение этого значения на хозяйственные блага, то различие величины ценности отдельных благ, наблюдаемое нами в жизни, также основано только на различии величины значения, какое представляет для нас удовлетворение потребностей, обусловленное наличием в нашем распоряжении данных благ. Для того чтобы свести к конечным причинам различие в ценности отдельных благ, как мы наблюдаем его в жизни, нам необходимо разрешить двоякого рода задачу.

Во-первых, насколько удовлетворение различных конкретных потребностей имеет для людей различное значение? (субъективный момент) и

Во-вторых, какие конкретные удовлетворения потребностей находятся в каждом отдельном случае в зависимости от наличия в нашем распоряжении определенного блага? (объективный момент).

Если в результате этого исследования окажется, что отдельные конкретные акты удовлетворения потребностей имеют для людей различное значение, и далее, что от наличия в нашем распоряжении отдельных экономических благ находится в зависимости удовлетворение потребностей этого различного значения, то таким образом и будет разрешена указанная задача, т.е. будет сведено к своим конечным причинам то явление хозяйственной жизни, объяснение которого мы поставили как проблему в начале настоящего исследования, — мы имеем в виду различие в величине ценности благ.

В ответе на вопрос о конечных причинах различия ценности благ заключается также разрешение проблемы о том, каким образом происходит то, что и самая ценность отдельных благ изменяется. Каждое изменение есть не что иное, как различие во времени, и, поэтому, в познании конечных причин различия какой-либо категории величин вообще заключается также и понимание изменений ее.

*а. Различие в величине значения отдельных удовлетворений потребностей
(субъективный момент)*

Прежде всего, что касается различия в значении для нас отдельных удовлетворений потребностей, то обыденный опыт показывает, что для людей вообще наибольшее значение имеют те удовлетворения потребностей, от которых зависит сохранение их жизни, и что мера значения остальных удовлетворений потребностей сообразуется для них со степенью (продолжительностью и интенсивностью) благополучия, находящегося в зависимости от этих удовлетворений. Поэтому, если хозяйствующие лица должны сделать выбор между удовлетворением потребности, от которого зависит сохранение их жизни, и другим, от которого зависит лишь их большее или меньшее благополучие, то они обыкновенно отдают предпочтение первому удовлетворению; точно та же при выборе между удовлетворениями потребностей, от которых зависит более высокая степень их благополучия, т.е. большая его продолжительность при равной интенсивности, и большая интенсивность при равной продолжительности, и теми, от которых зависит меньшая степень благополучия, отдается предпочтение первым.

От удовлетворения потребности в пище, а при наших климатических условиях и в одежде и жилище, зависит сохранение нашей жизни, тогда как от обладания нами каретой, шахматной доской и т.п. зависит только несколько большая степень нашего благосостояния. Соответственно этому мы можем наблюдать, что люди гораздо более опасаются недостатка в пище, одежде или жилище, нежели в карете, шахматной доске и т.п., и придают несравненно большее значение обеспечению удовлетворения первых потребностей, нежели тех, от которых, как в вышеупомянутых случаях, зависит лишь мимолетное удовольствие или несколько больший комфорт, другими словами, лишь более высокая степень благополучия. Однако и эти удовлетворения потребностей имеют весьма различное значение для людей. Ни от удобной постели, ни от шахматной доски, предоставленных в наше распоряжение, не зависит сохранение нашей жизни, однако пользование этими благами ведет — конечно, в весьма различной степени — к повышению нашего благосостояния. Поэтому, не может возникнуть сомнения в том, что если человеку предоставлен выбор между лишением удобной постели или шахматной доски, он легче обойдется без последней, нежели без первой.

Если, таким образом, мы видели, что значение, какое представляют различные удовлетворения потребностей, весьма неодинаково, а именно, одни из них имеют для людей значение сохранения жизни, другие

обуславливают их благополучие в большей степени, третьи — в меньшей и т.д., кончая такими, от которых зависит лишь какое-либо незначительное, мимолетное удовольствие, то внимательное наблюдение жизненных явлений показывает нам, что это различие в значении отдельных удовлетворений потребностей можно заметить не только при удовлетворении *различных* потребностей вообще, но и при *более или менее полном* удовлетворении одной и той же потребности.

От удовлетворения нашей потребности в пище зависит наша жизнь. Однако было бы ошибочно считать все пищевые продукты, обыкновенно употребляемые людьми, нужными для сохранения их жизни, или хотя бы только здоровья, т.е. продолжительного их благополучия. Всякому известно, как легко без всякого ущерба для жизни, даже для здоровья, обойтись без одного из обычных обедов; опыт учит, что количество пищи, необходимое для сохранения жизни, составляет лишь меньшую часть того, что обыкновенно потребляется зажиточными лицами, и что люди значительно больше едят и пьют, чем это необходимо для полного поддержания их здоровья. Люди потребляют пищу прежде всего для сохранения своей жизни, затем — дальнейшие количества для поддержания своего здоровья, так как слишком скудное питание, лишь сохраняющее жизнь, сопровождается, как показывает опыт, расстройством нашего организма; наконец, после того как предыдущие количества уже обеспечили им сохранение жизни и поддержание здоровья, люди еще потребляют количества пищи просто ради удовольствия, связанного с едой.

Поэтому весьма различно и то значение, которое имеют для людей отдельные конкретные акты удовлетворения потребности в пище. Удовлетворение потребности в пище до того момента, когда им уже обеспечена жизнь, имеет для каждого человека полное значение сохранения его жизни; дальнейшее потребление до известного момента имеет значение лишь сохранения здоровья, т.е. продолжительного благополучия; наконец, дальнейшее потребление имеет для них просто значение удовольствия, как показывает наблюдение, все более и более понижающегося, пока потребление не достигнет известной границы, когда потребности в пище удовлетворены уже столь полно, что дальнейшее принятие ее не служит ни к сохранению жизни, ни к поддержанию здоровья, ни к доставлению удовольствия, но становится безразличным для потребителя, а затем превращается уже в мучение и угрожает опасностью здоровью и даже жизни.

Подобные же наблюдения мы можем сделать и по отношению к более или менее полному удовлетворению всякой другой человеческой потребности. При наших климатических условиях жилище, представ-

ляющее собой пристанище для ночлега и защиту от непогоды, необходимо для сохранения жизни, просторная квартира — для поддержания здоровья. Сверх этого, люди, если у них есть только средства для этого, обыкновенно обзаводятся помещениями исключительно в целях удовольствия (приемные и игорные комнаты, залы для балов, павильоны, охотничьи замки и т.п.). Поэтому нетрудно убедиться, что и при удовлетворении потребности в жилище отдельные, конкретные акты этого удовлетворения имеют для людей весьма различное значение. От удовлетворения до известного предела нашей потребности в жилище зависит наша жизнь, от дальнейшего, более полного удовлетворения той же потребности, — наше здоровье, от удовлетворения еще сверх этого — то большее, то меньшее удовольствие, и, наконец, для каждого лица можно представить себе предел, дальше которого пользование доступными распоряжению комнатами станет безразличным и даже обременительным.

Поэтому и по отношению к большей или меньшей полноте удовлетворения одной и той же потребности, мы можем сделать наблюдение, подобное сделанному выше по отношению к различным потребностям людей. Если выше мы видели, что удовлетворение различных потребностей имеет для людей весьма различное значение, представляющее собой скалу, начинающуюся значением, которое имеет для нас наша жизнь, и постепенно понижающуюся до значения, которое мы придаем скоропроходящему, незначительному удовольствию, то теперь мы видим, что удовлетворение до известной степени полноты какой-либо определенной потребности имеет для нас относительно наибольшее значение, дальнейшее удовлетворение — все меньшее, пока не наступит такое состояние, когда более полное удовлетворение соответственной потребности уже безразлично, а наконец и такое, когда всякий акт, имеющий внешнюю форму удовлетворения соответственной потребности, не только более не представляет значения, но, наоборот, становится бременем, страданием.

Для того, чтобы в целях облегчения понимания дальнейших трудных исследований, получить выражение различных величин, о которых мы только что говорили, в цифрах, обозначим цифрой 10 значение удовлетворений потребности, от которых зависит наша жизнь, а последовательно понижающееся значение остальных удовлетворений цифрами 9, 8, 7, 6 и т.д. Таким образом, мы будем иметь скалу значения различных удовлетворений потребностей, начинающуюся 10 и кончающуюся 1.

Если мы теперь таким же образом выразим в цифрах понижающееся значение последовательных актов удовлетворения каждой потребно-

сти в отдельности из числа всех вышеуказанных, то для той потребности, от удовлетворения которой до известного момента зависит наша жизнь, а далее — постепенно понижающееся благосостояние, мы получим скалу, начинающуюся 10 и кончающуюся 0, для тех же удовлетворений потребности, наибольшее значение которых равно 9, скалу, начинающуюся этой цифрой и кончающуюся равным образом 0 и т.д.

Образующиеся, таким образом, десять скал можно наглядно изобразить следующим образом:

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
9	8	7	6	5	4	3	2	1	0
8	7	6	5	4	3	2	1	0	
7	6	5	4	3	2	1	0		
6	5	4	3	2	1	0			
5	4	3	2	1	0				
4	3	2	1	0					
3	2	1	0						
2	1	0							
1	0								
0									

Предположим, что скала I выражает понижающееся, по мере следовавшего уже удовлетворения, значение удовлетворения потребности какого-либо индивида в пище, скала V — его потребности в табаке; ясно, что удовлетворение потребности в пище до известного предела полноты имеет гораздо большее значение для этого индивида, нежели удовлетворение потребности в табаке. Однако, если потребность в пище уже удовлетворена до известного предела полноты, так что, например, дальнейшее ее удовлетворение имеет для индивида лишь значение, обозначаемое нами цифрой 6, то потребление табака начинает представлять для этого индивида уже такое же значение, как и дальнейшее удовлетворение потребности в пище, и с данного момента он будет стараться привести в равновесие удовлетворение своей потребности в табаке с таковым же в пище. Хотя вообще удовлетворение потребности в пище имеет для данного индивида несравненно большее значение, нежели удовлетворение потребности в табаке, однако, как это наглядно изображено в таблице, наступает такой момент, когда даль-

нейшие акты удовлетворения потребности в пище будут представлять для индивида уже меньшее значение, нежели первые акты удовлетворения вообще менее важной, но еще совершенно неудовлетворенной потребности в табаке.

Нам кажется, что это указание на обыкновенное жизненное явление в достаточной степени уяснит нам смысл вышеприведенных цифр, взятых нами исключительно с целью облегчения демонстрации столь же трудной, сколько и необработанной до сих пор области психологии.

Различное значение, какое представляет удовлетворение отдельных конкретных потребностей, хотя и мало обращало на себя до сих пор внимание исследователей, тем не менее, не чуждо сознанию всякого хозяйствующего лица. Везде, где только живут люди, на какой бы ступени культурного развития они ни находились, мы можем наблюдать, как хозяйствующие индивиды соизмеряют значения удовлетворений различных потребностей вообще и значения отдельных актов, ведущих к более или менее полному удовлетворению каждой отдельной потребности в частности, и в конце концов результатом такого сравнения руководятся в своей деятельности, направленной на возможно полное удовлетворение своих потребностей (хозяйство). Это соизмерение различного значения потребностей, выбор между остающимися без удовлетворения и подлежащими удовлетворению потребностями в зависимости от доступных распоряжению средств, а также определение степени, до которой каждая потребность должна найти себе удовлетворение, составляют именно ту часть экономической деятельности людей, которая более всякой другой занимает их умы, оказывает наибольшее влияние на их экономические стремления и почти непрерывно производится каждым хозяйствующим субъектом. Познавание различного значения, какое имеет для людей удовлетворение различных потребностей и отдельных актов этого удовлетворения, является в то же время конечной причиной различия в ценности благ.

b. Зависимость отдельных актов удовлетворений потребности от конкретных благ (объективный момент)

Если бы каждой отдельной конкретной человеческой потребности соответствовало лишь одно подлежащее распоряжению благо, годное исключительно для удовлетворения данной потребности, таким образом, что, с одной стороны, при невозможности удержать это благо в своем распоряжении удовлетворение этой потребности не последовало бы, а с другой, данное благо было бы годно лишь для удовлетворения этой потребности и никакой другой, то определить ценность этого блага было

бы весьма легко. Ценность его равнялась бы тому значению, которое для нас имело бы удовлетворение данной потребности, так как ясно, что, если в удовлетворении какой-либо потребности мы зависим от наличия в нашем распоряжении определенного блага так, что удовлетворение этой потребности не последовало бы при отсутствии его в нашем распоряжении, и оно в то же время не годно ни на какое другое употребление, кроме удовлетворения данной потребности, оно будет иметь для нас полное значение этого удовлетворения потребности, но никакого другого значения оно ни в коем случае иметь не будет. Следовательно, в зависимости от того, большее или меньшее значение имело бы для нас это удовлетворение потребности, ценность данного блага была бы для нас в этом случае большей или меньшей. Например, если бы какой-нибудь близорукий человек, выброшенный на необитаемый остров, нашел между спасенными им благами одну лишь пару очков, необходимых ему при его близорукости, то нет сомнения, что эта пара очков имела бы для него полное значение, которое он приписывает улучшению своего зрения, но ничуть не большее, так как очки не могут служить удовлетворению других потребностей.

Однако в обыденной жизни отношение между доступными распоряжению благами и нашими потребностями обыкновенно гораздо более сложно. Здесь в большинстве случаев не одно благо, а известное *количество* их соответствует не одной потребности, но *комплексу* потребностей, и, таким образом, от обладания известным количеством благ зависит то меньшее, то большее количество удовлетворений потребности, весьма различных в своем значении, и, с другой стороны, каждое отдельное благо обладает годностью производить удовлетворение каждой из этих различных по своему значению потребностей.

Изолированно-хозяйствующий земледелец после жатвы располагает двумястами мер зерна. Одна часть этого количества обеспечивает ему сохранение его жизни и жизни его семьи до следующей жатвы, другая — сохранение здоровья, третья служит материалом для посева на следующий год, четвертая может быть употреблена на производство пива, спирта и других предметов роскоши, пятая — на вскармливание скота; оставшиеся же меры, которые он уже более не в состоянии употребить ни на какие важные удовлетворения потребностей, предназначаются им на вскармливание животных, составляющих предмет роскоши, чтобы все же как-нибудь извлечь и из этого зерна пользу.

Таким образом, удовлетворения потребностей, в отношении которых земледелец зависит от находящегося в его руках зерна, весьма различны. Прежде всего он обеспечивает свою жизнь и жизнь своей семьи, затем обеспечивает дальнейший ход своего хозяйства, что составляет важную

основу его постоянного благополучия, наконец, часть зерна он затрачивает на цели удовольствия, опять-таки имеющие для него весьма различное значение.

Перед нами, как мы видели, случай, представляющий собой обычное жизненное явление, когда удовлетворения потребностей весьма различного значения зависят от доступного нашему распоряжению количества благ вполне одинакового качества во всех своих частях, как мы это здесь предполагаем в видах большей простоты; возникает вопрос: какую ценность при таких условиях имеет определенное количество зерна для нашего сельского хозяина? Будут ли те меры зерна, которые обеспечивают ему его жизнь и жизнь его семьи, иметь для него большую ценность, нежели те, которые обеспечивают здоровье, последние — большую, чем те, которые дают возможность обрабатывать его поля, эти же опять-таки большую, нежели те, которые он употребит на предметы роскоши и т.д.?

Никто не станет отрицать, что значение удовлетворений потребностей, обеспеченных в данном случае отдельными частями количеств доступного распоряжению зерна, весьма различно и представляет собой скалу, начинающуюся значением, обозначенным нами выше цифрой 10 и кончающуюся значением, обозначенным цифрой 1; в то же время никто не станет утверждать, что одни меры зерна (например, те, которые сельский хозяин предназначает на содержание себя и своей семьи до следующей жатвы) будут иметь для него более высокую, другие того же качества (например, те, из которых он станет изготавливать напитки, составляющие предмет роскоши) — менее высокую ценность.

В этом случае и во всяком другом, где от доступных нашему распоряжению определенных количеств благ зависит удовлетворение потребностей с различным значением, мы прежде всего встречаемся с трудным вопросом: какое конкретное удовлетворение потребности зависит от определенного количества данных благ?

Разрешение этого важнейшего вопроса теории ценности вытекает из рассмотрения человеческого хозяйства и сущности ценности благ.

Мы видели, что люди стремятся к полному, а где это невозможно, по крайней мере к *возможно полному* удовлетворению своих потребностей. Если некоторое количество благ соответствует потребностям, удовлетворение которых имеет для людей различное значение, то последние прежде всего удовлетворяют или предусматривают те потребности, удовлетворение которых имеет для них наибольшее значение. Если у них останется еще некоторое количество, то они употребят его на удовлетворение тех потребностей, которые ближе всего стоят к предыдущим в порядке последовательного значения и т.д.; остающееся количество они будут каж-

дый раз употреблять на удовлетворение ближайших по степени важности потребностей³⁰.

Если мы спросим, какую ценность для хозяйствующего лица, обладающего некоторым количеством благ, имеет какая-либо часть этого количества, то вопрос этот по отношению к сущности ценности точно формулируется таким образом: какое удовлетворение потребности не последовало бы, если бы хозяйствующий субъект не располагал данной частью количества благ, т.е. если бы он имел в своей власти все доступное его распоряжению количество, кроме этой части. Ответ на этот вопрос следует из предыдущего рассмотрения сущности человеческого хозяйства и гласит, что каждое хозяйствующее лицо в данном случае удовлетворило бы остающимся у него количеством благ свои наиболее важные потребности, отказавшись от удовлетворения наименее важных, и поэтому, из до сих пор удовлетворявшихся потребностей лишь те не были бы удовлетворены, значение которых для хозяйствующего лица наименьшее.

Таким образом, в каждом конкретном случае от наличия в распоряжении хозяйствующего лица определенной части всего доступного распоряжению количества блага зависят лишь те удовлетворения потребностей, которые между удовлетворениями, обеспеченными всем количеством блага, имеют наименьшее значение для данного лица, и поэтому ценность такой части доступного распоряжению количества равна для этого лица значению, которое имеют для него наименее важные из всех удовлетворений потребностей, обеспеченных всем количеством, и зависящие от этой части³¹.

³⁰ Если благо годно служит удовлетворению нескольких, по своему роду различных, потребностей, отдельные акты которого имеют в свою очередь, в зависимости от степени полноты уже последовавшего удовлетворения соответственных потребностей, понижающееся значение, то и в этом случае хозяйствующие лица прежде всего употребляют доступные их распоряжению количества на обеспечение тех актов данных удовлетворений потребностей, которые без отношения к роду потребности имеют для них наибольшее значение, остаток — на обеспечение конкретных удовлетворений потребностей, ближе всего стоящих к первым по степени своего значения и так постепенно далее — на обеспечение все менее и менее важных потребностей. Такой образ действия имеет своим следствием то, что наиболее важные из конкретных потребностей, уже не подлежащих удовлетворению, каждый раз у всех родов данных потребностей имеют одинаковое значение, так что все потребности подлежат удовлетворению до одинаковой степени важности их конкретных актов.

³¹ Предположим такой случай: хозяйствующий индивид для полного удовлетворения всех своих потребностей в благе, понимающихся по мере важности от 10 до 1,

Исследование некоторых конкретных случаев вполне выяснит изложенные здесь положения, и мне не хотелось бы уклоняться от этой важной задачи, хотя я знаю, что некоторым я этим покажусь скучным. Но, по примеру Адама Смита, я отваживаюсь все-таки быть несколько скучным, если от этого выигрывает ясность изложения.

Для того, чтобы начать с простейшего случая, представим себе изолированно-хозяйствующего субъекта, обитающего на скалистом морском острове, на котором находится единственный источник, служащий ему для удовлетворения его потребности в пресной воде. Допустим далее, что этот изолированный человек, для сохранения своей жизни, нуждается ежедневно в одной мере воды для себя и в девятнадцати мерах для тех животных, молока и мяса которых едва достаточно для его пропитания. Предположим теперь, что сверх этого он нуждается еще в сорока мерах воды, частью для личного употребления с целью не только сохранения жизни, но и поддержания здоровья, частью для содержания в чистоте своего тела, своего платья и орудий, частью для сохранения некоторых животных, молоко и мясо которых ему необходимы, т.е. всего того, что ему нужно для сохранения здоровья и вообще продолжительного благополучия; наконец, он имеет потребность еще в сорока мерах воды в день, частью для своего цветника, частью для некоторых животных, нужных ему не для сохранения жизни и здоровья, а просто для удовольствия, вызываемого более обильной пищей, или просто сообществом этих животных. Однако дальнейше-

нуждается в 10 конкретных благах или количествах блага (допустим в 10 Q.), тогда как его распоряжению доступны лишь 7 таких благ или количеств (допустим 7 Q.); после сказанного о сущности человеческого хозяйства, прежде всего ясно, что данный индивид всем доступным его распоряжению количеством (7 Q.) удовлетворит лишь те потребности, важность которых понижается от 10 до 4, а остальные, понижающиеся в отношении своей важности от 3 до 1, останутся неудовлетворенными. Какую ценность для данного субъекта будет иметь в таком случае одно конкретное благо, т.е. одно из данных 7 количеств (1 Q.)? После того, что нам известно о сущности ценности благ, этот вопрос равнозначен вопросу о значении тех удовлетворений потребностей, которые не последовали бы, если бы распоряжению данного индивида были доступны вместо 7 лишь 6 благ или количеств блага (6 Q.). Теперь ясно, что, если бы данное лицо, вследствие какого-либо события, лишилось одного из семи доступных его распоряжению благ, или частей количества, то шестью остальными оно удовлетворило бы наиболее важные потребности, пренебрегши менее важными; поэтому, исчезновение одного блага или одной части данного количества имело бы своим следствием лишь отпадение удовлетворения той потребности, значение которой

му количеству воды, превышающему сто мер, он не нашел бы уже применения.

До тех пор, пока источник богат водою настолько, что субъект имеет возможность, удовлетворяя все свои потребности, спокойно смотреть на то, как ежедневно несколько тысяч ведер воды уносится в море, короче, пока от определенного количества не зависит удовлетворение ни одной потребности (например, от того, располагает ли он ведром больше или меньше), такое количество, как мы видели, не будет иметь для него ни экономического характера, ни ценности и, следовательно, не может быть и речи о мере последней. Если же, вследствие какого-либо явления природы, в источнике внезапно произойдет убыль воды, так что наш островитянин будет в состоянии располагать ежедневно лишь 90 мерами воды, тогда как ему, как мы видели, для полного удовлетворения своих потребностей необходимы 100 мер, то ясно, что от наличия в его распоряжении каждой части всего количества воды уже будет зависеть удовлетворение потребности, и вместе с тем каждое конкретное количество получит для него значение, называемое ценностью.

Вопрос о том, какое из всех удовлетворений потребностей зависит в данном случае от определенной части доступных распоряжению 90 мер воды, например, от 10 мер, сведется к вопросу о том: какое из удовлетворений потребностей этого изолированного субъекта не последовало бы, если бы он не располагал этой частью количества, т.е. если бы вместо 90 он обладал лишь 80 мерами.

наименьшее между другими, покрытыми всем доступным количеством (7 Q.), следовательно, то, которое мы обозначили выше цифрой 4, тогда как удовлетворения потребностей, или акты последних, значение которых понижается от 10 до 5, последовали бы теперь, как и прежде. Поэтому, в приведенном случае, от наличия в распоряжении конкретного блага или конкретной части количества зависело бы лишь одно удовлетворение потребности, значение которого мы обозначили цифрой 4, и значение это составляло бы ценность каждого отдельного блага, т.е. каждой отдельной части количества, как долго данное лицо располагало бы конкретными благами или семью частями количества. Лишь одно удовлетворение потребности, именно такой степени значения было бы в данном случае в зависимости от этого блага, или от этой части доступного распоряжению количества благ. Однако, если бы при прочих равных условиях в распоряжении данного хозяйствующего субъекта имелось лишь пять благ, т.е. пять частей количества, то точно так же ясно, что при таком экономическом положении каждое конкретное благо, или каждая часть количества, имело бы для него значение, выражающееся числом 6, при 3 благах или частях количества — числом 8, наконец при одном лишь — числом 10.

Не может быть сомнения в том, что хозяйствующий субъект, хотя бы он располагал в день лишь 80 мерами воды, будет в состоянии, как и прежде, потреблять ежедневно количество воды, необходимое для сохранения его жизни, а также содержать столько животных, сколько ему необходимо для той же цели. Так как на это требуется лишь 20 мер воды в день, то остающиеся 60 мер он мог бы употребить прежде всего на удовлетворение тех потребностей, от которых зависит его здоровье и вообще продолжительное благополучие. Для этой цели ему необходимы лишь 40 мер воды и, следовательно, у него ежедневно оставалось бы еще количество воды в 20 мер, которое он мог бы употребить на цели удовольствия. Он мог бы содержать ими свой сад или тех животных, которых он держит только ради своего удовольствия; выбор же между этими двумя удовлетворениями потребностей пал бы на то из них, которое ему представляется более важным.

Поэтому вопрос о том, будет ли наш Робинзон располагать 10 мерами больше или меньше при доступном его распоряжению ежедневно количестве воды в 90 мер, имеет для него то же значение, что и вопрос о том, будет ли он иметь возможность и впредь удовлетворять своим наименее важным потребностям, удовлетворявшимся до сих пор ежедневно 10 мерами воды, или нет, и, пока он ежедневно располагает всем количеством в 90 мер воды, 10 мер будут представлять лишь то значение, которое имеют для него эти удовлетворения потребностей, следовательно, значение относительно незначительных удовольствий.

Теперь предположим, что источник, снабжающий данного изолированно-хозяйствующего субъекта водой, высох бы еще более, так что субъект мог бы ежедневно располагать лишь 40 мерами воды. В этом случае, как и в предыдущем, наличность в его распоряжении всего этого количества воды обуславливала бы его жизнь и благополучие; между тем положение вещей существенно изменилось. Если прежде от каждой части количества, имеющей хотя какое-либо практическое значение, например, от одной меры воды, зависело удовольствие, т.е. какое-либо удобство хозяйствующего лица, то теперь вопрос о том, располагает ли наш Робинзон мерой воды больше или меньше, является для него уже вопросом более или менее полного сохранения здоровья или вообще благополучия, так что исчезновение такого количества лишило бы его впредь возможности удовлетворять свои потребности, от которых зависит сохранение его жизни и постоянного благополучия. Пока наш Робинзон располагал многими сотнями ведер воды, одно ведро ее не могло иметь для него никакой ценности; пока он располагал еще 90 ведрами в день, каждое ведро имело для него лишь значение зависевшего от последнего удовольствия; теперь же каждая часть доступного его

распоряжению количества в 40 мер имеет для него значение гораздо более важных удовлетворений потребностей, так как теперь от каждой части этого количества в 40 мер зависит уже удовлетворение потребностей, неудовлетворение которых могло бы нанести вред его здоровью и продолжительному благополучию. Ценность каждого количества благ равна значению удовлетворений потребностей, от него зависящих. Если вначале ценность меры воды для нашего Робинзона равнялась нулю, а во втором случае примерно единице, то теперь она выражается примерно числом 6.

Если же, при дальнейшей засухе, источник еще более высохнет и будет, наконец, ежедневно давать лишь столько воды, сколько необходимо для продления жизни этого изолированного человека (следовательно, в данном случае около 20 мер, так как столько воды ему нужно для себя и своих животных, без молока и мяса которых он не может обойтись), то ясно, что в этом случае всякое подлежащее его распоряжению количество воды, еще имеющее практическую важность, будет иметь для него полное значение сохранения жизни и, следовательно, еще более высокую ценность, выражающуюся числом 10.

Итак, мы видели, что в первом случае, когда распоряжению данного субъекта были доступны ежедневно многие тысячи ведер воды, часть этого количества, например, одно ведро, не имело для него никакой ценности, так как от него не зависело ни одно удовлетворение потребности; мы видели, что во втором случае одна конкретная часть доступного его распоряжению количества в 90 мер уже имела для него значение удовольствий, так как наименее важные удовлетворения потребностей, зависевшие в этом случае от количества в 90 мер, были удовольствиями; мы видели, что в третьем случае, когда в распоряжении данного субъекта ежедневно находилось лишь 40 ведер воды, уже более важные удовлетворения потребностей стали зависеть от наличности в распоряжении каждой конкретной части количества; в связи с этим, мы видели, как ценность частей поднималась; в четвертом же случае, когда от каждой конкретной части количества стали зависеть еще более важные удовлетворения потребностей, она поднялась еще более.

Теперь перейдем к более сложным (социальным) отношениям. Предположим, что на парусном судне, находящемся от земли еще на расстоянии 20 дней пути, вследствие какого-либо несчастного случая погибли почти все съестные припасы, и для каждого путешественника сохранилось лишь такое количество какого-либо предмета потребления, например сухарей, какое необходимо для поддержания его жизни в течение этих 20 дней. Это был бы такой случай, когда определенным потребностям лиц, находящихся на корабле, соответствовала бы наличность в

распоряжении лишь определенных благ, так что удовлетворение данных потребностей находилось бы в полной зависимости от доступного распоряжению количества этих благ. Предполагая, что жизнь путешественников была бы сохранена лишь в том случае, если бы каждый из них ежедневно потреблял полфунта сухарей и если бы каждый из них в действительности располагал всего 10 фунтами сухарей, то такое количество съестных припасов имело бы для каждого из находящихся на судне полное значение сохранения жизни. При таких обстоятельствах никто из тех, для кого жизнь вообще имеет значение, не решился бы отдать этого количества блага, или какой-либо части его, имеющей значение, за другие блага, не являющиеся предметами потребления, даже если это такие блага, которые вообще в обыденной жизни обладают весьма большой ценностью. Например, если бы какой-нибудь богатый человек, находящийся на судне, желая облегчить страдание, испытываемое им вследствие такой скудной пищи, захотел отдать за фунт сухарей такое же по весу количество золота, — он не нашел бы среди путешественников никого, кто бы согласился принять его предложение.

Предположим далее, что каждый из находящихся на судне, сверх указанных 10 фунтов сухарей, располагал бы еще 5 фунтами этого предмета потребления. В этом случае жизнь этих лиц уже не зависела бы от наличия в их распоряжении 1 фунта сухарей, так как таковой мог бы исчезнуть из их распоряжения, или же быть отдан за другие блага, не составляющие предметов потребления, без ущерба для их жизни. Однако, если бы при таких условиях жизнь их и не зависела от наличия в их распоряжении одного фунта этого предмета потребления, то все же количество это не только было бы для них средством против многих страданий, но и способствовало бы сохранению их здоровья, потому что такая необыкновенно скудная пища, как 10 фунтов сухарей в течение 20 дней, во всяком случае должна была бы вредно отразиться на их состоянии, и каждый лишний фунт сухарей имел бы для них, при таких условиях, значение, хотя и не сохранения жизни, но все же такое, какое каждый придает сохранению своего здоровья и благополучия, поскольку последние зависят от подобного количества.

Наконец, предположим, что из ресторана данного судна исчезли бы все съестные припасы, а у путешественников своих также не было бы, но что судно было нагружено несколькими тысячами центнеров сухарей, и капитан в таком безвыходном положении разрешил бы каждому питаться сухарями в неограниченном количестве. Разумеется, путешественники для утоления своего голода ухватились бы за сухари; однако, нет сомнения, что в этом случае кусок хорошего мяса имел бы для каждого из обреченных на питание сухарями в течение 20 дней довольно большую

ценность, а фунт сухарей все же необычайно малую, или даже совсем не имел бы ценности.

Что является основанием того, что в первом случае наличность в распоряжении одного фунта сухарей имеет для каждого путешественника полное значение сохранения жизни, во втором — тот же фунт представляет еще весьма большое значение, а в третьем — совсем не имеет, или же имеет лишь весьма незначительное значение?

Во всех трех случаях потребности находящихся на корабле остались теми же, так как они, а вместе с тем и их надобности, не изменились. Изменившимся является соответствующее этим надобностям количество указанных предметов потребления, а именно в первом случае надобность каждого путешественника в предметах потребления покрывалась 10 фунтами, во втором случае — большим количеством, в третьем — еще большим, и сообразно с этим с каждым разом падало значение удовлетворений потребностей, зависящих от конкретных частей количества предметов потребления.

То же наблюдение, которое мы сперва сделали над изолированным индивидом, а затем над маленьким обществом, временно отделенным от остальных людей, равным образом относится и к более сложным отношениям народа и человеческого общества вообще. Состояние жителей какой-нибудь местности после тяжелого неурожая, после среднего урожая и, наконец, в годы, которые следуют за блестящими урожаями, обнаруживает признаки, по существу своему аналогичные с вышеприведенными, так как и здесь определенному кругу надобностей в первом случае соответствует меньшее количество предметов потребления, доступных распоряжению, нежели во втором, а во втором меньшее, нежели в третьем, так что и здесь весьма различно значение удовлетворений потребностей, находящихся в зависимости от конкретных частей количества. Если после весьма обильного урожая в какой-либо местности сгорает склад с 100 тыс. мерами зерна, то следствием этого несчастья, в крайнем случае, является сокращение производства алкоголя, или же несколько менее полное питание, но не голод беднейшей части населения; если же такой случай произойдет после среднего урожая, то уже многие лица должны будут отказаться от гораздо более важных удовлетворений потребностей; наконец, если это совпадет с неурожаем, то очень многие люди обречены на голодную смерть. Во всех трех случаях от каждой конкретной части количества зерна, доступного распоряжению данных жителей, зависят удовлетворения потребностей, весьма различные по степени своей важности, и, вместе с тем, ценность этих частей в каждом из трех случаев различна.

Если мы объединим все сказанное, то в результате наших предыдущих рассуждений получатся следующие положения:

1. Значение, которое для нас имеют блага и которое мы называем ценностью, является перенесенным (*übertragen*). Первоначально лишь удовлетворения потребностей имеют для нас значение, так как от них зависит сохранение нашей жизни и нашего благополучия; в логической последовательности мы переносим это значение на те блага, от наличия которых в нашем распоряжении мы сознаем свою зависимость при удовлетворении потребностей.

2. Величина значения, которое имеют для нас различные конкретные удовлетворения потребностей (отдельные акты их, вызываемые конкретными благами) — различна, и мера этого значения заключается в степени важности этих удовлетворений для сохранения нашей жизни и нашего благополучия.

3. Поэтому величина перенесенного на блага значения удовлетворений наших потребностей, т.е. величина ценности, также различна, и мера ее заключается в степени значения, которое имеют для нас удовлетворения потребностей, зависящие от соответственных благ.

4. В каждом конкретном случае лишь те из обеспеченных всем количеством блага удовлетворений потребностей зависят от наличия в распоряжении определенной части всего этого количества, подлежащего распоряжению хозяйствующего субъекта, которые для него имеют наименьшее, по сравнению с другими, значение.

5. Поэтому ценность конкретного блага, или определенной части всего количества блага, подлежащего распоряжению хозяйствующего субъекта, равна для него значению, которое имеют удовлетворения потребностей, наименее важные по сравнению с другими, еще обеспеченными всем доступным распоряжению количеством, и находящиеся в зависимости от этого блага. Это именно те удовлетворения потребностей, в отношении которых данный субъект зависит от наличия в его распоряжении соответственного конкретного блага, или соответственного количества блага³².

³² Уже Аристотелем была сделана попытка отыскать масштаб потребительной ценности благ и сделать его основой их меновой ценности. «Должно быть нечто, — говорит он (*Ethic. Nic. V, 8*), — что может служить мерою всего... В действительности эта мера не что иное, как всеохватывающая потребность, так как, если бы не было ни в чем потребности, или же она была во всем в одинаковой мере, не существовало бы обмена благ». В том же духе пишет *Caliani* (*Della moneta. L. I, Cap. II. C. 27, ed. 1780*): «*Essendo varie le disposizioni degli animi umani e varii i bisogni, vario il valor delle cose*»¹. *Turgot*, подробно занимавшийся данным вопросом в своей работе «*Valeurs et Monnaies*», дошедшей до нас в виде фрагмента, говорит (там же, с. 81, *Daire*): «Как только культура достигла определенной ступени, человек начинает сравнивать потребности

Поэтому, в своих предыдущих исследованиях, мы, с одной стороны, свели различие в ценности благ к его конечным причинам, с другой стороны — нашли конечную и первоначальную меру, которой люди измеряют всякую ценность благ.

При правильном понимании сказанного уже не трудно привести к разрешению всякую проблему, относящуюся к объяснению причины различия в ценности двух или многих конкретных благ или количеств благ.

между собою для того, чтобы согласовать заботу о снабжении себя различными благами со степенью их необходимости и полезности («besoins» в этом смысле весьма часто встречается у физиократов). При оценке благ человек считается также с большей или меньшей трудностью добывания их»; вместе с этим Turgot (там же, с. 83) приходит к следующему результату: «La valeur estimative d'un objet pour l'homme isolé est précisément la portion du total de ses facultés, qui répond au désir qu'il a de cet objet, ou celle qu'il veut employer à satisfaire ce désir»². К иным результатам приходит Condillac. Он говорит (Le commerce et le gouvernement, 1776, стр. 250 и сл., Daire): «On dit qu'une chose est utile lorsqu'elle sert à quelques uns de nos besoins. D'après cette utilité nous l'estimons plus ou moins. Or cette estime est ce que nous appelons valeur»³. В то время, как у Turgot мерою потребительной ценности является затрата трудовой силы человека на производство блага, у Condillac'a таковой является степень полезности: два основных воззрения, многократно повторяющиеся с тех пор в сочинениях английских и французских экономистов. Однако вопрос о мере потребительной ценности получил более глубокую обработку лишь у немцев. В неоднократно приводимом месте труда *B.Hildebrand'a*, этот автор, отвергая возражения Proudhon'a против господствующей теории ценности, говорит (Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft, 1848, с. 318 и сл.): «Так как потребительная ценность есть всегда отношение вещи к человеку, то каждый род благ имеет меру своей потребительной ценности в сумме и порядке человеческих потребностей, которые он (род) удовлетворяет, а где нет ни людей, ни потребностей, там нет и потребительной ценности. Поэтому, поскольку не изменяются потребности человеческого общества, сумма потребительной ценности, которой обладает каждый род благ, остается неизменной и распределяется между отдельными предметами (рода) в зависимости от всего их количества. По мере увеличения суммы предметов, уменьшается причитающаяся на каждый предмет рода доля потребительной ценности и обратно». Это объяснение, которое представляло ни с чем не сравнимое побуждение к исследованию, страдает тем не менее двумя погрешностями, которые, как мы увидим, позднейшие исследователи отчасти заметили и старались устранить. Под ценностью «рода благ» в указанном смысле нельзя разуметь ничего иного, кроме ценности, которую имеет для человеческого общества совокупность

Ответ на вопрос, почему, например, фунт воды для питья не имеет для нас никакой ценности при обыкновенных условиях, тогда как весьма малая частица фунта золота или бриллиантов имеет всегда весьма высокую ценность, вытекает из следующего рассуждения.

Бриллианты и золото столь редки, что все доступные распоряжению людей количества первых могли бы поместиться в ящике, а все доступ-

доступных распоряжению благ одного рода. Между тем такая ценность *не обладает реальным характером*, иначе говоря, ее в действительности нельзя нигде наблюдать, так как ценность становится явлением всегда лишь в индивиду и по отношению к конкретным количествам благ (ср. выше, с. 80). Однако, если отвлечься от этого понятия и под данной «родовой ценностью» понимать совокупность ценности, которую имеют конкретные блага какого-либо рода для отдельных членов общества, в распоряжении которых они находятся, то и тогда вышеприведенное положение Hildebrand'a не было бы верно, так как ясно, что различное распределение данных благ, не говоря уже об изменении доступного распоряжению количества благ, должно было бы изменять, а в иных случаях и совсем уничтожить «родовую ценность» в указанном смысле. Поэтому «родовая ценность», в собственном смысле слова, не обладает реальным характером, не существует, поскольку не смешивается «полезность» и «познанная полезность», т.е. «степень полезности» с «ценностью»; родовая ценность, в смысле совокупности ценности конкретных благ некоторого рода для отдельных членов человеческого общества, — даже если потребности последнего остаются без изменения, — не является неизменной величиной; поэтому основа, на которой Hildebrand строит свое рассуждение, допускает возражения. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что Hildebrand не принимает во внимание различного значения, которое имеет для людей удовлетворение отдельных *конкретных* потребностей, распределяя «ценность рода» между отдельными частями рода *соответственно количеству* (ср. уже Knies. Tüb. Ztsch., 1855. С. 463 и сл.). Истинный элемент в данном учении Hildebrand'a заключается в проникательном и правильном для всех времен наблюдении, а именно, что потребительная ценность благ растет по мере уменьшения доступного распоряжению количества их, и наоборот; однако, Hildebrand решительно идет слишком далеко, признавая везде точную пропорциональность. Попытку разрешить данную проблему в другом направлении делает *Friedländer* (*Die Theorie des Werthes*; Dorpater Univ. Schr., 1852. С. 60 и сл.). Он приходит к тому выводу, что «средняя конкретная единица потребности (средняя между отдельными единицами потребности, найденными в пределах различных классов общества) является всеобщим выражением для объективной народно-хозяйственной потребительной ценности; дробь же, выражающая доли, в которых отдельные годности привходят в единицу

ное распоряжению людей количество второго — в одной большой комнате, в чем можно убедиться путем простого вычисления. Наоборот, вода для питья имеется на земле в столь большом количестве, что едва ли можно себе представить резервуар, который вместил бы всю ее. Поэтому люди имеют возможность удовлетворять лишь важнейшие потребности из тех, удовлетворению которых служат золото и бриллианты, а

потребности, и указывающая пропорциональную ценность этих годностей по отношению к средней конкретной единице потребности, дает меру для объективной ценности отдельных годностей». Я думаю, что против такого разрешения проблемы можно прежде всего возразить, что субъективный характер ценности благ совершенно извращается, когда конструируется «средний человек» со «средним кругом потребностей», так как потребительная ценность блага бывает весьма различна для двух лиц, смотря по количеству благ, необходимому для удовлетворения их потребностей, и имеющемуся в их распоряжении. Поэтому «установление потребительной ценности по отношению к среднему человеку» в действительности не разрешает данной проблемы, так как здесь идет речь о мере потребительной ценности благ, наблюдаемой в конкретных случаях, следовательно, по отношению к конкретным количествам. Поэтому, Friedländer приходит лишь к определению меры «объективной ценности» отдельных благ (с. 68), в то время как таковая в действительности вовсе не существует. Серьезную попытку разрешить эту проблему сделал также Knies в уже упомянутой работе (*Die nat.-Ökon., Lehre vom Werthe*, Tübing Ztsch., 1855), «Условия оценки потребительной ценности благ, — вполне правильно замечает Knies (с. 429), — не могут быть найдены ни в чем другом, как в элементах, существенных для понятия потребительной ценности». Однако то, что Knies, как мы видели выше, не достаточно узко определяет эту потребительную ценность, повело его по отношению к определению меры ценности к некоторым небезупречным выводам. «Величина потребительной ценности благ, — продолжает Knies, — зависит: а) от интенсивности человеческой потребности, ими удовлетворяемой, б) от интенсивности, с которой они удовлетворяют человеческую потребность... Сообразно с этим строится классификация и скала человеческих потребностей, которой соответствует классификация и скала родов благ». Однако потребность в воде — одна из самых интенсивных человеческих потребностей, так как от ее удовлетворения зависит жизнь, и никто не станет отрицать, что свежая вода из источника удовлетворяет эту потребность в самой интенсивной степени. Поэтому, если правилен принцип меры ценности Knies'a, — это благо должно было бы занять одну из самых высоких ступеней на скале родов благ, а между тем *конкретные количества* его обыкновенно не имеют ценности, а весь *род благ*, как мы показали, вообще не может иметь ценности. Если Knies в своей работе, вслед за

свою потребность в воде для питья они не только могут вполне удовлетворить, но еще спокойно глядеть, как большие количества этого блага остаются без употребления, так как нет возможности использовать все доступное их распоряжению количество. От конкретных количеств во-

обстоятельным исследованием «абстрактной ценности благ», упоминает и о частнохозяйственной конкретной потребительной ценности (с. 461), то это объясняется его желанием показать, вместе с Rau, противоположность «родовой ценности» (в действительности «полезности») и конкретной ценности благ, т.е. представить вполне верное положение, что мера полезности вещей есть нечто существенно отличное от меры их ценности. К принципу определения величины потребительной ценности в ее *конкретной* форме Knies не приходит, хотя подходит к этому весьма близко в одном месте своей богатой мыслями статьи (с. 441). Из другой точки зрения исходит в разрешении вопроса Schäffle (Tübing Univers. Schriften, 1862, 5 Abth. C. 12 и сл.). «Побуждение к хозяйственной деятельности, — пишет этот остроумный исследователь, — тем энергичнее, чем настоятельнее личная потребность в благе и чем труднее добыть соответствующее этой потребности благо. Чем сильнее действуют друг на друга эти два фактора: интенсивность желания и интенсивность трудности приобретения, тем сильнее проникает значение блага в руководящее хозяйственной деятельностью сознание. К этому основному отношению сводятся все положения о мере и движении ценности». Я вполне согласен с Schäffle, когда он говорит, что чем настоятельнее личная потребность в благе, тем энергичнее приводится в движение наша хозяйственная деятельность всякий раз, когда дело идет о том, чтобы добыть соответствующее благо; но с другой стороны, не менее достоверно, что многие блага (например, вода), в которых мы ощущаем весьма настоятельную потребность, обыкновенно совсем не имеют ценности, другие же блага, годные лишь для удовлетворения потребностей несравненно меньшего значения (охотничьи замки, искусственные пруды с дикими утками и т.п.), представляют немалую ценность для людей. Поэтому настоятельность потребностей, удовлетворению которых служит благо, не может сама по себе быть моментом, определяющим *меру* ценности, даже если отвлечься от того обстоятельства, что блага по большей части служат удовлетворению различных потребностей, интенсивность которых равным образом различна, так что указанный принцип не даст верного указания величины, определяющей меру ценности, а в этом именно и заключается весь вопрос. Столь же мало может быть мерой ценности интенсивность трудности приобретения блага сама по себе. Блага весьма малой ценности нередко приобретаются с весьма большими трудностями, и не верно, будто хозяйственная деятельность людей тем сильнее побуждается, чем более велики эти трудности. Наоборот, люди всегда направляют

ды для питья при обыкновенных условиях не зависит ни одна человеческая потребность в том смысле, что при отсутствии в распоряжении людей этого конкретного количества ни одна потребность не осталась бы неудовлетворенной, тогда как по отношению к золоту и бриллиантам да-

свою хозяйственную деятельность на приобретение тех благ, которые, при равной настоятельности потребности в них, приобретаются с меньшими трудностями. Поэтому ни одна, ни другая часть этого двойного принципа сама по себе не является определяющей меру ценности. Правда, Schäffle говорит: «Чем больше *воздействуют друг на друга* эти оба фактора: интенсивность желания и интенсивность трудности приобретения, тем сильнее проникает значение блага в руководящее хозяйственной деятельностью сознание», но ясно, что если мы представим себе хозяйственную деятельность подобно Schäffle (там же, с. 7), как «направленную на сознательное всестороннее исполнение нравственно разумных жизненных целей», или иными словами — если будем считать, что блага находятся в руках разумно хозяйствующих субъектов — обстоятельство, заключающее в себе, по справедливому утверждению Schäffle, существенный момент для разрешения указанных противоречий, все же остается неразрешенным вопрос о том, как собственно «оба указанных фактора воздействуют друг на друга» и *как* в результате этого взаимодействия каждое благо получает *определенную* меру значения для хозяйствующих людей. Между новыми экономистами, занимавшимися учением о мере ценности, как частью системы, нужно указать особенно на Stein'a, ввиду оригинальной обработки им этого учения. Определяя ценность как «отношение меры определенного блага к миру благ вообще» (System der Staatswissenschaft, I, с. 169 и сл., 1852), он приходит (с. 171 и сл.) в определении меры ценности к следующей формуле: «Истинную меру ценности блага можно найти путем деления массы остальных благ на массу данного блага. Для этого прежде всего должен быть найден *общий знаменатель* для всей массы благ. Однако, этот однородный знаменатель или эта однородность благ даны лишь в их однородной *сущности*, в том, что каждое истинное благо состоит из шести элементов: материи, труда, произведения, потребности, назначения и действительного потребления, так что при отсутствии одного из этих элементов объект перестает быть благом. Эти элементы каждого действительного блага опять-таки содержатся в нем в *определенной* мере, а мера этих элементов определяет меру *отдельного* действительного блага, как такового. Из этого следует, что отношение между собой меры ценности всех отдельных благ, или их общая мера ценности дана в отношении элементов благ и их массы в пределах одного блага к таковому в пределах другого. Определение и вычисление этого отношения является вместе с тем определением истинной меры ценности» (ср. также там же с. 181 и сл. формулу уравнения ценности).

же наименее важные из всех потребностей, покрываемых всем доступным распоряжению количеством, все еще имеют для хозяйствующего лица относительно высокое значение. Поэтому конкретные количества воды для питья не имеют обыкновенно *никакой* ценности для хозяйствующих людей, конкретные же количества золота или бриллиантов имеют весьма *высокую* ценность.

Все это относится к обыкновенным условиям жизни, когда вода доступна распоряжению в изобилии, а бриллианты и золото в весьма ограниченном количестве. В пустыне же, где от одного глотка воды нередко зависит жизнь путешественника, можно представить себе обратный случай, когда от фунта воды зависят более важные удовлетворения потребностей, нежели даже от фунта золота. Вследствие этого в данном случае ценность фунта воды должна была бы быть для такого индивида большей, чем ценность фунта золота. Опыт показывает нам, что там, где экономическое положение вещей таково, как мы только что изобразили, в самом деле наступает обыкновенно такое или же сходное явление.

с. Влияние различия в качестве благ на их ценность

Человеческие потребности часто удовлетворяются различными по роду благами, но еще чаще благами, различными не по роду, но по виду. Где имеются, с одной стороны, определенные комплексы человеческих потребностей, а с другой — доступные распоряжению количества благ для удовлетворения их (с. 139), там первым не всегда соответствуют вполне однородные количества вторых, а часто блага, различные по роду, еще чаще — по виду.

В целях большей простоты изложения, мы до сих пор отвлекались от этого различия в благах, и рассматривали лишь те случаи, когда потребностям определенного рода (на понижающееся значение которых, сообразно со степенью полноты уже последовавшего удовлетворения потребности, мы обратили особое внимание) соответствуют вполне однородные количества благ, для того чтобы, таким образом, тем рельефнее могло выступить влияние, оказываемое различием в доступных распоряжению количествах на ценность благ.

Теперь остается еще рассмотреть случаи, когда определенные человеческие потребности могут быть удовлетворены благами различного рода или вида, и когда, таким образом, данной потребности соответствуют доступные распоряжению количества, конкретные части которых различны по своему качеству.

Здесь нужно прежде всего заметить, что различие в благах, будет ли оно в роде их или в виде, не может оказать влияния на ценность кон-

кретных частей количества соответственных благ, если это совершенно не касается удовлетворения человеческих потребностей. Блага, удовлетворяющие человеческие потребности совершенно одинаково, по справедливости должны считаться с экономической точки зрения вполне однородными, хотя бы по своему внешнему виду они принадлежали к различным родам или видам.

Для того, чтобы различие в роде или в виде двух благ могло послужить основанием к различию также и в их ценности, необходимо, чтобы, вместе с тем, существовала различная годность их для удовлетворения человеческих потребностей, т.е. то, что мы называем с хозяйственной точки зрения различным *качеством* их, и исследование влияния, оказываемого последним на ценность конкретных благ, составит предмет дальнейшего рассуждения.

В хозяйственном отношении различие в качестве благ может быть двояким: равные количества различных по качеству благ могут удовлетворять человеческие потребности различным образом или в *количественном*, или в *качественном* отношении. Так, например, определенное количество букового дерева может удовлетворить потребность человека в тепле гораздо интенсивнее в *количественном* отношении, нежели равное количество елового дерева, тогда как два равных количества предметов потребления, одинаковой питательности, могут удовлетворить потребность в пище различно в *качественном* отношении, так как потребление одного связано, скажем, с удовольствием, а другого или совсем не связано с удовольствием, или не в той степени. При благах первой категории низшее качество может быть вполне заменено большим количеством, — при благах второй категории это невозможно. Буковое дерево может быть заменено для отопления еловым, ольховое — сосновым; каменный уголь малой тепловой энергии, молотая дубовая кора, содержащая меньшее количество танина, услуги носильщиков или других менее трудоспособных поденщиков, поскольку они доступны распоряжению хозяйствующих людей в соответственно больших количествах, могут обыкновенно вполне заменить блага более высокого качества; напротив, безвкусные кушанья или напитки, темные или сырые помещения для жилья, услуги неинтеллигентных врачей, если даже доступны нашему распоряжению в весьма больших количествах, все же никогда не могут в *качественном* отношении столь же полно удовлетворить наши потребности, как соответственные блага более высокого качества.

Так как мы видели, что при оценке благ хозяйствующими людьми, все дело сводится только к значению удовлетворения тех потребностей, в отношении которых люди находятся в зависимости от наличности в рас-

поряжении блага (с. 133), а количество благ, вызывающее определенное удовлетворение потребности, является при этом вторичным моментом, то ясно, что меньшие количества благ высшего качества, при условии удовлетворения ими человеческой потребности в точно такой же степени (т.е. равной как в количественном, так и в качественном отношениях), и большие количества благ низшего качества имеют одинаковое значение для хозяйствующих людей; поэтому, соответственно указанному отношению, равные количества благ различного качества имеют различную ценность. Следовательно, если при оценке дубовой коры принимается во внимание лишь ее дубильное свойство, то 7 центнеров одного сорта, производящие такое же действие, как 8 центнеров другого, будут иметь для ремесленника равное значение, и простое сведение данных благ к количествам равной экономической энергии (средство, действительно применяющееся в подобных случаях в хозяйственной жизни людей) совершенно устраняет трудность оценки конкретных количеств благ, возникающую из различия качества их (если только их энергия различна лишь в количественном отношении), так как таким образом данный сложный случай сводится к простому отношению, изложенному нами выше (с. 134 и сл.).

Более сложным является вопрос о влиянии, оказываемом различием в качестве на ценность конкретных благ или количеств благ, если результатом различного качества благ является различное в *качественном* отношении удовлетворение потребности. После сказанного выше об общем принципе оценки (с. 133), остается вне всякого сомнения, что и здесь моментом, определяющим меру ценности, является значение тех потребностей, которые остались бы неудовлетворенными при невозможности располагать благом не только определенного рода, но и особого качества. Трудность, о которой мы здесь говорим, заключается не в общем принципе определения ценности данных благ, но в определении того удовлетворения потребности, которое зависит именно от данного конкретного блага, при таких обстоятельствах, когда совокупности потребностей соответствуют блага, части количества которых годны для удовлетворения данных потребностей качественно различным образом; следовательно, трудность заключается в практическом применении вышеприведенного принципа к хозяйственной жизни людей. Разрешение этой проблемы вытекает из следующих рассуждений.

Хозяйствующие люди употребляют количества доступных их распоряжению благ не без внимания к различию в качестве последних, если только таковое имеется. Сельский хозяин, располагающий зерном различного качества, не употребляет худшее, например, для посева, среднее — для кормления скота, а лучшее — для пищи и производства напитков, или же

без разбора зерно различного качества на ту или иную цель; но сообразно необходимому для удовлетворения потребностей количеству, он предназначает самое лучшее зерно на посев, затем лучшее из оставшегося количества на пищу, а худшее — на кормление скота.

Тогда как у благ, части количества которых не обладают различным качеством, все количество их, доступное распоряжению, соответствует совокупности конкретных потребностей, могущих быть удовлетворенными этими благами, у тех благ, части количества которых удовлетворяют потребности людей качественно различным образом, уже не вся совокупность доступного распоряжению количества соответствует совокупности потребностей, но каждое доступное распоряжению количество особого качества соответствует особым потребностям хозяйствующих людей.

Если блага определенного качества не могут по отношению к определенным целям быть замечены благами другого качества, то вышеизложенный закон (с. 141) определения ценности находит без всякого изменения полное применение к конкретным количествам этих благ. Именно, ценность конкретных количеств их равна значению наименее важного удовлетворения потребности, обеспеченного всем доступным распоряжению количеством блага определенного качества, так как это как раз то удовлетворение потребности, по отношению к которому мы действительно находимся в зависимости от наличности в нашем распоряжении конкретного блага данного качества.

Наоборот, если человеческие потребности могут быть удовлетворены, хотя бы и в качественном отношении различно, различными по качеству благами, так что блага одного качества могут быть заменены благами другого, хотя бы и не с тем же результатом, то ценность конкретного блага определенного качества или же конкретной части количества равна значению наименее важного удовлетворения потребности, обеспеченного благами данного качества, без доли ценности тем большей, чем меньше ценность благ худшего качества, которыми данная потребность точно так же удовлетворяется, и чем меньше в то же время различие между значением, которое имеет для людей удовлетворение соответственной потребности благом высшего и благом низшего качества.

Итак, мы приходим к результату, что и везде там, где комплексу потребностей соответствует количество благ различного качества, все же от каждой конкретной части количества этих последних, т.е. от каждого конкретного блага, зависят удовлетворения потребностей определенной интенсивности, и, поэтому, ко всем относящимся сюда случаям вышеустановленный принцип определения ценности конкретных благ сохраняет свою полную применимость.

d. Субъективный характер меры ценности. — Труд и ценность. — Заблуждение

Когда выше шла речь о сущности ценности, мы уже указали на то, что последняя не есть нечто присущее благам, не свойство их, что она еще менее представляет собой самостоятельную вещь, и что нет препятствий к тому, чтобы благо имело ценность для одного хозяйствующего субъекта, а для другого, при иных условиях, не имело ее. Но и *мера* ценности также безусловно субъективной природы, и, поэтому, благо может, сообразно различию в круте потребностей и доступном распоряжении количестве, иметь для одного хозяйствующего субъекта большую ценность, для другого — малую, для третьего — совсем никакой. Чем один пренебрегает или на что он обращает мало внимания, того другой добивается, от чего один отказывается, то другой подбирает, и в то время, как один хозяйствующий субъект ценит определенное количество одного блага наравне с большим количеством другого, у иного мы нередко наблюдаем обратную оценку.

Поэтому ценность субъективна не только по своему *существованию*, но и по своей *мере*. Блага имеют «ценность» всегда для определенных хозяйствующих субъектов и в то же время имеют для них *определенную* ценность.

Ценность, которую благо имеет для хозяйствующего индивида, равна значению того удовлетворения потребности, в отношении которого данный индивид находится в зависимости от наличности в его распоряжении соответственного блага. То обстоятельство, затрачен ли и в каком количестве труд или другие блага на производство того блага, о ценности которого идет речь, не находится в необходимой и непосредственной связи с величиной ценности. Поэтому неэкономическое благо (например, количество дерева в первобытном лесу) не приобретает для людей ценности оттого что на производство его были затрачены большие количества труда или других неэкономических благ; найден ли бриллиант случайно, или же добыт из месторождений путем затраты тысячи рабочих дней — это совершенно безразлично для его ценности; вообще в практической жизни никто не задается вопросом, какова история происхождения блага, но при обсуждении его ценности каждый имеет в виду лишь те услуги, которые оно *окажет* и которых нужно было бы лишиться при отсутствии его в распоряжении. Поэтому, нередко блага, на которые затрачивается много труда, не имеют ценности, другие, на которые не затрачивается труда, — большую ценность, а различные блага, из которых на одни затрачивается много, на другие мало или вовсе не затрачивается труда, имеют одинаковую ценность для хозяйствующих людей. Таким образом, количество труда или других средств для производства, затраченное на производство блага, не может быть моментом, определяющим

меру его ценности. Правда, сравнение ценности продукта с ценностью затраченных на его производство производственных средств, показывает нам, было ли и в какой мере целесообразным и экономическим производство его, следовательно, уже *прошедший* акт человеческого хозяйства; на ценность же самого продукта затраченные на его производство количества благ не имеют ни необходимого, ни непосредственно определяющего влияния.

Также несостоятельно и то мнение, что количество труда, или прочих предметов производства, необходимое для *воспроизводства* благ, является моментом, определяющим меру ценности благ. Есть много благ, которые невозпроизводимы (например, древности, картины старых мастеров и т.д.). Есть много явлений народного хозяйства, по отношению к которым мы наблюдаем ценность, но не наблюдаем возможности быть воспроизведенными, и поэтому момент, находящийся в связи с последним, вообще не может быть принципом, определяющим меру ценности. Опыт также показывает, что ценность производственных средств, необходимых для воспроизводства многих благ (например, платьев, вышедших из моды, устаревших машин и т.д.), в некоторых случаях бывает выше, нежели ценность самого продукта. Ни затраченное на производство блага, ни необходимое для его воспроизводства количество труда или других благ — не является моментом, определяющим меру ценности благ; таковым является величина значения тех удовлетворений потребностей, по отношению к которым мы сознаем свою зависимость от наличности в нашем распоряжении блага, так как этот принцип определения ценности применим ко всем случаям явлений ценности, и нет из него исключения в пределах человеческого хозяйства.

Значение, которое для нас имеет удовлетворение потребности, находит свою меру не в нашем произволе, но в независимой от последнего важности, которую имеют удовлетворения этих потребностей для нашей жизни или нашего благополучия. Значение различных удовлетворений потребностей, или отдельных актов удовлетворения потребности, составляет предмет обсуждения хозяйствующих людей, а такое познание при известных обстоятельствах подвержено ошибке.

Выше мы видели, что для людей те из удовлетворений потребностей имеют наивысшее значение, от которых зависит их жизнь, что за ними, по порядку значения, следуют те, которые обуславливают их благополучие, так что удовлетворения потребностей, от которых зависит высшая степень благополучия (при равной интенсивности более продолжительное, при равной продолжительности — более интенсивное), имеют для них высшее значение, нежели те, от которых зависит меньшая его степень.

Это однако ни в коем случае не исключает того, что нередко глупые люди, благодаря несовершенству своего познания, неправильно ценят значение отдельных удовлетворений потребностей, и даже те индивиды, хозяйственная деятельность которых разумна и которые следовательно стараются познать истинное значение удовлетворений потребностей в целях достижения таким путем правильной основы своей экономической деятельности, не свободны от ошибок, связанных со всяким человеческим познанием. Особенно легко поддаются люди заблуждению, придавая тем удовлетворениям потребностей, которые споспешествуют их благополучию хотя и интенсивно, но кратковременно, высшее значение, нежели тем, от которых зависит благополучие, хотя и менее интенсивное, но простирающееся на долгое время, т.е. они часто ценят выше переходящие интенсивные удовольствия, нежели свое продолжительное благополучие, а иногда даже выше, нежели свою жизнь.

Если люди даже по отношению к познанию субъективного момента определения ценности нередко впадают в ошибку, т.е. там, где дело касается лишь рассмотрения своего личного состояния, то еще легче они ошибаются при познании объективного момента определения ценности, особенно при познании величины доступных их распоряжению количеств благ различных качеств. Поэтому, ясно также, почему именно эта область определения ценности конкретных благ подвержена в хозяйственной жизни столь многоразличным ошибкам, и, отвлекаясь от колебаний в ценности, происходящих от изменения в области человеческих потребностей или доступных распоряжению количеств благ или же наконец во внутреннем качестве благ, мы можем наблюдать также такие колебания, конечная причина которых лежит исключительно в *изменившемся познании* значения, представляемого соответственными благами для нашей жизни и нашего благополучия.

§ 3. Законы, которым подчиняется ценность благ высшего порядка

а. О принципе, определяющем меру ценности благ высшего порядка

Между основными ошибками, имевшими до сих пор большое значение для развития нашей науки, на первом месте стоит положение, по которому блага имеют для нас ценность потому, что на производство их затрачены блага, имевшие для нас ценность. Там, где мы будем говорить о цене благ высшего порядка, мы укажем на те особые причины, которые вызвали данную ошибку и обусловили то, что она, скрываясь под разнообразной формой, стала основой господствующих теорий цены. Прежде всего нужно сказать, что это положение совершенно противоречит вся-

кому опыту (с. 158 и сл.) и что оно должно быть отвергнуто даже в том случае, если дает *формально* правильное разрешение проблемы установления принципа ценности благ.

Однако даже и эта цель не достигается при помощи данного положения, так как оно дает объяснение ценности благ, которые мы называем «продуктами», но не ценности всех остальных благ, являющихся первоначальнейшими элементами производства, каковы все блага, непосредственно предоставленные нам природой, в частности услуги земли, труда и, как мы увидим впоследствии, капитала. Ценность всех этих благ не может быть объяснена данным положением; с этой точки зрения она становится даже непонятной.

Указанное положение не дает правильного разрешения проблемы, не дает объяснения, применимого ко всем случаям ценности благ, ни с материальной, ни с формальной точки зрения, так как, с одной стороны, оно стоит в противоречии с опытом, а с другой — его применимость исключается везде, где мы наблюдаем блага, не являющиеся продуктом соединения благ высшего порядка. Ценность, которую для нас имеют блага низшего порядка, не может быть обусловлена ценностью благ высшего порядка, затраченных на их производство; в то же время ясно, что, наоборот, ценность благ высшего порядка всегда и без исключения обусловлена предвидимой ценностью благ низшего порядка, производству которых они служат³³.

Если это установлено, то ясно, что ценность благ высшего порядка также не может быть моментом, *определяющим* предполагаемую ценность соответствующих благ низшего порядка так же, как и ценность благ высшего порядка, затраченных уже на производство блага, не может быть моментом, определяющим его действительную ценность; наоборот, при всяких условиях ценность благ высшего порядка определяется предпола-

³³ Наша *надобность* в благах высшего порядка обусловлена предвидимым экономическим характером благ (с. 116), т.е. предполагаемой *ценностью* благ, производству которых они служат. Мы не можем в обеспечении нашей надобности, или в удовлетворении наших потребностей зависеть от наличности в нашем распоряжении благ высшего порядка, служащих производству исключительно таких благ низшего порядка, которые предположительно не будут иметь ценности (так как мы не имеем в них надобности); отсюда и следует положение, что ценность благ высшего порядка обусловлена предполагаемой ценностью благ низшего порядка, производству которых они служат. Блага высшего порядка могут приобрести ценность, а приобретенную сохранить лишь постольку, поскольку они служат производству благ, имеющих для нас предполагаемую ценность.

гаемой ценностью благ низшего порядка, на производство которых они предназначаются или предположительно предназначаются хозяйствующими людьми.

Предполагаемая ценность благ низшего порядка, как это можно наблюдать, нередко очень разнится от той, которую подобные же блага имеют для нас в действительности, и поэтому блага высшего порядка, благодаря которым мы будем в будущем располагать благами низшего порядка (с. 80 и сл.), находят меру своей ценности отнюдь не в последней, но в первой.

Если мы располагаем селитрой, серой, углем, рабочими руками и приспособлениями, необходимыми для производства пороха, и, таким образом, будем через три месяца иметь в своем распоряжении порох, то ясно, что предполагаемая ценность последнего через три месяца не должна быть необходимо равна ценности такого же количества этого блага в настоящем, но может быть больше или меньше, и сообразно этому ценность данных благ высшего порядка находит свою меру не в ценности пороха в настоящее время, но в ценности, которую будет предположительно иметь для нас данный продукт по истечении производственного периода. Даже можно себе представить случай, когда определенное количество блага низшего, например, первого порядка, не имеет никакой ценности в настоящее время (например, лед зимой), тогда как, в то же время, соответственные блага высшего порядка, доступные нашему распоряжению и обеспечивающие нам в будущем количества данного блага (например, совокупность материалов и приспособлений, необходимых для производства искусственного льда), по отношению к будущему времени имеют для нас ценность. Точно так же возможен и противоположный случай.

Между ценностью, которую имеют для нас в настоящем блага низшего, например, первого порядка, и ценностью служащих для их производства благ высшего порядка, доступных нашему распоряжению, нет никакой необходимой связи; ясно, что первые черпают свою ценность из отношения между надобностью и количеством, доступным распоряжению в настоящем, а последние — из предполагаемого отношения между надобностью и количеством, доступным нашему распоряжению в тот будущий момент времени, когда, благодаря данным благам высшего порядка, мы будем иметь в своем распоряжении соответственные продукты. Если предполагаемая в будущем ценность блага низшего порядка повышается, то при прочих равных условиях повышается также ценность тех благ высшего порядка, обладание которыми обеспечивает нам к тому времени наличность в распоряжении данных благ, тогда как повышение или понижение ценности блага низшего порядка в настоящем времени

не стоит ни в каком необходимом причинном соотношении с повышением или понижением ценности соответственных благ высшего порядка, доступных в настоящее время нашему распоряжению.

Поэтому не ценность благ низшего порядка в настоящее время определяет ценность соответственных благ высшего порядка, но предполагаемая ценность продукта является при всяких обстоятельствах принципом, определяющим величину ценности соответственных благ высшего порядка³⁴.

в. О продуктивности капитала

Преобразование благ высшего порядка в блага низшего протекает, как и всякий процесс изменения, во времени, и чем выше порядок, к которому следует отнести блага, тем дальше отстоит от данного момента тот промежуток времени, по отношению к которому мы будем располагать благами первого порядка, благодаря тому, что уже теперь распола-

³⁴ Прежде всего и непосредственно для нас имеет значение лишь удовлетворение наших потребностей, и мера этого значения в каждом конкретном случае лежит в важности данных удовлетворений потребностей для нашей жизни и нашего благополучия. Мы переносим это значение в его количественной определенности прежде всего на те конкретные блага, от которых мы сознаем свою непосредственную зависимость в удовлетворении данной потребности, т.е. на экономические блага первого порядка, по положениям, изложенным в предыдущем отделе. Однако, когда наша надобность не покрывается совсем, или недостаточно полно, т.е. во всех тех случаях, когда блага первого порядка приобретают для нас ценность, мы в своем стремлении возможно полно удовлетворить наши потребности переходим к соответственным благам ближайшего высшего порядка, и последовательно переносим ценность благ первого порядка на блага второго, третьего и высших порядков, если эти последние обладают экономическим характером. Поэтому ценность благ *высшего порядка* в конечном результате есть также не что иное, как особая форма явления того значения, которое мы приписываем нашей собственной жизни и нашему благосостоянию, и момент, определяющий меру ее, как и у благ первого порядка, в конечном результате есть лишь то значение, которое для нас имеют удовлетворения потребностей, по отношению к которым мы сознаем свою зависимость от наличности данных благ высшего порядка в нашем распоряжении. Причинная связь благ создает то, что ценность благ высшего порядка находит свою меру не в предполагаемом значении конечного удовлетворения потребности непосредственно, но прежде всего в предполагаемой ценности соответственных благ низшего порядка.

гаем соответствующими благами высшего порядка. Прогрессивное привлечение для целей удовлетворения наших потребностей благ высшего порядка приводит, как мы выше (с. 84 и сл.) видели, к тому, что количества доступных нашему распоряжению предметов потребления все больше и больше увеличиваются, но оно возможно только при условии, что предусмотрительная деятельность людей распространяется на время, все более и более отдаленное от данного момента. Дикарь-индеец непрерывно занят отыскиванием средств для удовлетворения потребностей ближайших дней, номад, который не потребляет находящихся в его распоряжении домашних животных, но предназначает их для производства потомства, производит уже блага, распоряжение которыми станет ему доступным только спустя несколько месяцев, у культурных же народов немало членов общества занято производством благ, которыми можно будет воспользоваться для непосредственного удовлетворения человеческих потребностей только спустя годы, а то и десятки лет.

Поэтому хозяйствующие люди, оставляя оккупаторное хозяйство и переходя к более совершенному способу привлечения благ высшего порядка для целей удовлетворения своих потребностей, могут, сообразно ходу этого прогресса, увеличивать постепенно количества подлежащих распоряжению средств потребления, но только с тем ограничением, что они должны удлинять промежутки времени, на которые простирается их предусмотрительная деятельность, по мере того, как они переходят к благам все высшего порядка.

В этом обстоятельстве однако заключается важное ограничение для хозяйственного прогресса. На обеспечение средств потребления, нужных людям для поддержания их жизни и благосостояния в настоящий момент или в ближайшем будущем, направлены всегда самые настоящие их заботы, и эти заботы тем более ослабевают в интенсивности своей, чем дальше тот промежуток времени, на который они направляются. Это явление не случайное, оно глубоко коренится в природе человека. Насколько именно от удовлетворения наших потребностей зависит поддержание нашей жизни, обеспечение удовлетворения потребностей ближайшего времени необходимо должно предшествовать удовлетворению потребностей более отдаленных промежутков времени. Точно так же и там, где от обладания известным количеством благ зависит не жизнь, но благополучие наше (в том числе наше здоровье), поддержание его в предшествующие промежутки времени представляет собой обыкновенно необходимое предварительное условие возможности благополучия в последующие моменты времени. Распоряжение средствами для поддержания нашего благополучия в отдаленный промежуток времени, конечно, мало приносит нам пользы, если нужда и лишения расстроили уже раньше

наше здоровье или задержали наше развитие. Точно так же дело обстоит даже и с теми потребностями, удовлетворение которых имеет для нас только значение удовольствия. Наслаждение, как учит опыт, кажется человеку более сильным, если оно предстоит сейчас или в ближайшем будущем, чем удовольствие такой же интенсивности, если его можно вкушать только через известное время.

Жизнь людей представляет собой процесс, в котором наступающие фазы развития постоянно обусловлены предыдущими; если этот процесс раз прерван, его нельзя снова продолжить; если он был существенно потрясен, его нельзя совершенно восстановить. Заботы о поддержании нашей жизни и о нашем развитии в более отдаленные периоды нашей жизни имеют поэтому необходимым предположением такие же заботы о предшествующем времени нашей жизни, и мы можем действительно наблюдать, оставляя в стороне болезненные явления хозяйства, что хозяйствующие люди озабочены прежде всего удовлетворением потребностей ближайшего будущего, и только после этого стараются обеспечить себя в этом отношении и на более поздние периоды, в порядке их последовательности.

Поэтому обстоятельство, которое налагает ограничение на хозяйствующего человека в его стремлении к прогрессирующему применению благ высшего порядка, заключается в необходимости обратить свои заботы на удовлетворение путем находящихся в его распоряжении благ сначала потребностей ближайшего будущего, и только после их обеспечения — на удовлетворение потребностей более позднего периода, или, иными словами, хозяйственная польза, которую извлекают люди из прогрессирующего применения благ высшего порядка для целей удовлетворения своих потребностей, обусловлена тем, что после покрытия потребностей ближайшего будущего они *имеют еще в своем распоряжении количества благ для более отдаленных промежутков времени.*

В начале развития культуры и с наступлением каждой новой фазы ее, когда отдельные хозяйствующие индивиды впервые переходят к применению благ ближайшего высшего порядка (изобретатели или первые предприниматели), та часть благ этого порядка, которая до сих пор еще не находила себе употребления в человеческом хозяйстве и в которой, следовательно, не ощущалось никакой надобности, не проявляет обыкновенно еще экономического характера. Участки земли у охотничьего племени, переходящего к земледелию, материалы различного рода, до того остававшиеся без применения и только впервые начинающие служить для удовлетворения какой-нибудь человеческой потребности (например, известь, песок, строевой лес, камни и т.д.), даже и после наступления этого факта сохраняют обыкновенно еще в течение известного времени

свой неэкономический характер. Поэтому такие блага не принадлежат к числу тех, ограниченное количество которых в зачаточные времена культуры препятствует прогрессу хозяйствующих людей в привлечении благ высшего порядка для удовлетворения своих потребностей.

Но другая часть комплементарных благ высшего порядка обыкновенно такова, что и до того, как начали пользоваться благами какого-либо нового порядка, она служила в той или другой отрасли производства для удовлетворения человеческих потребностей и носила экономический характер. Хлебные семена, рабочая сила, в которых нуждается индивид, желающий перейти от оккупаторного хозяйства к обработке земли, могут служить примером благ такого рода.

И вот эти-то блага, которыми подобный индивид пользовался до сих пор как благами низшего порядка, и мог бы в таком виде ими пользоваться и дальше, он должен применить теперь для хозяйственных целей уже в форме благ высшего порядка, если только хочет получить ту экономическую выгоду, о которой мы выше говорили; иными словами, цель эта достигается только при условии, что субъект затрачивает блага, которые он мог бы потребить *сейчас же* или *в ближайшем будущем*, для удовлетворения потребностей *более отдаленных периодов времени*.

По мере развития культуры и успехов в привлечении хозяйствующими субъектами новых количеств благ высшего порядка в процесс производства, и большая часть благ высшего порядка первого рода (участки земли, известь, песок, строевой лес и т.д.) приобретает тоже экономический характер (с. 113 и сл.); вместе с тем возможность воспользоваться экономическими преимуществами, связанными с применением благ высшего порядка, в противоположность чисто оккупаторной деятельности, а при высших стадиях культурного развития, с применением вообще благ высшего порядка, в противоположность деятельности, ограничивающейся средствами производства сравнительно низшего порядка, эта возможность становится обусловленной тем, что индивид имеет в своем распоряжении уже сейчас известные количества благ высшего порядка (а где уже развился оживленный оборот, и блага всякого рода могут быть обмениваемы на другие, — вообще количества экономических благ), которые он может предназначить для удовлетворения потребностей будущего, иными словами, тем, что он обладает *капиталом*³⁵.

³⁵ Обычная ошибка, в которую впадают не только при классификации, но и при определении понятия капитала, заключается в том, что исходят из *технической*, а не из *хозяйственной* точки зрения (см. наоборот уже Lotz, Staatswirthschaft I, 19 и Hermann, Staatsw. Untersuchungen, 1832. С. 62). Классификация благ на средства для производства и предметы потребления (блага высших и первого

Мы пришли таким образом к одной из важнейших истин нашей науки, к положению о «продуктивности капитала», положению, которое, однако, не следует понимать в том смысле, что обладание количествами экономических благ (для более отдаленного времени уже в предшествующие периоды, следовательно) в течение определенных промежутков време-

порядка) научно обоснована и необходима, но она совсем не совпадает с разделением *имущества* на капитал и некапитал. Точно так же, как мне кажется, нельзя принять мнения тех, которые называют «капиталом» всякую составную часть имущества, приносящую постоянный *доход*. Последовательное проведение этого учения ведет (если понятие об имуществе будет распространено также и на *рабочую силу*, а понятие *дохода* и на пользование благами, служащими для потребления; см. *Hermann*, Staatsw. Unters., 1832. С. 300 и сл. и *Schmoller*: Die Lehre vom Einkommen. Tübing. Zeitsch., 1863. С. 53 и сл., с. 76 и сл.) к тому, что приходится считать капиталами как рабочую силу (см. уже *Canard*: Principes d'econ. pol. С. 9; *Say*, Cours, 1828, I. С. 285), так и участки земли (см. *Ehrenberg*: Staatsw. nach Naturgesetzen, 1819. С. 13; *Oberndorfer*: Nationalökonomie, 1822. С. 207; Edinb. Review. Vol. IV. С. 364 и сл.; *Hermann*: Staatsw. Unters., 1832. С. 48 и сл.; *Hasner*, System I, 294), наконец и все блага, служащие для ддящегося потребления (*Hermann*: Staatsw. Unters., 1832. С. 63). На самом же деле под капиталом понимают только те количества экономических благ, которые доступны нашему распоряжению для будущего теперь, т.е. в пределах данного периода времени, и служат нам для того пользования, сущность и экономический характер которого мы выше (с. 163 и сл.) подробно изложили. Чтобы наступил указанный там результат, необходимо, однако, совпадение следующих условий: 1) промежуток времени, в течение которого соответствующие количества экономических благ доступны распоряжению хозяйствующего субъекта, должен быть достаточен для того, чтобы был возможен процесс производства (в экономическом смысле слова, с. 169); 2) количества благ по своим размерам и свойствам должны быть таковы, чтобы у соответствующего хозяйствующего субъекта при помощи их посредственно или непосредственно находились в распоряжении комплементарные количества благ высшего порядка, необходимые для производства благ низшего порядка. Поэтому, не будут капиталом такие количества экономических благ, которые доступны распоряжению хозяйствующих субъектов только в течение столь короткого времени, или в таком количестве, качестве и вообще при таких обстоятельствах, что исключается их производительность. Важнейшая разница между отдельными имущественными объектами, приносящими доход (участки земли, постройки и т.д.), и капиталами состоит в том, что первые — *конкретные* блага с продолжительным существованием и пользование ими представляет собой в свою очередь тоже благо экономического свойства, последние же являются

ни само собой может повести к известному увеличению предметов потребления, подлежащих распоряжению людей; это положение имеет только тот смысл, что обладание количествами экономических благ в течение определенных промежутков времени представляет собой *для хозяйствующих субъектов* средство лучше и более полно удовлетворить свои потребности, а потому и *блага*, и, в частности, *хозяйственное благо* повсюду,

посредственно или непосредственно *совокупностью* экономических благ высшего порядка (их комплементарные количества) и пользование ими, правда, также имеет экономический характер и потому приносит доход, но продуктивность их существенно отлична по природе от продуктивности первых имущественных объектов. К этому противному правильному словоупотреблению объединению обеих групп источников дохода в одно понятие капитала можно свести почти все трудности, возникшие для теории из учения о капитале. — То обстоятельство, что при господстве развитых отношений оборота капиталы предлагаются нуждающимся в них обыкновенно в удобной форме денежных сумм, а также обыкновенно оцениваются на деньги, повело к тому, что в обыденной жизни под капиталами, по большей части, понимаются денежные суммы. Что понятие капитала при этом понимается слишком узко и что здесь особенный вид его возвышают до значения рода, ясно само собой. В противоположную ошибку впадают, наоборот, те, которые не считают денежные капиталы настоящими капиталами, но рассматривают их только, как представителей последних. Взгляд первых аналогичен мнению меркантилистов, которые только в деньгах видели «имущество», последние же походят на некоторых слишком далеко заходящих противников меркантилизма, которые в денежных суммах не признают истинных имущественных объектов (из новых см. *Chevalier: Cours d'econ. polit.*, III. С. 380 и *Carey: Socialwissenschaft*, XXXII, § 3). В действительности же денежный капитал есть только удобная форма последнего, особенно соответствующая цели капитала при господстве развитых отношений оборота (ср. *H. Brocher* в *Hildebr. Jahrbüch.*, VII. С. 33 и сл.). Ясно на это указывает уже *Knies* (*Die politische Oekonomie*, 1853. С. 87) с исторической точки зрения: «У всех отдельных наций мы находим аналогию в их развитии в том, что всюду капитал мог ярче развить свою хозяйственную силу только с введением и распространением употребления металлических денег и проявить более обширную власть только на более высоких ступенях культуры». Сообразно с этим, деньги облегчают переход капиталов из рук в руки, в особенности хозяйственный оборот по отношению к пользованию капиталом, и переход капитала в любую форму (какое угодно пользование им), но понятию капитала понятие денег все же вполне чуждо (ср. *Dühring: Zur Kritik des Capitalbegriffes*, *Hildebrand's Jahrbücher* V. С. 318 и сл. и *Kleinwächter: Beitrag zur Lehre vom Capitale*, *ibid.* IX. С. 369 и сл.).

где подлежащие нашему распоряжению количества пользования капиталом меньше сравнительно с надобностью в них.

От распоряжения количествами экономических благ в течение определенного промежутка времени (от пользования капиталом) зависит, сообразно вышесказанному, более или менее полное удовлетворение наших потребностей, точно так же, как и от распоряжения другими экономическими благами, и потому пользование капиталом становится объектом нашей оценки и, как мы увидим впоследствии, также объектом человеческого оборота³⁶.

с. О ценности комплементарных количеств благ высшего порядка

Чтобы превратить блага высшего порядка³⁷ в блага низшего, требуется известный промежуток времени, и, следовательно, всюду, где дело идет о производстве экономических благ, *требуется распоряжение услугами капитала в течение определенного периода*. Самый этот период различен по

³⁶ Некоторые экономисты полагают, что проценты на капитал являются вознаграждением за воздержание капиталиста; в опровержение этому мнению нужно заметить, что воздержание какого-либо лица само по себе не имеет характера блага и потому не может приобретать для нас ценности. Притом и возникает капитал не во всех случаях путем воздержания, но очень часто (например, всюду, где до того неэкономические блага высшего порядка, вследствие роста круга потребностей общества, приобретают экономический характер) путем простого завладения. Поэтому уплату процентов не следует рассматривать, как вознаграждение за воздержание капиталиста, но как обмен одного экономического блага (пользования капиталом) на другое (например, деньги). Во всяком случае *Carry* (*Socialwissenschaft*, XXXIX, § 6) впадает в противоположную ошибку, когда приписывает бережливости тенденцию, прямо враждебную образованию капитала.

³⁷ Как блага высшего порядка следует рассматривать не только технические средства производства, но вообще все блага, которые могут пойти на удовлетворение человеческих потребностей только в соединении с другими благами высшего порядка. Товары, которые оптовый торговец может доставить в руки мелочных торговцев только путем затраты пользования капиталом, фрахтов и различных специальных рабочих услуг, нужно рассматривать, как блага высшего порядка, как и товары, находящиеся у лавочника. Даже спекулянт присоединяет к объектам своей спекуляции, по крайней мере, свою предпринимательскую деятельность и пользование капиталом, а нередко и труды по сохранению этих объектов, пользование магазинами и т.п. (ср. *Hermann. Staatsw. Unters.*, 1832. С. 62).

своей продолжительности, смотря по природе производственного процесса, и в одной и той же отрасли производства тем длиннее, чем выше порядок благ, применяемых к удовлетворению человеческих потребностей; но производство без такого периода вообще невозможно. В течение этого промежутка времени количество экономических благ, о котором мы здесь говорим (капитал), *связано*, его нельзя иметь в своем распоряжении для других производственных целей. Поэтому, чтобы получить в свое распоряжение к известному моменту будущего какое-либо благо низшего порядка или определенное его количество, недостаточно еще того, чтобы мы обладали временно в какой-нибудь момент соответствующими благами высшего порядка; необходимо еще и то условие, чтобы мы *удерживали* в своем распоряжении данные блага высшего порядка в течение более или менее длинного промежутка времени, смотря по природе производственного процесса и чтобы в течение этого времени блага высшего порядка *были связаны* в процессе производства.

Выше мы видели, что возможность распоряжения количествами экономических благ в течение данного промежутка времени представляет для хозяйствующих людей ценность, подобно другим экономическим благам; ясно отсюда, что когда дело идет об определении ценности, которую представляет для хозяйствующих людей в настоящий момент вся совокупность благ высшего порядка, потребных для получения известного блага низшего порядка, ценность эта только в таком случае может быть приравнена предполагаемой ценности продукта, если в первую включена и ценность относящегося сюда пользования капиталом.

Поэтому, если ставится вопрос, например, о ценности тех благ высшего порядка, с помощью которых мы окажемся через год обладателями определенного количества хлеба, то ценность семян для посева, пользования почвой, необходимых сельских работ и т.д., т.е. благ высшего порядка, служащих для производства хлеба, в их совокупности, найдет себе, конечно, меру в *предполагаемой* через год ценности хлеба (с. 160), но только при том условии, что в ценность совокупности указанных благ будет включена и ценность, которую представляет для хозяйствующих субъектов распоряжение вышеупомянутыми экономическими благами в течение года; ценность же этих благ высшего порядка, сама по себе, *в данный момент* может быть приравнена предполагаемой ценности продукта, но без ценности соответственного пользования капиталом.

Если мы предположим, чтобы перейти к цифровому выражению сказанного, что предполагаемая ценность продукта, которым мы будем обладать через год, равна 100, а ценность, которую представляет распоряжение количеством потребных экономических благ высшего порядка в

течение года (ценность пользования капиталом), равна 10, то ясно, что ценность, которую представляет в данный момент для хозяйствующего субъекта совокупность комплементарных благ высшего порядка, необходимых для производства этого продукта, равна, за исключением ценности пользования капиталом, не 100, а только 90, и если бы ценность этого пользования капиталом выражалась цифрой 15, то ценность совокупности комплементарных благ составила бы 85.

Ценность благ для отдельных хозяйствующих индивидов представляет, как мы уже много раз упоминали, важнейшее основание образования цен. Поэтому, если мы в жизни видим, что покупатели благ высшего порядка никогда не платят за комплементарные технические средства производства³⁸, необходимые для получения продукта, всей предполагаемой цены последнего, а всегда в состоянии согласиться и в действительности соглашаются только на цену, несколько низшую, нежели последняя, если, словом, продажа благ высшего порядка имеет известную аналогию с учетом³⁹, причем основание расчета образует предполагаемая цена про-

³⁸ Ср. *Hasner. System d. pol. Oekonomie*, 1860, I. С. 29.

³⁹ У кого есть в распоряжении блага высшего порядка, необходимые для производства благ низшего, тот, благодаря этому, обладает благами низшего порядка не тотчас и непосредственно, но по истечении известного промежутка времени, обусловленного особенностями производственного процесса, более или менее продолжительного. Если он хочет тотчас же за свои блага высшего порядка получить в обмен соответствующие блага низшего, или, что при развитых отношениях оборота одно и то же, соответствующую сумму денег, то он находится в таком же положении, в каком бывает тот, кто располагает известной суммой денег с какого-нибудь будущего момента времени (например, спустя 6 месяцев) и желает сейчас же получить возможность распоряжаться ею. Если же владелец благ высшего порядка, хотя и желает перенести их в распоряжение третьего лица, но согласен на то, чтобы вознаграждение за них было дано только после окончания процесса производства, то, естественно, этот «учет» отпадает, и мы можем в действительности наблюдать, что цена благ, даваемых в кредит (отвлекаясь от премии за риск), тем выше, чем отдаленнее условленный срок уплаты. В вышеизложенном заключается вместе с тем и объяснение тому явлению, что кредит способствует производительной деятельности народа. В громадном большинстве случаев кредитные операции состоят в передаче благ высшего порядка лицам, перерабатывающим их в соответствующие блага низшего порядка. Кредит часто именно создает возможность производственной деятельности или, по крайней мере, более широкое побуждение к ней, и отсюда — гибельная задержка и сокращение производительной деятельности народа в случае внезапных затруднений в кредите.

дукта, то это явление находит свое объяснение именно в том, что мы выше изложили⁴⁰.

Процесс преобразования благ высшего в блага низшего или первого порядка, чтобы быть экономическим, предполагает во всяком случае, что хозяйствующий субъект подготавливает и ведет его экономически, т.е. производит экономические расчеты, о которых мы выше говорили, и действительно вводит или дает возможность ввести в него блага высшего порядка, включая сюда и технический труд. Эта так называемая деятельность предпринимателя⁴¹, которая в начале истории культуры и еще поз-

⁴⁰ Чем длиннее промежуток времени, требуемый каким-нибудь процессом производства, тем обыкновенно, при прочих равных условиях, продуктивность его выше и тем, значит, выше ценность пользования капиталом, так что ценность благ высшего порядка, которые могут быть затрачены на производственные процессы различной продолжительности и могут, следовательно, обеспечить нам по нашему выбору предметы потребления различной ценности, но на различные периоды времени, в данный момент одинакова.

⁴¹ Уже много раз ставился вопрос, какие функции относятся к деятельности предпринимателя. Здесь прежде всего нужно иметь в виду, что к благам высшего порядка, находящимся в распоряжении предпринимателя для целей определенного производства, принадлежит нередко и его *технический* труд, которому он в подобном случае дает такое же назначение, как и труду других лиц. Издатель журнала нередко сотрудничает в нем же, хозяин мастерской работает в ней же. Но оба они являются предпринимателями не вследствие технического содействия процессу производства, но потому, что они вводят путем хозяйственных соображений и акта воли блага высшего порядка в процесс осуществления известных производственных целей. Деятельность предпринимателя обнимает: а) *осведомление* относительно хозяйственного положения; б) все предварительные соображения, необходимые для того, чтобы процесс производства был экономическим, иными словами, хозяйственный *расчет*; в) *акт воли*, посредством которого блага высшего порядка (а при развитых отношениях оборота, где всякое экономическое благо можно обыкновенно обменять на другое, блага вообще) предназначаются для определенного производства и, наконец, д) *наблюдение* за возможно более экономическим проведением плана производственного процесса. Изложенная здесь деятельность предпринимателя отнимает, обыкновенно, при небольших предприятиях, только незначительную часть времени предпринимателя, тогда как в больших предприятиях занимает все время не только предпринимателя, но часто и нескольких помощников. Как бы, однако, ни была велика деятельность этих последних, все же всегда в деятельности самого предпринимателя можно найти 4 вышеуказанных элемента, даже в тех случаях, когда деятельность эта исключительно

же в мелком ремесле выпадает на долю того же хозяйствующего субъекта, который принимает участие в процессе производства и своим техническим трудом, с прогрессом разделения труда и увеличением размеров предприятий, нередко начинает поглощать все время хозяйствующего субъекта и становится таким образом столь же необходимым элементом процесса производства благ, как и технический труд, получает такой же характер блага высшего порядка и, будучи обыкновенно благом экономическим, приобретает точно так же ценность. Поэтому всюду, где ставится вопрос о том, какую ценность представляют для нас в настоящий момент комплементарные количества благ высшего порядка, конечно, мерилom ценности их совокупности в настоящее время остается предполагаемая ценность соответствующего продукта, но только при условии, что в нее включается и ценность деятельности предпринимателя.

Объединив все сказанное выше, мы найдем, что ценность, которую представляет для нас в настоящее время совокупность всех благ высшего порядка, необходимых для производства какого-нибудь блага низшего или первого порядка (т.е. совокупность сырых материалов, труда, пользования участками земли, машин, инструментов и т.д.), находит свою меру в предполагаемой ценности соответствующего продукта, причем, однако, к таким благам (высшего порядка) следует причислить не только блага высшего порядка, необходимые для технической стороны производства, но и пользование капиталом и деятельность предпринимателя, так как они такие же неизбежные предпосылки экономического производства благ, как и собственно технические элементы этого процесса, и, поэтому, ценность технических элементов производства самих по себе *в данный момент* не равна всей предполагаемой ценности продукта, но постоянно регулируется таким образом, что остается кое-что и на долю ценности пользования капиталом и предпринимательской деятельности.

d. О ценности отдельных благ высшего порядка

Мы видели, что ценность конкретного блага или конкретного количества его равна для хозяйствующего субъекта, в распоряжении которого

ограничена предоставлением частей своего состояния на осуществление известных, только родовым образом определенных производственных целей, выбором лиц и контролем (например, в акционерных компаниях). Я не могу, поэтому, ввиду всего вышесказанного выше, согласиться с *Mangoldt* ом, который (*Die Lehre vom Unternehmergewinn*, 1855. С. 36 и сл.) считает *существенным* моментом в предприятии «принятие риска» производства: «риск» здесь только нечто приводящее, и шансам потери противостоят шансы выгоды.

го оно находится, значению того удовлетворения потребности, которого субъект лишился бы, если бы не обладал соответствующим благом; поэтому мы могли бы без затруднения сделать вывод, что и для благ высшего порядка ценность каждого конкретного количества их равна значению, которое имеет для нас удовлетворение той потребности, обеспечение которой зависит от нашего распоряжения данным количеством блага, если бы этому не мешало то обстоятельство, что благо высшего порядка служит удовлетворению человеческих потребностей не само по себе, но только в соединении с другими (комплементарными) благами высшего же порядка, и если бы, сообразно с этим, не могло явиться мнение, что в удовлетворении конкретных потребностей мы зависим не от распоряжения отдельным конкретным благом высшего порядка или конкретным количеством такового, но исключительно от распоряжения комплементарными количествами этих благ в их совокупности, и что, следовательно, только эта совокупность комплементарных благ может приобретать самостоятельную ценность для хозяйствующего субъекта.

Совершенно верно, конечно, что мы получаем возможность распоряжения благами низшего порядка только при посредстве *комплементарных* количеств благ высшего порядка, но несомненно также и то, что не строго только определенные количества отдельных благ высшего порядка вступают в соединение в процессе производства друг с другом, как это бывает при химических реакциях, где только известное количество весовых частей одного вещества вступает в соединение с столь же точно обозначенным числом весовых частей другого вещества, образуя данный химический продукт. Наоборот, самый элементарный опыт учит нас, что блага высшего порядка могут произвести определенное количество какого-нибудь блага низшего порядка, находясь в самых разнообразных количественных отношениях друг к другу, и нередко может и совсем не быть даже одного или нескольких благ высшего порядка, носящих комплементарный характер по отношению к какой-либо группе известных благ высшего порядка, и, несмотря на это, остальные блага не лишаются способности произвести то благо низшего порядка, по отношению к которому они обладают характером комплементарных благ. Для производства хлеба пользуются почвой, семенами, трудом, удобрением, сельскохозяйственными орудиями и т.д., и, однако, никто не усомнится, что можно получить *определенное* количество хлеба и без удобрения или без применения большей части обычно употребляемых орудий, если только в нашем распоряжении будет соответственно большее количество прочих благ высшего порядка, необходимых для производства хлеба.

Если, таким образом, опыт показывает, что отдельных комплементарных благ высшего порядка часто может и совсем не быть при произ-

водстве благ низшего порядка, то еще чаще наблюдение учит нас, что известные продукты получаются не непременно из строго определенных количеств благ высшего порядка, а существуют обыкновенно широкие границы, в пределах которых может двигаться и действительно движется производство. Всякому известно, что можно получить определенное количество хлеба, даже при одинаковом качестве земель, на участках различной величины, смотря по интенсивности обработки, т.е. смотря по тому, будем ли мы пользоваться большим или меньшим количеством остальных комплементарных благ высшего порядка. Точно так же слабое удобрение восполняется большими размерами участка, лучшими машинами или более интенсивным применением сельскохозяйственного труда, и таким образом уменьшение количества почти всякого отдельного блага высшего порядка уравнивается соответствующим увеличением затраты прочих комплементарных благ.

Но даже там, где отдельные блага высшего порядка не могут быть заменены количествами других комплементарных благ, или где уменьшение находящегося в распоряжении количества какого-нибудь отдельного блага высшего порядка обуславливает соответствующее уменьшение продукта (например, при производстве некоторых химических продуктов), отсутствие одного средства производства не лишает все же обязательно соответствующие количества остальных средств производства ценности, потому что эти последние могут быть обыкновенно употреблены на производства других благ и, следовательно, в последнем счете на удовлетворение человеческих потребностей, хотя и по большей части не столь важных, как это было бы в том случае, если бы в нашем распоряжении оказалось недостающее количество комплементарного блага, о котором идет речь.

Поэтому от определенного количества какого-нибудь блага высшего порядка не зависит обыкновенно обладание соответствующим количеством продукта вообще, для производства которого служит это благо, но только распоряжение частью этого количества, а часто одно лишь высшее качество его, и ценность известного количества отдельного блага высшего порядка равна, вследствие этого, не значению удовлетворений потребностей, зависящих от всего продукта, для производства которого оно служит, а равна значению удовлетворений потребностей, которые обеспечены той частью продукта, на которую последний уменьшится, если нашему распоряжению не будет подлежать вышеупомянутое количество блага высшего порядка; там же, где уменьшение имеющегося в распоряжении количества блага высшего порядка обуславливает не уменьшение количества, но только ухудшение качества продукта, ценность количества отдельного блага высшего порядка равна разнице меж-

ду значением удовлетворений потребностей, которые могут быть достигнуты продуктом высшего качества, и тех, которые могут быть вызваны и продуктом низшего качества. В обоих случаях именно только удовлетворение потребностей такого значения зависит от нашего распоряжения данным количеством отдельного блага высшего порядка.

Но даже и в том случае, когда уменьшение подлежащего распоряжению количества отдельного блага высшего порядка обуславливает соответствующее уменьшение продукта (например, при некоторых химических продуктах), даже и в этом случае остальные комплементарные количества благ высшего порядка, для которых отсутствует комплементарный элемент производства, не теряют еще своей ценности, так как они могут пойти на производство других благ низшего порядка, а, следовательно, на удовлетворение человеческих потребностей, хотя, быть может, и несколько менее важных, чем это было бы в противном случае. И здесь, значит, неполная ценность продукта, которого мы не получим, не имея отдельного блага высшего порядка, послужит нам мерой ценности последнего, но разница между значением того удовлетворения потребности, которое будет обеспечено, если мы будем иметь в распоряжении то количество блага высшего порядка, о ценности которого поставлен вопрос, и значением того удовлетворения потребностей, которое последует в противном случае.

Если мы соединим три вышеизложенных случая, то получим, как общий закон определения ценности конкретного количества какого-нибудь блага высшего порядка, что ценность его равна разнице между значением того удовлетворения потребностей, которое будет достигнуто в случае распоряжения количеством блага высшего порядка, о ценности которого мы спрашиваем, и того удовлетворения потребностей, которое будет достигнуто в противоположном случае, при экономическом, конечно, употреблении совокупности находящихся в нашем распоряжении благ высшего порядка.

Этот закон точно соответствует общему закону определения ценности (с. 132 и сл.), так как разница, о которой говорится в данном случае, обозначает именно значение того удовлетворения потребностей, которое зависит от нашего распоряжения конкретным благом высшего порядка.

Сопоставив этот закон с тем, что мы выше (с. 169 и сл.) сказали о ценности комплементарных количеств благ высшего порядка, необходимых для производства какого-нибудь блага, мы получим дальнейший вывод, что ценность блага высшего порядка тем больше, чем выше предполагаемая ценность продукта, при условии одинаковой ценности остальных комплементарных благ, необходимых для производства последнего, или чем ниже ценность их при одинаковых остальных условиях.

*е. О ценности пользования почвой, пользования капиталом
и труда в отдельности*⁴²

Участки земли не занимают особого положения среди прочих благ. Если их употребляют непосредственно для удовлетворения потребностей (сады для прогулок, места для скачек и т.д.), то они — блага первого порядка; если ими пользуются для производства других благ, то они, подобно прочим, блага высшего порядка. Поэтому, всюду, где дело идет об определении их ценности или ценности пользования почвой, они подчинены общим законам определения ценности, а если они носят характер благ высшего порядка, то специальным законам, которые мы выше вывели относительно последних.

Распространенная школа экономистов совершенно правильно утверждала, что ценность земельных участков нельзя свести к труду или затрате капитала, но на этом основании она считала себя вправе отводить земельным участкам исключительное положение среди остальных благ. Легко видеть, однако, методологическую ошибку, заключающуюся в таком рассуждении. Если большую группу важных явлений нельзя подвести под общие законы исследующей их науки, то это ясно показы-

⁴² То обстоятельство, что *цену* пользования землей, пользования капиталом и труда, иными словами, земельную ренту, проценты на капитал и вознаграждение за труд, можно свести к количествам труда или издержкам производства не иначе, как с очень большими, как мы увидим ниже, натяжками, поставило защитников подобных теорий в необходимость выставить для вышеназванных трех видов благ основания образования цен, совершенно отступающие от положений, имеющих значение для прочих благ. Мы же в предыдущем изложении показали, что все явления *ценности*, каких бы благ они ни касались, по природе одинаковы, имеют одно и то же происхождение, а размер ценности *во всех случаях* регулируется одними и теми же принципами. Но так как *цена* благ есть, как мы увидим в двух следующих главах, следствие их *ценности* для хозяйствующих людей, и величина цены всегда находит основание в величине ценности, то ясно, что и земельная рента, проценты на капитал и вознаграждение за труд регулируются одинаковыми общими положениями. Теперь мы займемся только *ценностью* пользования землей, пользования капиталом и труда, а к установлению, на основании здесь полученного результата, тех положений, которыми регулируется цена этих благ, мы обратимся уже после того, как будет изложена общая теория цены.

К наиболее странным спорным вопросам науки принадлежит во всяком случае тот, можно ли оправдать с моральной точки зрения земельную ренту и в особенности проценты на капитал, или же они «безнравственны». Я думаю,

вает, что эти общие законы нуждаются в пересмотре, но не может служить основанием к применению весьма сомнительного вспомогательного методологического средства, к обособлению группы явлений от прочих, по общей природе совершенно одинаковых объектов наблюдения, и к установлению различных высших принципов для каждой из этих двух групп.

Это именно соображение вызывало и в новейшее время разнообразные попытки ввести и пользование землей, и участки земли, подобно всем прочим благам, в общую систему научных положений политической экономии и, сообразно господствующим теориям, свести их ценность и

что между прочими задачами наша наука должна заняться и исследованием того, почему и при каких условиях пользование землей и капиталом представляют для нас блага, носят экономический характер, приобретают ценность и, наконец, становятся объектом оборота, т.е. за них могут быть получены количества других экономических благ (цены), но вопрос о правовом или этическом характере этих явлений лежит вне сферы нашей науки. Всюду, где есть цена пользования землей и капиталом, это следствие их ценности; последняя же не есть нечто произвольное (с. 131), но необходимый результат их экономического характера; цены вышеназванных благ (земельная рента и проценты на капитал) поэтому являются неизбежным следствием экономического положения, при котором они возникают, и тем вернее они уплачиваются, чем прочнее правопорядок народа и могущественнее его общественная мораль. Друга людей, конечно, может огорчать, что распоряжение земельным участком или капиталом в течение определенного промежутка времени доставляет владельцу их нередко гораздо больший доход, чем самая напряженная деятельность принесет рабочему за это же время. Но основание этому не в безнравственности, а в том, что от пользования этим участком земли или данным капиталом зависит удовлетворение более важных человеческих потребностей, чем от труда, о котором идет речь. Поэтому те, которые желали бы, чтобы большая, чем теперь, часть находящихся в распоряжении общества предметов потребления уделялась рабочим, требуют, насколько их стремление не идет рука об руку с усовершенствованием рабочего сословия, или не ограничивается более широким развитием отношений конкуренции, именно вознаграждения труда выше его ценности, т.е. вознаграждения рабочих не сообразно тому, какова ценность их труда для общества, но сообразно масштабу более достойного существования, возможно более равного распределения предметов потребления и тягостей жизни. Разрешение вопроса на таком основании предполагает, конечно, совершеннейшее изменение наших социальных отношений. (Ср. *Schütz. Tübing Ztsch.*, 1855. С. 171 и сл.).

цену, которую можно за них получить, к человеческому труду или затратам капитала⁴³.

Но насильование фактов, к которому должна повести подобная попытка относительно благ вообще и участков земли в особенности, достаточно очевидно. Отвоеван ли участок земли у моря с громадными затратами человеческих усилий, или его намыло без всякого участия человеческого труда, покрыт ли он был сначала девственным лесом и усеян камнями и только большим напряжением сил и экономическими жертвами освобожден от леса, выровнен и покрыт плодородной землей, или с самого начала на нем не было леса, и он был годен для обработки, все это важно при обсуждении его *естественного* плодородия или вопроса о том, *целесообразны ли и экономичны были затраты экономических благ на этот участок земли* (амелиорация), но не представляет интереса там, где дело идет об его экономических отношениях вообще или в особенности о его *ценности*, т.е. о значении, которое приобретают для нас блага ввиду потребностей, подлежащих в будущем удовлетворению⁴⁴.

Если, таким образом, эти новые попытки свести ценность пользования почвой и вообще земельных участков на затрату труда или капитала следует рассматривать только как результат стремления согласовать господствующую теорию земельной ренты, как часть нашей науки, сравнительно менее всего противоречащую явлениям действительной жизни, с ходячими заблуждениями в основных принципах политической экономии, то и теории земельной ренты в той форме, в какой ее высказал

⁴³ *Canard*. Principes d'econ. polit., 1801. С. 5 и сл.; *Carey*. Principles of Soc. Sc., XLII, § 1; *Bastiat*. Harmonies écon., chap, 9; *Max Wirth*. Grundzüge d. Nationalök, 1861. С. 347 и сл.; *Rösler*. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, 1864, § 100.

⁴⁴ Из вышесказанного видно в то же время, что когда мы говорим о пользовании землей, мы понимаем под этим пользование участками земли в течение определенных промежутков времени, как это пользование в действительности в человеческом хозяйстве происходит, а не пользование «первоначальными силами», потому что только первое является объектом человеческого хозяйства, последние же — в конкретном случае только предмет исторического исследования, никаких практических целей, по большей части, не преследующего и для хозяйствующих людей безразличного. Обязано ли плодородие почвы своим происхождением затратам капитала или природе, это очень мало интересует земледельца, арендующего участок земли на год или на несколько лет, и не имеет никакого влияния на цену, которую он платит за пользование землей, и покупатель земельного участка, при своих расчетах, принимает во внимание, конечно, «будущее» участка, но не его «прошлое».

*Рикардо*⁴⁵, нужно поставить в упрек, что ею освещается не принцип ценности пользования землей⁴⁶, но оттеняется только единичный момент различия этой ценности, и этот момент ошибочно возводится в принцип.

Различие в качестве и положении земельных участков несомненно одна из важнейших причин различия в ценности пользования землей и самих участков, но есть и другие, кроме этой, причины различия в ценности данных благ. Следовательно, эта причина — даже и не определяющий принцип различия в ценности, а тем менее принцип ценности вообще. Если бы все земельные участки были одинакового качества и имели одинаково благоприятное положение, то они, по Рикардо, совсем не давали бы ренты, между тем, как совершенно ясно, что в таком случае отпал бы, правда, только момент различия рент земельных участков, но ни совокупность рент, ни рента вообще. С другой стороны, не менее понятно и то, что в стране, где ощущается большой недостаток в почве, даже и худшего качества участки и с менее благоприятным положением давали бы ренту, что в теории Рикардо не нашло бы объяснения.

Участки земли и пользование почвой в конкретной форме проявления — такие же объекты нашей оценки, как и прочие блага; и они только настолько приобретают ценность, насколько мы зависим в удовлетворении наших потребностей от распоряжения ими, и факторы, определяющие их ценность, те же, которые нами найдены выше (с. 133 и 154) для благ вообще⁴⁷. И более глубокое понимание различия их ценности возможно, поэтому, только в том случае, если мы будем рассматривать пользование почвой и самые участки земли с общей точки зрения нашей науки и изучать их, насколько они — блага высшего порядка, в их отношениях к соответствующим благам низшего порядка и в особенности к комплементарным благам.

⁴⁵ *Ricardo*. Principles of P. E. Chap. 2 и 33.

⁴⁶ Ср. *Rodbertus*. Sociale Briefe an. v. Kirchmann 3. Br., 1851. С. 9 и сл.

⁴⁷ Если *Rodbertus* (Sociale Briefe an. v. Kirchmann, 3. Brief. С. 41 и сл.) приходит к заключению, что собственники капиталов и владельцы земли имеют возможность вследствие нашего социального строя отнимать у рабочих часть продукта труда и, таким образом, «существовать», не работая, то это покоится на ошибочном предположении, что весь результат производственного процесса нужно рассматривать, как продукт труда. Труд — только один элемент этого процесса и является не в большей степени экономическим благом, чем прочие элементы производства и, в частности, пользование землей и капиталом. Владельцы капитала и земли живут, поэтому, не за счет того, что они отнимают у рабочих, но за счет пользования землей и капиталом, которое для индивида и общества имеет ценность так же точно, как и труд.

Выше мы пришли к выводу, что совокупность благ высшего порядка, необходимых для производства какого-либо блага (включая сюда пользование капиталом и деятельность предпринимателя), находит меру своей ценности в предполагаемой ценности продукта. Где пользование землей служит производству благ низшего порядка, там оно находит, следовательно, в соединении с прочими комплементарными благами меру ценности в предполагаемой ценности блага низшего или первого порядка, для получения которого они предназначены, и чем эта последняя ценность выше или ниже, тем выше или ниже, при равенстве прочих условий, и ценность пользования землей. Что же до ценности, которую само по себе представляет для хозяйствующих людей конкретное пользование почвой и конкретные участки земли, то она, как и у всех других благ высшего порядка, регулируется тем положением, что ценность блага высшего порядка тем значительнее, чем больше ценность предполагаемого продукта и чем ниже, при равенстве прочих условий, ценность комплементарных благ высшего порядка⁴⁸.

Пользование землей, словом, подчиняется относительно своей ценности тем же общим законам, как и, например, пользование машинами, инструментами, жилыми домами, фабриками, как и все остальные экономические блага, какого бы вида они ни были.

Этим, однако, нисколько не отрицаются своеобразные особенности пользования почвой или земельных участков, как и многих других родов благ. Блага, о которых здесь идет речь, подлежат, обыкновенно, распоряжению народа в определенном количестве, не поддающемся легко увеличению, они не способны к перемещению и чрезвычайно разнообразны по качеству. К этим трем причинам можно свести все особенности, которые мы наблюдаем в явлениях ценности пользования почвой и земельных участков, но все это в совокупности такие особенности, которые имеют отношение только к их количеству, доступному распо-

⁴⁸ Ценность земельных участков сообразуется с предполагаемой ценностью пользования землей, а не наоборот, последняя с ценностью участков. Ценность земельных участков есть не что иное, как предполагаемая ценность всех актов пользования землей в совокупности, определяемая в данный момент. Чем выше предполагаемая ценность актов пользования землей и чем ниже ценность пользования капиталом, тем выше и ценность земельных участков. Впоследствии мы увидим, что ценность благ есть основание их цены. Если в периоды хозяйственного подъема народа замечается, обыкновенно, более быстрый рост цен земельных участков, то это имеет свое основание, с одной стороны, в росте земельной ренты, а с другой стороны — в падении уровня процента.

ряжению хозяйствующих людей вообще и жителей определенных территорий в особенности, и к их качеству, т.е. это — моменты определения ценности, влияющие не только на ценность пользования почвой и земельных участков, но и на ценность, как мы видели, других благ, а, значит, интересующие нас здесь явления не носят исключительного характера.

То обстоятельство, что и цена труда⁴⁹, подобно цене пользования землей, может быть сведена к цене издержек его производства только путем величайших натяжек, повело к установлению особых оснований для этой категории явлений цены. Самый простой труд, говорят теории, должен прокормить рабочего и его семью, иначе предоставление его в распоряжение общества не будет продолжительным; но труд не может также давать рабочему сколько-нибудь значительно больше того, что требуется для поддержания жизни, потому что в противном случае увеличится чис-

⁴⁹ Своеобразность труда, влияющая на соответствующие явления ценности, заключается в том, что часть его связана для рабочего с неприятными ощущениями и поэтому затрачивается обыкновенно не иначе, как под влиянием экономической выгоды, возникающей для рабочего из этой деятельности. Труд такого рода редко приобретает, поэтому, неэкономический характер для общества, но все же обыкновенно сильно преувеличивают ценность, которую представляет в общем бездеятельность для рабочего. Занятия громадного большинства людей доставляют им удовольствие, составляют для них прямо удовлетворение их потребности, и были бы исполняемы, хотя бы и в меньшем размере и измененном виде, и тогда, когда бы нужда и не заставляла их прибегать к своим силам. Проявление своей силы для нормально организованного человека — потребность, и если тем не менее мало лиц работают, не имея в виду хозяйственных выгод, то основание этому не столько в неприятности работы, сколько в том, что имеется достаточно случаев *вознаграждаемой* работы. К видам труда следует решительно причислить также и *деятельность предпринимателя*. И она, обыкновенно, — экономическое благо и, как таковое, представляет *ценность* для хозяйствующих людей. Особенности этой категории труда — двоякого рода: а) он по своей природе — не товар (не предназначен к обмену) и, поэтому, по отношению к нему не происходит явления образования цен; б) он предполагает необходимо распоряжение использованием капитала, ибо без этого не может быть осуществлен. Это обстоятельство ограничивает вообще количество предпринимательской деятельности, находящейся в распоряжении народа, и в особенности такой, которая осуществляется только при условии, что соответствующим хозяйствующим субъектам доступно распоряжение использованием больших капиталов. Кредит увеличивает, а непрочность правовых отношений уменьшает это количество.

ло работников, что приведет снова цену труда к прежнему уровню. Поэтому минимум средств существования есть принцип, регулирующий цену наиболее простого труда, а более высокая цена остальных видов труда должна быть сведена на затрату капитала, на ренту с таланта и т.д.

Опыт, однако, показывает нам, что бывают конкретные случаи приложения труда, совершенно бесполезного и даже вредного для хозяйствующих людей, который, следовательно, совсем не представляется благом; в других же случаях труд, оставаясь благом, не проявляет, однако, экономического характера и ценности и, таким образом, как и в предыдущих случаях (мы это ниже увидим) тоже не может иметь цены (сюда принадлежит всякий труд, который по каким-либо причинам предоставляется в распоряжение общества в таком большом количестве, что приобретает неэкономический характер, например, труд, связанный с некоторыми неоплачиваемыми должностями и т.д.). Словом, труд не является сам по себе и при всех обстоятельствах благом, а тем более благом экономическим, он не представляет неизбежно ценности. Поэтому не всякий труд вообще может иметь цену, а тем менее цену *определенную*.

Опыт учит нас также и тому, что часто рабочий не может обменять свой труд на самые необходимые средства существования⁵⁰, между тем как за другие виды труда легко получить количества благ в 10, 20 и даже 100 раз превышающие средства, необходимые для поддержания существования одного человека. Где даже действительно труд человека вымещается на средства, нужные ему для поддержания существования, там это только следствие того случайного обстоятельства, что он, ввиду общих оснований образования цен, может быть выменен только за эту и ни за какую другую цену. Средства существования рабочего или имеющийся, главным образом, в виду минимум их не может, поэтому, быть ни непосредственной причиной, ни определяющим принципом цены труда⁵¹.

На самом же деле и *цена* конкретного труда регулируется, как мы это впоследствии увидим, подобно цене всех других благ, сообразно с его *ценностью*. А эта последняя определяется, как выше было изложено, величи-

⁵⁰ В Берлине ни одна белошвейка не может заработать себе трудом рук своих при 15-часовом ежедневном шитье необходимые средства к жизни. Ее вознаграждение может покрыть расход на пищу, квартиру и дрова, но на одежду она не зарабатывает себе даже при самом напряженном прилежании (ср. *Сараф* в *Deutsche Vierteljahrschrift*, 1868, II Abt., С. 165). Подобное можно наблюдать и в других больших городах.

⁵¹ Образ жизни рабочих обусловлен их вознаграждением, а не вознаграждение образом их жизни, хотя это и утверждали часто, смешивая так странно причину с действием.

ной значения удовлетворения потребности, которое не последует, если в нашем распоряжении не окажется данный труд. Если же этот труд является благом высшего порядка, то ценность его прежде всего непосредственно определяется тем положением, что блага высшего порядка имеют для хозяйствующего человека тем большую ценность, чем выше предполагаемая ценность продукта при одинаковой ценности комплементарных благ высшего порядка, и тем меньшую, чем ниже ценность этих последних.

Неудовлетворительность теории, по которой цена благ объяснялась ценой благ высшего порядка, затраченных на производство первых, должна была естественно проявиться и там, где ставился вопрос о цене пользования капиталом. Выше мы подробно изложили конечные причины экономического характера благ этого рода и их ценности и указали на ошибочность той теории, которая изображает цену пользования капиталом, как вознаграждение за воздержание владельца капитала. На самом деле, цена пользования капиталом — такое же следствие, как мы увидим дальше, его экономического характера и его *ценности*, как и цена всех остальных благ; определяющий же принцип этой ценности, в свою очередь, тот же, что и у благ вообще⁵².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «С изменением наклонностей людей и их потребностей, изменяется и ценность вещей».

² «Ценность какого-нибудь предмета для изолированного человека есть в точности часть суммы его способностей, соответствующая его желанию обладать этим предметом, или та часть, которую он хочет употребить на удовлетворение этого желания».

³ «Говорят, что вещь полезна, когда она служит некоторым из наших потребностей. На основании этой полезности мы придаем ей большее или меньшее значение. И это значение есть то, что мы называем ценностью». — *Прим. перев.*

⁵² Особенность представляет образование цены пользования капиталом настолько, как мы это увидим позже, насколько отчуждение этого пользования не может в большинстве случаев произойти без перехода права собственности на соответствующие капиталы к покупателям пользования капиталом, обстоятельство, которое включает в себе опасность для владельца капитала и ведет к вознаграждению его премией.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

УЧЕНИЕ ОБ ОБМЕНЕ

§ 1. Основания экономического обмена

«Составляет ли стремление людей к мене, торговле и вообще к отдаче одной вещи за другую одно из первоначальных свойств человеческой природы, или же оно — необходимое следствие разума и способности выражать свои мысли», словом, какие вообще причины приводят людей к взаимному обмену благами, этот вопрос Адам Смит оставил без ответа. Верно только то, замечает этот великий мыслитель, что удовольствие от обмена наблюдается у всех людей, и только у них, в противоположность остальным видам животного царства⁵³.

Чтобы установить, прежде всего, ясно самую проблему, возьмем случай, когда два соседа земледельца после удачной жатвы обладают в большом размере избытком ячменя одного и того же рода, и нет никаких препятствий к действительному обмену количеств его. В таком случае оба земледельца могли бы предаваться неограниченно удовольствиям обмена и беспрестанно обмениваться 100 мерами, или любым другим количеством своего ячменя. Но хотя нельзя понять, почему в таком случае им в самом деле не обмениваться, раз обмен сам по себе связан с удовольствием для лиц, вступающих в него, несомненно, однако, что земледельцы в предположенном нами случае воздержатся от обмена, а если бы они все же предприняли таковой, то их сочли бы, по всей вероятности, безумными именно ввиду этого удовольствия, испытываемого ими от акта мены.

Предположим теперь, что какой-нибудь охотник имеет очень много звериных шкур, т.е. много материала для одежды, но незначительный запас пищевых продуктов; потребности его в одежде, поэтому, вполне обеспечены, чего нельзя сказать относительно потребностей в пище; у соседа же земледельца отношение как раз обратное; предположим далее, что и здесь нет препятствий к фактическому обмену пищевых продуктов охотника на материал для одежды земледельца, и все же ясно, что в этом случае обмен между обоими указанными субъектами еще менее вероятен, чем в предыдущем. В самом деле, если бы охотник отдал свой незначительный запас средств пропитания в обмен на небольшое количество звериных шкур земледельца, то излишки охотника в материале для одеж-

⁵³ Wealth o. N. B. I, ch. 2. Basil, 1801. С. 20.

ды, а земледельца в средствах пропитания, сделались бы только еще немного большими, чем это было до мены. Но так как в этом случае удовлетворение потребности охотника в пище, а земледельца — в одежде совсем не было бы обеспечено и, значит, хозяйственное положение обменивающихся ухудшилось бы, то вряд ли кто решился бы утверждать, что оба эти хозяйствующие субъекта получают удовольствие от такого обмена; наоборот, несомненно, что как охотник, так и земледelec, самым решительным образом воспротивились бы такой мене, которая явно уменьшает их благосостояние и может даже подвергнуть опасности их жизнь, и если бы все же почему-либо обмен этот последовал, единственное, что бы им оставалось сделать, это — постараться вернуться снова путем обмена к прежнему положению вещей.

Итак, стремление людей к обмену должно иметь другое основание, а не удовольствие от самого акта мены, потому что если бы обмен сам по себе был связан с удовольствием, т.е., если бы он был самоцелью, а не, наоборот, деятельностью, нередко неприятной и сопряженной с опасностями и экономическими жертвами, то было бы непонятно, почему бы людям не вступать в обмен в приведенном выше и тысяче других случаев, почему бы им не продолжать мены безгранично. Между тем, в жизни мы повсюду видим, что хозяйствующие люди предварительно обдумывают, вступить ли им в обмен, и что, в конце концов, для каждого данного момента есть предел, далее которого обмен между двумя индивидами не продолжается.

Мы видим, таким образом, что обмен не представляется для людей самоцелью, а тем менее доставляет им сам по себе удовольствие, и потому нашей задачей в дальнейшем будет изложить его сущность и происхождение.

Начнем с простейшего случая. Вообразим двух земледельцев А и В; оба вели до сих пор изолированное хозяйство, и первый из них после богатейшей жатвы имеет в своем распоряжении так много хлеба, что обеспечив самым широким образом удовлетворение всех своих потребностей, он все же не знает, как употребить для себя и своего хозяйства известную часть своего запаса. У соседа его, земледельца В, в свою очередь был такой обильный урожай винограда, что он уже почти готов, ввиду недостатка в бочках и переполнения погреба вином прошлых лет, вылить часть вина урожая одного из предыдущих годов, отличающегося не особенно хорошим качеством. Положим, что этому избытку на одной стороне соответствует ощутительный недостаток на другой. Земледelec, у которого так много лишнего хлеба, должен совершенно отказаться от потребления вина, потому что у него вообще нет виноградников, а второй земледelec, не знающий, куда девать свое вино, ощущает недостаток в

пищевых продуктах. Словом, тогда как первый земледелец может оставить гнить на своих полях много мер зерна, одно ведро вина доставило бы ему много наслаждения, которого он теперь лишен; наоборот, второму земледельцу, решившему уже уничтожить не одно, а много ведер вина, несколько мер хлеба очень пригодились бы в хозяйстве. Первый земледелец испытывает жажду, второй — голод, а между тем обоим можно бы помочь — хлебом, который останется гнить на полях А, и вином, которое В решил вылить. Первый земледелец мог бы тогда, как и прежде, наиболее полным образом удовлетворить потребности в пище свои и своей семьи, но кроме того удовлетворить и свою потребность в вине, тогда как второй, как и прежде, полно удовлетворил бы свою потребность в вине, но кроме того ему не пришлось бы голодать. Ясно поэтому, что здесь перед нами случай, где, *благодаря тому, что распоряжение конкретными благами А перейдет к В и, наоборот, распоряжение конкретными благами В перейдет к А, потребности обоих хозяйствующих субъектов могут быть лучше удовлетворены, чем это было бы без этого обоюдного перехода.*

Только что изложенный случай, в котором с помощью взаимного перехода благ, не имеющих никакой ценности для вступивших в обмен лиц, следовательно, без всяких экономических жертв, обе стороны достигли более полного удовлетворения потребностей, чем это было бы без такого перехода благ, этот случай уясняет нам сущность экономического отношения, проявляющегося в обмене. Но мы слишком сузили бы пределы этого отношения, если бы ограничили его только теми случаями, где субъект может распоряжаться количеством какого-нибудь блага, далеко превышающим потребности в нем, и в то же время ощущает недостаток в другом благе, тогда как другое лицо имеет с избытком количества последнего блага и нуждается в первом; мы имеем перед собой такое отношение и тогда, когда во владении какого-нибудь индивида находятся блага, определенные количества которых представляют вообще для него меньшую ценность, чем количества иного блага, имеющегося в распоряжении другого лица, между тем как у последнего субъекта отношение как раз обратное. Положим, например, что в вышеприведенном случае первый земледелец не так уж много собрал хлеба, а второй — винограда, чтобы один мог оставить часть хлеба гнить на полях, а второй — вылить часть прежнего вина, но потребности их в этих благах все же были бы вполне удовлетворены; примем, что каждый из них мог бы с пользой для себя и своего хозяйства тем или иным путем употребить все находящееся в его распоряжении количество соответствующего блага.

Положим, например, что первый земледелец мог бы затратить весь свой запас хлеба с пользой таким образом, что, обеспечив предварительно совершенно удовлетворение более настоятельных потребностей

в этом благе, известное количество хлеба он употребил бы затем на то, чтобы откормить свой скот. Второй же не имеет вина так уж много, чтобы часть его нужно было вылить, но запаса этого блага хватает как раз на то, чтобы известную часть его предоставить рабам для усиления их работоспособности; нет сомнения, что в таком случае определенное количество, скажем, мера хлеба для одного и ведро вина для другого хозяина будет представлять, хотя, быть может, и незначительную, но все же ценность, потому что от этого количества будет зависеть удовлетворение известной потребности обоих земледельцев. Но если, таким образом, определенное количество, скажем, мера хлеба представляет для первого хозяина известную ценность, то этим вовсе не исключается возможность того, чтобы ведро вина имело большую для него ценность (когда удовольствия, доставляемые ему вином, имеют для него больше значения, чем более или менее обильное откармливание своего скота хлебом); и хотя, в свою очередь, ведро вина представляет для второго земледельца точно так же известную ценность, это еще, однако, не значит, что мера хлеба не может иметь для него большей ценности, обеспечивая ему и его семье лучшее питание или даже устраняя муки голода.

Поэтому самое общее выражение того отношения, которое мы здесь излагаем, как важнейшее основание всякого обращения благ между людьми, таково: хозяйствующий субъект А имеет в своем распоряжении конкретные количества какого-нибудь блага, которые представляют для него меньшую ценность, чем определенные количества другого блага, находящиеся в распоряжении другого хозяйствующего субъекта В, тогда как у последнего в оценке этих же количеств данных благ существует обратное отношение, т.е. такое же количество второго блага имеет для него меньшую ценность, чем принятое во внимание количество первого блага, находящегося в распоряжении А⁵⁴.

⁵⁴ Пусть А и В обозначают лица, пусть находящееся в распоряжении А количество первого блага составляет 10а, а количество находящегося в распоряжении В второго блага 10b. Назовем ценность, которую количество 1а представляет для А = W, ценность, которую 1b представляло бы для него, если бы оно находилось в его распоряжении = W + x; ценность, которую 1b представляет для В = W, а ценность, которую 1а имело бы для него = w + y. Ясно, что посредством перехода 1а из распоряжения А в распоряжение В, и наоборот, 1b из распоряжения В в распоряжение А, последний выигрывает ценность x, а В — ценность y, или, другими словами, А после обмена находится в таком положении, как если бы к его состоянию было присоединено благо, ценность которого равна x, а В — в таком, как если бы к его состоянию прибавилось благо ценностью, равною для него y.

Если к этому отношению присоединяется еще

- а) познание его со стороны обоих этих хозяйствующих субъектов;
- б) возможность осуществить действительно этот переход благ, о котором мы выше говорили,

то перед нами отношение, в котором только от соглашения обоих хозяйствующих субъектов зависит позаботиться о лучшем и более полном удовлетворении своих потребностей, чем это было бы без осуществления данного отношения.

И тот же принцип, который вообще руководит людьми в их хозяйственной деятельности, *стремление как можно полнее удовлетворить свои потребности*, тот принцип, который приводит людей к исследованию полезных предметов внешней природы и к подчинению их своему распоряжению, та же забота об улучшении своего хозяйственного положения ведет также к исследованию вышеуказанных отношений, где только они налицо, и к использованию их в целях лучшего удовлетворения своих потребностей, т.е. к фактическому осуществлению перехода благ, о котором мы выше говорили. Это и есть причина всех явлений хозяйственной жизни, которые мы обозначаем словом «обмен», понятие, обнимающее в том смысле, в каком оно употребляется в нашей науке, гораздо больше явлений, чем в обыденном и особенно в юридическом значении этого слова, так как в первом смысле оно охватывает и куплю, и все передачи экономических благ для пользования на время, если только они сопровождаются вознаграждением (аренда, наем и т.д.).

Объединим все сказанное, и мы получим, как результат предыдущего исследования, что принцип, приводящий людей к обмену, — тот самый, который руководит ими вообще во всей их экономической деятельности, т.е. стремление к возможно более полному удовлетворению своих потребностей. Удовольствие же, испытываемое людьми при *экономическом* обмене благ, есть то общее чувство радости, которое овладевает людьми, когда, благодаря какому-либо обстоятельству, удовлетворение их потребностей обеспечивается лучше, чем это было бы при отсутствии его. Подобный результат, насколько он зависит от взаимного переноса благ, требует трех предпосылок:

- а) в распоряжении одного хозяйствующего субъекта должны находиться конкретные количества благ, имеющие для него меньшую ценность, чем другие конкретные количества благ, которыми распоряжается другой хозяйствующий субъект, тогда как у последнего в оценке их должно быть обратное отношение;
- б) оба хозяйствующие субъекта должны дойти до познания этого отношения;
- с) они должны обладать возможностью фактически осуществить этот обмен благ.

Если нет налицо хотя бы одной из этих трех предпосылок, то не достает основания к экономическому обмену, и он для соответствующих хозяйствующих субъектов и благ экономически невозможен.

§ 2. Пределы экономического обмена

Если бы отдельные хозяйствующие субъекты владели только одним благом каждого рода, неделимым с точки зрения свойства своего, как блага, то не представляло бы никакой трудности исследовать, до каких пределов субъекты совершали бы операции обмена в каждом данном случае для достижения наивысшей экономической пользы, какую вообще можно получить при имеющемся налицо отношении. Положим, например, что в распоряжении А есть стеклянный бокал, а у В — какое-либо украшение из того же материала, и у А и В нет других благ того же рода; тогда, согласно тому, что мы говорили в предыдущем параграфе, мыслимы только два возможных случая: или есть основания для экономического обмена вышеприведенных благ между этими двумя субъектами, или они отсутствуют. В последнем случае с экономической точки зрения не может быть даже поставлен вопрос об обмене этих благ; в первом же случае точно так же не подлежит никакому сомнению, что с фактическим осуществлением акта мены дальнейшему обмену благ такого же рода между А и В будет положен естественный предел.

Иначе обстоит дело во всех тех случаях, где в распоряжении различных лиц находятся *количества* благ, которые делятся на какие угодно части или состоят из *нескольких* конкретных частей, дальше хотя бы по природе или своему назначению уже неделимых.

Вообразим такой случай: А, американский владелец блокгауза, имеет несколько лошадей, но ни одной коровы, тогда как сосед его В — ни одной лошади, но несколько коров. Понятно само собой, что в подобном случае могут быть основания к экономическим актам мены, если только у А есть потребность в молоке и молочных продуктах, а у В — в животных для перевозки. Никто, однако, не будет утверждать, что имеющиеся основания к экономическому обмену этих благ между А и В будут исчерпаны, как только *одна* лошадь А будет выменена на *одну* корову В. Но точно так же несомненно, что эти основания не должны необходимо распространяться на блага, о которых мы говорим, в их совокупности. А, который, скажем, имеет 6 лошадей, сможет лучше удовлетворить свои потребности, если обменяет одну, две, быть может, даже три лошади на коровы В, но из этого еще не следует, что он обязательно извлек бы экономическую пользу из меновой операции и в том случае, если бы обменял всех своих лошадей на все коровы В. Тогда

именно могло бы случиться, что, несмотря на существование в условиях экономического положения вещей основания к совершению актов мены между А и В, удовлетворение их потребностей, вследствие далеко зашедшего обмена, было менее обеспечено после осуществления мены, чем до нее.

Такое отношение, где в распоряжении людей находятся не единичные конкретные блага, а количества их, составляет обычное явление в человеческом хозяйстве. Мы можем наблюдать поэтому очень много случаев, где два хозяйствующих субъекта владеют количествами различных благ, и где есть основания к экономическим актам мены, но польза, которую можно извлечь из их осуществления, с одной стороны, не будет извлечена полностью, если оба хозяйствующих субъекта обменивают слишком мало соответствующих благ, а с другой стороны — та же польза равным образом уменьшится, подчас совершенно исчезнет, и даже может перейти в свою противоположность, если хозяйствующие субъекты слишком далеко зайдут в своих меновых операциях, т.е. обменивают слишком много находящихся в их распоряжении благ.

Если, таким образом, нашему наблюдению представляются случаи, где «слишком мало» произведенных актов не приносит всей пользы, которую можно извлечь из реализации имеющегося налицо отношения, а «слишком много» их производит такое же действие и даже нередко приводит к ухудшению экономического положения обеих обменивающихся сторон, то, значит, должен существовать предел, при котором уже достигнута полная экономическая польза, могущая быть извлеченной из реализации данного отношения, и всякий дальнейший акт мены новых количеств этого блага становится неэкономическим. Определение этого предела и составит предмет нашего исследования.

Для этой цели мы рассмотрим какой-нибудь простой случай, на котором мы можем отчетливо наблюдать существующее здесь отношение, не затемненное влиянием посторонних моментов.

Вообразим такой случай: в девственном лесу, далеко от других хозяйствующих индивидов живут два владельца блонгаузов, находящиеся друг с другом в мирных отношениях; размер и интенсивность их потребностей совершенно одинаковы. Каждый из них нуждается в нескольких лошадях для обработки своих полей, причем без одной лошади им никак нельзя обойтись, если только они хотят произвести количество пищевых продуктов, необходимое для поддержания жизни своей и своего семейства, вторая же лошадь нужна для производства излишка, т.е. пищевых продуктов, требующихся для вполне достаточного питания их и их семей. Третья лошадь служит для подвоза строевого леса и дров, камней, песку и т.д. к жилищу каждого хозяина

и для обработки участка земли, на котором он производит продукты, служащие для наслаждения, четвертую — каждый из них может предназначить для целей удовольствия, пятая — имеет уже только значение резерва на случай, если одна из лошадей окажется неспособной к работе, но для шестой лошади ни один из хозяев не может придумать назначения в своем хозяйстве. Затем каждому из обоих хозяев нужны для покрытия потребностей в молоке и молочных продуктах 5 коров, причем значение потребностей, удовлетворяемых каждой коровой, представляет такую же градацию, так что они не знали бы, какое назначение дать шестой корове.

Если мы захотим выразить это отношение, для большей наглядности, в цифрах (с. 137 и сл.), то мы можем изобразить уменьшающееся значение удовлетворения вышеуказанных потребностей для обоих хозяев рядом чисел⁵⁵, понижающимся в арифметической пропорции, скажем, рядом: 50, 40, 30, 20, 10, 0.

Если мы предположим, что А, первый из хозяев, имеет 6 лошадей и только одну корову, тогда как у В, второго хозяина, — отношение обратное, то мы можем представить уменьшающееся значение удовлетворения потребностей, обеспечиваемых находящимися в распоряжении обоих лиц благами, посредством следующей таблицы:

А.		В.	
Лошади	Коровы	Лошади	Коровы
50	50	50	50
40			40
30			30
20			20
10			10
0			0

⁵⁵ Эти цифры имеют целью, что, конечно, не требует особых объяснений, выразить в числах не *абсолютную*, но только *относительную* величину значения удовлетворения соответствующих потребностей. Если мы, таким образом, изображаем значение удовлетворения двух потребностей числами, например, 40 и 20, то этим мы выражаем только то, что значение удовлетворения первой потребности для данного хозяйствующего субъекта в 2 раза больше значения удовлетворения второй.

После того, что мы сказали в предыдущем параграфе этой главы, легко видеть, что мы имеем перед собой основания к экономическим меновым операциям. Значение одной лошади для А равно 0, значение второй коровы — 40, тогда как, наоборот, ценность коровы для В равна 0, а вторая лошадь будет представлять для него ценность, равную 40 (стр. 97). Поэтому, как А, так и В, значительно лучше обеспечили бы удовлетворение своих потребностей, если бы А дал В лошадь в обмен за корову последнего, и нет сомнения, что они действительно произведут такой обмен, поскольку они являются хозяйствующими субъектами.

По совершении этого акта мены, значение удовлетворения потребностей, обеспеченных находящимися в распоряжении обоих лиц благами, представится уже в таком виде:

А.		В.	
Лошади	Коровы	Лошади	Коровы
50	50	50	50
40	40	40	40
30			30
20			20
10			10

и отсюда ясно видно, что, благодаря происшедшему обмену, каждый из обоих обменявшихся хозяев получил такую же экономическую выгоду, как если бы его имущество обогатилось благом, имеющим ценность, равную 40⁵⁶. Понятно также и то, что этот первый акт обмена не исчерпал еще оснований для экономических меновых опе-

⁵⁶ Если некоторые писатели (между новейшими немецкими, например, *Lotz* и *Rau*) отрицают продуктивность торговли, то изложенное в тексте совершенно опровергает такой взгляд. Всякий экономический обмен благ оказывает на хозяйственное положение обоих обменявшихся индивидов такое же действие, как если бы к их имуществу присоединился новый имущественный объект, и поэтому обмен в хозяйственном смысле не меньше продуктивен, чем промышленная или сельскохозяйственная деятельность.

раций, что лошадь все еще представляет для А меньше значения, чем корова, которая бы вошла в состав его имущества (первая представляет ценность в 10, а вторая в 30), тогда как для В, наоборот, корова имеет ценность, равную 10, а лошадь была бы для его хозяйства ценностью, равной 30 (т.е. в 3 раза больше). Поэтому, в экономическом интересе обоих хозяйствующих индивидов предпринять еще одну меновую операцию.

Положение вещей после второго обмена представляется уже в таком виде:

А.		В.	
Лошади	Коровы	Лошади	Коровы
50	50	50	50
40	40	40	40
30	30	30	30
20			20

и ясно, поэтому, что и из второго акта мены каждый из лиц, о которых идет речь, извлек такую экономическую пользу, как будто их имущество увеличено на благо, ценность которого равна 20.

Рассмотрим теперь, есть ли еще и при таком положении основание для дальнейших экономических меновых операций. Лошадь теперь имеет для А значение 20, а корова, которая перешла бы к нему теперь, представляла бы тоже значение 20; что касается В, то и относительно него мы должны констатировать точно такое же отношение. Но после того, что мы сказали выше, несомненно, что при таких обстоятельствах обмен лошади А на корову В был бы делом совершенно праздным, т.е. без какой бы то ни было экономической пользы.

Положим, однако, что А и В все-таки в третий раз вступят в обмен; ясно, что в результате подобной мены экономическое положение обоих контрагентов, правда, не ухудшится, если только ее осуществление не требовало никаких заметных экономических жертв (издержки по перевозке, потеря времени и т.д.), но и несколько не улучшится⁵⁷. После этого обмена их положение выразится так:

⁵⁷ Такие индифферентные меновые операции я решительно причисляю к неэкономическим, потому что здесь, даже оставляя в стороне все экономические

А.		В.	
Лошади	Коровы	Лошади	Коровы
50	50	50	50
40	40	40	40
30	30	30	30
	20	20	

Поставим вопрос, каков будет экономический результат продолжающейся мены лошадей А на коровы В. Положение вещей после четвертого обмена будет следующим:

А.		В.	
Лошади	Коровы	Лошади	Коровы
50	50	50	50
40	40	40	40
	30	30	
	20	20	
	10	10	

Как видно отсюда, экономическое положение после совершения четвертого обмена как для А, так и для В неблагоприятнее, чем до него. А, правда, приобрел пятую корову и этим обеспечил себе удовлетворение потребности, имеющее для него значение, равное 10, но отдал за это лошадь, которая представляла для него значение удовлетворения потребностей, оцененного нами в 30; его экономическое положение, поэтому, таково же, как если бы из его имущества было изъято без всякого вознаграждения благо ценностью в 20. То же самое мы видим и у В, и потому экономические невыгоды четвертой меновой операции обоюдны. Словом, вместо того, чтобы при этом обмене получить выгоду, А и В в результате его понесут экономические потери.

жертвы, которые может потребовать такой обмен, приводится безотлагательно в движение предусмотрительная деятельность человека.

Если и после этой четвертой мены, оба лица А и В будут все же продолжать производить обмен лошадей на коровы, то положение вещей после пятой операции выразится так:

А.		В.	
Лошади	Коровы	Лошади	Коровы
50	50	50	50
	40	40	
	30	30	
	20	20	
	10	10	
	0	0	

а после шестого обмена в таком виде:

А.		В.	
Лошади	Коровы	Лошади	Коровы
—	50	50	—
	40	40	
	30	30	
	20	20	
	10	10	
	0	0	
	0	0	

и легко видеть, что после пятого обмена одной лошади А на корову В оба вступивших в обмен субъекта достигли в отношении полноты, с какой обеспечено удовлетворение их потребностей, такого же положения, в каком они находились в начале вступления в обмен, а после шестой меновой операции их экономическое положение оказалось еще значительно хуже, чем было до начала этих операций, и им ничего лучшего не оставалось бы в таком случае сделать, как уничтожить столь неэкономические акты обмена, проделав их в обратном порядке.

То, что мы представили здесь на одном конкретном случае, можно наблюдать всюду, где в распоряжении разных лиц находятся количества различных благ и есть налицо основания для экономических меновых операций; и если бы мы выбрали другие примеры, то мы имели бы перед собой различия в подобных обстоятельствах, но не в существе изложенного нами отношения.

Мы прежде всего нашли бы всегда для каждого данного момента времени границу, до которой обмен благами мог бы производиться обоими лицами с экономической пользой как для одного, так и для другого, но за которую им не следует переступать, чтобы не оказаться в худшем экономическом положении, короче говоря, мы нашли бы границу, где исчерпана уже вся в совокупности экономическая польза, которую можно извлечь из реализации имеющегося отношения, за которой продолжение меновых операций уменьшает пользу, т.е. границу, перейдя которую, дальнейший обмен конкретных количеств благ становится неэкономическим. *И эта граница достигнута именно тогда, когда во владении одного из обоих контрагентов нет больше такого конкретного количества блага, которое имело бы для него меньшую ценность, чем количество другого блага, находящегося в распоряжении второго контрагента, и в то же время у последнего отношение оценок как раз обратное.*

И в действительности мы видим, что люди в практической жизни не продолжают обмена безгранично и неопределенно, но что для определенных лиц в каждый данный момент при данном экономическом положении существуют пределы по отношению к определенным видам благ, за которыми они отказываются от всякой дальнейшей мены⁵⁸.

В меновых сношениях отдельных лиц, еще больше в сношениях целых народов друг с другом мы замечаем обыкновенно, что ценность конкретных благ для людей подвержена постоянному изменению, главным образом потому, что, благодаря процессу производства, в распоряжение отдельных хозяйствующих индивидов поступают новые количества благ;

⁵⁸ Народное хозяйство складывается из хозяйств индивидов, и сказанное в тексте имеет значение для торгового оборота народов точно так же, как и для оборота отдельных хозяйственных субъектов. Две нации, из которых одна по преимуществу сельскохозяйственная, другая — промышленная, будут в состоянии гораздо полнее удовлетворять свои потребности, обмениваясь частью производимого ими продукта (первая — частью продуктов сельского хозяйства, вторая — частью произведений промышленности). Но обмен не будет производиться до бесконечности: в каждый данный момент времени будет известный предел, перейдя за который дальнейший обмен продуктов сельского хозяйства на произведения промышленности станет неэкономическим.

этим обновляются основания для экономического обмена, и вот почему взгляду наблюдателя представляется беспрерывно продолжающийся ряд меновых операций. Но и в этой цепи экономических актов мы находим, при более точном наблюдении, для данных моментов, лиц и видов благ точки покоя, в которых нет места обмену благ, потому что наступил его экономический предел.

Выше мы видели также, что экономическая польза, которую могут извлечь определенные хозяйствующие субъекты из реализации данного случая, представляющего основания для мены, постепенно уменьшается. Первое соприкосновение хозяйствующих субъектов в меновом обороте — экономически обыкновенно самое выгодное для них, а затем уже осуществляются меновые операции, обещающие меньшие экономические преимущества. Это верно не только по отношению к обороту отдельных лиц, но и целых наций. Когда два народа, гавани или границы которых до того вообще или долгое время были закрыты для меновых сношений, теперь открывают их торговому обороту, или устраняют только некоторые до сего времени бывшие препятствия, то тотчас же устанавливается очень оживленный обмен благ, потому что как число случаев обмена, которыми можно воспользоваться, так и выгоды, которые можно извлечь из обмена, весьма значительны. Позже такой оборот входит в колею приносящих обычную выгоду предприятий. Если не всегда, однако, сейчас же используются все выгоды такого только что открывшегося обмена, то это потому, что два другие условия экономического обмена, познание отношения, служащего основанием для него, и возможность фактически осуществить меновые операции, признанные экономическими, наступают для обменивающихся индивидов только спустя известное время. И потому одной из главных забот наций, ведущих торговлю, является устранение всех препятствий для обмена, существующих в этих двух направлениях (путем точного изучения коммерческих отношений, постройки хороших шоссе и других путей сообщения и т.д.).

Прежде чем закончить это исследование об основаниях и границах экономического обмена, я считаю необходимым указать еще на одно обстоятельство, обратить внимание на которое очень важно в целях правильного понимания изложенных здесь положений; я говорю об экономических жертвах, которых требуют меновые операции.

Если бы люди и блага, им принадлежащие (хозяйство их), не были разделены в пространстве, если бы, следовательно, обоюдный переход благ из распоряжения одного хозяйствующего субъекта во владение другого не имел по общему правилу своим предположением передвижения благ и других экономических жертв, то оба обменивавшихся инди-

вида получили бы всю экономическую выгоду, вытекающую, как мы это выше изложили, из мены. Однако, в действительности такие случаи редко бывают. Мы можем себе легко вообразить такие случаи, где экономические жертвы меновой операции сводятся к минимуму, так что не принимаются даже во внимание в практической жизни, но вряд ли можно найти в действительности такой случай, где бы осуществление акта мены произошло совершенно без экономических жертв, хотя бы последние ограничивались только потерей времени. Фрахты, примажи⁵⁹, таможенные сборы, аварии, почтовые расходы, страховка, провизия и комиссионное вознаграждение, куртаж, весовые, упаковочные и складочные сборы, содержание людей, занимающихся торговлей⁶⁰, и их помощников вообще, расходы по денежному обращению и т.п., все это не что иное, как различные экономические жертвы, требуемые меновыми операциями; они отнимают часть экономической пользы, которую можно извлечь из существующего менового отношения, и нередко даже делают невозможным реализацию его там, где она была бы еще мыслима, не будь этих «издержек» в общем народно-хозяйственном смысле слова.

Развитие народного хозяйства имеет тенденцию к уменьшению этих экономических жертв, и экономический обмен становится постепенно возможным между самыми отдаленными странами, там, где раньше он не мог иметь места.

В вышеизложенном заключается вместе с тем и объяснение источника, из которого получают свой доход те тысячи лиц, которые играют в обмене посредническую роль и не принимают непосредственно участия в увеличении количества благ, почему и деятельность их часто считается *непроизводительной*. Экономический обмен ведет к более полному удовлетворению человеческих потребностей, к усилению средств удовлетворения потребностей обменивающихся лиц. Точно так же, как и физическое увеличение экономических благ, и все лица, способствующие обмену, — при условии, конечно, что дело идет об экономических меновых операциях, — такие же производители, как земледельцы и фабриканты, потому что цель всякого хозяйства — не физическое увеличение количества благ,

⁵⁹ Примаж — английский термин — надбавка к фрахту в пользу капитана. — *Прим. перев.*

⁶⁰ Если Carey (*Principles of Social Science*, XXXVIII, § 4) изображает людей торговли хозяйственными паразитами, потому что они берут себе некоторую часть выгоды, являющейся результатом реализации находящегося налицо случая экономического обмена, то это основано на его ложных представлениях о продуктивности обмена.

но возможно более полное удовлетворение человеческих потребностей: люди, занимающиеся торговлей, содействуют достижению этой цели не меньше тех лиц, которых долго считали единственно производительными, исходя из крайне односторонней точки зрения.

ГЛАВА ПЯТАЯ

УЧЕНИЕ О ЦЕНЕ

Цены или, иными словами, количества благ, входящие в явление обмена, хотя и навязываются с особенной силой нашему вниманию и поэтому составляют самый обыкновенный предмет научных исследований, тем не менее не представляют собой существенного в явлении обмена. Существенное заключается здесь в достигаемом путем обмена лучшем обеспечении удовлетворения потребностей обеих обменивающихся сторон. Хозяйствующие люди стремятся улучшить по возможности свое экономическое положение. Для этой цели они вообще и приводят в движение свою хозяйственную деятельность, и для этой же цели они вступают в обмен всюду, где, благодаря этому, она может быть достигнута. Цены же при этом только привходящие явления, симптомы экономического выравнивания между человеческими хозяйствами.

Если уничтожить шлюзы между двумя водовместилищами, уровень которых различен, то вода станет переливаться до тех пор, пока поверхность ее не выровняется. Однако, эта переливающаяся вода только симптом действия тех сил, которые мы называем тяжестью и инерцией. С этим явлением можно сравнить и цены благ, эти симптомы экономического выравнивания между хозяйствами. Но сила, заставляющая их проявляться, это — последняя и общая причина всякой хозяйственной деятельности, стремление людей к возможно более полному удовлетворению своих потребностей, к улучшению своего экономического положения. Но так как цены — единственные чувственно воспринимаемые элементы всего процесса, так как их высоту можно точно измерить, и обыденная жизнь беспрестанно выдвигает их перед нами, то не трудно было впасть в ошибку, будто их величина есть существенный момент обмена, а являющиеся в акте мены количества благ — *эквиваленты*. Это привело к неисчислимому ущербу для нашей науки: исследователи в области явлений цены напрягали свои усилия для решения проблемы сведения предполагаемого

*равенства*⁶¹ между двумя количествами благ к его причинам, и одни искали эти причины в затрате одинакового количества труда на данные блага, другие — в равных издержках производства, возникал даже спор о том, отдаются ли блага в обмен одно на другое, потому что они — эквиваленты, или блага потому эквиваленты, что в акте мены отдаются одно за другое, тогда как в действительности нигде не бывает такого равенства в ценности двух количеств благ (равенства в объективном смысле).

Заблуждение, лежащее в основе этих теорий, становится ясным, как только мы освободимся от односторонности, которая господствовала до сих пор при изучении явлений цены. Эквивалентами (в объективном смысле слова) можно было бы назвать такие конкретные количества

⁶¹ Уже *Аристотель* (*Eth. Nicom.*, V, 7) впадает в эту ошибку: «Если кто-нибудь получает больше, чем он раньше имел, то говорят, что он в барышах; если он получает меньше, то он в убытке; так это бывает при купле и продаже. Если же первоначальное имущество не сделалось ни больше, ни меньше, но осталось в обороте тем же, то, значит, получают только свое, и нет ни выгоды, ни убытка». У него же читаем (там же V, 8): «Если сначала определено сравнительное равенство, и сообразно с этим происходит вознаграждение или уравнивание, то это и есть то, что мы думаем... Ибо обмен невозможен без равенства». Приблизительно так и у *Montanari* (*Della moneta*, ed. Custodi, p. a. III. C. 119). *Quesnay* (*Dialogue sur les travaux etc.* C. 196, Daire) говорит: «Торговля — не что иное, как обмен ценности на равную ценность». Ср. также *Turgot*: «*Sur la formation et la distribut. des richesses*», § 35 и сл.; *Le Trosne*: *De l'interêt social*. Chap. I. C. 903 (Daire); *Smith*, W. o. N., I, Ch. V; *Ricardo*: *Principles*. Chap. I, sect I; *J.B.Say*: *Cours d'econ. pol.*, II. Ch. 13, II. C. 204, 1828. — Против этого мнения высказывался уже *Condillac* (*Le commerce et le gouvernement*, 1776, I. Ch., VI. C. 267, Daire), хотя его основания односторонни. Возражения, приводимые Сеем против Кондильяка в указанном месте его сочинения, основаны на смешении потребительной ценности, которую имеет в виду Кондильяк (ср. там же. C. 250 и сл.), и меновой ценности в смысле товарного эквивалента, относительно которой собственно говорит Сей, смешении, к которому подает повод точное употребление Кондильяком слова «*valeur*». Основательную критику английских теорий цены дал *Bernhardi* (*Versuch einer Kritik der Gründe etc.* 1849. C. 67–236). В позднейшее время подвергли обстоятельной критике до сего существующие теории цены *Rösler* («*Theorie der Preise*», *Hildebrand's Jahrbücher*, B. 12, 1869. C. 81 и сл.) и *Komorczynski* (*Tübinger Zeitschrift*, 1869. C. 189 и сл.), ср. также *Knies*: *Tübinger Ztschr.*, 1855. C. 467.

благ, которые допускали бы в данный момент обмен друг на друга в любом направлении: предложив одно, можно было бы получить другое, и обратно. Но в хозяйственной жизни людей нельзя встретить таких эквивалентов. Если бы были эквиваленты в таком смысле, то невозможно было бы понять, почему каждый обмен, поскольку условия конъюнктур не изменяются, не мог бы быть проделан и в обратном порядке. Предположим, что А отдал свой дом в обмен за имение В или за сумму в 20000 талеров. Если бы эти блага стали путем акта обмена эквивалентами в объективном смысле слова, или уже до обмена были таковыми, то нельзя было бы понять, почему обоим вступившим в обмен индивидам не согласиться сейчас обратно поменяться этими благами; но опыт нам показывает, что в таком случае никто из них не согласился бы на подобную операцию.

Такое же наблюдение можно произвести при самых развитых отношениях оборота и по поводу товаров, больше всего могущих рассчитывать на сбыт. Попробуем на хлебном рынке или на фондовой бирже купить хлеб или фонды и снова продать их, прежде чем изменились условия конъюнктуры, или в один и тот же момент продать какой-нибудь товар и такой же купить, и мы легко убедимся, что разница между ценой при спросе и предложении — не простая случайность, но общее явление народного хозяйства.

Товаров, которые могли бы в определенных количествах обмениваться друг на друга, например, сумма денег и конкретное количество другого экономического блага, товаров, которые могли бы быть по произволу заменены друг другом как при *покупке*, так и при *продаже*, словом, *эквивалентов в объективном смысле* — даже если мы будем говорить о таких эквивалентах только по отношению к данному рынку и моменту времени — таких товаров нет, и, что гораздо важнее, более глубокое понимание причин, ведущих к обмену благами и обороту между людьми вообще, показывает нам, что самая природа отношения исключает такие эквиваленты и что в действительности их и быть не может.

Правильная теория цен, поэтому, не может иметь задачей объяснить это предполагаемое, но на самом деле нигде не существующее, «равенство ценности» между двумя конкретными количествами благ, потому что такая задача требовала бы совершенного игнорирования субъективного характера ценности и природы обмена; правильная теория должна постараться показать, как хозяйствующие люди, в своем стремлении к возможно более полному удовлетворению своих потребностей, приходят к тому, что отдают блага, и именно определенные количества их, в обмен на другие. При этом исследовании, согласно методу, которым мы вообще здесь пользовались, мы начнем с изучения наиболее простой формы явления образования цен, чтобы постепенно перейти к более сложным.

§ 1. Образование цен при изолированном обмене

В предыдущей главе мы видели, что для возможности экономического обмена необходимым условием служит то, что в распоряжении одного хозяйствующего субъекта находятся блага, представляющие для него меньшую ценность, чем другие блага, находящиеся во владении другого хозяйствующего индивида, у последнего же должно быть обратное отношение оценок. Но этим уже строго устанавливаются границы, внутри которых должно произойти образование цены в каждом данном случае.

Возьмем, например, такой случай: 100 мер хлеба имеют для А такую же ценность, как 40 мер вина; ясно, прежде всего, что А ни при каких обстоятельствах не согласится дать в обмен за это количество вина больше 100 мер хлеба, так как после подобной операции удовлетворение его потребностей будет обеспечено хуже, чем до нее; мало того, он вообще согласится на обмен только тогда, когда этим достигнет лучшего обеспечения удовлетворения своих потребностей, чем это было бы без обмена. Он согласится, поэтому, взять вино в обмен на свой хлеб только в том случае, если ему придется дать за эти 40 мер вина меньше, чем 100 мер хлеба. Поэтому, как ни установится цена 40 мер вина при обмене хлеба А на вино какого-нибудь другого хозяйствующего субъекта, одно несомненно, что эта цена в нашем случае, уже ввиду экономического положения А, не может дойти до 100 мер хлеба.

Если А не найдет другого хозяйствующего субъекта, для которого меньшее, чем 100 мер, количество хлеба представляет ценность большую, чем 40 мер вина, то он вообще не будет в состоянии обменять свой хлеб на вино, так как у него не будет оснований для *экономического* обмена по отношению к благам, о которых мы говорили. Если же А найдет другого хозяйствующего субъекта В, для которого уже 80 мер хлеба представляют такую же ценность, как и 40 мер вина, то условия возможности экономического обмена между А и В налицо, если, конечно, эти оба субъекта будут знать о существовании подобного отношения и не будет препятствий к осуществлению мены; но вместе с этим дан уже второй предел для образования цены. И действительно, как из экономического положения А следует, что цена на 40 мер вина должна быть ниже 100 мер хлеба (так как иначе А не извлечет никакой экономической пользы из мены), так и из экономического положения В следует, что ему за его 40 мер вина должно быть предложено количество хлеба большее, чем 80 мер. Поэтому, какая ни установится цена 40 мер вина при экономическом обмене между А и В, несомненно, что пределами для ее образования послужат 80 мер с одной и 100 мер хлеба с другой стороны и что она должна будет во всяком случае быть выше 80 и ниже 100 мер хлеба.

Не трудно теперь признать, что в этом случае А уже тогда достигнет лучшего обеспечения удовлетворения своих потребностей, когда отдаст даже 99 мер хлеба за 40 мер вина, и с другой стороны, В точно также поступит экономически, взяв в обмен за свои 40 мер вина хотя бы 81 меру хлеба. Но так как в изложенном нами случае для обоих хозяйствующих субъектов представляется возможность извлечь гораздо большую экономическую выгоду, то стремление каждого из них будет направлено на то, чтобы получить для себя из этого отношения как можно больше пользы. Этим именно и вызывается явление, которое мы в жизни обозначаем словом «*торговаться*». Каждый из обменивающихся субъектов будет стремиться к тому, чтобы добиться возможно большего участия в экономической выгоде, которую можно извлечь из реализации данного случая, и, даже при стремлении присвоить себе только справедливую часть этой выгоды, будет склонен требовать тем более высокой цены, чем меньше ему известно экономическое положение другого обменивающегося индивида и крайний предел, до которого последний может пойти.

Каков, однако, будет результат этой борьбы за цену, выраженный в цифрах?

Несомненно, что цена 40 мер вина будет, как мы видели, выше 80 и ниже 100 мер хлеба. Понятно, кажется, также и то, что результат обмена будет благоприятнее то для одного, то для другого, в зависимости от различия в индивидуальности обменивающихся субъектов, от большего или меньшего знания ими деловой жизни и положения другого контрагента. Но так как при установлении общих положений нет никакого основания принимать, что кто-либо из обоих контрагентов обладает большей экономической опытностью, или что прочие обстоятельства для одного из них благоприятнее, чем для другого, то, предполагая одинаковые условия и равенство в экономической опытности индивидов, мы должны будем выставить, как общее правило, что стремление обоих контрагентов получить возможно большую выгоду будет взаимно парализоваться, и цены, поэтому, останутся удаленными на равное расстояние от крайних пределов, внутри которых может (согласно условиям взятого нами случая) происходить их образование.

В нашем случае, сообразно этому, цена 40 мер вина, на которой сойдутся оба обменивающихся субъекта, лежит, конечно, между 80 и 100 мерами хлеба, с тем ближайшим ограничением, что, при всех обстоятельствах, она должна быть выше 80 и ниже 100 мер; что же касается до фиксирования ее внутри этих границ, то, при одинаковых отношениях обоих контрагентов, цена остановится на 90 мерах хлеба, чем, однако, экономически не исключается, при отсутствии только что упомянутого условия, обмен и по другой цене, лежащей, конечно, внутри указанных пределов.

Что сказано было об образовании цены в данном случае, относится равным образом и ко всякому другому. Всюду, где есть основания к экономическому обмену благ между двумя хозяйствующими субъектами, самой природой отношения уже даны определенные границы, внутри которых должно произойти образование цены, если только обмен будет вообще носить экономический характер. Эти границы даны теми, различными для обоих контрагентов, количествами благ, предложенных к обмену, которые являются для каждого из них эквивалентами (в субъективном смысле). (В нашем примере 100 мер хлеба составляют эквивалент 40 мер вина для А, а 80 мер хлеба эквивалент этого же количества вина для В.) Внутри этих границ образование цены стремится к количеству, равно удаленному от обоих эквивалентов (в нашем случае к 90 мерам хлеба, как к средней от 80 и 100 мер).

Таким образом, количества благ, которые могут быть отданы в обмен одно за другое, точно определены каждый раз данным экономическим положением, и если для человеческого произвола все же остается некоторое пространство (так как существуют известные пределы, внутри которых блага могут обмениваться в различных количественных отношениях, причем соответствующие меновые операции не теряют своего экономического характера), то несомненно точно так же и то, что обоюдное стремление контрагентов извлечь из обмена как можно большую выгоду очень часто взаимно парализуется, и цены имеют тенденцию направляться к этой, только что упомянутой, средней величине. Если же присоединяются какие-либо особые моменты, обусловленные индивидуальностью обменивающихся лиц или внешними обстоятельствами, в которых последние предпринимают мену, то цены могут отклониться от этой своей естественной средней, в границах указанных пределов, без того, однако, чтобы меновые операции от этого потеряли свой экономический характер. Но эти отклонения по природе своей обоснованы не экономически; причины их лежат в индивидуальности контрагентов или в особых внешних обстоятельствах, которые никоим образом не носят экономического характера.

§ 2. Образование цен при монопольной торговле

В предыдущем параграфе, рассмотрев прежде всего простейший случай, где обмен происходит между двумя хозяйствующими субъектами без привходящего влияния экономической деятельности других лиц, мы нашли в нем закономерность в образовании цен и распределении благ. Этот случай, который можно назвать изолированным обменом, является самой обычной формой обмена среди людей в начальные фазы культурного развития; она сохраняет свое значение и позже, при малоразвитой

еще культуре, в слабо населенных местностях, и возможность ее не исключена даже и при развитых экономических отношениях: мы можем наблюдать эту форму обмена в народном хозяйстве, стоящем на очень высокой степени развития, во всех тех случаях, где происходит обмен благ, имеющих ценность только для двух хозяйствующих субъектов, или когда, ввиду каких-либо особых условий, оба вступающих в обмен индивиды оказываются экономически изолированными.

Но чем выше культура народа, тем реже бывает, чтобы основания для экономического обмена существовали только для двух хозяйствующих субъектов. А, например, имеет лошадь, которая представляет ценность, равную ценности 10 мер хлеба, поступающих в его распоряжение, так что он лучше бы позаботился об удовлетворении своих потребностей, если бы обменял свою лошадь хотя бы на 11 мер хлеба. Наоборот, для земледельца В, обладающего большим запасом хлеба, но ощущающего недостаток в лошадях, вновь поступающая в его владение лошадь представляет эквивалент 20 мер хлеба, так что потребности его были бы удовлетворены полнее, если бы он в обмен за лошадь А дал даже 19 мер; земледелец же В² достиг бы того же результата, если бы дал даже 29, а В³ — 39 мер. В этом случае, согласно тому, что мы выше изложили, имеются основания для экономического обмена вышеназванных благ не только для А и одного только из наших земледельцев; А может отдать свою лошадь всякому из них, и всякий из них, приобретая ее, не выйдет из рамок экономического обмена.

Это станет еще очевиднее, если мы возьмем случай, когда не только у А, но и у многих других владельцев лошадей А², А³ и т.д. есть основания для экономических меновых операций с нашими земледельцами. Предположим, например, что для А² уже 8, а для А³ даже и 6 вновь поступающих в их распоряжение мер хлеба представляют эквивалент ценности одной из принадлежащих им лошадей; ясно, что в таком случае будут основания для экономического обмена между любым из этих владельцев лошадей и всяким из вышеупомянутых земледельцев.

В первом случае, где имеются основания для экономических меновых операций между монополистом в широком смысле этого слова и каждым из нескольких других хозяйствующих субъектов, последние, в своем стремлении реализовать это отношение, вступают между собой в конкуренцию, чтобы приобрести данные монопольные блага; во втором случае, где, одновременно, у каждого из владельцев определенного блага на одной стороне и у обладателей другого блага на противоположной существуют основания для экономических меновых операций, эти лица вступают между собой в конкуренцию как на одной, так и на другой стороне. В обоих этих случаях мы имеем дело с гораздо более сложными отношениями, чем те, изложением которых мы занимались в предыдущем параграфе настоящей главы.

Мы начнем с более простого из этих двух случаев, с соперничества нескольких хозяйствующих субъектов в приобретении монопольных благ, и затем перейдем уже к более сложному случаю образования цен при конкуренции на стороне как покупателей, так и продавцов.

а. Образование цен и распределение благ при конкуренции нескольких лиц в приобретении одного неразделимого монопольного блага

При изложении оснований образования цен в изолированном обмене (с. 203 и сл.) мы видели, что, смотря по обстоятельствам, устанавливается больший или меньший промежуток, в пределах которого в каждом отдельном случае может произойти образование цены без потери актом мены своего экономического характера. Мы заметили также, что образование цены имеет тенденцию распределить экономическую выгоду, которую можно извлечь из реализации данного отношения, поровну между обеими сторонами и что, поэтому, в каждом конкретном случае устанавливается известная средняя величина, к которой стремятся цены, но при этом мы указали, что не экономические обстоятельства определяют тот пункт, к которому в пределах этого промежутка необходимым образом должна прийти цена. Например, если в данном случае лошадь, находящаяся в распоряжении А, представляет для него ценность, не превышающую 10 мер хлеба, которые вновь поступили бы в его распоряжение, а для В, у которого был обильный урожай хлеба, 80 мер представляют ценность, равную ценности лошади, которая поступила бы в его хозяйство, то ясно, конечно, что есть основания для обмена лошади А на хлеб В, если только А и В узнали это отношение и в состоянии фактически осуществить соответствующую меновую операцию. Точно так же несомненно, что образование цены лошади будет происходить в широком промежутке, границами которого будут служить 10 и 80 мер хлеба, и обмен не потеряет своего экономического характера оттого, что цена приблизится более или менее к одной или другой из этих границ. Конечно, в высшей степени невероятно, что цена лошади установится на 11 или 12, или же на 78 или 79 мерах хлеба, но несомненно, что нет причин экономического характера, которые бы исключили возможность такого образования цены. Ясно также и то, что пока В в своем стремлении обменять лошадь А не находит конкурента, обмен может иметь место естественно только между А и В.

Но предположим, что у В¹ появляется конкурент В², который не обладает, правда, таким избытком хлеба или не ощущает такой настоятельной потребности в лошади, как первый, но все же ценит ее в 30 мер хлеба, так что он лучше позаботится об удовлетворении своих потребностей, если даст взамен лошади А хотя бы 29 мер хлеба. Несомненно, что при таких

обстоятельствах существуют основания к экономическому обмену лошади А на какое-нибудь количество хлеба как по отношению к А с одной, так и по отношению к В¹ и В² — с другой стороны. Но так как фактически только один из обоих конкурентов может приобрести лошадь, то представляются два вопроса:

- а) с кем из обоих конкурентов монополист А вступит в обмен и
- б) внутри каких пределов произойдет в этом случае образование цены?

Ответ на первый вопрос вытекает из следующего соображения. Для В² лошадь А представляет ценность, равную 30 мерам хлеба. Значит, он удовлетворит свои потребности полнее, даже если отдаст за нее и 29 мер своего хлеба. Мы не хотим этим сказать, что В² немедленно предложит А за его лошадь 29 мер, но несомненно, что он сам решится предложить столько, чтобы по возможности выдержать конкуренцию В², так как он поступил бы в высшей степени неэкономически, если бы не удовлетворился в крайнем случае даже той незначительной выгодой, которую представляет для него обмен 29 мер хлеба на лошадь А. С другой стороны, В¹ будет действовать явно неэкономически, если допустит при соискательстве, объектом которого служит лошадь А, чтобы В² приобрел ее хотя бы и за 29 мер, так как он извлечет все еще значительную экономическую пользу, отдав за лошадь 30 и больше мер хлеба, т.е. *экономически устранив* В² от данной меновой сделки⁶².

Таким образом, то обстоятельство, что меновая сделка сохраняет для В¹ свой экономический характер еще внутри известного промежутка для образования цен, тогда как для В² она здесь становится уже неэкономической, это обстоятельство создает для первого возможность воспользоваться выгодой, составляющей результат данного менового акта, благодаря тому, что он делает эту меновую операцию экономически невозможной для конкурента.

Так как, в свою очередь, А тоже поступит неэкономически, если не предоставит свое монопольное благо тому, кто ему может предложить за него высшую цену, то несомненно, что при данном экономическом положении меновая сделка будет заключена между А и В¹.

⁶² Мы говорим, что В¹ *экономически устраняет* В², чтобы обозначить противоположность употреблению физической силы или правовому устранению В² от меновой операции. Это различие важно в том отношении, что ведь В² может оказаться обладателем нескольких сотен мер хлеба, а, следовательно, мог бы иметь физическую и правовую возможность приобрести путем обмена лошадь А; единственное же основание, по которому он не поступает так, — экономического характера, т.е. заключается в том, что, отдавая в обмен за лошадь больше 29 мер хлеба, он не обеспечит более полное, чем до этого, удовлетворение своих потребностей.

Что же до 2-го вопроса — о пределах, внутри которых произойдет образование цены в этом случае, то цена, которую V^1 предложит А, не достигнет 80 мер хлеба, иначе меновая сделка потеряет и для V^1 экономический характер. Но цена не может упасть и ниже 30 мер хлеба, потому что в таком случае образование цены очутилось бы в границах, в которых сделка выгодна и для V^2 , и в экономическом интересе последнего было бы конкурировать с V^1 до тех пор, пока цена снова не перешла бы эти границы. Цена, поэтому, в нашем случае установится обязательно в пределах от 30 до 80 мер хлеба⁶³.

Таким образом, конкуренция V^2 приводит к тому, что образование цены в меновой сделке между А и В произойдет не в широких границах между 10 и 80 мерами хлеба, как это было бы в противном случае, но в более узких — между 30 и 80, потому что только при образовании цены внутри этих пределов оба вступающие в обмен субъекта извлекают экономическую пользу из меновой сделки, и в то же время устраняется экономически конкуренция V^2 . Но этим устанавливается снова простое отношение изолированного обмена с той только разницей, что границы образования цены сделались уже, и положения, выведенные нами выше относительно изолированного обмена (с. 204), находят здесь в остальном полное применение.

Если теперь мы вообразим далее, что к обоим конкурентам, желающим приобрести лошадь А, т.е. к V^1 и V^2 присоединяется еще третий — V^3 , для которого эта лошадь представляет ценность, равную 50 мерам хлеба, то после того, что мы только что сказали, ясно, что мена будет произведена по-прежнему между А и V^1 , но образование цены произойдет здесь в пределах между 50 и 80 мерами хлеба, при четвертом конкуренте — V^4 , для которого лошадь А представляет ценность, равную 70 мерам хлеба, меновая операция будет произведена тоже между А и V^1 , но границы для образования цены сузятся еще более: они выразятся 70 и 80 мерами хлеба.

⁶³ Можно было бы подумать, что цена не образуется в этом случае в пределах от 30 до 80 мер хлеба, а определится точно 30 мерами. Такое мнение было бы правильно, если бы дело шло о продаже с аукциона без установленной минимальной цены или при назначении ее ниже 30 мер хлеба. В этом случае именно А должен был бы, по естественному смыслу аукционной продажи, довольствоваться ценой в 30 мер, и причины своеобразных образований цены при продажах с молотка вообще следует искать в аналогичных отношениях. Но если хозяйствующий субъект А с самого начала не связал себя формой аукционной продажи и может свободно принимать во внимание свои интересы, то ничто не мешает тому, чтобы цена установилась на 79 мерах, как, с другой стороны, экономически не исключена возможность и того, что цена лошади определится в обмене между А и V^1 в 30 мер хлеба.

И только, когда выступит новый конкурент, например, хозяйствующий субъект B^5 , для которого монопольное благо, о котором здесь идет речь, представит ценность в 90 мер хлеба, только тогда меновая сделка будет заключена между А и им, но цена лошади установится здесь между 80 и 90 мерами хлеба. Ясно, конечно, что этот конкурент имеет возможность реализовать экономическую пользу данного менового положения и в то же время экономически устранить от этого всех остальных конкурентов (включая и B^1). Образование же цены между 80 и 90 мерами хлеба находит свое обоснование в том, что, с одной стороны, только при цене, равной по крайней мере 80, конкурент B^1 будет экономически устранен, и она, следовательно, не может упасть ниже этого уровня, а с другой — цена не может дойти, а тем менее превысить 90 мер хлеба: в таком случае обмен потерял бы для B^5 свой экономический характер.

Все сказанное сохраняет одинаково свое значение для всякого другого случая, где существуют основания для экономического обмена между монополистом, владеющим одним неделимым благом, и несколькими другими хозяйствующими субъектами, обладающими другим благом. Таким образом, мы получаем следующие положения:

1) Неделимое монопольное благо при конкуренции нескольких хозяйствующих субъектов, у которых существуют экономические основания для приобретения его путем меновой операции, достается тому из конкурентов, для которого оно представляет эквивалент наибольшего количества предлагаемого в обмен за него блага.

2) Образование цены происходит в этом случае внутри границ, которые даны эквивалентами этого монопольного блага для обоих конкурентов, наиболее желающих обмена, точнее, наиболее в нем сильных.

3) Установление цены внутри этих пределов ее образования происходит, однако, согласно положениям, выведенным нами относительно изолированного обмена.

*в. Образование цены и распределение благ при конкуренции
в приобретении количеств монопольного блага*

В предыдущем отделе мы рассматривали тот простейший случай монопольной торговли, когда монополист выносит на рынок *одно только неделимое* благо, и образование цены происходит под влиянием конкуренции нескольких хозяйствующих субъектов.

Более сложный случай, который мы постараемся сейчас исследовать, бывает тогда, когда имеются основания для экономического обмена между монополистом, обладающим известными *количествами* монопольно-

го блага, с одной стороны, и несколькими хозяйствующими субъектами, владеющими другим благом, с другой.

Предположим, например, что для земледельца B^1 , у которого есть очень много хлеба, но ни одной лошади, поступающая в его хозяйство лошадь представляет ценность, равную 80 мерам хлеба, для другого земледельца B^2 эта лошадь будет равна по ценности 70 мерам хлеба, для B^3 — 60, для B^4 — 50, для B^5 — 40, для B^6 — 30, для B^7 — 20, для B^8 — только 10 мерам хлеба, вторая же лошадь представит для каждого из этих земледельцев, если они вообще в ней ощущают потребность, ценность меньшую, чем ценность первой лошади, на 10 мер хлеба; ценность третьей будет на десять мер ниже ценности второй и т.д., ценность каждой следующей лошади на 10 мер ниже предыдущей. Тогда это экономическое положение можно наглядно представить, в существенных его моментах, посредством такой таблицы:

		I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Для B^1	Ценность вновь поступающей в его владение 1-й лошади, 2-й лошади и т.д. равна:	80	70	60	50	40	30	20	10 мер хлеба
Для B^2		70	60	50	40	30	20	10	
Для B^3		60	50	40	30	20	10		
Для B^4		50	40	30	20	10			
Для B^5		40	30	20	10				
Для B^6		30	20	10					
Для B^7		20	10						
Для B^8		10							мер хлеба

Если в этом случае монополист А выведет на рынок *одну* лошадь, то после того, что мы сказали в предыдущем отделе, ясно, что ее приобретет B^1 , и именно по цене, которая установится между 70 и 80 мерами хлеба.

Но вообразим, что монополист А выводит на рынок не одну, а три лошади; тогда перед нами будет случай, который составляет теперь предмет нашего специального исследования, и сейчас же является вопрос: кто из этих 8 земледельцев (один или, быть может, несколько) приобретет выведенные на продажу монополистом лошади, и каковы будут при этом цены?

Взглянем для этого на нашу таблицу. Мы видим из нее, что первая лошадь, которая поступит во владение B^1 , имеет для него ценность в 80, вторая только в 70, а третья в 60 мер хлеба. При таком положении B^1 мог бы, поступая экономически, приобрести *одну* лошадь по цене от 70 до 80 мер хлеба и, таким образом, экономически устранить от обмена всех своих кон-

курентов, но образ его действий был бы уже неэкономическим, если бы он и за вторую лошадь предложил 70 или больше мер хлеба, так как таким обменом он не достиг бы более полного, чем до обмена, удовлетворения своих потребностей. Что касается третьей лошади, то при цене, которая еще исключала бы конкуренцию B^2 и, значит, должна была бы составлять, самое меньшее, 70 мер хлеба, экономическая невыгода для B^1 и, следовательно, неэкономический характер такого обмена еще очевиднее.

Словом, экономическое положение здесь таково, что B^1 , с одной стороны, может только тогда устранить всех своих конкурентов в деле приобретения трех выведенных на рынок лошадей, когда он согласится заплатить за каждую из них по 70 или больше мер хлеба, а с другой стороны, при такой цене экономической будет только покупка *одной* лошади, обмен же двух других лошадей по этой же цене не обойдется без экономической невыгоды для него.

Но под B^1 мы понимаем субъекта, поступающего экономически и устраняющего своих конкурентов от приобретения количеств монопольного блага не бесцельно или даже во вред себе самому, но с тем намерением и настолько, насколько он сам, благодаря этому, может извлечь для себя экономическую пользу, которой он лишился бы, допустив остальных конкурентов к приобретению количеств монопольного блага. Нельзя, поэтому, сомневаться, что в нашем случае, где, ввиду хозяйственного положения, исключение всех конкурентов экономически невозможно, он прежде всего увидит себя вынужденным допустить конкурента B^2 к участию в обмене количеств монопольного блага, и даже будет иметь общий с ним интерес стараться, чтобы цена отдельных единиц монопольного блага, здесь каждой лошади, установлена была так низко, как только это вообще возможно при данных отношениях. Далекий, поэтому, от мысли довести цену лошади до 70 и выше мер хлеба, B^1 , равно как и B^2 , будет иметь интерес действовать так, чтобы цена установилась настолько ниже 70 мер хлеба, насколько это допустимо вообще при данном экономическом положении.

Но в осуществлении своего стремления B^1 и B^2 будут все же ограничены соперничеством остальных конкурентов, ближайшим образом B^3 , и должны будут остановиться на таких ценах, при которых прочие конкуренты в деле приобретения монопольного блага (включая и B^3) экономически устраняются от меновых сделок. Образование цены, поэтому, должно будет произойти, в нашем случае, в границах от 60 до 70 мер хлеба. По цене, лежащей внутри этих пределов, B^1 может обеспечить себя двумя, а B^2 — одной лошадью, и при этом в каждом отдельном случае они поступят *экономически*; в то же время при такой цене все остальные конкуренты будут устранены от приобретения количеств монопольного блага.

Образование цены внутри этих пределов является вместе с тем единственно возможным. В самом деле, если бы оно происходило ниже границы в 60 мер, то V^3 не был бы устранен от меновых операций и, поэтому, старался бы получить ту выгоду, которую можно извлечь из реализации данного отношения, чего V^1 и V^2 , как хозяйствующие субъекты, допустить не могут, так как они и при более высоких ценах извлекают все еще значительную экономическую пользу. С другой стороны, если бы цена достигла границы в 70 мер или превысила ее, то V^2 не мог бы выменять, действуя экономически, ни одной, а V^1 только *одну* лошадь, и, поэтому, из трех предназначенных для продажи лошадей только одна действительно была бы продана. Поэтому, образование цены вне промежутка, пределами которого служат 60 и 70 мер, в нашем случае экономически исключено.

Если бы теперь А привел на рынок вместо трех 6 лошадей, то мы могли бы таким же образом показать, что V^1 приобрел бы 3, V^2 — 2, а V^3 — одну лошадь, цена же за лошадь установилась бы в пределах от 50 до 60 мер; если бы А вывел на рынок 10 лошадей, то V^1 приобрел бы 4 лошади, V^2 — 3, V^3 — 2 и, наконец, V^4 — одну лошадь, цена же установилась бы в границах между 40 и 50 мерами хлеба, и нет сомнения, что чем больше количеств монопольного блага поступало бы на рынок, тем более уменьшалось бы число наших земледельцев, устраненных экономически от обмена, и все ниже и ниже, с другой стороны, падала бы цена определенного количества этого блага.

Если мы под V^1 , V^2 и т.д. будем мыслить не отдельных индивидов, но представителей групп населения, под V^1 — ту группу хозяйствующих индивидов, которая является наиболее сильной в обмене и наиболее к нему стремящейся по отношению к благам, о которых идет речь (монопольному благу и хлебу), под V^2 ту группу хозяйствующих индивидов, которая в этом отношении следует непосредственно за первой и т.д., то мы получим картину монопольной торговли, как она нами наблюдается в действительности среди обычных явлений социальной жизни.

Мы видим, что слои населения с различной покупательной силой конкурируют между собой в деле приобретения количеств монопольных благ, доставленных на рынок; видим, что эти слои устраняют друг друга экономически от покупки их, подобно тому, как это было показано выше относительно отдельных индивидов; видим, что число слоев населения, лишенных потребления монопольных благ тем больше, чем меньше на рынке монопольного блага, и, наоборот, монопольные блага делаются доступными и менее сильным в обмене слоям населения, чем больше количество благ, и параллельно с этими явлениями цены монопольных благ то повышаются, то падают.

Объединим все сказанное, и мы получим следующие положения:

1) Количества монопольного блага, доставленные монополистом на рынок, попадают в руки тех конкурентов, для которых единицы монопольного блага представляют эквивалент большего количества предлагаемых в обмен благ, и монопольное благо распределяется между конкурентами так, что для *каждого* приобретателя единица его представляет эквивалент одного и того же количества даваемого в обмен блага (например, 1 лошадь равна 50 мерам хлеба).

2) Образование цены происходит внутри границ, которые определяются, с одной стороны, эквивалентом единицы монопольного блага для наименее сильного из числа участвующих в обмене конкурентов и, с другой, эквивалентом единицы монопольного блага для наиболее сильного из числа устраненных экономически от обмена конкурентов.

3) Чем больше количество монопольного блага, предназначенного монополистом для отчуждения, тем меньше конкурентов будет устранено от приобретения единиц его и тем полнее также обеспечат себя те хозяйствующие субъекты, которые имели бы возможность выменять единицы монопольного блага и при меньшем предназначенном для продажи количестве его.

4) Чем больше количество монопольного блага, доставленного монополистом на рынок, тем к более слабым конкурентам он должен спуститься, чтобы сбыть все количество, и тем ниже в то же время цены единиц монопольного блага.

с. Влияние назначенных монополистом цен на поступающие в оборот количества монопольного блага и на распределение их между конкурентами

Обыкновенно монополист не доставляет на рынок определенных количеств монопольного блага с намерением продать их во что бы то ни стало и выжидать относительно цены результата соперничества конкурентов, как на аукционе; обычный путь скорее тот, что он доставляет на рынок или держит наготове для продажи определенное количество своего монопольного блага, но сам при этом требует известную цену. Основание этому следует по большей части искать в практических мотивах, именно в том обстоятельстве, что выше изображенный способ продажи благ при желании, чтобы цены устанавливались под действием всех экономических факторов, требует одновременного присутствия как можно большего числа конкурентов и соблюдения личных формальностей, которое может быть целесообразно только в отдельных редких случаях.

Поэтому, когда монополист может рассчитывать на присутствие всех или, по крайней мере, достаточного количества конкурентов, и выше-

упомянутые формальности легко исполнить без несоразмерно больших экономических жертв, как это, например, бывает при заранее объявленных аукционах в главных местах продажи известного монопольного продукта, монополист во всяком случае вступит на этот путь, как на более верный для того, чтобы продать все имеющееся у него количество монопольного блага экономически как можно выгоднее; он прибегает к аукциону и тогда, когда дело идет о продаже больших количеств монопольного блага в известный промежуток времени. Но все-таки обычный путь, посредством которого монополист пускает в обращение свои товары, как уже сказано, таков: он держит для продажи находящиеся у него количества монопольного блага, но отдельные единицы его предлагает конкурентам по определенной им цене.

При таких обстоятельствах, т.е. всюду, где монополист определяет цену единицы монопольного блага и предоставляет усмотрению конкурентов покрыть свою потребность в благе по установленной им цене, где, следовательно, вопрос об образовании цены по существу уже предварительно решен, нам остается исследовать:

во-первых, какие конкуренты при этой произвольно установленной высоте цены единицы монопольного блага будут экономически устранены от приобретения количеств его;

во-вторых, какое влияние имеет более или менее высокая цена, назначенная монополистом, на размеры продажи монопольного блага, и

в-третьих, как распределится между отдельными конкурентами действительно проданное количество монопольного блага.

Прежде всего ясно, что если монополист назначит столь высокую цену за единицу монопольного блага, что эта единица не будет представлять даже для наиболее сильного конкурента ценности большей, чем требуемая монополистом цена, то все конкуренты на монопольное благо экономически будут устранены от приобретения какой бы то ни было части его, и сбыта монопольного блага вообще не будет. При положении, изображенном в часто упоминаемой нами таблице (с. 211), такой случай произойдет, когда монополист А назначит цену лошади в 100 или хотя бы в полных 80 мер хлеба, потому что при такой цене будет устранена возможность экономического обмена для всех наших 8 конкурентов на монопольное благо.

Но положим, что наш монополист не назначил такой высокой цены, при которой все конкуренты экономически устранены от приобретения путем обмена количеств монопольного блага; тогда последние, стремясь улучшить свое экономическое положение, постараются, конечно, воспользоваться представляющимся случаем и будут фактически вступать в меновые сделки с монополистом, не выходя, однако, из пределов, о ко-

торых мы говорили в предыдущей главе; но понятно, что сфера меновых операций существенно определена высотой цен. Если, например, А назначит за лошадь цену в 75 мер хлеба, то ясно, что V^1 может приобрести, поступая экономически, *одну* лошадь; при цене в 62 меры хлеба, V^1 купит 2, а V^2 — одну лошадь; при цене в 54 меры хлеба, V^1 — 3 лошади, V^2 — 2 и V^3 — одну лошадь; при цене в 36 мер хлеба, V^1 купит 5, V^2 — 4, V^3 — 3, V^4 — 2 и V^5 — одну лошадь и т.д.

Наше изложение, при котором мы под V^1 , V^2 , V^3 и т.д. можем мыслить и целые группы конкурентов различной покупательной силы, представляет нам наглядно влияние, оказываемое высотой назначенных монополистом цен на народное хозяйство. Чем выше эти цены, тем больше число индивидов (групп населения), экономически совершенно устраненных от потребления монопольного блага, тем недостаточнее обеспечение в этом благе остальных слоев населения, но вместе с тем меньше и количество монопольного блага, продаваемого монополистом; наоборот, при понижении цен, все меньше и меньше становится число хозяйствующих субъектов (групп населения), устраненных совершенно от приобретения количеств монопольного блага, обеспечение тех, которые принимают участие в обмене, становится полнее, а сбыт монополиста прогрессивно растет. Сказанное нами можно выразить более точно в следующих положениях:

1) Ценой, назначенной монополистом за единицу монопольного блага, устраняются совершенно от приобретения количеств его те конкуренты, для которых единица монопольного блага представляет эквивалент такого количества даваемого в обмен за первое блага, которое равно или меньше количества, выраженного в цене.

2) Конкуренты в приобретении количеств монопольного блага, для которых единица последнего представляет эквивалент большего количества даваемого в обмен блага, чем то, которое выражено в назначенной монополистом цене, обеспечивают себя количествами монопольного блага до того предела, где единица последнего представляет эквивалент количества блага, выраженного в монопольной цене; размеры же монопольного блага, достигающегося отдельным конкурентам, определяются тем количеством, по отношению к которому у данного субъекта есть, при назначенной монополистом цене, основания для экономических меновых операций.

3) Чем выше цена, назначаемая монополистом за единицу монопольного блага, тем больше групп конкурентов устраняются от приобретения количеств его, тем недостаточнее обеспечение в нем остальных слоев населения, тем меньше сбыт монополиста; в обратном же случае наступают противоположные явления.

d. Основания монопольной торговли (политика монополистов)

Мы изложили выше, какое влияние оказывает большее или меньшее количество предназначенного для продажи монопольного блага и более или менее высокая цена, требуемая монополистом, на образование цены в 1-м случае и размер сбыта во 2-м, и на распределение единиц монопольного блага в обоих этих случаях.

При этом мы видели, что монополист не является лицом, единственно определяющим все имеющиеся здесь место явления. И это не только в том смысле, что и при монопольной торговле сохраняет свое значение по-прежнему общий закон всякого экономического обмена благ, по которому каждая меновая операция должна сопровождаться хозяйственной выгодой для обеих сторон: даже и в этих пределах влияние монополиста на экономические явления не представляется вполне неограниченным. Если монополист хочет продать определенное количество монопольного блага, он не может произвольно назначить цену; если же он назначает цену, он не в состоянии установить количество, которое будет продано по такой цене. Он не может, поэтому, сбыть большое количество монопольного блага и в то же время так повлиять, чтобы образовались такие высокие цены, какие были бы в случае продажи меньшего количества; не в его силах установить цены известной высоты и одновременно достигнуть такого сбыта, какой имел бы место при более низких ценах. Но что ему дает исключительное положение в хозяйственной жизни, так это то обстоятельство, что он может в каждом данном случае избрать себе, независимо от всех остальных хозяйствующих субъектов, руководствуясь исключительно соображениями своей экономической выгоды, определенный образ действий: или назначить известное количество монопольного товара для продажи или установить цену; от него зависит, смотря по тому, чего требует его экономический интерес, регулировать цены, предназначая для сбыта большее или меньшее количество монопольного товара, или регулировать размеры сбыта монопольного блага, устанавливая высшую или низшую цену.

Поэтому, цены монополиста внутри границ, определяемых экономическим характером меновых операций, будут высоки, если он будет полагать, что продажа незначительного количества монопольного блага по высоким ценам доставит ему большую экономическую пользу, и он будет понижать цены, если ему будет казаться более выгодным сбыть большее количество монопольного блага по менее высоким ценам. Он сначала поставит цены как можно выше и, таким образом, будет сбывать только немного монопольного блага, и затем будет постепенно, сообразно с ростом сбыта, умерять их, чтобы использовать в своих интересах все слои общества один за другим, если только он найдет такой путь наиболее выгодным

для себя. Наоборот, он с самого начала доставит на рынок большие количества монопольного блага по низким ценам, если этого потребует его экономическая польза; он сочтет даже за лучшее при известных обстоятельствах уничтожить часть находящегося у него монопольного блага, вместо того, чтобы доставить его на рынок, или, что в смысле результата одно и то же, оставить без употребления или испортить средства производства, которыми он располагает, а не затрачивать их на производство монопольного блага; все это, конечно, в том случае, если он, доставляя на рынок все количество монопольного блага, посредственно или непосредственно у него имеющееся, должен спуститься до слоев населения с такой малой покупательной силой, что, несмотря на большой размер сбыта, он, вследствие низких цен, выручит меньше, чем можно получить, уничтожив часть имеющегося монопольного блага и продав оставшееся по более высоким ценам слоям населения с большей покупательной силой⁶⁴.

⁶⁴ Было бы ошибочно полагать, что цены монопольного блага при всех обстоятельствах или даже только обыкновенно поднимаются и падают в *строго* обратном отношении к доставленному на рынок монополистом количеству блага, или же что в таком отношении находятся устанавливаемые монополистом цены и размеры сбыта. От того, что монополист доставит на рынок вместо 1 тыс. единиц монопольного блага 2 тыс., цена единицы его не упадет непременно с 6 гульденов, скажем, до 3, но, смотря по экономическому положению, в одном случае, например, только до 5, а в другом и до 2. Поэтому, он может за большее доставленное им количество монопольного товара в общем иногда выручить столько же, сколько он получил бы, назначив для продажи меньше, но его выручка может, смотря по обстоятельствам, быть и больше и меньше. Если, например, монополист выручает за 1 тыс. единиц монопольного блага 6 тыс. гульденов, то, доставив на рынок 2 тыс. единиц, он не выручит за них непременно те же 6 тыс. гульденов, но, в зависимости от экономического положения, может получить и 10 тыс., а иногда, наоборот, только 4 тыс. Причина этого заключается в том, что ряды эквивалентов для отдельных индивидов по отношению к различным благам чрезвычайно разнообразны. Для В, например, первая единица поступающего в его распоряжение блага может представлять эквивалент 10, вторая — 9, третья — 4, а четвертая — только одной единицы блага, предлагаемого в обмен за монопольное, тогда как по отношению к другому благу ряд эквивалентов может выразиться так: 8, 7, 6, 5... Если под первым благом мы будем подразумевать хлеб, а под последним какой-нибудь предмет роскоши, то станет ясно, что увеличение на рынке количества хлеба за известным пределом вызовет гораздо более быстрое падение (а уменьшение — более быстрое поднятие) цен на него, чем это было бы при усилении предложения второго блага.

Политика всех монополистов, если только они — хозяйствующие индивиды, понимающие свою выгоду, естественно, не направлена на то, чтобы установить возможно более низкие цены, ни на то, чтобы сбыть как можно больше монопольного блага. Она не стремится также к тому, чтобы сделать монопольное благо доступным возможно большему числу хозяйствующих индивидов (или группам таковых), ни к тому, чтобы снабдить отдельных субъектов по возможности полнее монопольным благом. Все это не представляет для монополиста никакого хозяйственного интереса. Его экономическая политика направлена на то, чтобы выручить как можно больше за имеющееся у него количество монопольного блага. Он выносит, поэтому, на рынок не все находящееся в его распоряжении количество монопольного блага, а только такую часть, при продаже которой по соответствующим ценам он ожидает получить наибольшую выручку. Он назначает не такие цены, чтобы по ним можно было сбыть все имеющееся у него количество монопольного блага, но такие, при которых он надеется выручить как можно больше, и его хозяйственная политика тогда будет наиболее правильной, когда он предназначит для продажи только такое количество монопольного блага, или так установит высоту цен, что и в том и в другом случае достигнет указанного результата.

С точки зрения монополиста, политика его была бы неправильна, если бы он доставил на рынок большее количество монопольного блага, тогда как за меньшее количество его он выручил бы больше. Он поступит еще неэкономичнее, если не ограничится в производстве монопольного блага тем количеством, от продажи которого он получит наибольшую выгоду, но, увеличивая его путем затраты на это экономических благ, т.е. с жертвами для себя, в результате получит все же меньшую выгоду. Неправильно также с его точки зрения будет, если он назначит такие низкие цены, что, несмотря на гораздо больший сбыт, он выручит меньше, чем при более высоких ценах; в особенности, если эти цены будут таковы, что он не будет в состоянии снабдить всех конкурентов на монопольное благо, у которых при таких ценах есть основания для экономического обмена, тем количеством его, которое находится в его распоряжении, и некоторые из конкурентов уйдут с пустыми руками: это будет самым ясным доказательством того, что цены были им назначены слишком низкие.

Сказанное выше подтверждается опытом и историей. Политика всех монополистов двигалась внутри этих границ, ясно указанных для их экономической деятельности. Если голландско-ост-индская кампания велела уничтожить в XVII веке часть пряных растений на Молуккских островах, если часто сжигали запасы пряностей в Ост-Индии и табака в Северной Америке, если цехи пытались всеми способами по возможности ограни-

читать число ремесленников (продолжительным временем обучения, запрещением держать больше определенного числа учеников и т.д.), то все это с монополистической точки зрения были верные мероприятия, чтобы урегулировать в интересах монополиста или корпорации таковых поступающие на рынок количества соответствующего монопольного товара. Когда, вследствие более свободных форм оборота, развития фабричного производства и других обстоятельств, влиявших в том же направлении, для цехов стало немыслимо самостоятельное регулирование предназначенного для сбыта количества продукта, то и вся цеховая организация, поскольку она носила монополистический характер, потеряла свой смысл и значение. Монополистические таксы и другие моменты, непосредственно влияющие на образование цены, должны были тотчас уступить силе больших количеств благ, поступающих на рынок. Первоначально рассчитанные на то, чтобы удерживать отдельных индивидов, игнорирующих интерес всего цеха, т.е. совокупность монополистов в границах, выгодных для монополистической группы, эти меры оказались несостоятельными, как только регулирование количества поступающего на рынок товара перестало зависеть от цехов. Поэтому, соответствующее их интересам регулирование количества поступающего на рынок продукта было постоянно самой ревностной заботой всех товарищей по цеху, самыми опасными противниками им казались те, которые мешали этому регулированию, против таких лиц они постоянно взывали к защите правительств, и то обстоятельство, что крупная индустрия, выбрасывая на рынок большие количества продукта, фактически уничтожала это регулирование, означало гибель цехового устройства.

Объединим все изложенное выше, и мы найдем, что образование цен при всяком количестве монопольного блага, доставленном монополистом на рынок, размер сбыта при всякой установленной монополистом высоте цены за единицу монопольного блага и распределение благ в обоих случаях — регулируются известными законами, а происходящие при этом экономические явления носят не случайный, но строго закономерный характер.

И то обстоятельство, что от монополиста зависит по своему выбору регулировать или цены, или предназначенное для сбыта количество монопольного блага, не включает в себе, как мы видели, никакой неопределенности относительно проистекающих отсюда экономических явлений.

От монополиста, правда, зависит назначить более или менее высокие цены, доставить на рынок большее или меньшее количество монопольного блага, но только *известная* цена, только *известное* количество продукта, предназначенное для продажи, соответствует вполне его экономическим интересам. Поэтому, монополист, если он только хозяйствующий

субъект, действует по отношению к требуемой им цене или предназначаемому им для продажи количеству блага не произвольно, но сообразно с определенными законами. Данное экономическое положение приводит к образованию цен и распределению благ, совершающимся внутри определенных границ; всякое другое образование цен и распределение благ экономически исключено, и явления монопольной торговли представляют, таким образом, картину строгой во всех отношениях закономерности. Конечно, ошибки и недостаточная осведомленность могут и здесь вызвать отклонения, но это только патологические явления народного хозяйства, которые столь же мало говорят против законов науки о последнем, как явления, происходящие в болезненном организме, — против законов физиологии.

§ 3. Образование цен и распределение благ при двусторонней конкуренции

а. Возникновение конкуренции

Понятие «монополист» будет нами принято в слишком узком смысле слова, если мы захотим его ограничить только теми лицами, которые защищены против конкуренции других хозяйствующих субъектов при помощи государственной власти или каким-либо другим общественным образом. Некоторые лица, благодаря своему имущественному положению или особым способностям и отношениям, могут доставлять на рынок блага, по отношению к которым конкуренция других хозяйствующих субъектов само собою устранена, за физической или экономической невозможностью производить подобные же блага. Но и там, где нет таких особых отношений, могут являться монополисты помимо всяких общественных ограничений. Всякий ремесленник, селящийся в местности, где нет еще его собратий по ремеслу, всякий купец, врач или адвокат, которые устраиваются там, где не живет еще никто из их товарищей по профессии, в известном смысле монополист, потому что блага, предлагаемые им обществу для обмена, можно приобрести, по крайней мере в большинстве случаев, только у него. Летописи некоторых городов нередко сообщают нам о первом ремесленнике, который переселился туда, когда эта местность была еще незначительна и слабо населена, и еще и теперь можно встретить на каждом шагу в Восточной Европе и даже у нас в маленьких селениях этот особый тип монополистов. Монополия, как фактическое состояние, а не как общественное ограничение свободной конкуренции, представляется, сообразно с этим, обыкновенно более ранним, первоначальным явлением, а конкуренция — позднейшим по времени, и поэтому

изложение особенных явлений менового оборота при господстве конкуренции целесообразно связать с явлениями монопольной торговли.

Способ развития конкуренции из состояния монополии находится в тесной связи с прогрессом всей хозяйственной культуры. Рост населения, увеличивающиеся потребности отдельных хозяйствующих индивидов, их возрастающее благосостояние, все это заставляет монополиста, даже при усилении производства, отстранять постепенно новые группы населения от потребления монопольного блага, и в то же время позволяет ему возвышать свои цены; общество, таким образом, становится все более и более выгодным объектом для его монополистической политики. Первый ремесленник, первый врач, юрист всегда желанный человек во всякой местности. Но если он не встречает никакой конкуренции, а поселение растет, то он почти всегда скоро начинает слыть среди менее состоятельных классов населения за сурового и очень эгоистического человека, и даже среди более состоятельных классов станет считаться человеком, ищущим только своей выгоды. Монополист не всегда *может* удовлетворить растущему кругу потребностей общества в его товарах (или услугах), и если он даже может, то не всегда соответствующее увеличение его сбыта, как мы видели, отвечает его экономическим интересам. В большинстве случаев это будет приводить к выбору между двумя клиентами; часть претендующих на монопольное благо или совсем уйдет с пустыми руками или только недостаточно будет им снабжена, и даже наиболее состоятельные клиенты будут иметь часто повод жаловаться на небрежности разного рода и дороговизну услуг.

Такое экономическое положение само вызывает возникновение конкуренции, ввиду настоятельной потребности в ней, раз только нет общественных и других препятствий к тому, и нашей задачей будет исследовать влияние, которое производит появление конкуренции на распределение благ, сбыт и цены товара, как мы сделали это по отношению к явлениям, наблюдаемым в монопольной торговле.

*b. Влияние количества товара, доставленного конкурирующими в предложении субъектами, на образование цен, влияние определенных, назначенных ими цен на сбыт, и влияние того и другого момента на распределение товара между конкурирующими в приобретении его*⁶⁵

Взяв для большей наглядности за основание нашего изложения пример, который мы приводили уже при исследовании законов монопольной торговли, мы получим следующую таблицу:

⁶⁵ Ср. J.Prince-Smith в Vierteljahrschrift für Volksw, 1863, IV. C. 148 и сл.

	I	II	III	IV.	V	VI	VII	VIII
	Меры хлеба.							
B ¹	80	70	60	50	40	30	20	10
B ²	70	60	50	40	30	20	10	
B ³	60	50	40	30	20	10		
B ⁴	50	40	30	20	10			
B ⁵	40	30	20	10				
B ⁶	30	20	10					
B ⁷	20	10						
B ⁸	10							

B¹, B², B³ и т.д. изображают в ней отдельных индивидов или группы таковых, для которых первая вновь поступающая в их распоряжение лошадь представляет собой эквивалент рядом помещенного количества хлеба, а всякая следующая лошадь — эквивалент количества хлеба, на 10 мер меньше первого; вопрос состоит в том, какое влияние окажет на образование цены и распределение товара между конкурентами на него большее или меньшее количество соответствующего блага, доставленное на рынок конкурирующими в предложении индивидами.

Предположим сначала, что в предложении конкурируют только 2 субъекта, A¹ и A², и вместе они выводят на рынок 3 лошади, из которых 2 принадлежат A¹, а одна лошадь — A². После того, что мы выше изложили, ясно, что в этом случае земледелец B¹ купит две лошади, а B² — одну, и именно по цене, которая установится между 70 и 60 мерами хлеба, так как более высокая цена исключается экономическими интересами обоих земледельцев B¹ и B², а низшая — конкуренцией B³. Если же мы предположим, что A¹ и A² приведут на рынок 6 лошадей, то не менее ясно, что B¹ купит из них 3 лошади, B² — 2, B³ — одну, цена же определится между 60 и 50 мерами хлеба и т.д.⁶⁶

Если мы сравним происходящее здесь образование цены и распределение товаров в зависимости от определенного количества товара, достав-

⁶⁶ Отсюда видно вместе с тем, как важны для хозяйственной деятельности людей базары, ярмарки, биржи и вообще все пункты концентрации оборота, так как при сложных отношениях обмена экономическое образование цены становится без них невозможным. Спекуляция, развивающаяся вместе с этим, способствует устраниванию неэкономического образования цен, — все равно, отчего бы последнее ни происходило, — или по крайней мере ослабляет вредное влияние этого явления на человеческое хозяйство (ср. *J.Prince-Smith* в берлинском *Vierteljahrsschrift für Volksw.* 1863, IV. С. 143 и сл.; *O.Michaelis*. Там же. 1864, IV. С. 130 и сл., 1865, V и VI; *R.Scholz*. Там же. 1867, I. С. 25 и сл. и *A.Emminghaus*. Там же. С. 61 и сл.).

ленного на рынок конкурирующими в предложении индивидами, с тем, что мы наблюдали при монопольной торговле, то мы найдем полнейшую аналогию. *Кто бы ни доставил на рынок определенное количество товара, монополист ли или несколько конкурирующих в предложении индивидов, и как бы ни было разделено доставленное количество между последними, влияние на образование цены и распределение благ между конкурентами на них всегда одно и то же.*

Большее или меньшее количество блага, доставленного на рынок, оказывает, согласно вышесказанному, во всяком случае решающее влияние на образование цены и распределение благ как при монопольной торговле, так и при меновом обороте, основанном на конкуренции; но доставлено ли на рынок определенное количество товара одним монополистом или несколькими конкурирующими в предложении индивидами, это не имеет никакого значения для только что упомянутых явлений хозяйственной жизни.

То же можем мы наблюдать в тех случаях, когда товары предлагаются по определенным ценам.

Больший или меньший уровень цен имеет, как мы видели, очень важное влияние как на общий размер сбыта соответствующего товара, так и на количество, приобретаемое в действительности каждым отдельным конкурентом на этот товар; но доставлены ли товары (при таком установлении цен) на рынок одним или несколькими хозяйствующими субъектами, это не имеет непосредственного и необходимого влияния ни на размер сбыта в общем, ни на количества, которые перейдут в руки отдельных хозяйствующих субъектов.

Поэтому, положения, выведенные нами относительно влияния определенного количества доставленного на рынок монопольного товара на образование цен (с. 210 и сл.), относительно влияния установленных цен на размер сбыта (с. 214 и сл.) и относительно влияния того и другого момента на распределение товара между отдельными претендентами на него, сохраняют полное значение и для всех тех случаев, когда несколько хозяйствующих субъектов (конкуренты в спросе) вступают между собой в конкуренцию в целях приобретения количеств известного товара, предлагаемого для обмена несколькими другими хозяйствующими субъектами (конкурентами в предложении).

с. Влияние конкуренции в предложении какого-нибудь блага на доставляемое на рынок количество его и на установление цен конкурентами в предложении (политика конкуренции)

Мы только что показали, что при определенном количестве доставленного на рынок блага образуются определенные цены, при назначении известной цены сбыт происходит в определенном размере, а в том и

другом случае устанавливается определенное распределение благ, и что в этом отношении совершенно безразлично, доставлено ли на рынок соответствующее количество данного блага одним монополистом или несколькими конкурентами в предложении.

Предлагаются ли на продажу 1000 единиц какого-нибудь блага одним монополистом или несколькими конкурентами, образование цены и распределение благ в обоих случаях, при прочих равных условиях, будет одно и то же; предлагается ли товар монополистом или несколькими конкурентами по определенной цене, например, по 3 единицы даваемого в обмен блага за единицу другого, размер сбыта и распределение проданного количества между отдельными конкурентами на данный товар останется одним и тем же в обоих случаях.

Если, поэтому, конкуренция в предложении вообще оказывает какое-нибудь влияние на образование цен, на размер сбыта и распределение блага между отдельными конкурентами на него, то такой результат может быть достигнут только тем, что, при господстве конкуренции в предложении, или на рынок доставляются *другие количества* соответствующего блага или конкуренты в предложении принуждены назначать *другие цены*, чем это бывает в монопольной торговле.

Влияние конкуренции в предложении товара на доставляемое на рынок количество товара, его распределение и назначение цен — это и составит предмет наших исследований в дальнейшем.

Для уяснения себе обнаруживающихся при этом экономических явлений обратим внимание на простейший случай: пусть находящееся в распоряжении одного монополиста количество монопольного блага попадает в руки двух конкурентов в предложении. Такой случай произойдет, например, когда монополист, умирая, оставит свои монопольные блага и средства для производства поровну двум наследникам. Возможно, что оба наследника монополиста, вместо того, чтобы конкурировать друг с другом, будут сообща продолжать монополистическую политику наследодателя или вступят во взаимное соглашение в целях совместной эксплуатации потребителей и станут сообща регулировать предназначающееся для рынка количество монопольного блага или цены на него. Мыслимо также, что они будут соблюдать эту монополистическую политику по отношению к покупателям и без специального соглашения, в силу «обоюдного правильно понимаемого интереса», насколько, конечно, они сочтут это экономически для себя выгодным. В обоих этих случаях, наблюдаемых всюду в хозяйственном развитии людей⁶⁷, обнаружи-

⁶⁷ Беспощадная борьба монополиста с выступающим против него конкурентом составляет самое обычное явление, но точно так же в порядке вещей — соглашение с утвердившимся уже конкурентом. Интерес монополиста заключается

лись бы те же явления, которые мы видели выше в монопольной торговле; но тогда соответствующие хозяйствующие субъекты и не были бы *конкурентами* в предложении, а монополистами, и не о них идет здесь речь. Но предположим, что каждый из обоих наследников решил вести самостоятельно продажу блага, до сих пор бывшего монопольным; тогда мы будем иметь перед собой случай действительной конкуренции, и является вопрос: какие количества блага, до сих пор бывшего монопольным, теперь будут поступать на рынок в противоположность прежнему положению вещей и какие цены будут теперь назначаться обоими конкурентами в предложении?

Выше мы видели, что экономический интерес монополиста нередко требует, чтобы на рынок доставлялось не все доступное его распоряжению количество монопольного блага, т.е., чтобы часть благ уничтожалась или погибала, так как за меньшее количество он может нередко выручить гораздо больше, чем пуская в продажу все имеющееся у него количество блага по низким ценам. У монополиста — тысяча фунтов товара. Он может ввиду данного экономического положения продать 800 фунтов, скажем, по 9 лотов серебром⁶⁸, тогда как все 1000 фунтов он в состоянии сбыть только по цене в 6 лотов; от него, поэтому, зависит, — выручить ли ему 6000 лотов серебром за все находящееся у него количество монопольного блага или 7200 за 800 фунтов его. Результат выбора монополиста, если он только хозяйствующий субъект, понимающий свой интерес, не подлежит сомнению. Он уничтожит 200 фунтов своего товара или каким-нибудь другим образом изымет их из оборота и пустит в продажу только оставшиеся 800 фунтов, или, что одно и то же, назначит такие цены, при которых будет осуществлен только что указанный результат.

Но если эти 1000 фунтов товара, до сих пор бывшего монопольным, окажутся разделенными между двумя конкурентами, то такая политика станет тотчас для каждого из них в отдельности экономически невозможной. Если один из конкурентов уничтожит часть находящегося у него количества или устранил ее из оборота, то он, конечно, вызовет этим известное увеличение цены единицы его товара, но он не в состоянии будет добиться та-

в том, чтобы не допустить конкурента. Но чуть только последний упрочился, тот же экономический интерес требует совместного с ним продолжения монополистической политики, несколько уже смягченной, если только сфера для осуществления ее не исчезла с появлением конкурента. Непримируемая конкуренция в таких случаях, по большей части, невыгодна для обоих хозяйствующих субъектов, и отсюда столь быстрое, обыкновенно, соглашение в начале так враждебно друг к другу относящихся конкурентов.

⁶⁸ Лот — вышедшее из употребления деление серебряной денежной единицы ($\frac{1}{16}$ часть серебряной денежной единицы, называвшейся маркой). — *Прим. перев.*

ким образом большей выручки, или это удастся ему разве в редких случаях. Положим, например, что A^1 , первый из обоих конкурентов, уничтожит или другим образом устранил из оборота 200 фунтов из имеющихся в его владении 500 фунтов монопольного блага; этим он, правда, достигнет того, что цена единицы данного товара возрастет, скажем, с 6 на 9 лотов серебром, но *он* не достигнет большей выручки за весь свой товар; действительно, результат его мероприятия будет тот, что A^2 получит за свои 500 фунтов 4500 лотов серебром вместо прежних 3000, он же сам за оставшиеся у него 300 фунтов выручит (вместо 3000) только 2700 лотов, так что имевшаяся в виду польза выпадет на долю его конкурента, сам же он потерпит значительный убыток. Вот, таким образом, первое следствие появления всякой действительной конкуренции: ни один из конкурентов в предложении не может извлечь экономической выгоды из того, что уничтожит и устранил из оборота часть находящегося у него товара или, что одно и то же, оставит без употребления имеющиеся в его распоряжении орудия производства последнего.

Конкуренция устраняет и второе, свойственное монополии, явление хозяйственной жизни: мы имеем в виду последовательную эксплуатацию слоев общества, обладающих различной покупательной силой, о чем мы говорили в предыдущей главе. Мы видели, что для монополиста нередко бывает выгодным сначала доставить на рынок небольшое количество монопольного товара, сбывая его по высоким ценам, а затем сделать возможным обмен и для слоев населения с меньшей покупательной силой, чтобы постепенно использовать все классы; но конкуренция сейчас же устраняет возможность такого образа действий. В самом деле, если бы A^1 , несмотря на конкуренцию A^2 , отважился на такое постепенное использование классов населения и сначала пустил в обращение только незначительное количество товара, то он не добился бы этим поднятия цен до уровня, при котором его экономическая выгода возросла бы; он достиг бы только того, что его конкурент заполнил бы созданные им пробелы в удовлетворении спроса и обратил бы в свою пользу предположенную выгоду.

Каково бы ни было, поэтому, влияние всякой действительной конкуренции на образование цен и распределение благ, она во всяком случае устраняет два самых губительных для общества порождения монопольной торговли, о которых мы говорили выше. Ни уничтожение части товара, находящегося у отдельных конкурирующих в предложении индивидов, ни уничтожение части средств, служащих для производства этого блага, не лежит в интересах конкурентов, и постепенное использование различных общественных слоев становится невозможным.

Но появление конкуренции имеет еще одно, гораздо более важное последствие для хозяйственной жизни людей. Я имею в виду увеличение под-

лежащего распоряжению хозяйствующих людей количества товара, до сих пор бывшего монопольным. Обычный результат монополии — тот, что только часть находящегося у монополиста товара попадает на рынок, только часть средств для его производства затрачивается в дело; всякая действительная конкуренция сейчас же устраняет такое невыгодное для общества положение вещей. Но ее успехи этим не ограничиваются: она ведет вообще к увеличению подлежащего распоряжению людей товара, до сих пор бывшего монопольным. Вообще, весьма редко можно наблюдать, чтобы средства для производства, которыми владеют в совокупности два или несколько конкурентов в предложении, были так же ограничены, как и средства, которыми распоряжается монополист, и поэтому, количество товара, оказывающееся в распоряжении нескольких конкурентов, вместе взятых, в большинстве случаев гораздо значительнее того, которое может доставить на рынок монополист. Появление всякой действительной конкуренции ведет, следовательно, не только к тому, что все количество товара действительно предлагается на рынке, но, что гораздо важнее, и к тому, что это количество постоянно увеличивается, что потребление данного блага, если только мы не имеем перед собой естественного ограничения средств производства, распространяется вместе с понижением цен на слои населения с меньшей покупательной силой, что снабжение общества этим товаром становится вообще более полным⁶⁹.

⁶⁹ Выше мы указали причины, приводящие к тому, что монополист, вместо того, чтобы доставлять определенное количество своего товара, выжидая, как на аукционе, какая образуется цена, предпочитает, обыкновенно, предварительно установить в большинстве случаев самому цены, принимая во внимание влияние их на сбыт. Приблизительно то же бывает и при наличии нескольких лиц, конкурирующих в предложении какого-нибудь товара. И здесь, обыкновенно, каждый предлагает свой товар по известной цене, и именно по такой, при которой он надеется выручить как можно больше. Но между ним и монополистом в этом отношении разница следующая: последний может, как мы видели, найти часто для себя более выгодным назначить столь высокие цены, чтобы только часть подлежащего его распоряжению товара досталась потребителям; первого же конкуренция принуждает устанавливать цены, принимая во внимание все количество товара, находящееся в руках его и его конкурентов, и цены, поэтому, образуются, — если отвлечься от ошибок и незнания хозяйствующих субъектов, — под влиянием всех количеств товара, которыми обладают конкурирующие в предложении лица. Сюда присоединяется еще и то обстоятельство, что благодаря конкуренции подлежащее распоряжению количество товаров вообще, как мы видели, значительно увеличивается, и вот где причина понижения цен, являющегося результатом конкуренции.

Самая тенденция экономической деятельности лиц, принимающих участие в производстве блага, с появлением конкуренции радикально изменяется. Монополист стремится, естественно, к тому, чтобы сделать свой товар доступным только для высших слоев общества и устранить от потребления своего блага все слои общества с меньшей покупательной силой, потому что для него большей частью выгоднее и всегда удобнее выручить больше за меньшее количество, чем меньше за большее количество товара; конкуренция же, заботясь об использовании самой незначительной экономической выгоды, если только последняя есть налицо, имеет тенденцию распространять сбыт своего товара и на самые низшие классы общества, насколько это позволяет экономическое положение. Монополист может по своему усмотрению устанавливать цены и определять количество предназначенного для продажи товара внутри определенных границ, и он охотно отказывается от небольшой выгоды, которую ему может доставить сбыт его товара среди беднейших слоев населения, чтобы получить возможность лучше эксплуатировать классы с большей покупательной силой. При конкуренции же, где не во власти отдельных производителей ни самостоятельное установление цен, ни определение количества поступающего на рынок товара, каждый конкурент гонится даже за самой небольшой выгодой и не упустит случая воспользоваться ею, лишь только ему представится возможность. Именно конкуренция ведет к крупному производству с его тенденцией, направленной на извлечение многих малых выгод и с его высокой степенью хозяйственности, потому что чем меньше доход от продажи отдельного блага, тем опаснее неэкономические традиционные способы, и чем более развита конкуренция, тем менее возможным становится нерациональное ведение производства по давно установившимся методам.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ И МЕНОВАЯ ЦЕННОСТЬ

а. Сущность потребительной и меновой ценности

Пока хозяйственное развитие народа находится еще на столь низкой ступени, что потребности отдельных семей, при ничтожном меновом обороте, должны покрываться *непосредственно* их собственным производством,

до тех пор блага представляют для хозяйствующих субъектов ценность само собой только при условии, что они по своим свойствам пригодны для удовлетворения *непосредственно* потребностей изолированно хозяйствующих субъектов или их семей⁷⁰. Но, по мере того, как хозяйствующие индивиды начинают лучше понимать свои экономические интересы, они вступают в меновой оборот, обменивают одни блага на другие, и, в конце концов, устанавливается такое состояние общества, в котором обладание экономическими благами дает владельцу их возможность путем меновых операций получить в распоряжение блага другого рода. При таком положении, для обеспечения удовлетворения определенных потребностей, не требуется уже обязательно, чтобы хозяйствующие индивиды обладали благами, пригодными для *непосредственного* удовлетворения этих потребностей. При более развитой культуре хозяйствующие индивиды могут, конечно, как и раньше, обеспечить себе удовлетворение потребностей путем приобретения благ, которые при непосредственной затрате производят результат, называемый нами удовлетворением потребностей; но они могут достигнуть того же и косвенно, становясь обладателями таких благ, которые при данном экономическом положении способны обмениваться на блага, необходимые для удовлетворения данных потребностей, и, таким образом, отпадает указанное выше особенное предположение ценности благ.

Ценность, как мы видели, есть значение блага для нас, приобретаемое им благодаря тому, что мы сознаем зависимость удовлетворения одной из наших потребностей от обладания благом, причем эта зависимость состоит в том, что удовлетворения не последует, если в нашем распоряжении не будет данного блага. Без наличности этой предпосылки явление ценности немислимо, но оно не связано необходимо с тем, будет ли удовлетворение потребности обеспечено непосредственно или косвенно. Для того, чтобы благо приобрело ценность, необходимо, чтобы оно обеспечивало нам удовлетворение потребностей, которые остались бы неудовлетворенными, если бы мы не обладали благом, о ценности которого идет речь; но является ли обеспечение непосредственным или косвенным, это — совершенно побочное обстоятельство в том случае, когда речь идет вообще о явлении ценности. Для изолированного охотника шкура убитого медведя имеет только в том случае ценность, если он должен отказаться от удовлетворения какой-либо потребности при отсутствии обладания шкурой; для этого же охотника, когда он вступил уже в меновой оборот, шкура представляет ценность при тех же условиях. Различие между двумя случаями, несколько не затрагивающее сущности явления ценности в общем, состоит только в том, что в первом случае охотнику пришлось бы подвергаться вредным воздействиям

⁷⁰ Ср. *Schmoller. Tübing. Ztschr.*, 1863. С. 53.

непогоды или отказаться от какой-нибудь другой потребности, для удовлетворения которой служит шкура путем *непосредственного* ее применения; во втором же случае ему пришлось бы отказаться от удовлетворения потребностей, производимого теми предметами, которыми он мог бы располагать *косвенно* (путем обмена) благодаря обладанию данной шкурой.

Ценность в первом случае и ценность во втором составляют, поэтому, только две различные формы одного и того же явления хозяйственной жизни и представляют значение, которое приобретают блага для хозяйствующих субъектов благодаря тому, что последние сознают зависимость удовлетворения своих потребностей от обладания этими благами. Особенный характер придает явлению ценности в обоих случаях то обстоятельство, что в первом — благо получает для обладателя значение, называемое нами ценностью, в силу *непосредственного* употребления, а во втором — в силу *косвенного*, разница, однако, настолько важная как для жизни, так и для нашей науки, что она вызывает необходимость особого названия для каждой из этих двух форм *одного и того же* общего явления ценности, и мы в первом случае обозначаем ценность словом «*потребительная*», а во втором — *меновая*⁷¹.

⁷¹ *Bernhardi* говорит (Versuch einer Kritik der Gründe etc., 1849. С. 79): «В новейшее время несколько раз отмечали, что уже Аристотель (Pol., I, 6) знал различие между потребительной и меновой ценностью; но *A. Smith* пришел к строгому разграничению этих двух форм ценности независимо от греческого философа». Наоборот, следует заметить, что большая часть мест у *A. Smith'a*, получивших впоследствии широкую известность (Wealth of Nat., I, Ch. IV; vol. I. С. 42. Basil, 1776), почти буквально совпадает с одним местом у *Law* (Considération sur le numéraire. Chap. I. С. 443 и сл., ed. Daire) и что *Turgot* (Valeurs et monnaies. С. 79 и сл. Daire) не только строго различал между потребительной и меновой ценностью («*valeur estimative*» и «*valeur commercable*»), но и обстоятельно исследовал и ту и другую. Догматико-исторический интерес представляет также одно место из сочинений шотландского философа-моралиста *Hutcheson'a*, знаменитого учителя *A. Smith'a* (System of moral philosophy, 1755, II. С. 53 и сл.), где проводится различие между потребительной и меновой ценностью, хотя терминология и не та, что позже у последнего (ср. также *Lock'a*: Considerations of the lowering of interest etc., Works, II. С. 20 и сл. и *Le Trosne*: De l'intérêt social (1777). Chap. I, § 3). Из новейших писателей, кроме названных уже выше (с. 77) *Friedländer'a*, *Knies'a*, *Schäffle*, *Rösler'a*, сделавших, равно как и *Michaelis* (Vierteljahrschrift für Volksw., 1863, I. С. 1) и *Lindwurm* (Hildebrand's Jahrbücher, IV. 1865. С. 165 и сл.), теорию ценности предметом специальной разработки, обстоятельному исследованию подвергли различие между потребительной и меновой ценностью: *Soden*: Nationalökonomie, 1805. I, § 42 и сл. и IV, § 52 и сл.; *Hufeland*: N. Grundlegung,

Потребительная ценность есть, поэтому, значение, приобретаемое благами для нас благодаря тому, что они обеспечивают нам *непосредственно* удовлетворение потребностей при таких обстоятельствах, при которых подобный результат не был бы достигнут без обладания благами; меновая же ценность есть значение, приобретаемое благами для нас благодаря тому, что распоряжение ими обеспечивает нам при подобных же отношениях тот же результат *косвенным* путем.

b. Отношение между потребительной и меновой ценностью благ

В изолированном хозяйстве экономические блага, подлежащие распоряжению хозяйствующих индивидов, или представляют для них потребительную ценность, или не представляют вообще никакой ценности. Но и при развитой культуре и оживленном обороте можно наблюдать очень часто случаи, где экономические блага не представляют для хозяйствующих

1807. I, § 30 и сл.; *Storch*: Cours d'écon. pol., I. C. 37 и сл.; *Lotz*: Handbuch, 1837. I, § 9; *Rau*: Volkswirtschaftslehre, I, § 57 и сл.; *Bernhardi*: Untersuchung d. Gründe etc., 1849. C. 69 и сл.; *Roscher*: System, I, § 4 и сл.; *Tomas*: Theorie d. Verkehrs, I. C. 11; *Stein*: System, I. C. 168 и сл. Различие между стремлением немцев к философскому углублению науки о народном хозяйстве и направленным на практические вопросы духом англичан лучше всего показывает сравнение обработки учения о ценности у тех и других. *Ricardo*, Principles (1812). Chap. 28; *Malthus*: Principles, 1820. C. 51 и Definitions, 1827. Chap. II. C. 7, издание 1853 г.; *J. St. Mill*: Principles. B. III. Ch. I, § 2, 6 ed. Употребляют выражения «value in use» и «utility», как равнозначщие. *Torrens*: On the production of Wealth. C. 8 и *Mac Culloch* пользуются даже вместо «value in use» исключительно термином «utility» (Principles, 1846. C. 4); среди новейших французов этого придерживается *Bastiat* (Harmoniis écon., 1864. C. 256), *Lauderdale* (An Inquiry etc., 1804. C. 12) и *Senior* (Politic. Economy, 1863. C. 6 и сл.) признают, правда, полезность условием меновой ценности, но не потребительной ценностью; последнее понятие они совсем отвергают. Но что понимают в Англии под меновой ценностью, лучше всего видно из следующего места *J. S. Mill*: «Слова «ценность» и «цена» употреблялись прежними экономистами, как синонимы, и сам Рикардо не всегда различал их. Но наиболее точно выражающиеся из новых писателей, чтобы не тратить понапрасну двух хороших терминов для обозначения одного понятия, стали употреблять слово «цена» для выражения ценности вещи по отношению к деньгам; количества денег, за какое обменивается вещь; под *ценностью* же вещи или ее меновой ценностью мы должны понимать ее общую покупательную силу, власть, какую дает она своему владельцу приобретать продажные товары вообще» (Основ. пол. экон. Кн. III. Гл. 1, 2. C. 504. Петербург, 1874).

индивидов, обладающих ими, никакой меновой ценности, хотя потребительная ценность их для последних находится вне всякого сомнения.

Костыль, специально приспособленный для какого-либо особенно-го рода калеки, заметки, которыми может воспользоваться только автор их, фамильные документы, все эти и много других подобных благ представляют нередко для известных индивидов очень значительную потребительную ценность, но последние напрасно пытались бы удовлетворить при помощи этих благ косвенно, посредством обмена какие-либо потребности. Однако гораздо чаще все же можно наблюдать при развитой культуре противоположные отношения. Очки и оптические инструменты, находящиеся в складе оптика, не представляют, обыкновенно, для последнего никакой потребительной ценности, как и хирургические инструменты для фабрикантов и торговцев ими или книги на иностранных языках, понятных только немногим ученым, для книгопродавца, но ввиду возможности обмена все эти блага имеют несомненно для вышеназванных лиц ценность меновую.

В этих и вообще во всех случаях, где экономические блага представляют для своего обладателя или только потребительную или исключительно меновую ценность, не может и возникнуть вопрос о том, какая из них является определяющей для хозяйственной деятельности соответствующих индивидов. Но такие случаи вообще образуют исключения в хозяйственной жизни людей; обыкновенно же всюду, где установился хоть сколько-нибудь значительный меновой оборот, хозяйствующие индивиды имеют возможность произвести выбор, употребить ли находящиеся в их распоряжении блага для непосредственного или косвенного удовлетворения своих потребностей, и экономические блага представляют, поэтому, для них обыкновенно и потребительную и меновую ценность. Предметы одежды, домашней обстановки, драгоценности и тысячи других таких же, находящихся в нашем распоряжении благ, имеют для нас обыкновенно несомненную потребительную ценность; но понятно также и то, что при развитых отношениях обмена мы в состоянии использовать их для удовлетворения наших потребностей и косвенно, и потому блага эти имеют для нас одновременно и меновую ценность.

Значение, которое блага представляют для нас ввиду непосредственного употребления их для удовлетворения наших потребностей, и значение, какое они представляют ввиду такого же косвенного употребления, составляет, как мы видели, только разные формы *одного* общего явления ценности; но по своей *степени* это значение может быть различным для каждого из обоих случаев. Золотой бокал, выигранный бедняком в лотерею, будет иметь для него несомненно очень большую меновую ценность, потому что он в состоянии при помощи этого бокала косвенно, т.е. путем

обмена, удовлетворить много потребностей, которые иначе остались бы неудовлетворенными. Наоборот, потребительная ценность его едва ли будет значительной для того же хозяйствующего субъекта. С другой стороны, очки, как раз подходящие для глаз их владельца, имеют обыкновенно для него очень большую потребительную ценность, но их меновая ценность в большинстве случаев невелика.

Так как в хозяйственной жизни людей, как мы видели, можно наблюдать очень много случаев, где экономические блага представляют для хозяйствующих субъектов, в распоряжении которых они находятся, одновременно и потребительную и меновую ценности, и так как величина и той и другой нередко не совпадают друг с другом, то возникает вопрос, какая из этих двух величин является в каждом данном случае определяющей для экономического сознания и экономической деятельности людей, иначе говоря, какая из этих двух ценностей в каждом отдельном случае является *экономической*.

Решение этого вопроса дает нам рассмотрение сущности человеческого хозяйства и ценности. Руководящая идея всей хозяйственной деятельности людей, это — возможно более полное удовлетворение своих потребностей. Если, поэтому, при помощи *непосредственной* затраты какого-нибудь блага обеспечивается удовлетворение более важных потребностей хозяйствующих субъектов, т.е., если при косвенном употреблении этого блага для удовлетворения потребностей, неудовлетворенными останутся более важные потребности, чем при непосредственной затрате, то, конечно, потребительная ценность явится определяющей для хозяйственного сознания и экономической деятельности людей; в противоположном же случае — меновая. Как в первом случае, при косвенной затрате, так и во втором случае, при непосредственной затрате блага, окажутся удовлетворенными те именно потребности, которые хозяйствующему индивиду и следовало удовлетворить, и которые оказались бы неудовлетворенными в случае отсутствия данных благ. Словом, во всех случаях, где благо представляет для своего владельца и потребительную и меновую ценность, экономической является та из них, которая больше. После того, что было сказано в четвертой главе, ясно, что в случаях, где есть наличное основания к экономическому обмену, *экономической* ценностью будет меновая, а где их нет, таковой будет потребительная ценность.

с. Изменение в экономическом центре тяжести ценности благ

Узнать экономическую ценность благ, т.е. уяснить себе, является ли экономической потребительная или меновая их ценность, это — одна из важнейших задач хозяйствующих людей. От того или иного ответа зави-

сит и решение вопроса, что соответствует экономическому интересу индивида, удержать ли у себя данные блага или их конкретные количества, или обменять их. Но правильное решение данного вопроса представляет вместе с тем одну из труднейших задач хозяйственной практики, и это не только потому, что при более развитых отношениях оборота требуется уже обозреть все возможные случаи непосредственного потребления и обмена, но главным образом потому, что самые отношения, служащие основанием для решения указанного вопроса, подвержены многообразным изменениям. Ясно, конечно, что все, способствующее уменьшению для нас потребительной ценности блага, при прочих равных условиях может привести к тому, что экономической ценностью станет меновая, а все, повышающее для нас потребительную ценность блага, может иметь в результате потерю меновой ценностью своего первенствующего значения; увеличение же или уменьшение меновой ценности блага может привести при прочих равных условиях к противоположным следствиям.

Главные причины этих изменений — следующие:

Во-первых, изменение в значении для хозяйствующего субъекта, владеющего благом, удовлетворения тех потребностей, которым благо служит, насколько это обуславливает увеличение или уменьшение для обладателя потребительной ценности последнего. Так, запас вина или табака получит для владельца его преобладающую меновую ценность, если данный хозяйствующий субъект потеряет вкус к потреблению этих благ. Так, любители охоты или другого спорта продают все принадлежности последнего, когда увлечение спортом проходит, именно потому, что ввиду уменьшения потребительной ценности этих благ на первый план выступает значение их, как меновой ценности.

В особенности часто такой результат обусловлен вступлением человека из одного возраста в другой. Удовлетворение той же потребности имеет одно значение для юноши, другое — для зрелого мужчины, и совсем иное — для старика. Таким образом, естественное развитие человека уже само по себе приводит к тому, что потребительная ценность благ подвергается значительным изменениям, например, теряют потребительную ценность и получают преобладающую меновую для юноши — наивные игрушки, для мужчины — образовательные пособия, для старика — орудия производства. Самое обычное явление — продажа юношей благ, имеющих для детского возраста преобладающую потребительную ценность. Мы видим часто, как лица, вступающие в зрелый возраст, продают не только много предметов потребления, свойственных исключительно юности, но и учебные пособия своего ученического времени, а старики нередко уступают другим не только предметы потребления, требующие для использования их жизненной силы и бодрости зрелого возраста, но

и блага, служащие для извлечения дохода (фабрики, ремесленные заведения и т.д.). Если вызываемое этим обстоятельством хозяйственное движение не так ярко выходит наружу, как это следовало бы по естественному ходу вещей, то объяснение этому надо искать в условиях семейной жизни людей, которые создают постоянно повторяющийся переход благ из владения старших членов семьи в распоряжение более молодых не в силу возмездных договоров, а в силу душевного расположения. Таким образом, семья с свойственным ей хозяйственным строем является моментом существенным для устойчивости хозяйственных отношений людей.

Увеличение потребительной ценности блага для его владельца ведет, конечно, к противоположному результату. Владелец леса, например, для которого ежегодно добываемое им количество дров представляло только меновую ценность, обыкновенно прекращает продажу своих дров, когда выстроенная им, скажем, доменная печь потребует всего запаса их. Литератор, прежде продававший свои произведения издателям, перестает это делать, когда основывает свой собственный журнал и т.д.

Во-вторых, простое изменение в свойствах блага может переместить центр тяжести экономического значения его, если благодаря этому меняется потребительная ценность его для владельца, меновая же остается неизменной, или хотя и увеличивается или уменьшается, но не в той же мере, как первая.

Так, платья, лошади, собаки, кареты и тому подобные предметы обыкновенно теряют почти совершенно свою потребительную ценность для богатых людей, если во внешнем виде их замечается какой-нибудь изъян, и на первый план тогда выступает их значение, как меновой ценности, хотя последняя тоже понижается в таком случае. Здесь предметы теряют в потребительной ценности больше, чем в меновой.

Наоборот, свойства благ часто изменяются так, что их меновая ценность, бывшая прежде экономической, становится ниже потребительной ценности их для обладающего ими хозяйствующего субъекта. Так, рестораторы или продавцы гастрономических товаров обыкновенно берут для собственного потребления съестные припасы, внешний вид которых несколько с изъяном; эти блага теряют в таком случае почти совершенно свою меновую ценность, в то время как потребительная нередко остается неизменной или же понижается не так сильно, как первая. Подобные же явления происходят и с ремесленниками; поэтому случается, особенно в малых местечках, что сапожники нередко носят неудавшуюся обувь, портные — дурно скроенное платье, шляпочники — скверно вышедшие шляпы.

Мы переходим теперь к *третьей* и важнейшей причине изменения в экономическом центре тяжести ценности благ; мы имеем в виду увели-

чение количества благ, находящихся в распоряжении хозяйствующего субъекта.

Увеличение количества блага, находящегося в распоряжении лица, уменьшает почти всегда при прочих равных условиях потребительную ценность конкретной части его для владельца, так что преобладающее значение легко приобретает ценность меновая. После снятия хлеба меновая ценность его становится почти всегда экономической для земледельцев, и так дело обстоит до тех пор, пока по мере продажи конкретных количеств его преобладающее значение не получит снова потребительная ценность. Хлеб, которым землевладельцы еще владеют летом, в действительности уже обыкновенно представляет для них преимущественно потребительную ценность. Но в другом месте этого сочинения (гл. 4, § 2) мы уже показали, где находится предел, за которым меновая ценность блага уступает по своей важности потребительной. Для наследника, у которого и до открытия наследства было совершенно достаточно мебели и которому от наследодателя досталась полная обстановка, многие предметы последней будут представлять незначительную потребительную ценность, другие совсем ее иметь не будут, и поэтому на первый план выступит их меновая ценность. Наследник будет продавать отдельные вещи до тех пор, пока оставшиеся в его распоряжении предметы не приобретут снова преобладающей потребительной ценности.

Наоборот, уменьшение находящегося в распоряжении хозяйствующего субъекта количества блага ведет по большей части к увеличению потребительной ценности его для владельца, и, таким образом, получают преобладающую потребительную ценность конкретные части блага, которые в противном случае были бы предназначены для продажи.

Особенно важно в этом отношении влияние изменения в имущественном состоянии субъекта вообще. Увеличение или уменьшение состояния при развитых отношениях оборота равнозначает для соответствующего индивида с увеличением или уменьшением количества экономических благ почти каждого отдельного вида. Обедневший человек принужден ограничить себя в удовлетворении почти всех своих потребностей. Некоторые потребности он будет количественно и качественно менее полно удовлетворять, от удовлетворения других совсем откажется. Если же у него после обеднения остались предметы изысканного потребления или роскоши, которые прежде вместе с другими служили для гармонического удовлетворения потребностей, но теперь уже не соответствуют изменившимся обстоятельствам, то он, если мы имеем дело с хозяйствующим субъектом, продаст их и на вырученные средства постарается удовлетворить более важные потребности, свои и своей семьи, от удовлетворения которых иначе нужно было бы отказаться. И действительно, лица, потерявшие в неудачных спе-

куляциях или по стечению неблагоприятных обстоятельств свое состояние, продают обыкновенно свои драгоценности, произведения искусства и другие предметы роскоши, чтобы снабдить себя необходимым для жизни. С другой стороны, и рост имущественного благосостояния ведет к подобным же, конечно, по своей тенденции противоположным, результатам: многие блага, до того имевшие для своих владельцев преобладающую потребительную ценность, теряют ее, и первое место по экономическому значению приобретает меновая ценность. Так, внезапно разбогатевшие люди обыкновенно продают свою простую мебель, свои скромные украшения, недостаточно удобные теперь дома и другие блага, до сих пор имевшие для них преобладающую потребительную ценность.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

УЧЕНИЕ О ТОВАРЕ

§ 1. Понятие «товар» в обыденном и научном смысле

В изолированном хозяйстве производительная деятельность каждого отдельного хозяйствующего лица направлена только на производство благ, нужных для собственного потребления; ввиду своеобразной природы этой формы хозяйства само собой исключено производство благ для обмена. При этом, конечно, требующийся для покрытия собственных потребностей труд может быть распределяем главой семьи между отдельными членами ее и рабами, если таковые есть, сообразно с способностями и силами их. Поэтому изолированное хозяйство характеризуется не отсутствием всякого разделения труда, но, так сказать, самоудовлетворемостью, направлением хозяйственной деятельности исключительно на производство благ для собственных потребностей и полным отсутствием благ, предназначенных для обмена.

Само собой понятно, что разделение труда в пределах изолированного хозяйства остается весьма ограниченным. Необходимое для семьи количество какого-нибудь блага по большей части слишком незначительно, чтобы индивид, занимающийся только производством последнего или, что еще более немыслимо, исключительно одной стадией производственного процесса, мог найти достаточную сферу применения для своих сил, да и имеющихся в распоряжении средств обыкновенно слишком мало для прокормления многих работников. Во всех обществах с слабо раз-

витой культурой более сложное разделение труда мы находим только в хозяйствах единичных магнатов, остальные же хозяйствующие субъекты не идут дальше простого разделения труда и строго ограниченных потребностей.

Можно считать первым шагом на пути хозяйственного развития народа то, что лица, усвоившие себе техническую шноровку, предлагают свои услуги обществу и за известное вознаграждение перерабатывают доставляемый им сырой материал. Феты греков были, по-видимому, такого рода ремесленниками в древнейшие времена. Во многих местностях Восточной Европы и теперь еще нет ремесленников иного рода. Произведенная в доме потребителя пряжа перерабатывается ткачом в материю, собственное зерно посылается на мельницу для превращения в муку, и даже плотник и кузнец получают при сравнительно больших заказах сырой материал от заказчика.

Новым шагом на пути хозяйственного развития и вместе с тем признаком растущего благосостояния следует считать то, что ремесленники начинают употреблять для своих продуктов собственный сырой материал, хотя готовят продукты только по *заказу* потребителей. Такое положение вещей можно за незначительными исключениями наблюдать в маленьких городах и отчасти в больших в некоторых ремеслах. Ремесленник не производит еще продукта на неизвестного покупателя, но он уже в состоянии удовлетворять по мере своей рабочей силы потребностям своих заказчиков, освобождая их от экономически для них невыгодной закупки и переработки сырого материала⁷².

Этот способ обеспечения общества благами знаменует важный успех для потребителя и производителя в смысле большей хозяйственности и удобства, но он все же еще связан с значительными невыгодами для обоих. Потребитель должен все еще ожидать некоторое время продукта и с самого начала не совсем уверен в его качестве, производитель же иногда вовсе не имеет работы, иногда же завален заказами, так что он то ничего не делает, то не может вполне удовлетворить появляющимся требованиям. Эти неудобства повели к производству благ на неопределенного покупателя, благ, которые производитель всегда держит на складе, чтобы иметь возможность немедленно же удовлетворить оказавшуюся потребность. Этот способ обеспечения общества приводит по мере развития народного хозяйства, с одной стороны, к фабричному производству (массовому), а с другой — к покупке потребителем готовых (конфексион) товаров; он, следова-

⁷² *Roscher*: Ansichten der Volksw. С. 117, 1861; *B.Hildebrand* в его Jahrbücher, II, 1864. С. 17; *Scheel*. Там же, VI. С. 15, 1866; *Schmoller*: Zur Gesch. des deutschen Kleingewerbes, 1870. С. 165, 180, 511 и сл.

тельно, соединен с высшей степенью хозяйственности для производителя ввиду возможности совершенного применения принципа разделения труда и употребления машин и, с другой стороны, для потребителя является наиболее надежным (он видит товар перед самой покупкой) и удобным.

Такие продукты, которые производитель или торговец-посредник держит наготове для обмена, называются в обыденной речи *товарами*, причем это понятие ограничивается только движимыми вещами, с исключением из них денег⁷³.

⁷³ Так как для третьего лица не всегда ясно видно, что известные части имущества предназначаются владельцем их для обмена, то понятие товара в обыденной жизни сузилось еще более, и на разговорном языке название «товара» придают только таким благам, относительно которых намерение владельца отчудить их легко распознаваемо и для третьих лиц. Обнаруживается такое намерение различным образом. Обыкновенно это происходит путем выставки своих товаров в местах, где собираются покупатели, например, на базарах, ярмарках, биржах, или же в собственных помещениях, которые свидетельствуют о цели их — служить для склада товаров — путем вывесок и других легко заметных для глаза признаков, или вообще заведомо для всех предназначены для этого, как, например, в лавках, магазинах, складах и т.д. Сообразно с этим понятие товара естественно суживается на разговорном языке до обозначения экономических благ, находящихся в таких внешних условиях, что становится возможным заключение третьего лица о намерении владельца отчудить их. Чем далее идет культурное развитие народа и чем более односторонним становится производство отдельных хозяйствующих индивидов, тем чаще встречаются основания для экономического обмена, тем больше абсолютно и относительно количества благ, носящих известное время характер товаров, и экономическая польза, которую извлекают из реализации подобных отношений, в конце концов настолько возрастает, что вызывает специальный класс хозяйствующих индивидов, исполняющих в интересах общества умственную и механическую стороны меновых операций и получающих за это в виде вознаграждения часть выгод, доставляемых обменом. Тогда экономические блага не поступают непосредственно от производителей к потребителям, они часто проходят по очень сложному пути через руки более или менее многочисленных посредников, профессионально привыкших обращаться с известными экономическими благами, как с товарами, и держащих открытыми для публики помещения, предназначенные для обмена. Именно такими благами, находящимися в руках этих лиц или производителей, производящих специально для продажи, ограничил собственно разговорный язык понятие товара и несомненно по той причине, что в подобных случаях особенно легко распознать каждому намерение владельца отчудить эти блага (Kaufmannsgüter, marchandises, merchandises, mercanzie и т.д.).

Но в научном изложении ощущалась потребность в названии, покрывающем все экономические блага, предназначенные для обмена, независимо от их материальности, способности к передвижению, их характера, как продуктов труда, независимо от лиц, предлагающих их для продажи; таким образом, многие, в особенности из немецких экономистов, понимают под товарами *предназначенные для обмена (экономические) блага всякого рода*.

Понятие «товар» в обыденном смысле важно для нас не только потому, что его употребляют законодательства⁷⁴ и многие экономисты, но и потому, что часть тех, которые принимают понятие «товар» в широком научном смысле слова, вводят в определение его тот или другой элемент понятия в узком, обыденном смысле⁷⁵.

⁷⁴ *Немецкий торговый кодекс* употребляет то же слово «товар» не в техническом, а в обыденном смысле слова. Вместо выражения «товар» встречается иногда «благо» (ст. 365, 366, 367), «предмет» (ст. 349, 359) или «движимая вещь» (ст. 276, 301, 342); в ст. 271 читаем: «Товары, или другие движимые вещи, или ценные бумаги, предназначенные для торгового оборота. *Недвижимые вещи и услуги* в немецком торговом кодексе никогда не причисляются к товарам, равно как и *фирмы*, как таковые, которые, кстати сказать, совсем не могут быть товарами в правовом смысле отдельно от предприятий, с которыми они связаны (ст. 23), подобно всем остальным «*res extra commercium*». *Суда* в немецком торговом праве противопоставляются товарам (см. 67); наоборот, в других законодательствах они считаются «движимыми вещами» и могут приобрести характер товаров (см.: Goldschmidt: Handelsrecht, I, 2 Abth. § 60. С. 527, прим. 7, 1868). Юридическую литературу о понятии «товара» см. там же. С. 525; но сам Goldschmidt (I, 1 Abth., 298) определяет понятие «товара» слишком узко даже с юридической точки зрения, не причисляя к нему благ, которые *производитель* держит наготове для обмена. В *римских* источниках выражения «*merx, res promescales, mercatura*» и т.д. употребляются то в узком смысле объектов торговли, то в более широком — вещей, предлагаемых на продажу (I. 73, § 4. D. de legat, 32, 3; I. 32, § 4. D. de aur. arg., 34, 2; I. 1 pr., § 1. D., de cont. emt., 18, 1; I. 42, de fidej., 46, 1). Австрийское Гражданское Уложение противопоставляет (§ 991) товары долговым обязательствам.

⁷⁵ Учение о товаре не нашло себе вообще, за некоторыми исключениями, самостоятельной обработки у англичан, французов и итальянцев. Выражения «*goods*», «*merchandises*», «*merci*» и т.д. употребляются почти всюду в обыденном смысле «предметов торговли», «объектов купли», да и то не технически, а в очень неопределенном значении. *Товары* противопоставляются часто *услугам* и *деньгам* (Necker, Legislations et commerce des grains, I. Chap. 12; Genovesi, Lezioni, II, 2, § 4), обыкновенно — недвижимым благам (Guillaumain et Cocquelin, Dictionnaire, II, 131, статья «*marchandise*» Hor.Say), иногда в

Из только что изложенного понятия товара в научном смысле слова видно в то же время, что характер товара не есть нечто присущее благу, не — свойство последнего, а только особое отношение его к лицу, обладающему им, отношение, с исчезновением которого должен отпасть у блага также и характер товара. Благо, поэтому, перестает быть товаром, как только обладающий им хозяйствующий субъект отказывается от намерения обменять его, или когда оно попадает в руки такого лица, которое предназначает его не для дальнейшего обмена, а для потребления. Шляпа или шелковая материя, выставленные шляпочником и торговцем

смысле продуктов обрабатывающей промышленности — сырому материалу (*Quesnay*, *Maximes generales*, XVII), или съестным припасам: *denrées* (*Dutot*, *Sur le commerce etc.* Chap. I, 10), тогда как *Montesquieu* (*Esprit des lois*, XXII, 7) употребляет слово «*merchandises*» именно в смысле «*denrées*». *Roberts*, современный *Mun'a*, дает такое определение (*Merchant's map.* 4. ed. С. 6 и сл.): the things wherewith the merchants negotiate and traffick are termend «*merchandises*»¹ и подразделяет последние на изделия («*wares*») и деньги («*moneys*»). *Dictionnaire de l'Academie française* называет товарами: «Ce qui se vend, se débite dans les boutiques, magasins, foires, marchés»². Где приходится специально обозначить товары в широком, научном смысле слова, там употребляют описательные выражения, например, «Quantité à vendre»³ (*Necker*); «Superflu autant qu'il peut être échangé»⁴ (*Forbonnais*); «Things who have not reaches the hands of those, who are finally to use them»⁵ (*A. Smith*); «Cio che sopprabonda in alcuni per sussistere essi stessi, e ch'essi passano ad altri»⁶ (*Ortes*). Но уже *Condillac* (*Le commerce et le gouvernement.* Part. I, 5) говорит о «*marchandises*»: «Ces choses, qu'on offer à échanger»⁷, становясь, таким образом, предшественником (пишущего по-французски) *Storch'a*, который (*Cours* 1. С. 82, 1815) дает такое определение: «Les choses destinées à l'échange se nomment marchandises»⁸. Среди немцев *Justi*, *Büsch*, *Sonnenfels*, *Jacob* употребляют еще слово «товар» в обыденном смысле. *Soden* (*Nationalökonomie*, I. С. 285, 1815) называет товарами все продукты, под которыми он понимает как сырые, так и продукты промышленности (там же. С. 54); *Hufeland* (*N. Grundleg*, II, § 96) тоже слишком широко определяет: «Товар — это все то, что может быть отдано, в особенности в обмен на что-либо другое». *Rau* (*Volkswirtschaftslehre*, I, § 407) следует определению *Storch'a*, и для него «все запасы благ, предназначенные для обмена — товары»; и участки земли могут быть товарами; деньги — товар, не как таковые, но по своему составу (там же, I, § 258); правда, *Rau* признает товарами только вещественные блага, но это уже следует из его общего определения «блага». Со взглядами *Rau* почти тождественны мнения *Murhardt'a* (*Theorie des Handels*, I. С. 22, 1831). *Zachariae* (40 *Rücher v. St.*, V. Band, I. Abth. С. 2, 1832) тоже распространяет понятие «товар» на участки земли, наоборот, *Baumstark*

шелковыми материями для продажи в своих лавках, — товары, но они тотчас же перестают быть таковыми, как только первый предназначает шляпу для собственного употребления, а последний, скажем, для подарка своей жене; голова сахара или апельсины в руках бакалейного торговца — товары, но они теряют характер последних, перейдя в руки потребителя. И чеканенный металл перестает быть «товаром», если его владелец не предназначает его для дальнейшего обмена, а для каких-нибудь целей потребления, например, когда дают ювелиру серебряный талер, чтобы последний приготовил из него какое-нибудь украшение.

(Cameral-Encyklopädie. С. 449, 1835) снова ограничивает его движимыми имуществами и кроме того требует еще известного значения в торговле. Этим он приближается к обыденному воззрению, господствующему в сочинениях *Fulda*, *Lotz'a*, *Schön'a* и *Herrmann'a*. *Riedel* (Nationalökon, I. С. 336, 1838) и *Roscher* (System, I, 95) восстанавливают научное понятие товара. Первый определяет его, как «благо, лежащее наготове для обмена или продажи», последний — как «всякое благо, предназначенное для обмена», причем разумеются блага экономические (там же, I, § 2). За ними следуют *Mangoldt* (Grundriss. С. 27); *Knies* (Tübinger Zeitschrift, 1856. С. 266 — «Блага, оставшиеся для оборота»); *Rentsch* (Handwörterbuch d. V. Art. «Waare»: «Меновые ценности и блага, предназначенные для обмена»); по существу также *Hasner* (System, I. С. 288 и 302: абстрактная меновая ценность с двумя главными формами ее, запасом товаров и наличным фондом). Характер продукта считают необходимым для понятия товара из новых писателей: *Graser* (Allgem. Wirthschaftsl. С. 115, 1858), который называет товаром «всякий продукт, поступающий в торговлю»; *Rösler* (Volkswirtsch. С. 217, 1864), определяющий его как «продукты, предназначенные для оборота или в нем находящиеся»; *Scheel* (Hildebrandt's Jahrbücher VI. С. 15), разумеющий под ним «единичные продукты, предназначенные для обмена». *Stein* (Lehrbuch d. Volksw. С. 152, 1858) тоже обозначает товар как «единичный, самостоятельный продукт предприятия». В новейшее время некоторые известные ученые снова вернулись к употреблению слова «товар» в обыденном смысле. Так, *Hildebrandt* в своих Jahrbücher (II. С. 14), *Schäffle* в своем «Gesellschaftliches System d. m. W.». С. 456 и 465 противопоставляют товары услугам. Но при этом не упускается из внимания и научное понятие товара. *Schäffle* даже очень строго отграничивает товары в обыкновенном от товаров в научном смысле слова (там же. С. 50, 51 и сл.) и последние называет «меновыми благами» (Tauschgüter). В высшей степени своеобразен, как в других учениях, *Schmalz* (Staatsw in Briefen, 1818, I. С. 63), который смешивает, ввиду ошибочного понимания отношения между деньгами и товаром, понятие последнего с понятием потребительных благ в узком смысле слова, т.е. приходит к результату, как раз противоположному вышевыведенному научному определению товара.

Характер товара, поэтому, не только не составляет свойства благ, но является обыкновенно даже *преходящим* отношением их к хозяйствующим субъектам. Известные блага предназначаются их владельцами для обмена на блага других хозяйствующих субъектов. В промежуточное время многократного перехода их из рук в руки, от первых владельцев к последним, мы называем их «*товарами*»; но когда блага достигли своей экономической цели, т. е. очутились в руках потребителя, они, само собой, перестают быть товарами и становятся «*потребительными благами*» в узком смысле этого слова, противоположном понятию «товар». Где этого не бывает, как, например, очень часто с золотом, серебром и т.д., в особенности в отчеканенном виде, там блага естественно остаются только до тех пор «товарами», пока находятся в отношениях, обуславливающих их товарный характер⁷⁶.

§ 2. Способность товаров к сбыту

а. Границы способности товаров к сбыту

Задача изложения причин различных и притом меняющихся отношений между количествами благ, появляющимися в обмене, всегда привлекала особенное внимание исследователей в области науки о народном хозяйстве. Попыток решений этой проблемы имеется столько же, сколько и самостоятельных теорий нашей науки, а у некоторых писателей эти по-

⁷⁶ Из этого видно, с одной стороны, что общее указание на то, что деньги — «товар», нисколько еще не объясняет *особого положения денег среди других товаров*; с другой же — становится понятным, что взгляд экономистов, отрицающих у денег их характер товара, «так как они, как таковые, в особенности в виде монеты, никаким целям потребления не служат» (не говоря уже о заключающемся в таком утверждении игнорировании важной функции денег), уже потому лишен основания, что путем подобных же возражений можно отрицать характер товара и у других благ. «Товар», как таковой, никаким целям потребления не служит, по крайней мере в форме, приспособленной для оборота (в слитках, кипах, вязках, в запакованном виде и т.д.). Чтобы оказаться годным для потребления, благо должно перестать существовать, как «товар», оно должно быть освобождено от формы, которую оно приняло для оборота (расплавлено, разделено, лишено упаковки). Для благородных же металлов обычная форма, в которой они находятся в обороте, — слитки и монета, и потому то обстоятельство, что их нужно освободить от этой формы, чтобы получить возможность потребить их, еще не дает права усомниться в свойственном им характере товара.

пытки сливались с теорией цен. Наоборот, то обстоятельство, что различные блага обмениваются одно на другое не с одинаковой легкостью, до сих пор не обращало на себя особенного внимания. Однако, это бросающееся в глаза различие в способности товаров к сбыту представляется явлением столь практически важным, и от правильного понимания обстоятельств, оказывающих здесь свое влияние, в столь сильной степени зависит успех хозяйственной деятельности производителя и продавца в каждом отдельном случае, что наука не может отказываться дольше от более точного исследования природы и причин этого явления. К тому же ясно, что учение о происхождении денег, товара, отличающегося наибольшей способностью к сбыту, учение, до сих пор очень спорное, сможет найти полное и удовлетворяющее всех обоснование только в указанном исследовании.

Насколько я мог наблюдать, способность товаров к сбыту ограничена по четырем направлениям:

Во-первых, по отношению к лицам, которым можно сбыть товары.

Владелец товаров не может сбыть их любому лицу; всегда есть известный круг хозяйствующих индивидов, которым только и можно сбыть товар.

Он не может рассчитывать сбыть свои товары всем лицам, которые:

- a) не имеют потребности в них;
- b) в силу оснований правовых или физических отстранены от приобретения их⁷⁷;
- c) не знают об оказавшейся возможности обмена⁷⁸ и, наконец, тем,
- d) для которых конкретная часть продаваемого товара не представляет эквивалента такого количества даваемого в обмен блага, которое было бы больше количества, эквивалентного для продавца⁷⁹.

⁷⁷ На первом месте здесь следует поставить ограничения в способности товаров к сбыту, вытекающие из законов против роскоши или полицейских предписаний в интересах безопасности. В средние века, например, способность бархата к сбыту распространялась в некоторых странах только на дворянство и духовенство, а способность оружия к сбыту в иных местах и сейчас ограничена кругом лиц, имеющих административное разрешение на обладание им.

⁷⁸ Малоизвестные товары уже в виду этого имеют очень узкий круг покупателей. Поэтому производители приносят нередко большие экономические жертвы, чтобы «ознакомить» публику с своими товарами, имея в виду расширить таким образом круг лиц, которым можно было бы их сбыть. Отсюда понятно народнохозяйственное значение публичных извещений, объявлений, реклам и т.д.

⁷⁹ Развитие потребностей и рост благосостояния народа в общем значительно увеличивает способность товаров к сбыту, но по отношению к некоторым ведет

Если мы теперь обратим внимание на круг лиц, которыми ограничен сбыт того или другого товара, то для каждого товара получим весьма различную картину. Сравним, например, круг лиц, среди которых может иметь место сбыт хлеба и мяса или вина и табака, с тем, где возможна продажа астрономических инструментов или санскритских сочинений. Еще ярче бросается в глаза это различие среди нескольких видов товара одного и того же рода. Наши оптики держат в магазине очки для всех степеней дальнозоркости и близорукости, наши шляпочники и перчаточники, сапожники и скорняки имеют шляпы, перчатки, башмаки и кожаные товары различной величины и качества. Как велико однако различие между кругом лиц, которым ограничен сбыт самых сильных очков и тем кругом, среди которого можно сбыть очки средней силы, или между кругом лиц, на которые распространяется способность к сбыту перчаток и шляп средней величины, и кругом лиц, которым можно продать шляпы и перчатки необычной меры.

Во-вторых, способность товаров к сбыту ограничена областью, в которой товар может найти сбыт.

Чтобы товар мог найти сбыт в какой-нибудь местности, необходимо, кроме указанного выше условия, т. е., чтобы там был круг лиц, которым его можно сбыть, еще и то,

а) чтобы не было физических или правовых препятствий к перевозке данного товара в эту местность и к продаже его там;

б) чтобы связанные с перевозкой расходы не исчерпывали пользы, извлекаемой из представляющейся возможности обмена (с. 198 и сл.).

Что касается пространства этой области, то и здесь различия для отдельных товаров не менее велики, чем те, которые мы наблюдали относительно круга лиц, среди которых возможен сбыт того или другого товара. Одни товары сбываются только в пределах одного населенного места, вследствие того, что потребность в них существует лишь в пространственно узких границах, другие — только в пределах отдельного округа, третьи — в одной только стране, четвертые — во всех культурных странах, и, наконец, некоторые — почти во всех населенных частях земли. Особые шляпы, которые носят в некоторых долинах Тироля, можно сбыть только в определенной долине, шляпы швабских или венгерских крестьян не так легко продать где-нибудь в другом месте, кроме Швабии и Венгрии, тогда как для новейших шляп французского покроя открыты рынки всего цивилизованного мира. По той же причине тяжелые меха

к уменьшению таковой. Иные товары, которые легко можно сбыть в бедной стране, становятся с трудом сбываемыми именно тогда, когда последняя достигла хозяйственного расцвета.

находят сбыт только на севере, тяжелые шерстяные товары — в странах холодного и умеренного поясов, тогда как легкие бумажные материи — почти на всем свете.

Не менее важное различие в размерах области сбыта обусловлено различием экономических жертв, связанных с перевозкой товаров на отдаленные рынки. Область сбыта обыкновенного строевого камня, добытого из каменоломен, не находящихся у водного пути, область сбыта простого песка, глины или навоза не простирается при отсутствии железных дорог обыкновенно дальше, чем на 2—3 мили в окружности и, даже если есть железные дороги, только в редких случаях дальше 15—20 миль. Область сбыта каменного угля, торфа и дров при равных условиях уже обширнее, но все еще сравнительно узка. Гораздо больше область сбыта железа, пшеницы, еще больше она для стали и муки, а область сбыта благородных металлов, драгоценных камней и жемчуга обнимает уже почти все страны земного шара, где есть только круг соответствующих потребностей и орудия обмена.

Разница в цене товара на месте и на рынке, для которого он предназначена, должна покрывать экономические жертвы, связанные с перевозкой. По отношению к товарам, стоимость которых невелика, эта разница сама по себе не может быть значительной. Дрова в лесах Бразилии и даже в некоторых местностях Восточной Европы можно купить по ничтожным ценам, даже приобрести их в большом количестве без всяких издержек, но цена центнера дров нигде не достигла такой высоты, чтобы разница между ней и ценой добычи на месте, хотя бы цена здесь и равнялась нулю, могла покрыть расходы далекой перевозки; наоборот, по отношению к товарам с большой стоимостью, как-вы, например, карманные часы, разница между ценой центнера их на месте производства и на отдаленнейших рынках, например, в Женеве и Нью-Йорке или Рио-де-Жанейро, несмотря на значительную цену их на первом рынке, легко может быть достаточно велика, чтобы возместить издержки перевозки товара в столь отдаленные области сбыта. Чем товар *дороже*, тем обширнее, поэтому, при прочих равных условиях, область сбыта.

В-третьих, способность товаров к сбыту ограничена количественно.

Способность товаров к сбыту в количественном отношении ограничена размером непокрытых еще потребностей и, далее, теми количествами его, относительно которых существуют основания для экономических меновых операций. Как бы ни была велика потребность индивида в каком-нибудь товаре, но она имеет границы, за пределами которых нельзя больше рассчитывать на то, чтобы индивид приобретал дальнейшие количества товара в течение данного промежутка времени, и даже в этих

границах индивид готов приобрести путем обмена только такие количества товара, относительно которых для него существуют основания к экономическим меновым операциям. Из спроса отдельных индивидов складывается спрос вообще на какой-нибудь товар, и количество его, которое можно в общем сбыть среди членов общества, при каждом данном экономическом положении всегда строго определено; сбыт в размерах, превышающих эти границы, немислим.

Что касается этих размеров, то и здесь мы наблюдаем по отношению к отдельным благам значительное разнообразие. Одни товары могут найти при всяких обстоятельствах только строго определенный сбыт вследствие строго ограниченного размера потребностей в них; по отношению к другим размер потребностей больше, а, значит, шире количественные границы способности их к сбыту; наконец, по отношению к некоторым всякое количество, имеющее какое-нибудь практическое значение, находит себе обыкновенно сбыт.

Издатель сочинения о языке индейцев тупи, может рассчитывать при умеренной цене на сбыт, скажем, 300 экземпляров, но и при самой незначительной цене сбыт его не превысит 600 экземпляров. Ученое сочинение, которое интересует только узкий круг специалистов, обыкновенно рассчитывает на несколько поколений ученых; оно часто находит сбыт только по мере роста известности автора, и продажа его во всяком случае производится постепенно. Сочинение, трактующее о науке, представляющей общий интерес, может, наоборот, несмотря на свой научный характер, иметь все-таки сбыт в несколько тысяч, популярно-научные сочинения — в 20—30 тыс, а поэтические произведения при благоприятных обстоятельствах — и в сотни тысяч экземпляров. Достаточно сравнить количественные границы способности к сбыту какого-нибудь сочинения о перуанских древностях и стихотворений Шиллера, или санскритского произведения и драм Шекспира. Эта разница в количественных границах способности товаров к сбыту покажется еще значительнее, если мы сравним хлеб и мясо с одной и хину и бобровую струю — с другой стороны, или шерстяные и бумажные материи с астрономическими инструментами и анатомическими препаратами. Или сравним, наконец, количественные границы способности к сбыту шляп и перчаток средней величины и самых больших размеров.

Наконец, в-четвертых, способность товаров к сбыту зависит также от промежутка времени, в течение которого возможен сбыт.

Потребность в иных благах существует только зимой, в других — только летом, спрос на некоторые бывает исключительно в течение более или менее короткого, преходящего промежутка времени. Программы предстоящих празднеств, каталоги выставок картин и даже в известном

смысле журналы и предметы моды, все это — блага такого рода. Затем, все блага, которые могут сохраняться недолго, по внутренней своей природе ограничены в своей способности к сбыту небольшим промежутком времени.

Сюда присоединяется еще и то, что «держание на складе» обыкновенно связано для собственника товаров с значительными экономическими жертвами. Что для способности товаров к сбыту в пространственном отношении составляют издержки по перевозке, то для способности к сбыту в пределах времени составляют расходы на склад, хранение и потеря процентов. Торговец скотом, держащий при современных условиях культурной жизни скот для убоя, будет по необходимости стараться найти ему сбыт в течение известного промежутка времени, именно ввиду его ограниченной способности к сохранению, потери процентов и других экономических жертв, связанных с обладанием этими животными, как «товаром»; точно также торговец шерстью или железом имеет товары, способность к сбыту которых ограничена известным пределом во времени отчасти вследствие физических, отчасти экономических оснований (расходы по хранению, потеря процентов).

И по отношению ко времени различные товары обнаруживают резко бросающуюся в глаза разницу. Время, в течение которого могут найти сбыт, например, устрицы, свежее мясо, некоторые готовые кушанья и напитки, букеты, программы предстоящих празднеств, политические газеты и т.п., ограничивается в общем несколькими днями, часто только несколькими часами, сбыт большей части свежих плодов, многих модных товаров, дичи, комнатных растений и т.д. возможен в течение нескольких недель, других подобных же товаров — в продолжение нескольких месяцев; для некоторых же товаров это время, насколько сбыт их зависит от способности сохраняться и продолжающейся потребности в них, простирается на годы, десятки и даже сотни лет.

К этому присоединяется еще то обстоятельство, что экономические жертвы, связанные с сохранением и держанием на складе товаров, чрезвычайно различны, и отсюда возникает еще одна важная причина разнообразия границ способности товаров к сбыту во времени. Кто имеет для продажи топливо или строевой камень, хранение которого не вызывает расходов, тот обыкновенно не в такой степени принужден к скорому сбыту его, как торговец мебелью, а последний не так, как продавец лошадей, владелец же золота или серебра, драгоценных камней и других подобных товаров, сохранение которых (если оставим в стороне потерю процентов) почти ничего не стоит, обладает благами, сбыт которых возможен в пределах по времени более обширных, сравнительно со всеми предыдущими товарами.

в. О различной степени способности товаров к сбыту

Выше мы видели, что способность товаров к сбыту ограничена большим или меньшим кругом лиц, большими или меньшими пространственными, временными и количественными пределами. Но всем этим мы указали только внешние границы, внутри которых при каждом данном экономическом положении может произойти сбыт, и нам остается еще исследовать, от чего зависит большая или меньшая легкость, с какой товары обмениваются друг на друга внутри вышеобозначенных пределов их способности к сбыту.

Для этой цели необходимо предпослать несколько слов о природе и назначении товаров. Товар есть экономическое благо, *предназначенное* для обмена, но не для обмена *во что бы то ни стало*. Собственник товара намерен обменять его, но не по всякой цене. Владелец магазина часов мог бы почти при всех мыслимых обстоятельствах распродать весь товар по талеру за штуку, а торговец кожами — всю кожу, продавая ее за бесценок. И, несмотря на это, оба купца будут считать себя вправе жаловаться на отсутствие сбыта: их товары, правда, предназначены, как сказано, для продажи, но не по всякой цене, а только по такой, которая соответствует *общему* экономическому положению.

Действительные же цены представляют результат данных отношений конкуренции, и они тем более соответствуют *общему* экономическому положению, чем полнее соперничество в обоих лагерях. Если часть лиц, имеющих потребность в данном товаре, будет отстранена от конкуренции, то цена упадет ниже уровня, соответствующего общему хозяйственному положению; если то же произойдет на стороне конкурирующих в предложении, то цена товара поднимется выше указанного уровня.

Если, поэтому, конкуренция по отношению к какому-нибудь товару почему-либо не урегулирована, и можно опасаться, что собственники продадут его не по экономическим ценам, тогда как для владельцев другого товара подобного опасения не существует совсем или не в такой мере, то это обстоятельство, конечно, обуславливает важную разницу в способности наших товаров к сбыту: первые без всяких затруднений, несомненно, исполняют свое назначение, другие — часто только под условием экономических жертв, а иногда и совсем не осуществляют его.

Базары, ярмарки, биржи, периодические публичные аукционы, как, например, в больших портовых городах, и тому подобные общественные установления имеют своей целью собирать постоянно или по крайней мере периодически в известных местах всех заинтересованных и оказывающих влияние на образование цен лиц и делать, таким образом, цену экономической. Поэтому товары, для которых имеется уре-

гулированный рынок, могут быть легко проданы своим владельцем по ценам, соответствующим общему экономическому положению; наоборот, товары, сбыт которых не урегулирован, переходят из рук в руки не по урегулированным ценам, а иногда и совсем не находят покупателя. Установление рынка для какого-нибудь предмета открывает производителям и торговцам товаром возможность сбывать его по экономическим для данного момента ценам. Ясно, что открытие, например, в каком-нибудь городе рынка шерсти или хлеба значительно увеличивает способность данных товаров к сбыту в пределах прилегающей к рынку области их производства, точно также как допущение на бирже сделок с какой-нибудь ценной бумагой, так называемая котировка, сильно способствует экономическому образованию цен и увеличению способности последней к сбыту, именно ввиду порождаемой этим обстоятельством уверенности владельцев бумаги в возможности сбыта ее по экономическим ценам.

Уже то обстоятельство, что каждый потребитель знает, где ему найти обладателей известного товара — что в оптовой торговле достигается тем, что лавки владельцев товара помещаются как можно ближе друг к другу, чтобы своей концентрацией вызвать подобную же концентрацию потребителей — в значительной степени увеличивает вероятность того, что соответствующие товары будут проданы по экономическим ценам, и отсутствие в розничной торговле такой концентрации, составляющей общее явление в оптовой, как ни естественно оно в видах удобства и сокращения потери времени потребителей, все же составляет главное основание менее экономического образования цен в этой отрасли оборота.

Но то обстоятельство, что для известного товара существуют известные концентрационные пункты оборота и образования цен, ведет в результате не только к тому, что здесь именно сбыт происходит по экономическим ценам. Цены, устанавливающиеся в этих центрах оборота, становятся известными и в других местах, и соответствующие публикации дают возможность заинтересованным лицам, находящимся вне такого центра оборота, заключать сделки по ценам, соответствующим экономическому положению данного момента. Конечно, такой случай редко произойдет у крупных покупателей и продавцов, которые сами оказывают своими сделками направляющее влияние на образование цен. Но «маленькие люди», обороты которых слишком незначительны, чтобы вызвать заметные колебания цен, получают благодаря этим публикациям возможность сбыть свои товары экономически и вне центрального пункта оборота, и, таким образом, они пользуются преимуществами рынка, не посещая его. Поблизости Лондона арендатор заключает хлебную сделку

с мельником, руководствуясь сведениями, помещенными в «Times'e», а в Вене небольшие партии спирта продаются по ценам, сообщенным «Neue Freie Presse» или другой заслуживающей доверия газетой. Словом, концентрационные пункты оборота вообще приводят к тому, что владельцы товаров могут сбывать их по экономическим ценам всякому хозяйствующему субъекту, стремящемуся к обладанию ими.

Вот это-то обстоятельство, что круг лиц, определяющий размер способности товара к сбыту, бывает то уже, то шире, и что концентрационные пункты заинтересованных лиц при образовании цен организованы один раз лучше, другой — хуже, и является первой причиной различной способности товаров к сбыту.

Во-вторых, некоторые товары находят в пределах их способности к сбыту почти повсюду рынки. Для полезного домашнего скота, хлеба, металлов и других т.п. благ всеобщего потребления почти везде существуют базары, и самые маленькие города и местечки становятся в известное время рынками таких товаров; наоборот, для других благ (сырья, чая, индиго) есть немного, пространственно далеко отстоящих друг от друга рынков. Эти последние не остаются независимыми один от другого. Сведения о положении на одном рынке, если он только важен, передаются на все другие главные рынки, и специальный класс хозяйствующих индивидов, арбитражеры, заботятся о том, чтобы разница в ценах товаров на отдельных рынках не превышала хоть сколько-нибудь значительно расходов перевозки.

То обстоятельство, что способность товаров к сбыту ограничена более или менее обширной в пространственном отношении областью и что одни товары находят себе сбыт по экономическим ценам в пределах этой области во многих, а другие — только в нескольких центральных торговых пунктах, и владелец первых может, поэтому, сбыть их по экономическим ценам по желанию в одном из многочисленных пунктов обширной области, а владелец других — в нескольких только местах более ограниченной области, — это обстоятельство составляет вторую причину различной способности товаров к сбыту.

В-третьих, по отношению к некоторым товарам существует оживленная и правильно поставленная спекуляция; она поглощает всякое появляющееся на рынке количество товара, хотя бы оно и превышало в данный момент размер наличного спроса; напротив, в торговом обороте других товаров спекуляция совсем не принимает участия, или не в такой степени, и при переполнении ими рынка или цены очень быстро падают, или доставленные товары остаются непроданными. Блага первого рода можно продать всегда в каком угодно количестве с небольшой разницей в цене, тогда как владельцы товара, по отношению к которому нет спеку-

ляции, или совсем не в состоянии сбыть его в количестве, превышающем потребность данного момента, или только с большими потерями.

Выше мы указали уже пример товаров такого рода — сочинения, рассчитанные на круг специалистов-ученых. Важнее в этом отношении товары, не имеющие сами по себе самостоятельного значения, которые нужны только как составные части других. Какова бы ни была цена пружин для карманных часов или манометров паровых машин, необходимый их запас всегда точно определяется размерами производства часов и машин, и значительно большее количество их нельзя будет продать ни по какой цене. Наоборот, золото и серебро и другие подобные блага, сравнительно ограниченное доступное нашему распоряжению количество которых противостоит почти неограниченному кругу потребностей, не имеют, можно сказать, пределов своей способности к сбыту в количественном отношении. Нет сомнения, что и в тысячу раз большее количество золота и в сто раз большее количество серебра, чем имеется теперь, все еще нашли бы на рынке покупателей. Правда, в таком случае эти металлы сильно упали бы в цене, и даже менее состоятельные люди стали бы употреблять их в виде посуды и домашней утвари, а бедные — в виде украшения, но все же и при таком из ряда вон выходящем увеличении их количеств, они поступили бы на рынок не напрасно, но, по-прежнему, находили бы себе сбыт, тогда как такое же увеличение количества лучших научных произведений, прекраснейших оптических инструментов, даже таких необходимых товаров, как хлеб и мясо, вызвало бы невозможность продать эти товары. Отсюда видно, что для владельца золота и серебра очень легко всегда найти сбыт любому количеству своего товара, в крайнем случае с небольшой потерей в цене, тогда как в случае внезапного увеличения количества других товаров, потери в цене бывают гораздо большими, а некоторые из них при таких обстоятельствах и совсем не могут быть проданы.

То обстоятельство, что количественные границы способности товаров к сбыту бывают шире или уже и что внутри последних всякое фактически поступающее количество одного блага легко можно сбыть по экономическим ценам, тогда как по отношению к другому сбыт равного же количества вызывает затруднения, а подчас и совсем неосуществим, — это обстоятельство составляет третью причину различной способности товаров к сбыту.

В-четвертых, наконец, рынки некоторых товаров функционируют почти беспрестанно. Ценные бумаги и в местах, где существуют товарные биржи, также известные сырые продукты можно продавать каждый день, торговля же другими товарами производится два или три раза в неделю, для хлеба и иных зерновых продуктов большей частью существуют

еженедельные базары, для мануфактурных товаров — несколько ярмарок в год, а для лошадей и другого скота — две или три и т.д.

То обстоятельство, что границы способности благ к сбыту во времени бывают шире или уже и что внутри их одни товары можно сбыть по экономическим ценам в любой момент, а другие — только в известные моменты, отделенные более или менее продолжительными промежутками времени, и составляет четвертую причину различной способности товаров к сбыту.

Если, бросив взгляд на явления хозяйственной жизни, мы увидим картину необычайного разнообразия в способности отдельных товаров к сбыту, то нам не трудно будет свести это разнообразие к одной или нескольким из только что изложенных причин.

Кто обладает известным количеством хлеба, тот имеет в руках товар, который он может продать по ценам, соответствующим экономическому положению, если в этом месте есть биржа зерновых продуктов, так сказать, каждую минуту, или каждую неделю, если здесь только еженедельные базары; такой товар, по меткому выражению купцов, все равно, что «наличные деньги». Причины этому — большой круг лиц, нуждающихся в данном благе, широкие пространственные, временные и количественные границы способности его к сбыту, хорошая организация рынка и оживленная спекуляция.

Имеющий на складе сырье будет поставлен во многих отношениях в несколько менее благоприятное положение. Количественные границы способности к сбыту такого товара гораздо уже, рынки далеко не так хорошо организованы, как в хлебном деле, и в пространственном и временном отношении по большей части очень отдалены друг от друга, спекуляция здесь гораздо менее оживленная, чем с хлебом. Владелец пшеницы в состоянии будет почти во всяком случае продать ее, если только он понизит цену на несколько крейцеров против рыночной; с сырьем это не всегда возможно; здесь легко может случиться, что владелец в состоянии продать свой товар только с сравнительно большими потерями, а в известный момент и совсем не в состоянии будет сбыть его, будет вынужден несколько времени выжидать.

Наконец, сравним способность к сбыту зерна с способностью к сбыту таких предметов, как телескопы, пенковые изделия, комнатные растения в общем, да еще менее ходкие сорта их!

с. Способность товаров к обращению

Выше мы изложили общие и особенные причины различной способности товаров к сбыту, другими словами — мы показали, почему владелец может рассчитывать на большую или меньшую легкость сбыта

своего товара по экономическим ценам. Это должно бы решить также и вопрос о большей или меньшей легкости их циркулирования из рук в руки, так как всякое обращение товаров среди многих лиц составляется из отдельных переходов, и товар, легко могущий быть переданным своим владельцем другому хозяйствующему субъекту, должен, на первый взгляд, также легко перейти из вторых в третьи руки и т.д. Это предположение оправдывается, однако, в действительности не по отношению ко всем товарам, и задачей последующего изложения будет исследование особых оснований, обуславливающих то, что известные товары легко переходят из рук в руки, тогда как по отношению к другим товарам, даже обладающим большой способностью к сбыту, мы не наблюдаем подобного явления.

Некоторые товары имеют одинаковую почти способность к сбыту в руках всякого хозяйствующего индивида. Крупницы золота, найденные грязным седмиградским цыганом в песках реки Араньош, обладают в его руках такой же способностью к сбыту, как в руках владельца золотоносного рудника, если только он умеет найти надлежащий рынок для своего товара, и это золото может пройти через любое число рук, нисколько не теряя своей способности к сбыту. Наоборот, к предметам одежды, постельным принадлежностям, готовым кушаньям в руках вышеуказанного лица мы относились бы подозрительно, даже если бы оно не пользовалось ими, даже если бы с самого начала оно приобрело их путем обмена с исключительной целью дальнейшего сбыта; эти предметы почти потеряли бы способность к сбыту и во всяком случае в значительной степени обесценились бы. Товары такого рода могут обладать большой способностью к сбыту в руках соответствующих производителей или известных торговцев и совершенно или отчасти терять ее, если только существует подозрение, что они находились уже в употреблении или только были в грязных руках; они, поэтому, не годятся для перехода из рук в руки в экономическом обмене.

Для продажи некоторых товаров требуются особенные познания, искусства, связи, разрешения властей, привилегии и т.п.; поэтому их трудно сбыть, и они во всяком случае теряют в своей ценности для хозяйствующего субъекта, по отношению к которому вышеупомянутые условия не осуществлены. Товары, предназначенные для торговли с Индией или Южной Америкой, аптекарские товары, предметы монополии и т.д. могут обладать большой способностью к сбыту в руках известных лиц и, напротив, в руках других теряют большую часть этой способности, и потому так же мало, как и вышеназванные, годны для перехода из рук в руки.

Даже блага, которые нужно прежде специально приспособить к потребностям потребителей, чтобы они вообще оказались годными для употребления, не обладают в одинаковой мере способностью к сбыту в руках всякого владельца. Башмаки, шляпы и т.п. предметы, какой бы они ни были величины, имеют всегда известную способность к сбыту в руках торговца обувью и шляпочника, мастерская или лавка которых служит для большого круга потребителей, между прочим еще в особенности и потому, что такие торговцы обладают обыкновенно средствами для приспособления своих товаров к специальным потребностям покупателей. В руках всякого другого лица эти товары можно сбыть только с трудом, и почти всегда с значительными потерями. И такие товары не годятся для того, чтобы переходить из рук в руки.

Нелегко переходят также из рук в руки блага, цена которых мало известна или подвержена сильным колебаниям. Приобретшему эти товары угрожает опасность «переплатить» за них и понести убыток от того, что цена на них упадет, прежде чем он успеет их снова обменять. «Партия хлеба» на хлебной бирже, или партия ходких ценных бумаг на денежной — легко может в течение нескольких часов десять раз перейти из рук в руки; тогда как имения или фабрики, ценность которых можно определить только после точного исследования всех обстоятельств, совсем не приспособлены к такому быстрому обращению. Даже лица, стоящие вне биржи, охотно принимают в счет платежей ценные бумаги, мало изменяющиеся в цене; напротив, товары, цена которых сильно колеблется, могут циркулировать свободно не иначе, как «ниже своей цены», потому что все лица, опасющиеся спекуляции, хотят гарантировать себя от потери. Поэтому и товары, цена которых неопределенна и сильно колеблется, не годны для перехода из рук в руки.

Ясно, наконец, что отдельные моменты, ограничивающие способность товаров к сбыту, имеют особенно важное значение, когда дело идет о переходе товаров из рук в руки, из одного места в другое, из одного момента времени в другой. Товары, способность которых к сбыту ограничена узким кругом лиц, область сбыта которых невелика, которые могут сохраняться в течение короткого времени, товары, хранение которых связано с значительными экономическими жертвами, товары, которые можно доставить в каждый данный момент на рынок только в строго определенном количестве, цены на которые плохо регулируются и т.д., могут обладать известной степенью способности к сбыту в пределах более или менее широких, — но они никогда не станут способными к обращению.

Таким образом, способность товаров к обращению представляется нам, как способность их к сбыту, в руках какого бы хозяйствующего субъекта они ни находились, и притом, как способность к сбыту, обусловленная всеми четырьмя, а не каким-либо одним условием высокой сбытоспособности товара.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

УЧЕНИЕ О ДЕНЬГАХ

§ 1. О сущности и происхождении денег⁸⁰

В зачаточный период обмена между людьми, когда понимание экономической пользы, которую можно извлечь из представляющихся случаев меновых операций, только постепенно развивается у хозяйствующих людей, когда их стремления, как и следует ожидать при несложности всякой культуры, направлены прежде всего на ближайшее, и каждый, поэтому, имеет в виду только потребительную ценность благ, получаемых им в обмене, — в это время меновые операции, естественно, ограничиваются такими случаями, когда блага имеют для своих владельцев — хозяйствующих субъектов меньшую *потребительную ценность*, чем другие блага, находящиеся в распоряжении других субъектов, тогда как у последних отношение оценок этих же благ — обратное. А обладает мечом, представляющим для него меньшую потребительную ценность, чем плуг В; наоборот, для В этот плуг имеет меньшую потребительную ценность, чем меч А; только подобными случаями и ограничиваются при вышеуказанных отношениях фактически осуществляющиеся меновые операции.

Нетрудно видеть, что при таких отношениях число осуществляемых меновых операций может быть только строго ограниченным. Редко бывает, действительно, такого рода совпадение, чтобы благо, нахо-

⁸⁰ *Mommsen*. Geschichte des Röm. Münzwesens. Введение и с. 169 и сл.; и *Carnap*, Zur Geschichte der Münzwissenschaft und der Werthzeichen, Tübing. Ztschrift, 1860. С. 348 и сл.; *Kenner*, die Anfänge des Geldwesens in Alterthum, Wiener Akad. Schriften, philos. hist. Stction, 1863. С. 382 и сл.; *Roscher*, System, I, § 16; *B.Hildebrandt* в своих Jahrbücher, II. С. 5, 1864; *Scheel*, Der Begriff des Geldes in seiner histor. Entwicklung. Там же, VI. С. 12 и сл.; *Bernardaris*, De l'origine des monnaies et de leurs noms, Journ. des Econom., 1870, XVIII. С. 209.

дящееся в распоряжении одного лица, представляло для него меньшую потребительную ценность, чем другое, принадлежащее другому субъекту благо, и в то же время, чтобы для последнего лица отношение оценок было обратным; еще случается реже, что при наличии такого отношения эти два индивида фактически встречаются друг с другом. А имеет сети, которые он охотно обменял бы на известное количество конопли. Но чтобы этот обмен действительно осуществился, требуется не только, чтобы был какой-нибудь другой хозяйствующий индивид В, готовый отдать за сети А количество конопли, совпадающее с желаниями последнего; необходимо еще одно условие, — чтобы А и В встретили друг друга. Земледелец С обладает лошадью, которую он охотно променял бы на некоторое число земледельческих орудий и предметов одежды. Как мало вероятно, чтобы он нашел другое лицо, которое, нуждаясь в его лошади, в то же время было бы в состоянии и желало предложить ему в обмен за его лошадь все требуемые им орудия и предметы одежды.

Это затруднение оказалось бы непреодолимым и создало бы тяжелые препятствия для разделения труда и производства благ на неизвестного покупателя, если бы в самой природе вещей не существовало средства, которое само по себе и без всякого особенного соглашения или государственного принуждения приводит хозяйствующих людей повсюду и неизбежно к такому состоянию, которое совершенно устраняет указанное выше затруднение.

Непосредственное покрытие надобности в благах составляет конечную цель всей хозяйственной деятельности людей. Понятно, что и в своих меновых операциях они преследуют ее же, они обменивают свои товары на блага, представляющие для них потребительную ценность, и это стремление существует одинаково на всех ступенях культуры и экономически совершенно правильно. Но хозяйствующие индивиды, конечно, поступят совсем неэкономически, если пренебрегут хотя бы приближением к конечной цели, когда достигнуть ее *немедленно и непосредственно* невозможно.

Кузнец гомеровского времени приготовил два медных вооружения и думает их обменять на медь, топливо и предметы пропитания. Он отправляется на рынок, предлагает свои товары в обмен на названные блага и, конечно, очень рад, когда находит там лиц, желающих приобрести эти вооружения и в то же время дающих ему все необходимые для него сырые материалы и жизненные припасы. Но ясно, что следовало бы считать особенно счастливой случайностью, если бы он нашел среди небольшого в то время числа лиц, желающих обменять благо, обладающее такой сравнительно малой способностью к сбыту, как воору-

жения, как раз такого субъекта, который предлагал бы ему взамен все необходимые для него предметы. Ему пришлось бы, следовательно, отказаться от меновой операции, или по крайней мере осуществить ее с значительной потерей времени, если бы он поступал так неэкономически, что хотел бы получить в акте мены непременно необходимые для него потребительные блага и отказывался бы от других благ, сохраняющих для него точно так же характер товаров, но *отличающихся большей способностью к сбыту, чем его собственные*, товаров, обладание которыми, следовательно, немало облегчит ему отыскание лиц, владеющих именно теми благами, в которых он нуждается. В то время, о котором мы здесь говорили, скот является, как мы увидим ниже, товаром с наибольшей способностью к сбыту. Кузнец поступил бы, поэтому, скажем мы, весьма неэкономически, если бы не отдал своих вооружений за известное число голов скота, хотя бы он обладал вполне достаточным для его непосредственных потребностей количеством последнего. Правда, он получает, таким образом, за свои товары не потребительные блага (в тесном смысле этого слова, противопоставляющемся понятию «товара»), но только такие, которые сохраняют для него по-прежнему свой характер товара; но эти блага отличаются большей способностью к сбыту, и понятно, что обладание ими увеличивает для него в несколько раз вероятность отыскать на рынке лиц, предлагающих взамен требуемые им потребительные блага. Естественно, что наш кузнец, при надлежащем понимании своего индивидуального интереса, без принуждения, без специального соглашения придет к тому, что отдаст свои вооружения в обмен за соответствующее число голов скота и обратится с приобретенными таким образом и обладающими большей способностью к сбыту товарами к тем хозяйствующим индивидам на рынке, которые предлагают медь, топливо и жизненные припасы; теперь, понятно, вероятность достижения им своей *конечной цели*, приобретения путем обмена необходимых для него потребительных благ, значительно увеличится, и во всяком случае эта цель будет осуществлена гораздо скорее и более экономически.

Итак, экономический интерес *отдельных* хозяйствующих индивидов приводит, по мере развития понимания ими этого интереса, *без всякого соглашения, без законодательного принуждения, без всяких даже соображений об общественном интересе* к тому, что индивиды отдают свои товары в обмен на другие, обладающие большей способностью к сбыту, несмотря на то, что для непосредственных целей потребления они в них не нуждаются. Так возникает, под мощным влиянием *привычки*, то наблюдаемое всюду при росте экономической культуры явление, что известное число благ и именно те, которые обладают в смысле времени и

места, наибольшей способностью к сбыту, принимаются в обмене каждым, и поэтому могут быть обменены на всякий другой товар. Такие блага предки наши называли Geld — деньгами от слова «gelten», «исполнять», «платить», почему «Geld», на немецком языке, означает платежное средство вообще⁸¹.

Какое большое влияние оказывает на возникновение денег привычка⁸², видно непосредственно из рассмотрения только что изложенного процесса, путем которого определенные блага становятся деньгами. Обмен товаров, обладающих меньшей способностью к сбыту,

⁸¹ В старонемецком языке в смысле нашего «geld» употребляется слово «scaz», в готском «skatts», но *Ulfilas* переводит слово ἀργύριον (Ев. от Марка 14, 11, где оно употреблено в смысле денег вообще) словом «faihu» (Vieh, Geld). Старое верхненемецкое «gelt» значит «Vergeltung», «Abgabe», «Lösung»; в одной библейской глоссе X столетия отвечает латинскому «aes». На старом нижненемецком оно, наоборот, употребляется уже в смысле современного нашего «Geld». На верхненемецком средневековом языке «gelt» обозначает обыкновенно «платеж» (в смысле акта и объекта его) «имущество», «доходы», но употребляется не раз уже и в нынешнем значении «Geld». Например, в «Martina» Hugo von Langenstein'a (Base Handschrift, 215), «ze gelde keren» (обратить в деньги), у Peter Suchevirts, edit. Premisser, 31, 104 и т.д. (см. *Graff*, Althochdeutscher Sprachschatz, IV, 191; *Müller-Benecke*, Mittelhochdeutscher Wörterb., I, 522; *Diefenbach*, Vergleichen der Wörterbuch d. goth. Sprache, II, 403, 1851). Не безынтересно, как обозначают деньги другие народы. *Греки*, *евреи* и отчасти *римляне* называли деньги словом «серебро» (ἀργύριον, keseph, argentum), как и сейчас еще *французы* (argent); *англичане*, *испанцы*, *португальцы*, как и отчасти *евреи*, *греки* и *французы*, словом «монета» (money, monéda, moeda, maoth, νόμισμα monnaie). *Итальянцы* и *русские* говорят о монетах (динарии), когда хотят назвать деньги вообще (danago, деньги), такое же выражение существует и у *испанцев* и *португальцев*. *Поляки*, *богемцы* и *словаки* называют деньги пфеннигами (= монетами): pienadze, penize, penize, точно так же, как и *кроаты*, *далматинцы* и *босняки*. *Датчане*, *шведы* и *мадьяры* тоже говорят о монетах (пфеннигах), когда хотят обозначить деньги (penge, penningar, penz). Так же поступает и *араб*, потому что его выражение для денег «fulus» обозначает «монеты». На языке Bari (живущих в верховьях Нила) слово «naglia», бусы, значит в то же время «деньги» (Fr. Müller в Wien. Acad. Schriften, phil. hist. Sect. B. 45. C. 117), а *нубийцы* называют металлические деньги — schangir = «раковины с надписью» (каури, снабженные надписью) — (чеканка).

⁸² Привычка, как фактор в процессе возникновения денег, упоминается *Condillac*'ом (Le commerce et le gouvernement, 1776. Part. I. Ch. 14; *Le Trosne*'ом (De l'intérêt social, 1777. Ch. III).

на товары с большей способностью к сбыту, вызывается экономическими интересами всякого *отдельного* хозяйствующего индивида, но фактическое заключение таких меновых операций предполагает понимание этого интереса со стороны хозяйствующих субъектов, соглашающихся принять в обмен за свой товар благо, само по себе для них, быть может, совершенно бесполезное, только ради большей его способности к сбыту. Никогда сразу все члены народа не приходят в одно и то же время к этому пониманию. Наоборот, сначала только часть хозяйствующих субъектов начинает понимать преимущество, достигаемое тем, что они во всех случаях, где непосредственный обмен их товаров на потребительные блага невозможен или очень сомнителен, согласятся принять в акте мены другие товары, обладающие большей способностью к сбыту, преимущество, *само по себе совершенно независимое от общего признания какого-нибудь товара деньгами*, так как подобный обмен всегда и при всех обстоятельствах сильно приближает отдельного хозяйствующего индивида к его конечной цели, к приобретению нужных ему потребительных благ. Но так как нет лучшего средства просветить людей насчет их экономических интересов, как дать им возможность на примере видеть успех тех, кто для осуществления своих интересов прибегает к правильным средствам, то станет понятным, что ничто так не способствовало возникновению денег, как именно то обстоятельство, что наиболее предусмотрительные и дельные хозяйствующие субъекты практиковали в целях собственной экономической пользы в течение долгого времени прием товаров, обладающих наибольшей способностью к сбыту, в обмен за все другие товары. Таким образом, практика и привычка немало способствовали тому, что наиболее в данное время способные к сбыту товары стали приниматься в обмен за все другие товары не только многими, но и всеми хозяйствующими индивидами⁸³.

⁸³ Объяснением того своеобразного явления, что с развитием культуры некоторые блага, именно золото и серебро в форме монет, охотно принимаются в обмен на другие товары всеми, даже и такими лицами, которые не имеют непосредственной потребности в подобного рода благах, или обладают ими в достаточной степени, объяснением этого явления занимались уже великие мыслители древности, и вплоть до наших дней длинный ряд исследователей занимался этой проблемой больше, чем каким-либо другим вопросом нашей науки. Что благо отдается владельцем в обмен на более для него полезное, это понятно даже простому человеку; но чтобы каждый хозяйствующий субъект охотно соглашался обменять свои товары на маленькие кусочки металла, которыми обыкновенно только немногие могут воспользоваться непосред-

Нельзя отрицать того, что известное, хотя и меньшее, влияние оказывает внутри государственных границ и правопорядок. Но происхождение денег (их следует отличать от их вида — металлических денег), как мы видели, совершенно, так сказать, естественное, и поэтому

ственно, такое явление настолько противоречит обычному ходу вещей, что не удивительно, если оно казалось «таинственным» даже такому замечательному мыслителю, как *Савиньи* (*Obligat.*, II, 406). Задача науки состоит здесь в объяснении *общего* поведения людей, мотивы которого неясны, и, конечно, естественнее всего было, в особенности ввиду монетной формы денег, свести его на соглашение людей, или на выражение общей воли — закон. Такого объяснения придерживаются *Платон* и *Аристотель*. Первый называет (*de ger.* II, 12) деньги «условным меновым знаком», а *Аристотель* говорит в часто цитируемом месте (*Eth. Nic.*, V, 8), что деньги возникли путем соглашения, не из природы вещей, а путем закона. Еще яснее выражает он это мнение в другом месте (*Pol.*, I, 6). «Люди, — говорит он, — условились давать и принимать за каждый товар нечто, как эквивалент», и отсюда появление денег. Римский юрист *Павел*, взгляды которого на происхождение денег сохранились для нас в Юстиниановском законодательном сборнике (*I. 1, D. de contr. emt.*, 18, 1) решает этот вопрос так же, как и греческие философы. Он указывает на затруднения исключительно меновой торговли и полагает, что они были устранены публичным институтом — деньгами. «Было выбрано *вещество*, *общественная* оценка которого, освободив его от колебаний, присущих другим товарам, сообщила ему постоянную внешнюю (номинальную) ценность; это вещество было снабжено со стороны общества знаком (его внешней ценности), и употребление и меновая сила его основываются не столько на его субстанции, сколько на номинальной ценности. Таким образом, и Павел сводит происхождение денег к общественному авторитету. Рядом с этим, однако, проявляется уже и в древности стремление свести особое положение, занимаемое благородными металлами среди прочих товаров, на их специальные свойства. *Аристотель* указывает (*Polit.*, I, 6) на легкость их хранения и перевозки, а в другом месте (*Eth. Nic.*, V, 6) на сравнительно большую устойчивость цен. *Ксенофонт* же (*de vectigal Athen.*, 4) отмечает даже широкие количественные границы способности их к сбыту, в особенности серебра. Если, аргументирует он, на рынок будут доставлены продукты медника, кузнеца, даже вино и хлеб в очень больших размерах, то они сильно упадут в цене, тогда как серебро и золото (последнее не в такой степени) постоянно находят выгодный сбыт. На сохраняемость и прочность благородных металлов, в особенности золота, обращал внимание уже *Плиний* (*Hist. nat.* 33. C. 19, 31).

Необыкновенно богатая литература Средних веков и XVI столетия по вопросу о монетах и мерах тщательно собрана в «*Bibliotheca nummaria*» *Phillip'a*

только в очень редких случаях можно свести его на законодательные влияния. Деньги не установлены государством, они — не продукт законодательного акта, и санкционирование их государственной властью вообще чуждо, поэтому, понятию денег. Функционирование определен-

Labbe (ed Reichenberg., 1692). «Collectio Budeliana» (1591), *Marquardus Freyer*, *De remonetaria* (1605) (здесь трактаты *Oresmius*'а и *Gabr. Byel*'а) содержат много замечательных сочинений своего времени. *Roscher* в *System I*, § 116, 5 отметил некоторые важнейшие из них с усердием тщательного исследователя. Они занимаются большей частью практическими вопросами монетного дела, в особенности вопросом о содержании и границах права государей изменять монету и об имущественно-правовых последствиях таких изменений, вопросом, ставшим очень важным ввиду постоянных злоупотреблений правительств в этом отношении. При этом некоторые не упускают повода исследовать вопрос о происхождении денег, решая его на основании попыток древности, с неперменной ссылкой на Аристотеля. Так это у *Nic. Oresmius* († 1383), *Tractat. de orig. et jure etc.* ed. Treyer. C. 2, append.; *Gabr. Byel* († 1495), *Tract. de monetis*, ed. Treyer. C. 33; *Carol Molinaeus*, *Tract. de mutatione monetarum* (1555), ed. Budeliana. C. 485; *Didacus Couarouvia*, *Veter. numm. collat.* (около 1560), ed. Bud. C. 648; *Malestroit*, *Paradoxa* (1566), там же. C. 747; *I. Menochius*, *Consilia*, там же, стр. 705; *R. Budelius*, *De monetis et re nummaria* (1591), стр. 10. Ход исследования почти у всех писателей этих таков: сначала они излагают затруднения, в которые ставит оборот исключительно натуральная меновая торговля, затем указывают на возможность устранения их путем введения денег, далее они в своем изложении упоминают об особенной приспособленности благородных металлов для служения этой цели, и, наконец, приходят, с ссылкой на Аристотеля, к заключению, что последние действительно стали деньгами путем общественного установления («pecunia instrumentum artificialiter adinventum»⁹, говорит *Oresmius*. C. 2, указ. соч.; «vel ex sui natura vel ex hominum instituto»¹⁰, говорит *G. Byel*. C. 33, указ. соч.; «inventio et institutio monetae est de jure gentium»¹¹, *Molinaeus*. C. 486, указ. соч.). Заслуги некоторых из этих писателей велики, так как они выступили против злоупотреблений государей в области монетного дела, но в вопросе о происхождении денег они не пошли дальше взглядов древних. Старые итальянские и английские писатели не представляют исключений в данном случае. *Davanzati*, *Lezioni sulle monete* (1588) следует еще строго Аристотелю и Павлу, и сводит происхождение денег (C. 24, ed Cust.) к государственному авторитету («per legge accordata»), точно также и у *Montanari* († 1687) (*Della moneta*, cap. I. C. 17, 32 и cap. VII. C. 118, ed. Cust.) и *Roberis*, широко распространенная энциклопедия торговли которого (*Merchants map. of commerce*, 1638) лучше, чем всякое другое сочинение XVII столетия, отражает современные ему

ных товаров в роли денег образовалось естественно на почве экономических отношений, без государственного вмешательства.

Но когда какое-нибудь благо, в согласии с потребностями оборота, получает со стороны государства санкцию в качестве денег, то это ведет к тому, что не только всякий платеж государству, но и все остальные платежи, относительно которых в конкретном случае не указан другой платежный товар, следовательно, и всякий платеж, выступающий, как

народнохозяйственные взгляды Англии, указывает (С. 15 изд. 1700) на такой же источник происхождения денег.

Среди финансистов-писателей 1-й половины XVIII века выделяется *Law* своими исследованиями о происхождении денег. Еще *Boizard* сводит его к общественному авторитету, и *Vauban* (*Dîme royale*, 1707. С. 51, ed. Daire), как и *Boisguillebert* († 1714, *Dissertation sur la nature des richesses*, chap. II), ограничивается лишь указанием на необходимость денег как средства облегчения торгового оборота. *Law* (*Consideration sur le numéraire*, 1720, chap. I, сначала *Trade and money*, 1705 и *Memoire sur l'usage des monnaies*, 1720. P. I) напротив, решительно отбрасывает теорию соглашения, решается, как никто до него, генетически обосновать особое положение благородных металлов среди других товаров и их характер денег особыми свойствами их, и становится, таким образом, основателем правильной теории происхождения денег. Ему следуют *Genovesi* (*Lezioni*, part II. С. 2, 4, 1769) и *Turgot* (*sur la formation et distribution des richesses*, 1771, § 42–45) в борьбе с теорией, сводящей происхождение денег на соглашение людей, а *Beccaria* (*Economia publica*. P. IV. С. II, § 7–8), *Verri* (*Della economia politica*, § 2 и *Riflessioni sulle leggi*. P. I. С. 21, ed. Custodi), *Turgot* (указ. соч. и *Lettre sur le papiermonnaie*. С. 97, ed. Daire), *A. Smith* (*Wealth of Nations*. B. I. Chap. IV, 1776) и *Büsch* (*Geldumlauf*, II. B. VI) снова повторяют попытку *Law* генетически объяснить характер благородных металлов, как денег, из особой природы этих товаров, и проводят этот взгляд отчасти очень удачно. К ним примыкают из новых писателей: *Malthus* (*Principl. of P. E.* Chap. II. Sect. I); *Mac Culloch* (*Principl. of P. E.* P. I. Ch. 24); *J. St. Mill* (*Principl. of P. E.* B. III. Chap. VII); *Gioia* (*Nuovo prospetto*, 1815, I. С. 118 и сл.); *Baudrillard* (*Manuel*. Part. III. Chap. III, 1, 1863); *Garnier* (*Traité*. Chap. XVII, 1868) и из немецких экономистов: *Ch. I. Kraus* (*Staatsw.* B. I. С. 61 и сл. ed. 1808); *Sueder* (*National-Industrie*, 1800, I. С. 48 и сл.). В общем, в первые десятилетия XIX столетия немецкие экономисты не проявляют склонности к историческим исследованиям, и интерес к нашему вопросу почти совершенно отсутствует у писателей, как *Oberndorfer*, *Pöhlitz*, *Lotz*, *Zachariae*, *Hermann*, пока проблемой происхождения денег снова не начинают заниматься с пробуждением исторических исследований в области нашей науки *Rau*, *Eiselen*, *Roscher*, *Hildebrandt*,

вспомогательное средство, вместо первоначально установленного в определенной форме и почему-либо в ней не осуществившегося, могут быть потребованы и произведены с правовым эффектом только при помощи этого блага; государство сообщает ему характер универсального заместителя при платежах, обстоятельство, которое не создает из этого блага впервые денег, но значительно усиливает присущий уже ему характер таковых⁸⁴.

Knies, а еще раньше *Murchardt*. — Мало способствовали уяснению вопроса появившиеся до сих пор монографии. *Ad. Müller* (*Theorie des Geldes*, 1816) констатирует стремление людей к государству и полагает, что деньги способствуют такому общению (С. 156) — это и есть решение проблемы происхождения денег; *Hoffmann* сводит (*Lehre vom Gelde*, 1838. С. 10) снова происхождение последних к соглашению людей, как и *Mich. Chevalier* (*La monnaie. Cours III*. С. 3, 1850). Большой интерес для нашего вопроса представляет монография *Oppenheim*'а (*Die Natur des Geldes*, 1855), хотя он полагает, что главное значение здесь не в объяснении первоначального происхождения денег (С. 4 и сл.), а в изображении процесса, путем которого *товары*, ставшие меновым посредником, теряют свой первоначальный характер, обращаясь в конце концов в простой знак ценности. Если мы и должны решительно разойтись с последним мнением, то все же в основе его лежит ясно выступающая из изложения *Oppenheim*'а мысль, или скорее наблюдение, которое объясняет, почему мы встречаемся с подобным заблуждением в сочинениях многих выдающихся экономистов. Я имею в виду тот факт, что сознание хозяйствующих людей нередко упускает из внимания, вследствие нашего удобного механизма оборота, характер денег как полезного металла, и, как дальнейший результат этого, замечается только его характер как менового посредника. Сила привычки, таким образом, обеспечивает деньгам покупательную силу даже и там, где на характер их, как полезных металлов, непосредственно не обращается внимания. Это наблюдение совершенно правильно. Но ясно, что покупательная сила денег исчезла бы тотчас с лежащей в ее основании привычкой, если бы они по какому-либо поводу лишились своего характера полезных металлов. Можно, поэтому, допустить, что при высокоразвитом обороте деньги представляются многим хозяйствующим субъектам исключительно как *знак*. Но несомненно, что это легко объясняемое заблуждение тотчас исчезло бы, как только монеты потеряли бы свой характер определенного количества полезного металла.

⁸⁴ Ср. *Stein*, *Lehrbuch der Volksw.*, 1858. С. 55, в особенности *Knies*, *Tübing. Ztschr.*, 1858. С. 266 и *Mommsen*, *Geschichte des Röm. Münzwesens*, 1860, Einleit., VII и VIII.

§ 2. Особые для каждого народа и эпохи деньги

Деньги не представляют собой ни продукта соглашения всех хозяйствующих людей, ни результата законодательного акта. Деньги — не изобретение народов. Отдельные хозяйствующие индивиды в народе везде приходили с развитием экономической предусмотрительности к пониманию того, что обмен товаров с меньшей способностью к сбыту на товары, обладающие большей способностью к сбыту, окажет им большую помощь в достижении их специальных экономических целей, — и так с прогрессом народного хозяйства возникали деньги в многочисленных, независимых друг от друга культурных центрах. Но именно потому, что деньги — естественный продукт человеческого хозяйства, специальная форма явления их была всюду и всегда результатом особенного, изменчивого экономического положения, и у одного и того же народа в разное время и у различных народов в одно и то же время различные блага приобретали то особое значение в обороте, на которое мы указали выше.

В ранние периоды хозяйственного развития большинства народов Старого света товаром, обладавшим наибольшей способностью к сбыту, стал скот. У кочевых и всех народов, переходящих от кочевого состояния к земледельческому хозяйству, главную часть состояния отдельных лиц составляют домашние полезные животные, их способность к сбыту простирается на всех хозяйствующих субъектов и определяется ввиду отсутствия искусственных путей сообщения и того обстоятельства, что скот сам себя транспортирует (в ранние периоды культуры почти без издержек), более широкими пространственными границами, чем у большинства других товаров. Скот представляет собой товар с достаточной способностью сохраняться, издержки на его содержание всюду, где много лугов и где он содержится не в особых помещениях, чрезвычайно малы, и на той степени культуры, когда каждый стремится обладать как можно большими стадами, вряд ли мыслимо переполнение им рынка, так что все благоприятствует его способности к сбыту и в временном, и в количественном отношении. В период, о котором мы здесь говорим, нет другого товара, по отношению к которому так совпали бы условия широкой способности к сбыту. Если мы прибавим ко всему этому, что при таких обстоятельствах, несомненно, обмен полезных животных был развит больше, чем торговля другими товарами, то, конечно, скот представится нам как товар, обладающий большей способностью к сбыту, чем все остальные, как естественные деньги⁸⁵ народов Старого света.

⁸⁵ В большинстве языков отразилась связь представлений о деньгах и о скоте. На старом нижненемецком слово «naut» обозначает теленка и деньги,

В торговле самого просвещенного народа древности *эфеков*, культурное развитие которого мы можем точно проследить, даже в гомеровское время нет никаких следов наших современных металлических денег. Торговля тогда была преимущественно меновой, стада составляли богатство людей, платежи производились скотом, им выражались цены товаров и взимались штрафы. Еще Дракон назначает штрафы скотом, и только Солон ввиду того, что они отжили свое время, переводит их на металлические деньги, приравнивая овцу — драхме, теленка — пяти драхмам. Еще яснее следы денег в виде скота у древних *италиков*, народов-скотоводов. До сравнительно позднего периода овца и телята служат у римлян в качестве орудия мены. Древнейшие установленные законом штрафы выражаются в скоте (в овцах и телятах) еще в *les Aternia Tarpeia* 454 г. Штрафы положены скотом и только 24 года спустя

на языке фризов слово «sket» — скот и деньги. Готское «*faihu*», англосакское — «*féoh*», нортумберландское «*feh*» и соответствующие выражения во всех остальных германских наречиях употребляются в значении скота, состояния, денег и т.п. (*Wackernagel*, в *Haupt's Zeitschrift*, IX. С. 549. Note 101; *Diefenbach*, *Vergleichendes Wörterbuch der gothischen Sprache*, I. С. 350 и сл., 2, 757; см. также интересное примечание у *Trench*: *A select glossary of english words*. С. 30). В *lex Fris*, add. 11 сказано: «*Equam vel quamlibet pecuniam*»¹²; в *gl. Cassel*. F. 10 — *pecunia fihu*. Древнеславянское «*skotum*» = *Vieh* обозначает в литовском, в уменьшительной форме «*skatikas*» или «*skatiks*», то же, что и деньги (*Nesselmann*, *Litauisches Wörterbuch*). На происхождение латинских слов «*pecunia*, *peculium*» от «*pecus*» (скот) указывали уже много раз, равно как и на предание, упоминаемое *Pollux*'ом, согласно которому древнейшие деньги афинян назывались «*βοῦ*», название, сохранившееся в поговорке «*βοῦ ἐπὶ γλώττῃ*». Известны также выражения: *Dekaboion*, *Tesseraboion*, *Hekatomboion* как обозначение денежных сумм. Взгляд, по которому эти названия объясняются не тем, что в древности скот исполнял функцию денег, а тем, что он изображался тогда на металлических деньгах, можно найти уже у *Pollux*'а и *Plutarch*'а, а теперь его разделяют *Beulé* и многие другие. Но мне представляется более правильным мнение, которое находит, что при постепенном переходе от привычной оценки в скоте к оценке в металле, ценность головы скота, выраженная в металле, образовала наименование новых оценок, и отсюда — выражения, обозначавшие количества голов скота, были перенесены на монеты и денежные суммы. В арабском языке понятия «скот» и «деньги» тоже родственны, за что говорит то обстоятельство, что слово «*mâl*», в единственном числе значащее «владение, скот», во множественном — употребляется в смысле (*amwal*) имущества и денег (*Freytag*, *Arab. Lexik.*, IV, 221, *Maninsky*. С. 4225).

переведены на металлические деньги⁸⁶. Богатство отождествлялось с обладанием многочисленными стадами у наших предков, древних *германцев*, в то время, когда, по свидетельству Тацита, они одинаково высоко ценили глиняную и серебряную посуду. Как и у греков гомеровского времени, на первом плане стоит натуральный обмен, но рядом с этим уже в качестве орудий мены употребляются головы скота, в особенности лошади (часто оружие). Скот — это имущество, которое они предпочитают всякому другому; в скоте и оружии, как позже в металлических деньгах, выражаются судебные штрафы⁸⁷. Еще Оттон Великий назначает штрафы скотом. У *арабов* еще во времена Магомета деньгами служил скот⁸⁸, а у народов, признававших священные книги Зороастра, Зенд-Авесту, другие формы денег вытеснили скот после того, как соседние народы уже давно перешли к металлическим деньгам⁸⁹. Надо полагать, что в доисторическое время у евреев⁹⁰, жителей Малой Азии и Месопотамии скот был в употреблении в качестве денег; но доказательств этому не сохранилось. Все эти народы выступают в истории на такой ступени культуры, когда время скота в роли денег остается уже позади, если только вообще можно заключить о таком состоянии по аналогии с позднейшим развитием и по тому обстоятельству, что уплата большого вознаграждения металлом и металлическими изделиями идет вразрез с простотой ранних периодов культуры⁹¹.

Развитие культуры, в особенности разделение занятий и естественное следствие этого — образование городов с населением, занимающимся по преимуществу индустрией, должны в совокупности повести к тому, что способность скота к сбыту падает в такой же пропорции, в какой она увеличивается у полезных металлов. Ремесленник, вступающий в обмен с земледельцем, в состоянии принять в качестве денег скот, конечно, только в виде исключения, и во всяком случае временное обладание скотом не только обременительно для городского

⁸⁶ Böckh, Metrologische Unters., 1838. С. 385 и сл., С. 420 и сл.; Mommsen, Geschichte des Römischen Münzwesens, 1860. С. 169; F. Hultsch, Griechische und Römische Metrologie, 1862. С. 124 и сл., 188 и сл.

⁸⁷ Wachernagel, Gewerbe, Handel und Schiffahrt der alten Germanen, в Haupt's Zeitschrift, IX, 548; Grimm, Deutsche Rechtsalterthümer. С. 586 и сл.; Soetbeer, Beiträge zur Geschichte des Geld- und Münzwesens in den Forschungen zur deutschen Geschichte. I, 215.

⁸⁸ Sprenger, Leben Mohamed's, III. С. 139.

⁸⁹ Spiegel, Avesta (deutsche Bearbeitung), I. С. 94 и сл.

⁹⁰ Levy, Geschichte der jüdischen Münzen. С. 7.

⁹¹ Cp. Roscher. System, I, § 118. Not. 5.

жителя, но и связано вместе с тем с значительными экономическими жертвами. Даже для сельского хозяина сохранение и забота о скоте не составляет сколько-нибудь значительной экономической жертвы только до тех пор, пока в его распоряжении сколько угодно лугов и не исчезло обыкновение держать домашних животных на воле. Границы способности скота к сбыту суживаются, поэтому, по мере культурного развития как по отношению к кругу лиц, так и по отношению к времени, в течение которого можно сбыть его экономически, а в смысле пространственном и количественном способность скота к сбыту уступает все больше и больше подобной же способности других благ. Скот перестает быть, таким образом, товаром, обладающим наибольшей способностью к сбыту, перестает быть *экономическими* деньгами и вместе с этим, в конце концов, и деньгами вообще.

Все культурные народы, у которых раньше скот обладал характером денег, с переходом из пастушеского и исключительно земледельческого хозяйства к таковому же хозяйству с ремеслами, обратились вместо скота к полезным металлам и главным образом к тем из них, которые ранее других начинают подвергаться обработке благодаря сравнительной легкости добывания и ковкости, к меди, серебру, золоту, в отдельных случаях также к железу; этот переход совершился, как только необходимость его стала настоящей, тем легче, что рядом со скотом повсюду, без сомнения, фигурировали в роли денег уже прежде при небольших платежах и металлическая утварь и металл в слитках.

Медь раньше других металлов послужила материалом, из которого земледelec приготавливал свои плуги, воин — свое оружие, ремесленник — свои инструменты, а для посуды и украшения всякого рода употребляли сначала медь, серебро и золото. В этом периоде, когда перешли исключительно к металлическим деньгам, благами общего потребления были, таким образом, медь и, быть может, еще некоторые композиции из этого металла, а серебро и золото являлось главным средством удовлетворения самой общей страсти людей, стоящих на низкой ступени культуры, стремления выделиться как-нибудь внешним образом из среды своих сородичей. Если мы прибавим к этому, что эти металлы сперва, при меньшей распространенности их употребления, в виде изделий, а потом, при неограниченной применимости и делимости, в сыром виде не встречали ограничений в своей способности к сбыту ни в узком круге хозяйствующих лиц, ни в узких пространственных пределах (так как их потребляли одинаково все народы и издержки на перевозку были относительно невелики), ни в узких временных пределах (так как они хорошо сохранялись) и что, благодаря всеобщей конкуренции, какое угодно количество их могло быть

продано по экономическим ценам скорее, чем другой товар (С. 253), то мы получим картину экономического положения, при котором три вышеупомянутых металла, как блага, обладающие наибольшей способностью к сбыту, сделались исключительными орудиями мены периода, следующего за состоянием пастушеского и чисто земледельческого хозяйства.

Этот переход, конечно, произошел не мгновенно и не у всех народов одинаково. В роли денег наряду с новыми орудиями-металлами еще долго употреблялся скот, прежде чем металлы вытеснили его окончательно, и ценность головы скота, выраженная в металле, ставшем деньгами, удержалась в качестве единицы меры и позже, когда металл совершенно овладел оборотом. Так объясняются *Dekaboion*, *Tesseraboion*, *Nekatomboion* греков и металлические деньги римлян и галлов; изображение скота на монетах было символом такой переоценки⁹².

Были ли медь и бронза, как важнейшие из полезных металлов, древнейшим орудием мены и выступили ли только позже в этой роли благородные металлы, по меньшей мере неизвестно. На востоке Азии, в Китае, и, вероятно, в Индии, выработалась во всяком случае полная система медных денег, нечто подобное было и в средней Италии. Наоборот, в древних очагах культуры, в области Тигра и Евфрата, не нашли никаких следов прежнего состояния медной денежной системы, а в передней Азии, Египте, Греции, Сицилии и нижней Италии самостоятельное развитие ее, если оно где-нибудь начиналось вообще, было остановлено развившимся торговым оборотом Средиземного моря, немыслимым при меди в роли денег. Напротив, твердо установлено, что все народы, пришедшие ввиду внешних условий, при которых развивалась их хозяйственная культура, к медной денежной системе, по мере роста культуры и расширения пространственных границ торгового оборота переходили от менее дорогого к более дорогому металлу, от меди и железа к серебру и золоту (и к золоту, где роль денег исполняло серебро), или по крайней мере у них наблюдается такая тенденция, если даже самый переход фактически не всюду осуществился. Для небольшого торгового оборота старого сабинского города с его окрестностями, после того, как скот перестал играть роль денег, при простоте сабинских нравов, медь — самый важный для практических целей сельских жителей и горожан металл — была товаром, способность которого к сбыту простиралась на наиболее широкий круг лиц, и в количественном отношении имела самые обширные границы — в начале

⁹² *Plut. Thes.* 19; *Plinius*, h. n. 18, 3; *Schreiber*, в его *Taschenbuch für Geschichte*. С. 2, 67 и сл., 240 и сл., 3, 401 и сл.

культуры это главные требования, предъявляемые к деньгам; кроме того медь легко и без особых расходов можно было сохранять в небольших количествах, перевозка ее внутри небольшой области стоила сравнительно немного; все эти обстоятельства в достаточной степени сообщали меди свойства денег. Но как только область торгового оборота расширяется и размеры сбыта сильно увеличиваются, медь естественным образом теряет свою пригодность к функционированию в качестве денег, сообразно с тем, как благородные металлы все более и более приобретают способность к сбыту по мере развития культуры с ее торговым оборотом, обнимающим весь мир, с ее массовым сбытом товаров, и все настоятельнее выступающей по мере возрастающего разделения занятий потребностью отдельных хозяйствующих субъектов иметь у себя деньги. С развитием культуры благородные металлы оказываются товарами, обладающими наибольшей способностью к сбыту и вместе с тем естественными деньгами экономически развитых народов.

История других народов представляет совершенно отличную от вышеописанной картину хозяйственного развития и сообразно с этим и денежных их систем.

Когда европейцы впервые посетили Мексику, она, как можно заключить о тогдашнем состоянии страны из сообщений очевидцев, достигла уже высокой ступени хозяйственной культуры. Торговый оборот древних ацтеков имеет для нас особый интерес в двояком отношении: с одной стороны, он показывает нам, что экономическая идея, руководящая людьми в их деятельности, направленной на возможно более полное удовлетворение своих потребностей, приводит повсюду к аналогичным экономическим отношениям; с другой стороны — древняя Мексика дает нам картину страны, находящейся в переходной стадии от исключительно меновой торговли к денежному хозяйству, картину, следовательно, состояния, на котором мы можем непосредственно наблюдать своеобразный процесс выделения некоторого числа благ из круга всех остальных и возвышения их до функции денег.

Известия завоевателей и современных писателей изображают нам Мексику, как страну с многочисленными городами и прекрасно организованным массовым торговым оборотом. В городах ежедневно происходили базары, а каждые пять дней — большой базар; последние были так распределены по всему государству, что большому базару какого-нибудь города не было в это время конкуренции в соседнем. Для торгового оборота в каждом населенном месте были отведены особые площади, а на них для всякого товара определены места, вне которых продажа была запрещена; исключения допускались только по отношению к пред-

метам пропитания и трудно перевозимым товарам (дрова, кожевенные товары, камни и т.д.). В обыкновенные дни на базаре в главном городе Мексики бывало 20–25 тыс. человек, в дни больших базаров число их доходило до 40–50 тыс., и продаваемые товары поражали своим разнообразием⁹³.

Здесь возникает интересный вопрос, не существовало ли тогда уже на рынках старой Мексики, так сильно походивших на рынки Старого света, явления, аналогичного нашим деньгам по своей сущности и происхождению. Действительно, испанские завоеватели сообщают, что в то время, когда они вступили впервые в Мексику, оборот ее давно перестал вращаться исключительно в границах натуральной меновой торговли, и некоторые товары заняли уже в обмене благ то своеобразное положение, которое мы подробнее выше изложили, т.е. положение денег. Зерна какао в мешочках, содержавших от 8 до 24 тыс. штук, особые маленькие бумажные платки, золотая пыль в гусиных перьях, которые принимались по величине (вес и орудия взвешивания вообще были неизвестны древним мексиканцам), куски меди и, наконец, тонкие пластинки олова были, по-видимому, товарами, которые принимались охотно каждым, даже при отсутствии нужды в них (в качестве денег) в тех случаях, когда нельзя было путем обмена получить непосредственно потребительные блага. Из товаров, продававшихся на мексиканских рынках, очевидцы называют следующие: живых и битых животных, какао, другие съестные припасы, драгоценные камни, лечебные средства, древесный клей, смолу, руды, готовые медикаменты, товары, сработанные из волокон алоэ, горной пальмы и шерсти, предметы из перьев, дерева и камня, золото, медь, олово, дерево, камни, шкуры и кожи. Рассмотрим эти товары, заметим, что Мексика ко времени открытия ее европейцами была уже развитой, промышленной страной с большим городским населением, примем во внимание, что как вследствие этого, так и потому, что она не знала большинства наших полезных животных, возможность функционирования скота в роли денег устранилась, что какао составляло ежедневный напиток, бумажные материи употреблялись всеми для одежды, а золото, медь и олово были важнейшими для ацтеков полезными металлами, т.е., что все это были блага, обладавшие по своей внутренней природе и общему употреблению способностью к сбыту, далеко превосходящей все остальные товары, и мы легко поймем, почему именно эти товары стали играть у ацтеков роль денег. Они были естественными, хотя и не вполне развившимися еще, деньгами старой Мексики.

⁹³ *Clavigero*, Geschichte von Mexico, I. Band, VII. Buch, 35. Abth.

Подобные же причины обуславливают то, что у народов охотничьих, если они ведут внешнюю торговлю, деньгами становятся звериные шкуры. У таких народов всегда бывает, конечно, излишек шкур, так как обеспечение семьи средствами пропитания путем охоты ведет к накоплению такого количества шкур, что среди членов охотничьего племени может возникнуть конкуренция разве только из-за какой-либо особенно красивой или редкой шкуры. Но когда такое племя вступает в торговые сношения с другими народами и для шкур открывается рынок, где за них можно получать по выбору охотников разнообразные потребительные блага, тогда шкуры становятся, конечно, товаром, обладающим наибольшей способностью к сбыту, и вместе с тем они начинают приниматься охотно и в обмене самих охотников между собой. Для охотника А шкуры, которые он получает от охотника В, совершенно излишни, но он знает, что их можно легко обменять на рынке на другие полезные для него потребительные блага, и поэтому он предпочитает их, несмотря на их характер товаров, другим товарам с меньшей способностью к сбыту. И мы в действительности можем наблюдать, что только что изложенное отношение фактически существует у всех охотничьих племен, ведущих торговлю шкурами с другими народами⁹⁴.

То, что соль и рабы в Центральной Африке, плитки воска в верховьях Амазонки, треска в Исландии и Ньюфаундленде, табак — в Мериленде и Виргинии, сахар в английской Вест-Индии, слоновая кость в соседстве с португальскими владениями — стали деньгами, объясняется тем, что эти блага составляли или составляют еще главный предмет торговли, и благодаря этому, подобно шкурам у охотничьего племени, приобрели постоянную способность к сбыту, тогда как, с другой стороны, местный денежный характер многих других благ сводится к их большой

⁹⁴ Еще и теперь во многих землях общества Гудзонова залива меновой единицей в обороте служит бобровая шкура. 3 шкуры куниц ценятся, как 1 бобровая, шкура белой лисицы, как 2 бобровых, шкура медведя или черной лисицы, как 4 бобровых, ружье, как 15 бобровых шкур (Ausland, 1846, № 21). Слово «gaha», имеющее на языке эстов значение денег, обозначает на родственном первому языку лапландцев — ценность шкуры (Ph. Krug, Zur Münzkunde Russlands, 1805). О деньгах в виде шкур в Средние века в России см. Нестора (немецкий перевод *Schlöger'a*, III. С. 90). Старое слово «кун» = деньги обозначает собственно куницу. Еще в 1610 г. в захваченной врагами русской военной кассе находилось 5450 рублей серебром и 7000 рублей звериными шкурами (Карамзин, XII. С. 131. Петербург, 1843), Roscher, System, I. § 118, 3, 1868; см. также Storch, Uebersetz. v. Rau, III. С. 25.

и общей для всех в данной местности потребительной ценности и, следовательно, большой способности к сбыту; так именно объясняются денежные функции фиников в Оазе Сива (Siwah), кирпичного чая — в Восточной Азии и Сибири, бус — в Нубии и Сенаре, хуссуба (Ghussub, род пшена) — в государстве Аир (Ahir, в Африке); иногда, наконец, роль денег известных товаров объясняется обоими вышеуказанными моментами: так, например, дело обстоит с каури, излюбленным украшением и в то же время предметом торговли⁹⁵.

Таким образом, деньги и в своих специальных, различных по месту и времени, формах проявления не представляют результата соглашения или законодательного принуждения, а тем менее случая; они являются естественным продуктом различного экономического положения разных народов в одно и то же, и одних и тех же народов в разные периоды времени.

§ 3. Деньги как «мерило цен» и как наиболее экономическая форма накопления меновых ценностей

Когда, в результате успехов развития торгового оборота и функционирования денег, вырабатывается такое хозяйственное состояние, при котором товары какого угодно рода обмениваются друг на друга и пределы образования цен, под влиянием оживленной конкуренции, все более и более суживаются (С. 208 и сл.), тогда, понятно, цены всех товаров в данном месте и в данное время оказываются в известном отношении друг к другу, и сообразно с этим отношением товары могут обмениваться по усмотрению друг на друга.

Предположим, что образование цен нижеуказанных товаров (причем всегда предполагается определенное качество) происходит на данном рынке в данный момент времени следующим образом.

	Действительные цены	Средние цены
	За центнер	
Сахар	24—26 талеров	25 талеров
Хлопчатая бумага	29—31 талеров	30 талеров
Пшеничная мука	5½—6½ талеров	6 талеров

⁹⁵ Roscher, System, I, § 119. Note, 12.

Если мы примем среднюю цену товара за ту, по которой его можно как купить, так и продать, то в нашем примере 4, например, центнера сахара представят «эквивалент» $3\frac{1}{2}$ центнеров хлопчатой бумаги, а последнее количество — «эквивалент» $16\frac{1}{2}$ центнеров пшеничной муки или 100 талеров, и наоборот. Нам достаточно теперь только назвать в таком смысле понимаемый эквивалент товара или одного из многих его эквивалентов его «меновой ценностью», а сумму денег, за которую его можно как купить, так и продать, его «меновой ценностью по преимуществу», и мы придем к господствующему в нашей науке воззрению на меновую ценность в общем и на деньги, как «мерило меновой ценности» в частности.

«В стране с оживленным торговым оборотом, — пишет Тюрго, — каждый род блага получает известную цену по отношению ко всякому другому роду блага, так что определенное количество одного вида представится нам, как эквивалент определенного количества всякого другого вида благ. Чтобы выразить специально при таких условиях меновую ценность блага, очевидно, достаточно назвать количество другого известного товара, составляющее эквивалент первого. Отсюда, однако, легко видеть также, что все виды благ, служащие объектами оборота, измеряются, так сказать, взаимно и каждый может служить масштабом для всех остальных». В таком же смысле высказываются почти все другие экономисты, приходя, подобно Тюрго в его знаменитом исследовании о происхождении и распределении народного богатства⁹⁶, к выводу, что среди всех возможных «масштабов меновой ценности» деньги самый целесообразный, а потому и самый общий. Единственный недостаток этого масштаба заключается, по их мнению, в том, что самая ценность денег не постоянна, а колеблется⁹⁷, и потому они представляют прочное мерило «меновой ценности» для каждого данного момента времени, но не для различных периодов.

Но в учении о цене мы показали, что нигде в хозяйстве людей нельзя найти эквивалентов благ в объективном смысле слова (С. 200 и сл.), и поэтому вся вышеизложенная теория, по которой деньги представляются, как «масштаб меновой ценности» благ, совершенно падает, потому что в основании ее лежит фикция, ошибка.

Когда на рынке шерсти центнер ее определенного качества продается в одном случае за 103 флорина, то нередко на том же рынке со-

⁹⁶ Sur la form. et distrib. des richesses. С. 25, ed. Daire. Cp. также *Roscher*, System, I. § 116, 1868; *Knies*, Tübing. Ztsch., 1858. С. 262.

⁹⁷ См. об этом в особенности *Helferich*: Von den periodischen Schwankungen im Werthe der edlen Metalle, 1843.

вершаются сделки и по высшей или низшей цене, например, по 104, $103\frac{1}{2}$ или по 102, $102\frac{1}{2}$ флоринов; между тем как находящиеся еще на рынке покупатели заявляют, что они готовы «принять» по 101 флорину, продавцы в то же время хотят «отдать» по 105 флоринов. Какова в таком случае «меновая ценность» центнера шерсти? Или наоборот, какое количество шерсти составляет, например, меновую ценность 100 флоринов? Очевидно, можно только сказать, что на этом рынке в этот момент можно купить или продать центнер шерсти по цене в пределах от 100 до 105 флоринов, но нигде нельзя найти, нигде нет *определенного* количества шерсти и *определенной* суммы денег, взаимно обменивающихся друг на друга, т. е. эквивалентов в объективном смысле слова, а потому нельзя говорить и о мере этих эквивалентов («меновой ценности»).

Конечно, практика жизни вызвала, ввиду некоторых хозяйственных целей, потребность в оценках приблизительной точности, и особенно в денежных оценках, и во всех случаях, где дело идет только о такой приблизительной правильности соображений, в основу соответствующих оценок с полным правом кладут средние цены, потому что они, в общем, лучше всего удовлетворяют этой цели. Но ясно, что этот метод оценки благ должен оказаться совершенно недостаточным даже для практической жизни, и даже больше, прямо ведущим к ошибкам во всех случаях, когда требуется большая степень точности. Всюду, где идет вопрос о точной оценке, нужно скорее различать, смотря по намерению лица, производящего последнюю, три случая. Намерение его может быть направлено на то:

- 1) чтобы определить цену, по которой можно будет *продать* известные блага на рынке;
- 2) чтобы определить цену, по которой можно будет *купить* на рынке блага известного рода и качества, и
- 3) чтобы определить количество товара, скажем, денег, которое представит *для известного субъекта* эквивалент какого-нибудь блага, вернее, конкретного количества его.

Решение двух первых задач вытекает из сказанного нами раньше. Образование цен происходит между двумя крайними пределами, из которых низший можно назвать *ценой спроса* (цена, по которой на рынке хотят купить товар), а высший — *ценой предложения* (цена, по которой на рынке предлагают товар к продаже). Первая цена составит основание для решения первой задачи, вторая — для решения второй. Труднее ответить на третий вопрос, потому что здесь следует принять во внимание особое положение, занимаемое в хозяйстве соответствующего субъекта благом или конкретным количеством блага, эквивалент

которого (в субъективном смысле слова) требуется определить, а также и то, представляет ли благо для хозяйствующего индивида большее значение по своей потребительной или меновой ценности; когда же нам даны определенные количества благ, то приходится разрешить оба эти вопроса еще и по отношению к конкретным частям всего количества благ.

А обладает благами a, b, c, представляющими для него большую потребительную ценность, и благами d, e, f, имеющими для него большую меновую ценность. Сумма денег, которую он, по своим расчетам, мог бы *выручить* за первые блага, не будет ни в коем случае для него эквивалентом их, потому что потребительная ценность этих благ является для него более высокой, экономической. Скорее, эквивалентом их будет для него такая сумма, за которую можно будет *купить* такие же блага, или по крайней мере блага, представляющие для него ту же потребительную ценность. Что касается, наоборот, благ d, e, f, то они — товары, т.е. вообще предназначены для обмена и, обыкновенно, для обмена именно на деньги, и цена, которую предполагают выручить, представляет, по большей части, эквивалент этих благ для хозяйствующего субъекта А. Поэтому правильное определение эквивалента блага можно произвести не иначе, как приняв во внимание владельца и хозяйственное положение блага по отношению к владельцу, а определение эквивалента комплекса благ или имущественного состояния необходимо предполагает отдельно решение вопроса об эквиваленте потребительных благ и отдельно об эквиваленте товаров⁹⁸.

Если после всего сказанного мы должны признать несостоятельной как теорию «меновой ценности» вообще, так и, будучи строго последовательны, теорию денег как «масштаба меновой ценности» в частности, то все же исследование природы и функции денег показывает нам, что различные *оценки*, о которых мы только что говорили (их следует отличать от измерения «меновой ценности» благ), по большей части целесообразнее всего производить в деньгах. Цель

⁹⁸ Это различие, на которое до сих пор еще не обращают достаточного внимания в нашей науке, с давних пор стало предметом обстоятельных исследований юристов, так как для них этот вопрос имеет практическое значение всюду, где дело идет о требовании вознаграждения за вред, а также в некоторых других случаях (при всех субсидиарных платежах). Возьмем, например, такой случай: у ученого неправомерно отняли его библиотеку. «Покупная» цена ее далеко не вознаградила бы его за его потерю, и, наоборот, для наследника этого ученого, для которого меновая ценность библиотеки имеет большее значение, эта цена была бы истинным эквивалентом.

первых двух оценок — определить количество благ, за которое можно бы на данном рынке и в данный момент купить или продать товар. Но этими благами, если соответствующий обмен в действительности *осуществится*, будут, обыкновенно, *деньги*, и знание суммы *денег*, за которую можно купить или продать товар, является вместе с тем, естественно, ближайшей, обусловленной экономической задачей оценки, целью ее.

К тому же при развитых отношениях торгового оборота деньги — единственный товар, в котором без окольных путей можно выразить оценку всех остальных. Где исчезает меновая торговля в узком смысле этого слова, и ценами различных товаров фактически являются в общем только денежные суммы, там нет прочного базиса для всякой другой оценки. Оценка, например, хлеба или шерсти в деньгах, конечно, очень проста, но оценка шерсти в хлебе, или, наоборот, хлеба в шерсти уже потому связана с большими трудностями, что непосредственного обмена этих благ нет или же он происходит в редких, исключительных случаях, и потому не достает основания оценки — соответствующих действительных цен. Поэтому оценка такого рода возможна только на основании соображений, предполагающих уже оценку этих благ в деньгах, тогда как оценку благ в деньгах можно произвести непосредственно, пользуясь существующими действительными ценами.

Итак, оценка товаров в деньгах не только, как мы видели выше, лучше всего удовлетворяет обыкновенным целям ее, но и ближе, проще в смысле практического ее осуществления; оценка в других товарах — операция более сложная, предполагающая уже первую.

То же самое следует сказать и относительно определения эквивалентов благ в субъективном смысле слова, потому что оно, как мы видели, имеет уже своим основанием и предположением первые две оценки.

Таким образом ясно, почему именно деньги и представляют собой товар, в котором обыкновенно производятся оценки, и в этом смысле (как товар, в котором при развитых отношениях оборота обыкновенно⁹⁹

⁹⁹ Выше мы указали причины, обуславливающие то, что оценки целесообразнее всего выражать в том товаре, который приобрел уже характер денег (если таковой есть), и что они так действительно и выражаются, если только этому не мешают препятствия, вытекающие из особенностей товара, ставшего деньгами. Исполнение, однако, этой роли не является *необходимым* следствием функционирования товара в роли денег, и мыслимы случаи, когда «мерилом цен» является товар, не обладающий характером денег, или, по крайней мере, только один из нескольких товаров, завоевавших положение

удобнее всего производятся оценки) можно их назвать также мерил
ом цен¹⁰⁰.

Подобные же причины обуславливают также и то, что деньги являются преимущественным средством помещения тех составных частей имущества, с помощью которых владелец намеревается приобрести в обмен другие блага (предметы потребления или орудия для производства). Части имущества, предназначенные хозяйствующим индивидом на то, чтобы за них посредством обмена приобрести предметы потребления, получают путем предварительного обмена на деньги такую форму, при которой владелец может вернее и быстрее удовлетворить свои потребности; и для той части капитала хозяйствующего субъекта, которая не состоит еще из элементов предполагающегося производства, по таким же основаниям денежная форма целесообразнее всякой другой, потому что всякий товар иного вида

денег. Словом, функция мерил цен не связана обязательно с товарами, приобретшими характер денег, не есть *необходимый* результат последнего, а тем менее условие и причина его. Во всяком случае деньги обыкновенно, и металлические в особенности, ввиду высокой степени их заменимости и устойчивости моментов, определяющих их ценность, представляют действительно в то же время и самое целесообразное мерило цен. Наоборот, другие товары, обладавшие характером денег (оружие, металлическая посуда, бронзовые кольца и т.п.), никогда не употреблялись в роли мерил цен. Таким образом, эта функция не заключена в *понятии* денег, и если у некоторых экономистов последние характеризуются именно своей ролью «масштаба ценности», то это указывает именно на непонимание истинной природы и сущности денег.

¹⁰⁰ Уже Аристотель (Ethik. Nicom. V, 8 и IX, I) подметил функцию денег, как масштаба в торговом обороте людей. Из писателей, сводивших происхождение денег исключительно или преимущественно к потребности хозяйствующих людей в масштабе «меновой ценности» и цен и сообразно с этим объяснявших приобретение благородными металлами их характера денег особенной приспособленностью к этой цели, следует упомянуть здесь: *Broggia* (Delle monette, 1743, с. I. C. 304, ed. Coust); *Neri* (Osservazioni, 1751. Cap. VI. Art. I, § 14 и сл.); *Galiani* (Della moneta, 1750. Lib. I, с. I. C. 23 и сл. и Lib. II, с. I. C. 120 и сл., ed. 1831); *Genovesi* (Lezioni. Part. II, с. 2, 4, 1769); *Hutcheson* (A system of moral philosophy, 1755. Booc. II, ch. XII, § 2); *Ricardo* (Principles of P. E. Chap. III. C. 46, ed. 1846); *Storch* (Cours d'écon. politique. Petersb., 1815, I. Introd. gen. C. 8 и сл.); *Stein* (System d. Staatswissenschaft, 1852, I. C. 217 и сл.); *Schäffle* (Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft, 1867, § 60 и сл.).

нужно предварительно обменять на деньги, и потом только можно уже в обмен на них приобрести требуемые средства для производства. В действительности ежедневный опыт показывает нам, что хозяйствующие люди стараются превратить в деньги часть своего потребительного запаса, состоящую не из благ, служащих для непосредственного удовлетворения их потребностей, а из товаров; они поступают точно также и с частью капитала, находящейся не в форме элементов предполагаемого производственного процесса, и этим в значительной мере приближаются к осуществлению своих конечных хозяйственных целей.

Наоборот, ошибочным нужно признать взгляд, приписывающий *деньгам*, как таковым, функцию перенесения «ценностей из настоящего в будущее». Правда, металлические деньги годны для этой цели ввиду почти безграничной их сохраняемости, небольших расходов по хранению и т.д., но некоторые товары еще более приспособлены для этой цели; сверх того, опыт показывает, что там, где не благородные металлы, а другие блага, не так долго способные сохраняться, приобрели характер денег, последние служат целям обращения, но не целям сохранения «ценностей»¹⁰¹.

¹⁰¹ Эта теория нашла главных представителей в лице великих английских философов XVII века. *Hobbes* (*Leviathan: de civitate. Pars II*, с. 24. С. 123, омега, 1668) исходит из потребности людей в сохранении имущественных ценностей, по природе скоро разрушающихся и не предназначенных для немедленного потребления, и показывает, как путем обращения («*concoctio*») их в металлические деньги достигается эта цель, равно как и цель облегчения транспортирования их. У *Locke*'а мы встречаем то же самое (*Of civil government. Book II. Chap. V*, § 46 и сл., 1691 и *Further Considerations concerning raising the value of money. I*, § 1, 1698); *Bandini* (*Discorso economico*, 1737, у Custodi. С. 142 и сл.) развивает теорию, заключающуюся в зародыше уже во взглядах Аристотеля. Он начинает свое изложение с указания на затруднения, проистекающие из исключительно меновой торговли; кто имел блага, в которых нуждались другие, не всегда был в состоянии потребить блага последних; явилась необходимость, поэтому, в залоге (*un mallevadore*, как говорит *Bandini*), обладание которым обеспечивало ему будущий платеж. Для такой функции были выбраны благородные металлы. В Италии поддерживали эту теорию *Ortes* (*Della economia nazionale. LVI*, с. 1 и *Lettere. XVI*. С. 258, ed. Custodi), *Corniani* (*Riflessioni sulle monete, III* и *Lettera ad un legislatore*. С. 153, ed. Custodi) и *Carli* (*Del origine del commercio e della moneta*. § 1 и 2), во Франции — *Dutôt* (*Reflexions sur le commerce et finances*, 1738. Chap. III, 1. С. 895, ed. Daire). В Германии

Объединим все сказанное, и мы придем к выводу, что товар, ставший деньгами, если только нет препятствий, обусловленных особыми свойствами его, в то же время представляет собой товар, в котором целесообразнее всего выражать оценки, удовлетворяющие практическим задачам хозяйствующих людей, и помещать меновые запасы, и что *металлические* деньги (которые ближайшим образом и имеют в виду исследователи в области нашей науки, когда говорят о деньгах вообще) действительно в высокой степени отвечают таким целям. Но точно также ясно, что *деньгам, как таковым*, не следует приписывать функции «маштаба» или «хранителя ценностей», потому что это свойства акцидентальные, и в понятии денег они не содержатся.

§ 4. Монета

Из предыдущего изложения сущности и происхождения денег видно, что при обыкновенных отношениях обмена цивилизованных народов благородные металлы естественно стали *экономическими* деньгами. Но употребление их в роли денег связано с некоторыми затруднениями, устранением которых должны были заняться хозяйствующие люди. Главные неудобства при употреблении благородных металлов в роли денег заключаются в нелегком установлении их подлинности, пробы и в необходимости делить твердый материал при меновых операциях на части, — затруднения, с которыми нельзя справиться без потери времени и экономических жертв.

Испытание подлинности благородных металлов и их пробы предполагает употребление химических средств и техническое знакомство с делом, а деление твердых металлов на нужные части представляет операцию, не только требующую, ввиду точности, с какой она должна быть произведена, хлопот, траты времени и точных инструментов, но и связанную еще с известной потерей благородного металла (при дроблении и повторном плавлении).

Очень наглядное изображение затруднений, проистекающих из употребления благородных металлов в роли денег, дает нам известный путешественник Бастиан (Bastian) в своей книге о Бирме, стране, где серебро циркулирует еще не в виде монеты.

«Когда в Бирме отправляются на рынок, — рассказывает Бастиан, — то запасаются куском серебра, молотком, резцом, весами и гирями». «Что стоят эти горшки»? «Покажите мне ваши деньги», — отвечает купец и

Schmalz (Staatsw. in Briefen, 1818. С. 49 и сл.), а в Англии *Macleod* (Elements of P. E., 1858. С. 24) пытался снова ее обосновать.

определяет, смотря по внешнему виду их, ту или другую цену известным весом денег. Торговец дает вам маленькую наковальню, и вы отделяете столько, сколько нужно серебра. Затем вы взвешиваете на собственных весах отбитый кусок, потому что весам торговца доверять нельзя, и прибавляете или отнимаете, пока не получите требуемого веса. Конечно, при этом теряется много серебра благодаря обрезкам, и всегда предпочтительнее купить не то именно количество, какое необходимо, а эквивалент куска серебра, отколотого вами сразу. При больших закупках, за которые платят серебром самой высшей пробы, процесс еще сложнее: нужно позвать пробирщика, чтобы он точно определил пробу серебра, за что, конечно, платят.

Это описание прекрасно рисует нам картину затруднений, с которыми связан был оборот всех народов, пока они не перешли к чеканке монеты, и устранение этих неудобств должно было казаться тем желательнее, чем чаще последние ощущались каждым хозяйствующим индивидом.

Сначала, по-видимому, хозяйствующие люди нашли необходимым устранить первого рода затруднение, определение пробы металла. Клеймо, наложенное на слиток металла публичной властью или лицом, заслуживающим доверия, гарантировало не вес его, а пробу; оно освобождало владельца такого слитка от неприятного, сопряженного с расходами испытания его при передаче лицам, полагавшимся на наложенный знак. Металл подобной чеканки нужно было, как и раньше, взвешивать, но не требовалось уже испытывать его пробу.

Одновременно с этим, а в некоторых случаях, быть может, позже, хозяйствующие люди напали на мысль обозначать таким же образом и вес слитков металла: делить его предварительно на куски, чтобы посредством формы, заслуживающей общего доверия, определять и вес и пробу его. Лучший способ заключался, естественно, в том, что благородный металл делили на мелкие куски, удовлетворяющие потребностям оборота, самое же обозначение предпринимали так, чтобы сколько-нибудь существенное умышленное уменьшение гарантированного в своем весе и пробе куска металла становилось сейчас заметным. Этой цели способствовала чеканка металла, и таким образом произошли наши монеты, которые, в сущности, представляют не что иное, как куски металла, проба и вес которых установлены с точностью, удовлетворяющей практическим целям хозяйственной жизни, посредством заслуживающей доверия формы защищены от обманных посягательств, благодаря чему облегчается передача при меновых операциях требуемого количества благородного металла, производимая теперь без затруднительного испытания, отделения куска и взвешивания, а исключительно путем

сосчитывания. Народнохозяйственное значение монеты заключается, поэтому, в том, что она (отвлекаясь от механической операции разделения благородного металла на требуемые количества) устраняет при приеме металла *испытание* его подлинности, пробы и веса, а при дальнейшей передаче — необходимость *доказывать* все эти обстоятельства, освобождая таким образом от предварительных мер, связанных с разного рода неудобствами, потерей времени и экономическими жертвами. В результате и без того большая природная способность благородных металлов к сбыту увеличивается в немалой степени¹⁰².

Лучшую гарантию полновесности и правильной пробы монеты может представить, конечно, государственная власть, потому что ее знает и признает всякий, и она обладает к тому же властью карать и предупреждать монетные преступления. И действительно, правительства взяли на себя прежде всего обязанность чеканить необходимую для оборота монету, но при этом они нередко злоупотребляли своей властью в такой степени, что хозяйствующие субъекты в конце концов совершенно почти забыли, что монета есть не что иное, как кусок металла определенного веса и пробы, за правильность которых ручается достоинство и честность того, кто чеканит монету, и стали даже сомне-

¹⁰² Первоначально металлы обращались в кусках, содержащих единицы веса, вообще принятые в торговле. Римский асс была сначала фунтом меди, английский фунт стерлингов состоял во время Эдуарда I из фунта (по тоуэрскому весу) серебра определенной пробы, а французский ливр во время Карла — из тройского фунта серебра. Английские шиллинг и пенни были тоже единицами веса, употреблявшимися в торговле вообще. «Когда квартал пшеницы стоит 12 шиллингов, — говорит один старый статут Генриха III, — белый хлеб ценою в пенни должен весить 11 шиллингов и 4 пенса» (ср. *Ad.Smith. W. o. N. B. I. Ch. 4*). Известно также, что наша марка, пфенниг, шиллинг были единицами торгового веса. Порча монеты, производимая впоследствии часто владетельными лицами, которым принадлежала монетная регалия, повела к тому, что в большинстве государств общий торговый вес стал отличен от веса, употреблявшегося по отношению к благородным металлам (именно в монетном деле). Это обстоятельство в свою очередь немало способствовало тому, что в деньгах увидели особый «масштаб меновой ценности», тогда как в каждом нормальном народном хозяйстве содержащее монеты есть не что иное, как известное количество единиц веса, употребляемых по отношению к благородным металлам. В новейшее время не раз пытались привести торговый вес в соответствие с весом монет, насколько это позволяют удобства оборота, в особенности в Германии и Австрии, где таможенный фунт был выбран как основание монетной системы.

ваться, представляют ли деньги вообще товар, и, наконец, объявили монету попросту чем-то воображаемым и основанным исключительно на условности. Таким образом, то обстоятельство, что правительства действовали в вопросе о деньгах так, как если бы они в самом деле были продуктом только человеческого соглашения вообще и законодательного произвола в частности, сильно способствовало распространению заблуждений насчет сущности денег.

Несовершенство нашей монеты состоит, главным образом, в том, что ее нельзя чеканить с точным соблюдением веса, и на монетных дворах из практических побуждений (ввиду издержек) не стремятся даже к достижимой точности. Недовес монеты в момент вступления ее в обращение увеличивается вследствие ее циркулирования, так что легко возникает ощутительное неравенство в весе отдельных монет одинакового курса.

Эти неудобства, само собой, сказываются тем сильнее, чем меньше количества, на которые поделен благородный металл. Чеканка его в таких небольших кусочках, какие требует розничная торговля, привела бы к величайшим техническим затруднениям; даже если бы она производилась с кое-какой тщательностью, это вызвало бы экономические жертвы, не стоящие ни в каком отношении к курсу таких монет. К каким неудобствам, с другой стороны, ведет отсутствие мелкой монеты, понятно всякому, сведущему в торговле.

«В Сиаме, — рассказывает Бастиан (Bastian), — нет монеты меньше 2 анна (Annas), и кто хочет купить что-либо, стоящее меньше этой цены, тот должен ждать, пока присоединение новой потребности не оправдает такого расхода, или же ему приходится сойтись еще с несколькими лицами, тоже желающими произвести покупку, и потом уже рассчитывать с ними. Отчасти облегчают эти затруднения здесь, платя чашками рису, а в Сокатре (Socatra) для той же цели служат маленькие куски Ghi или масла».

В Мексике тот же Бастиан получал, в виде разменной монеты, в городах — куски мыла, в деревнях — яйца. В верхней части Перу туземцы имеют при себе корзину с отделениями; в одном находятся иголки, в другом — клубки ниток, в третьем — восковые свечи и тому подобные предметы ежедневного употребления; когда нужно дать мелкую сдачу, они предлагают, смотря по сумме последней, вместо нее что-нибудь из этого на выбор. В Верхней Бирме при небольших покупках (сигар, плодов) употребляют обрезки свинца; каждый торговец имеет у себя целый ящик их, взвешивая их по мере надобности на весах, более массивных, чем те, какие употребляются для серебра. В деревнях, где нельзя рассчитывать на размен серебра, при небольших закупках покупателя должен сопровождать слуга с тяжелым мешком свинца.

В большинстве культурных государств стараются избежать технических и экономических неудобств, связанных с чеканкой слишком мелких монет из благородных металлов, чеканя их из какого-нибудь простого металла, большей частью меди или бронзы.

Так как уже из одних соображений удобства никто не превращает в такие монеты без нужды сколько-нибудь значительной части своего менового запаса, то они получают второстепенное значение в обороте, и для большего удобства участвующих в обмене лиц подобного рода монеты без вреда могут содержать только половину и даже еще меньшую часть чистого веса, при условии только, чтобы тот, кому принадлежит монетная регалия, всегда обменивал их на монету из благородного металла, или по крайней мере чеканил их в таком небольшом количестве, чтобы они всегда оставались в обороте. Первый путь во всяком случае предпочтительнее; он дает больше гарантий против злоупотреблений со стороны правительств при доставляющей им выгоду операции выпуска такой монеты. Такие деньги называются разменной монетой, и ценность их только отчасти основана на них самих, главным же образом зависит от того, что за определенное количество разменной монеты можно получить у обладателя монетной регалии полную монету, или при помощи такой монеты можно погасить свои обязательства по отношению к обладателю регалии во всяком случае, а по отношению к другим лицам в размере, не превышающем наименьшей полной монеты. Публика в этом случае, ради большего удобства, связанного с легкой медной или бронзовой монетой, охотно допускает небольшую хозяйственную аномалию, так как выгоды легкого передвижения и удобства монет, не представляющих значительного экономического интереса, гораздо важнее, чем их полновесность. Подобным же образом во многих странах чеканят легковесную монету даже из серебра, и притом без всякого ущерба, если только эта монета носит такое нарицательное наименование, что невозможно чеканить отвечающей своему назначению полной монеты с подобным наименованием по техническим или экономическим причинам.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Предметы, которыми купцы промышляют, продажей которых они занимаются, называются товарами».

² «Все, что продается, предлагается в лавках, магазинах, на ярмарках, базарах».

³ «Количество, предназначенное для продажи».

⁴ «Излишек, могущий быть обмененным».

⁵ «Предметы, которые не дошли еще до их непосредственных потребителей». — *Прим. перев.*

⁶ «То, что у некоторых остается лишним сверх необходимого для них самих и что они передают другим».

⁷ «Это вещи, предлагаемые для обмена».

⁸ «Вещи, предназначенные для обмена, называются товарами». — *Прим. перев.*

⁹ «Деньги есть орудие, искусственно придуманное».

¹⁰ «Или по собственной природе, или по установлению людей».

¹¹ «Изобретение и установление денег принадлежит международному праву». — *Прим. перев.*

¹² «Лошадь или какие-нибудь деньги». — *Прим. перев.*

ИССЛЕДОВАНИЯ
О МЕТОДАХ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
В ОСОБЕННОСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследования по теории познания в области политической экономии, особенно в Германии, отнюдь не подошли еще к настоящей методике этой науки. Проблемы теории познания, которыми занимаются немецкие экономисты и в значительной степени их негерманские собратья по науке, имеют своим главным предметом сущность и понятие политической экономии и ее частей, природу ее истин, изъяснение народно-хозяйственных проблем, соответственное реальным условиям и т.п. вопросы; но изыскания не касаются научных путей, ведущих к целям политико-экономического исследования, да и последние-то еще не установлены.

Однако указанное явление довольно недавнего происхождения. Еще очень недалеко то время, когда сущность политической экономии и формальная природа ее истин, казалось, стояли прочно и исследования по теории познания действительно занимались настоящими методологическими проблемами политической экономии. С тех пор, как отвергнут был взгляд на политическую экономию, как на простое искусство (*Kunstlehre*), твердо установился взгляд на нее, как на «науку о законах народного хозяйства», и научным изысканиям оставалось только исследование вопросов о том, каким путем должны быть добываемы эти законы — спекулятивным или эмпирическим, индуктивным или дедуктивным, какая особенная форма присуща этим методам в области социальных явлений вообще и народного хозяйства в частности, и тому подобных вопросов собственной методики.

Все это, конечно, должно было предстать иначе, лишь только начали бы глубже вникать в методологические проблемы. Исследователям нашей науки должно было выясниться, что политическая экономия в ее теоретической и практической частях представляет познания совершенно различной формальной природы, а потому речь может идти не о методе, не об одном методе политической экономии, а о методах последней. Пути познания, методы исследования сообразуются с целями исследования, с формальной природой истин, к познанию которых стре-

Печатается по изданию: Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности: Пер. с нем. Я. Розенсона / Под ред. А. Гурьева. СПб., 1894.

мятся. Методы теоретической национальной экономики и практических наук о народном хозяйстве не могут быть одинаковыми. Но даже там, где при разработке методологических проблем ясно понимали указанное основное различие, или где сначала трактовали лишь о теоретической национальной экономике, — и там ближайшее изучение должно было привести к пониманию того, что и понятие «законов явлений» имеет много значений, обнимает истины весьма различной формальной природы, и что, следовательно, понимание политической экономики или хотя бы только теоретического народно-хозяйственного учения, как науки о «законах народного хозяйства» — неудовлетворительно.

Писатели по классической эпохе прямо связывали с понятием народно-хозяйственной науки идею науки о законах народного хозяйства, о законах сосуществования и последовательности народно-хозяйственных явлений, вроде, например, естественных законов, не уяснив себе различной природы этих знаний, а, следовательно, и неопределенности указанного понятия; но вскоре с большей, чем прежде, ясностью обозначилась — рядом с взглядом на политическую экономию как на науку, аналогичную физике и химии, — анатомико-физиологическая точка зрения. Взгляд на народное хозяйство, как на организм, и на его законы, как на законы анатомии и физиологии, противостоит физическому воззрению, биологическая точка зрения исследования — атомистической.

Научное исследование не остановилось на этом усложнении методологической проблемы. Стали указывать, что социальные явления вообще и явления народного хозяйства в частности принимают различный характер в зависимости от индивидуальных свойств народов, от местных условий, главным же образом от различия ступеней развития общества, что эти явления обнаруживают временные и местные отличия, которые не могут не оказывать существенного влияния на законы этих явлений. Стремление к универсальным и неизменным законам народного хозяйства, независящим от местных и временных условий, и тем самым — к науке о таких законах, оказывалось с этой точки зрения недопустимым, ошибочным, абстракцией от «полной эмпирической действительности» явлений, а соображение местных и временных различий народнохозяйственных явлений представилось неизбежным постулатом исследования не только в области «практического учения о народном хозяйстве», но и в области теоретической национальной экономики — «науки о законах народного хозяйства».

Иные пошли еще далее — стали совершенно отрицать всякую аналогию между законами природы и законами народного хозяйства, характеризуя последние, как законы исторического развития (как параллелизмы хозяйственной истории), или как законы больших чисел (как параллелизмы статистики народного хозяйства); и вот наряду с атомистическим

и органическим пониманием проблемы нашей науки, и наряду с стремлением к установлению национальной и исторической точек зрения в теоретическом учении о народном хозяйстве, выступило историко-философское и статистико-теоретическое направление исследования.

Мало того, появилось направление исследования, которое подвергло сомнению самый характер политической экономии, как «науки о законах народного хозяйства», и усвоило взгляд на политическую экономию, как на специфически историческую науку, вроде исторической юриспруденции и исторического языкознания, стало выдавать историческое объяснение за единственно правильную и достижимую цель исследования в области народного хозяйства. К разнообразным взглядам на природу народно-хозяйственных законов и соответственно этому — теоретической науки о народном хозяйстве, которая рассматривалась как совокупность этих законов, присоединился еще взгляд на политическую экономию, как на науку специфически историческую.

Несогласие воззрений не ограничилось формальной природой истин нашей науки. Тогда как одни считали национальную экономию наукою о законах «народно-хозяйственных явлений», другие усматривали в этом непозволительное изолирование одной особенной стороны народной жизни; теория, что явления народного хозяйства должны быть трактуемы в нераздельной связи с общим социальным и государственным развитием народов, приобрела многочисленных сторонников среди экономистов. К этому разногласию относительно формальной природы истин нашей науки и относительно самой науки этой присоединилось еще разногласие относительно объема и границ подлежащей ей области явлений; многим даже показалось сомнительным, можно ли вообще трактовать о политической экономии, как о самостоятельной науке, а не как об одной органической части универсальной общественной науки.

О правах всех этих направлений исследования, отчасти противоречащих друг другу, отчасти сливающихся между собою и дополняющих друг друга, идет спор вот уже около полу столетия, и едва ли нужно говорить, что такое положение дела всего менее могло способствовать развитию методики нашей науки. Ну, как может придти к удовлетворительным результатам изыскание о путях, ведущих к целям исследования в области политической экономии (о собственной методике!), как может возникнуть в ученом мире серьезный интерес к этим проблемам, когда даже самые цели обретаются еще в области сомнений?

Настоящее сочинение вызвано насущнейшею потребностью настоящего времени в области политической экономии и должно служить этой потребности, как я ее понимаю. Сочинение это занимается, соответственно нынешнему состоянию исследований по теории познания, преиму-

щественно выяснением сущности политической экономии, составных частей ее, природы ее истин, короче — целями исследования в области нашей науки; методика в более тесном смысле слова должна составить предмет будущих исследований, к которым должен будет возбудиться интерес, лишь только будет достигнуто хотя бы некоторое соглашение от- носительно рассмотренных здесь основных проблем.

Тогда, быть может, и разрешение второй части вышеуказанной задачи представится более легким, нежели это кажется с первого взгляда. Ведь всякий, кто хотя бы немного знаком с соответственной литературой, знает, как много издавна занимается философское исследование собственно методологическими проблемами теории научного познания и каких цен- ных результатов достигло оно в этой области. Раз мы вполне уясним себе цели исследования в области народного хозяйства, то выяснение путей, ве- дущих к этим целям, вероятно, не будет слишком трудно, если только все, призванные содействовать основанию методики политической экономии, постараются серьезно воспользоваться результатами всеобщих исследова- ний по теории познания для специальных задач нашей науки, воспользо- ваться серьезнее и рассудительнее, нежели это делалось до сего времени.

Напрасно, конечно, стали бы мы искать в сочинениях логиков выясне- ния целей исследования в области политической экономии. Уразумение природы истин этой области знания может явиться результатом полного и умелого рассмотрения области явлений, подлежащей нашему исследо- ванию, и особенных требований, предъявляемых к нашей науке жизнью. Нет сомнения, что в указанном отношении не мы от логиков, а они от нас вполне вправе ожидать всего, и что часто обнаруживающееся в новейшее время среди немецких экономистов стремление искать в трудах знаме- нитых логиков объяснения целей исследования в области собственной своей науки, следует считать признаком весьма неудовлетворительного состояния этой части теории познания нашей науки. Но я глубоко убеж- ден, что коль скоро мы достигнем более положительных результатов по вопросу о природе истин политической экономии, то при исследовании формальных условий их выяснения, ведущих к ним научных путей, всеоб- щие исследования по теории познания принесут нам огромную пользу.

Разумеется, и тогда еще немного будет сделано для нашей науки, далеко отставшей от других дисциплин. Да я и не скрываю, что далек от мысли ста- вить слишком высоко значение методики для исследования вообще и спе- циально для исследования в области политической экономии. Важнейшие научные результаты достигнуты людьми, которые стояли далеко от мето- дологических исследований, тогда как величайшие методологи нередко выка- зывали себя весьма бесплодными исследователями в области тех наук, на- учные пути которых они сумели указать с поразительной ясностью. Между

установлением методики и удовлетворительным построением науки лежит неизмеримое пространство, перешагнуть которое может лишь гений ее исследователей. Положительный талант исследования весьма часто и без выработанной методики творил науку, или совершенно преобразовывал ее, методика же без положительного таланта исследования никогда еще этого не достигала. Методика, представляя чрезвычайную важность для второстепенных работ в области науки, имеет менее важное значение для тех огромных проблем, разрешать которые дано лишь гению.

Лишь в одном случае методологические исследования представляются мне самыми важными и насущно необходимыми для развития науки. Когда в какой-либо научной области по каким-нибудь причинам утрачивается правильное понимание целей исследования, вытекающих из природы вещей, когда второстепенным задачам науки придается чрезмерное, или даже решающее значение, когда ошибочные методологические положения, внесенные влиятельными школами, получают господствующее значение, и односторонность становится судьей над всеми стремлениями в данной области знания, одним словом, когда прогресс науки ощущает преграду в господстве ошибочных методологических положений, — тогда ясная постановка методологических проблем является непременным условием всякого дальнейшего прогресса, и вместе с тем наступает момент, когда вступить в борьбу за методы обязываются даже те, которые при других обстоятельствах охотнее направили бы свои силы на разрешение настоящих задач их науки.

Именно таковым представляется мне современное состояние исследования в области политической экономии в Германии, состояние, едва ли замечаемое теми, которые не следили внимательно за развитием этой науки в последние десятилетия.

Разноречие взглядов на природу нашей науки, на ее задачи и границы, в особенности же стремление поставить новые цели исследования в области политической экономии — возникли первоначально вовсе не из интереса экономистов к исследованиям по теории познания. Начинаются они вместе с появлением сознания, что национально-экономическая теория в том виде, как она вышла из рук А. Смита и его учеников, не имеет прочных оснований, что даже самые элементарные проблемы ее отнюдь не получили удовлетворительного разрешения, что она представляет особенную неудовлетворительность в качестве основания для практических наук о народном хозяйстве, а вместе с тем и для практики в области народного хозяйства. Еще до появления исторической школы немецких экономистов все большее и большее распространение получает убеждение, что господствовавшая до того времени вера в законченность нашей науки ошибочна, что последняя нуждается, напротив, в коренной реформе.

Для реформы нашей науки, раз убедились в необходимости ее, представлялось три пути. Можно было или преобразовать политическую экономию на основе прежних понятий о сущности и задачах ее, усовершенствовать установленное А. Смитом учение с тех точек зрения, из которых оно проистекло, или же открыть исследованию новые пути. Реформа могла состоять в реформировании или прежней практики, или теории исследования.

Кроме этих двух направлений реформы, различных по своей сущности и тенденции, можно было избрать и еще одно направление, связующее оба указанные реформаторские стремления в известном высшем смысле. Можно было стремиться к реформе политической экономики при сохранении прежних точек зрения, и вместе с тем открывать путь новым направлениям. Ни одно из направлений исследования не обнимает всех задач последнего; прогрессирующее познание реального мира и его процессов, возрастающие требования от теоретических и практических знаний, вызывают постоянно новые направления научного познания; отдельное направление исследования, само по себе основательное, оказывается однако недостаточным в отношении всей совокупности задач, которые должна разрешить наука. Это применимо, в частности, и к теории какой-либо науки; законченность ее может быть обретаема лишь в удовлетворительной разработке всех основательных направлений теоретического исследования и в построении из результатов их одной теоретической науки, или системы таковых; так в теоретических естественных науках, так в теоретических социальных науках вообще и в теоретической науке о народном хозяйстве в частности. Открытие новых ветвей теоретического исследования может идти рука об руку с реформой прежних.

Первый из вышеозначенных путей к реформе науки о народном хозяйстве, хотя, по-видимому, и простейший, и ближайший, представлял на самом деле по многим основаниям чрезвычайные трудности; приходилось достигать того, к чему тщетно стремились талантливейшие умы всех народов прежними путями исследования; обо что разбивался их гений, то приходилось преодолевать; нужно было не только критиковать, или открывать какие-либо обширные перспективы, нужно было создать что-либо положительное. Это направление исследования требовало от исследователей положительных работ выдающейся оригинальности и притом в такой области знания, которая, по чрезвычайным своим трудностям, предъявляет к исследователю крайне высокие требования.

Попытки в этом направлении представляли и по другим основаниям мало заманчивого. Реформирование науки при посредстве прежних путей исследования всего более затруднительно и всего менее благодарно, когда выдающиеся умы уже предпринимали это и безуспешно: сила авто-

ритета их парализует уверенность последующих исследователей и вместе с тем препятствует признанию действительно достигнутых результатов; она удручает деятельность ума творческого и свободу суждения ума рецепирующего.

Все эти обстоятельства в совокупности делали реформу нашей науки, при сохранении прежнего понимания ее, столь же затруднительной, сколь и мало заманчивой. Национально-экономическая теория, как ее установила в главных частях так называемая классическая школа английских экономистов, не в состоянии была удовлетворительно разрешить проблему науки о законах народного хозяйства, однако авторитет их учения тяготеет над всеми нами и препятствует дальнейшему прогрессу на том же пути, на котором дух исследования в течение столетий еще задолго до А. Смита пытался разрешить великую проблему основания теоретических социальных наук.

Гораздо проще и благодарнее казался другой путь к реформе нашей науки. Неудовлетворительное состояние ее объясняли не недостаточностью творческих сил для разрешения ее проблем, а ошибочностью направления исследования: все спасение заключается в установлении нового направления. Кто создал таковое, должен быть признан реформатором политической экономии, хотя бы он на самом деле не сделал ничего ценного для углубления и исправления последней, ничего непосредственно для разрешения ее проблем, а удовлетворялся бы лишь открытием обширных перспектив, удовлетворялся бы исследованиями, которые, хотя сами по себе и основательны, но входят в совершенно особенную от политической экономии область знания, хотя бы он довольствовался в остальном компиляцией, без всякого целостного построения, результатов прежних направлений исследования, т.е. именно тех, которые им же были признаны ошибочными и подвергнуты строжайшему осуждению.

Различные обстоятельства способствовали указанным стремлениям. В области языковедения, государствоведения и юриспруденции возникли новые направления исследования и привели к результатам, которые не только по достоинству были оценены ученым миром и общественным мнением, особенно в Германии, но, по крайней мере некоторое время, даже значительно переоценивались. Как напрашивалась мысль перенести эти стремления и в нашу область знания! Чтобы достигнуть славы реформатора политической экономии требовалось не более, как только живая наклонность к аналогиям исследования. Реформа политической экономии в прежнем ее понимании была столь же затруднительна, сколь и бесславна; напротив, слава открывателя новых путей, новых направлений исследования достигалась с такой чрезвычайно умеренной затратой духовных сил. Удивительно только, что у настоящих ученых-экономистов Германии

дальнейшее развитие теории приходило все более в упадок, а все те, которые стремились к быстрому успеху, следовали по новым путям, особенно по таким, на которых всякий, даже менее значительный талант, недостаточный для исследования больших задач народного хозяйства и для точного анализа его явлений, мог найти себе полезную деятельность!

При этом упущено было, конечно, глубокое различие между формальной природой политической экономии и тех наук, из которых более или менее механически заимствовались основания и даже результаты исследования, в частности же не понята была действительная тенденция того научного движения, которое преобразовало юриспруденцию на историческом основании. Удивительные заблуждения, как я это укажу, имели решающее значение при реформе политической экономии ее немецкими преобразователями; новые направления исследования в значительной мере были результатом ошибочных аналогий и непонимания настоящих задач политической экономии.

Однако, даже там, где появлялось какое-либо новое, основательное само по себе направление исследования, оно не было результатом глубокого проникновения в систему проблем, разрешить которые предстоит науке в области народного хозяйства. Мы видим, что повсюду повторяется одно и то же явление: реформа политической экономии ставится в зависимость от успехов данного специального направления исследования, притом нередко более или менее второстепенного свойства, а основательность всякого иного направления — отвергается. Стремление устранить неудовлетворительное состояние политической экономии путем открытия новых путей исследования привело в Германии к ряду отчасти ошибочных, отчасти односторонних пониманий сущности нашей науки и ее задач, к пониманиям, которые отделили немецкую национальную экономию от литературного движения всех остальных народов; их стремления, ввиду своей односторонности, в некоторых случаях казались негерманским экономистам просто-таки непонятными.

Едва ли поэтому нужно говорить, что при таком положении дела реформа политической экономии на вышеуказанных мною универсальных основаниях была весьма далека от кругозора немецких реформаторов этой науки. Из всех представителей означенных направлений не нашлось ни одного, способного окинуть взором всю совокупность задач, подлежащих разрешению науки о законах народного хозяйства, осмыслить отдельные направления теоретического исследования, как вполне здоровые ветви одного целого — теоретической науки о народном хозяйстве, и понять отношения их к остальным, нетеоретическим отраслям исследования в области народного хозяйства; даже стремления к такому универсальному пониманию методологической проблемы никем не

обнаружено. Напротив, повсюду выступают перед нами направления исследования, то ошибочные, то, хотя и основательные, но по отношению к целому (политической экономии) более или менее второстепенные; и тем не менее каждое из них в отдельности отождествляется со всем вообще исследованием в области народного хозяйства в полном его объеме.

Этим именно и объясняется неудовлетворительность современного состояния политической экономии в Германии. Главное зло не в том, что реформаторы нашей науки в Германии, выступившие с такой уверенностью, на самом деле не устранили недостатков ее, не в том, что в погоне за относительно маловажными задачами были утеряны из виду главные цели исследования в области политической экономии, а отчасти и самая наука, зло заключается в слишком низкой оценке и даже совершенном отрицании всех остальных направлений исследования, нередко таких, которые по отношению к целому нашей науки являются наисущественнейшими.

Таким-то образом наступил момент, когда по необходимости научный интерес должен сосредоточиться на методологических исследованиях в области политической экономии. Прогресс нашей науки встречает в настоящее время преграду в господстве ошибочных методологических положений; поэтому теперь слово за методикой, пока выяснением целей исследования и затем научных путей к ним не будут устранены те препятствия, которые вследствие ошибочных методологических положений возникли на пути прогресса политической экономии в Германии.

Что касается результатов, к которым я пришел, то вряд ли приходится мне об этом распространяться. Я изложил свои выводы в столь простых и ясных словах, насколько вообще было это возможно при трудности рассматриваемых здесь вопросов. Пусть они говорят теперь сами за себя. Я с своей стороны сделаю лишь одно замечание, касающееся моих отношений к сотоварищам по науке в Германии.

В значительной степени полемический характер настоящего сочинения, что я вполне сознаю, отнюдь не вытекает из недоброжелательства к заслуженным представителям нашей науки, а объясняется скорее свойством задач, которые я себе поставил; он необходимо вытекает из моего воззрения на современное состояние политической экономии в Германии. Полемика против господствующего ныне направления исследования в национальной экономике не была для меня целью сама по себе, но и не была лишь внешней приправой; она составляла существенную часть моей задачи, она должна была быть сильной и решительной, даже под опасением кое-когда задеть за живое.

Если этим и может быть причинен ущерб внешнему успеху моего сочинения, по крайней мере вначале, то это несколько меня не беспокоит. Новейшая экономическая литература Германии, в сущности мало уважаемая за

границей, по своим тенденциям едва понятная там, изолированная в течение десятилетий, стояла вне влияния серьезных противников и в непоколебимой вере в свои методы отвергала строгое самоиспытание. Всякого, кто следовал в Германии иному направлению, скорее оставляли в стороне, нежели опровергали. Такой порядок, продолжавшийся весьма долго, создал лишенную всякого смысла фразеологию по коренным проблемам методики нашей науки, фразеологию, которая тем губительнее была для развития политической экономии в Германии, что, не затрагиваемая серьезной критикой, бессмысленно повторялась, и таким образом даже могла обнаружить претензию ознаменовать собою переворот в области нашей науки. При таких обстоятельствах ощущалась потребность прежде всего в беспристрастном обзоре и проверке, в серьезной критике. В этом направлении нужно было наверстать многое, упущенное другими.

Беспристрастный читатель, однако, тотчас увидит, как мало стремился я к умалению моих немецких со товарищей по науке. Я нигде не упускал случая отдать полную справедливость заслугам некоторых; но и там, где я должен был выступать против ошибочных направлений исследования или односторонностей их, я всегда старался тщательно отмечать в опровергаемых мною учениях истинные их части. Нигде не ограничивался я лишь общими фразами, но в каждом отдельном случае пытался проникнуть в глубь спорных пунктов. Мною руководила мысль вернуть исследование в области политической экономии в Германии к ее настоящим задачам, освободить его от односторонностей, губительных для развития нашей науки, вывести ее из ее изолированного состояния от всеобщего литературного движения, и таким образом подготовить на немецкой почве реформу политической экономии, в которой так настоятельно нуждается эта наука по своему неудовлетворительному состоянию.

Каждый великий культурный народ имеет свою особенную миссию в разработке наук, и всякое заблуждение всех или значительной части ученых какой-либо страны порождает известный пробел в развитии научного знания. И политическая экономия не может обойтись без содействия немецкого ума; помочь вывести его на правильный путь — вот цель, которая, без всяких побочных соображений, преследовалась в настоящем сочинении.

Автор
Вена. Декабрь, 1882

КНИГА ПЕРВАЯ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ КАК НАУКА ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОТНОШЕНИЕ ЕЕ К ИСТОРИЧЕСКИМ И ПРАКТИЧЕСКИМ НАУКАМ О НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

ГЛАВА 1. Различные точки зрения исследования в области народного хозяйства

Различие между историческими и теоретическими знаниями вообще и таковыми о народном хозяйстве в особенности. Сущность и задачи исторических знаний о народном хозяйстве. Сущность, задачи и значение теории народного хозяйства. Сущность и задачи практических знаний о народном хозяйстве; их отношение к теоретической национальной экономике и к практике народного хозяйства.

Мир явлений может быть рассматриваем с двух весьма различных точек зрения. Он представляет или конкретные явления в их положении в пространстве и времени и в их взаимных конкретных соотношениях, или же повторяющиеся, при их взаимодействии, формы явлений, изучение которых служит предметом научного интереса. Первое направление исследования состоит в познании конкретного, правильное — индивидуального явления, второе — в познании родового; соответственно этим двум главным направлениям изучения, перед нами выступают две большие группы научных знаний, из которых первую назовем кратко индивидуальной, вторую — родовой¹.

Интерес, который представляет для человеческого ума изучение конкретных явлений (индивидуального), и значение такового для практичес-

¹ Мы употребляем здесь выражение «индивидуальное» лишь для того, чтобы отличить от «родового», и конкретные явления от форм явлений.

ской жизни — очевидны сами по себе; то же и относительно формальной природы результатов научного изучения индивидуального. Но не столь легко поддается общему разумению сущность и значение родовых познаний, и потому, — ввиду важности этого предмета для понимания природы теоретических наук и их отношения к историческим, — здесь уместно сделать некоторые по этому поводу замечания.

Несмотря на большое разнообразие конкретных явлений, мы можем, даже при беглом взгляде, заметить, что не каждое отдельное явление представляет особую, отличную от всех остальных, форму; нет, опыт показывает нам, что известные явления с большей или меньшей правильностью повторяются и при смене вещей снова возвращаются. Такие формы явлений мы называем *типами*. Подобное же наблюдается и во взаимных соотношениях конкретных явлений. Эти соотношения тоже отнюдь не имеют вполне своеобразного характера; нет, мы можем без труда наблюдать в большей или меньшей степени повторяющиеся соотношения (например, известную правильность в последовательности, в развитии, в сосуществовании), соотношения, которые мы называем *типическими*. Например, явления купли, денег, спроса и предложения, цены, капитала, процентов — суть типические формы экономических явлений; а правильное падение цены товаров вследствие усиления предложения, возрастание товарной цены вследствие расширения перевозочных средств, падение процентов вследствие значительного прилива капиталов и т.п. — суть типические соотношения между экономическими явлениями. Различие между тем, что мы называем родовыми и индивидуальными явлениями и родовыми и индивидуальными познаниями, вполне выясняется из сказанного.

Исследование типов и типических соотношений между явлениями несомненно имеет чрезвычайное значение для человеческой жизни, не менее важное, чем изучение самих конкретных явлений. Без познания форм явлений мы не могли бы ни обнять окружающих нас мириад конкретных явлений, ни освоить их в нашем уме; оно является необходимым условием всякого полного познания реального мира. Без познания типических соотношений мы не только не могли бы приобрести более глубокого понимания реального мира, как увидим это далее, но, что вполне очевидно, точно также и вообще какого-либо знания, выходящего за пределы непосредственного наблюдения, т.е. лишились бы всякой возможности *предвидения и господства над вещами*.

Выражений «конкретный» и «абстрактный» мы будем здесь умышленно избегать, так как они имеют несколько значений и притом не выражают точно означенного противоположения.

Всякое человеческое предвидение и всякая, при посредстве его, возможность произвольно устраивать известный распорядок вещей обусловливается именно теми познаниями, которые мы выше назвали родовыми.

Все сказанное здесь относится ко всем областям мира явлений, а вместе с тем к человеческому хозяйству вообще и к общественной форме его — «народному хозяйству» — в частности². Явления этого последнего мы также можем рассматривать с вышеуказанных двух различных точек зрения; и в области народного хозяйства мы также должны проводить различие между индивидуальными (конкретными) явлениями и их индивидуальными (конкретными) соотношениями в пространстве и времени — с одной стороны, и между типами (формами явлений) и типическими соотношениями этих последних (законами в самом широком смысле слова) — с другой стороны; и в области народного хозяйства перед нами выступают индивидуальные и родовые познания и, соответственно этому, науки об индивидуальном и о родовом в явлениях. К первым относятся история и статистика народного хозяйства, ко вторым — теоретическое учение о народном хозяйстве (теоретическая национальная экономия); первые две науки имеют задачей исследование индивидуальных³ народно-хозяйственных явлений (хотя и с различных точек зрения), последняя — исследование форм явлений и законов (общей сущности и общей связи) народно-хозяйственных явлений⁴.

² См. Приложение I. Сущность народного хозяйства.

³ «Индивидуальное» не может быть никоим образом смешиваемо с «сингулярным», или что то же — «индивидуальные явления» с «сингулярными явлениями». Противоположением «индивидуального» является именно «родовое», тогда как противоположением «сингулярного явления» — «коллективное явление». Например, известный народ, известное государство, конкретное хозяйство, известный союз, общество и т.д. суть явления индивидуальные, но никак не сингулярные (а коллективные), тогда как формы явлений — годности, потребительной ценности, предприятий и пр. суть, конечно, родовые, но вовсе не коллективные явления. То обстоятельство, что исторические знания о народном хозяйстве излагают индивидуальные явления его, не исключает, конечно, необходимости уяснения их при посредстве точки зрения коллективного исследования. Различие между исследованием и изложением здесь — индивидуального, там — родового в человеческих явлениях и есть именно то, что отличает общественные науки исторические от теоретических.

⁴ Теоретическая наука о народном хозяйстве имеет своей задачей исследование общей сущности и общей связи народно-хозяйственных явлений, а

Указанное противоположение, хотя и в несколько ином смысле, обозначается нередко делением наук на исторические и теоретические. История и статистика народного хозяйства суть, в указанном смысле, науки исторические, а национальная экономия — наука теоретическая⁵.

Кроме этих двух больших групп наук мы должны еще упомянуть здесь о третьей группе, природа которой существенно отличается от обеих вышеуказанных; мы разумеем так называемые практические науки или искусства (*Kunstlehren*).

Науки этого рода объясняют нам явления не с исторической и не с теоретической точек зрения исследования; они учат нас вообще не тому, что есть. Их задача состоит в установлении оснований, на которых могут быть наиболее целесообразно достигаемы определенного рода стремления, смотря по различию данных обстоятельств. Они учат нас тому, что, сообразно с существующими обстоятельствами, должно быть для того, чтобы можно было достигнуть определенных целей. В области политической экономии практическими науками этого рода являются народнохозяйственная политика и финансовая наука.

не только анализ народно-хозяйственных понятий и извлечение вытекающих из этого анализа заключений. Явления, известные стороны их, а вовсе не словесное их выражение, понятия — составляют предмет исследования в области народного хозяйства. Анализ понятий может в отдельных случаях иметь известное значение для изложения теоретических познаний о народном хозяйстве; цель же исследования в области теоретической национальной экономии заключается, однако, всегда лишь в уяснении общей сущности и общей связи народно-хозяйственных явлений. Это признак недостаточности понимания, обнаруживаемой некоторыми представителями исторической школы в отношении целей теоретического исследования, когда они усматривают в исследовании сущности богатства, сущности хозяйства, сущности ценности, цены и пр. — лишь анализ понятий, а в стремлении к точной теории народно-хозяйственных явлений видят лишь «установление системы понятий и определений» (ср. особ. Roscher'a: *Thukydides*. S. 27). В подобную же ошибку впадает ряд французских экономистов, которые в своем извращенном понимании «теории» и «системы» разумеют под ними положения, добытые дедуктивным путем исключительно из априорных аксиом и научные построения их (ср. особ. J. B. Say: *Cours*, 1852. I. P. 14 ff. и J. Garnier, говорит: «C'est dans le sens de doctrine erronnée, qu'on prend le mot «Systeme» en économie politique. *Traité d'Econ. Pol.* 1868. S. 648).

⁵ См. Приложение II. Понятие теоретической национальной экономии и сущность ее законов.

Таким образом, в области народного хозяйства для наших специальных целей надлежит различать три группы знаний: во-первых — знания исторические (история)⁶ и статистика⁷ народного хозяйства, кото-

⁶ Knies (Pol. Oek., 1853. S. 3 ff.) определяет задачу экономической истории следующим образом: «Она заключается в выяснении и изложении не только исторического развития национально-экономической теории, стремлений и практики государственных властей в целях удовлетворения их вещественных потребностей и споспешествования хозяйственным интересам народа, но и хозяйственного положения и развития в действительной жизни различных наций в различные времена». Нам задача научной народно-хозяйственной истории представляется троякой: 1) изыскание источников истории народного хозяйства; 2) внешняя и внутренняя критика этих источников и 3) изложение, на основании добытого этим путем исторического материала, развития тех коллективных явлений, которые мы именуем «народным хозяйством». — Чем обширнее изучение источников, чем тщательнее и методичнее критика их и чем талантливее изложение, тем в большей степени удастся историку дать нам целостную, соответствующую реальным отношениям картину истории народного хозяйства отдельных народов, определенных народных групп или даже всего человечества. Напротив, ненаучной кажется нам метода тех, которые компилируют историю хозяйства народов исключительно по собранным заметкам, не обращаясь к источникам и не прилагая к ним хотя бы поверочной критики; таков же и прием тех, которые дают нам более или менее внешним образом упорядоченный материал, но вовсе не целостную картину народно-хозяйственного развития, и которые подобное собрание более или менее не подвергнутых критике заметок выдают за историю.

⁷ Статистика, в качестве науки исторической, имеет те же задачи, что и история, но только не в отношении развития, а — состояния общества. Неподверженные критике компиляции, или совершенно внешние, лишённые высшего единства собрания статистического материала не могут считаться научными работами. — Определения исторической статистики, как «покоящейся истории», как «профиля исторического развития», как «изображения общества в определенный момент времени и т. п. суть ложные обозначения истинной природы этой науки. Историческая статистика должна давать нам не внешнюю картину общества в определенный момент времени, картину, которая, в зависимости от выбора этого момента, может получиться весьма различной, а в отношении ко всей сложности народной жизни — в высшей степени несовершенной, но изображение всех (даже и скрытых в данный момент) факторов общественной жизни, обуславливающих движение общества; история же имеет целью описание этого движения. — От статистики, как науки исторической, нужно отли-

рые имеют своей целью исследование и изображение индивидуальной сущности и индивидуальной связи; во-вторых — теоретическая национальная экономия, имеющая дело с родовой сущностью и родовой связью (законами) народно-хозяйственных явлений; наконец, в-третьих — практические знания о народном хозяйстве⁸, изыскивающие основания для принятия целесообразных, соответственно различию обстоятельств, мероприятий в области народного хозяйства (народно-хозяйственная политика и финансовая наука).

Под политической экономией⁹ мы будем понимать ту совокупность теоретико-практических знаний о народном хозяйстве (теоре-

чать добытые путем массового наблюдения статистические данные, которые, в противоположность как исторической, так и теоретической статистике, являются лишь простым научным материалом. Как не могут называться «историей» открытые исторические источники и даже критически установленные исторические факты сами по себе, так точно не могут называться «статистикой» простые статистические данные. И метод добывания статистических данных, само собой понятно, должен отличаться от метода научного изложения результатов их. «Статистика как наука» никогда не может быть только голым методом. — То, что обыкновенно называют «теорией статистики», в сущности есть только методика (так называемая теория познания!) этой науки. Правильно говоря, теоретической статистикой следовало бы признавать только результаты действительно теоретического исследования статистического материала, законы сосуществования и последовательности социальных феноменов, вытекающие из исследования этого материала. «Законы больших чисел» образуют самую важную составную часть, но никак не исключительное содержание теоретической статистики.

⁸ См. Приложение III. «Отношение практических знаний о народном хозяйстве к практике последнего и к теоретическому учению о народном хозяйстве».

⁹ Впервые употребившим выражение «политическая экономия» (Economie politique, считают Montchrétien Sieur de Vateville, который в 1615 г. выпустил у Ж.Осмонта в Руане свой «Traicté de l'économie politique». Это, получившее столь широкое распространение, выражение находится, однако, лишь в заглавии сочинения, но его нет ни в королевской привилегии, где оно названо «Traicté économique du profit», ни где-либо в тексте; поэтому оно кажется нам результатом мимолетного вдохновения автора, или даже, быть может, обязано своим происхождением, уже по отпечатаии текста, какому-нибудь современному ему трактату. Это сочинение, распадающееся на 3 книги: о ремеслах, торговле и мореплавании, по содержанию, главным образом, является практическим учением о народном хозяйстве (ср. J. Garnier: Journal des

тическую национальную экономию, народно-хозяйственную политику и финансовую науку), которую теперь обыкновенно обнимают указанным названием¹⁰.

ГЛАВА 2. ОШИБКИ, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ НЕПОНИМАНИЯ ФОРМАЛЬНОЙ ПРИРОДЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ

Смещение исторических знаний о народном хозяйстве с теорией последнего. Смещение исторического и теоретического уразумения народно-хозяйственных явлений. Ошибочность перенесения точки зрения исторической юриспруденции непосредственно в теоретическую национальную экономию. Недостаточное отделение этой последней от практических хозяйственных наук. Объяснение этого заблуждения историей политической экономики. Вред, возникший из этой ошибки для систематики, методики и успехов политической экономики вообще.

Подробное изложение сущности и значения так называемой исторической точки зрения в политической экономике войдет во вторую книгу, где будут указаны и те ошибки, которые возникают в нашей науке вследствие непонимания того, что можно бы назвать неисторической точкой зрения в политической экономике. Но прежде чем приступить к разрешению этой задачи,

Economistes, август—сентябрь 1852. Duval: Mémoire sur Antoine de Montchrétien. P. 1868). Выражение «политическая экономия» употреблено уже в псевдоаристотелевской экономике, хотя только в смысле городского хозяйства. В средневековой латыни слово «politia», а еще чаще — «politica» употребляется в смысле искусства управления (у старейших глоссаторов эти выражения переводятся следующим образом: «Statordenunge, regiment eyner stat, kunst von der regierung der stat, ein kunst von stetten zu regieren». «Oeconomia» в средневековой латыни по большей части означает «praedium», «villa rustica»; Oeconomus — владыка, defensor, advocatus и т.п. Сочетания же обоих указанных выражений я до сих пор нигде не находил у старинных писателей, равно как и у отцов церкви (ср. Du Cange, 1845. V. 333 ff. и IV, 696. Laur. Diefenbach, Glossarium Latino-german, 1857. P. 445). Предшествовавшие Montchrétien'y сочинения трактуют, примыкая к аристотелевской терминологии, о политике, экономике, но не о политической экономике.

¹⁰ См. Приложение IV. Терминология и классификация наук о народном хозяйстве.

следует вспомнить о тех заблуждениях, которые вообще возникли из непонимания формальной природы политической экономии и ее положения среди других наук. Необходимо это потому, что не только ошибки эти обнаружались главным образом у немецких экономистов, но, как будет указано, в неменьшей степени коренятся в самом, основательном в сущности, но до сих пор неясном и неверно направленном стремлении провести в нашей науке историческую точку зрения. Мы сначала скажем о смешении исторического и теоретического исследования в области народного хозяйства, а затем о смешении теоретических и практических наук о народном хозяйстве.

Выше было указано, что явления могут быть исследуемы с двойкой точки зрения: индивидуальной (исторической, в самом обширном смысле этого слова) и родовой (теоретической). Задача первого направления исследования состоит в познании конкретных явлений в их индивидуальной сущности и их индивидуальной связи; задача второго — в познании форм явлений (типов) и типических соотношений (законов явлений). Конкретные действия, судьбы, институты известных народов и государств, конкретные культурные развития и состояния — вот проблемы, исследование которых составляет задачу истории и статистики, тогда как теоретические социальные науки имеют своей целью изъяснение форм социальных явлений и законов их последовательности, их сосуществования и пр.

Различие между историческими и теоретическими науками обнаружится еще яснее, когда мы остановим наше внимание на какой-либо определенной области явлений. Если мы изберем для этой цели явления народного хозяйства, то задачей теоретического исследования окажется выяснение форм явлений и законов, типов и типических соотношений народно-хозяйственных явлений. Стремясь выяснить формы явлений, повторяющиеся при смене народно-хозяйственных феноменов, например, общую сущность обмена, цены, земельной ренты, предложения, спроса, а равно и типические соотношения между этими явлениями, например, влияние усиления и ослабления предложения и спроса на цены, влияние возрастания населения на поземельную ренту и пр., — мы работаем над возведением здания национальной экономии.

Исторические знания о народном хозяйстве, напротив, изъясняют нам сущность и развитие каких-либо отдельно взятых народнохозяйственных явлений, как, например, состояние или развитие хозяйства какого-нибудь народа, или определенной народной группы, состояние и развитие какого-нибудь народно-хозяйственного института, историю цен, поземельной ренты в известной хозяйственной области и т.д.

Таким образом, теоретические и исторические знания о народном хозяйстве обнаруживают на самом деле коренное различие, и только пол-

ное непонимание истинной природы этих наук могло привести к смешению их, или к возможности появления мнения, будто они могут взаимно замещать друг друга. Напротив, ясно, что подобно тому как теоретическая народно-хозяйственная наука никогда не может заменить для нашего познания историю и статистику народного хозяйства, так точно и наоборот — самые обширные исследования в области обеих последних наук не могут быть поставлены на место теоретической народно-хозяйственной науки без того, чтобы не оставить пробела в системе народно-хозяйственных знаний¹¹.

Если, тем не менее, целый ряд писателей-экономистов воображают, что они трудятся над национальной экономией, в то время как на самом деле занимаются историческими исследованиями в области народного хозяйства, то выяснение причины этого, столь странного заблуждения представляет, конечно, действительный интерес. Последующее изложение наше должно дать ответ на этот вопрос, имеющий высокое практическое значение по отношению к исторической школе немецкой национальной экономики.

Цель научного исследования заключается не только в п о з н а в а н и и, но и в п о н и м а н и и явлений. Мы познали явление, когда в своем уме представили его образ; мы поняли его, когда постигли причину существования его и его отличительных свойств (причину его бытия и именно такого бытия его).

А достигнуто понимание социальных явлений может быть двояким путем.

Мы понимаем конкретное явление специфически и с т о р и ч е с к и м способом (через посредство его истории), когда мы исследуем его инди-

¹¹ Какая смутность господствует в отношении указанной элементарнейшей проблемы национально-экономической методике, об этом ср. Roscher: System, I. § 26, где простое описание, во-первых, хозяйственной природы и потребностей народа, во-вторых, законов и учреждений, установленных для удовлетворения потребностей, и, наконец, большего или меньшего успеха, который они имели, — он выставляет задачей теории, и результаты такого направления исследования считает за «анатомию и физиологию народного хозяйства»! Впрочем, уже и среди последователей исторической школы все более и более обнаруживается реакция против указанного заблуждения, более проявляющегося в практике, нежели в теории исследования; это явствует из новейших сочинений Knies'a, Schmoller'a, Held'a, наконец, Schell'я (Предисловие к «Необходимой реформе народнохозяйственной науки» Инграма). Заблуждение это аналогично тому, которое в области права отождествляло историю права с исторической юриспруденцией.

видуальный процесс образования, т.е. когда мы вводим в свое сознание те конкретные отношения, среди которых оно образовалось и образовалось именно так, как оно есть, со всем его своеобразием.

В какой мере понимание целого ряда весьма важных социальных явлений достигнуто именно путем исследования их истории, т.е. специфически историческим способом, и какое почтенное участие принимала в этой работе немецкая наука — это известно всем. Напомню хотя бы только о праве и языке. Право известной страны, язык известного народа представляют конкретные явления, которые становятся нам более понятными через ознакомление с процессом их образования, т.е. путем исследования того, как известное право, известный язык постепенно возникали, какие влияния имели здесь место и т.п., становится понятным гораздо более, нежели когда мы желаем достигнуть этого понимания исключительно на основании изучения, хотя бы даже совершенно серьезного и глубокого, лишь современного положения вещей. «Материя права, — говорит Savigny, — дана совокупным прошлым наций... проистекла из сокровеннейшего существа наций и их истории»¹². «История, — продолжает Savigny, — представляет не только совокупность примеров, но единственный (!) путь к истинному познанию нашего собственного положения». И в другом месте: «Историческая точка зрения правоведения... видит особенную важность в том, чтобы познавалась та живая связь, которая соединяет настоящее с прошедшим, и без познания которой мы воспринимаем лишь внешний образ правового состояния настоящего момента, но не внутреннее существо его»¹³.

Едва ли нужно указывать, что означенное, само по себе вполне основательное, направление исследования может иметь аналогичное применение и в области народно-хозяйственных явлений. Понимание известных институтов, стремлений и результатов народного хозяйства, состояния народнохозяйственного законодательства в известной стране и пр., точно также может быть достигнуто путем исследования процесса их образования, т.е. специфически историческим путем, как и в области права. Специфически историческое выяснение конкретных явлений вполне применимо и в области народного хозяйства.

Однако историческое выяснение конкретных социальных явлений никоим образом не есть единственное, к которому мы можем стремиться на пути научного исследования¹⁴. Рядом с историческим стоит

¹² Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft, 1815. I. S. 436.

¹³ System des heutigen Römischen Rechtes. Berl., 1840. I. S. XV.

¹⁴ Те, которые ставят на одну параллель историческое направление исследования в области теоретической национальной экономики с таковым в области юриспруденции и считают себя вправе методологическую точку

теоретическое выяснение социальных явлений, одинаково важное и столь же ценное. Мы понимаем конкретное явление теоретически (при посредстве соответственных теоретических наук), когда мы познаем его как специальный случай известной законосообразности в последовательности или в сосуществовании явлений, или другими словами — мы уясняем себе причину существования и своеобразной сущности данного конкретного явления, когда мы вообще изучаем его исключительно как отдельный случай проявления законосообразности явлений. Мы понимаем, например, конкретный случай возрастания поземельной ренты, понижения процента на капитал и т.п. теоретически, представляя себе эти явления (на основании наших теоретических познаний) исключительно как отдельный случай проявления законов поземельной ренты, процента на капитал и т.д. Как история, так и теория социальных явлений вообще и народного хозяйства в частности, дают нам, таким об-

зрения исторической школы юристов просто-напросто переносить в нашу науку, упускают при этом из виду одно очень важное обстоятельство. Историческая школа юристов не признает рядом с исследованиями права в его конкретных формах и в его историческом развитии никакой теоретической науки о праве в собственном смысле этого слова. Для исторической школы юристов юриспруденция есть, таким образом, вообще историческая наука, и цель ее — историческое выяснение права, рядом с которым может иметь место лишь догматика. В области же народного хозяйства, напротив, даже наиболее выдающиеся представители исторического направления признают науку о родовой сущности и законах народно-хозяйственных явлений, теорию последних; историческое направление исследования в теоретической национальной экономике не может поэтому заключаться в отрицании теоретического характера ее и в признании истории народного хозяйства единственным средством для уразумения народно-хозяйственных явлений. Особенности такого исторического направления гораздо разумнее искать только в установлении исторической точки зрения в теории народного хозяйства. То, чего желает историческая школа юристов, и то, к чему по необходимости, доколе будет сохранен характер национальной экономики, как теоретической науки, должны стремиться сторонники исторического метода в национальной экономике, — то и другое различествует между собой, как история и теория, или скорее, как история и теория, освещаемая историческими студиями. Обе школы, несмотря на их общий девиз, глубоко разнятся в методологическом отношении, и механическое перенесение постулатов и точек зрения исследования из исторической юриспруденции в нашу науку является, таким образом, фактом, с которым, немного поразмыслив, не может согласиться ни один образованный в методологическом отношении исследователь.

разом, известное понимание социальных и народно-хозяйственных явлений. Но это понимание в обоих случаях своеобразно, существенно различно, так различно, как самая теория и история.

То обстоятельство, что наша историческая школа экономистов не всегда достаточно ясно разграничивает эти два, столь различные по своей природе и основаниям вида познания народно-хозяйственных явлений, и что вследствие этого могло возникнуть мнение о возможности, по отношению к выяснению народно-хозяйственных явлений, взаимного замещения теории историей и, наоборот, истории — теорией, это обстоятельство и кажется мне первой причиной смешения истории и теории народного хозяйства, столь странный пример которого дает нам указанная школа, осуществляющая в своем стремлении к историческому выяснению народно-хозяйственных явлений лишь историческое направление в теоретической национальной экономике.

К этому присоединилось и другое обстоятельство, которое еще в большей степени, чем только что охарактеризованное, содействовало указанной неясности в отношении формальной природы теоретической национальной экономики и ее положения в ряду хозяйственных наук.

Уразумение конкретных фактов, институтов, отношений и т.д., короче — уразумение конкретных явлений, будь то теоретическое или историческое, должно строго отличать от научных оснований этого уразумения, т.е. от теории и истории этих явлений, и теоретическое уразумение конкретных народно-хозяйственных явлений в частности — от теории народного хозяйства. Научная деятельность, направленная на построение народно-хозяйственной теории, естественно, не должна быть смешиваема с той научной деятельностью, которая имеет своей целью выяснение конкретных народно-хозяйственных явлений на основании теории. Кто стремится к теоретическому уразумению конкретных явлений народного хозяйства — притом на основании господствующих теорий! — тот, как бы старательно и широко ни занимался этим, еще отнюдь не есть теоретик народного хозяйства. Только тот может считаться им, кто ставит себе задачей построение и изъяснение самой теории. Выяснение конкретных явлений народного хозяйства посредством теории, применение теоретической национальной экономики, как средства для этого выяснения, утилизация национально-экономической теории для истории народного хозяйства, — все это задачи историка, для которого теоретические социальные науки в указанном отношении являются науками вспомогательными.

Из всего сказанного явствует ответ на вопрос о сущности тех ошибок, в которые впала историческая школа немецких экономистов, благодаря

взгляду на теоретическую национальную экономию, как на науку историческую. Она не отличает специфически исторического выяснения народного хозяйства от теоретического и смешивает то и другое, т.е. стремление к выяснению конкретных народно-хозяйственных явлений при посредстве истории, а равно и теории народного хозяйства, с исследованиями самих этих наук и в особенности с исследованиями в области теоретической национальной экономики. Она (историческая школа) воображает, что разрабатывает и излагает теорию народного хозяйства, когда, при посредстве истории и теории народного хозяйства, пытается достигнуть выяснения конкретных условий и развития народного хозяйства и сделать это выяснение более глубоким.

В неменьшем заблуждении относительно природы теоретической национальной экономики и ее положения среди народно-хозяйственных наук находятся и те, которые смешивают ее с народно-хозяйственной политикой, науку об общей сущности и взаимной связи народно-хозяйственных явлений — с наукой о правилах для целесообразного направления народного хозяйства и споспешествования ему. Эта ошибка не меньше той, как если бы химию смешивать с химической технологией, физиологию и анатомию — с терапией и хирургией и т.п.; и это заблуждение уже настолько определилось в системе науки, что мы естественно не решаемся оставить его без рассмотрения. Если указанная ошибка существовала не только при зачатках нашей науки, но еще и теперь в единичных случаях появляется в народно-хозяйственной литературе¹⁵ и, вопреки всем принципиальным указаниям, в сильной степени еще и теперь влияет на систематику и методику нашей науки, то возможно, что причины этого нужно искать собственно в историческом развитии теоретических познаний вообще и теоретических познаний в области народного хозяйства — в частности.

Теоретическое познание развивалось повсюду лишь постепенно из практических видов и вместе с пробуждавшейся потребностью в более глубоком научном обосновании практики. И в области народного хозяйства теоретическое познание приняло такое направление развития; первоначально и оно имело характер лишь случайной мотивировки практических правил, и теперь еще остаются, естественно, следы такого происхождения и прежнего подчинения его народно-хозяйственной политике. Как важно, однако, при нынешнем состоянии изучения народного хозяйства строгое отделение теоретических от практических знаний в области нашей науки и к какой запутанности приводит смешение обоих указанных знаний, — становится особенно очевидным во всех вопросах систематики и методики нашей науки.

¹⁵ Ср. Bonamy Price. Practical Polit. Economy. London., 1878. S. 1 ff.

Совместное изложение теоретических и практических знаний имеет необходимым последствием то, что или практические познания должны будут войти в систему теоретических наук, или обратно — эти последние в область практических наук, и это обстоятельство, понятно, исключает всякую сколько-нибудь строгую, согласную с природой соответственных наук систематику изложения, по крайней мере по отношению к одной из них — вполне, в отношении же к другой получается беспрестанное прерывание.

При этом выступает еще то обстоятельство, что соединение обеих групп научных познаний в изложении их почти исключает также и полноту этого изложения. По крайней мере в той форме, в какой это соединение проявляется в новейшее время в нашей науке, оно дает по большей части теорию народного хозяйства в более или менее удовлетворительном виде, напротив народно-хозяйственную политику — лишь в случайных, в высшей степени неполных чертах. Указанный способ изложения политической экономии отнюдь не делает излишними самостоятельные работы по народно-хозяйственной политике, а потому трудно сказать, по крайней мере там, где потребность в полном изложении народно-хозяйственной политики уже достаточно обнаружилась, — какую собственно пользу может приносить указанное соединение теоретических и практических знаний в изложении политической экономии.

Особенно неблагоприятно повлияло указанное соединение теоретической и практической точек зрения на научно-теоретические исследования в области нашей науки. Раз теоретическая и практическая национальная экономия оказываются не обособленными друг от друга, то какую цену могут иметь исследования о методе (о д н о м методе) национальной экономии, т.е. об о д н о м методе двух наук, столь различных по своей природе (одна — теоретическая, другая — практическая); какую цену могут иметь даже исследования об о д н о м методе политической экономии в смысле науки теоретико-практической, обнимающей теоретическое учение о народном хозяйстве, народно-хозяйственную политику и финансовую науку?

Нельзя не признать, что немецкая национальная экономия сумела лучше, чем какая-либо иная литература в этой области знания, избежать рассматриваемой ошибки, и вместе с тем, отчасти, по крайней мере, и ее последствий для систематики и методики нашей науки. Сильная потребность немецких камералистов в широком изложении народно-хозяйственного управления очевидно существенно содействовала этому результату.

Напротив, та ошибка, о которой мы раньше говорили — смешение исторической и теоретической точек зрения в научном исследовании на-

родного хозяйства, привела именно немецкую литературу к самым ошибочным выводам. Возникнув из вполне основательного самого по себе стремления к более широкому и глубокому историческому выяснению конкретных явлений народного хозяйства, эта ошибка, тем не менее, повлияла в высшей степени неблагоприятным образом как на систематику, так и на методику нашей науки; на систематику — потому, что стали считать в нашей науке целесообразным прерывать изложение теории многочисленными экскурсиями в область истории, именно для осуществления «исторического метода»; на методику — потому, что точки зрения и постулаты исторического исследования ошибочно стали переносить в методику теоретической национальной экономики.

Но и в самой области теоретического исследования эта ошибка самым разрушительным образом влияла на успехи нашей науки. Незначительная часть, а почти большинство представителей этой школы не свободно от упрека в том, что слишком много занимались собственно историей народного хозяйства, тогда как, явно или в помыслах, задавались целью создать и изложить теорию народного хозяйства с исторической точки зрения. Вполне основательное само по себе стремление их оставить в стороне неисторическое направление в теоретическо й национальной экономике привело, таким образом, вследствие упоминаемой методологической ошибки, к устранению теоретического характера этой науки и к тому, что, на место теоретического исследования вообще и теоретического исследования с исторической точки зрения в особенности, было поставлено историческое исследование, и с т о р и о г р а ф и я.

Едва ли нужно пояснять, что главным образом именно вследствие этого извращения разработка теоретической национальной экономики представляется почти непочатой в Германии. Историческое выяснение отдельных областей народного хозяйства в последние десятилетия начато и разработано старательными исследованиями немецких экономистов; теория же народного хозяйства, — и не только та, которая отвергает историческую точку зрения в экономической науке, но и в о о б щ е теория народного хозяйства, напротив, к сожалению, осталась позади.

Заслуги принципиального проведения исторической точки зрения в политическую экономию вообще и в теоретическую науку о народном хозяйстве в частности мы никоим образом не можем отнять у исторической школы немецких экономистов, хотя форма, в какую облекалась до сих пор эта мысль, как мы увидим впоследствии, отличается крайней неясностью и непоследовательностью. Но, конечно, никто, как бы высоко он ни ставил значение исторической точки зрения для нашей науки, не станет отрицать, что даже совершенное непризна-

вание этой точки зрения не может, в отношении важности ошибки, идти ни в малейшее сравнение с тем заблуждением, результатом которого оказалось смешение теоретической национальной экономики с историей народного хозяйства. Значительная часть немецких экономистов не сознавая, таким образом, формальной природы теоретической национальной экономики и ее положения среди наук, впали в еще большую ошибку, нежели экономисты какого-нибудь неисторического направления, в ошибку, фундаментальнейшую из всех, в какие только может вообще впасть целая школа ученых: она проглядела самую науку, которую задалась исследовать.

Если бы теоретическая национальная экономика была в настоящее время наукой глубоко разработанной, или по крайней мере законченной в ее основаниях, то критика могла бы еще пройти молчаливым это извращение, оказавшееся на пользу историческим исследованиям народного хозяйства. Но как может она сделать это по отношению к ученой школе, ставшей жертвой такого извращения — в науке, основные положения которой еще не добыты, в науке, в которой до сих пор почти все обретается еще в области сомнений?

Как удачно подходит к этим исследователям, этим по большей части способным историкам, но слабым теоретикам, случайное замечание великого основателя нашей науки по поводу некоторых научных систем: «Systems, which have universally owed their origin to the lucubrations of those, who were acquainted with the one art, but ignorant of the other, who therefore explained to themselves the phenomena, in that (art), which was strange to them, by those (phenomena) in that (art) which was familiar to them»¹⁶.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННАЯ ПРИРОДА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ОБЛАСТИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА НЕ ЛИШАЕТ НАЦИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИЮ ХАРАКТЕРА НАУКИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ

Теоретические науки не представляют одинаковой точности; это обстоятельство не имеет однако никакого влияния на их общий формальный характер. Какова бы ни была степень точности, которую обнаруживают истины теоретической национальной экономики, характер последней, как науки теоретической, остается в полной силе. Она

¹⁶ A.Smith: History of Astronomy. Ed. by Dugald Stewart. Basil., 1799. S. 28 ff.

не может, следовательно, стать ни наукой исторической, ни практической. Ценность теоретических наук для познания и выяснения явлений отнюдь не уменьшается меньшей точностью их истин.

Типы и типические соотношения (законы) мира явлений не представляют вообще одинаковой точности. Изучение теоретических наук показывает нам, что некоторые правильности в сосуществовании и последовательности явлений повторяются без нарушений, и даже есть такие правильности, которые, кажется, даже не допускают ни малейшей возможности каких-либо нарушений; но встречаются и такие правильности, которые допускают исключения, или в которых исключения представляются возможными. Первые (правильности) обыкновенно называют естественными законами, вторые — эмпирическими законами.

Среди методологов наиболее распространен тот взгляд, что в одних областях мира явлений и преимущественно в области природы — можно наблюдать строгие типы и типические соотношения, в других областях и в особенности в области социальных явлений — менее строгие; другими словами — лишь в первой области могут быть наблюдаемы «естественные законы», во второй же — лишь «эмпирические законы». Из последующего обнаружится ошибочность этого мнения, столь распространенного в науке, пока же мы ограничимся лишь следующим кратким указанием: то, что при ближайшем исследовании оказывается результатом различных направлений теоретического исследования в отдельных областях мира явлений, объясняют различием природы самих явлений; но об этом еще речь впереди. Однако уже здесь мы можем указать на то обстоятельство, что какова бы ни была степень точности законов, присущих области социальных явлений, и к каким бы результатам ни привели нас изыскания об особенной природе и различных видах этих законов, — все это нимало не касается характера национальной экономики, как науки теоретической. Какова бы ни была строгость типов и типических соотношений в народном хозяйстве и вообще какова бы ни была их природа, — сущность теоретической национальной экономики во всяком случае может состоять лишь в изъяснении именно этих типов и типических соотношений, или, другими словами, — общей сущности и общей связи законов народнохозяйственных явлений, но отнюдь не сущности и связи индивидуальных явлений народного хозяйства, т.е. не в исторических выяснениях, или практических правилах для хозяйственной деятельности людей. Теория народного хозяйства ни в каком случае не должна быть смешиваема с историческими, или практическими науками о народном хозяйстве. Лишь тот, кто совершенно неясно представляет себе формальную природу и задачи теоретической национальной экономики, может видеть

в ней науку историческую по той-де причине, что познания, входящие в нее, представляют, по-видимому, или в действительности, меньшую точность, нежели в науках естественных, или же по той причине, что-де факт развития народнохозяйственных явлений, как увидим ниже, не остается без влияния на род и способ, какими национальная экономия может разрешать свою теоретическую задачу; только тот, кто не в состоянии различать сущности наук теоретических и практических, может видеть в ней науку практическую — по той, например, причине, что она, подобно другим теориям, является основой для практических наук.

Столь же ошибочно часто встречаемое воззрение, будто бы, вследствие вышеуказанных обстоятельств, падает и самое значение национальной экономии, как науки теоретической. Даже в том случае, если наперед, без ближайшего рассмотрения, признать, что теоретические познания в области народно-хозяйственных явлений не обладают безусловной точностью, и что самый факт развития рассматриваемых здесь явлений исключает возможность существования в них естественных законов, даже и тогда, говорим мы, никак нельзя делать подобного заключения. Ведь и естественных наук, имеющих дело с безусловно точными законами, очень немного, а меж тем не отрицают же значение тех естественных наук, которые имеют дело лишь с эмпирическими законами. Так, например, ни один исследователь не решится не признавать за рядом наук, имеющих дело с законами органической жизни, характера теоретических наук — только потому, что-де они имеют дело с законами эмпирическими. Столь же безрассудно отвергать в области народного хозяйства могущественное средство, которое дают нам хотя бы и менее точные теории для понимания, предвидения и господства над явлениями, и по той причине, что-де точная теория явлений народного хозяйства недостижима, ограничиваться исследованием истории и статистики народного хозяйства, или же разработкой практических знаний в этой области. Такой прием оставил бы пробел в системе наук о народном хозяйстве, пробел точно такой же, как если бы игнорировать исторические или практические знания о народном хозяйстве.

Большей или меньшей точностью обладают законы существования и последовательности явлений — это, конечно, имеет значение как для уяснения, так и для предвидения и господства над явлениями. Чем выше точность законов, тем выше и степень достоверности, с которой на основании этих законов можно заключать о наступлении будущих явлений, или о существовании современных явлений, непосредственному наблюдению не поддающихся. То обстоятельство, что законы последовательности явлений и сосуществования не обладают безусловной строгостью, уменьшает, без сомнения, достоверность основанных на них заключений, а следовательно и достоверность предвидения явлений и господства над ними.

Но все эти различия имеют по отношению к предвидению и господству над явлениями значение отнюдь не принципиального различия, а лишь различия в степени. Ввиду этого, и такие теоретические науки, которые имеют дело лишь с эмпирическими законами, обладают большим практическим значением для человечества, хотя здесь и выступает, вместо полной достоверности основанных на них познаний, лишь большая или меньшая вероятность их. Исторические познания и историческое выяснение явлений, напротив, сами по себе, совершенно не дают нам этих предвидений и пр., а следственно они никогда и не в состоянии заменить теоретических познаний. Исторические познания могут служить лишь материалом, на основании которого мы получаем возможность соиздавать законы явлений (например, законы развития народного хозяйства). И практик в области политики должен на основании истории сначала получить общие (родовые) познания (правила), а уже потом он будет в состоянии давать свои заключения о видах на будущее.

То обстоятельство, что в области народно-хозяйственных явлений результаты теоретических исследований, обладающие безусловной точностью, признаются некоторыми научными школами недостижимыми, то обстоятельство, что теоретическое исследование в указанной области мира явлений в действительности встречает затруднения, незнакомые некоторым отраслям исследования природы, наконец, то обстоятельство, что задачи теоретической национальной экономики не совершенно одинаковы с задачами теоретических естественных наук, — все это действительно может придать теоретическому исследованию в области народнохозяйственных явлений особенный характер, породить известное своеобразие его, но отнюдь не может повести к тому, чтобы в указанной области мира явлений можно было историческое или практическое направление исследования поставить на место теоретического, и заменить последнее первым. Теоретическая национальная экономика никогда не может быть признаваема исторической, или, как думают некоторые, практической наукой.

Мы должны остерегаться двоякой ошибки при изысканиях в области политической экономики. Было бы грубым заблуждением отвергать особенности той области явлений, которую мы называем народно-хозяйственной, и сообразно с этим отрицать особенность проблем теоретического исследования в указанной области мира явлений; в то же время, было бы еще ошибочнее, в стремлении отдать должное указанным особенностям исследования, совершенно отрицать теоретическое исследование в области народнохозяйственных явлений и, проповедуя понимание теории народного хозяйства с особенной, исторической, например, точки зрения, совершенно терять из виду самую теорию народного хозяйства.

ГЛАВА 4. ДВА ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВООБЩЕ И ТАКОВОГО В ОБЛАСТИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В ЧАСТНОСТИ

Мнение, будто возможно лишь одно направление теоретического исследования. Реалистически-эмпирическое направление теоретического исследования и его преимущества. Оно не в состоянии привести к точным законам, к так называемым «естественным законам» явлений. Природа и виды теоретических познаний, к которым это (реалистически-эмпирическое) направление может привести. Реалистически-эмпирическое направление теоретического исследования в области народного хозяйства. Точное направление теоретического исследования вообще. Цель и научно-теоретическое основание его. Точное направление теоретического исследования в социальных науках вообще и в науке о народном хозяйстве в частности. Точная теория дает нам, согласно своей природе, лишь понимание особенной стороны явлений. Точная национальная экономия в состоянии дать нам лишь теоретическое понимание народно-хозяйственной стороны социальных явлений. Только совокупность точных социальных наук могла бы дать нам точное понимание социальных явлений, или известной части их, в их полной эмпирической действительности.

Во второй книге мы изложим сущность «исторической точки зрения» в политической экономии, или, правильнее сказать, — влияния, которое оказывает на теоретические и практические знания о народном хозяйстве и на природу их истин то обстоятельство, что народно-хозяйственным явлениям свойственно развитие. Но прежде чем приступить к решению этой задачи, мы должны припомнить еще одно заблуждение, которое, не менее указанных в двух предыдущих главах, способствовало запутанности методологических учений исторической школы немецких экономистов, и которые, поэтому, нельзя обойти здесь молчанием.

Мы обращаем особенное внимание наших читателей на последующее изложение не только потому, что оно раскрывает весьма важную методологическую ошибку исторической школы, не уяснив которой нельзя вполне понять отношения этой школы к рассматриваемым здесь вопросам, но и ввиду того, что изложение это вместе с тем бросает во многих направлениях яркий свет на научно-теоретические проблемы нашей науки.

Выше мы указали два главных направления исследования вообще и в области народно-хозяйственных явлений в частности, именно: индивидуальное (историческое) и родовое (теоретическое). Первое стремится к познанию индивидуальной сущности и индивидуальной связи, второе — к познанию общей сущности и общей связи явлений. Однако было

бы грубой односторонностью полагать, что родовое направление исследования в различных областях мира явлений и даже в какой-либо одной специальной области их, например, в народном хозяйстве, представляется совершенно однообразным. Подобно тому, как индивидуальное направление исследования распадается на различные более частные направления (историческое в более узком смысле, статистическое и пр.), которые хотя и носят в себе одинаково характер индивидуального направления исследования, однако вместе с тем обнаруживают известные различия друг от друга, — так точно и теоретическое исследование распадается на несколько отраслей, из которых каждая в отдельности носит на себе основной признак родового направления исследования, т.е. имеет своим предметом установление типов и типических соотношений явлений, но при этом не разрешает указанной задачи непременно с одинаковой точки зрения. Выяснение наиболее существенных для нашей науки направлений теоретического исследования и тем самым опровержение воззрения, разделяемого почти всеми методологами, будто бы существует лишь одно направление теоретического исследования вообще или, по крайней мере, лишь одно вообще направление теоретического исследования указанных областей мира явлений (например, эмпирическое, или точное, или даже историко-философское, теоретико-статистическое и др.) и народного хозяйства в частности, — все это составит предмет последующего изложения.

Цель теоретических наук — уяснение, познание, простирающееся за пределы непосредственного опыта, и господство над реальным миром. Мы уясняем себе явления при посредстве теорий, когда каждый конкретный факт сознаем лишь как отдельный только случай общей законосообразности, мы приобретаем простирающееся за пределы непосредственного опыта познание явлений, когда в конкретном случае, на основании законов сосуществования и последовательности явлений, по фактам известным, наблюдаемым заключаем о других фактах, непосредственно не являющихся; мы господствуем над реальным миром, когда, руководствуясь нашими теоретическими познаниями, устраиваем находящиеся в нашей власти условия какого-либо явления и таким образом получаем возможность вызвать наступление самого явления.

Стремление к познаниям столь высокого научного и практического интереса, стремление к познанию типов и типических соотношений явлений столь же старо, как сама цивилизация, и только степень развития этого научного стремления повысилась вместе с прогрессом культуры вообще и наук в частности.

Ближайший путь к разрешению указанной (теоретической) проблемы представляется в исследовании типов и типических соотношений явлений, как эти последние представляются нам в их «полной эмпириче-

ской действительности», следовательно, в целостности и во всей сложности их существа, или, другими словами, в распределении совокупности реальных явлений по определенным формам явлений и в нахождении эмпирическим путем законосообразностей (правильностей) в сосуществовании и последовательности их.

Эта мысль привела во всех областях мира явлений к соответствующему реалистическо-эмпирическому направлению теоретического исследования и не только по той причине, что мысль эта, как сказано, представляется нам всего ближе, но и потому, что при таком направлении исследования цели, которым служит теоретическое исследование, кажутся достижимыми и наиболее просто, и наиболее совершенно.

Теоретические науки должны дать нам, как мы видели, типы (формы явлений) и типические соотношения (законы) явлений, теоретическое понимание, выходящее за пределы непосредственного опыта, и господство над явлениями в тех случаях, когда мы имеем возможность располагать условиями явлений. Как же проще, целесообразнее и вместе с тем совершеннее можем мы разрешить указанную проблему, как, не приводя явления реального мира, как они представляются нам в их эмпирической действительности, к строгим типам, и отыскивая строго типические соотношения — «естественные законы» явлений?

Однако, при ближайшем рассмотрении, оказывается, что мысль эта во всей ее строгости невыполнима. Явления в их полной эмпирической действительности повторяются, как свидетельствует опыт, в определенных формах явлений, однако отнюдь не с абсолютной строгостью; едва ли когда-либо два конкретных явления, уж не говоря о более значительной группе явлений, представляют полное тождество. В «эмпирической действительности», т.е. когда явления берутся в целостности и во всей сложности их существа, нет строгих типов, иначе каждое отдельное конкретное явление пришлось бы считать за особый тип, а это совершенно упраздняло бы самую цель и пользу теоретического исследования. Стремление установить строгие категории форм явлений, обнимающие «все эмпирические действительности» (в их полном содержании), представляется, поэтому, недостижимой целью теоретического исследования.

Не иначе обстоит дело и со второй задачей теоретического исследования — установлением типических соотношений, законов явлений. Если рассматривать мир явлений строго реалистическим образом, то законы их представят лишь констатированные путем наблюдения фактические правильности (законосообразности) в последовательности и сосуществовании реальных явлений, принадлежащих к известным формам явлений. «Закон», добытый при такой точке зрения, в сущности может свидетельствовать лишь о том, что за конкретными явлениями, принад-

лежащими к формам явлений А и В, в действительности следуют, в виде правила, или же неминуемо, явления, принадлежащие к форме явлений С, или же сосуществуют им. Заключение, что за явлениями А и В в о о б щ е (т.е. во всех, а следовательно и не наблюдавшихся случаях!) следует явление С, или же, что явления эти в о о б щ е сосуществуют, — выходят за пределы опыта, за пределы строгого эмпиризма; с точки зрения указанного способа наблюдения, за правильность такого заключения н е л ь з я в п о л н е п о р у ч и т ь с я. Аристотель правильно понимал это, отрицая строго научный характер индукции; но даже существенно усовершенствованный Бэконом индуктивный метод оказался в состоянии лишь увеличить степень уверенности в ненарушимости законов, добытых указанным путем (эмпирической индукцией!), но никак не дать полное тому ручательство. Строгие (точные) законы явлений никогда не могут быть добыты реалистическим направлением теоретического исследования, будь это исследование самое совершенное, и будь наблюдение, служащее ему основанием, наиболее всеобъемлющее и наиболее критическое.

Научные познания, к которым в состоянии привести указанное эмпирико-реалистическое направление теоретического исследования, уже по самым методологическим условиям этого последнего могут быть лишь двоякого рода:

а) Р е а л ь н ы е т и п ы, основные формы реальных явлений, внутри типической картины которых имеется, однако, более или менее широкий простор для особенностей (и для развития явлений!), и

б) Э м п и р и ч е с к и е з а к о н ы, теоретические познания, которые выясняют нам фактические (за ненарушимость которых нельзя, однако, поручиться) правильности (законосообразности) в последовательности и сосуществовании реальных явлений.

Применяя сказанное к теоретическому исследованию в области народно-хозяйственных явлений, мы приходим к тому результату, что, поскольку эти последние рассматриваются в их «полной эмпирической действительности», оказываются достижимыми лишь «реальные типы» и «эмпирические законы» их, о строгих же (точных) теоретических познаниях вообще и о строгих законах (о так называемых «естественных законах») их в частности — не может быть и речи при указанном условии.

Не менее заслуживает упоминания и то обстоятельство, что при том же условии то же самое имеет место в отношении результатов теоретического исследования во всех прочих областях мира явлений¹⁷. И явления природы не пред-

¹⁷ См. Приложение V. В области человеческих явлений точные законы (так называемые естественные законы) достижимы

ставляют нам в их «эмпирической действительности» ни строгих типов, ни строго типических соотношений. Реальные — золото, кислород, водород, вода, не говоря уж о сложных явлениях неорганического или даже органического мира, не представляют в их полной эмпирической действительности строго типической природы, а равным образом, при указанном способе изучения явлений не могут быть наблюдаемы в отношении их точные законы.

Не только в области этического мира и народного хозяйства, но и в области естественных явлений реалистическое направление теоретического исследования может привести лишь к «реальным типам» и «эмпирическим законам», и в этом отношении между науками этическими и естественными наблюдается различие не по существу, а лишь в степени; реалистическое направление теоретического исследования принципиально исключает возможность достижения строгих (точных) теоретических познаний во всех областях мира явлений.

Если бы существовало лишь одно вышеобозначенное направление теоретического исследования, или если бы оно было, как это, по-видимому, действительно полагают экономисты «исторического направления», единственно правильным, то в таком случае наперед была бы исключена возможность и основательность всякого исследования, имеющего целью построение точных теорий явлений. Не только в области этических явлений вообще и народного хозяйства в частности, но и во всех других областях мира явлений указанное стремление наперед было бы лишено всякой возможности успеха.

Едва ли нужно говорить, что упомянутое предположение в области естественных явлений неосновательно; что же касается области человеческих явлений вообще и народного хозяйства в частности, то дальнейшее изложение покажет, что и здесь имеет место то же самое и что поэтому мнение наших экономистов исторической школы, будто бы единственно основательно лишь реалистически-эмпирическое направление теоретического исследования в области народного хозяйства, со всеми вытекающими из сего последствиями — крайне односторонне.

Реалистически-эмпирическое направление теоретического исследования, как мы видели, дает нам во всех областях мира явлений результаты, при всей их важности и ценности для человеческого познания и для практической жизни, несовершенные однако в формальном отношении, дает нам теории, которые обеспечивают нам понимание лишь неполное,

при тех же формальных условиях, как и в области явлений природы.

предвидение лишь неясное и господство над явлениями лишь не вполне обеспеченное. Но с давних времен ум человеческий, наряду с указанным направлением теоретического исследования, преследует еще другое, отличающееся от первого как по целям, так и по способам познания.

Цель этого направления, которое мы в дальнейшем будем называть *т о ч н ы м*, цель, одинаково преследуемая во всех областях мира явлений, состоит в отыскании строгих законов явлений, правильностей (законосообразностей) в последовательности явлений, таких законосообразностей, которые не только представляются нам ненарушаемыми, но, ввиду самого способа познания, служащего для отыскания их, в себе самих носят речительство своей ненарушимости, в отыскании таких законов явлений, которые обыкновенно называют «естественными законами», но правильное называть «*т о ч н ы м и з а к о н а м и*»¹⁸.

¹⁸ Выражения «эмпирические законы» и «естественные законы», употребляемые в научно-теоретических исследованиях, далеко не точно обозначают различие между результатами реалистического и точного направлений теоретического исследования. И в области естественных явлений (например, в области органического мира, явлений метеорологических и т.д.) реалистическое направление исследования приводит лишь к «эмпирическим законам», и, следовательно, бывают естественные законы (в собственном смысле этого слова), которые суть только «эмпирические законы», а вовсе не «естественные законы» в указанном техническом значении этого термина; и наоборот, и в других областях мира явлений (а не только в области явлений природы) мы можем дойти до строгих законов, «естественных законов», которые опять-таки вовсе не суть естественные законы (законы явлений природы). Различие, о котором здесь идет речь, гораздо точнее может быть выражено терминами «*э м п и р и ч е с к и е*» и «*т о ч н ы е*» законы явлений. Законы теоретической национальной экономики в сущности никогда не могут быть естественными законами в собственном смысле слова; они могут быть лишь эмпирическими или точными законами этического мира.

В тесной связи с указанной терминологией находится другая, которая равным образом неправильна и уже неоднократно порождала запутанность научно-теоретических проблем нашей науки. Различие между теоретическими естественными науками и теоретическими социальными науками вытекает собственно из различия тех явлений, которые исследуются этими науками с теоретической точки зрения, но отнюдь не из различия методов, так как в обеих этих областях мира явлений вполне возможно, и реалистическое, и точное направление теоретического исследования. Различие существует лишь между реалистическим и точным направлением теоретического исследования, т.е. между эмпирическими и точными теоретическими

Природа исследования, направленного на указанную цель, вообще и в области народного хозяйства в частности выяснится из последующего изложения.

Единственное правило познания (Erkenntnisregel) для исследования теоретических истин, которое несомненным образом подтверждается не только опытом, насколько это вообще возможно, но и прямо законами нашего мышления, и которое, следовательно, имеет для точного направления теоретического исследования самое фундаментальное значение, заключается в следующем положении: что наблюдалось в одном случае, должно быть и всегда, при наличии тех же самых условий, или, что в сущности то же самое, за строго типическими явлениями известного рода, при тех же самых обстоятельствах, постоянно, а по свойству законов нашего мышления — прямо неизбежно, должны следовать строго типические явления другого, столь же определенного рода. За явлениями А и В постоянно должно, при тождественных условиях, следовать строго типическое явление С, раз только А и В признаются явлениями строго типическими, и указанная последовательность явлений наблюдалась хотя бы в одном только случае. Это правило относится не только к существу (Wesen) явлений, но и к их мере (Mass), и не только опыт не представляет нам ни малейшего в этом отношении исключения, но таковое представляется критическому уму просто-таки невыносимым.

Другое правило познания (Erkenntnisregel), также весьма существенное для точного направления теоретического исследования, заключается в следующем положении: обстоятельство, которое хотя бы только в одном случае являлось несущественным для последовательности явлений, должно, при тождественных фактических условиях, всегда и непременно быть таковым же (несущественным) для данного следствия; это правило составляет лишь коррелят первого.

Итак, если вообще достижимы точные законы, то ясно, что они мо-

науками, заключающими в себе результаты, добытые обоими направлениями исследования. Существуют естественные науки, которые отнюдь не суть науки точные (например, физиология, метеорология и пр.), и обратно, существуют точные науки, которые вовсе не принадлежат к наукам естественным (например, чистая национальная экономия); а потому, называть эту последнюю «естественной наукой» — значит выражаться крайне неточно; в действительности она есть точная этическая наука. Наконец, столь же неправильно говорить о естественном методе в социальных науках вообще и в теоретической национальной экономике в частности. Метод последней может быть или эмпирическим, или точным, но никак не «естественным».

гут быть добыты не исходя из эмпирического реализма, а лишь тогда, когда теоретическое исследование осуществляет условия указанного правила познания.

Путь, которым теоретическое исследование приходит к указанной цели, существенно отличающийся от эмпирико-реалистической индукции Бэкона, состоит в следующем: Исследование стремится раскрыть самые простейшие элементы всего реального, элементы, которые, именно потому что они суть самые простейшие, должны рассматриваться как строго типические. Оно стремится к установлению этих элементов путем анализа, лишь отчасти эмпирико-реалистического, т.е. оставляя без внимания, существуют ли они в действительности, как самостоятельные явления, даже не интересуясь тем, поддаются ли они вообще в их полной чистоте какому-либо изображению (*darstellbar*). Таким путем приходит теоретическое исследование к формам явлений как к строго типическим, к результатам теоретического исследования, которые, разумеется, не могут быть проверены на полной эмпирической действительности (так как формы явлений, о которых здесь идет речь, например, абсолютно чистый кислород, такой же алкоголь, такое же золото, человек, преследующий исключительно только хозяйственные цели, и т.п. существуют до известной степени лишь в нашем представлении), однако эти результаты соответствуют специфической задаче точного направления теоретического исследования и составляют необходимое основание и условие для отыскания точных законов.

Таким же путем разрешает точное исследование вторую задачу теоретических наук: установление типических соотношений, законов явлений. Специфическая цель этого направления теоретического исследования заключается в выяснении правильностей (законосообразностей) в соотношениях явлений, правильностей, не допускающих исключений, и в качестве таковых, представляющихся вполне достоверными. Мы уже сказали выше, что законы этого рода, в отношении полной эмпирической действительности явлений недостижимы, ввиду не вполне строго типической сущности реальных феноменов. Точная наука поэтому и не исследует правильностей в последовательности и пр. реальных феноменов; она изучает, как из вышеуказанных простейших, до известной степени даже неэмпирических элементов реального мира, в их изолированности (также неэмпирической) от всех других влияний, развиваются более сложные феномены, — причем постоянно обращается внимание на точную (тоже идеальную!) меру (*Mass*). Точная наука делает это, оставляя без внимания, наблюдаются ли эти простейшие элементы и соответственные осложнения их на самом деле в действительности, неизменной человеческим искусством, и поддаются ли они, в их полной чистоте,

какому-либо изображению; сознает она, что и безусловно точная мера невозможна в действительности. Однако она поступает так потому, что иным путем она никак не может достичь цели точного исследования — установления строгих законов; тогда как принимая строго типические элементы, точную меру их и полную их изолированность от всех других действующих факторов, она во всяком случае, и именно при помощи вышеуказанных нами правил познания, достигает таких законов явлений, которые не только не допускают исключений, но иначе не могут быть и мыслимы по самым законам нашего мышления, — т.е. достигает точных законов, так называемых «естественных законов» явлений.

То обстоятельство, что известные отличия феноменов (отклонения от их строго типического характера) оказываются не существенными в отношении известных последствий (например, различие цвета, различие вкуса, веществ — по отношению к их весу, те же и многие другие различия — по отношению к численности их и т.д.), делает возможным чрезвычайное распространение точного исследования на многочисленные области мира явлений.

Так приходим мы к целому ряду наук, которые дают нам строгие типы и типические соотношения (точные законы) явлений, и не только в отношении их существа, но и их меры, к наукам, из которых ни одна не дает нам понимания полной эмпирической действительности, но лишь особенных сторон ее, а потому, рассуждая здравомысленно, и не должна быть рассматриваема с точки зрения одностороннего эмпирического реализма, к наукам, совокупность коих дает нам, однако, понимание реального мира столь же своеобразное, сколь и глубокое¹⁹.

И в области этического мира указанное направление теоретического исследования издавна имело выдающихся представителей, которые, хотя и не вполне ясно сознавая соответственные научно-теоретические проблемы, ревностно стремились по рассматриваемому здесь направлению и даже придали ему форму, соответствующую своеобразной природе этических явлений.

Сущность этого точного направления теоретического исследования в области этических явлений состоит в том, что мы приводим человеческие явления к их первейшим и простейшим конститутивным факторам, прилагаем к этим последним соответствующую их природе меру и,

¹⁹ Метод точного исследования, роль, которую играет в нем эксперимент и спекулятивный элемент исследования, выходящий за пределы опыта, в особенности при формулировании «точных законов» — все это не составляет предмета изложения в настоящем труде. Об этом мы предполагаем поговорить в другом месте в связи с критикой бэконовской индукции.

наконец, стремимся раскрыть законы, по которым образуются из этих простейших элементов более сложные человеческие явления.

Реальны ли отдельные конститутивные факторы человеческих явлений, рассматриваемые в их изолированности, поддаются ли они на самом деле точному измерению, появляются ли действительно те компликации, при которых (соответственно природе точного исследования) должно отвлекаться от влияния различных факторов реальной человеческой жизни — все это для точного направления теоретического исследования в области социальных явлений столь же несущественно, как и в области явлений природы, и лишь полным отсутствием понимания точного направления теоретического исследования вообще можно объяснить применение к результатам этого направления масштаба постулатов эмпирико-реалистического исследования.

Следуя за этим направлением исследования, мы приходим к ряду социальных теорий, из которых каждая в отдельности открывает нам понимание лишь одной частной стороны явлений человеческой деятельности (в отвлечении от полной эмпирической действительности), но вся совокупность которых (теорий), — если вообще будут когда-нибудь познаны теории, соответствующие указанному направлению исследования, — дают нам точно такое же понимание человеческих явлений, какое дают те теоретические науки, которые, являясь результатом аналогичного рассмотрения явлений естественных, открыли нам понимание этих последних. Не единая теория человеческих явлений, а лишь совокупность их, если они когда-нибудь будут исследованы, дадут нам, в соединении с результатами реалистического направления теоретического исследования, самое глубокое, какое только доступно уму человеческому, теоретическое понимание социальных явлений в их полной эмпирической действительности; и поскольку вообще возможно при современной отсталости теоретических социальных наук осуществление указанной мечты — нет другого пути к достижению этой великой цели.

Что касается, в частности, точного направления теоретического исследования в области хозяйственных явлений, то его общая природа определяется постулатами точного исследования, особенная же природа его определяется особенностью области явлений, подлежащей его изучению. Под хозяйством мы понимаем предусмотрительную (заботливую) деятельность людей, направленную на удовлетворение их вещественных потребностей, под народным хозяйством — общественную форму его²⁰. Задача упомянутого направления исследования не может, поэтому, состоять ни в чем ином, как только в исследовании первейших, элемен-

²⁰ См. Приложение I.

тарнейших факторов человеческого хозяйства, определении меры соответственных феноменов и исследовании законов, по которым из этих простейших элементов развиваются более сложные формы явлений человеческого хозяйства²¹.

Первейшие факторы человеческого хозяйства суть потребности, полезности (Güter), предоставленные людям непосредственно природой (а равно и соответственные средства потребления и производства), и стремление к возможно полному удовлетворению потребностей (к возможно полному удовлетворению вещественной нужды). Все эти факторы в своем существе не зависят от человеческой воли, они вытекают из существующего положений вещей; исходный пункт и конечная цель всякого хозяйства (потребность и определенное количество полезностей — с одной стороны, и возможно полное удовлетворение вещественных потребностей — с другой стороны) предоставлены хозяйствующему человеку, в своем существе и мере строго определены²².

Точное направление теоретического исследования должно учить нас законам, по которым, на основании такого положения вещей, из указанных элементарнейших факторов человеческого хозяйства, в их изолированности от других факторов, влияющих на реальные человеческие явления, развивается не вся реальная жизнь в ее целостности, а лишь более сложные феномены человеческого хозяйства; оно должно учить нас этому не только в отношении существа, но и в отношении меры указанных феноменов, и таким образом раскрывать нам понимание этих последних, аналогичное тому, которое дают нам точные естественные науки в отношении явлений природы.

Выясняя здесь природу и значение точного направления теоретического исследования в области человеческих явлений вообще и в области народного хозяйства в частности, и тем самым, выступая против одностороннего реализма в социальных науках, мы отнюдь не отвергаем и не умаляем пользы и значения реалистического направления, и, таким образом, не впадаем в противоположную односторонность. Упрека в этом последнем заслуживают однако все те, которые, в своем одностороннем стремлении к точному направлению теоретического исследования в области народного хозяйства, признают установление эмпирических законов народного хозяйства ненужным и даже стремление к этому по каким-либо методологическим основаниям — непозволительным. Если даже признать напрямик, что люди в хозяйственных делах не руково-

²¹ Ср. мое сочинение: Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, 1871. S. VII ff.

²² Ср. Приложение VI: Исходный пункт и конечная цель всякого человеческого хозяйства строго определены.

дятся исключительно какой-либо одной определенной тенденцией, в нашем случае — эгоизмом, и не испытывают влияния ошибок, неведения и внешнего принуждения, и что, поэтому, результаты реалистического направления теоретического исследования в области народного хозяйства не могут обладать полной точностью, если допустить все это, то и в таком случае отсюда вовсе не следует, чтобы в рассматриваемой здесь области мира явлений совершенно не могли бы, с реалистической точки зрения, быть наблюдаемы п р а в и л ь н о с т и (законосообразности) в существе и взаимной связи явлений, или чтобы установление этих законосообразностей не имело высокого значения для понимания народного хозяйства, для предвидения и господства над его явлениями.

Напротив, куда бы мы только ни посмотрели, везде хозяйственная жизнь представляет нам законосообразности как в формах явлений, так и в сосуществовании и последовательности явлений, факт, который должно объяснить тем обстоятельством, что люди в своих хозяйственных стремлениях руководятся, если и не исключительно, то все-таки преимущественно, своими личными интересами, и правильно понимают эти последние, если и не всегда и не во всем, то, по крайней мере, в виде общего правила и в главных вещах. Реальные явления народного хозяйства представляют нам положительные типы и типические соотношения, реальные правильности (законосообразности) в повторении известных форм явлений, р е а л ь н ы е правильности в сосуществовании и последовательности, которые, правда, отнюдь не обладают полной ненарушимостью, но во всяком случае установление их составляет задачу теоретической национальной экономики и специально-реалистического направления ее.

Итак, и точное, и реалистическое направление теоретического исследования полноправны; оба суть орудия для уяснения, предвидения и господства над явлениями народного хозяйства — чему каждое из них способствует по-своему; тот же, кто отрицает полноправность и пользу того или другого, подобен естествоиспытателю, который, в одностороннем предпочтении физиологии под тем, например, предлогом, что химия и физика основываются на абстракциях, стал бы отрицать полноправность этих наук и их значение, как средства для понимания органических явлений, или же наоборот — подобен физику или химику, который стал бы отрицать научный характер физиологии, потому-де, что законы ее по большей части лишь «эмпирические». Если аналогичные научные мнения в области теоретических социальных наук не только возможны, но возмещаются влиятельными учеными школами, как основные и даже делающие переворот в науке истины, то это всего лучше свидетельствует о печальном состоянии указанных наук и указывает исследователям на необходимость серьезно пообсудить о теоретических основах изучения их наук.

Едва ли нужно говорить, что сущность и значение точного направления исследования совершенно не сознаются в новейшей экономической литературе. В немецкой национальной экономике, по крайней мере в исторической школе, еще до сих пор искусство отвлеченного мышления — при всей его глубине и оригинальности и при всей ширине его эмпирических оснований, короче, при всем том, что в других теоретических науках создает славу исследователю, — признается, по сравнению с плодами компиляторской усидчивости, чем-то второстепенным, чуть что не клеймится. Силу истины, однако, испытают наконец и те, которые, в сознании своей неспособности разрешать высшие задачи социальных наук, принимают за масштаб для оценки чужих научных трудов свою собственную ограниченность.

Глава 5. ОТНОШЕНИЕ ТОЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК К НАПРАВЛЕНИЮ РЕАЛИСТИЧЕСКИ-ЭМПИРИЧЕСКОМУ

Общность и различия обоих направлений исследования. Почему выводы того и другого направления в научном изложении рассматриваются обыкновенно нераздельно? Обоим направлениям исследования не соответствуют какие-либо особые области народного хозяйства; каждое из направлений в принципе стремится дать уразумение всего народного хозяйства, с свойственной каждому из них точки зрения. Почему точное направление стремится преимущественно к пониманию более элементарных, эмпирически-реалистическое к пониманию более сложных явлений народного хозяйства? Мнение об этом О. Конт и Ст. Милля. Отношение друг к другу гарантий истинности результатов обоих направлений. Заблуждение, будто бы результаты реалистически-эмпирического направления исследования являются пробным камнем для выводов точного направления теоретического исследования. Примеры, вполне уясняющие отношение между природой и достоверностью результатов обоих направлений теоретического исследования в области народного хозяйства.

Мы не можем заключить наши исследования о сущности обоих направлений теоретического исследования в области этических явлений, не сказав нескольких слов об отношении их и их результатов друг к другу. Это необходимо не только ввиду того интереса, который заключает вопросы эти сами по себе для методологии нашей науки, но еще и для того, чтобы предохранить от некоторых ошибок учений, приведенных в предыдущей главе.

Результаты точного и результаты реалистического направлений теоретического исследования имеют общее то, что и те и другие выясняют нам общую сущность и общую связь явлений; в остальном, однако, что касается их формальной природы, как мы видели, они представляют немаловажные различия. Однако в научном и з л о ж е н и и очень редко точные и реалистические познания трактуются отдельно.

Причина этого чисто практическая. Теоретические науки должны дать нам понимание, выходящее за пределы непосредственного опыта познание и известное предвидение явлений — задачи, разрешению которых содействуют (хотя и в различном смысле) результаты как точного, так и реалистического направления теоретического исследования. При таком положении вещей, практической потребностью вызывается совместное изложение всех как реалистических, так и точных теоретических познаний, относящихся к определенной области мира явлений (например, народному хозяйству), и внутри последней к определенной материи (например, к ценности, цене, деньгам и т.д.); таким-то образом теоретические науки в действительности представляют нам по большей части картину изложения, комбинирующего познания отчасти различной формальной природы. Физика и химия, например, по своим основаниям — науки точные, а меж тем нимало не исключают присоединения познаний, добытых лишь эмпирическим путем; а с другой стороны, физиология, будучи по своей основе результатом реалистического исследования, вводит однако в предмет своего изложения не только реалистические, но много и точных познаний. То же и в теоретической национальной экономии. И она обнимает как точные, так и реалистические результаты теоретического исследования и, само собой понятно, не ставит никаких принципиальных препятствий раздельному изложению обеих указанных групп теоретических познаний, а именно допускает отдельное изложение точных результатов исследования (т о ч н а я национальная экономия), и отдельное изложение реалистических познаний вообще и законов исторического развития народно-хозяйственных явлений, законов больших чисел и пр. в частности. Но указанные выше практические потребности так сильно говорят в пользу совместного изложения всех теоретических истин, относящихся к определенным материям экономической науки, что такой способ изложения в теоретической национальной экономии, да на самом деле и во всех областях знания, стал господствующим. Например, в общем учении о цене трактуются в связанном изложении не только результаты точного исследования, относящиеся к указанному предмету, но, по большей части, и относящиеся сюда эмпирические законы вообще, и соответственные законы развития, законы больших чисел и пр. в частности.

Совмещая в изложении познания точного и реалистического направлений теоретического исследования в области народного хозяйства, экономисты руководствуются однако при этом, как сказано, лишь практическими соображениями, само собой понятно, нисколько не отрицая тем различия формальной природы этих двух видов познаний.

Все это касается лишь внешнего отношения между точными и реалистическими результатами теоретического социального исследования. Но может возникнуть вопрос и о внутреннем отношении точных и реалистических познаний в области социальных явлений вообще и народного хозяйства в частности, и здесь-то всего уместнее выступить нам против некоторых распространенных заблуждений относительно природы этого отношения.

В теоретической национальной экономике, как и вообще в теоретических науках, точные и реалистические познания суть результаты различного в известных отношениях направления исследования, и потому они представляют в формальном отношении некоторые особенности. Но самая область исследования — общая для обоих направлений и обнимает в каждом случае все народное хозяйство. Как точное, так и реалистическое направление теоретического исследования стремятся к теоретическому выяснению в с е х явлений народного хозяйства свойственным к а ж д о - м у из н и х способом.

Оба указанные направления исследования, поэтому, дополняют друг друга отнюдь не в том смысле, что открывают нам понимание различных областей народного хозяйства; функция каждого из этих направлений состоит напротив в том, чтобы дать понимание всей области народно-хозяйственных явлений свойственным к а ж д о м у из н и х способом. Только там, где то или другое направление, вследствие ли неудовлетворительности объективных условий или же по причинам, заключающимся в технике исследования, не пришло ни к каким результатам, только там, и лишь пока существует это условие, главенствует в известных областях народного хозяйства то или другое из этих направлений исследования.

Чем сложнее область явлений, тем труднее и обширнее задача приведения относящихся сюда явлений к их простейшим элементам и исследования процесса, путем которого закономерно вырабатываются первые из последних, тем затруднительнее полный и удовлетворительный результат точного исследования. Понятно также, что как в естественных науках, так и в области социальных исследований, по большей части нам доступны в отношении сложных явлений лишь эмпирические законы, тогда как в отношении менее сложных явлений природы и человеческой жизни точное понимание достигает преимущественного значения. Отсюда и хорошо известный факт, что там, где идет дело о теоретических

познаниях, относящихся к более сложным феноменам области явлений, господствующим является реалистическое направление, по отношению же к менее сложным явлениям — напротив, точное направление исследования. В принципе, однако, оба направления исследования применимы не только ко всем областям мира явлений, но и ко всем степеням осложнений явлений. Если такой выдающийся мыслитель, как О. Конт требует, чтобы социальные науки отыскивали свои законы эмпирическим путем, и затем проверяли их на общих законах человеческой природы, и если Дж. С. Милль приписывает этому методу, который он называет «обратно дедуктивным», решающее значение для социального исследования, то очевидно, что в основании этих воззрений лежит неясное представление об указанном факте.

Еще один вопрос требует здесь нашего внимания, а именно вопрос об отношении, в котором находятся между собой гарантии истинности точных и реалистических результатов теоретического исследования в области народного хозяйства. Вопрос этот важен потому, что умаление значения «точной национальной экономики», столь часто обнаруживаемое именно среди немецких экономистов, покоится главным образом на непонимании истинной природы указанного отношения.

Среди экономистов очень распространено мнение, будто эмпирические законы, «так как они основываются на опыте», представляют большую гарантию истинности, нежели результаты точного исследования, добытые путем дедукции из априористических аксиом, и потому, в случае противоречия между обеими этими группами научных знаний, последние должны быть исправляемы и изменяемы на основании первых. Точное исследование является, таким образом, методологически второстепенным, а реализм, напротив, — более достоверным путем познания, — воззрение, которое крайне существенно влияет на положение точного исследования в области политической экономики и даже заключает в себе полное отрицание самостоятельного значения этого направления.

Ошибка, которая лежит в основании указанного воззрения, проистекает из непонимания сущности точного направления теоретического исследования, его отношения к реалистическому направлению, и в перенесении точки зрения последнего в первое.

Совершенно правильно, что результаты точного направления исследования, при измерении их масштабом реализма, оказываются неудовлетворительными и неэмпирическими (не соответствующими действительности) как во всех прочих областях мира явлений, так точно и в области народного хозяйства. Но ведь это и само собой понятно: результаты точного исследования во всех областях мира явлений истинны лишь при наличности известных условий, условий, которые в действительности не

всегда имеются. Проверка точной теории народного хозяйства на полном эмпиризме (действительности) — это методологическая нелепость, непонимание оснований и условий точного исследования, а равно и непонимание особенных целей, которым служат точные науки. Проверять чистую теорию народного хозяйства на опыте, в полной его действительности, — это подобно тому, как если бы математик стал бы проверять основы геометрии посредством измерения реальных предметов, упуская из виду, что последние вовсе не идентичны тем величинам, которые предполагает чистая геометрия, да притом, всякое измерение необходимо включает в себе известную неточность. Реализм в теоретическом исследовании по отношению к точному направлению исследования не есть нечто высшее, а лишь нечто, отличное от последнего.

Существенно различно отношение к эмпиризму результатов точного исследования и результатов реалистического направления. Последние во всяком случае основываются на наблюдении явлений в их «эмпирической действительности» и осложнениях, и пробным камнем их истинности является, конечно, эмпиризм (действительность). Эмпирический закон уже наперед, т.е. уже по своим методологическим условиям, лишен гарантии ненарушимости действия; он констатирует известные, отнюдь однако не ненарушимые, законосообразности в последовательности и сосуществовании явлений. Но для этого эмпирический закон должен согласоваться с полной эмпирической действительностью, из наблюдения которой он добыт; иначе он является ложным и ненужным. Перенесение этого основного положения на результаты точного исследования, — нелепость, непонимание существенного различия точного и реалистического исследований; опровержение этой ошибки и составляет главную задачу настоящего труда.

Указывая на это, мы далеки от мысли отрицать, что было бы весьма желательно, если бы можно было добыть т о ч н ы е познания, которые вместе с тем согласовались бы и с полной эмпирической действительностью, или, что по существу то же самое, — эмпирические познания, которые обладали бы вместе с тем и преимуществами точных познаний. Человеческое познание, предвидение и господство над явлениями были бы тогда существенно усилены и упрощены. Однако это недостижимо при фактических условиях представляемых миром реальных явлений.

Так как здесь идет дело об ошибке, глубоко укоренившейся среди немецких экономистов, и вместе с тем о таком предмете, относительно которого и в научно-теоретических исследованиях лучших иностранных писателей часто проявляется неясность понимания, то необходимо выяснить отношение между результатами точного и реалистического исследования в области нашей науки, выяснить примером и притом таким

примером, который вместе с тем обнаружил бы и причину заблуждения, присущего вышеуказанному воззрению.

Точное исследование в области явлений цены показывает нам, например, что возникающее в известной области товарного обращения возрастание потребности в известных товарах (будь это вследствие прироста народонаселения, или вследствие большей интенсивности потребности в известных товарах у отдельных хозяйственных субъектов) при известных условиях ведет к точно определенному повышению цен²³. Эти условия, явствующие из всякого стройного изложения теоретической национальной экономики суть следующие: 1) все хозяйственные субъекты, о которых здесь идет речь, должны стремиться к полному уразумению своих экономических интересов; 2) в этой борьбе за цену они не должны находиться в заблуждении как относительно преследуемой при этом цели, так и относительно соответственных средств для достижения ее; 3) экономическое положение вещей, поскольку оно влияет на образование цен, им должно быть не безызвестно; 4) должно отсутствовать всякое внешнее принуждение, стесняющее их экономическую свободу (преследование их экономических интересов).

Едва ли нужно говорить, что перечисленные условия лишь в редких случаях имеют место в действительности и что, следовательно, реальные цены обыкновенно в большей или меньшей степени уклоняются от экономических (соответствующих экономическому положению вещей). В хозяйственной действительности люди лишь очень редко стремятся к полному уразумению своих экономических интересов; различные соображения, главным образом, равнодушие к экономическим интересам незначительной важности, особенное расположение к другим и т.д. приводят к тому, что в своей хозяйственной деятельности они иногда вовсе не понимают своего экономического интереса, иногда же не вполне понимают. Кроме того, они неясно и ошибочно представляют себе как экономические средства для достижения своих хозяйственных целей, так и самые цели; и экономическое положение вещей, на основании которого они развивают свою хозяйственную деятельность, часто известно им не вполне, или недостаточно; наконец, экономическая свобода их нередко стесняется различными условиями. Действительное экономическое положение вещей лишь в весьма редких случаях проявляет точные экономические цены вещей; реальные цены более или менее отличаются от экономических.

Если это верно, то ясно, что в указанном типическом случае реальное возрастание потребности в известном товаре не будет иметь необходи-

²³ См. мое сочинение: Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, I. S. 172 ff.

мым последствием реальное поднятие цен, точно соответствующее этому изменившемуся экономическому положению вещей, а при известных обстоятельствах и вовсе не последует никакого поднятия цен. Закон, гласящий, что повышение потребности в товаре имеет своим последствием поднятие цен, и что притом определенная степень усиления потребности вызывает соответственное, определенного размера, повышение цен, закон этот, если проверять его на действительности во всей ее сложности, окажется таким образом неверным — неэмпирическим. Но что же из этого следует, кроме того, что опыт в указанном смысле не может служить пробным камнем для результатов точного исследования. Несмотря на все это, приведенный закон, будучи рассматриваем с точки зрения, свойственной точному исследованию, правилен, совершенно правилен и имеет громадное значение для теоретического уразумения явлений цены. Если рассматривать этот закон с точки зрения реалистического исследования, то приходишь, разумеется, к противоречиям; но ошибочен здесь не самый закон этот, а способ рассмотрения его.

Если бы пожелали теперь установить аналогичный закон явлений цены с реалистической точки зрения, то — всякому опытному в экономических вещах это ясно — закон этот оказался бы весьма сходным с тем, который явился результатом точного исследования. Из общеизвестных наблюдений оказывается, что повышение спроса на товар обыкновенно (хотя и не всегда) влечет за собой повышение цены его. Этот «эмпирический» закон, несмотря на его внешнее сходство, обнаруживает однако фундаментальное отличие от только что приведенного (закона), отличие, которое требует тем большего выяснения, что при наличии внешнего сходства обоих законов поверхностное наблюдение может совершенно упустить его из виду. Точный закон гласит, что при наличии известных условий за определенного размера возрастанием потребности должно следовать точно определенного размера повышение цен; эмпирический закон гласит: за возрастанием потребности обыкновенно действительно следует возрастание реальных цен, и именно такое возрастание, которое обыкновенно находится в известном, хотя отнюдь не точно определенном, отношении к возрастанию потребностей. Первый закон действителен для всех времен и всех народов, у которых существует товарное обращение; последний допускает исключения даже для одного и того же народа, а в отношении степени влияния спроса на цены, пожалуй, является для каждого рынка иным, и может быть определен лишь путем наблюдений.

Не без намерения мы выбрали пример, в котором точный и эмпирический законы народного хозяйства проявляют внешнее сходство; мы хотели показать на нем глубокое различие между обеими указанными ка-

тегориями теоретических познаний. Нетрудно, конечно, показать, что в многочисленных других случаях точные и соответственные эмпирические законы обнаруживают различия уже во внешней своей форме, и ясно, поэтому, что их уж никак нельзя смешивать или рассматривать с одной и той же точки зрения.

Те, кто к результатам точного направления теоретического исследования в области народного хозяйства прилагают масштаб эмпирического реализма и теоретических результатов последнего, упускают из виду то весьма важное обстоятельство, что точная национальная экономия, по самой природе своей, имеет задачей выяснять нам **з а к о н ы х о з я й с т в е н н о с т и**, а эмпирически-реалистическое учение о народном хозяйстве напротив — правильности в последовательности и сосуществовании **р е а л ь н ы х** явлений человеческого хозяйства (которые, в их «полной эмпирической действительности» заключают в себе также и многочисленные элементы **н е х о з я й с т в е н н о с т и**!).

Усматривать пробный камень достоверности точных законов народного хозяйства в их согласии с эмпирическими законами последнего — это значит не понимать элементарнейших основ научной методики. Такой прием подобен попытке естествоиспытателя на эмпирических законах естественных явлений проверять законы физики, химии и механики, или же на, весьма полезных в своем роде, народных правилах (народной мудрости), основывающихся по большей части на старинном опыте, — проверять результаты точного исследования Ньютона, Лавуазье и Гельмгольца!

ГЛАВА 6. ТЕОРИЯ О НЕОБХОДИМОСТИ РАССМОТРЕНИЯ НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ В НЕРАЗРЫВНОЙ СВЯЗИ С ОБЩИМ СОЦИАЛЬНЫМ И ГОСУДАРСТВЕННЫМ РАЗВИТИЕМ НАРОДОВ

Указанный способ рассмотрения социальных явлений применим к историческому исследованию. Равным образом — к специфически историческому направлению юриспруденции. Механическое перенесение указанной точки зрения в теоретические социальные науки вообще и в теоретическое учение о народном хозяйстве в частности заключает в себе фундаментальную ошибку. Указанная точка зрения в отношении к т о ч н о м у направлению теоретического исследования. Она противоречит идее точных теорий вообще и точной теории народно-хозяйственных явлений в частности. Указанная точка зрения в отношении к э м п и р и ч е с к и - р е а л и с т и ч е с к о м у направлению

теоретического исследования. Эта точка зрения не вполне применима и к этому направлению. Даже наиболее реалистическое направление теоретического исследования не может обойтись без известных абстракций от полной эмпирической действительности. Указанное воззрение в конце концов ведет к отрицанию всякой теории народного хозяйства и к признанию историографии единственно правильным направлением исследования в области народного хозяйства.

В тесной связи с заблуждениями, указанными в предыдущих главах, — смешением исторического и теоретического выяснения социальных явлений, с одной стороны, и односторонним пониманием теоретической проблемы социальных наук, как исключительно реалистической — находится одно воззрение, наиболее господствующее в немецкой национальной экономии и повторяемое не только в трудах почти всех выдающихся современных экономистов исторической школы, но в известной степени определяющее самый характер и направление их исследования.

Я говорю о мнении тех, которые стремятся «к изучению явлений народного хозяйства лишь в неразрывной связи их с социальным и государственным развитием народов»²⁴ и, наоборот, считают «самостоятельную постановку хозяйственного элемента, выделение его из общего комплекса народной и государственной жизни — приемом неисторическим и неправильным, а потому ведущим к ошибочным результатам», «раз только с этой (неисторической) точки зрения наука тщится представить действительную жизнь в полной ее истинности»²⁵.

Указанный взгляд²⁶ в области исторического исследования, как известно, далеко не нов. Конкретные явления жизни народов являются ре-

²⁴ C. Dietzel. Die Volkswirtschaft und ihr Verhältniss zu Gesellschaft und Staat. Frankf. a. M., 1864. S. 52.

²⁵ C. Knies. Die politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode. Braunsch., 1853. S. 29 и 109 ff.

²⁶ Следует признать не вполне удачной формулировку упомянутой основной мысли у Schmoller'a (Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtschaft. Jena., 1875. S. 42 ff.), который требует, чтобы наука национальной экономии наряду с «технически естественными» систематически исследовала также «психико-моральные причины» в их значении для народного хозяйства. Между обеими приведенными группами причин не существует, однако, никакого строгого различия. Человеческие потребности и вытекающее из них стремление к удовлетворению их, эти несомненно важнейшие факторы человеческого знания, суть почти в такой же мере естественные, как и психологические причины народно-хозяйственных явлений; однако Schmoller считает их, как это явствует из его изложения, естественными или даже технически

зультатом бесчисленных взаимодействующих факторов, и вряд ли здесь есть хоть одно явление, которое не испытало бы на себе влияния всех факторов, образующих человеческие явления. Исследователь в области истории, который вздумал бы объяснять нам сложное явление народной жизни, или даже целую группу явлений какой-либо одной тенденцией человеческих стремлений, или исключительно каким-либо одним фактором исторического образования, историк, который вздумал бы, например, объяснять факты иностранной политики государств исключительно характером и тенденцией руководящих дипломатов, развитие искусства какой-либо эпохи — индивидуальными качествами наиболее славных художников того времени, исходы сражений — исключительно талантом полководцев, оставляя во всех этих случаях без внимания политические, культурные и экономические обстоятельства народа, поскольку они могут влиять на эти исторические факты, — подобные исследователи, конечно, не избегнут упрека всех солидных историков в величайшей односторонности.

Сказанное относится, само собой понятно, также к историческим фактам права и народного хозяйства. Когда Savigny работал над тем, чтобы привести немецких юристов к более ясному, чем было до того, уразумению значения исторического правоведения для понимания права, он ни одной минуты не мог сомневаться, что право, «органическая связь которого с существом и характером народа»²⁷ была ему ясна, не имеет само по себе никакого самостоятельного бытия; напротив, его сущность, точно так же как и языка, — есть сама жизнь человеческая, рассматриваемая с одной известной стороны²⁸. Объяснять исторически право в его конкретных формах какой-либо одной определенной тенденцией, или вообще с какой-либо односторонней точки зрения, и притом упускать из виду влияние всех остальных культурных факторов и всех остальных ис-

естественными, и таким образом противопоставляет их психологическим и моральным причинам народного хозяйства; на самом деле противоположение имеется между специфически хозяйственным стремлением (направленным на удовлетворение вещественной потребности) и другими, неэкономическими стремлениями людей, из взаимодействия которых образуется действительная народная жизнь, а в ней — народное хозяйство, которое, поэтому, в своем реальном проявлении отнюдь не должно быть рассматриваемо единственно как результат стремлений первого рода. Это весьма простое наблюдение немало не освещается, а скорее затемняется категориями Schmoller'a.

²⁷ Savigny. Vom Beruf unserer Zeit zur Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelb., 1814. S. 11.

²⁸ Ibid. S. 30.

торических фактов, влияющих на него, — от этого Savigny был столь же далек, как, например, историк народного хозяйства далек от мысли объяснять историческое развитие, например хозяйства, исключительно какой-либо одной тенденцией, например, экономическим своекорыстием народов или отдельных членов его. Право и народное хозяйство в их конкретном виде суть только части народной жизни и могут быть понимаемы исторически лишь в связи со всей народной историей. Нет разумного основания сомневаться в том, что факты народного хозяйства должны быть сводимы историком к совокупности физических и культурных факторов, которые влияли на образование их; нет сомнения, что исторического выяснения народного хозяйства и его явлений можно достигнуть «лишь в связи их с социальным и государственным развитием народов» и что выделение хозяйственного элемента из общего комплекса народной и государственной жизни, обособление его в вышеохарактеризованном смысле — есть прием неисторический и неприменимый к реальной жизни. Все это, повторяем, не подлежит никакому сомнению и все это, в отношении исторического выяснения народно-хозяйственных явлений, никогда собственно и не подвергалось сомнению, если не говорить о некоторых историках-философах, которые пытались выводить исторические факты из односторонних стремлений.

Только полное непонимание существа теоретических наук и истинной природы достигаемого при их посредстве теоретического понимания явлений вообще и в частности того понимания, достижение которого в области народного хозяйства явлений составляет задачу теоретической национальной экономики, могло привести к тому, что целый ряд экономистов указанную точку зрения, свойственную истории и историческому выяснению, совершенно механически переносят в теорию и теоретическое выяснение явлений народного хозяйства.

Мы будем говорить здесь об упомянутом постулате исследования сначала по отношению к точному, а затем по отношению к реалистическому направлению теоретического исследования в области народного хозяйства.

В ряду точных теорий нет ни одной, которая могла бы сама по себе дать нам универсальное теоретическое уразумение мира явлений, или какой-либо определенной области последнего, даже какого-либо одного более сложного явления реального мира во всей его целостности. Такое уразумение могут дать нам лишь точные науки во всей их совокупности, так как каждая из них в отдельности открывает нам понимание лишь одной особенной стороны реального мира.

Кто желает понять явления природы, как их представляет нам действительность, кто хочет уразуметь лишь одну только группу их, даже толь-

ко одно какое-либо естественное явление — точным образом, т.е. только как пример строгой законосообразности во всех естественных вещах, тот должен искать этого понимания в законах не одной химии, или механики, или физики и т.д., а в совокупности всех, или хотя бы многих точных наук. Только этим путем действительно достигает он точного уразумения и таких сфер и сторон реальных явлений, которые с точки зрения какой-либо одной отдельной точной науки представляются ему пожалуй как не правильности, как нарушения строгой законосообразности мира явлений. Никакая точная наука в отдельности не дает универсального теоретического уразумения даже хотя бы незначительной части реального мира; она дает нам, как сказано, уразумение лишь одной отдельной стороны этой законосообразности.

Но можно ли поэтому считать, например, химию, физику, механику и т.д. науками односторонними? Придет ли на ум естествоиспытателю расширить каждую из указанных наук в отдельности — в теорию естественных явлений? Станет ли кто-либо, хотя бы немного сведущий в научно-теоретических вопросах, считать эти науки, как «абстрактные» — малоценными, потому-де что каждая из них, сама по себе, не дает уразумения ни одного более сложного естественного явления в его полной эмпирической действительности?

Отдельные точные науки дают нам теоретическое уразумение лишь отдельных сторон реального мира — это основное положение всякой методики, и кто, вместо того чтобы стремиться к всестороннему уразумению конкретных явлений при помощи всей совокупности наук, тщится достигнуть цели путем расширения отдельных точных наук в универсальные теории определенных областей реальных явлений в их полной эмпирической действительности, — тот обнаруживает такое непонимание элементарнейших положений научного знания, что прямо-таки позволительно сомневаться в праве подобного исследователя высказывать свое суждение относительно трактуемой здесь, столь трудной проблемы²⁹.

²⁹ Дело так ясно, что упомянутая, к слову сказать, весьма старая ошибка должна была броситься в глаза даже и такому малокомпетентному в методологических вопросах писателю, как J. B. Say. Он пишет: «Les phénomènes de la politique eux-mêmes n'arrivent point sans causes, et dans ce vaste champ d'observations un concours de circonstances pareilles amène aussi des résultats analogues. L'économie politique montre l'influence de plusieurs de ces causes; mais comme il en existe beaucoup d'autres... toutes les sciences n'en feraient qu'une, si l'on ne pouvait cultiver une branche de nos connaissances sans cultiver toutes celles qui s'y rattachent; mais alors quel esprit pourrait embrasser une telle immensité! On doit

Но ведь именно такова цель представителей вышеохарактеризованного направления — теоретическую национальную экономию, которая, в качестве точной науки, есть и может быть не более, как только теорией хозяйственной стороны народной жизни, расширить в призраке универсальной теории социальных явлений!

Если человечество достигнет когда-либо универсального точного уразумения социальных явлений вообще и народно-хозяйственных в частности (рассматриваемых в их полной эмпирической действительности), то, конечно, это произойдет лишь при помощи множества точных социальных наук, только совокупность которых и даст нам универсальное точное уразумение социальных явлений. Только тогда представилась бы нам возможность в тех реальных явлениях, которые мы называем преимущественно явлениями народного хозяйства, уразуметь неэкономические влияния и действия, но этого мы достигнем не через посредство чистой национальной экономики, а совсем других социальных наук, к области которых принадлежат эти влияния; только тогда мы уразумеем эти влияния и действия точным образом, т.е. не как исключения из законосообразности экономических явлений, а как примеры (случаи) социальных законов, хотя, разумеется, не как примеры из области народного хозяйства. Разработку этих наук экономисты могут сопутствовать лучшими пожеланиями и по мере сил даже содействовать ей. Но пока что мы будем стараться, соответственно особенной научной задаче, которая выпала на нас, очистить точную национальную экономию от ее заблуждений и восполнить ее пробелы, чтобы добиться того, что нам всего ближе, и что, при современном жалком положении национально-экономической теории, составляет для нас главнейшее научное призвание, а именно, постепенно достигать все более и более ясного и точного уразумения хозяйственной стороны социальных явлений.

Те, которые усматривают в этом односторонность и желают расширить чистую национальную экономию в теорию социальных явлений во всей их целостности, смешивают и здесь точки зрения исторического и теоретического выяснения и упускают из виду, что история имеет задачей уяснить нам все стороны определенных явлений, точные же теории, напротив, имеют задачей уяснить особым образом лишь определенные стороны всех явлений, и наука никак не может быть названа односторонней, если она вполне удовлетворяет своей задаче.

Мнение, будто явления народного хозяйства следует изучать в неразрывной связи их с общим социальным и государственным развитием

donc, je crois, circonscrire les connaissances qui sont en particulier le domaine de l'économie politique» (J.Say. Cours d'Ec. P. I. C. 5 и сл.).

народов, оказывается, таким образом, методологическим абсурдом, по крайней мере в качестве постулата для точного направления теоретического исследования в области народного хозяйства.

Но и в отношении реалистического направления теоретического исследования в области человеческого хозяйства, собственно, не может быть речи о разработке его в неразрывной связи с общим социальным и государственным развитием народов. «Реальные типы» и «эмпирические законы» народного хозяйства также отнюдь не представляются результатами изучения социальных явлений, обнимающего все стороны народной жизни; как бы ни было реалистично теоретическое исследование, эти «реалистические типы» и «эмпирические законы» все-таки являются результатом абстракции отдельных сторон социальных явлений.

Законы явлений свидетельствуют, даже при наиболее реалистическом понимании теоретической проблемы, лишь о том, что феномены одной определенной формы явлений правильно следуют за такими же феноменами других форм, или же сосуществуют им. Таким образом, уже в самой идее «законов», и именно эмпирических законов, уже лежит явственная абстракция от полной эмпирической действительности. Абстракция заключается уже в том, что в «законах», каковы бы они ни были, идет речь не о последовательности или сосуществовании конкретных явлений (как в истории!), а форм явлений; уже по этой причине абстракция от известных признаков явлений в их полной эмпирической действительности — неизбежна; далее, абстракция заключается и в том, что «законы», констатируя последовательность или сосуществование определенных форм явлений и, само собой разумеется, не включая в формулу всех возможных других форм явлений, необходимо изолируют первые, отвлекают (*abstrahiren*) их от всех остальных явлений. С идеей о «законах явлений» непременно связана известная абстракция от полной эмпирической действительности конкретных явлений; эта абстракция отнюдь не есть нечто случайное, какой-то подлежащий устранению недостаток только одного определенного направления теоретического исследования, нет, она столь неизбежна при установлении «законов явлений» какого бы то ни было рода, что попытка совершенно избежать абстракции прямо-таки устранила бы самую возможность установления законов явлений³⁰.

³⁰ Такой, вполне противоречащий природе теоретического исследования, постулат действительно выставлен некоторыми крайними представителями исторической школы немецкой национальной экономики, которые, в своем совершенном непонимании сущности теоретического направления, пред-

Даже наивозможно полное реалистическое направление теоретического исследования должно, следовательно, оперировать с абстракциями, и стремление к типам и типическим соотношениям реальных явлений, которые в каждом случае выражали бы полную эмпирическую действительность «этих явлений», прямо противоречит, таким образом, сущности теоретического исследования, каким оно представляется нам на почве действительности.

Если, однако, оставить в стороне упомянутую абстракцию, неизбежно вытекающую из природы теоретического исследования, то трудно сказать, в каком еще преобразовании нуждается реалистическое направление теоретического исследования, в смысле соображения полной эмпирической действительности? Если законы народного хозяйства добываются, как это имеет место при указанном направлении теоретического исследования, чисто эмпирическим путем, посредством наблюдения реальной последовательности и сосуществования явлений, то в этом приеме, уже в самом себе, заключается полное соображение эмпирической действительности. Реальные цены вещей, реальные земельные ренты, реальные проценты на капитал и т.д. являются в каждом случае следствием не одних только специфически экономических, но также и этических стремлений; устанавливая законосообразности в последовательности и сосуществовании этих явлений эмпирическим путем, мы тем самым принимаем в соображение, насколько это вообще возможно, влияние права, обычаев и пр. на типические соотношения в народном хозяйстве; вряд ли возможно вообще принимать в соображение это влияние еще в большей степени, тем более, что эмпирические законы явлений, само собой понятно, имеют силу лишь для тех местных и временных условий, из наблюдения которых они добыты.

Стремление к соображению неэкономических факторов народного хозяйства в реалистическом направлении теоретического исследования оказывается, таким образом, излишним, так как оно необходимо обусловлено уже самой природой этого направления научного изыскания; не нужно для этого никакого особенного метода, еще менее — особенной научной школы; напротив, требуется особенное искусство для отыскания

ложили при установлении (реалистических!) законов народного хозяйства непременно принимать во внимание всю народную жизнь (почему только ее, а не всю вселенную, ведь и в этом уже заключается абстракция!), и этим в конце концов достигли того, что совершенно уклонились от теоретического исследования и перешли в область историографии.

таких «эмпирических законов» народно-хозяйственных явлений, в которых были бы устранены неэкономические факторы человеческого хозяйства именно так, как представляют себе это наши экономисты исторической школы.

Вышерассмотренный постулат как в отношении к точному, так и эмпирическому направлению теоретического исследования, оказывается чрезвычайным заблуждением.

В сущности, требование «изучать явления народного хозяйства в связи со всем социальным и государственным развитием народов» поκειται на непонятном стремлении перенести специфические точки зрения исторического исследования в теоретическую науку о народном хозяйстве, в стремлении, которое стоит в противоречии с природой этого направления научных изысканий. Наши экономисты исторической школы обнаруживают и здесь незначительность своей методологической опытности, когда предъявляют к известному направлению исследования требования выше тех, каким оно может удовлетворить по самой природе своей, и, из опасения казаться односторонними, уклоняются от своей собственной научной области, политической экономии, в область исторического исследования; это такая форма многосторонности, от которой немецкой науке лучше было бы освободиться.

Глава 7. ДОГМА «СВОЕКОРЫСТИЯ» В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ И ЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ СРЕДИ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ПОСЛЕДНЕЙ

Что разумеется под упомянутой «догмой» и какое значение для теории народного хозяйства приписывается ей. Мнение о допустимости строгих законов в народно-хозяйственных явлениях лишь при ошибочном предположении, будто люди в своих хозяйственных действиях действительно руководствуются только вполне сознанным собственным интересом. Аргументация, которой опровергается указанное мнение. Эта аргументация неудовлетворительна, так как в противном случае не только дух общественности, но и заблуждение, неведение, внешнее принуждение и т.п. исключали бы самую возможность точных законов народного хозяйства. Эта аргументация вытекает из непонимания сущности точного направления теоретического исследования вообще и в области народного хозяйства в частности. Точное направление теоретического иссле-

дования отнюдь не исходит из предположения, будто бы хозяйственные субъекты действительнo руководствуются только своими экономическими интересами. Каково на самом деле положение указанной догмы в теоретической национальной экономии.

«Личный эгоизм, своекорыстие, играет в теоретической национальной экономии столь значительную роль, он приводится в столь тесную и непосредственную связь с методом отыскания законов народного хозяйства, он имел столь решительное влияние на всю постановку нашей науки», что мы тем менее можем оставить без внимания отношение его к научно-теоретическим проблемам нашей науки, что по нашему мнению «исторический метод политической экономии стоит в совершенно особенном отношении к догме о неизменном своекорыстии»³¹.

Под «догмой о своекорыстии» некоторые экономисты понимают то основное положение, что преследование отдельными хозяйствующими индивидуумами своих частных интересов, не стесняемое никакими политико-экономическими мероприятиями правительства, приводит вместе с тем и к высшему общественному благу, какое только возможно для общества при данных местных и временных условиях. Об этом ошибочном воззрении мы, однако, не будем здесь говорить, так как оно не находится в непосредственной связи с теми методологическими вопросами, которыми нам предстоит заняться в этой главе. Для нас здесь важно то распространенное положение, будто бы люди в своей хозяйственной деятельности в действительности руководствуются исключительно соображениями личного интереса, положение, которое, как по крайней мере полагают представители исторической школы немецких экономистов, последователями «неисторических» школ нашей науки поставляется в качестве основной аксиомы, во главе их систем политической экономии. Значение этого положения для научно-теоретических проблем, о которых здесь идет речь, явствует уже из того обстоятельства, что с его правильностью историческая школа связывает вопрос о самой возможности строгих законов явлений народного хозяйства, а, следовательно, и науки о них; указанием на ошибочность этой «догмы» прямо отвергается возможность науки о «законах» народного хозяйства, и выставляется требование особенного, исторического метода разработки нашей науки.

Аргументация наших экономистов исторической школы заключается в следующем:

³¹ K n i e s: Die Politische Oekonomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode, 1853. S. 147.

Воля человека управляется многочисленными мотивами, отчасти находящимися между собой в противоречии; этим уже наперед исключается возможность строгой законосообразности человеческих действий вообще и в народном хозяйстве в частности. Только в том случае, если мы допустим, что человек руководствуется в своих хозяйственных действиях всегда одним и тем же мотивом, например, своекорыстием, только тогда будет исключен момент произвола, и всякое действие представится строго определенным. Только при указанном предположении, следовательно, и возможны законы народного хозяйства, а вместе с тем и национальная экономия в смысле науки точной.

Но ведь, как показывает опыт, ни в своих действиях вообще, ни в своих хозяйственных делах в частности, люди не управляются исключительно каким-либо одним определенным мотивом; кроме своекорыстия, которое может быть признано только главным побудительным мотивом человеческого хозяйства, хозяйственные действия людей определяются и другими моментами: общественным интересом, любовью к ближнему, обычаями, правовым чувством и т.п., и потому предположение, из которого исходят (неисторические) экономисты школы Смита, ложно. Но вместе с этим предположением рушится и самая возможность строгих законов народного хозяйства, не зависящих от временных и местных условий, а, следовательно, возможность науки о таковых (законах) — теоретической национальной экономии в указанном смысле. Таким образом, охарактеризованное здесь направление исследования должно быть признано неэмпирическим, лишенным истинности, и только исследование, освобожденное от упомянутых ошибочных предположений, может привести в области нашей науки к результатам, согласным с реальными явлениями народного хозяйства.

Приблизительно такова аргументация немецких экономистов исторической школы в борьбе против «догмы о человеческом своекорыстии»³².

Мы должны прежде всего указать здесь на один пробел в упомянутой аргументации, который бросается в глаза всякому, кто хоть несколько знаком с психологическими исследованиями. Не одно только то обстоятельство, что люди в своих хозяйственных действиях не руководятся исключительно чувством своекорыстия, но и другой, столь же важный момент исключает, в указанном смысле, строгую законосообразность человеческих действий вообще и в народном хозяйстве в частности, а вместе с тем и возможность строгой теории народного хозяйства. Я разумею з а б л у ж д е н и е, момент, который, конечно, еще менее позволительно мыслить отдельно от человеческих действий, нежели обычаи, общественный интерес, правовое чувство и любовь к ближнему — отдельно от хозяйства. Даже если бы всегда и повсю-

³² Ср. Sch moller: Ueber einige Grundfragen. J., 1875. S. 42.

ду люди стали руководствоваться исключительно одним только чувством своекорыстия, то и в таком случае строгая законосообразность экономических явлений исключалась бы тем обстоятельством, что люди в бесчисленных случаях, как всем известно из опыта, заблуждаются относительно своих хозяйственных интересов, или находятся в неведении относительно экономического положения вещей. Наши историки слишком снисходительны к своим ученым противникам. Предположение о строгой законосообразности хозяйственных явлений, а вместе с тем и о возможности теоретической национальной экономики в неоднократно указанном смысле слова, есть не только догма о неизменном своекорыстии, но и о «непогрешимости» и «всеведении» людей в хозяйственных делах.

Мы далеки от мысли утверждать, что указанными догмами уже исчерпана вся сумма предположений (условий) строгой теории народно-хозяйственных явлений в том смысле, как понимают ее наши историки. Всякому, хотя бы немного знакомому с методологическими исследованиями, ясно, что за этими следует целый ряд других подобных догм (в частности, в области хозяйственных явлений еще догма о полной свободе от внешнего принуждения и пр.!), догмы, которые, несомненно, могли бы представить для ученых исторической школы столь же благодарное и легкое поле для остроумной критики. Но и сказанного достаточно, чтобы с полной очевидностью показать, какими чудовищными нелепостями занимались величайшие умы всех наций целые тысячелетия, стремясь к строгим теориям социальных явлений, и в каком плачевном заблуждении находилось бы человечество еще и теперь, если бы историческая школа немецких экономистов не открыла нам глаза.

Ввиду такого колоссального переворота в области социальных наук, может, однако, показаться несколько странным то обстоятельство, что те ошибки, которые поставлены в упрек исследователям в области хозяйства, совершенно одинаково наблюдаются и во всех остальных областях теоретического исследования, а в особенности в области естествоведения, так что целый цикл теоретических наук при ближайшем рассмотрении оказывается неосновательным и ничего не стоящим, — и такого-то обстоятельства до сих пор даже и не подозревали наши естествоиспытатели.

Даже самые важные и основные из теоретических естественных наук повинны в тех же самых прегрешениях, которые нашими историческими экономистами ставятся в упрек социальным научным теориям; химия, физика, равно как и целый ряд других точных наук, как, например, механика, математика и т.д., с точки зрения критического масштаба наших историков, оказываются несогласными с действительностью, неэмпиричными, а следовательно и нуждающимися в точно таком же преобразовании, как и теоретическая национальная экономика.

Химия учит нас не «реальным понятиям» определенных групп конкретных явлений; ее элементы и соединения в их полной чистоте совсем неэмпиричны, их нельзя наблюдать в природе вне воздействия человеческого искусства, частью же даже и искусственным способом не могут быть добыты. Чистое золото, чистый водород и кислород и чистые соединения их, ни сами по себе, ни в той идеально точной мере, которую предполагают законы химии, эмпирически не существуют. Химия оперирует над факторами, которые качественно, а в известном отношении и количественно, — неэмпиричны. Кроме того, она обнимает тела не во всей целостности их проявления; она уясняет нам сущность и законы их по отношению не ко всем, а лишь к одной определенной стороне их бытия. Химия, говоря языком экономистов исторической школы, исходит из догмы, будто химические элементы и их соединения в полной своей чистоте существуют эмпирически, будто они идеально точно измеримы, будто золото и кислород в их реальных проявлениях везде и всегда одинаковы; мало того, она занимается всего лишь только одной стороной реального мира, и, следовательно, ее законы в отношении мира явлений в его целостности оказываются основанными на произвольных предположениях и неэмпиричными.

То же самое имеет место и в отношении к физике, а в особенности к механике и математике.

Чистая механика в своих важнейших законах исходит из произвольного и неэмпирического предположения, что тела движутся в безвоздушном пространстве, что их вес и их пути точно измерены, что их центр тяжести точно определен, что силы, движущие тела, точно известны и постоянны, что никакие посторонние факторы не влияют на их действие, и таким образом, — говоря языком наших экономистов исторической школы, — она исходит из тысячи разных произвольных, неэмпирических догм. И механика, так же, как и математика, неэмпиричность предположений которой (математическая точка, математическая линия, математическая площадь и т.д.!) не требует, конечно, ни малейшего доказательства, не обнимают мир реальных явлений во всей его целостности, а только одну лишь сторону его, и ввиду этого механика и математика оказываются в отношении к «полной эмпирической действительности» — произвольными и неэмпиричными — плачевными заблуждениями человеческого ума!

И ни один человек до сих пор не замечал ложности всех этих догм, пока наконец историческая школа немецких экономистов не раскрыла нам глаза, отчасти сознательно, отчасти инстинктом гения, даже и не подозревая всей важности такого колоссального переворота в области точного исследования. Право, наши исторические экономисты могут гордиться этим открытием!

Однако шутки в сторону! Точно е направление теоретического исследования в области социальных явлений, — а только по отношению к нему и может быть речь о догме своекорыстия, — имеет задачей, как мы видели выше, «свести человеческие явления к проявлениям самых первоначальных и общих сил и стремлений человеческой природы, и затем исследовать, к каким формам приводит свободное, стоящее вне влияния других факторов (в частности, ошибки, незнания положения вещей и внешнего принуждения) действие каждого отдельного основного стремления человеческой природы». Идя по этому направлению исследования, мы приходим к целому ряду социальных теорий, из коих каждая в отдельности дает нам уразумение, конечно, только одной особенной стороны явлений человеческой деятельности и, следовательно, отвлекается от полной эмпирической действительности, но совокупность всех их дает нам уразумение этического мира, подобно тем теоретическим наукам, которые являются результатом аналогичного исследования природы³³.

Среди людских стремлений таковые, направленные на заботливое обеспечение вещественных потребностей своих (хозяйственные), — наиболее всеобщие и важны, точно так же, как среди людских побуждений наиболее общее и могущественное — побуждение, заставляющее каждого индивидуума домогаться своего благополучия; теория, которая учила бы нас, к каким образам человеческой деятельности, к каким формам человеческих явлений приводит деятельность, направленная на удовлетворение вещественных потребностей, при свободном, вне влияния других стремлений и других условий (в особенности ошибок и неведения), действию этого могущественного фактора людского хозяйства, и в особенности такая теория, которая выяснила бы нам, какова мера действий, производимых определенной мерой рассматриваемых здесь влияний, — такая теория дала бы уразумение не всех человеческих явлений в их целостности и даже не какой-либо определенной части их, но лишь одной из важнейших сторон человеческой жизни. Такая теория, которая учит нас точным образом выслеживать и понимать проявления человеческого своекорыстия в стремлениях хозяйствующего человека, направленных на удовлетворение вещественных потребностей, есть именно «точная национальная экономия», следовательно теория, которая не имеет задачей научить нас пониманию социальных явлений, или даже человеческих явлений, или тех социальных феноменов, которые называются обыкновенно «народно-хозяйственными», в их целостности, а имеет задачей дать нам уразумение только одной, хотя, конечно, крайне важной — хозяйственной стороны человеческой жизни.

³³ См. выше с. 326.

н и; уразумение же остальных сторон ее может быть достигнуто лишь при помощи других теорий, которые уясняют нам формы человеческой жизни с точки зрения прочих стремлений ее (например, с точки зрения духа общности, строгого господства идеи права и пр.).

Из этих методологических точек зрения издавна исходили великие теоретики в области этики; из этой точки зрения исходили уже Платон и Аристотель при созидании теории социальных явлений; наконец, исходя из этой точки зрения и великий основатель нашей науки создал свой труд о богатстве народов и наряду с ним теорию моральных ощущений, в которой он выставил альтруизм таким же исходным пунктом, каким в своем знаменитом труде по политической экономии он выставил — эгоизм.

Если мы возвратимся теперь к так называемой «догме» о человеческом своекорыстии, которая, по понятиям исторической школы немецких экономистов, составляет столь резкое противоречие с «полной эмпирической действительностью», то легко усмотрим в этом воззрении историков непонимание правильной методологической точки зрения, из которой исходили великие основатели этических наук в своей творческой деятельности. Подобно тому, как чистая механика не отрицает существования пространств, наполненных воздухом, трения и пр., чистая математика — существования реальных тел, плоскостей и линий, уклоняющихся от математических, чистая химия — влияния физических и чистая физика — влияния химических факторов на образование реальных явлений, хотя каждая из этих наук и принимает в соображение лишь одну сторону реального мира и мысленно отвлекает (*abstrahirt*) ее от всех остальных, — так точно и экономист отнюдь не утверждает, что люди фактически управляются одним лишь своекорыстием, или что они непогрешимы и всеведущи, ибо он ставит предметом своего исследования формы социальной жизни с точки зрения свободного от влияния побочных условий, заблуждений и неведения действия человеческого своекорыстия. Догма о человеческом своекорыстии в понимании наших исторических экономистов является просто недоразумением.

Аристотель и Гуго Гроций, конечно, ясно понимали, что кроме стремления к общности и сообществу еще и другие факторы влияют на образование государств; Гоббесу, конечно, было известно, что противоположность интересов отдельных индивидуумов, Спинозе — что инстинкт самосохранения — не суть единственные двигатели социальных образований, Гельвеций, Мандевиль и А.Смит знали не хуже любого последователя исторической школы национальной экономии, что не одно только своекорыстие влияет на явления человеческой жизни. Последний даже написал собственную теорию альтруизма. А.Смита и его школу отличает от наших историков именно то, что он не смешивает исто-

рии народного хозяйства с теорией его, не придерживается односторонне только того направления исследования, которое я обозначил выше термином эмпирически-реалистического, и наконец, чужд заблуждения — при теоретических исследованиях с точки зрения свободного, вне влияния посторонних факторов, действия человеческого своекорыстия, — считать «догму» о человеческом своекорыстии единственным «фактическим» мотивом человеческих действий. Я не сомневаюсь, что и немецкая национальная экономия, коль скоро представители ее вполне уяснят себе недоразумение, о котором я здесь трактую, снова вернется к обсуждаемому здесь направлению исследования, вполне правильному и необходимому для уразумения народно-хозяйственных явлений, хотя и очень долго находившемуся у них в пренебрежении, и со своей стороны внесет свою долю труда в разработку этого направления. Крайне неудовлетворительное состояние точного исследования в области явлений народного хозяйства требует и от немецких экономистов оставить ложный путь исследования и, вместо погони за реалистическими познаниями в области народного хозяйства и в особенности вместо увлечения историческими интерпретациями народно-хозяйственных явлений, снова потрудиться над великой задачей построения точной теории национальной экономики.

ГЛАВА 8. УПРЕК В «АТОМИЗМЕ» ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ

Сущность и значение так называемого «атомизма» в теории народного хозяйства. Происхождение указанного воззрения в аргументациях исторической школы юристов. Различие выводов из указанного воззрения, сделанных исторической школой немецких юристов и исторической школой немецких экономистов. Точка зрения исторической школы немецких экономистов. Упрек в «атомизме» коренится в непонимании истинной сущности точного направления теоретического исследования и в перенесении методологических точек зрения специфически исторического исследования в теоретическую национальную экономию. Противоположение народного хозяйства к частному хозяйству в методологических суждениях исторической школы немецких экономистов и значение этой ошибки для научно-теоретических проблем нашей науки.

Остановимся еще на одном воззрении, особенно распространенном среди немецких экономистов и коренящемся, как и вышеохарактеризованное, в механическом перенесении известных точек зрения истори-

ческого исследования в теоретическое учение о народном хозяйстве и в одностороннем понимании задач последнего. Мы говорим об упреке в атомизме, который в новейшей экономической литературе Германии крайне легкомысленно выставляется против всякого, кто занимается собственными задачами теоретической национальной экономики; основывают этот упрек на том, что явления народного хозяйства в конце концов приводятся в теории к индивидуальным хозяйственным стремлениям, к их простейшим конститутивным элементам и таким способом разъясняются.

И это воззрение своим происхождением точно так же обязано прежде всего исторической школе юристов, из методологических изысканий которой оно просто механически заимствовано, подобно и многим другим частям методики нашей исторической школы национальной экономики. «Нет, — говорит Savigny, — совершенно одиночного и обособленного человеческого бытия; то, что может показаться единичным, при рассмотрении с другой стороны оказывается частью высшего целого. Так, каждый отдельный человек обязательно должен быть мыслим и как член семейства, народа, как продолжение и развитие всех прошедших времен». Савиньи говорит затем о высшей природе народа, вечно существующего, развивающегося целого, какового «высшего народа» современное поколение составляет лишь часть и т.д.³⁴

Всякий, кто сравнит соответствующие места сочинений исторических экономистов Германии с вышеприведенным, признает их сродство, хотя выводы, к которым пришли обе рассматриваемые школы ученых из приведенной основной мысли, существенно различны.

Историческая школа юристов пользуется этой мыслью, чтобы прийти к тому положению, что право есть нечто, стоящее вне произвола отдельных лиц, даже вне произвола того или другого поколения, что оно есть явление «органическое», которое не может и не должно быть произвольно изменяемо ни отдельными индивидуумами, ни даже отдельными поколениями; оно противостоит произволу отдельных лиц и целых поколений и даже вообще мудрости человеческой, как нечто высшее. Из этого положения указанная школа извлекла затем свои выводы, отчасти в высокой степени практические. Она сделала заключение, что стремление к реформе общественных и государственных отношений, пробудившееся во всей Европе благодаря Французской революции, означало собственно непонимание сущности права, государства и общества и их «органического происхождения», что «бессознательная мудрость», которая проявляется в государственных учреждениях, образующихся органи-

³⁴ Savigny in der Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft. B. I. S. 3 ff.

ческим путем, стоит гораздо выше смелого порыва человеческой мысли, что передовые борцы за идею реформы должны, следовательно, поменьше доверять своей собственной проницательности и энергии, а напротив, предоставить «историческому процессу развития» преобразование общества и т.д. — все консервативные принципы, весьма выгодные для господствующих интересов.

Идея подобного консервативного направления в области народного хозяйства напрашивалась сама собой, и аналогичная исторической школе юристов историческая школа экономистов, которая выступила бы в защиту существующих хозяйственных институтов и интересов против влечений реформаторской идеи в области народного хозяйства, а в особенности против социализма, — сослужила бы известную службу и Германии и предотвратила бы позднейшую реакцию.

Между тем исторической школе экономистов в Германии не пришла и на мысль идея об аналогичном консервативном направлении в области народного хозяйства; для этого историческое направление немецких экономистов было слишком поверхностно, лишено более глубокого основания. Представители этого направления, напротив, почти все в практическом отношении еще недавно стояли в ряду с либеральными прогрессивными политиками в области народного хозяйства, и лишь в недавнее время значительная часть их представила странное зрелище исторической школы экономистов с социалистическими стремлениями — научный курьез, дальнейшее прогрессирование которого было остановлено скорее внешними обстоятельствами, нежели научными соображениями. Короче говоря, органическое понимание народного хозяйства осталось для наших экономистов-историков в указанном отношении чем-то совершенно внешним, теоретическим воззрением, извлекать из которого практические выводы, вроде, например, исторической школы юристов, им даже и не приходило на ум. Никаких действительно правильных практических выводов из указанной идеи не сделано нашими экономистами-историками.

Заключения, которые вывели наши исторические экономисты-историки из указанного основного воззрения на сущность народного хозяйства (как органического нераздельного целого), касаются исключительно лишь вопросов научной техники и прекрасно характеризуют кругозор этой научной школы.

Если рассматривать народное хозяйство как отдельное целое, отличное от сингулярных явлений человеческого хозяйства, то отсюда прямо напрашивается вывод: явления этого целого признать единственным объектом научной разработки в теоретическом учении о народном хозяйстве, сингулярные же явления человеческого хозяйства, напротив,

исключить из этой области. Не общая сущность явлений человеческого хозяйства, не общая связь их вообще должны бы впредь служить предметом исследования в области теоретического учения о народном хозяйстве; лишь исследование народно-хозяйственных явлений должно бы, при указанной точке зрения, служить задачей теоретической национальной экономики; исследование же общей сущности и общей связи сингулярных явлений человеческого хозяйства должно бы быть исключено из области нашей науки, как смешение частного хозяйственной и народно-хозяйственной точек зрения, и даже стремление свести народно-хозяйственные феномены к сингулярным явлениям человеческого хозяйства должно бы признать «атомизмом».

Ошибочность этого учения, ближайшую причину которой следует искать в смешении точек зрения исторического и теоретического исследований³⁵, а более глубокие причины — в непонимании истинной сущности «народного хозяйства» в его отношении к сингулярным хозяйствам, из коих складывается первое, — вполне очевидна.

Народ как таковой вовсе не есть большой, ощущающий потребности, производящий, хозяйствующий и конкурирующий субъект, и то, что называют «народным хозяйством», вовсе не есть хозяйство народа в собственном смысле слова. «Народное хозяйство» вовсе не есть явление, аналогичное сингулярным хозяйствам данного народа, к числу каковых принадлежит и финансовое хозяйство; оно вовсе не есть большое сингулярное хозяйство; оно отнюдь не есть нечто противоположное син-

³⁵ Насколько указанное воззрение соответствовало специфически историческому способу изучения, преимущественно проводимому немецкими экономистами исторической школы даже в теоретической национальной экономике, — вряд ли требует особого указания после всего сказанного в предыдущей главе. История рассматривает явления человечества всегда с точки зрения коллективного изучения; лишь этим путем она и может наиболее широко разрешать свою специфическую задачу, а никак не путем сведения социальных явлений к сингулярным феноменам человеческой жизни. Немецким экономистам исторического направления, преимущественно изошрившимся в истории, казалось всего проще перенести привычную им историческую точку зрения и в теоретическое исследование. Указанное воззрение точно так же оказывается, таким образом, особенной формой более общего методологического заблуждения исторической школы немецких экономистов, одним из тех механических перенесений специфически исторических точек зрения в теоретическое исследование, о которых мы уже неоднократно говорили и противоборствование которым составляет одну из главных задач настоящего сочинения.

гулярным хозяйствам народа, или наряду с ними существующее. В своей наиболее общей форме проявления оно есть своеобразная компликация сингулярных хозяйств, более подробно охарактеризованная нами в другом месте³⁶.

Итак, феномены «народного хозяйства» отнюдь не суть непосредственные жизненные проявления данного народа как такового, непосредственные результаты «хозяйствующего народа», но — результирующая (*Resultante*) всех бесчисленных единично-хозяйственных стремлений в народе, а потому мы и не можем теоретически уразуметь их с точки зрения указанной функции. Явления «народного хозяйства», будучи на самом деле результирующей единично-хозяйственных стремлений, должны быть и интерпретируемы теоретически именно с этой точки зрения.

«*Scire est per causas scire*». Кто хочет уразуметь теоретически явления «народного хозяйства», те сложные человеческие феномены, которые мы обыкновенно обозначаем указанным выражением, тот должен возвратиться к их истинным элементам, к сингулярным хозяйствам народа, и стараться исследовать законы, по которым создаются первые из последних. Но кто избирает противоположный путь, тот не понимает сущности «народного хозяйства»; он обосновывается на фикции, он вместе с тем не понимает главной задачи точного направления теоретического исследования, задачи сведения сложных явлений к их элементам.

Односторонний коллективизм при исследовании хозяйственных явлений совершенно не свойствен точному направлению теоретического исследования, и упрек в атомизме, в вышеуказанном смысле слова, оказывается, таким образом, по отношению к точной национальной экономике просто недоразумением. Этот упрек относится к ней наравне с прочими точными науками, к ней, именно как точной науке.

Но и по отношению к реалистическому направлению исследования в области народного хозяйства этот упрек несправедлив. Всякая теория, какова бы она ни была и к какой степени точности знаний она бы ни стремилась, прежде всего имеет задачей дать нам уразумение конкретных явлений реального мира, в качестве отдельных примеров известной закономерности в последовательности явлений, т.е. выяснить их генетически. Всякая теория, таким образом, стремится прежде всего выяснить нам сложные явления подлежащей области исследования, в качестве результатов взаимодействия факторов их возникновения. Этот генетический элемент неразрывен с идеей теоретических наук.

³⁶ См. Приложение I.

Таким образом, реалистическое направление исследования в области народного хозяйства, пожалуй, может стремиться к установлению эмпирических законов сложных явлений человеческого хозяйства; но оно никак не может освободиться от задачи сведения этих явлений к их факторам, к сингулярным явлениям человеческого хозяйства постольку и в такой форме, как это совместимо с идеей реалистического исследования. Поричать теоретика за то, что он сохраняет генетический момент в теории, — это просто бессмыслица.

Что касается, наконец, упрека, будто, благодаря указанному генетическому направлению в теории нашей науки, смешивается «народное хозяйство» с «частным хозяйством», то он был бы основателен только в том случае, если бы это направление учило нас не признавать тех осложнений единичных явлений человеческого хозяйства, которые мы именуем явлениями «народного хозяйства», и не рассматривать единичные явления человеческого хозяйства в качестве именно элементов «народного хозяйства». Но пока это направление (генетическое) стремится к разрешению этой задачи, не может быть и речи о смешении частного хозяйства с народным хозяйством.

Все это, впрочем, настолько само собой понятно, что даже те авторы, которые в своих методологических изысканиях проводят указанный, противный существу теоретических наук, взгляд, даже они не могут в систематическом изложении национальной экономической теории совершенно обойтись без сведения более комплицированных явлений народного хозяйства к сингулярным явлениям человеческого хозяйства, и таким образом, в этом отношении обнаруживается то противоречие между теорией и практикой исследования, которое прямо характерно для исторической школы немецких экономистов.

КНИГА ВТОРАЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ВВЕДЕНИЕ

Формальная природа политической экономии и ее частей. Политическая экономия отнюдь не историческая наука. «Исторический метод» политической экономии не может состоять в низведении присущей ей и ее частям формальной природы, а лишь в установлении исторической точки зрения в приложимых к политической экономии направлениях исследования. Сущность «исторического метода» в теоретическом учении о народном хозяйстве — с одной стороны, и в практических науках о народном хозяйстве — с другой. Этот метод отнюдь не одинаков в обоих случаях. Столь же неодинаков он в точном и реалистическом направлениях теоретического исследования в области народного хозяйства. Преувеличенное значение, приписываемое исторической школой немецких экономистов исторической точке зрения в политической экономии. Относительная важность последней для настоящего времени.

В первой книге мы разъяснили существенное различие между историческими, теоретическими и практическими знаниями о народном хозяйстве, и, в частности, указали ошибки тех, которые видят в политической экономии «историческую» науку. Политическая экономия (в ее обширном смысле, обнимающем теоретическую национальную экономию, народнохозяйственную политику и науку о финансах) есть наука теоретико-практическая, и считать ее наукой исторической — столь же ошибочно, как если бы пожелали историю или статистику народного хозяйства подчинить методологическим точкам зрения теоретических или практических наук.

Если вообще и может быть речь об историческом направлении в политической экономии, то никак не в смысле превращения политической экономии в науку «историческую»; оно может быть только таким направлением исследования, которое в теоретическом или практическом направлении исследования в области народного хозяйства упирает на факт развития социальных явлений, отнюдь не отнимая этим у политической экономии характера науки теоретико-практической.

Но прежде, чем перейти к разрешению выставленных здесь проблем, мы должны отвергнуть безмолвное предположение тех, которые занимались этими проблемами до сих пор, принципиальную ошибку их, без уяснения которой никогда не может быть вполне постигнута сущность исторической точки зрения в нашей науке; мы разумеем ошибочное мнение, будто историческая точка зрения, и в теоретической национальной экономии, и в практических науках о народном хозяйстве — идентична, и будто то, что применяется в историческом направлении исследования в первой науке, уже потому может быть прямо переносимо и в обработку последних наук с исторической точки зрения.

Рассматриваемые здесь науки, конечно, занимаются одной и той же областью человеческой жизни: все они суть науки о народном хозяйстве. Однако, их цели, как мы говорили в первой книге, столь безусловно различны, что, конечно, не может быть и речи об идентичности научных путей к достижению их. Метод хозяйственной политики столь же мало может быть смешиваем с методом теоретической национальной экономии, как и метод этой последней — с методом истории, или статистики.

А раз это так, то ясно, что факт развития народно-хозяйственных явлений, о котором еще будет говорено ниже, вовсе не имеет одинакового влияния и на практические знания о народном хозяйстве, и на теоретическую национальную экономию, и ясно, что, следовательно, постулаты теоретической точки зрения в теоретической национальной экономии не могут быть прямо переносимы в практические науки о народном хозяйстве, и обратно. Едва ли требует особого указания то обстоятельство, что влияние указанного факта (развития народно-хозяйственных явлений) на теоретическое учение о народном хозяйстве — с одной стороны, и на практические знания о народном хозяйстве — с другой, может быть выяснено лишь посредством самостоятельного исследования задач этих наук с исторической точки зрения.

В теоретическом учении о народном хозяйстве историческая точка зрения проводится тем, что принимается во внимание влияние факта развития народно-хозяйственных явлений на разработку форм явлений и законов народно-хозяйственных явлений; в народно-хозяйственной политике та же точка зрения про-

водится тем, что выясняется влияние различных ступеней развития народного хозяйства на институты и мероприятия общественной власти в целях споспешествования народному хозяйству. Экономист-теоретик и народно-хозяйственный политик проводят историческую точку тем, что первый — при исследовании родовой сущности и законов народного хозяйства, а второй — при исследовании мероприятий для споспешествования народному хозяйству, не упускают из виду факта развития хозяйственных явлений. Различие между обеими указанными проблемами столь очевидно, что смешение их, казалось бы, даже немислимо. Если, тем не менее, это различие столь часто не понималось, то причина этого отчасти заключается в ошибочном представлении, будто политическая экономия представляет собой одну нераздельную науку, и в вытекающих отсюда стремлениях к установлению метода (одного метода) этой науки, а не методов (нескольких методов) совершенно различных частей, науку эту составляющих. Но кроме этого, в значительной степени объясняется указанное смешение еще одним недоразумением, на которое мы укажем здесь вкратце.

Общее обеих указанных проблем состоит в том, что как практическое, так и теоретическое учение о народном хозяйстве занимаются вопросом, приложимы ли народно-хозяйственные законы, свойственные какой-либо определенной ступени развития народного хозяйства, и к другим фазисам этого развития. Нередко, однако, при этом упускается из виду то решающее обстоятельство, что в первом случае речь идет о законах-нормах (о правилах, устанавливаемых государством или обычаем для действий людей), а во втором — о законах явлений (о законосообразностях в сосуществовании и в последовательности явлений народного хозяйства), следовательно, о двух совершенно различных предметах и понятиях, которые лишь случайно обозначаются одним и тем же словом (закон!).

Таким образом, можно придерживаться мнения, что различным стадиям развития государства и общества вообще и народного хозяйства в частности соответствуют известные нормирующие законы и институты народного хозяйства, при этом вовсе не думая и даже не подозревая, что государственные и общественные явления вообще и, в частности, явления народного хозяйства с течением времени развиваются, и что обстоятельство это влияет и на законы последовательности и сосуществования этих явлений. В действительности здесь речь идет о двух различных научных вопросах; оба они имеют свое основание, но лишь последний из них имеет касательность к теоретической национальной экономике и к проблеме установления в ней «исторической точки зрения», тогда как

первый вопрос имеет касаемость к установлению исторической точки зрения в народно-хозяйственной политике.

То обстоятельство, что многие экономисты то считают политическую экономию формально-единичной наукой и вследствие этого изыскивают метод (один метод) этой науки, то переносят методологические точки зрения и постулаты теоретической национальной экономики в практические знания о народном хозяйстве, и обратно — точки зрения последних наук в первые, и, в частности, признают установление исторической точки зрения в обеих указанных науках совершенно идентичной методологической задачей, — все это влияло на научно-теоретические исследования в нашей науке не менее пагубно, как и смешение истории народного хозяйства с теорией его, — о последствиях какового смешения для методики политической экономики мы уже говорили в первой книге.

Наша задача, поэтому, должна состоять прежде всего не в том, чтобы выяснить в о б щ е сущность исторической точки зрения в той совокупности теоретических и практических знаний, которую мы называем политической экономией; нам придется, напротив, о т д е л ь н о обсуждать указанные, совершенно различные методологические проблемы: установление исторической точки зрения в теоретической национальной экономике — с одной стороны, и в практических знаниях о народном хозяйстве — с другой.

Еще другую, не менее важную, точку зрения должны мы установить здесь при рассмотрении настоящих научно-теоретических проблем. И теоретическое исследование в области народного хозяйства не есть строго единичное; и оно, как мы видели выше, распадается на два особые направления, которые, несмотря на то, что оба стремятся к разрешению теоретической проблемы исследования в области народного хозяйства, однако, как в отношении их целей, так и научных путей, представляют существенные различия; мы говорим здесь о р е а л и с т и ч е с к о м и т о ч н о м направлениях теоретического исследования; ясно, что и установление исторической точки зрения в каждом из этих направлений должно вести к различным научно-теоретическим проблемам. Мы должны различать историческую точку зрения в точном направлении теоретического исследования — с одной стороны, и в реалистическом — с другой.

Может, конечно, возникнуть вопрос, действительно ли проблема установления «исторической точки зрения» в политической экономике имеет такое важное значение для нашей науки, чтобы вышеприведенные, столь сложные и трудные методологические исследования могли представлять для ученого мира достаточный интерес? В особенности же вопрос этот напрашивается в таком сочинении, которое задается целью рассеять некоторые иллюзии исторической школы национальной экономики и, по

меньшей мере, низвести значение этой школы на более умеренный уровень. Однако, если бы даже и оказалось из дальнейшего исследования, что историческая точка зрения для нашей теоретико-практической науки представляет совсем не такое значение, какое приписывает ей целый ряд ученых экономистов, то не следует, однако, упускать из виду того обстоятельства, что в настоящем сочинении, стремящемся к реформе существующего состояния политической экономии в Германии, само собой понятно, вещи должны быть оцениваемы не исключительно по истинному их достоинству, а вместе с тем и по тому значению, какое имеют они в глазах современников. А какая идея достигла в этом отношении большого значения, нежели идея об историческом направлении нашей науки?

Не наша, следовательно, вина, что мы обсуждаем здесь вещи, хотя и отнюдь не лишённые значения, однако же и не очень-то важные, так, как будто они были бы самоуважнейшие; виноваты те, которые научные проблемы второстепенной важности выставили полюсом исследования в области народного хозяйства, и которые приняли за единственный пробный камень ценности или ничтожности научных трудов — участие автора в их односторонности. Указывая на односторонности, преувеличения и ошибки исторической школы немецких экономистов, думается нам, мы занимаемся важнейшим вопросом нашей науки в современном состоянии ее в Германии.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ

§ 1. Развитие народно-хозяйственных явлений

Сущность развития. Развитие индивидуальных явлений. Развитие форм явлений. Оба эти рода развития народно-хозяйственных явлений должны быть отличаемы друг от друга. Факт развития форм явлений имеет для социального исследования более важное значение, нежели (развитие родов!) для естественных наук.

Существо многочисленных явлений свойственно выступать в действительность в не вполне законченной форме, понемногу развиваться, по достижении известного кульминационного пункта спускаться по наклонной линии, и наконец терять своеобразный характер свой и в этом смысле погибать. К явлениям, с существом которых неразрывно связан указанный процесс, принадлежат прежде всего естественные организмы, однако и в многочисленных явлениях социальной жизни вообще и на-

родного хозяйства в частности мы можем наблюдать то-же самое. Всякий отдельный работник, всякое конкретное хозяйственное предприятие, всякая мера в целях поднятия народного хозяйства, всякое соединение хозяйствующих людей — все это явления именно такого рода, явления, которые в себе самих, или в своих действиях, понемногу развиваются и следовательно подвержены постоянному изменению.

Кроме указанных изменений конкретных явлений во времени, опыт показывает нам еще и другой род развития, который, как мы увидим ниже, для теоретических наук вообще и для политической экономии в частности не менее важен, нежели только что изложенный; я разумею здесь те развития, которые выступают не в отношении отдельных конкретных явлений, а в отношении форм явлений. Мы можем наблюдать в отношении многочисленных групп явлений, типически повторяющихся, что формы их явлений представляют постепенное движение, так что позже выступающие конкретные явления известного рода представляют, по отношению к предшествовавшим явлениям того же рода, некоторое отличие, обнаруживают некоторое развитие, которое, для различения от прежде упомянутого индивидуального, назовем родовым развитием форм явлений (в естественных науках — развитие родов!).

Отдельное хозяйственное предприятие, отдельный хозяйственный институт и т.д. представляют, например, индивидуальное развитие, которое легко может быть констатируемо путем наблюдения их от момента зарождения до момента уничтожения. Но в то же время мы можем заметить, что указанные явления, при их появлении вновь, не всегда бывают одинаковы, но (как, например деньги) с течением веков принимают различные формы проявления.

Развитие форм явлений, особенно в области органической жизни, и значение этого факта для естественных наук весьма ярко отмечено новейшим естествоведением. Несравненно большее значение имеет, однако, этот факт в области социальных явлений и особенно народного хозяйства. Естественные организмы проявляют индивидуальное развитие вполне очевидным образом; развитие же форм проявления их, напротив, идет чрезвычайно медленно, едва заметно. В этическом же мире, и в последнем отношении можно наблюдать вполне явственное движение. Те изменения в формах явлений мира органического, которые, согласно весьма основательным гипотезам, постепенно произошли путем развития в течение тысячелетий, главным образом во времена доисторические, в социальных явлениях вообще и в народном хозяйстве в частности совершаются весьма интенсивно, притом во времена исторические чуть что не на наших глазах. Явления собственности, обмена, денег, кредита суть такие явления человеческого хозяйства, которые беспрестанно

повторяются в течение человеческого развития, частью уже в течение целых тысячелетий; это — явления типические; как отличается, однако, их современная форма проявления от формы прежних времен! При зачатках культуры, уравнение между недостатком и избытком происходит посредством более или менее добровольного одарения терпящих нужду — обладающими излишком; с развитием культуры, выступают уже грубые формы натурального обмена; при высшей культуре, указанное уравнение совершается преимущественно путем купли и продажи, следовательно при посредстве денег; и даже внутри этих фазисов развития можно наблюдать многочисленные ступени более или менее развитых форм обмена вещей; вот наглядный пример указанного развития. Если мы обратим внимание, как у некоторых наиболее выдающихся культурных народов деньги появляются сначала в виде домашних животных, позже в виде грубых и благородных металлов в нечekanенной форме, и наконец в чеканке, чтобы перейти в конце концов в еще более развитые формы (комбинирование денег и денежных знаков!), то и здесь трудно будет отрицать столь явственное развитие формы проявления денег. В обоих случаях перед нами одно и то же хозяйственное явление, с развитием культуры принимающее столь различные формы; в первом случае — уравнение недостатка и избытка, во втором случае — орудие обмена; но какое различие форм проявления, притом обрисованных нами лишь в самых выдающихся фазисах их! И такое развитие форм проявления мы встречаем в области социальных явлений не в виде исключений, а скорее в виде общего правила.

Явления человеческого хозяйства отнюдь не бывают, следовательно, и во времени — строго типической природы; напротив, они представляют (уже оставляя в стороне качественные различия одновременных явлений!) картину совместного двойственного развития: индивидуального и развития форм проявления. Конкретные явления народного хозяйства не сходны с другими одновременными явлениями того же рода; одно и то же конкретное явление народного хозяйства нередко бывает различно в различных фазисах своего индивидуального существования; народно-хозяйственные явления одного и того же рода различаются даже во всей целостности их проявления — вследствие развития форм явлений.

§ 2. Влияние, оказываемое развитием народно-хозяйственных явлений на природу и задачи реалистически-эмпирического направления теоретического исследования

Факт развития народно-хозяйственных явлений не может не оказывать влияния на теоретическую национальную экономику вообще и на реалистически-эмпирическое направление теоретического исследования в области народного хозяйства в

частности. Двоякая задача этого направления исследования. Влияние, оказываемое этим фактом на стремление к установлению реальных типов и эмпирических законов народно-хозяйственных явлений. Как следует разрешать проблему установления исторической точки зрения в реалистически-эмпирическом направлении теоретического исследования? Пределы значения исторической точки зрения для указанного направления исследования.

Кто имеет хотя бы некоторое понятие о существе и задачах теоретического исследования вообще и реалистического направления его в частности, тот, конечно, ясно понимает, что охарактеризованный выше факт развития народно-хозяйственных явлений не может оставаться без влияния на теорию последних вообще³⁷ и на результаты реалистического направления теоретического исследования в области указанных явлений в частности.

Реалистическое направление теоретического исследования имеет двоякую задачу — исследовать типы и типические соотношения (общую сущность и общую связь) реальных явлений. Оно должно выяснять нам формы явлений (типы) и повторяющиеся соотношения (эмпирические законы) реальных явлений. Как же может оно при разрешении этой проблемы остаться вне влияния того факта, что явления, общую сущность и общую связь коих оно должно выяснить, и сами-то подвержены изменениям.

Теоретическая наука, область исследования которой обнимала бы явления, не обнаруживающие никакого изменения в различных фазисах своего существования, могла бы выполнять свои задачи, изъясняя нам общую сущность и общие соотношения их в какой-либо определенный момент; в самом деле, кто уяснил бы сущность и законы таких (не изменяющихся) явлений в один какой-либо момент, тот, тем самым, уяснил бы их себе и вообще, и теория, которая выяснила бы нам такие явления в отношении к какому-либо одному моменту, тем самым уже и вообще разрешила бы всю свою задачу.

³⁷ Knies (Pol. Оес. S. 35) правильно указывает, что установление исторической точки зрения в народно-хозяйственной политике весьма часто идет рука об руку с совершенно неисторической разработкой теоретического учения о народном хозяйстве: «У большинства писателей, — говорит он, — уступки в пользу положения об историческом развитии политической экономии и их суждения против абсолютного значения народно-хозяйственных теорий касаются лишь начал народно-хозяйственной политики, а не национальной экономии, т.е. не общей теоретической части политической экономии».

Совсем иначе обстоит дело с задачей реалистического направления теоретического исследования при наличии вышеуказанного факта (изменения явлений). Теоретическая наука, которая выясняла бы нам общую сущность реальных явлений народного хозяйства лишь в отношении к какому-либо одному моменту, или что то же, в отношении лишь какой-либо одной стадии его существования, разрешала бы весьма несовершенно первую часть указанной задачи, ибо кто уяснил себе сущность этих явлений лишь в какой-либо одной фазе их существования, вовсе еще не познал их целиком.

Общая сущность, например хозяйственного явления, именуемого «торговым кризисом», еще не будет исчерпана тем, что мы уясним себе природу его в какой-либо одной его стадии; этого достигнем мы лишь тогда, когда изучим весь ход этого явления. Если мы желаем получить реальное понятие о «рабочем», то мы должны изучать его не только на высоте его развития, но и в его образовательной стадии и в стадии упадка; реальное понятие о «предприятии» объемлет периоды его основания, развития и упадка; даже общая сущность такого, по-видимому, мало переменчивого явления, как монета, обнаруживает развитие с момента, когда она оставляет монетный двор до того, когда она изнашивается от употребления или изымается из обращения, и ее общая сущность отнюдь не остается без изменения.

Мы рассматривали до сих пор только случаи индивидуального развития хозяйственных явлений и обращали внимание на влияние указанного факта на выяснение общей сущности этих явлений. Но аналогичное мы можем наблюдать и в отношении того развития хозяйственных явлений, которое мы назвали развитием форм явлений. Формы, в которых реально проявляются человеческие потребности, владение имуществом, собственность, обмен, деньги, кредит, налоги и тысяча других институтов человеческого хозяйства, независимо всевозможных индивидуальных развитий, и в целостности своей, как мы выше видели, отнюдь не остаются неизменными в различные эпохи истории. Их общая сущность будет, следовательно, постигнута нами лишь весьма несовершенно, если мы упустим из виду этот весьма важный факт и смешаем сущность рассматриваемых явлений в их настоящем или каком-либо ином периоде развития, — с их общей сущностью, реальное понятие о настоящем состоянии — с общим реальным понятием; ясно, что это последнее понятие не относится к чему-то неизменному, а должно дать нам определение указанных явлений во всей целостности их развития.

Второй задачей реалистического направления теоретического исследования мы признали выяснение реальных типических соотношений, эмпирических законов хозяйственных явлений. Раз эти явления обнару-

живают развитие в обоих упомянутых отношениях, то само собой ясно, что эмпирические законы, установленные в отношении одной какой-либо стадии их развития, не распространяются еще на все прочие стадии их развития. Типические соотношения, наблюдаемые между явлениями, не обнаруживающими никакого изменения, были бы независимы от временных условий. Но иное дело, когда речь идет о явлениях, которые с течением времени изменяются. Ясно, что эмпирические законы, установленные в отношении определенных стадий существования таких явлений, не распространяются еще на все фазисы развития этих явлений. Разительные примеры этому: физиологические законы сформировавшихся организмов еще не обязательно применимы к тем же самым организмам в эмбриональном их состоянии или в эпоху их упадка; эмпирические законы сосуществования и последовательности явлений античного государства еще не обязательно относятся к явлениям феодального государства или современной государственности и т.д. Эмпирические законы заработной платы, действующие в отношении рабочих на высоте их развития, еще не относятся к подростку или уже ослабевшему рабочему; законы денежного обращения, как мы наблюдаем их в высокоразвитом народном хозяйстве, еще не обязательно применимы к периодам начальной культуры; законы, регулирующие явления кредита в наши дни, — к кредитным явлениям будущего.

Из всего сказанного мы приходим к следующему выводу. Реальные явления человеческого хозяйства обнаруживают развитие, которое, с одной стороны, является развитием индивидуальных явлений, с другой — развитием форм явлений. Это обстоятельство оказывает несомненное влияние на результаты реалистического направления теоретического исследования в рассматриваемой области мира явлений. Это влияние обнаруживается при выяснении как общей сущности (реальных понятий), так и общей связи (эмпирических законов) хозяйственных явлений; обнаруживается оно в первом случае тем, что реальные понятия, типы хозяйственных явлений лишь тогда будут действительно правильны, когда мы уясним себе сущность данных явлений не только в отношении какого-либо одного момента, но во всей целостности их индивидуального развития и развития форм их проявления; во втором случае обнаруживается оно в том, что эмпирические законы рассматриваемых явлений, относящиеся лишь к одной какой-либо стадии развития их, еще не безусловно распространяются и на другие стадии развития этих явлений.

Таким образом, указанный факт развития народно-хозяйственных явлений во всяком случае имеет немаловажное значение для реалистического направления теоретического исследования в области народного хозяйства.

Нам остается еще указать здесь вкратце способ, которым наиболее целесообразно может быть осуществлена эта «историческая идея» в реалистическом направлении теоретического исследования народного хозяйства.

Факт развития народно-хозяйственных явлений и необходимость считаться с этим фактом в реалистической теории народно-хозяйственных явлений не подлежат никакому сомнению. Но никто, хотя бы немного знакомый с научно-теоретическими исследованиями, не станет уже утверждать, что к разрешению указанной проблемы нужно подходить путем создания стольких экономических теорий, сколько существует ступеней развития народно-хозяйственных явлений, сколько существует различных местных условий в быте народов, находящихся на одинаковой ступени развития. Подобная попытка была бы неисполнима уже по самым условиям изложения и научной техники. Путь, который должны избрать теоретики в области народного хозяйства для разрешения указанной задачи, может быть лишь тем, который допустим при обычной технике научного изложения и при потребностях настоящего времени (имеющих, конечно, и в науке свои права), и который уже дал удовлетворительные результаты в других областях исследования, представляющих аналогичную задачу для разрешения. Путь этот состоит в том, что мы принимаем какое-либо, по месту и времени особенно важное, состояние народного хозяйства за основу нашего изложения³⁸ и лишь указываем на модификации, вытекающие для реалистической теории из различия ступеней развития народно-хозяйственных явлений и из различия местных обстоятельств, — как, например, немецкий или французский анатом или физиолог принимает за основание своего изложения развитые тела индогерманцев и при этом обращает внимание на чрезвычайно важные

³⁸ Состояние народного хозяйства, которое в конкретном случае должно быть взято за основание для изложения теоретической национальной экономики, само собой разумеется не одно и то же для всех времен и народов. Выбор его не есть вопрос исследования, но вопрос целесообразности изложения, и следовательно обуславливается временными и местными обстоятельствами. Весьма правильно замечает уже Dahlmann (Politik. Leipz., 1847. I. S. 9): «Так как человечество в каждую эпоху обнаруживает новое состояние, то никакое государство не может быть ясно представлено иначе, как в отношении к условиям какой-либо эпохи, какого-либо настоящего. Поэтому всякое трактование государственных дел в жизни и в науке примыкает к истории, а через нее — к известному настоящему, и далее, — так как не может быть оставлена в пренебрежении ни одна новая форма жизни, — примыкает к нашему настоящему, нашей части мира, нашему народу».

для анатомии и физиологии фазисы развития человеческого тела и расовые различия, например негров, малайцев и т.д. Реалистическая теория народного хозяйства в этом смысле отнюдь не какой-то фантом, а вполне достижимая обыкновенными научными средствами цель исследования, и вместе с тем такая цель, которая надлежащим образом принимает во внимание момент развития в народном хозяйстве и момент различия местных условий, отнюдь не умаляя этим теоретического характера этой науки. Это будет действительно реалистическая теория народного хозяйства, не упускающая точки зрения развития, или, — если угодно держаться общеупотребительного, хотя и не вполне удачного выражения, — исторической точки зрения.

Чем откровеннее мы признаем это, чем с большим правом мы можем предъявлять требование, чтобы влияние указанного факта на теорию народного хозяйства было выясняемо глубже и всестороннее, нежели это делали наши предшественники, — тем сильнее обязаны мы настаивать на том, что в признании указанного факта развития народно-хозяйственных явлений, в изучении указанных последствий его для разрешения специфически теоретических задач нашей науки и в стремлении к осуществлению указанных методологических идей — заключается все, что правильно называть, в противоположность неисторическому направлению исследования, «исторической точкой зрения» или, вернее, «сообщением факта развития хозяйственных явлений» в реалистическом направлении теоретического исследования в области народного хозяйства; засим всякий постулат, выходящий за эти границы, в особенности стремление исторической школы немецких экономистов преобразовать политическую экономию в историческую науку, в философию хозяйственной истории и т.п. — вытекает из непонимания самых элементарных основ науки, из смешения теории с историей, теории народного хозяйства — с отдельными специальными направлениями теоретического изучения в области народного хозяйства.

§ 3. Так называемый исторический метод отнюдь не может совершенно устранить упрека в слишком широкой обобщенности теоретических познаний о народном хозяйстве

Не всякое изменение явлений означает собой развитие их. И те изменения явлений во времени, которые не представляются нам как развития, имеют методологическое значение для теоретического исследования, и только принятием их во внимание можно вполне предотвратить упрек в «перпетуализме» в теории народного хозяйства. То же самое относится и к тем различиям однородных социальных явлений, которые не являются результатом различия национальностей или местностей, а обнаружи-

ваются в одной и той же местности и в одно и то же время. И они имеют методологическое значение для теории народного хозяйства. И их необходимо принимать во внимание, раз хотя бы вполне устранить упрек в слишком широкой обобщенности теоретических познаний в области народного хозяйства. Упрек в «перпетуализме» и «космополитизме», в смысле наших исторических экономистов, заключает в себе, поэтому, лишь часть возражений против слишком широкой обобщенности теоретических познаний о народном хозяйстве. Однако полное устранение этих возражений недостижимо по научно-теоретическим основаниям. Теория, добытая с точки зрения эмпирического реализма, необходимо страдает теми погрешностями, которые историческая школа думает устранить своим методом.

Нет явления реального мира, которое не представляло бы нам картины постоянного изменения. Все реальные вещи изменяются с течением времени, явления социальной жизни — точно так же, как и явления органической природы, и явления неорганического мира — не менее, чем обе только что названные группы явлений. Таким образом, историческая точка зрения в реалистическом направлении теоретического исследования, т.е. то положение, что факт развития явлений не может быть оставлен без внимания в упомянутом направлении теоретического исследования, — или должна быть приложима ко всем областям мира явлений, или же под фактом «развития явлений» должно понимать нечто отличное от простого факта изменения во времени.

Так называемые «развития» вещей составляют на самом деле лишь незначительную часть их изменений во времени, так как под первыми обыкновенно разумеют лишь такие изменения, которые исходят от самой природы вещей и при которых, следовательно, несмотря на перемену во времени, сохраняется их своеобразная индивидуальность. Следовательно, мы не говорим о «развитиях» таких вещей, которые не представляют никакой собственной индивидуальности, точно так же и в тех случаях, когда вещь, какого бы рода она ни была, испытывает изменение лишь вследствие внешних или случайных обстоятельств.

Из сказанного вытекает для методики нашей науки следующий вывод. Прежде всего, ошибочно думать, будто бы принятием во внимание факта **р а з в и т и я** социальных явлений — в социальных науках вообще и в политической экономии в частности, — могут быть устранены все решительно затруднения, вытекающие для теоретического исследования из изменения социальных явлений во времени, и будто бы теория, которая принимает во внимание указанный факт, вполне избегнет через это ошибки «перпетуализма». Напротив, ясно, что лишь благодаря тому, что при теоретическом исследовании принимаются в соображение и те изменения явлений, которые не входят в понятие «**р а з в и т и я**»,

лишь благодаря этому можно вполне избежать в теории упрека в перпетуализме.

То же самое относится и к упреку в «космополитизме». Одновременные, принадлежащие к одной и той же форме, социальные явления обнаруживают отличия не только у разных национальностей и в разных местах, но даже в одном и том же месте и в одно и то же время — обстоятельство, которое, как едва ли требуется указывать, равным образом не может остаться без влияния на большую или меньшую универсальность теоретических познаний. Кто, ввиду того, что народнохозяйственные явления представляют разноместные отличия, признает всеобщие законы народного хозяйства невозможными и модификацию их соответственно местным условиям необходимой, тот во всяком случае должен прийти к подобному же заключению и по отношению к отличиям однородных народно-хозяйственных явлений в той же местности. Одним лишь стремлением избежать упрека в «космополитизме» национально-экономической теории никоим образом не устраняется еще слишком широкая обобщенность национально-экономической теории.

Определение, которое получили в исторической школе немецких экономистов так называемые «перпетуализм» и «космополитизм» оказывается, таким образом, неполным, ибо исследователь, который даже совершенно избег бы обеих ошибок, обозначаемых упомянутыми выражениями, не мог бы, тем не менее, избежать фундаментальной погрешности — слишком широкой обобщенности теоретических познаний, не соответствующей реальным условиям; только принятие во внимание всей совокупности указанных нами различий форм явлений хозяйственной жизни могло бы придать реалистической теории народного хозяйства ту точность, которой названная школа пытается достигнуть одним лишь устранением «космополитизма» и «перпетуализма» в теории народного хозяйства.

Мы уже указали, что осуществление упомянутых научных постулатов, поскольку они касаются затруднений, проистекающих из местных различий социальных явлений и из развития их во времени, во всей своей полноте недостижимо. В реалистическом направлении теоретического исследования научному стремлению всегда приходится довольствоваться лишь более или менее полным принятием во внимание указанных здесь фактов и той его формой, основные черты которой мы привели выше; как ни высоко призвание человеческого ума в деле усовершенствования реалистической теории социальных явлений, он никогда не справится с указанными проблемами. Осуществление указанных постулатов исследования в их совершенной полноте окажется фантомом уже по научно-теоретическим основаниям, и лишь приблизительное соображение их

является единственно достижимой целью реалистического направления теоретического исследования в области социальных явлений; форма же достижения этой цели должна быть аналогична той, которую мы выше указали.

Историческая школа немецких экономистов впала по отношению к обсуждаемым здесь научно-теоретическим проблемам в двоякую ошибку. С одной стороны, она поняла их слишком узко: она упустила из виду, что и другие, незамеченные ею, отличия социальных явлений имеют право на одинаковое значение для методики нашей науки, как и те, на которые она обратила свое исключительное внимание; с другой стороны, представители этой школы ошибочно вообразили себе, что затруднения, вытекающие для теории народного хозяйства из развития социальных явлений и из разноместных отличий их, могут быть вполне устранены историческим методом.

«Исторический метод» обещает менее, чем должен был бы обещать, согласно выставленным им целям, но и обещанное им недостижимо в полной точности. Всякая реалистическая теория народного хозяйства неизбежно в известной степени страдает теми недостатками, которые историческая школа мечтает совершенно устранить своим «методом».

§ 4. Влияние, оказываемое фактом развития народно-хозяйственных явлений на природу и задачи точного направления теоретического исследования

Второстепенное значение этого факта для точного направления теоретического исследования. Объяснение этого обстоятельства сущностью и задачами этого направления исследования. В чем может заключаться историческая точка зрения в точном направлении теоретического исследования. Точное направление теоретического исследования не отрицает и не оставляет без внимания факт развития народно-хозяйственных явлений.

Мы говорили до сих пор лишь о влиянии, которое оказывает факт развития народно-хозяйственных явлений на реалистическое направление теоретического исследования и на природу его результатов; нам остается еще рассмотреть влияние упомянутого факта на точное исследование; мы можем здесь быть весьма кратки, так как влияние рассматриваемого здесь факта на точное исследование в действительности имеет второстепенное значение.

В другом месте нами было уже указано, что затруднения, вытекающие для реалистического направления теоретического исследования вследствие нетипического характера явлений, не существуют для точного

направления теоретического исследования вследствие своеобразного характера теоретической проблемы его. Точное исследование приводит реальные явления к их простейшим, строго типическим элементам и стремится выяснить строго типические соотношения, «естественные законы» их. Формы явлений, над которыми оно оперирует, суть, таким образом, строго типические не только в отношении местных, но и в р е м е н н ы х обстоятельствах, и факт развития р е а л ь н ы х явлений не имеет поэтому никакого влияния на род и способ, которыми точное исследование стремится разрешить теоретическую проблему. Только на большую или меньшую точность реалистических, но никак не точных результатов теоретического исследования, влияет факт изменения явлений и их разноместные отличия; следовательно, реалистическому, но никак не точному направлению теоретического исследования в области народного хозяйства, выпадает задача — проверить влияние, которое обнаруживает рассматриваемый здесь факт на природу его результатов, и изыскать средства и пути для устранения указанного затруднения. Обширные исследования наших исторических экономистов о вопросах «космополитизма» и «перпетуализма» национально-экономической теории, в той форме, в которой эти исследования появлялись до сих пор, в сущности относятся только к реалистическим, но не к точным результатам теоретического исследования в области народного хозяйства.

Конечно, отсюда вовсе не следует, чтобы точное направление теоретического исследования совершенно оставляло без внимания факт развития народно-хозяйственных явлений, или даже не признавало бы его. Точные теории должны выяснять нам простейшие, строго типические конститутивные факторы явлений и законы, по которым из них формируются сложные явления. Задачу эту они выполняют целиком лишь тогда, если дают нам указанное уразумение относительно каждого фазиса развития явлений, или, иными словами, если уясняют нам, каким образом явления на каждой ступени их развития оказываются результатом закономерного процесса образования. Таким образом, точные науки столь же мало игнорируют факт развития явлений, как и постулат всякой вообще теории — следовать за всеми фазисами развития явлений, подлежащих выяснению. Всякая новая форма явлений, порождаемая жизнью, всякая новая фаза развития явлений — представляет новую проблему для точного направления теоретического исследования, так что в действительности оно принимает во внимание смену явлений, но только способом, существенно отличным от такового в реалистическом направлении теоретического исследования. Факт развития явлений влияет на природу реалистического исследования, на большую или меньшую точность его выводов; но тот же факт несколько не затрагивает формально-

го характера результатов точного исследования, оно только модифицирует и расширяет круг объектов, уразумение коих должны дать нам точные науки, — оно модифицирует цели исследования.

Что касается специально т о ч н о г о направления теоретического исследования в области народного хозяйства, то всякий, кто хотя бы немного знаком с результатами последнего и с его историей, знает, что и представители э т о г о н а п р а в л е н и я всегда стремились следовать за развитием народного хозяйства, и всякую новую форму явлений в области последнего, даже всякий новый фазис в развитии народно-хозяйственных явлений старались включать в сферу своего исследования; точное исследование в области нашей науки никогда не отрицало факта развития социальных явлений и никогда принципиально не оставляло его без внимания. Но, разумеется, оно принимало этот факт во внимание способом, соответственным своей природе и задачам.

ГЛАВА 2. ПСЕВДОИСТОРИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ

Историческое направление в т е о р е т и ч е с к о й национальной экономике состоит не в прибавочном историческом материале, внешним образом присоединяемом к результатам теоретического направления исследования в области народного хозяйства. Столь же мало состоит оно в студиях по истории литературы вообще и догматики в частности. И не в том заключается оно, чтобы одну лишь историю признавать эмпирической основой теоретического исследования в области народного хозяйства. Ошибки специфического историзма в теоретической национальной экономике. Стремление к установлению «параллелизмов экономической истории» составляет лишь одно специальное направление теоретического исследования в области народного хозяйства. Теоретическое учение о народном хозяйстве отнюдь не есть наука о «законах развития народного хозяйства». Столь же мало оно — «философия истории». Противоречие между определениями теоретической национальной экономики и изложениями ее в исторической школе немецких экономистов.

Мы уже указали выше на ошибку тех, которые придают слишком большое значение исторической точке зрения в теории народного хозяйства, нередко совершенно не понимая истинной его сущности; мы сделали это указание, когда выясняли методологические ошибки тех, которые, думая провести историческую точку зрения в теоретическом учении о народном хозяйстве, на самом деле занимаются вовсе не этим, а рассматри-

вают явления народного хозяйства с специфически исторической точки зрения исследования или же с точки зрения практического учения о народном хозяйстве. Теперь, когда мы выяснили сущность исторической точки зрения, или скорее, значение того факта, который мы называем развитием народно-хозяйственных явлений, для теоретического исследования в области народного хозяйства, нам остается еще упомянуть о методологических ошибках тех, которые, хотя и признают понятие теоретической национальной экономики, однако видят сущность «исторической» точки зрения в ней — в постулатах исследования, существенно отличных от вышеохарактеризованных и для теоретической национальной экономики совершенно внешних и неважных.

Иные думают провести в теоретической национальной экономике историческую точку зрения посредством разукрашивания старых теорий, добытых при так называемой «неисторической» точке зрения, всевозможными историческими прибавлениями. Если сравнить этого рода изложения теоретической национальной экономики с прежними, так называемой «неисторической» эпохи, то не трудно заметить, что теоретические познания первых не отличаются ничем существенным от последних. Разница состоит часто лишь в том, что систематическое изложение вполне известных теорий старых «неисторических» школ прерывается историческими экскурсами или же совершенно внешним образом изукрашивается историческими прибавлениями, и таким образом получается композиция, которая не есть ни теория, ни историография, и всего менее — теоретическое учение о народном хозяйстве с точки зрения исторического рассмотрения.

В подобное же заблуждение относительно сущности исторической точки зрения в теории народного хозяйства впадают и те, которые видят ее в исследованиях по истории литературы в области нашей науки или же в каком-либо специальном направлении их.

«В противоположность абсолютизму теории, — говорит Knies³⁹, — историческое понимание политической экономики покоится на том положении, что, подобно хозяйственным состояниям жизни, и теория политической экономики является результатом исторического развития; что она вырастает в живой связи со всем организмом человеческого и народно-исторического периода, из условий времени, места, национальности, — с ними она существует и с ними движется к прогрессивному развитию; что она имеет свою аргументацию в исторической жизни народов, своим результатам должна придавать характер исторических решений; что и общие «законы» она может устанавливать в общей части национальной эко-

³⁹ Knies. Pol. Oek. nach geschichtlicher Methode, 1853. S. 19. (1882. S. 24).

номии не иначе, как в качестве исторической э к з е м п л и ф и к а ц и и и прогрессивного обнаруживания истины; что на каждой своей ступени она может существовать лишь в качестве обобщения истин, исследованных до данного определенного момента развития, и не может ни по сумме своего содержания, ни по формулировке, считаться абсолютно законченной; что абсолютизм теории, обнаруживающийся на какой-либо ступени исторического развития, является лишь порождением этого времени и обозначает собою лишь определенную ступень в историческом развитии политической экономии».

Ошибка, лежащая в основании приведенного понимания сущности исторического направления исследования в области теоретической национальной экономии, очевидна. Отдельные фазисы развития нашей науки, конечно, могут быть уясняемы исторически лишь в связи с временными и местными условиями, среди которых они возникли, или иными словами: история литературы нашей науки, правильно понимающая одну из своих задач (историческую!), не должна упускать из виду связи между отдельными фазисами развития ее (науки) и местными и временными условиями. Но ведь это постулат всякой истории литературы, точно так же и истории точных естественных наук, химии и физики, да и вообще всякой историкографии; но он не находится ни в какой непосредственной связи с теми постулатами исследования, которые мы назвали исторической точкой зрения в теоретической национальной экономии (соображение факта развития народно-хозяйственных явлений при исследовании общей (родовой) сущности и общей (родовой) связи законов народного хозяйства).

В совершенно аналогичную ошибку впадают те, которые думают установить историческую точку зрения в теоретической национальной экономии тем, что присоединяют к результатам теоретического, нередко, притом, совершенно «неисторического» исследования — историю догмы экономических учений. Догматико-исторические изложения этого рода суть история литературы, и именно история отдельных учений политической экономии, но вовсе не результаты теоретического исследования с «исторической» точки зрения. Таковыми они не могут быть сами по себе, а равно и не могут они сделать «неисторическую» теорию исторической. Как бы ни были они полезны для изучения теоретической национальной экономии, однако историческую точку зрения обозначают они собою столь же мало, как и всякого рода иные литературно-исторические исследования.

Не менее ошибаются и те, которые стараются провести историческую точку зрения в теоретической национальной экономии тем, что пытаются обосновать теорию народного хозяйства не на опыте вообще,

а исключительно на историю народного хозяйства, т.е. усматривают в этой истории единственно правильную эмпирическую основу теоретического исследования в области человеческого хозяйства. Ошибочность этого воззрения, ставшего господствующим среди немецких экономистов (односторонний историзм в теоретической национальной экономии!) очевидна для всякого, хотя бы мало-мальски искушенного в методологических вопросах. История, — в противоположность теоретическим наукам, уясняющим нам общую (родовую) сущность и общую (родовую) связь явлений, — имеет своей задачей исследовать и изобразить индивидуальную сущность и индивидуальную связь явлений вообще и человеческих явлений в особенности. Эту обширную задачу свою она может разрешить никак не путем исследования и изложения необозримого множества сингулярных явлений человеческой жизни; она может правильно разрешить свою проблему лишь таким способом, что резюмирует индивидуальное реального мира с точки зрения коллективных явлений и выясняет нам сущность и связь указанных явлений с теми обширными коллективными явлениями, которые мы именуем народом, государством, обществом. Не судьбы отдельных индивидуумов, не действия их сами по себе, а лишь судьбы и действия народов составляют предмет истории, первые же — лишь настолько, насколько они в то же время имеют значение для развития целого, т.е. коллективных явлений как таковых.

Сказанное, разумеется, относится и к истории человеческого хозяйства. И здесь предмет исторического изложения составляют не сингулярные явления человеческого хозяйства, не все эти бесчисленные стремления и успехи отдельных индивидуумов в обеспечении своих вещественных потребностей, не эти необозримые мириады отдельных актов производства, обмена и экономического употребления вещей. Нет, историческое изложение выясняет нам конкретную сущность и развитие того обширного коллективного явления, которое мы называем народным хозяйством. Лишь тот, кто совершенно не понимает природы исторических наук, может вообразить себе, будто бы путем изучения истории вообще и истории народного хозяйства в частности можно уразуметь общую (родовую) сущность и общую (родовую) связь явлений человеческого хозяйства вообще⁴⁰.

Те, которые видят в истории народного хозяйства единственно правильную эмпирическую основу для теоретического исследования в области человеческого хозяйства, впадают, таким образом, в фундаментальную ошибку, так как рядом с указанным, безусловно весьма ценным,

⁴⁰ Ср. особ. Roscher. Leben, Werke und Zeitalter des Thukydides. S. VII.

эмпирическим основанием теоретического исследования крайне необходим еще и обыкновенный жизненный опыт, или, что то же, наблюдение сингулярных явлений человеческого хозяйства, и следует добавить, возможно обширнейшее наблюдение; это столь необходимо, что тогда как без изучения истории народного хозяйства немыслима никакая высокоразвитая теория народно-хозяйственных явлений, без наблюдения сингулярных явлений человеческого хозяйства — вообще никакая теория последнего. Ошибка тех, которые признают историю народного хозяйства за единственное эмпирическое основание теоретической национальной экономики, кажется нам столь же крупной, как и ошибка того физика или химика, который вздумал бы строить законы физики или химии на основании универсальных описаний природы, хотя бы даже и таких превосходных, как описание Гумбольдта, или же — того физиолога, который вздумал бы исключительно на основании этнографических описаний построить физиологию человеческого тела⁴¹.

⁴¹ Учение о народном хозяйстве имеет своей задачей исследование не одной только общей (родовой) сущности явлений «народно-хозяйственной природы», как, например, рыночных цен, вексельного курса, курса процентных бумаг, денежной валюты, банковых нот, торговых кризисов и т.д., но также и сущности единичных явлений человеческого хозяйства, как, например, сущности потребностей индивидуума, сущности вещей, сущности обмена, даже сущности таких явлений, которые, будучи чисто субъективной природы, проявляются исключительно в отдельном индивидууме, как, например, потребительная ценность в ее субъективном проявлении. Возможно ли почерпнуть это из одной и с т о р и и ? Поэтому видеть в истории единственное эмпирическое основание для социальных наук — поразительно ошибочно. В подобную ошибку впадали уже Saint-Simon и его ученики. И A. Comte считает социальную науку в сущности результатом обобщений на основании истории; но он по крайней мере сознает потребность подтверждать эти обобщения отвлечением из законов человеческой природы. J. St. Mill принимает метод Comte'a лишь для одной части социологической проблемы, тогда как в отношении другой части ее находит уместным точный (по Mill'ю конкретно дедуктивный) метод. «Последнему политическая экономия специально обязана своим возникновением и разработкой». Нам кажется односторонним и ошибочным в исследованиях Mill'я отсутствие и у него сознания необходимости во всех вопросах методики отделять теоретическое учение о народном хозяйстве от практического, и точное направление теоретического исследования в области народного хозяйства — от реалистического, — обстоятельство, приводящее к тому, что и он очень часто переносит методологические постулаты практического и реалистического

Наконец, ошибаются и те, которые в исследовании параллелизмов исторического развития различных народов, в том, что, быть может, не вполне правильно называли иногда «философией истории», видят сущность исторического направления теоретических государственных и общественных наук вообще, и в исследовании этих параллелизмов в истории хозяйства народов — сущность исторического направления теоретической национальной экономики в частности, и даже прямо отождествляют результаты указанного направления исследования с теоретической национальной экономикой.

Ясно, что последователи такого воззрения на сущность теоретической национальной экономики точно так же впадают в вышеуказанную ошибку одностороннего историзма. Но ошибка, лежащая в основе этого воззрения, еще гораздо грубее.

Лишь самая крайняя научная односторонность может утверждать, будто параллелизмы в народной и государственной жизни вообще и в развитии народного хозяйства в частности обладают ненарушимой правильностью или, иными словами, что развитие обсуждаемых здесь явлений обнаруживает строгую законосообразность⁴². Но если о естественных

направления на результаты точного исследования в области социальных наук. Точно так же Mill не различает в достаточной степени отдельных отраслей реалистического исследования в области теоретических социальных наук (Mill. Logic. B. IV. Ch. 9, § 3). Из немецких методологов, основательно трактовавших об этих вопросах, следует назвать прежде всего R ü m e l i n ' a. Однако слишком узкое представление его о сущности социальных законов и недостаточное понимание точного направления теоретического исследования в области социальных наук приводит и его к приложению масштаба точного естествознания, к результатам специфически эмпирических направлений теоретического исследования социальных явлений (Reden und Aufsätze, I. S. 1 ff., u. II. S. 118 ff.).

⁴² К наиболее очевидным односторонностям историко-философского направления в политической экономике принадлежит то, что представители его, с одной стороны, отрицают «естественные законы» народного хозяйства, отчасти даже и вообще «законы народного хозяйства», а с другой стороны, признают не только з а к о н ы р а з в и т и я народного хозяйства вообще, но иногда приписывают последним даже характер «естественных законов». Изучение истории указывает всякому беспристрастному исследователю, что в развитии исторических фактов вообще и в развитии народно-хозяйственных явлений в частности отнюдь не наблюдаются абсолютные правильности, и всякая более зрелая научная теория не подвергает ни малейшему сомнению даже невозможность последовательного строго типического развития явлений столь

законах развития этических явлений вообще и народного хозяйства в частности собственно не может быть и речи, то все-таки всем, кому не чужда история, известно, что на самом деле наблюдаются-таки правильности в развитии указанных явлений, хотя и не воображаемой некоторыми точности; и выяснение этих правильностей, — называть ли их законами развития или простыми параллелизмами, простыми правильностями развития, — является вполне основательной задачей теоретического исследования в области человеческих явлений вообще и народного хозяйства в частности.

Лишь не вполне ясное понимание общих методологических вопросов и специально задач теоретических наук, понимание, господствующее у известной части немецких исследователей в области национальной экономики, могло привести их к мысли, будто обсуждаемые здесь параллелизмы в историческом развитии народного хозяйства образуют исключительное, или хотя бы главное содержание теоретической национальной экономики, иными словами, будто названная наука есть «учение о законах развития народного хозяйства» в указанном значении слова. Теоретическая национальная экономика есть наука в общей (родовой) сущности (формах явлений) и общей (родовой) связи (законах) народного хозяйства; в противоположность этой всеобъемлющей и важной задаче нашей науки, установление «законов развития» народного хозяйства в сказанном смысле слова оказывается, хотя и вполне основательным, однако совершенно второстепенным; в теоретическом исследовании в области явлений человеческого хозяйства оно, конечно, никоим образом не должно быть упускаемо, однако результат его, как это явствует даже из беглого взгляда на содержание всех, более распространенных изложений теоретической национальной экономики, составляет лишь самую незначительную часть содержания национальной экономики. Параллелизмы, как мы можем их наблюдать в развитии цен, поземельной ренты, процента на капитал у различных народов, несомненно являются столь же основательным, сколь и интересным предметом для теоретического исследования. Однако, какое методическое заблуждение — смешивать их с законами, показывающими нам, какое влияние имеет предложение и спрос, или количество средств передвижения на цену товаров, расстояние земель от рынка и различие в их плодородии — на поземель-

сложной природы, каковы факты «народного хозяйства». Так называемые законы развития народного хозяйства отнюдь не могут, поэтому, претендовать на большую точность, нежели другие эмпирические законы в указанной области мира явлений (ср. особ. Rümelin: *Reden und Aufsätze*, II. S. 113 ff.; J. St. Mill. *Logic*. C. VI. Ch. IX, § 5, заключение и § 6).

ную ренту, как большая или меньшая бережливость или промышленная деловитость жителей страны обуславливает размер процента, — законы, которые никак нельзя считать за параллелизмы исторического развития народного хозяйства.

Здесь ошибка не меньше той, как если бы какая-нибудь школа естествоиспытателей стала смешивать стремление к установлению законов развития органического мира, или же специально, например, теорию Дарвина, с теоретическим исследованием в области органического мира (физиологией и пр.), даже с естествознанием вообще, и стала бы считать всякое, вне этого направления, стремление исследователей — «неметодологическим» и «бесплодным», и измерять результаты всех остальных направлений естествоведения масштабом такой односторонности⁴³.

Само собой понятно, что указанное ошибочное понимание не получило в научной практике полной силы даже у самых ревностных представителей «историко-философского» направления. Указанное понимание задачи теоретических социальных наук слишком односторонне для того, чтобы оно могло быть последовательно проведено в практике исследования или изложения указанных наук. В методологических работах и во главе изложения теоретических социальных наук оно, конечно, могло получить место, но об осуществлении указанной мысли в теории социальных наук, конечно, не может быть и речи. Однако и те, которые ставят ее во главе своих изложений национальной экономики и определяют ее как «философию хозяйственной истории» или как науку о «параллелизмах хозяйственной истории», посвящают значительную часть содержания своих сочинений результатам точного исследования, и таким образом на самом деле излагают нам не только параллелизмы истории хозяйства, но также, и даже главным образом, результаты точного исследования и такие результаты эмпирического исследования, которые во все не суть «параллелизмы хозяйственной истории». Практика исследования в этом случае исправляет теорию его.

⁴³ Как на странное явление следует указать на то, что именно школа ученых, называющая себя «историческою», усматривает главную свою задачу в установлении указанных законов. Какая неисторическая идея — сравнивать историю хозяйства всех народов и времен не для того, чтобы выяснять своеобразие отдельных развитий, но чтобы констатировать, часто весьма несовершенные, параллелизмы их! Какая «неисторическая» идея в особенности — отвлекаться от своеобразия и внутренней связи конкретных народно-хозяйственных развитий и институтов для того, чтобы устанавливать внешние параллелизмы развитий!

Ошибочность и односторонность указанного здесь понимания сущности политической экономии отнюдь еще не исчерпывается сделанными замечаниями. Всякий, кто хотя бы несколько знаком с стремлениями в области философии истории, знает, что вышеуказанное направление исследования представляет собой лишь одну из многих форм историко-философского исследования⁴⁴, так что установление «параллелизмов хозяйственной истории» или так называемых «законов развития народного хозяйства» не является идентичным с историко-философским направлением теоретического исследования в области народного хозяйства.

Таким образом, понимание теоретической национальной экономии, или даже политической экономии, как науки о «параллелизмах хозяйственной истории», о «законах развития народного хозяйства» и т.п., просто поразительно; это такая односторонность, которую можно объяснить только тем обстоятельством, что историческая школа немецких экономистов до сих пор развивалась без серьезного соприкосновения с

⁴⁴ Выражением «философия истории» нередко обозначают и другие направления исследования, существенно отличные от вышеизложенного. Доказательство постоянного прогресса человеческого рода в его историческом развитии (Perrault, Turgot, Legoux); доказательство, что развитие человеческого рода совершается в определенные эпохи (Condorcet); доказательство, что история есть прогрессивное осуществление идеи свободы (Michelet), воспитание человечества (Lessing), движение к осуществлению идеи гуманности (Herder); что история отдельных народов представляет восходящую линию, кульминационный пункт и нисходящую линию развития (Bodin, Vico); что конечная цель всякой истории состоит в образовании государства, в котором свобода и необходимость находятся в гармоническом сочетании (Schelling); даже доказательство того, что французская цивилизация есть тип вообще человеческой цивилизации (Guizot); все это прежде считали философией истории. Эти и бесчисленные другие направления историко-философского исследования можно было бы в известной форме перенести и в народное хозяйство, и тогда, наряду с наукой о «параллелизмах хозяйственной истории», которую наши немецкие экономисты исторического направления считают исключительной, и философией истории хозяйства», мы имели бы множество других «философий истории хозяйства». Ясно, однако, что даже все указанные направления исследования в совокупности не однозначны с теоретическим исследованием в области хозяйственных явлений. Если даже понимать философию хозяйственной истории в самом обширном смысле слова, то и тогда отождествление ее с теоретической национальной экономией будет все-таки чрезвычайной односторонностью.

остальными направлениями исследования в области политической экономики. Все это прекрасно показывает, в какие заблуждения может впасть ученая школа, не имевшая счастья встречать серьезных противников.

ГЛАВА 3. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ В ПРАКТИЧЕСКИХ НАУКАХ О НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Хозяйственные институты и нормирующие законы должны принаравливаться к особым условиям тех народов, которым они служат. Очевидность этого основного положения в отношении ко всем практическим наукам. Признание указанного положения еще не составляет особенного метода практических наук. Так называемый «исторический метод» в практических социальных науках существенно способствовал ошибочности мнений об относительности социальных учреждений.

Мы указали выше, что не следует смешивать историческую точку зрения в практических учениях о народном хозяйстве с таковой же в теоретическом учении о народном хозяйстве. Теперь, выяснив сущность последней, мы поговорим об исторической точке зрения в практических хозяйственных учениях. Мы можем быть здесь весьма кратки, так как разногласие в мнениях по поводу обсуждаемого здесь вопроса среди немецких экономистов сравнительно невелико. Вопрос, о котором идет здесь речь, касается относительности социальных учреждений и нормирующих законов.

Несомненно, вполне основательна мысль, что известные политические мероприятия, законы, институты, обычаи и т.д. не могут быть признаваемы одинаково применимыми для всех времен и народов, короче — для разнородных условий. Что какое-либо государственное или общественное устройство в прошедшем могло быть целесообразным, а потому и правильным, хотя теперь оно и лишено оснований, и обратно — такого рода институт может быть правильным для настоящего, хотя в прошедшем основательно считался вредным, и в будущем, быть может, будет считаться таковым же; что аналогичное имеет место по отношению к одной и той же эпохе для двух различных стран, представляющих различные государственные или общественные условия; что вообще к различным государственным и общественным условиям применимы обыкновенно различные институты, мероприятия, законы и пр. — все это столь само собой понятно, так часто повторяется пишущими о «политике» и, как мы увидим в четвертой книге, повторяется в течение целых тысяче-

летий, что особенное указывание на это можно объяснить лишь отрицанием указанных положений некоторыми учеными, совершенно чуждыми действительной жизни⁴⁵.

Практическое искусство (Kunstlehre), как его ни рассматривать, уже по общей природе даваемых им знаний, не может претендовать на одинаковое значение для всех времен и народов, или вообще — безотносительно к различию условий. Для всякого, хотя несколько уяснившего себе сущность практических искусств, такая наука представляется просто-таки парадоксом, так как, собственно говоря, она не в состоянии дать никаких оснований для действий людей безотносительно к различию условий.

Народно-хозяйственная политика не составляет исключения из этого общего характера практических знаний. Это наука об основаниях, на которых народное хозяйство может быть споспешествуемо, но вместе с тем она, само собой разумеется, столь же мало, как и всякое другое практическое искусство, может быть наукой об универсальных средствах и специально об универсальных средствах споспешествования народному хозяйству. Хозяйственный политик, не принимающий во внимание условий, при наличии которых должны быть достигнуты известные цели экономической политики, политик, который предлагает или отвергает известные меры просто как таковые, признает известные институты, обычаи и пр. при всяких обстоятельствах правильными, — такой политик подобен технологу, который стал бы признавать целесообразным известные механические операции безотносительно к обрабатываемому материалу; подобен терапевту, который стал бы определять метод лечения безотносительно к патологическому состоянию больного; полководцу, который стал бы признавать известные стратегические и тактические

⁴⁵ При этом безразлично, основывается ли тот абсолютизм решений в области народно-хозяйственной политики, который мы встречаем у отдельных авторов, действительно на незнании различия условий, или же на том обстоятельстве, что они располагали писать лишь для своего времени и для определенных хозяйственных условий. Но если тот, кто пишет в области народно-хозяйственной политики, имеет в виду преимущественно или исключительно условия своей страны и своего времени и с этой точки зрения обсуждает обычаи, законы, учреждения и пр. и предлагает мероприятия, — то это, собственно говоря, не может возбуждать в практической науке упреков. Кто имеет в виду практические цели, например, основание или реформу учреждений, — а к этой категории принадлежит большинство писателей по экономической политике, — тот, разумеется, весьма мало склонен указывать на относительную лишь истинность своих мнений.

приемы всегда и безусловно целесообразными. Поэтому можно бы экономическую политику с полным правом считать такой наукой, которая учит нас правилам предпринимания мер для споспешествования народному хозяйству, соответствующих особенным условиям данного народного хозяйства. Подобное определение будет довольно правильно. Если, однако, народно-хозяйственная политика считается просто наукой об основных правилах споспешествования народному хозяйству, то объясняется это тем, что указанный постулат исследования свойствен всем практическим наукам и потому разумеется сам собою. Как не требуется указания на соображение различия условий при определении понятия технологии, терапии или стратегии, так не требуется этого и при определении понятия «народно-хозяйственной политики».

Мы не усматриваем поэтому никакого особенного метода (никакого особенного научного пути!) народно-хозяйственной политики в том, что экономические политики принимают в соображение различие условий. Непринятие в соображение различия условий — грубая ошибка для какого бы то ни было исследования в области практических наук, а принятие во внимание этого различия не представляет ничего такого, что могло бы придать такому приему исследователя характер особенного метода; иначе пришлось бы считать за особенный метод исследования избежание каждой методологической ошибки, им же несть числа.

Сказанное здесь о различии народно-хозяйственных условий и влиянии его на основные положения народно-хозяйственной политики применимо, разумеется, и к тому различию, которое представляют народы вследствие различного развития их хозяйства, и едва ли нужно говорить, что и эти различия в хозяйственных состояниях народов не могут остаться без влияния на хозяйственные институты их. Не только к различным народам, но и к одному и тому же на различных ступенях хозяйственного развития применимы различные народно-хозяйственные меры. Все это, ввиду упомянутого общего положения об относительности практических знаний, столь понятно, что особенно останавливаться на этом по меньшей мере излишне. Но вместе с тем вполне ошибочно признавать в указанном здесь воззрении особенный, «исторический» метод исследования в области народно-хозяйственной политики, а тем более смешивать разработку последней с проведением общего положения об относительности практических знаний в области народного хозяйства.

Наука народно-хозяйственной политики, которая принимала бы во внимание различие ступеней развития народов, иначе говоря, держалась бы исторической точки зрения в этом смысле слова самым строгим образом, но не принимала бы вместе с тем во внимание различия экономических географических и этнографических условий народов, стоящих

на одинаковой ступени развития, такая наука не была бы свободна от упрека в «абсолютизме решений»; она была бы исторической в смысле некоторых наших исторических экономистов, и тем не менее такой, которая лишь отчасти считалась бы с принципом относительности социальных устройств. Идея установления «исторического метода» в практических социальных науках на место само собой очевидного принципа всеобщей относительности практических правил, оказываясь, таким образом, не только излишней, но прямо сбивающей с толка.

Наука народно-хозяйственной политики, стоящая на высоте методологических требований, должна в отношении споспешествования народному хозяйству выполнять следующую очевидную задачу, общую всем практическим наукам: она должна учить нас основным положениям, согласно которым народное хозяйство может быть споспешествуемо публичной властью при соображении всех относящихся сюда условий. Этот метод — исторический в смысле наших исторических экономистов, но в то же время он может быть с полным правом назван географическим, этнографическим.

Но всеми этими «методами» отнюдь не исчерпывается та простая мысль, что каждая практическая наука, касается ли она образования человеческих отношений, органической или даже неорганической природы, должна считаться с различием условий.

Стремление наших историков в области народного хозяйства и здесь присвоить истории исключительное значение — нимало не помогло уяснению рассматриваемых здесь методологических проблем, скорее наоборот, значительно затемнило их.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ОРГАНИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ

Глава 1. Аналогия между социальными явлениями и естественными организмами, пределы ее и вытекающие отсюда для социального исследования методологические точки зрения

§ 1. Теория об аналогии между социальными явлениями и естественными организмами

Нормальное функционирование организмов обуславливается функционированием их частей (органов), а эти в свою очередь обуславливаются связью частей в высшее целое и нормальным функционированием прочих органов. Аналогичное наблюдение в социальных явлениях. Организмы обнаруживают известную целесообразность частей по отношению к функции целого, целесообразность, которая не есть, однако, результат человеческого соображения. Аналогичное наблюдение в социальных явлениях. Методологическим последствием этих аналогий между социальными явлениями и естественными организмами является идея об анатомо-физиологическом направлении исследования в области теоретических социальных наук.

Между естественными организмами и рядом явлений социальной жизни существует известное сходство как по их функции, так и по их происхождению.

Мы можем наблюдать в естественных организмах почти необозримые в своих деталях complication и в особенности большое разнообразие их частей (отдельных органов); все это разнообразие служит, однако, к сохранению, развитию и процветанию организмов как целого. Каждая часть их по отношению к этому целому имеет свою особенную функцию, расстройство которой ведет, соответственно его интенсивности и важно-

сти данного органа, к более или менее интенсивному расстройству функционирования всего организма, т.е. и остальных органов; и обратно, расстройство связи органов в составляемом ими целом равным образом отражается на существе и функционировании отдельных органов. Нормальное функционирование и развитие организма как целого обуславливается таким образом функционированием и развитием его частей, а эти в свою очередь — связью частей в одно целое, и наконец, нормальное функционирование и развитие каждого отдельного органа обуславливается функционированием и развитием остальных органов.

Аналогичное в известном отношении можем мы наблюдать в социальных явлениях вообще и в человеческом хозяйстве в частности. И здесь в многочисленных случаях выступают перед нами феномены, части которых служат к сохранению, нормальному функционированию и развитию целого, и даже обуславливают их, а нормальная сущность и нормальное функционирование частей в свою очередь обуславливается и зависит от функционирования целого, так что ни целое в его нормальном проявлении и функционировании не может быть мыслимо без какой-либо существенной части его, ни обратно, — какая-либо составная часть в ее нормальной сущности и нормальном функционировании немыслима в отдельности от целого. Ясно, что здесь имеется известная аналогия между существом и функционированием естественных организмов, с одной стороны, и социальных явлений — с другой.

То же в известной степени наблюдается и относительно происхождения социальных явлений. Естественные организмы при ближайшем рассмотрении представляют почти без исключения просто удивительную целесообразность всех частей по отношению к целому, целесообразность, которая однако есть результат не человеческого соображения, а естественного процесса. Точно так же и в бесчисленных социальных институтах можем мы наблюдать очевидную целесообразность по отношению к обществу как целому; и при ближайшем рассмотрении оказывается, что это вовсе не результат намерения, направленного на указанную цель, т.е. не результат соглашения членов общества или положительного законодательства. Они точно так же оказываются (в известном смысле) «естественными» продуктами, несознательными результатами исторического развития. Можно привести в пример явление денег, институт, который в столь высокой степени служит благу общества и который, однако, у большинства народов отнюдь не явился результатом соглашения о введении его как социального института, или результатом положительного законодательства; он явился продуктом исторического развития; то же самое относится к праву, языку, появлению рынков, общин, государств и пр.

Итак, если социальные явления и естественные организмы обнаруживают аналогии в отношении их сущности, происхождения и функционирования, то ясно, что это обстоятельство не может не оказывать влияния на метод исследования в области социальных наук вообще и народного хозяйства в частности.

Анатомия есть учение о формах явлений организмов и о строении их частей (органов); физиология — теоретическая наука, выясняющая нам жизненные явления организмов и функционирование их частей (органов) по отношению к сохранению и развитию организмов в их целостности. Если государство, общество, народное хозяйство и т.д. понимать как организмы, как явления, аналогичные последним, то сама собой напрашивается мысль — и в области указанных феноменов преследовать те же стремления исследования, что и в области органической природы. Эта аналогия приводит к мысли о теоретических социальных науках, сходных с науками, являющимися результатом теоретического исследования в области физико-органического мира, к анатомии и физиологии «социальных организмов» государства, общества, народного хозяйства и т.д.

Мы изложили основные мысли теории об аналогии социальных явлений и естественных организмов, аналогии, которая в государственных науках, как известно, была указана еще Платоном и Аристотелем; мы указали также на те два момента, в силу которых эта аналогия преимущественно оценена в новейшей литературе. Конечно, мы не исчерпали всей совокупности предполагаемых параллелизмов между двумя приведенными группами явлений, мы желали только указать на суть этой теории в той форме и в том смысле, в каких она выставляется наиболее точными и здравомыслящими писателями по этому предмету.

§ 2. Пределы основательности аналогии между естественными и социальными явлениями

Аналогия между социальными явлениями и естественными организмами относится лишь к известной части первых явлений, именно к тем, которые составляют неосознательный продукт исторического развития; остальные являются результатом человеческого расчета, а потому сходны не с организмами, а с механизмами. Указанная аналогия таким образом отнюдь не универсальна. Даже там, где может быть речь об этой аналогии, последняя не обнимает всей сущности известных явлений, а лишь некоторые стороны их; и в этом смысле она лишь частичная. сверх того, эта аналогия обнаружилась не из полного познания сущности естественных организмов и социальных явлений, а из неясного ощущения, отчасти чисто внешнего характера.

Широкое распространение, полученное вышеупомянутым, так называемым органическим воззрением на социальные явления в литературе социальных наук всех народов, во всяком случае, свидетельствует о том, что бросающееся в глаза сходство, хотя, быть может, и чисто внешнее, между общественными явлениями и естественными организмами действительно существует в обоих указанных отношениях.

Тем не менее, лишь крайнее пристрастие к предвзятым мнениям, жертвующее из интереса к одним сторонам объектов научного наблюдения всеми остальными сторонами, может отрицать следующие три положения:

Во-первых, лишь некоторая часть социальных явлений обнаруживает аналогию с естественными организмами.

Значительная часть социальных явлений не является следствием естественного процесса, в каком бы смысле ни понимать последний, а является результатом целесообразной деятельности людей (соглашения членов общества или положительного законодательства), направленной на установление и развитие их. Социальные явления и этого рода по большей части обнаруживают известную целесообразность своих частей по отношению к целому, но целесообразность эта отнюдь не есть следствие естественного, «органического» процесса, а результат человеческого расчета, направляющего совокупность разнообразных средств к одной цели. Об «органической» сущности, или «органическом» происхождении этих социальных явлений, которые, раз уж искать аналогии, обнаруживают ее в отношении не организмов, а механизмов, — конечно не может быть и речи⁴⁶.

Во-вторых, аналогия между социальными явлениями и естественными организмами, даже там, где о таковой, согласно сказанному, и может быть речь, не бывает полной, охватывающей все стороны существа известных явлений, а ограничивается лишь моментами, указанными в предыдущей главе, и даже здесь она не вполне точна.

⁴⁶ Не только организмы, но и механизмы обнаруживают известную целесообразность частей по отношению к целому, и не только у первых, но и у вторых нормальное функционирование целого обуславливается нормальным состоянием частей. Но организм отличается от механизма тем, что, с одной стороны, он не есть, подобно последнему, результат только человеческого расчета, но вместе с тем и продукт естественного процесса, а с другой стороны — отличается тем, что каждая отдельная часть организма (орган) не только в своей нормальной функции, но и в своем нормальном существе обуславливается связью частей в одно высшее целое (в целостный организм), и нормальным существом остальных частей (остальных органов), тогда как в механизмах этого нет.

Это относится прежде всего уже к аналогии между обеими рассматриваемыми здесь группами явлений в отношении зависимости нормального существа и нормального функционирования целого — от частей, и частей — от целого. Воззрение, будто части известного целого и само целое взаимно могут быть в одно и то же время и причиной и следствием (взаимно вызывать друг друга), воззрение, которое многократно высказывалось в органическом направлении социального исследования⁴⁷, — мысль столь темная, не соответствующая законам нашего мышления, что едва ли будет ошибкой с нашей стороны принять это обстоятельство за доказательство того, что нашему веку в некотором роде не достает еще более глубокого понимания сущности как естественных организмов, так и социальных явлений. Указанная аналогия, таким образом, основывается отнюдь не на полном уразумении сущности рассматриваемых явлений, а на неясном ощущении известного сходства функционирования естественных и некоторой части социальных явлений; очевидно, что аналогия подобного рода не может служить удовлетворительной основой для направления исследования, стремящегося к самому глубокому теоретическому уразумению социальных явлений.

Еще в большей степени применимо сказанное к аналогии, усматриваемой в отношении происхождения обеих рассматриваемых здесь групп явлений, аналогии, породившей разнообразнейшие теории об «органическом происхождении» социальных явлений. Отсутствие аналогии здесь прямо очевидно.

Естественные организмы состоят из элементов (частей), служащих функции целого совершенно механическим образом; они суть результат чисто причинного процесса (*causale Prozesse*), механического действия сил природы. Так называемые социальные организмы, напротив, отнюдь нельзя считать исключительно продуктом чисто механического действия сил; скорее они суть результаты человеческих стремлений, стремлений мыслящих, чувствующих и действующих людей. Таким образом, если вообще может быть речь об «органическом происхождении» социальных явлений, или, правильнее говоря, известной части их, то собственно сводится оно к тому обстоятельству, что одна часть социальных явлений оказывается результатом направленной на установление их общей воли (соглашения, положительного законодательства и пр.), другая же часть, напротив, оказывается несознательным результатом человеческих стремлений, направленных на достижение совершенно индивидуальных целей. В первом случае социальные явления возникают вследствие общей воли, направленной на их установление (они суть преднамеренный

⁴⁷ Cp. Rocher. System, I. § 13 (особ. прим. 5).

результат последней); во втором случае социальные явления возникают не вследствие общей воли, направленной на их установление, а как непреднамеренный результат индивидуальных (преследующих индивидуальные интересы) человеческих стремлений. Лишь это обстоятельство, до сих пор крайне недостаточно сознаваемое (а никак не объективно обоснованная строгая аналогия с естественными организмами!), послужило поводом к тому, что происхождение последних социальных явлений (возникающих не сознательным путем) в противоположность происхождению первых (возникающих сознательным путем вследствие общей воли), стали считать «природным», «натуральным» или даже «органическим». Так называемое «органическое» происхождение некоторой части социальных явлений, тот процесс образования социальных явлений, который мы обозначаем указанным выражением, представляет таким образом на самом деле существенные отличия от процесса, которому обязаны своим происхождением естественные организмы. Притом различия эти не такие, какие могут быть наблюдаемы и среди естественных организмов; различие в этом отношении является фундаментальным, таким, какое существует между механической силой и человеческой волей, между результатами механического действия сил и таковыми индивидуальной деятельности человека, направленной к известной цели.

Даже та часть социальных явлений, об аналогии которых с естественными организмами может вообще быть речь, таким образом, обнаруживает ее во всяком случае лишь в известных отношениях, но и здесь она должна быть признана отчасти неясной, отчасти же просто-таки совершенно внешней и неточной.

§ 3. Методологические положения, вытекающие для социального исследования из неполноты аналогии между социальными явлениями и естественными организмами

Рядом с так называемым «органическим» толкованием социальных явлений необходимо прагматическое. Даже там, где первое толкование представляется применимым к положению вещей, оно может привести нас к пониманию лишь известных сторон социальных явлений, а не к пониманию всей их целостности. Но и в этом отношении «органическое» понимание социальных явлений не может являться результатом механического перенесения методов и результатов исследования в области естественных организмов на социальное исследование; так называемое «органическое» толкование социальных явлений в сущности может быть лишь специфически социологическим. Ошибки, в которые впадает ряд социальных философов в отношении органического понимания социальных явлений. Аналогия между обеими указанными группами явлений как способ изложения.

Если бы аналогия между социальными явлениями и естественными организмами была полной, как это полагает целый ряд социальных философов, если бы социальные явления были действительно организмами, то обстоятельство это без сомнения имело бы решающее значение для методики социальных наук: методы тех естественных наук, которые занимаются исследованием органического мира, и в особенности анатомии и физиологии, были бы тогда вместе с тем и методами социальных наук вообще и науки о народном хозяйстве в частности.

То обстоятельство, что указанная аналогия относится вообще лишь к части социальных явлений, да и относительно этой части она лишь неполная, и притом лишь внешняя — это обстоятельство наперед исключает указанное последствие. Вытекающие из предыдущих исследований научно-теоретические положения суть следующие:

1. Так называемое органическое понимание социальных явлений может быть применимо во всяком случае лишь к части этих явлений, именно к тем, которые представляются нам не как результат соглашения, законодательства, вообще осмысленной общей воли. Органическое воззрение никак не может быть универсальным способом рассмотрения, органическое понимание социальных явлений не может быть универсальной целью теоретического исследования в области последних. Для уразумения социальных явлений в их совокупности необходимо скорее прагматическое толкование; во всяком случае оно столь же необходимо, как и «органическое».

2. Даже там, где социальные явления на самом деле не обнаруживают прагматического происхождения, аналогия между ними и естественными организмами не является полной, обнимающей всю целостность их существа; она касается лишь известных сторон их существа (функционирования и происхождения их); и поэтому органическое толкование само по себе не в состоянии дать нам всестороннее понимание явлений. Для последнего необходимы еще другие направления теоретического исследования, не имеющие никакого отношения к так называемому органическому пониманию социальных явлений.

Теоретические социальные науки должны выяснять нам общую сущность и общую связь социальных явлений вообще и отдельных областей их (например, явлений народного хозяйства) в частности; они выполняют эту задачу между прочим и тем, что выясняют нам социальные частичные явления в их значении и функции по отношению к целому (социальному явлению). Рассматриваемая здесь проблема, однако, обнимает столь же мало совокупность задач теоретических социальных наук, как мало и аналогичная проблема в области естественных организмов обнимает совокупность научных задач в области естествознания. Если даже признать пол-

ноправность так называемого органического направления исследования в указанном смысле, то все же задачей теоретических социальных наук останется установление законов сосуществования и последовательности социальных явлений в о о б щ е, а установление законов взаимного обусловливания их будет лишь особенной ветвью социального исследования.

3. Но даже в тех отношениях, в которых, при более внешнем рассмотрении, обсуждаемые здесь аналогии представляются существующими, они отнюдь не точные и прежде всего не такие, которые основываются на ясном понимании сущности социальных явлений, с одной стороны, и естественных организмов — с другой; они не могут поэтому служить основанием ни методики социальных наук вообще, ни каких-либо специальных направлений этого исследования. Механическое перенесение методов анатомии и физиологии в социальные науки невозможно даже внутри указанных узких границ.

Так называемое «органическое» толкование может быть применимо во всяком случае лишь к части социальных явлений, и притом только в отношении определенных сторон их существа; но и в этом отношении оно не может быть просто заимствуемо из естественных наук, но должно быть результатом самостоятельного исследования о сущности социальных явлений и об особенных целях исследования в области их. Метод социальных наук вообще и политической экономии в частности не может быть вообще физиологическим или анатомическим; даже там, где речь идет о социологических проблемах, имеющих некоторое внешнее сходство с проблемами физиологии и анатомии, он (метод) не может быть просто заимствованным из физиологии или анатомии, но непременно лишь с о ц и о л о г и ч е с к и м в самом строгом смысле этого слова; перенесение результатов исследования физиологии и анатомии по аналогии в политическую экономию⁴⁸ — такой

⁴⁸ В подобную же ошибку впадают те писатели, которые прямо переносят результаты анатомии и физиологии в социальные науки, хотя не механическим путем, однако пытаются установить посредством различных искусственных и запутанных толкований полную р е а л ь н у ю аналогию между естественными и так называемыми социальными организмами, все это — с намерением достигнуть этим путем (органического!) уразумения социальных явлений. Эти исследователи изучают не природу социальных явлений, не их сущность и их происхождение, чтобы при случае указать на некоторые наиболее очевидные аналогии между обеими указанными группами явлений; они исходят, напротив, из предвзятого мнения о полной р е а л ь н о й аналогии между естественными и так называемыми социальными организмами и отыскивают с величайшим рвением, иногда даже прямо в ущерб всякому научному беспристрастию, какие-нибудь подтверждения презумируемого ими мнения. Это направление

абсурд, что ни один исследователь-методолог даже не удостоит его серьезным возражением.

Указанные ложные пути исследования, очевидно, те же, что физиолога или анатома, который вздумал бы законы и методы народно-хозяйственного учения без всякой критики переносить в свою науку, т.е. функции человеческого тела объяснять господствующими теориями народно-хозяйственного учения, например кровотоечение — одной из господствующих теорий денежного обращения или товарного обмена, пищеварение — одной из господствующих теорий потребления вещей, нервную систему — учением о телеграфном сообщении, функцию отдельных органов человеческого тела — функцией различных классов народа и т.д. Такого же упрека, какому подвергся бы естествоиспытатель «народно-хозяйственного направления» со стороны всех серьезных сотоварищей по науке, заслуживают и наши физиологи и анатомы в области народного хозяйства. Кто, впрочем, знает весьма еще несовершенное ныне состояние естественных наук, трактующих об органическом мире, тому должно показаться не лишенным комизма стремление, часто соединяемое с затратой невероятного остроумия, — одно неизвестное осветить другим, весьма часто еще более неизвестным⁴⁹.

Таким образом, не подлежит сомнению, что игра с аналогиями между естественными организмами и социальными явлениями и в особенности механическое перенесение результатов исследования одной области явлений в науки, которые должны дать нам теоретическое уразумение совсем других областей мира явлений, — это такой методологический прием, который едва ли заслуживает серьезного опровержения; я никак не могу, однако, отри-

исследования столь же малоценно, как и вышеуказанное нами, с которым оно не только представляет внешнее сходство, но в практике исследования постоянно связывается. Ср. H. C. Carey. *The unity of law*. Philadelphia, 1872; P. v. Lilienfeld. *Gedanken über die Socialwissenschaft der Zukunft*, V, 1875—81; Sch äffle. *Bau und Leben des socialen Körpers*. Encyclopädischer Entwurf einer realen Anatomie, Physiologie und Psychologie der menschlichen Gesellschaft, mit besonderer Rücksicht auf die Volkswirthschaft als socialen Stoffwechsel. Tüb. IV, 1875—78. Derselbe: «Ueber den Begriff der Person nach Gesichtspunkten der Gesellschaftslehre». Tübing. Zeitschrift für die ges. Staatswissenschaften, 1875. S. 183 ff. «Der collective Kampf ums Dasein. Zum Darwinismus vom Standpunkte der Gesellschaftslehre». Ebend., 1876. S. 89 ff. u. S. 243 ff. und 1879. S. 234 ff. «Zur Lehre von den socialen Stützorganen und ihren Functionen». Ebend., 1878. S. 45 ff.

⁴⁹ Vgl. Fr. J. Neumann's Bemerkungen gegen die obige Richtung in Sch ü n b e r g 's Handbuch der Pol. Oek., I. S. 114 ff. und Krohn: Beiträge zur Kenntniss und Würdiguug der Sociologie. Jena'er Jahrb. f. Nation, u. Statist. XXXV. Bd. S. 433 ff. und XXXVII. Bd. S. 1 ff.

цать пользу известных аналогий между естественными организмами и социальными явлениями для определенных целей и з л о ж е н и я. Аналогия же в вышеуказанном смысле, как метод и с с л е д о в а н и я, — путь ложный, совершенно ненаучный; как способ и з л о ж е н и я, аналогия может, конечно, быть полезной для известных целей и для известных стадий изучения социальных явлений. Замечательнейшие умы пытались нередко выяснять своим современникам сущность социальных явлений сравнением с явлениями органическими, особенно в те эпохи, когда сущность первых явлений была еще более непонятна народу, чем в наши дни. Я не стану говорить о том, не устарели ли уже при нынешнем развитии социальных наук подобные картины, по крайней мере для научного изложения; но несомненно они негодны, когда то, что должно служить лишь способом изложения, выступает в качестве способа исследования, и когда аналогия выдвигается не только там, где она соответствует реальным условиям, но прямо является принципом и универсальной тенденцией исследования. И о последователях этого направления автор «Исследований о природе и причинах богатства народов» выразился весьма удачно. «Аналогия, — говорит он, — которая дает некоторым авторам повод к отдельным остроумным сравнениям, является у писателей указанного рода центральным пунктом, вокруг которого все вращается»⁵⁰.

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ВЫЯСНЕНИЕ ТЕХ СОЦИАЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ, КОТОРЫЕ СУТЬ НЕ РЕЗУЛЬТАТЫ СОГЛАШЕНИЯ ИЛИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, А НЕСОЗНАТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

§ 1. Признание социальных феноменов явлениями органическими отнюдь не исключает стремления к точному (атомистическому) выяснению их

Теоретическое выяснение е с т е с т в е н н ы х организмов может быть двоякое: точное (атомистическое, химико-физическое) или эмпирико-реалистическое (коллективное, специфическое, анатомо-физиологическое). Точное выяснение естественных организмов не только уместно в естественных науках, но знаменует собой известный прогресс по отношению к эмпирико-реалистическому выяснению. Поэтому точное

⁵⁰ A. S m i t h: History of Astronomy, in seinen «Essays on philos. subjects». Herausgegeben von Dugald Stewart. S. 29 der Basler Ausgabe von 1799.

выяснение социальных явлений или части их не теряет под собой почвы из-за того, что-де рассматриваемые явления признаются «социальными организмами». То обстоятельство, что точное выяснение естественных организмов и их функций достигнуто до сих пор лишь отчасти, не доказывает недостижимости этой цели в отношении так называемых социальных организмов. Теория о том, что «организмы» суть неделимые целые и их функции суть жизненные проявления этих феноменов в их целостности, не противоречит, ни в области естественных, ни в области так называемых социальных организмов, точному (атомистическому!) направлению теоретического исследования. Точное направление социального исследования не отвергает реальной целостности социальных организмов, а стремится объяснить сущность и происхождение их точным образом. Столь же мало отвергает оно полноту эмпирически-реалистического направления исследования в области указанных явлений.

В предыдущей главе мы говорили об аналогии между социальными явлениями и естественными организмами, о пределах полноты такой аналогии и, наконец, о последствиях, вытекающих отсюда для методологии социальных наук. При этом обнаружилось, что указанная аналогия оказывается лишь частичной и даже в тех случаях, когда может быть о ней речь, она оказывается лишь внешней. Равным образом уразумение явлений, не имеющих прагматического происхождения, но являющихся результатом «органического», т.е. бессознательного общественного развития, не может быть достигнуто, поэтому, при посредстве простой аналогии с естественными организмами или через перенесение точки зрения физиологии и анатомии в социальное исследование.

Нам остается теперь разъяснить, каким путем, соответствующим как существу социальных явлений, так и особым целям теоретического исследования в области последних, могут быть решены те проблемы социального исследования, разрешение которых по объективному положению вещей недостижимо прагматическим путем и до сих пор предпринималось при посредстве указанной аналогии («органическим» путем).

Прежде чем перейти к исследованию настоящей проблемы, мы должны предпослать некоторые замечания общего характера.

Всякое теоретическое выяснение явлений, как мы выше видели, может быть результатом двоякого направления исследования: эмпирико-реалистического и точного. Это правильно не только вообще, но и в отношении к каждой области явлений в отдельности. И к выяснению тех социальных явлений, которые имеют несознательное или, если угодно, «органическое» происхождение, даже к выяснению естественных организмов можно стремиться обоими указанными на-

правлениями исследования, но лишь совокупность обоих направлений может дать нам самое глубокое, какое только доступно нашему веку, теоретическое уразумение рассматриваемых здесь явлений.

Однако из сказанного вовсе еще не следует, что оба эти вида теоретического выяснения на самом деле уже достигнуты во всех областях явлений, или же что при настоящем состоянии теоретических знаний об органическом мире можно с положительностью признать оба эти вида выяснения достигимыми. Но в качестве постулата исследования, точное выяснение явлений вполне полноправно наряду с реалистически-эмпирическим во всех областях явлений, и в области «органических социальных явлений» не менее, нежели в области естественных организмов. Возможно, что точный анализ естественных организмов никогда не будет достигнут вполне и реалистически-эмпирическое исследование, по крайней мере в известном отношении, всегда будет неизбежно для теоретического выяснения их; однако физико-химическое (атомистическое) выяснение их уже по указанным основаниям никогда не получит исключительного господства. Эмпирико-реалистическое понимание органического мира для настоящего времени вполне основательно, а быть может оно и никогда не лишится своей полноправности наряду с атомистическим пониманием.

Только тот, кто совершенно не знаком с современным состоянием теоретического исследования в области естественных организмов, может выводить отсюда заключение, будто стремление к точному (атомистическому) выяснению естественных организмов совершенно не основательно или даже не научно. «Физиология, — говорит *Helmholtz*, — должна была решиться считаться с безусловной законосообразностью сил природы и при исследовании жизненных процессов; она должна была серьезно заняться выслеживанием физических и химических процессов, совершающихся внутри организмов»; другой выдающийся исследователь видит в физико-химическом выяснении органических явлений прямо масштаб развития теоретических знаний об органическом мире.

Как было сказано, точный анализ естественных организмов достигнут лишь отчасти и, быть может, никогда не будет достигнут вполне; однако отрицать то весьма многое, что уже сделано в области точного естествознания, отрицать результаты «атомизма» в области естественных организмов или же считать указанное стремление к точному выяснению органического мира ненаучным заблуждением — это значит умышленно закрывать глаза перед фактами.

Даже те, которые придерживаются теории строгой аналогии социальных явлений с естественными организмами, не могут, следовательно, отвергать атомистическое направление исследования в области соци-

альных наук. Напротив, именно те, которые постоянно твердят об упомянутой аналогии, должны бы последовательно разделять и стремление естествоиспытателей к достижению точного (атомистического!) уразумения органического мира, и всемерно воздерживаться от односторонней переоценки реалистически-эмпирического направления исследования. Если и можно, таким образом, проблему, которой мы намерены заняться в этой главе, считать проблемой «органического» мира, то все-таки это отнюдь не колеблет того факта, что наряду с эмпирико-реалистическим выяснением указанных социальных явлений и их функций и точное выяснение их является одинаково полноправной задачей теоретического исследования. Признание известного ряда социальных явлений «организмами» нисколько не противоречит стремлению к точному (атомистическому!) выяснению их.

Что же сказать теперь о тех, которые по той причине, что-де в области естественных организмов точное выяснение достигнуто до сих пор лишь не вполне, выводят заключение, что и стремление к этому выяснению в области социальных явлений (которые в сущности лишь фигурально можно называть организмами) вообще неосновательно и даже не научно. Не ясно ли, что даже и в том случае, если бы точное выяснение естественных организмов было бы совершенно недостижимо и даже не свойственно этой области явлений, то обстоятельство это нимало не исключало бы такового выяснения в области социальных явлений; вопрос о возможности такого выяснения может быть разрешен лишь путем самостоятельного исследования природы социальных явлений, а никак не путем внешней аналогии⁵¹.

⁵¹ Первичные элементы, к которым сводится точное теоретическое выяснение естественных явлений, суть «атомы» и «силы». И те, и другие — неэмпирической природы. «Атомов» мы совершенно не можем себе представить, а силы природы представляем себе лишь образно, и в сущности под последними мы понимаем неизвестные нам причины реальных движений. Отсюда в результате вытекают для точного толкования явлений природы чрезвычайные трудности. Иначе обстоит дело в точных социальных науках. Здесь человеческие индивидуумы и их стремления, эти первичные элементы нашего анализа, суть эмпирической природы, и потому точные теоретические социальные науки находятся в более выгодных условиях сравнительно с точными естественными науками. «Пределы знания природы» и вытекающие отсюда затруднения для теоретического выяснения естественных явлений не имеют места в отношении точного исследования в области социальных явлений. Если А. С o m t e признает «общества» реальными организмами и притом

Если, тем не менее, то мнение, будто в области социальных явлений полноправно лишь «органическое», вернее «коллективное» понимание, или же будто последнее, по сравнению с точным, является «высшим», — нашло столь многих адептов в новейшей социологической литературе, то основание этого заключается в некотором недоразумении, на котором, ввиду принципиальной важности его, нам следует здесь немного остановиться.

Весьма распространенное возражение против точного разрешения теоретических проблем в области социальных явлений вытекает именно из того обстоятельства, что социальные явления, подобно естественным организмам, суть неделимые целые, единицы высшие по отношению к своим частям, функции же их суть жизненные проявления органических феноменов в их целостности, а потому стремление к точному выяснению их существа и их функций, т.е. «атомистическая» точка зрения в теориях об органическом мире означает собою отрицание этой целостной сущности их.

Я указал выше, что воззрение это совершенно не разделяется в области естественных наук: точное выяснение органических явлений считается одной из высших задач современного естествознания. Мы не замедлим представить здесь доказательства и тому, что воззрение это неосновательно и в области социального исследования, что в основании его лежит принципиальная ошибка.

Науки в их совокупности имеют задачей дать нам уразумение всей действительности, в частности же теоретические науки — теоретическое уразумение реального мира. Это относится, разумеется, и к тем теоретическим наукам, область которых составляет исследование организмов; но они выполнили бы указанную задачу лишь весьма несовершенно, если бы не обратили должного внимания на реальную целостность обсуждаемых здесь явлений, если бы они выясняли их лишь как совокупность частей, а не как нечто целое, и функции организмов выясняли не как функции организмов в их целостности.

Из того обстоятельства, что организмы представляются нам в каждом случае как целое, их функции — как жизненные проявления последних в

организмами более сложного вида, нежели естественные, и их теоретическое выяснение признает несравненно более сложной и трудной научной проблемой, то это с его стороны грубое заблуждение. Его теория была бы правильной лишь в отношении тех социальных исследователей, которые, ввиду современного состояния теоретических естественных наук, возымели бы просто сумасбродную мысль — выяснять общественные явления не специфическим социологическим способом, а естественно-атомистическим.

их целостности, отнюдь, однако, не следует, чтобы точное направление исследования было бы совершенно неприменимо к рассматриваемой здесь области явлений, и чтобы к этой группе явлений применимо было только реалистически-эмпирическое направление теоретического исследования. Из указанного обстоятельства на самом деле следует в отношении точного исследования в области организмов только то, что оно (обстоятельство) порождает для точного исследования ряд проблем, разрешения которых оно не может избежать. Эти проблемы суть точное выяснение существа и происхождения организмов (рассматриваемых как целое) и точное выяснение их функций.

Точное направление исследования в области органического мира не отрицает, таким образом, целостности организмов; напротив, оно стремится выяснить происхождение и функции этих целостных явлений точным образом, выяснить, как образовались и как функционируют эти «реальные целостности».

Эту задачу, которая принадлежит к числу важнейших задач естествоведения, точное направление исследования ставит себе и в области социальных явлений и в особенности тех (явлений), которые представляются нам, как бессознательные продукты исторического развития; следовательно, и здесь не может быть речи об отрицании «целостности» социальных организмов, насколько она соответствует реальной действительности. Указанное направление исследования стремится, с одной стороны, к выяснению особенной природы «целостности» явлений, именующихся социальными организмами, а с другой стороны — к точному выяснению их происхождения и их функции. Оно не впадает в обман, будто эта целостность может быть постигнута при посредстве простой аналогии с естественными организмами, а пытается путем непосредственного исследования, через изучение самих «социальных организмов» проникнуть в целостную сущность их; оно не удовлетворяется стремлением понять функции рассматриваемых здесь социальных явлений при посредстве упомянутой аналогии, а стремится к их точному выяснению, без всякого отношения к аналогиям — напротив ясно сознает их неуместность. Это направление стремится путем непосредственного исследования социальных явлений дать социальным наукам то же, что составляет цель стремлений и точного направления теоретического исследования в области естественных организмов, а именно точное выяснение так называемых «социальных организмов» и их функций. Оно противостоит выяснению социальных явлений при помощи одних только аналогий — по общим методологическим основаниям, по тем самым основаниям, в силу коих, например, физиология должна была бы отвергнуть «национально-экономическое» понимание человеческого организма в

качестве принципа исследования; оно отвергает мнение, будто теоретические проблемы, которые в области естествоведения до сих пор еще не разрешены, или кажутся в наше время неразрешимыми, будто они наперед должны быть признаны столь же неразрешимыми и в области социального исследования. Оно исследует указанные проблемы без всякого отношения к результатам исследования в физиологии и анатомии, а имеет в виду исключительно лишь социальные явления, — точно так же, как физиология, которая в своем стремлении к эмпирическому или точному выяснению естественных организмов не заботится о результатах социального исследования; и все это делается не в силу отрицания целостной природы социальных организмов, но из всеобщих методологических оснований⁵².

Мнение, будто целостная природа социальных явлений, именуемых «социальными организмами», исключает точное (атомистическое!) толкование их, оказывается, таким образом, грубым заблуждением.

На последующих страницах мы скажем сначала о точном, а затем о реалистически-эмпирическом выяснении «социальных организмов» и их функций.

§ 2. Различные направления теоретического исследования, вытекающие из понимания социальных явлений как «органических» феноменов

Часть социальных явлений имеет прагматическое происхождение и потому они должны быть толкуемы прагматическим способом. Другая часть этих явлений представляет несознательные результаты общественного развития («органического» происхождения!) и прагматическое толкование их неуместно. Основная проблема теоретического выяснения происхождения социальных явлений, возникающих несознательным («органическим») путем. Указанная проблема и важнейшие проблемы теоретической национальной экономики обнаруживают близкое родство. Две дру-

⁵² «Органическое», правильное «коллективное» понимание народного хозяйства не противоречит задачам теоретической национальной экономики вообще, но и не обнимает всей совокупности задач последней. Оно есть не что иное, как одна часть, одна особенная сторона той науки, которая учит нас теоретическому пониманию явлений народного хозяйства, и признание его не может ни умалить, ни как-либо изменить понятие национальной экономики как науки теоретической. Точно так же признание «органического» понимания народного хозяйства не может переделать нашу науку ни в историческую или практическую науку, ни в науку лишь об одном «органическом» выяснении человеческого хозяйства (в простую «анатомию и физиологию»).

гие проблемы теоретических социальных наук вообще и теоретической национальной экономики в частности, вытекающие из «органического» понимания социальных явлений: а) стремление к выяснению взаимной обусловленности общественных явлений; б) стремление к уразумению социальных явлений как функций и жизненных проявлений общества (или народного хозяйства и пр.), рассматриваемого как органическое целое. Стремление к точному (атомистическому!) и к эмпирико-реалистическому (коллективному, анатомо-физиологическому!) разрешению указанной проблемы. План изложения.

Существует ряд социальных явлений, которые суть продукты соглашения членов общества или положительного законодательства, результаты целесообразной совокупной деятельности общества, рассматриваемого в качестве особенного действующего субъекта, социальные явления, в отношении которых не может быть и речи об «органическом» происхождении в каком бы то ни было смысле. Здесь положению вещей соответствует прагматическое толкование, выяснение сущности и происхождения указанных социальных явлений из целей, мыслей и средств общественных единений людей или их властителей.

Мы объясняем эти явления прагматическим способом, исследуя цели, которыми руководились в данном случае общественные единения и их властители при образовании и развитии рассматриваемых здесь социальных явлений, средства, находившиеся при этом в их распоряжении, преграды, которые противодействовали образованию и развитию этих социальных явлений, род и способ, которыми воспользовались находившимися в распоряжении средствами для образования этих явлений. Мы выполняем эту задачу тем совершеннее, чем глубже исследуем, с одной стороны, конечные реальные цели действующих субъектов, а с другой — первоначальнейшие средства, находившиеся в их распоряжении, и чем глубже изучаем социальные явления, имеющие прагматическое происхождение, в качестве составных частей известной цепи мероприятий, направленных к осуществлению указанных целей. Мы производим историко-прагматическую критику социальных явлений указанного рода, когда в каждом конкретном случае проверяем реальные цели общественных союзов или их властителей на основании потребностей этих общественных союзов, а употребление средств общественного действия — на получаемом результате (возможно полном удовлетворении социальных потребностей).

Все это относится к тем социальным явлениям, которые имеют прагматическое происхождение. Другая часть этих явлений, как уже выше было указано, не есть результат соглашения членов общества или законодательства. Язык, религия, право, даже само государство, и в частности

некоторые хозяйственные социальные явления — рынки, конкуренция, деньги и многочисленные другие социальные явления — выступают уже в такие эпохи истории, когда, конечно, еще не могло быть собственно и речи о целесообразной, направленной на установление их деятельности обществ как таковых, или их властителей. Мы имеем здесь перед собой явление социальных институтов, которые в высокой степени способствуют благополучию общества, нередко имеют для последнего прямо жизненное значение и, однако, не суть результаты социальной общественной деятельности. Здесь перед нами выступает замечательная, пожалуй, самая замечательная проблема социальных наук.

Как же могут возникать институты, служащие для общественного благополучия и чрезвычайно важные для его развития без **общей воли**, направленной к их установлению?

Этим, однако, отнюдь еще не исчерпывается проблема теоретического выяснения этих социальных явлений, не имеющих ни малейшего прагматического происхождения в указанном смысле. Существует ряд весьма важных социальных явлений, которые, точно так же, как и вышеуказанные, имеют «органическое» происхождение, которые, однако, в своем временном конкретном виде не представляются социальными «институтами», подобно праву, деньгам, рынкам и пр., а потому обыкновенно и не понимаются и не объясняются в качестве «органических явлений».

Мы могли бы указать здесь целый ряд явлений такого рода, но мы стараемся выяснить указанную мысль на одном примере, очевидность которого исключает всякое сомнение в сущности того, что мы желаем здесь высказать, именно на примере социальных цен вещей. Они, как известно, в некоторых случаях являются, вполне или отчасти, результатом положительных социальных факторов, например цены, при существовании законов о таксах и наемных платах и пр. Однако обыкновенно они образуются и изменяются независимо от государственного влияния, направленного на их регулирование, независимо от всякого общественного соглашения, являются в качестве несознательных результатов общественного движения. То же самое относится к процентам на капитал, земельной ренте, предпринимательской прибыли и пр.

Какова же природа всех этих социальных явлений и каким образом можем мы достигнуть полного понимания их существа и их движения? — это вопрос весьма важный для нашей науки.

Едва ли нужно говорить, что проблема происхождения социальных явлений, возникающих несознательным путем, и проблема образования тех хозяйственных явлений, о которых мы только что говорили, представляют весьма близкое родство. Право, язык, государство, деньги, рын-

ки, все эти социальные явления в их различных формах проявления и в их постоянном движении в весьма значительной степени суть несознательные результаты социального развития: цены вещей, проценты, земельные ренты, рабочие платы и тысяча других явлений социальной жизни вообще и народного хозяйства в частности представляют точно такую же особенность и их выяснение в рассматриваемых здесь случаях не может быть «прагматическим», оно должно быть аналогичным выяснению социальных институтов, возникающих несознательным путем. Разрешение важнейшей проблемы теоретических социальных наук вообще и теоретического учения о народном хозяйстве в частности оказывается, таким образом, тесно связанным с вопросом о теоретическом выяснении происхождения и движения социальных явлений, возникающих «органическим» путем.

Здесь следует упомянуть еще о двух других проблемах теоретических социальных наук, которые, равным образом, коренятся в органическом понимании общественных явлений.

Уже выше, когда шла речь об аналогии между естественными организациями и отдельными явлениями социальной жизни вообще и народного хозяйства в частности, было указано, что перед наблюдателем последних выступает ряд институтов, из коих каждый в отдельности служит нормальному функционированию целого, обуславливает последнее и влияет на него, и обратно — обуславливается им и подлежит его влиянию в отношении своей нормальной сущности и нормальной функции. И в ряду социальных явлений перед нами выступает эта взаимная обусловленность целого и его нормальных функций — функциями частей, а нормальных функций последних — функциями целого, и как естественное последствие этого факта, выступает особенное направление социального исследования, имеющее задачей выяснить нам эту взаимную обусловленность социальных явлений.

Кроме вышеуказанного направления теоретического социального исследования, по тем же основаниям можно бы еще и другое направление, родственное вышеуказанному, признать «органическим», именно то, которое стремится выяснить нам народно-хозяйственные явления как функции, как жизненные проявления целого народного хозяйства (рассматриваемого в качестве органической целостности!), направление, которое стоит, таким образом, в близком отношении к известным проблемам теоретического исследования в области естественных организмов.

Все эти направления исследования, вытекающие из органического понимания общества (или народного хозяйства), и применимые к ним научно-теоретические положения могут по праву привлекать к себе внимание социальных философов. Но эмпирически-реалистические (спе-

цифически физиологические) направления социального исследования разработаны в новейшее время, особенно в Германии, столь тщательно, что мы можем, конечно, оставить их без подробного изложения и ограничиться точным выяснением так называемых органических социальных явлений. Таким образом, в дальнейшем мы будем трактовать о стремлении к точному выяснению социальных явлений, возникающих несознательным путем, как тех, которые обыкновенно признаются «организмами», так и тех, «органический» характер которых до сих пор не вполне ясно сознан; но прежде мы предположим этому изложению обзор главных, предпринятых до сих пор попыток разрешения проблем, вытекающих из органического понимания социальных явлений.

§ 3. Прежние попытки разрешения проблем, вытекающих из органического понимания социальных явлений

Прагматизм как универсальный способ объяснения происхождения и изменения социальных явлений. Противоречие его с учениями истории. Объяснение происхождения социальных феноменов, возникших несознательным путем, через признание их «органическими», «натуральными». Мнение Аристотеля. Стремление к органическому выяснению изменений социальных явлений. Понимание их как функций и жизненных проявлений реальных социальных организмов (общества, народного хозяйства и пр.) в их целостности. Стремление к выяснению взаимной обусловленности общественных явлений. Физиологически-анатомическое направление социального исследования.

Для достижения понимания социальных институтов, их существа и их движения, всего проще казалось объявить их результатом человеческого расчета, направленного на их установление и устройство, свести их к соглашению людей или к актам положительного законодательства. Этот способ толкования (прагматический) не соответствовал реальным условиям и был совершенно антиисторическим; он представлял, однако, ту выгоду, что объяснял с общей, легко понятной точки зрения, все социальные институты: как те, которые на самом деле представляются нам результатом общей воли социально-организованного людского общества, так и те, у которых не имеется такого происхождения; это такая выгода, которую оценит всякий, кто знаком с научными исследованиями и знает историю их развития.

Противоречие, в котором находится указанный, лишь формально удовлетворительный, способ объяснения (исключительно прагматическое объяснение происхождения и изменения социальных явлений) к фактам истории, имело, однако, то последствие, что в научных исследо-

ваниях о рассматриваемой здесь проблеме, наряду с указанным, очевидно односторонним способом толкования, и отчасти даже прямо наперекор ему, был предпринят ряд бесплодных попыток, попыток, явственно свидетельствующих о неудовлетворительности прежних «органических» воззрений на социальные явления.

К этой категории принадлежит прежде всего попытка тех, которые думают разрешить указанную проблему уже тем, что рассматриваемый здесь процесс бытия (Werdeprocess) объявляется «о р г а н и ч е с к и м». Они именуют процесс, которым возникают социальные явления без акта социальной общей воли, всегда «о р г а н и ч е с к и м», не подозревая, что этим образным выражением и связанными с ним мистическими намеками разрешается все-таки лишь ничтожнейшая часть той достопримечательной проблемы социальных наук, которая была указана нами выше.

Столь же ничтожна другая попытка к разрешению рассматриваемой здесь проблемы. Я разумею теорию, достигшую весьма широкого распространения, видящую в социальных институтах нечто п е р в о н а ч а л ь н е й ш е е, т.е. заложенное уже в самом существе человека, следовательно, не впервые образовавшийся, а п р и р о д н ы й продукт народной жизни. Указанная теория (которая, к слову сказать, некоторыми приверженцами ее, более дорожащими цельностью принципа, нежели исторической правдой и логикой вещей, переносится путем своеобразной мистики даже на социальные институты, созданные положительными законами), действительно избегает ошибки тех, которые сводят все институты к актам положительной общей воли, однако, очевидно, она не дает нам никакого разрешения рассматриваемой здесь проблемы, а лишь уклоняется от этого разрешения. Происхождение явления нимало не уясняется утверждением, что оно (явление) уже изначально существовало, или что оно возникло натурально. Утверждение первого, уж оставляя в стороне вопрос об историческом обосновании рассматриваемой здесь теории, включает в себе, по отношению ко всякому сложному явлению, просто абсурд, так как такое явление, очевидно, когда-нибудь да должно же было развиваться из своих простейших элементов, а в частности социальное явление, по крайней мере в его первоначальнейшей форме, должно же было развиваться из индивидуальных факторов⁵³; вто-

⁵³ Такому абсурду, разумеется, был чужд и Аристотель, хотя его выставляют так часто основателем теории, по которой государство признается как нечто «первоначальное», заложенное в самом существе человека. См. Приложение VII: Приписываемое Аристотелю мнение, будто государство есть явление первоначальное, заложенное уже в самом существе человека.

рое утверждение есть аналогия, совершенно ничего не стоящая для цели разрешения указанной проблемы, аналогия между возникновением социальных институтов и естественных организмов. Правда, оно показывает, что первые не суть осмысленные создания человеческого ума, но не объясняет, как они возникли? Указанные попытки толкования подобны попытке какого-нибудь естествоиспытателя, который задумал бы разрешить проблему происхождения естественных организмов указанием на их «первоначальность», «естественность».

Не менее указанных теорий, стремящихся «органическим» путем к разрешению проблемы происхождения социальных явлений, возникающих несознательным образом, неуместны и бывшие до сих пор попытки толковать изменения социальных явлений как «органические процессы». Едва ли нужно говорить, что изменения социальных явлений, — поскольку эти последние не суть преднамеренные результаты соглашения членов общества или положительного законодательства, а несознательные продукты общественного развития, — не могут быть толкуемы социально-прагматическим способом. Столь же само собой понятно, что ни простым только указанием на «органический» или «натуральный» характер рассматриваемых здесь процессов, ни одними аналогиями между этими последними и изменениями, наблюдаемыми в отношении естественных организмов, нельзя достигнуть ни малейшего уразумения природы и законов движения социальных явлений. Бесплодность указанного направления исследования столь очевидна, что нам ничего не остается прибавлять к вышесказанному.

Если указанная чрезвычайно важная проблема социальных наук действительно должна быть разрешена, то это может совершиться не путем поверхностных и, как мы видели, в значительной части просто-таки совершенно непозволительных аналогий⁵⁴, но единственно путем непосредственного изучения социальных явлений, и притом не «органическим», «анатомическим» или «физиологическим», а только специфически социологическим способом. Путь к этому лежит в теоретическом социальном исследовании, сущность которого и главные направления (точное и эмпирико-реалистическое) выше охарактеризовано нами.

Здесь следует упомянуть еще об одном направлении социального исследования, которое равным образом входит в сферу «органического» способа рассмотрения общественных явлений; мы разумеем стремление к уразумению взаимной обусловленности последних. В основании этого направления исследования лежит идея «взаимной обусловленности» социальных явлений, идея, значение которой для более глубокого теоретического уразумения указанных явлений, как мы уже указали в другом месте, отнюдь

⁵⁴ См. с. 389 сл.

не находится вне сомнений⁵⁵. Тем не менее, указанный способ рассмотрения столь естествен, что по крайней мере до тех пор, пока точное понимание более сложных общественных явлений еще не достигнуто, способ этот может с полным правом притязать на внимание социальных исследователей.

Было бы ошибочно считать указанный способ рассмотрения наиболее правильным или, как желают некоторые, даже «единственным методом» социальных наук; столь же ошибочно было бы, однако, совершенно отрицать значение и пользу его для теоретического уразумения социальных явлений⁵⁶.

Какое название дать этому направлению исследования — это вопрос терминологии, а потому, с точки зрения методики, не имеет существенного значения; с своей стороны мы полагаем, что это направление, — ввиду известного, хотя и не вполне ясно установленного, сходства с некоторыми направлениями теоретического исследования в области естественных организмов, и за неимением лучшего термина, — можно бы именовать «органическим», или «физиологически-анатомическим», помня, конечно, что эти выражения суть лишь образные, и что в данном случае ими именуется специфически социологическое направление теоретического исследования, которое на самом деле даже и в том случае имело бы полное основание, если бы науки о естественных организмах вообще и анатомия и физиология последних в частности даже и вовсе не существовали. Называть ли это направление «органическим», или «физиологически-анатомическим» — во всяком случае оно есть не что иное, как ветвь эмпирико-реалистического направления теоретического социального исследования.

§ 4. Точное (атомистическое) выяснение происхождения тех социальных явлений, которые суть несознательные результаты общественного развития

Введение. Ход изложения. а) Происхождение денег: Явление денег. Особенность этого явления. Теория возникновения денег путем соглашения, или закона. Платон, Аристотель, юрист Павел. Неудовлетворительность этой теории. Точное выяснение происхождения денег. б) Происхождение ряда других со-

⁵⁵ См. с. 390 и сл.

⁵⁶ И здесь, равным образом, в своем роде прямо великие труды А. Comte'a, Н. Spencer'a, Schäffle и Lilienfeld'a существенно помогли углублению теоретического понимания социальных явлений, но притом вовсе не теми аналогиями (между естественными организмами и явлениями социальной жизни), которые некоторыми из этих авторов были положены в основу изложения.

ц и а л ь н ы х и н с т и т у т о в: Возникновение поселений, городов. Возникновение разделения труда, рынков. Влияние законодательства. Точное выяснение происхождения указанных социальных явлений. с) З а к л ю ч и т е л ь н ы е з а м е ч а н и я: Общая природа социально-прагматического и так называемого «органического» происхождения социальных явлений; их противоположность. Методы для точного выяснения происхождения социальных явлений, возникших «органическим» путем, и методы для разрешения главных проблем точного учения о народном хозяйстве — суть одни и те же.

Введение

В предыдущем параграфе были указаны нами сделанные до сих пор попытки разрешения этой проблемы и их неудовлетворительность. Если вообще может быть речь о серьезном разрешении ее, то во всяком случае к нему следует стремиться не этими, а иными путями.

Мы выясним теорию происхождения рассматриваемых здесь социальных явлений сначала на некоторых примерах — возникновении денег, государств, рынков и пр., т.е. на происхождении социальных институтов, оказывающих высокую пользу общественным интересам, однако происхождение которых в большинстве случаев отнюдь не может быть приписано положительным законам или особенным проявлениям сознательной общественной воли.

а) О происхождении денег⁵⁷

На рынках почти всех народов, дошедших в своей экономической культуре до меновой торговли, постепенно известные предметы, сначала скот, звериные шкуры, раковины, какаоовые бобы, плитки чая и т.п., при более развитой культуре — металлы нечеканенные, позже — в чеканке, охотно принимаются всяким в обмен за привезенные им на рынок товары, даже такими лицами, которые не имеют никакой непосредственной нужды в этих вещах, или же вполне уже удовлетворили свою потребность в них; одним словом, на рынках меновой торговли известные товары выделяются из круга всех остальных и становятся орудиями обмена, «деньгами» в самом широком значении этого слова. Выяснение этого явления издавна представляло чрезвычайные трудности для социальных философов. Что на каком-либо рынке одна вещь охотно передается ее владельцем в обмен за другую, кажущуюся ему более полезной, — это яв-

⁵⁷ См. мое сочинение: Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. S. 250, где уже изложена эта теория.

ление вполне и всем понятное; но то явление, что на каком-либо рынке всякий предлагающий товары готов отдать их за определенный другой товар, например, за скот, за какаовые бобы, за известное весовое количество меди или серебра, даже если он и не имеет непосредственной нужды в этих вещах, или уже удовлетворил свою потребность в них, эти вещи соглашается принять, а другие при тех же условиях не соглашается принять в обмен, это порядок, столь противоречащий стремлению человека исключительно к индивидуальному интересу, что нас не должно удивлять, если даже такому выдающемуся мыслителю, как Savigny, он казался исполненным таинственности и необъяснимым с точки зрения индивидуальных интересов людей⁵⁸.

Задача, которую наука должна здесь разрешить, заключается в объяснении известного социального явления, однородного способа действий сочленов общества, в котором вполне очевидны публичные мотивы и с трудом заметны в конкретном случае мотивы индивидуальные. Мысль приписать этот порядок соглашению, или законодательному акту, возникала при таких обстоятельствах весьма естественно, особенно принимая во внимание позднейшую монетную форму. Платон полагает, что деньги суть «условленный меновой знак»⁵⁹. Аристотель говорит, что деньги возникают путем соглашения, не из природы, а из закона⁶⁰. Такого же взгляда юрист Павел⁶¹ и за немногими исключениями средневековые теоретики монеты вплоть до экономистов нашего времени⁶².

Признавать этот взгляд принципиально неправильным было бы ошибочно, так как история на самом деле представляет нам примеры законодательного признания известных товаров деньгами. Но во всяком случае не следует упускать из виду, что в большинстве подобных случаев, как известно, законодательное постановление имело целью не столько введение известных товаров в качестве денег, сколько признание деньгами товаров, уже ставших таковыми. Тем не менее ясно, что институт денег, в особенности при образовании нового общества из элементов старой культуры, например, в колониях, может, подобно и другим социальным институтам, быть введен путем соглашения, или законодательства; столь же несомненно и то, что дальнейшее развитие указанного института во времена более высокой экономической культуры обыкновенно следует

⁵⁸ Savigny. Obligat. II, 406.

⁵⁹ De republica, II, 12.

⁶⁰ Ethic. Nicom., V, 8.

⁶¹ L. I. Dig. de contr. empt., 18, 1.

⁶² Ср. соотв. литературу в моем «Volkswirtschaftslehre». S. 255 ff.

этим последним путем. Указанный взгляд, таким образом, имеет себе частичное оправдание.

Совсем иначе обстоит дело с выяснением рассматриваемого здесь социального института в тех случаях, когда он отнюдь не может быть признаваем за результат законодательной деятельности, когда деньги возникают вне таковой деятельности, «натурально», или, как выражаются некоторые, «органически» из хозяйственных условий данного народа. Здесь уж совершенно неуместен указанный прагматический способ объяснения; задача науки заключается здесь в выяснении нам института денег посредством изложения того процесса, благодаря которому, по мере прогресса хозяйственной культуры, без прямого соглашения людей и без законодательного постановления, определенный товар или известное количество его выделяется из круга остальных товаров и становится деньгами, т.е. таким товаром, который всяким принимается в обмен за предлагаемые им вещи, хотя бы он даже и не имел ни малейшей надобности в этом товаре.

Объяснение указанного явления исходит из следующего соображения: пока в народе господствует только простая меновая торговля, отдельные хозяйствующие индивидуумы в своих меновых операциях вполне естественно преследуют цель обменивать свой избыток лишь на такие вещи, в которых они испытывают непосредственную потребность, и напротив, отвергать те, в которых они или вообще не нуждаются, или которыми они уже запаслись в достаточной мере. Поэтому всякий, кто доставляет на рынок свой избыток для обмена на желательные ему вещи, должен найти кого-либо, который не только нуждается в его товаре, но который вместе с тем предлагает с своей стороны желательные первому вещи. Это обстоятельство при господстве чистой меновой торговли создает громадные препятствия товарному обращению и удерживает его в самых узких границах.

Для устранения этого зла, сильно тяготеющего над товарным обращением, в самом же указанном распорядке вещей имелось весьма действительное средство. Всякий мог легко заметить, что на известные товары, именно на те, которые соответствовали весьма распространенной потребности, существовал на рынке более значительный спрос, нежели на другие товары, и что потому среди приобретателей этих вещей ему легче найти таких, которые продали бы ему желательные ему вещи, легче, чем если бы он явился на рынок с предложением товаров, менее способных к сбыту (менее ходких). Так, например, всякий номад знает из собственного опыта, что если он приведет на рынок скот, то среди множества лиц, ищущих произвести обмен на эту вещь, он скорее найдет таких, которые продадут ему желательные ему вещи, скорее, чем если он доста-

вит на рынок другой товар, имеющий малый круг покупателей. И вот у всякого, кто доставил на рынок вещи менее способные к сбыту в указанном смысле, естественно возникает мысль обменять их не только на те именно вещи, в которых он нуждается, но, если последнее не окажется возможным прямо, то и на другие вещи, в которых он прямо совершенно не нуждается, но которые более способны к сбыту, чем его вещи, — этим, конечно, он не достигал непосредственно конечной цели задуманной им хозяйственной операции (получить в обмен нужные ему вещи!), однако значительно приближался к ней. Экономический интерес отдельных хозяйствующих индивидуумов приводит их, таким образом, с улучшением понимания своих индивидуальных интересов, без всякого соглашения, без законодательного принуждения, даже без всякой мысли об общественном интересе, к обмену своих товаров на другие, более способные к сбыту, хотя бы даже они и не нуждались в этих последних для своего собственного потребления, а из числа этих последних опять-таки — на такие, которые способны наиболее удобно и экономически исполнять функцию менового орудия; и таким-то образом при могущественном влиянии обычая, с возрастанием экономической культуры повсеместно выступает перед нами то явление, что известные вещи и именно те, которые в данное время и в данном месте наиболее способны к сбыту, наиудобнее перевозимы, наиболее прочны, всего легче делимы, — принимаются в обмен всяким, а потому и могут быть вымениваемы на всякие другие товары (эти вещи наши предки называли Geld (деньгами), от слова «gelten», т.е. служить, «платить»).

Какое важное значение имеет именно обычай для возникновения денег, явствует непосредственно из рассмотрения указанного процесса, путем которого известные вещи становятся деньгами. Обмен товаров, менее способных к сбыту, на товары более высокой сбытоспособности, прочности, делимости и т.д., выгоден для экономических интересов каждого отдельного хозяйствующего индивидуума; однако фактическое производство таких меновых операций предполагает понимание этого интереса со стороны тех хозяйствующих субъектов, которым приходится в обмен за свои товары принимать вещь, собственно, быть может, совершенно им не нужную, — только потому, что она обладает указанными свойствами. Это понимание никогда не возникает сразу у всех членов какого-либо народа. Сначала лишь часть хозяйствующих субъектов постигает выгоду для них, — в тех случаях, когда непосредственный обмен их товаров на предметы потребления невозможен или чрезвычайно сомнителен, — постоянно принимать за свои товары другие, более сбытоспособные, постигает выгоду, которая сама по себе не зависит от всеобщего признания какого-либо то-

в а р а д е н ь г а м и, так как всегда и при всех обстоятельствах подобный обмен существенно приближает отдельного хозяйствующего индивидуума к его конечной цели — приобретению нужных ему предметов потребления. А так как известно, что нет лучшего средства к уразумению людьми своих собственных экономических интересов, как наблюдение экономических успехов тех, которые применяют правильные средства к достижению последних, то ясно также, что ничто не может в такой мере способствовать возникновению денег, как долговременно практикуемое в своих собственных интересах принятие наиболее проникательными и дельными хозяйственными субъектами наиболее сбытоспособных товаров в обмен на все другие товары. Таким образом, обычай и навыв, конечно, немало способствовали тому, что товары, бывшие в свое время наиболее сбытоспособными, становились такими товарами, которые не только многими, но в конце концов всеми хозяйствующими индивидуумами принимались в обмен на их товары.

Итак, деньги, — институт, служащий общему благу в самом высоком смысле слова, — могут, как мы видели, подобно другим социальным институтам, возникать законодательным путем. Это, однако, не единственный и не основной способ возникновения денег; последним скорее должно считать вышеуказанный процесс, природа которого выяснялась бы весьма несовершенно, если бы мы стали называть его «органическим», или же стали считать деньги за нечто «первобытное», «натуральное» и т.п. Напротив, ясно, что в сущности происхождение денег может быть вполне постигнуто нами лишь тогда, когда мы изучим рассматриваемый здесь социальный институт в качестве несознательного результата, как непреднамеренный результат специфически индивидуальных стремлений сочленов известного общества.

*б) Происхождение ряда других социальных институтов
вообще и народно-хозяйственных в частности*

Подобным же образом разрешается вопрос о происхождении целого ряда других социальных явлений, которые точно так же служат общему благу, даже прямо обуславливают последнее, обыкновенно не будучи, однако, результатами стремления общества, направленного на споспешествование этому благу.

Образование новых поселений даже и теперь еще лишь в чрезвычайно редких случаях происходит таким способом, что известная группа лиц различных промыслов и различных профессий соединяется с целью основать поселение и затем осуществляет это намерение по известному плану; хотя, конечно, такой способ образования новых поселе-

ний не исключается и даже подтверждается практикой. Однако обыкновенно новые поселения возникают «несознательным» способом, т.е. через действие лишь индивидуальных интересов, которое само собой, т.е. без прямого к тому намерения приводит к указанному результату, полезному для общего блага.

Первые земледельцы, занимающие территорию, первый ремесленник, поселяющийся среди них, обыкновенно имеют в виду лишь свой индивидуальный интерес, так точно и первый трактирщик, первый лавочник, первый учитель и т.д. С возрастанием потребностей членов общества и другие хозяйствующие субъекты находят для себя выгодным заняться в постепенно развивающейся общине новым промыслом, или же расширить уже существующие. Так мало-помалу возникает организация хозяйства, которая в высокой степени споспешествует интересам членов общества, и без которой в конце концов становится просто невыносимым нормальное существование его; а меж тем эта организация отнюдь не есть результат осуществления общей воли, направленной на установление ее. Общественная воля обыкновенно начинает проявляться уже в позднейшие стадии развития общины и по большей части способствует не образованию, а усовершенствованию социальных явлений, возникших «органическим» путем.

То же самое относится и к происхождению государства. Несомненно, что путем соглашения соответственного числа лиц, имеющих в своем распоряжении известную территорию, при благоприятных условиях может быть основана община, способная к дальнейшему развитию. Несомненно и то, что на основе естественной родоначальнической власти отдельными родоначальниками-властителями, или группою их, могут быть образованы новые государства, способные к дальнейшему развитию, даже без всякого соглашения всех сочленов нового государства.

Таким образом, теория, по которой социальное явление, именуемое государством, возникает исключительно «о р г а н и ч е с к и м» путем, без условно одностороння. Столь же ошибочна и даже еще в большей степени противоречит истории теория, будто бы все государства впервые возникают путем соглашения об основании их или путем сознательной деятельностью отдельных властителей или групп их. Едва ли можно сомневаться в том, что по крайней мере в древнейшие эпохи человеческого развития государства возникали таким образом, что родоначальники, жившие рядом, но не соединенные ни малейшей государственною связью, доходили до государственной общности и организации без особенного о том соглашения, а лишь благодаря тому, что все более и более начинали понимать свои индивидуальные интересы и старались осуществлять их (посредством добровольного подчинения сла-

бейших защите сильнейших, посредством серьезной помощи, оказываемой соседом соседу в тех случаях, когда одному из них приходилось плохо от таких обстоятельств, которые могли приключиться и с остальными обитателями данной территории). Соглашение и разного рода властные отношения в целях упрочения общности могут, конечно, содействовать в отдельных случаях указанному процессу образования государств; однако бесспорно и то, что в других случаях правильное уразумение и осуществление индивидуальных интересов со стороны отдельных, живущих друг подле друга, родоначальников приводило к образованию государств — и при отсутствии указанных влияний, даже без всякой мысли индивидуумов об общем интересе. И то социальное явление, которое мы именуем государством, оказывается, по крайней мере в его первоначальнейших формах, непреднамеренным результатом стремлений к индивидуальным интересам.

Точно так же можно было бы указать, что другие социальные институты: язык, право⁶³, обычай и в особенности многочисленные институты народного хозяйства — возникли без всякого прямого соглашения, без законодательного принуждения, даже без всякого отношения к общественному интересу, исключительно благодаря импульсу индивидуальных интересов, как результаты осуществления последних. Организация товарного обмена на рынках, периодически открывающихся на определенных местах, организация общества посредством распределения занятий и разделения труда, торговые обычаи и пр., короче говоря, образование институтов, в чрезвычайной степени полезных интересам общего блага и происхождение которых на первый взгляд кажется зависящим непременно от соглашения или от государственной власти, — на самом деле оказываются результатами не соглашения, договора, закона, или особенного помышления отдельных индивидуумов об общественном интересе, а (результатом) стремлений к индивидуальным интересам.

Понятно, на этот «органический» процесс образования законодательная власть нередко воздействует и таким образом ускоряет или изменяет результаты этого процесса. Для первоначальных эпох образования общества можно, соответственно фактическому положению вещей, признать главенствующим несознательное возникновение социальных явлений. С дальнейшим ходом развития общества все явственнее и явственнее выступает сознательное вторжение публичной власти в общественные отношения; рядом с институтами, возникающими «органическим» путем, выступают такие, которые являются результатом сознательных общест-

⁶³ См. Приложение VIII: «Органическое» происхождение права и точное уразумение его.

венных действий; институты, возникшие органическим путем, получают свое дальнейшее развитие и преобразование от сознательной деятельности публичной власти, направленной к известным социальным целям. Современное денежное и торговое дело, современное право, современное государство и пр. представляют массу примеров институтов, являющихся результатом совокупного действия индивидуальных и социально-телеологических стремлений, иными словами, «органических» и «позитивных» факторов.

с) Заключительные замечания

Если мы теперь зададим себе вопрос об общей природе того процесса, которому обязаны своим происхождением те социальные явления, которые суть не последствия социально-телеологических факторов, а неосознательные результаты общественного движения, процесса, который, в противоположность возникновению общественных явлений путем положительного законодательства, можно, пожалуй, называть «органическим», то ответ на указанный вопрос едва ли может теперь подлежать сомнению.

Характеристическое свойство социально-телеологического возникновения общественных явлений заключается в наличии намерения общества как такового, направленного на установление этих явлений, в том обстоятельстве, что явления эти суть преднамеренные результаты общей воли общества как действующего субъекта, как властелина этих явлений. Напротив, социальные явления «органического» происхождения характеризуются тем, что они представляются непреднамеренными результатами индивидуальных стремлений, т.е. стремлений, преследующих индивидуальные интересы членов народа, следовательно, в противоположность вышеохарактеризованным социальным явлениям, они представляются совершенно непреднамеренными социальными результатами индивидуально-телеологических факторов.

Мы думаем, что в предыдущем отделе не только выяснили истинную природу того процесса, который до сих пор характеризовали лишь посредством смутных аналогий или ничего не говорящих фраз, процесса, которому обязана своим происхождением большая часть социальных явлений, но вместе с тем мы думаем, что достигли еще и другого результата, важного для методики социальных наук.

Выше нами было уже указано, что целый ряд явлений народного хозяйства, которые обыкновенно не считают «социальными явлениями органического происхождения», например, рыночные цены, заработные платы, проценты на капитал и пр., образуются точно таким же образом,

как и те социальные институты, которые были рассмотрены нами в предыдущем параграфе⁶⁴. И они обыкновенно являются не результатами социально-телеологических причин, а непреднамеренными результатами бесчисленных стремлений хозяйствующих субъектов к индивидуальным интересам, а следовательно и их теоретическое выяснение, теоретическое выяснение их сущности и их движения, может быть достигнуто точным образом лишь точно тем же путем, как и выяснение вышеупомянутых социальных феноменов, т.е. путем сведения их к их элементам, к индивидуальным факторам их возникновения, и путем исследования законов, по которым из этих элементов слагаются рассматриваемые здесь сложные явления человеческого хозяйства. Едва ли нужно говорить, что это именно тот метод, который мы выше⁶⁵ признали соответствующим точному направлению теоретического исследования в области социальных явлений вообще. Методы для точного выяснения происхождения социальных явлений, возникших «органическим» путем, и методы для разрешения главных проблем точного учения о народном хозяйстве — по существу тождественны.

⁶⁴ См. с. 404 и сл.

⁶⁵ См. с. 324 и сл.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

РАЗВИТИЕ ИДЕИ ИСТОРИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ МЫСЛИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ НЕМЕЦКИХ ЭКОНОМИСТОВ УЖЕ ИЗДАВНА БЫЛИ ИЗВЕСТНЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУКАХ

1.

Мысль, что история есть превосходный учитель для государственного мужа, а потому и важное основание для его науки, политики — столь проста, что честь изобретения ее никак нельзя приписать XIX веку. Можно даже думать, что изучение истории для практического государственного мужа представляет тем большее значение, чем ниже развитие той науки, которую мы называем «политикой», а писатель об искусстве управления тем исключительно руководствуется историей, чем менее его понимание природы государственных дел и собственная в них опытность. Нас, конечно, отнюдь не должно поражать то обстоятельство, что писатели древности и эпохи Возрождения не только не умаляют значения изучения истории для науки и практики политики, но, напротив, даже чрезмерно подчеркивают его в бесчисленных вариациях.

Уже Platon категорически указывает, что исследования по политическим предметам «должны опираться не на пустые теории, а на историю и на действительные события»⁶⁶, взгляд, который, как известно, возводится у Аристотеля в принцип исследования⁶⁷.

⁶⁶ De Legibus, III, 684, п. 692.

⁶⁷ Pol. IV, 1.

Когда при возрождении наук на Западе многие выдающиеся писатели снова начал заниматься изысканиями об «искусстве управления», кроме сочинений древности, трактовавших непосредственно о политике, исторические работы классической древности, как известно, служили им главными источниками, которыми они пользовались и значения которых для «политики» они не могли не видеть. С одной стороны, — это было господствующее мнение, — «политик» находит в исторических работах указание на примеры, которыми он может руководствоваться в аналогичных случаях; с другой стороны, и суждения историков об исторических фактах имеют немалую цену. Чем выше народ в своих делах и чем превосходнее историк, тем полезнее считалось и изучение истории для науки и практики искусства управления. Особенно поучительной казалась поэтому история греков и римлян, преимущественно история эпохи процветания в изложении более выдающихся историков древности.

N. Macchiavelli полагает, что в политической путанице его времени следует *«ad ea remedia confugere, quae a veteribus per leges instituta et excogitata fuerunt»* и указывает как на важнейшую причину упадка государственного строя его времени *«quod historiarum usu legitimo destituamur nec eos fructus ex illarum lectione percipiamus, quos illae natura sua alias producere queunt»*⁶⁸.

Однако даже такая высокая оценка истории со стороны флорентийского государственного мужа и историка казалась многим из его современников недостаточной. Так, анонимный автор сочинения: *«De regno adversus Nic. Macchiavellum libri III»* (Innoc. Gentiletus), указывая на высокое значение основательного изучения истории для писателя о политике, упрекает своего великого противника прямо в *ἀνιστορησία* и высказывает намерение быть еще более историчным⁶⁹.

В не меньшей степени и J. Bodin проникся важностью изучения истории для политика, государственного мужа и законодателя.

*«Cum historia, — пишет он, — laudatores hubeat complures, qui veris eam ac propriis laudibus exornarunt, ex omnibus tamen nemo verius ac melius, quam qui vitae magistratam appellavit; nam ea vox omnes omnium virtutum ac disciplinarum utilitates amplexa, significant, hominum vitam universam ad sacras historiae leges... dirigi oportere... ex quibus (histories) non solum praesentia commode explicantur, sed etiam futura colliguntur certissimaque rerum expetendarum ac fugiendarum praecepta conflantur»*⁷⁰.

И в другом месте:

⁶⁸ Disputationem de Republica. Lib. I. Proëm. Lugd. Bat., 1643, fol. 7 ff.

⁶⁹ Lib. I. Praef. P. 3 ff. ed. Lugd. Bat., 1647.

⁷⁰ De Methode. Proëm. P. 1. et Praef fol. 6. Agent., 1627.

«*Nec tamen Rempublicam idearum sola notione terminate decrevimus, qualem Plato, qualem etiam Thomas Maurus inani opinione sibi finxerunt: sed optimas quasque civitatum florentissimarum leges, quantum quidem fieri poterit, proxime consequemur*»⁷¹.

И В а с о н не составляет отсюда исключения. Он называет историю справочной книгой примеров прошедших времен, «*fundamentum prudentiae civilis*», и даже свое право трактования политики он основывает на своих исторических студиях⁷².

2.

Идея — путем сравнения всех государственных учреждений и законов дойти до науки о государственном устройстве и законодательстве, т.е. «политики» на чисто исторической основе — должна была очень давно прийти на ум политическим писателям. Если история есть учитель и, как полагают, лучший учитель для государственных мужей, то весьма естественно должна была явиться мысль — путем сравнения государственных учреждений и их результатов у различных народов создать науку политики. В сущности, уже П л а т о н высказал эту мысль и тем выставил проблему, разрешить которую в известном смысле пытался еще Аристотель; и J. B o d i n признает ее своей важнейшей жизненной задачей.

«*Legissent Platonem, — говорит Bodinus о политиках своего времени, — qui legum tradendarum ac moderandae civitatis unam esse formam putavit, si omnibus omnium aut magis illustrium rerum publicarum legibus in unum collectis viri prudentes eas inter se compararent atque optimum genus ex eis conflarent. Ad hoc igitur institutum omnia mea studia, omnes contuli cogitationes*»⁷³.

Ту же мысль высказывает уже М а с с и а в е л л и:

«*Vetus dictum est, — говорит он, — quod ut sapientissime pronunciat, ita diligenter observari debet: Res futures ex conemplantatione praeteritarum conjici cognoscique posse. Quaecunque enim per universum orbem fiunt, habuerunt olim aliquid simile, quod eodem modo antiquitus et ex iisdem causis ut haec quae nunc videmus factum fuit... Eo magis etiam videris, ex praeteritis futurarum rerum eventus posse conjicere*»⁷⁴.

Подобным же образом высказывается базельский проф. N i c. S t u p a n u s (1599) в предисловии к его изданию сочинения Макиавелли «Государи»:

⁷¹ De Republica. Lib. I. Cap. I, 1591. P. 4.

⁷² De augm. scient. Lib. II. Cap. V, pass. et Lib. VIII. Cap. III, § 1.

⁷³ J. Bodini: De Methodo ad historiarum cognitionem, 1566. (Argentorati, 1627. Praef. pag. 3).

⁷⁴ Disput. de Republica. L. III. Cap. XLIII. Lugd. Bat., 1643. P. 410 ff.; Conf. Lib. I. Cap. XXXIX. P. 115.

«Noh faciunt sapientes Reipublicae gubernators omnia, quae ab aliis facta esse in historiis perhibentur; sed propterea historiarum lectioni diligentissime incumbunt eorum optimi quique, ut insignem rerum praeteritarum cognitionem nacti, ceu rebus illis, quos legerunt, gerendis interfuissent, deinde in capiendis novis consiliis et rerum agendarum deliberatione Causas, Consilia, Progressus, Eventusque praeteritarum rerum promptos in animohabeant, praesentia exempla cum praeteritis, domestica cum peregrines, similia cum similibus, contraria cum contrariis ubique possint conferre et ex praeteritis futurarum rerum eventus praevidere. Quae si ita se habere omnes intelligimus»⁷⁵.

3.

Мысль, что одинаковое государственное устройство и законодательство не применимы ко всем народам и во все времена, а что, напротив, каждый народ и каждая эпоха требуют, сообразно своим особенностям, различных законов и государственных учреждений — тоже вовсе не такая мудреная, чтобы только писатели XIX века могли выставить ее. Что народы не вполне походят друг на друга и что опасно без всякого разбора переносить государственные учреждения и законы одного народа на другой — это тоже было небызвестно как древним, так и писателям эпохи Возрождения.

Уже Платон указывает, что местоположение страны существенно влияет на природу людей и что законодательство не может оставлять этого обстоятельства без внимания. Законодатель должен принимать во внимание все этого рода различия и должен стараться, насколько это вообще доступно человеку, исследовать их, прежде чем приступать к начертанию законов⁷⁶.

И в другом месте:

«Едва ли возможно, чтобы какое-либо определенное государственное устройство было столь же неприкосновенно на практике, как в теории; это представляется столь же невозможным, как предписывать всем организациям один определенный образ жизни, при котором одно и то же не оказывалось бы то вредным, то полезным»⁷⁷.

⁷⁵ Pag. 1 ff. Montisbelgardi, 1599.

⁷⁶ De Legibus, V, 747.

⁷⁷ Ibid. I, 636. Платон заходит так далеко в требовании соображения различий социальных и государственных условий, что признает даже ошибочным, если серьезный государственный человек ограничивается одними законами, ибо

Аристотель столь же решительно указывает на относительность государственных установлений. «Политика, — говорит он, — должна исследовать не только самое желательное вообще устройство и управление, но и те формы, которые при известных обстоятельствах наиболее целесообразны, наиболее подходящи. Политик обязан исследовать каждое государство и его организацию, как они представляются в действительности и проследить отличительные свойства его установлений. Он должен знать действительное положение вещей, прежде чем приступать к улучшению последних»⁷⁸.

И Macchiavelli не чужд понимания местной и временной относительности государственных учреждений. Он пишет:

«*Sicuti diversae causae esse solent, quibus urbium fundamenta ponuntur, ita quoque diversae ipsis rationes legum et institutorum existere consueverunt*»⁷⁹.

И в другом месте:

«*Qui cupit vel rempublicam vel sectam suam diuturnam esse, eam saepe corrigere debet et veluti ad prima sua principia revocare... praecipue sunt respublicae atque sectae, quibus salutare sunt illae mutationes, per quas corriguntur, emendantur et ad primam suam originem principiumque revocantur*»⁸⁰.

Особенно основательно говорит об относительности государственных установлений J. Bodinus. В своей «Республике» он помещает особую главу: «*De conformando civitatum statu pro regionum ac populorum varietate, quibusque disciplinis populorum mores dissimilesque naturae percipiantur*»⁸¹.

Об этом вопросе он выражается следующим образом:

«*In toto genere animantium non modo innumerabiles sunt figurae, verum etiam earum, quae figuram eandem habent, maxima varietas est; sic hominum inter se admirabilis est ac pene incredibilis dissimilitudo variaque pro locorum diversitate natura*»,

и соответственно этому ставит себе задачу:

«*Explicare, quae quibus populis leges congruant, quis cuique civitati status conveniat, quibusque rationibus gentium mores ac naturae percipiantur. ne aut formam civitatis a populi moribus alienam instituamus, aut naturae leges hominum arbitrio ac voluntati,*

последние, обладая всеобщим характером, никак не могут вполне приспособляться к индивидуальностям отдельных лиц и случаев, и обладая известной устойчивостью, никак не могут параллельно следовать за изменяющимися условиями. Лишь там, где отсутствует истинное государственное искусство, предпочтительнее придерживаться законов (проверенных на опыте!), нежели следовать за эгоистичным и бессмысленным произволом властителей.

⁷⁸ Pol. IV, 1.

⁷⁹ Disput. Lib. I. Cap. II, pag. 13; ed. 1643.

⁸⁰ Ibid. Lib. III. Cap. 1. P. 283.

⁸¹ De Rep. Lib. V. Cap. 1. P. 750; ed. 1591.

repugnante natura, servire cogamus, quod plerique facere conati florentissima imperia funditus everterunt»⁸².

И в других местах:

«Principem ac legislatorem populi mores ac naturam regionis, in qua civitas est, nosse prius oportet, quam legum aut civitatis conversionem moliatur. cum de omnibus rerum publicarum arcanis nullum majus sit, quam ad varios gentium mores ac naturas civitatis cujusque leges ac formam congruentem accommodare».

*«Peccatur ab iis, qui ab alienis tatibus civileges acceptas ad eam quae plane contraria ratione dirigatur rempublicam adhiberi putant oportere»*⁸³.

4.

Едва ли нужно говорить, что столь ясно высказанные такими выдающимися писателями взгляды о значении изучения истории для политики и об относительности государственных учреждений не пропали бесследно. Даже писатели эпохи Просвещения во Франции, которым особенно ставили в упрек неисторический взгляд и склонность к «абсолютизму» в политике, и те вовсе не настолько, как это полагает историческая школа экономистов, отрицают значение изучения истории для государственно-го мужа и принцип относительности государственных учреждений⁸⁴.

Конечно, того значения, которое придает историческим студиям историограф или даже историк-философ, они не могли иметь для социальных философов или для эпохи просвещения вообще и для физиократов в частности. Кто отвергает существующие учреждения и говорит за необходимость установления нового порядка вещей, тот, разумеется, не склонен исследовать историческое происхождение этих учреждений и стремиться к их развитию. Его первая задача — доказать вредность их (учреждений) для настоящего времени. Столь же неосновательно требовать от писателей, проводящих в области народного хозяйства умственное движение Французской революции, чтобы они особенно указывали на прежнюю основательность отвергаемых ими институтов и на относительную лишь правильность рекомендуемых ими институтов. Точно так же это противоречит практически-реформаторской зада-

⁸² De Rep. Lib. V. Cap. 1. P. 750; ed. 1591.

⁸³ Ibid. Lib. V. Cap. 1. P. 754 und Lib. IV. Cap. 3. P. 663.

⁸⁴ *Quelles sont, suivant le temps, les lieux et les circonstances, les conclusions justement et clairement deduites de l'ordre politique?* — Эта фраза постоянно повторяется в сочинениях некоторых физиократов (Ephémérides du Citoyen. Программа Baudeau. Paris, 1767, I. P. 5 ff.).

че физиократов. Из того обстоятельства, что они не делали этого, нельзя заключить, что они совершенно не понимали значения изучения истории для государственной науки, или что они принципиально придерживались воззрения, будто учреждения, предлагавшиеся ими для Франции XVII века, годны и для всех других народов и времен, например, и для тунгусов и калмыков, или для Франции эпохи Людовика Св.; делать такие выводы — ведь это значит не понимать значения этих писателей, находившихся под свежим впечатлением философии истории Вольтера и «О духе законов» Монтескье.

Будто даже А. С м и т не понимал значения изучения истории для нашей науки и влияния местных и временных условий на институты народного хозяйства, — это могут утверждать лишь невежды.

То, что говорит выдающийся автор истории развития греческой философии, противопоставляя Аристотеля Платону, а именно, что первый не только был, подобно второму, превосходным спекулятивным мыслителем, но вместе с тем был и неутомимым наблюдателем, что он придал своей системе широкое основание эмпирического знания и пытался обосновать свои философские положения путем всестороннего рассмотрения положительных данных, — все это применимо и к А.Смиту по отношению к физиократам.

Весьма верно замечает талантливый S i s m o n d i об авторе «Исследований о природе и причинах богатства народов»:

*«Adam Smith reconnu que la science du gouvernement ne pouvait se fonder que sur l'histoire des peuples divers et que c'était seulement d'une observation judicieuse des faits qu'on pouvait deduire les principes. Son immortel ouvrage. "De la nature et des causes de la richesse des nations"... est en effet le resultat d'une étude philosophique de l'histoire du genre humain»*⁸⁵.

Другой весьма основательный исследователь, Е. В а u m s t a r k, высказывается об этом следующим образом:

«Особенно нуждается политическая часть нашей науки в историческом основании, так как без этого она впадет в самые опасные заблуждения. Я хочу этим сказать не то, что к всякой доктрине должно быть присоединяемо сухое историческое введение, а то, что все учение о хозяйстве должно строиться на исторических основаниях вместо простой догматики и должно быть развиваемо вообще, как результат изысканий в области истории обмена, культуры, государства и человечества. Какую силу могут вдохнуть в это дело А. С м и т и Ф е р г ю с о н своими бессмертными творениями!»⁸⁶

⁸⁵ S i s m o n d i. Nouv. princ. I. P. 47 ff.

⁸⁶ В а u m s t a r k. Kameralistische Encyclopädie, 1835. S. VIII сл.

Можно как угодно думать о результатах, к которым пришел А. Смит, считать их вполне несовершенными, однако приведенные характеристики труда Смита со стороны двух действительных знатоков его (что особенно важно в настоящее время, когда читают многое, но немного), опровергают не пощадивший и основателя нашей науки упрек в слишком низкой оценке значения истории для нашей науки и в неисторическом абсолютизме (в вышеупомянутом смысле слова).

Из учеников Смита особенно настаивал Сисмонди на исторических студиях, как основе исследования в области политической экономики, и особенно указывал на относительность всех государственных учреждений.

«Ce n'est pas sur des calculs arides, — говорит он, — qu'elle (la science d'écon. pol.) est fondée, ce n'est pas non plus sur un enchaînement mathématique de théorèmes déduits, d'axiomes obscures, donnés pour des vérités incontestables... L'économie politique est fondée sur l'étude de l'homme et des hommes; il faut connaître la nature humaine, l'état et le sort des sociétés en différents temps et en différents lieux, il faut consulter les historiens et les voyageurs etc. Une pareille étude... c'est la philosophie de l'histoire et des voyages»⁸⁷.

И в другом месте:

«On est tombé dans de graves erreurs, pour avoir toujours voulu généraliser tout ce qui rapporte aux sciences sociales... Il faut s'attacher tantôt à un temps, tantôt à un pays, tantôt à une profession, pour voir bien ce qu'est l'homme et comment les institutions agissent sur lui. Ceux au contraire qui l'ont voulu voir isolé du monde, ou plutôt qui ont considéré abstraitement les modifications de son existence, sont toujours arrivés à des conclusions démenties par l'expérience»⁸⁸.

Мы не будем приводить длинного ряда немецких писателей, которые, очевидно по приведенным мотивам, уже в первые три десятилетия нашего века, следовательно задолго до основания «исторической школы экономистов в Германии», указывали на значение истории для политической экономики (на важность истории как средства для познания настоящего и как эмпирического основания для социального исследования!) и на относительность народно-хозяйственных институтов и законов⁸⁹. Но

⁸⁷ S i s m o n d i. De la Richesse commerciale. Genève, 1803, I. P. XIV ff.; S t o r c h. Cours d'E. P. ed. Paris, 1823, I. P. 36.

⁸⁸ S i s m o n d i. Etudes sur l'E. Pol., 1837. I. P. IV.

⁸⁹ Cp. особ. K. H. R a u: Lehrbuch der politischen Oekonomie. I, § 18; G. F. K r a u s e: Versuch eines Systems der National- und Staatsökonomie mit vorzüglicher Berücksichtigung Deutschlands, aus dem Gang der Völkercultur etc. entwickelt. Leipzig, 1830. II. S. VI; E. B a u m s t a r k: Kameralistische Encyclopädie.

уже из приведенных мест, которые очень нетрудно умножить и дополнить, более чем с достаточной ясностью вытекает, что рассматриваемые здесь основные положения никогда не были совершенно чужды ни социальным наукам вообще, ни политической экономии в частности — с самого появления ее в качестве самостоятельной науки. Нет ни одной эпохи развития нашей науки, в которую руководящие положения исторической школы немецких экономистов не были бы высказываемы в выдающихся трудах, и теперь еще известных и доступных всякому образованному. Таким образом, открытия указанных истин в середине XIX столетия и даже основания особой школы для пропагандирования их — вовсе не требовалось.

ГЛАВА 2. Историческая школа немецких экономистов не поняла основных реформаторских идей исторической школы юристов и лишь по недоразумению считает себя исторической в смысле последней (школы)

1.

Адаму Смиту и тем из его учеников, которые наиболее успешно разрабатывали политическую экономию, на самом деле может быть поставлено в упрек не отрицание очевидного значения изучения истории для политики и столь же очевидного положения, что различным местным и временным условиям народного хозяйства соответствуют и различные хозяйственные институты и нормы, но — отсутствие представления об общественных учреждениях, возникающих несознательным путем, и о значении последних для народного хозяйства; им можно поставить в

Heidelberg, 1835. S. IV ff. (в которой автор весьма решительно восстает против извлечения народно-хозяйственных положений из дефиниций, вместо истории и жизни, и особенно указывает на необходимость ставить все учение о хозяйстве в его исторической связи на исторические основания, а не на простую догматику, и развивать это учение, как результат исследований в истории обмена, культуры, государства и человечества вообще); J. Schön: Die Staatswissenschaft, geschichtsphilosophisch begründet, 1. ed. Breslau, 1831, 2. ed. 1840. («Мое сочинение, — говорит автор, — стремится осветить политику, как философию политической истории, и вместо отдельных правил развивать исторически-мировые законы общества». С. VII).

упрек обнаруживающееся в их трудах воззрение, будто народно-хозяйственные институты суть исключительно преднамеренные продукты воли общества как такового, последствия прямого соглашения членов общества или положительного законодательства. В этом односторонне прагматическом воззрении на сущность общественных институтов соприкасается умственный кругозор Смита и его ближайших учеников с идеями писателей французской эпохи Просвещения вообще и французских физиократов в особенности. И А. Смит со своей школой стремится преимущественно к п р а г м а т и ч е с к о м у пониманию народного хозяйства даже там, где оно не применимо к объективному положению вещей, так что обширная область социальных явлений, возникающих несознательным путем, остается закрытой для их теоретического понимания.

Указанные односторонности и недостатки в понимании хозяйственно-политических проблем со стороны А. С м и т а и его учеников представляли достаточные основания для научной реакции. Однако, эта реакция в области политической экономии серьезно не проявилась. Научные противники Смита опровергали отдельные теории и воззрения его, но не эту принципиальную ошибку, и они не могли воспрепятствовать тому, чтобы прагматизм его учения постепенно не достиг бесспорного господства.

Реакция более принципиального характера возникла против учений Смита не непосредственно из круга экономистов, а путем механического перенесения в народно-хозяйственную политику идей и методов другой родственной области знания — процесс, при котором всякого рода заблуждения должны были играть немаловажную роль.

2.

Прагматизм в воззрениях на сущность и происхождение гражданского общества и его институтов нашел себе выдающихся противников прежде всего в области государственного права.

В и г к е, проникнутый духом английской юриспруденции, первый⁹⁰ вполне убежденно указывал на особенное значение органических явлений

⁹⁰ Уже Монтескьё высказывает мнение, то общественные и государственные учреждения в их конкретном виде не представляются просто результатами произвольных законоположений, а скорее — последствием естественных и культурных условий и исторического хода развития народов: «*Les êtres particuliers intelligents, — говорит он, — peuvent avoir des lois qu'ils ont faites; mais ils en ont aussi qu'ils n'ont pas faites... Avant qu'il y eût des lois faites, il y avait des rapports de justice possible. Dire qu'il n'y a rien de juste ni d'injuste que ce qu'ordonnent ou défendent les lois positives, c'est dire qu'avant qu'on eût tracé de cercle tous les rayons n'étaient pas égaux*»

социальной жизни и отчасти на несознательное происхождение последних. Он настойчиво проводил ту мысль, что многочисленные институты его отечества, в высшей степени общепользные, наполняющие гордостью душу всякого британца, представляют собой не продукт положительного законодательства или сознательной воли общества, направленной на установление их, а суть несознательные результаты исторического развития. Он первый учил, что следует дорожить существующим и испытанным, исторически сложившимся — в противоположность проектам незрелой страсти к новшествам, и этим он пробил первую брешь в одностороннем рационализме и прагматизме англо-французской эпохи просвещения⁹¹.

(De l'esprit des lois., 1748. Liv. I. Chap. 1). «J'ai d'abord examiné les hommes, et j'ai cru que, dans cette infinie diversité de lois et de mœurs, ils n'étaient pas uniquement conduits par leurs fantaisies. J'ai posé les principes, et j'ai vu les cas particuliers s'y plier comme d'eux-mêmes, les histories de toutes les nations n'en être que les suites et chaque loi particulière liée avec une autre loi ou dépendre d'une autre plus générale» (Ibid. Pref.).

⁹¹ Burke следующим образом характеризует органическое, несознательное возникновение английского конституционного права: *«From magna charta to the declaration of right, it has been the uniform policy of our constitution to claim and assert our liberties as an entailed inheritance derived to us from our forefathers, and to be transmitted to our posterity... This policy appears to me to be the result of profound reflection, or rather the happy effect of following nature, which is wisdom without reflection and above it» (Reflections on the Revol. in France. Works, London, 1792, III, 58 ff.).* Односторонний рационализм он опровергает следующими словами: *«I cannot stand forward and give praise or blame to anything which relates to human actions and human concerns, on a simple view of the object, as it stands stripped of every relation, in all the nakedness and solitude of metaphysical abstraction. Circumstances (which with some gentlemen pass for nothing) give in reality to every political principle its distinguishing colour and discriminating effect. The circumstances are what render every political scheme beneficial or noxious to mankind» (Ibid. III. P. 28).* И в другом месте: *«Old establishments are tried by their effects. If the people are happy, united, wealthy and powerful, we presume the rest. We conclude that to be good, from whence good is derived. In old establishments various correctives have been found for their aberrations from theory. Indeed they are the results of various necessities and expediences. They are not often constructed after any theory; theories are rather drawn from them. In them we often see the end best obtained, where the means seem not perfectly reconcileable to what we may fancy was the original scheme. The means taught by experience may be better suited to political ends, than those contrived in the original project. They again react upon the primitive constitution and sometimes improve the design itself from which they seem to have departed» (Reflect. on the Revol. in France. Works III, 227 ff.).* В том же смысле пишет Necker: *«On a considéré les principes comme une spiritualité qui trouvait place*

3.

Идеи Burke послужили в Германии сначала в юриспруденции поводом к опровержению прагматизма, который господствовал, как в разработке положительного права, так и в философии последнего. Уже Hugo положил начало реакции против указанного направления своими студиями в области истории права; Savigny и Niebuhr с полным пониманием задачи выступили во главе нового движения. Они смотрели на право, как на одну особенную сторону жизни народа как целого, неразрывно связанную со всеми остальными сторонами и проявлениями ее (жизни); для них право, по крайней мере в своем первоначальном виде, подобно языку, не есть продукт направленной к созданию права сознательной деятельности публичной власти вообще и положительного законодательства в частности; оно есть несознательный результат высшей мудрости, исторического развития народов; они даже отказывают простому абстрактному уму в самой способности, а в частности по отношению к своему времени — в призвании к широкому созиданию права. И постепенное развитие права происходит, подобно развитию языка⁹², не путем пред-

partout, et l'on n'a pas fait attention, que les conséquences de ces principes tenaient un espace réel. Les abstractions, sans doute, ont une application universelle, c'est un large compas qui s'ouvre à volonté et qui réunit figurativement les divers points de l'étendue, mais tout se touche en pratique, tout se meut terre à terre, et c'est alors qu'on fait l'épreuve des obstacles franchis en spéculation et des nombreuses difficultés dédaignées par la théorie» (Du pouvoir exécutif dans les grands états, 1792. S. I. II. P. 72). — Воззрение Le Maître'a, который относит существующие или скорее дореволюционные правительства к божественным установлениям, и понимание Haller'a политических властей с точки зрения благоприобретенных частных прав — равным образом имеют антиреволюционную цель, но они покоятся на столь ложных предположениях, что вряд ли они могут быть поставлены рядом с суждениями Burke, хотя и односторонними, однако фактически обоснованными.

⁹² Путь к подобным стремлениям в области филологии проложили в Германии работы W. v. Humboldt'a. Он объяснял образование языка непосредственным побуждением к воспроизведению, интеллектуальным инстинктом человеческого духа к слову, и видел в построении языка законосообразность, аналогичную таковой в органической природе. Savigny (Vom Berufe unserer Zeit, 1814. S. 9) и его ученики часто ссылаются на аналогию между возникновением права и образованием языка. Нечто подобное встречаем мы позже и у экономистов исторической школы, именно у Hildebrand'a (Ср. особ. Humboldt: Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechtes. Berlin,

намеренной воли, а «органически», в силу внутренней исторической необходимости; и хотя в течение развития культуры законодательство и оказывалось иногда благотворным, однако и в этом случае следует смотреть на законодателя, лишь как на представителя народа, как на выразителя истинного народного ума, как на продолжателя права⁹³.

В этих воззрениях, аналогичных взгляду В u r k e в области государственного права, в опровержении прагматизма и рационализма в области юриспруденции, но не в принципе относительности права⁹⁴, не в давно

1836; Schasler's: Elemente der philos. Sprachwissenschaft W. v. Humboldt's. Berlin, 1847, und Steinthal's: Der Ursprung der Sprache im Zusammenhange mit den letzten Fragen alles Wissens. Berlin, 1852).

⁹³ Ср. Savigny: Ueber den Beruf unserer Zeit zur Gesetzgebung. Heid., 1814. S. 8—15; его же, Programmaufsatz in der Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft. Band I, 1815. S. 1—17 und Band III. S. 1—52; его же, System I, 13—21, 34—57; Eichorn: Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte, 1808. Vorrede S. 1 ff. — Из б. старых писателей ср. особ. H u g o: Encyclopdie, 4. Ausg., § 21, 22 und Naturrecht, 1 Ausg., 1798, § 130 и в Civilistischen Magazin, 1813. Bd. IV. S. 117—136, O. J. Moser'e, наряду с H u g o, Савиньи говорит в своем «Beruf» с особенным уважением. «Высокую честь следует приписать памяти М о з е р а, который с глубоким пониманием всюду стремился указывать на историю, часто и в отношении к гражданскому праву». — Не без влияния на развитие исторической школы юристов прошло и учение Шеллинга об органической природе государственной жизни, и его теория о том, что первоначальное образование во всех областях культуры происходит бессознательно, что вообще все сознательное имеет свое основание в бессознательном действии человеческого и народного духа. — Уже П л а т о н говорит, впрочем, в одном месте (Leges IV, 4), до сих пор, сколько мне известно, не обратившем на себя внимания: ни один человек не в состоянии создать (произвольно) какой-либо закон, все законные установления вызываются, напротив, разнообразными случайными обстоятельствами... Никто из смертных не делает закона; все человеческие постановления суть, напротив, результаты известных условий. Разумеется, надо прибавить, что к этому присоединяется и человеческое искусство (ср. и вышеприведенное место из М о н т е с к и е).

⁹⁴ Как мало согласуется указанное умозрение исторической школы немецких экономистов с воззрениями Бурке-Савиньи, можно видеть уже из того, что представители этого последнего направления считают ошибочной мысль, будто государственный институт может быть хорош уже только потому, что он приспособлен к природе страны и народа, для которого он установлен (ср. G e n t z, Politische Abhandlungen zu Burke's Betrachtungen über die französische Revolution. Hohenzollern, 1794, II. S. 244). — Еще яснее выступает это разно-

указанном французскими юристами значении исторических студий для понимания права, — заключается суть основанной Савиньи и Нибуром школы юристов⁹⁵.

Каким же образом основатели исторической школы немецких экономистов осуществили свое намерение — применить к политической экономии основные идеи указанной школы юристов?

А. Смит и его ученики отнюдь не отрицали значения изучения истории для политической экономии относительности социальных учреж-

жение из борьбы Савиньи против Тибо по вопросу о введении в Германии новых кодексов. Последний настойчиво доказывал, что гражданские учреждения должны быть сообразуемы с потребностями поданных, что они особенно должны соответствовать потребностям времени. (Ueber die Nothwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechtes für Deutschland. Civilistische Abhandlungen, 1814. S. 404 ff.). Савиньи возражал в своей знаменитой книге «Vom Berufe...», ибо Тибо отрицал основное воззрение исторической школы, несознательное, органическое происхождение и развитие права, и полагал, что всякое право образуется из законов, из прямых велений и запрещений законодательной власти.

⁹⁵ «Суть исторической школы юристов заключается в их воззрении на происхождение права. Право есть известная сторона жизни народа, нераздельно связанная с другими сторонами его, как, например, язык, обычай, искусство. Подобно им и право возникает само собою, не по выбору и соображению, но из внутреннего смысла и влечения, из сознания необходимости... Поэтому основные положения исторической школы суть следующее: связь права с народом и народным сознанием, самобытное и несознательное возникновение его, требование преемственности в его развитии». (Stahl, Geschichte der Rechtsphilosophie. 3 Aufl., 1856. S. 572 ff.). — Со времени основания исторической школы вновь выступил взгляд, что «право не есть нечто, даваемое свыше», «но вытекающее из духа нации, как форма его». В нем нет ничего произвольного, что могло бы быть сегодня так, а завтра иначе, но прошлое тесно связано и сращено в нем с настоящим и будущим; оно не есть нечто случайное, но внутренне определенное. Это воззрение на природу положительного права всего более характеризует историческую школу. Лишь с этой точки зрения можно обсуждать ее заслуги и те реформы, которые испытала благодаря ей юриспруденция. (Bluntschli: Die neueren Rechtsschulen der deutschen Juristen. 2 Aufl., 1862. S. 18). Kuntze видит основную мысль исторической школы права в том, что «право не изобретено, а рождено, что оно — не сознательно-произвольное произведение из конечно-ограниченного ума, а подчинено законам возникновения и роста всего органического». (Der Wendepunkt in der Rechtswissenschaft, 1856. S. 53).

дений, необходимости разнообразия их (соответственно различию временных и местных условий); им, как выше было сказано, может быть с полным основанием поставлен в упрек лишь их прагматизм, состоявшийся, главным образом, в понимании лишь положительных произведений публичной власти, в недостаточной оценке значения «органических» социальных явлений для общества вообще и для народного хозяйства в особенности, следствием чего явилось совершенное отсутствие у них мысли о с о х р а н е н и и их. Односторонний рационалистический либерализм, нередко слишком поспешное стремление к изменению существующего не всегда вполне постигнутого, столь же поспешный порыв к новшествам в области государственных установлений, весьма часто без достаточного знания дела и опыта — вот что характеризует доктрины Смита и его учеников.

Органически образовавшиеся институты народного хозяйства заботились, по большей части весьма мудро, о живущих, уже существующих, о близком, о настоящем; прагматизм в народном хозяйстве помышлял о благополучии абстрактного человека, отдаленного еще не существующего будущего и в этом стремлении своим весьма часто упускал из виду живые, достойные интересы настоящего.

Против этих стремлений Смитовской школы открывалась в нашей науке необозримое поле плодотворной деятельности в смысле направления Бурке-Савиньи, но не такого, которое задавалось бы задачей органически происшедшее признавать неприкосновенным, как некую высшую мудрость в человеческих вещах, в противоположность сознательному строю социальных отношений. Цель рассматриваемых здесь стремлений должна была, напротив, заключаться в полном уразумении существующих социальных установлений вообще и возникших органическим путем в частности, в противоборствовании односторонне рационалистической страсти к нововведениям в области народного хозяйства. Следовало воспротивиться ломке органически образовавшегося народного хозяйства поверхностным прагматизмом, прагматизмом, который вопреки намерению его представителей неминуемо ведет к социализму.

Обо всем этом нет и помину в работах той исторической школы экономистов, которая народилась в Германии в середине сороковых годов, этого запоздалого эха «исторических» школ в других областях государственных наук; неправильно указывает она на историческую школу юристов, как на свой прообраз, неправильно называет она себя «исторической» в смысле школы Burke и Savigny. Она не разделяет достоинства последней, хотя и не имеет, конечно, ее односторонностей и недостатков; она имеет свои особые достоинства и свои собственные односторонности,

ошибки и заблуждения. Эта школа, насколько она выразилась в трудах ее представителей, существенно отлична от указанной: она, конечно, — историческая, но совершенно в ином смысле, чем школа Бурке-Савиньи.

ГЛАВА 3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ НЕМЕЦКИХ ЭКОНОМИСТОВ

1.

Историческая школа немецких экономистов берет свое начало не от Burke и Savigny, не от Niebuhr'a и W. v. Humboldt'a, а коренится в сущности, главным образом, в стремлениях тех немецких историков, которые в конце прошлого и в первые четыре десятилетия настоящего столетия в некоторых германских университетах, именно в Геттингене и Тюбингене, вследствие тогдашних университетских порядков, читали историю и наряду с нею политику, и потому имели близкий повод применять свои исторические познания к науке политики и, наоборот, познания в последней — к историческим студиям.

Стремление связать изучение политики с изучением истории привело достойнейших историографов, о которых идет здесь речь, сначала к тому, что они стали освещать выставляемые ими политические правила примерами из истории, подкреплять их указанием на успехи и неудачи политических мероприятий, а с течением времени привело и к попытке вообще поставить политику на исторические основания, излагать их, как результат мыслящего рассмотрения, как «философию» истории. Легко можно было бы далеко в глубь проследить указанные стремления. Для нашей цели достаточно, однако, указать на Spittler'a, H. Luden'a, Pölitz'a, H. B. v. Weber'a и Wächter'a, а из позднейших — на Dahlmann'a, Gervinus'a и W. Roscher'a, чтобы показать, что в Германии первоначально возникла «историческая школа» политиков и одновременно «политическая школа» историков⁹⁶, из

⁹⁶ Большая часть вышеприведенных писателей одинаково заботились как о подкреплении исторического исследования студиями по политике, так и обратно — о подкреплении исследования в области политики студиями по истории; они пытались установить, если можно так выразиться, не только историческую точку зрения в политике, но и «политическую» точку зрения в истории.

которой постепенно образовалась историческая школа народно-хозяйственных политиков и — так как народно-хозяйственная политика весьма часто смешивалась представителями указанного направления с политической экономией — наконец и историческая школа политической экономии.

Общий характер указанной школы «политиков» и близкие отношения их умовоззрения к идеям наших исторических экономистов выясняется лучше всего из последующего краткого догматико-исторического изложения. H. L u d e n характеризует задачу политики в следующих словах: «Я желал написать книгу, которая дала бы нам представление о вещах, вполне согласное с жизнью и вечными учениями истории... Я стремился, насколько возможно, все подкреплять примерами из истории, чтобы сделать более осязаемым, что здесь собственно говорит сама история»⁹⁷. P ö l i t z указывает на необходимость исторических студий для политика следующим, характерным для его точки зрения, образом: «Если государственное искусство, которое относится к действительной жизни народов и государств, будет выводиться единственно из чистого разума, не внимая голосу истории, то оно станет сухим скелетом отвлеченных понятий, без соответствия с требованиями государства, как организма исполненной жизни, без использования великих истин, обнаруживающихся из истории многих тысячелетий»⁹⁸. H. B. v. W e b e r отвергает чисто спекулятивное направление политики, как науки⁹⁹: исторический опыт дает правила мудрости, по которым можно и должно постоянно применять наиболее действительные сред-

«Нужно, — говорит, например, L u d e n, — вполне выяснить те принципы, которым должны следовать правители при сохранении, расширении и управлении государствами... чтобы быть в состоянии понимать великие события жизни, судьбы народов и государств (короче — историю!)» (Politik. Jena, 1811. S. IV). С другой стороны, он смотрит на историю, как на основание политики (Ibid. S. VII). Подобным же образом по отношению к нашей науке высказывается Th. Rogers (A Manual of Pol. Econ., 1869. S. V): «...Just as the historian, who is ignorant of the interpretations of political economy, is constantly mazed in a medley of unconnected and unintelligible facts, so the economist, who disdains the inductions of history, is sure to utter fallacies».

⁹⁷ H. L u d e n. Handbuch der Staatsweisheit oder der Politik. 1811. S. VII ff.

⁹⁸ P ö l i t z. Die Staatswissenschaft im Lichte unserer Zeit. 1823. I. S. 8 ff.

⁹⁹ H. B. v. W e b e r. Grundzüge der Politik oder philosophischgeschichtliche Entwicklung der HauptGrundsätze der innern und äussern Staatskunst. 1827. S. IX. (В «Politik» Вебера заключаются некоторые указания на воззрения исторической школы юристов. Ср. особ. S. V).

ства для целей внутренней и внешней государственной жизни¹⁰⁰. Наконец, Wächter превозносит в своем введении к «Vorlesungen Ueber Politik» Spittler'a соображение «индивидуального». Политические максимы Спиттлера — не абсолютные правила, которые следует проводить всегда и при всех обстоятельствах; они модифицировались соответственно местным, временным условиям, географическим протяжениям страны, государственному устройству, характеру и образу жизни народов... Далее Spittler требует всегда постепенного движения реформ и переходных ступеней¹⁰¹.

Из приведенных цитат выступает с полной ясностью первоначальная тенденция обсуждаемого здесь направления исследования в области политики. Отличительная черта этой тенденции состоит в том, что она, в противоположность односторонне спекулятивным направлениям исследователей государственных наук, которые примыкают к некоторым новейшим немецким философским школам, признает опыт и в особенности историю существенным и даже важнейшим основанием исследования в области политики, пытается воспользоваться опытом истории для политики, даже прямо строить политику на учениях истории. Это — старейшая реакция эмпиризма вообще и исторического эмпиризма в частности против априорного мышления в государственных материях; она-то и придает стремлениям названных авторов своеобразный характер.

Основная мысль исторических школ государственного права и юриспруденции, стремления, характеризующие направление Burke-Savigny, составляют суть и их стремлений; однако, «учение об органическом, несознательном происхождении целого ряда человеческих явлений» со всеми отсюда последствиями для законодательства и управления — для указанных политиков является отчасти предметом второстепенным, отчасти же вполне чуждым. Их умственный кругозор едва ли соприкасается с воззрениями исторических школ государственного права и юриспруденции. Они противники абстрактного мышления (как и исторической философии!), но по большей части не противники литературы эпохи просвещения XVII и XVIII вв. и либерализма в политике; противники априорной конструкции в государственных науках и в истории, но не противники одностороннего прагматизма в понимании общественных явлений. Напротив, большая часть рассматриваемых здесь авторов принадлежит даже к либеральному (хотя и не к абстрактно-либеральному) направлению, руководящие идеи которого они стараются по мере

¹⁰⁰ Ibid. S. 42.

¹⁰¹ F. v. Spittler. Vorlesungen über Politik. — Изд. K. Wächter. 1828. S. XIX.

сил обосновать посредством истории¹⁰². Эти, в сущности по большей части либеральные, господа стремились к известному методу исследования, к приложению своих прекрасных и солидных познаний в политической истории к науке политики, и обратно — этой последней к первой, но они не думали о консерватизме в смысле великих основателей исторических школ государственного права и юриспруденции¹⁰³.

¹⁰² Представителями особенного направления в государственных науках, в некотором отношении аналогичного исторической школе государственного права и юриспруденции, являются: Justus Möser, D.G.Strube, Fr.K. v. Moser, Fr. Chr. J.Fischer, G.Sartorius, J.J. v. Görres, Fr.Gentz, A.Müller, K.L. v. Haller и др.

¹⁰³ Параллельно с вышеотмеченными стремлениями — обосновывать науку политики не на абстрактном мышлении, а на опыте и истории — проходят подобные же стремления и в области политической экономики.

Уже L. H. v. Jacob, хотя и был приверженцем кантовской философии, считал историю источником фактов, «на которых должны строиться почти все государственные науки. Большая часть основных положений этих последних должны быть добыты из опыта, при посредстве истории. Исторические студии должны, поэтому, идти рука об руку с изучением государственных наук» (Einleitung in das Studium der Staatswissenschaften. Halle, 1819. S. 31). — G. Fr. Krause желает «развивать науку национальной экономики из движения культуры и индустрии». «Versuch eines Systems der National- und Staatsökonomie, mit vorzüglicher Berücksichtigung Deutschlands aus dem Gang der Völkercultur und aus dem praktischen Leben populär entwickelt». — Fr. List, будучи по большей части воззрений противоположных названным писателям, признает однако, что «прочная система (народного хозяйства) должна иметь непременно прочное историческое основание (Das nationale System, I. 1841. S. XXXI; ср. также ibid. S. XXXIX и 170 сл.). — И Rau в особенности настаивает на значении для политической экономики изучения истории и статистики (ср. особ. его Pol. Oek. I, 1826. S. 13).

Еще явственнее выступает указанная тенденция у Baumstark'a, Joh. Schön'a и Fr. Schmitthenner'a. Первый пишет (Kameralistische Encyclopädie, 1835. S. VIII): «Особенно нуждается политическая часть нашей науки в историческом основании, ибо без последнего она впадет в самые опасные заблуждения. Я не хочу этим сказать, что ко всякой доктрине финансовой науки следует присоединять тощее историческое введение с многочисленными сухими статистическими датами; все учение о государственном хозяйстве в его связи должно быть поставлено на исторические основания вместо догматики и должно быть развиваемо, как

С другой стороны, они чужды односторонностей, отмеченных нами в протесте Burke-Savigny против рационализма и прагматизма французской эпохи Просвещения. Будучи действительно по большей части одновременно и политиками и историками, они нигде не смешивают политики с историей, нигде они прямо не охраняют существующее, сложившееся исторически как таковое — от реформаторских стремлений их современников, как это делал Burke; нигде не выставляют они мудрость социальных явлений, возникших органическим путем, безусловно и без достаточного доказательства, — выше человеческой мудрости, т.е. выше мнений настоящего, как это делал Savigny¹⁰⁴. При всем сознании значе-

результат исследований в истории обмена, культуры государств и человечества вообще». — Schön (Die Staatswissenschaft, geschichtl.-philosophisch begründet. 2 Aufl. Br., 1840. S. VII) выставляет следующую задачу своего сочинения: «...осветить политику, как философию политической истории и вместо отдельных правил, вывести всемирно-исторические законы общества». Речь идет здесь об историко-философском обосновании государственных наук, которое теперь (1839!) популярнее, нежели было во время первого издания его сочинения (1831!).

Но всего отчетливее выступает рассматриваемая здесь тенденция у Fr. Schmitt-henner'a. Этот (Zwölf Bücher v. Staate, III. B., 1845. S. 15 ff.), выступая непосредственно против недостатков чисто спекулятивной философии в области государственных наук в Германии, пишет: «Мировоззрение, рассматривающее государство как органическую систему, не может согласиться с возможностью познать сущность государства чисто логическим путем, т.е. из отношения понятий, или из спекулятивного развития понятий; полное значение логического элемента может быть признано лишь тогда, когда ему предпосылается историческое изучение»... «При историко-органическом методе речь идет о раскрытии закона органического развития человечества».

¹⁰⁴ Что и в области юриспруденции в известном отношении одностороннее историческое направление школы Савиньи-Эйхгорна встречает уже не разрозненную оппозицию и что именно теоретическая сторона в новейшее время опять все резче отмечается — это явствует из сочинений Beseler'a, Leist'a, Bluntschli, Kierulff'a, Rein'a, Schmidt'a, Ihering'a, Brinz'a, Ahrens'a, Kuntze, Lenz'a и др. — Сам Savigny на склоне своей жизни в предисловии к изданному в 1840 г. сочинению «System des heutigen Römischen Rechtes» признал историческое направление исследования в области юриспруденции исполненным, и указал, что наука снова должна теперь вступить на покинутые пути: «Всякий успех в нашей науке, — пишет он, — основывается на взаимодействии разнообразных деятельностей ума. С целью

ния исторических студий для политики, большинство из них не впадает и в другую ошибку, столь естественную «историческим политикам», — в односторонний эмпиризм или даже односторонний историзм. «Государственное искусство (политика), — говорит Röllitz¹⁰⁵, — есть наука смешанная (т.е. образовавшаяся в равной мере из философских положений и исторических фактов). Если сводить политику лишь к правилам, почерпнутым из опыта и истории, то она будет лишена не только того прочного основания, которое покоится на началах чистого разума, но она не будет чужда и внутренним противоречиям, ибо нередко из истории можно вывести доводы в пользу прямо противоположных друг другу политических взглядов и мнений». Мы уже выше указали, что Röllitz столь же чужд был мнению, будто политика должна быть выводима только из разума¹⁰⁶. Подобным же образом высказывается Weber¹⁰⁷. «Политика, — говорит он, — не есть ни чисто философская, ни чисто историческая государственная наука, но смешанная, так как она формируется в равной мере из философских положений и из исторических фактов»¹⁰⁸. Мож-

обозначить одну из них и вытекающее отсюда научное направление с его особенностями, мною и другими прежде употреблялось выражение исторической школы. Тогда преимущественное внимание было обращено на эту форму науки, но не с тем, чтобы отвергнуть или умалить значение других деятельностей и направлений, но лишь в силу того, что в течение долгого времени указанная деятельность была затерта другими, а потому временно и нуждалась более других в первой роли, чтобы снова занять подобающее ей место». — Выдающиеся представители исторической школы юриспруденции именуют свой метод теперь уже не специфически историческим, а историко-философским. Ср. J. Unger's. System, I. 1876. S. I.

¹⁰⁵ Ibid. С. 7 сл.

¹⁰⁶ См. стр. 198.

¹⁰⁷ Ibid. S. 42.

¹⁰⁸ Так же высказываются и вышеприведенные экономисты (прим. 102). И Н. Рау пишет (Pol. Oek., 1863. I, § 24): «История дает возможность познать влияние изменяющихся обстоятельств на форму народного хозяйства и обратно — влияние хозяйственных условий на явления государственной жизни. Кроме того она представляет... обилие весьма ценных данных о благотворительных или вредных последствиях правительственных мероприятий по хозяйственным делам. Изучение истории, поэтому, тем более ценно, что вообще в государственном управлении редко можно провести известные меры, не подвергая опасности благосостояния государства, и потому следует изучать прецеденты... Историческое рассмотрение хозяйственных дел не устраняет однако всеобщих народно-хозяйственных законов, но прослеживает их действие при самых различных условиях».

но кое-что возразить против такого воззрения, именно против признавания политики наукой «отчасти философской», можно не соглашаться и с указанным мнением о несостоятельности простого эмпиризма, или простого историзма в политике, — однако одностороннего историзма во всяком случае не имеется в суждениях названных авторов.

2.

Шаг к этой односторонности — в сущности шаг назад ко времени задолго до идей J. Bodin'a! — был сделан только в 30-х годах нашего столетия одним выдающимся геттингенским историком, который, хотя всю жизнь носился с мыслью о начертании политики, но никогда не приступал к ее осуществлению, а потому и не имел того очищающего влияния, какое обыкновенно оказывает проведение односторонних научных положений на эти последние. Мы говорим о Gervinus'e, писателе, который имел сильное влияние на молодые умы Геттингенской исторической школы ученых и, благодаря странному стечению обстоятельств, — такое же влияние на понимание методологических проблем немецкими экономистами.

Dahlmann в своей «политике», появившейся в 1835 г., убедительнее и с несравненно большей проницательностью, нежели его предшественники, указывает на органическое понимание происхождения и строя общественных установлений и на неудовлетворительность односторонне прагматической точки зрения в объяснении их. Воззрения исторической школы юристов коснулись его далеко не внешним образом. И он не упускает случая указывать на значение опыта вообще и изучения истории в особенности для науки политики; с другой стороны, от ошибки одностороннего историзма его предохранял уже самый взгляд его на сущность политики, как науки п р а к т и ч е с к о й, направленной на устройство жизни¹⁰⁹.

Он ставит политике «важную задачу — взором, изошренным на сравнении разных эпох, отличать необходимые новые образования от новшеств, которые ненасытны, измышляет ли их глупость, или недовольство».

В критике этого сочинения, впервые напечатанной в 1836 г., Gervinus развивает следующие мысли по поводу намеченной им, но не осуществленной «чистой науки о государстве». «Он (автор) для этого труда использовал бы область истории во всем ее объеме; он попытался бы из огромной суммы опытов, из непостоянного, скоропреходящего, повторяющегося, особенного — вывести законосообразное и общее, по за-

¹⁰⁹ Politik, 1835. S. 236 (ср. также S. 83 ff.).

конченным народным историям — разгадать неоконченную историю человечества, выяснить по целому — части, по частям — целое, по государствам — государство... Он постарался бы включить в свою картину все то, что является в развитии народов и государств, как необходимое и естественное. Его учение о государстве было бы равнозначуще с историей государства, его история государства — с философией истории, и она стала бы для философии человечества, или, что то же, человека — необходимейшим краеугольным камнем, так как чисто научная политика должна бы быть ничем иным, как философией политической части истории, подобно тому, как эстетика — философией истории поэтического творчества... При таком понимании, политика соответствовала бы физикологии, или части ее, которая в новейшее время именуется историей жизни»... Gervinus думает, однако, что ему пришлось бы отступить от этих великих планов, так как исторического материала «еще далеко недостаточно, чтобы можно было даже думать о такой работе, и детские попытки, которые кое-когда делались, просто пугались таких предприятий. Наука (политики), которая должна покоиться всецело на эмпиризме, может быть хорошо построена только на выводах из опытов... Сочинения Платона и Аристотеля бесспорно представляют первые основы для такого философского учения о государстве»¹¹⁰.

Указанный, в своем роде безусловно величественный, план превосходного геттинггенского ученого, открывающий просто необозримое поле деятельности для трудолюбия ученого мира, попал в Германии не на бесплодную почву. Исполнение этого плана не требовало ни непосредственного наблюдения государственной жизни, целей и средств правительственной деятельности, ни той огромной суммы опытов и знаний, которые обыкновенно даются лишь непосредственным изучением правительственной деятельности и участием в государственных делах, ни, наконец, того столь трудного суждения в государственных делах, которое, при избрании тех или иных целей политической деятельности и средств для их достижения, слагается на основании непосредственного оригинального наблюдения государственной жизни. Указанная программа требовала только тщательного, широкого изучения исторических сочинений и исторических источников и ума, способного выделять общее из частного¹¹¹ условия, которые тем легче совмещались в среде немецких ученых, что даже обработка отдельных деталей указанного направления представляла достойный благодарности труд для разрешения задачи в

¹¹⁰ Gervinus. Historische Schriften. Karlsruhe. B. VII. S. 595 ff. Названная критика появилась впервые в 1836 г. в Litterarischen Untersuchungsblättern.

¹¹¹ Ср. прим. 43.

ее целом, и что ввиду недостаточности предварительных исторических работ даже менее совершенные труды могли рассчитывать на сочувственный и снисходительный прием со стороны товарищей по преследованию этой цели. Задача во всех отношениях представляла много заманчивого; она в высокой степени соответствовала особенностям большей части специалистов в области государственных наук в Германии.

К этому присоединилось еще то обстоятельство, что указанный план работы шел навстречу влечению ученого мира и читающей публики к положительному знанию, влечению, пробудившемуся в качестве противовеса преобладанию отвлеченного мышления новейших немецких философских школ; ученый мир и публика, пресыщенные чрезмерным господством философского отвлеченного мышления, просто жаждали опыта и истории, и научные системы, казалось, ценились тем выше, чем больше они превосходили друг друга в требовании эмпиризма и особенно исторического эмпиризма.

Gervinus своей программой не сблизил прежнего исторического направления политики с направлением исторических школ юриспруденции и государственного права; напротив, он еще более удалился от кругозора последних. Однако, его «программа реформы политики» была во всяком случае исторической настолько, насколько вообще допускала это природа рассматриваемой здесь науки.

Перед нами теперь исходный пункт той школы немецких экономистов, которая в настоящее время именуется «исторической».

3.

Wilhelm Roscher, «*Studiosus historicarum politicarumque literarum*» в Геттингене, достигший впоследствии столь высокого значения в рассматриваемой нами школе немецких экономистов, на 21-м году своей жизни в диссертации о некоторых учениях софистов¹¹² воспользовался случаем высказать свои воззрения на отношение политики (но отнюдь не политической экономии!) к истории. В этом небольшом труде Roscher стоит еще вполне на точке зрения тогдашней Геттингенской исторической школы и, кажется, специфический историзм, вновь возрожденный Gervinus'ом в его воззрении на политику, не остался без видного влияния на Roscher'a. Для него история — единственное эмпирическое основание политики, эта последняя — лишь результат универсального изучения истории, сравнения различных развитий народов; лучшая политика та, которая вытекает из рассмотрения цветущих эпох

¹¹² De historiae doctrinae apud Sophistas majores vestigiis. Götting., 1838.

народной истории. Кто обладает универсальным знанием истории, тем самым обладает и полной, объективной истиной в политике, истинной, которая, как, по-видимому, еще полагал тогда Roscher, соответствует не только определенным историческим эпохам, но и человеку вообще¹¹³ (in abstracto).

Даже четыре года спустя Рошер еще говорит: «Я понимаю политику, как учение о законах развития государства; государственное хозяйство и статистику (?), как особенно важные и потому особенно детально разработанные ветви и стороны политики (?). Эти законы развития я думаю найти путем сравнения известных мне народных историй... Моя государственная наука основывается вполне на универсально-исторических предварительных студиях»¹¹⁴.

Впервые в своем «Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirthschaft nach geschichtlicher Methode», появившемся в 1843 г., Roscher заявляет¹¹⁵ себя сторонником «исторического метода», посредством которого он желает достигнуть «для государственного хозяйства нечто подобного тому, к чему привел метод Savigny-Eichhorn'a в юриспруденции»¹¹⁶. Сущность этого метода характеризует он тем, что будет стремиться «соединять однородное в различных развитиях народов, в качестве закона развития»¹¹⁷, «из массы явлений извлекать существенное, законосообразное, для каковой цели должны быть сравниваемы между собой в хозяйственном отношении все народы»¹¹⁸.

Этим начинается ряд заблуждений относительно сущности и метода нашей науки, гибельно отозвавшихся на развитии научной национальной экономики в Германии, заблуждений, не устраненных еще и поныне. Roscher желает достигнуть для государственного хозяйства¹¹⁹ нечто подобного тому, что дал юриспруденции метод Savigny-Eichhorn'a; однако то, что Roscher считает сущностью своего метода, имеет едва ли и отдаленное сходство с направлением Savigny-Eichhorn'a. Ни Savigny, ни Eichhorn не считают ни главной задачей своего исследования, ни вообще своей задачей — выводить законы развития права из сравнения

¹¹³ Ibid. С. 54 ff.

¹¹⁴ Leben. Werke und Zeitalter des Thukydides. Göttingen, 1842. S. VII ff.

¹¹⁵ Grundriss. S. 1.

¹¹⁶ Ibid. S. V.

¹¹⁷ Ibid. S. 2.

¹¹⁸ Ibid. S. IV.

¹¹⁹ Рошер опять говорит здесь о государственном хозяйстве, а не о народном, и не различает теоретической национальной экономики от практических наук о народном хозяйстве.

этого развития у всех народов, или даже отыскивать этим путем юридическую науку «объективной истинности». Они стремились исторически выяснить конкретные правопорядки, доказать, что последние суть несознательные результаты органических развитий и, как таковые, не должны быть объектом произвольных преобразований и нововведений, что они стоят выше человеческой мудрости. Идея философии права, или философии истории права, например, в смысле Roscher'a, совершенно не входила в круг их научных стремлений, отчасти даже прямо противоречит последним. Roscher желает трактовать политическую экономию в том смысле, как Bodin думал трактовать учение о государстве, а Gervinus политику, но он вовсе не стремится к историческому направлению исследования в области народного хозяйства в духе исторической юриспруденции¹²⁰.

¹²⁰ Если уж сравнивать вышеохарактеризованное направление исследования с каким-нибудь направлением в области юриспруденции, то скорее с сравнительным правоведением, т.е. с направлением, например, Feuerbach'a, Bernhöft'a, издателя «Revue de droit international et de legislation comparée» и др. «Почему, — пишет уже Feuerbach, в предисловии к «Unterholzner's Jurist. Abhandl.». P. XI ff., — анатом имеет свою сравнительную анатомию и почему правовед не имеет еще сравнительной юриспруденции?... Как из сравнения языков вытекает философия языка, действительная наука о языке, так из сравнения законов и правовых обычаев, как наиболее родственных, так и наиболее чуждых народов всех времен и стран, вытекает универсальная юриспруденция, законоведение и т.д. — Fr. Bernhöft («Ueber Zweck & Mittel der vergleichenden Rechtswissenschaft» в Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, 1878. I. S. 3) и еще до него уже I. Unger (System I. ed. 1874. S. 4. Note 62) и другие требовали от философии права, «чтобы она достигала своих результатов путем исследования идей, лежащих в истории человечества» и тем самым получала строго научное основание. Ни одному из упомянутых юристов не пришло, однако, на ум видеть в указанном направлении исследования сущность исторической юриспруденции вообще, или даже метод Savigny. Они не довольствуются ожиданием от научной философии права (так как именно ее они имеют в виду) установления параллелизмов истории права; их цель направлена скорее на то, чтобы путем сравнения различных решений, которые получили практические проблемы юриспруденции в обычном праве и законодательстве различных народов, найти новые основания для понимания и реформирования действующего права. Законы развития права, в смысле рошеровских «законов развития народного хозяйства», самое большее, можно бы признать целью исследования какой-либо второстепенной отрасли сравнительного правоведения. Впрочем, сравни-

Неясное понимание сущности политической экономии и ее частей, отсутствие всякого более строгого различения исторической, теоретической и практической точек зрения исследования в области народного хозяйства¹²¹, смешение отдельных направлений теоретического исследования и философии истории хозяйства в частности — с теоретическим учением о народном хозяйстве и даже с политической экономией вообще, неясное понимание сущности точного направления теоретического исследования и его отношения к эмпирико-реалистическому направлению теоретического исследования, воззрение, будто историко-философское направление есть единственно правильное в политической экономии и аналогично исторической юриспруденции, непонимание истинной сущности исторической точки зрения в нашей науке и в теоретической части ее в особенности, преувеличенное значение, приписываемое так называемому историческому методу, неясное понимание сущности органического взгляда на народное хозяйство и вытекающих отсюда проблем социального исследования — все эти методологические ошибки и односторонности, в значительной мере выступающие уже в юношеских произведениях Roscher'a, повторяются и в более поздних сочинениях его, в которых он все чаще и чаще именует свой метод «историческим, или (!) физиологическим»¹²².

тельная наука в смысле названных юристов имела бы, по нашему мнению, и в области народного хозяйства несравненно большее значение, нежели установление всевозможных «параллелизмов хозяйственной истории».

¹²¹ System, I. § 22 и 26 и др.

¹²² Roscher пытается в некоторых местах своих сочинений (ср. особ. Deutsche Vierteljahrschrift, 1849, I Abth.) различать теоретические и практические задачи политической экономии. Так, на с. 182 он пишет: «Уже раньше я обращал внимание на два существенно различные рода вопросов, возникающих во всяком экономическом и государственном исследовании, а именно вопросы: что есть и что должно быть?» Этим положением, не развитым подробнее, Рошер характеризует, однако, лишь противоположение между «реалистическими» и «практическими» задачами исследования в области народного хозяйства. И историческое исследование в области народного хозяйства занимается именно тем, что есть, а потому указанное противоположение Roscher'a отнюдь не характеризует отношения теоретических наук о народном хозяйстве к практическим. Во всяком случае Roscher говорит в той же статье и о законах и даже о «естественных законах, по которым народы удовлетворяют свои материальные потребности», в частности — о естественных законах, «по которым эти потребности воздействуют на государство и наоборот сами поддаются воздействию последнего»; он даже признает исследование этих законов задачей национальной экономии. Под этими «естественными законами» Roscher

К этому присоединяется еще то обстоятельство, что у Roscher'a, как и у большинства его учеников, изложение политической экономии отнюдь не соответствует указанным научно-теоретическим положениям. Его система политической экономии в действительности, с чем согласится всякий беспристрастный читатель, всего менее философия истории хозяйства в указанном им самим смысле, а главным образом — компиляция теоретических и практических сведений, почерпнутых из «исторических», а по большей части «неисторических» обработок политической экономии, компиляция, исторический элемент которой состоит вообще не в особенном характере теоретических и практических знаний о народном хозяйстве, но в присоединении к ним исторических и статистических данных и в включении исторических и историко-философских экскурсов по отдельным материям народного хозяйства; политическая экономия Roscher'a по своему основанию вовсе не есть наука о народном хозяйстве по «историческому методу».

Здесь, конечно, нам нечего говорить о личных научных достоинствах лейпцигского исследователя, о его выдающихся заслугах в деле усовершенствования исторического понимания целого ряда важных явлений народного хозяйства, о том чрезвычайном влиянии, которое оказывали его студии в области литературы нашей науки на всех более молодых сотоварищей по науке, о всеобщем признании образованного общества Германии его искусства изложения и его тонкого понимания литературной потребности круга его читателей. Здесь мы должны были выяснить методологические заблуждения основателя исторической школы немецких экономистов, ошибки, губительно повлиявшие на развитие нашей науки и особенно теоретической части ее.

4.

Среди представителей исторической школы немецких экономистов имя В. Hildebrand'a занимает выдающееся место. Правда, в первом своем небольшом сочинении отчасти методологического содержания¹²³,

разумет, однако, исключительно параллелизмы хозяйственной истории (ibid. S. 181): «Простой, но конечно весьма широкий способ изучения этих естественных законов состоит в сравнении возможно большего числа и возможно более различных народных развитий; то, в чем все они сходятся, будет правилом, противное — исключением». И здесь у Roscher'a «теоретическая национальная экономия» превращается в «философию истории хозяйства».

¹²³ Xenophontis et Aristotelis de oecon. publ. doctrinae illustrantur. Partic. I. Marburgi, 1845.

вышедшем в 1845 г., он выставляет особенно к о л л е к т и в и з м в разработке народного хозяйства в противоположность «индивидуализму» А. Смита и большинства его учеников¹²⁴. Но уже три года спустя Hildebrand¹²⁵ заявляет желание проложить путь основательному историческому направлению и методу в области национальной экономики и преобразовать эту науку в учение об экономических законах развития народов. Он стремится к такой же реформе изучения хозяйственной стороны народной жизни, какую испытало в этом столетии языкознание. А Смит и его школа пытались построить экономическую теорию, законы которой имели бы абсолютную силу для всех времен и народов (следовательно, безотносительно к различию ступеней развития и народным склонностям), были бы одинаково применимы ко всем государствам и народам, должны были бы стоять вне пространства и времени. В Германии, как и в Англии, законы и правила экономической науки называют «экономическими естественными законами» и им, подобно другим естественным законам, приписывается вековечность. Против этого направления выступает Hildebrand¹²⁶.

Пятнадцать лет спустя Hildebrand пишет: «Наука национальной экономики не имеет дела с естественными законами, подобно физиологии животного организма или другим отраслям естествознания... она должна прогрессировать вместе с изменением экономических фактов, должна обнаруживать усовершенствование человечества в отношении хозяйственной жизни его. Ее задача — исследовать от ступени к ступени экономический ход

¹²⁴ «...quae est inde ab Adami Smithii aetate per Europam divulgata doctrina, ea quidem haud immerito in reprehensionem incurrit propterea, quod solis suis quemque consulere rationibus jubet quodque, cum summam de lucro contendendi licentiam poscat, si ipsam constanter persequantur omnes, omnem tollat honestatem singulorumque in singulos excitet bellum necesse est» (1. c. P. 3). Hildebrand думает, что изучение экономических сочинений древних, проникнутых общественным духом, может способствовать исправлению указанной ошибки смитовской школы. Того же воззрения, направленного против «индивидуализма» в народном хозяйстве, Hildebrand придерживался и в своих более поздних работах (ср. особ. его *Nat.-Oekonomie der Gegenwart und Zukunft*, 1848. S. VI u. 29 ff.) (а до него уже *Schütz*: *Tüb. Zeitschrift für die Staatswis.*, 1844. S. 133 ff.), и таким образом немало содействовал основанию «этического», отчасти также «социально-политического» направления исследования политической экономики в Германии, хотя, конечно, и много позже того, как *Sismonde de Sismondi* предпринимал разрешение тех же самых задач во Франции (ср. Приложение IX: Так называемое этическое направление политической экономики).

¹²⁵ *Die Nat.-Oekonomie der Gegenwart und Zukunft*, 1848. S. V u. 324.

¹²⁶ *Die Nat.-Oekonomie der Gegenwart und Zukunft*. S. 27 ff. u. 34.

развития как отдельных народов, так и всего человечества, и этим путем изучить фундамент и строй современной хозяйственной культуры, а равно и задачу, разрешение которой лежит на обязанности живущего поколения... указать звено, которое работа современного поколения должна включить в цепь общественного развития. Экономическая история культуры в связи с историей общего политического и правового развития народов и статистика — суть единственно верные основания, на которых представляется возможной дальнейшая успешная разработка экономической науки»¹²⁷.

Отношение Hildebrand'a к рассматриваемым здесь научно-теоретическим проблемам и в особенности к методологическому исходному пункту Roscher'a вполне характеризуется указанными цитатами. Он отличает теоретическую национальную экономию от практических наук о народном хозяйстве и трактует почти исключительно о методике первой, однако проблема исторического изучения указанных наук заплывает у него не так, как у Roscher'a. Hildebrand, подобно Рошеру, не видит осуществления исторического метода в ф и з и о л о г и ч е с к о м понимании экономических проблем; он против «естественных законов» народного хозяйства вообще, если можно так выразиться, — как против физиологии, так и против физики народного хозяйства. Он усматривает сущность исторического метода исключительно в коллективном рассмотрении явлений народной жизни и в установлении экономических законов развития народов. Здесь, в этом отчасти недостаточном разграничении истории и теории народного хозяйства и в недостаточном понимании точного направления теоретического исследования — главным образом сходятся его взгляды с некоторыми воззрениями Roscher'a. Относительно сущности законов развития, которые Roscher понимает в смысле параллелизмов хозяйственной истории народов, следовательно, относительно главного пункта, Hildebrand однако нигде не высказывается обстоятельно. Дважды (в 1848 и 1863 гг.) делал он попытки к этому и к разрешению действительных проблем исторической методике, однако обе работы были прерваны на важнейших пунктах и остались лишь в виде фрагментов.

5.

В несравненно большей степени, нежели оба указанные писатели, способствовал разрешению научно-теоретических проблем исторического направления нашей науки Karl Knies. У него нет той неясности относительно понятия политической экономии и природы ее частей, как у Roscher'a, нет того ограничения исторической точки зрения в нашей

¹²⁷ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, 1863. I. S. 3 ff. u. S. 145 ff.

науке теоретическими проблемами последней, как у Hildebrand'a, или практической частью политической экономии, как у некоторых других. Его методологические изыскания не представляют ряда бессвязных или даже друг другу противоречащих замечаний о сущности нашей науки, о путях к ее познанию, о методе ее обработки; напротив, они образуют, хотя не всегда по форме, однако по существу своему, — одно целое, проникнутое последовательными идеями. Он ясно сознает, что одними только постулатами и утверждениями относительно «исторического метода» и высказываемым в самых общих словах требованием науки об «экономических законах развития» — еще ничего не достигается, если этим постулатам исследования не сопутствуют работы, на самом деле исследующие проблемы политической экономии, согласно с выставленными научно-теоретическими положениями.

Однако и K n i e s не достиг полного уяснения сущности и задач исторического направления политической экономии и ее отдельных частей; он усматривает их то в историческом выяснении народно-хозяйственных явлений, то в историческом понимании истории литературы нашей науки, соответственном изменяющимся историческим условиям, то в философии хозяйственной истории, то в относительности результатов экономического исследования. Главный недостаток его методологической точки зрения заключается, однако, в его одностороннем пристрастии к реализму и коллективизму в понимании теоретических проблем политической экономии. Ни один писатель до него не развил столь полно методологические постулаты реалистического направления исследования в области народного хозяйства, но и никто не отвергал в такой мере самостоятельного значения точного направления теоретического исследования в указанной области явлений, сущности точных законов их, даже вообще законов народного хозяйства. Его исходная точка зрения в теоретической национальной экономии приводит в сущности к науке о различных, смотря по времени и месту, «эмпирических законах» (наблюдаемых правильностях в последовательности) народнохозяйственных явлений, а в конце концов — даже прямо к признанию специфически исторического исследования единственно правильным направлением научных стремлений в области народного хозяйства.

K n i e s — ученый, верный своим убеждениям, весьма углубившийся в методологические проблемы «исторической школы»; с беспощадной любовью к истине извлекает он выводы из односторонних посылок этой школы и этим как бы заключает круг воззрений указанной школы на методику политической экономии. Какие новые результаты добыло после него исследование о методологических проблемах исторической науки о народном хозяйстве — нами было уже указано в другом месте; в главнейшем же

все это уже находится у этого автора, или по крайней мере уже было ранее намечено им. Даже обширные исследования I. Kautz'a¹²⁸ об историческом методе нашей науки и соответственные работы Dietzel'я, Held'a, Schmoller'a, H. v. Scheel'я и Schönberg'a не составляют исключения из этого, поскольку речь идет о методике исторической школы политической экономии, уж не говоря о бесчисленных итальянских и отдельных английских и французских адептах указанного направления, которые, не будучи умудрены собственным опытом, ожидают от нового для них направления в области нашей теоретико-практической науки таких же результатов, какие получились в новейшей немецкой юриспруденции и языкознании.

После Knies'a в указанной области исследования оставалось только выяснить методологические ошибки и односторонности «исторической школы» нашей науки и построить теорию научного познания, которая принимала бы в соображение все основательные направления исследования в области народного хозяйства.

¹²⁸ К. Knies и J. Kautz, в противоположность W. Roscher'у, серьезно придерживались «исторического метода» не только в теории, но и в практике исследования; они действительно писали «политическую экономию по историческому методу», сочинения, которые, однако, в сущности совершенно не представляют собой изложения политической экономии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СУЩНОСТЬ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Не только индивидуумы, изолированные от всякого людского сообщества, но и члены известного народа могут представлять явление изолированных хозяйств¹²⁹, если эти члены, — каковы бы ни были их прочие взаимные отношения, — не связываются между собой вещным обменом. При таких условиях, само собой понятно, не может существовать никакого «народного хозяйства» в о б ы ч н о м значении этого слова; во всяком случае, это выражение, если оно вообще уместно здесь, могло бы обозначать лишь с о в о к у п н о с т ь индивидуальных хозяйств, существующих в данном народе — в противоположность единичным, индивидуальным хозяйствам.

Но как только члены известного народа вступают между собой в хозяйственные обороты, понятие «народного хозяйства» получает уже существенно иное значение. Правда, и здесь не может быть речи о народном хозяйстве в с о б с т в е н н о м, строгом смысле слова. Последнее существовало бы лишь в том случае, если бы (как, например, в проектированных некоторыми социалистами устройствах) возможно полное при данном экономическом положении вещей удовлетворение потребностей народа, как целого, действительно было целью, если бы народ в его целостности действительно был бы (непосредственно или через своих должностных лиц) хозяйственным субъектом, и если бы, наконец, существующие вещи действительно служили н а р о д у, как ц е л о м у, для указанной цели, т.е. если бы существовали условия, очевидно отсутствующие

¹²⁹ Понятие х о з я й с т в а некоторые экономисты принимают в слишком широком смысле; одни — всякую деятельность, направленную на удовлетворение человеческих потребностей (телодвижение! рассматривание художественных произведений! и пр.), другие — рядом с производством и распределением еще и п о т р е б л е н и е — признают актами хозяйства. На самом деле следует признавать хозяйством лишь предусмотрительную деятельность людей, направленную на посредственное и непосредственное обеспечение вещественной потребности; акты же собственно потребления сами по себе не входят в понятие хозяйства.

в современном народном хозяйстве. При наших настоящих социальных условиях отнюдь не народ, или его должностные лица, является хозяйствующим субъектом; в действительности хозяйствующим субъектом являются руководители отдельных единичных и общественных хозяйств; цель этих последних в общем не состоит в обеспечении вещественной потребности народа, как целого, а в обеспечении собственной вещественной потребности, или же потребностей определенных других физических или моральных лиц; наконец и существующие хозяйственные средства служат для удовлетворения потребностей не народа, как целого, а лишь определенных физических или моральных лиц. То, что экономисты обозначают выражением «народное хозяйство», народное хозяйство в обыденном смысле слова, не есть друг подле друга стоящие изолированные индивидуальные хозяйства; напротив, эти последние связаны между собой внутренней связью обмена; но столь же мало оно есть народное хозяйство в указанном строгом смысле слова, т.е. одно хозяйство; в действительности оно есть скорее complication, или, если угодно, организм хозяйств (единичных и общественных), но, повторяем, не одно хозяйство. Здесь, употребляя популярное сравнение, имеется такое же соотношение, как в цепи, которая представляет целое, состоящее из звеньев, но не как в механизме, который, состоя из колес и пр., представляет единое целое¹³⁰.

¹³⁰ Большинство современных экономистов весьма строго различают «частное хозяйство» и «народное хозяйство»; следовательно, ошибка их заключается отнюдь не в смешении обоих этих явлений. Ошибка их состоит скорее в том, что «народное хозяйство» они понимают не как complication индивидуальных хозяйств, а как одно большое индивидуальное хозяйство, в котором «народ» является нуждающимся, хозяйствующим и потребляющим субъектом.

В этом заключается очевидная ошибка. То обстоятельство, что многие лица, бывшие до сих пор в хозяйственном отношении изолированными, не отказываясь от преследования своих индивидуальных хозяйственных целей и стремлений, вступают между собой в товарный обмен (т.е. собственно начинают преследовать свои индивидуальные интересы более целесообразным способом), не превращает их прежние изолированные хозяйства в одно общее хозяйство, а равным образом таковое и не приводит к ним извне. Прежние изолированные хозяйства получают вследствие указанного факта лишь организацию, благодаря которой они, хотя и теряют свой изолированный характер, однако не лишаются характера единичных хозяйств. Последнее было бы лишь в том случае, если бы всякий хозяйствующий субъект отказался от своих индивидуальных хозяйственных планов и стремлений, от своего хо-

И споспешествующее влияние, которое оказывают или думают оказывать правительства в большей части стран на хозяйство народонаселения, нисколько не может изменить указанного факта. Споспешествование хозяйственным стремлениям третьих лиц никак еще нельзя считать за самостоятельное хозяйство; то обстоятельство, что какая бы то ни было власть заботится и споспешествует индивидуальным хозяйствам или осложнениям их, отнюдь еще не делает последних одним целостным хозяйством. Споспешествующую деятельность, которую правительства проявляют по отношению к хозяйству граждан, нельзя поэтому рассматривать как самостоятельное хозяйство; эта деятельность не может простую complication индивидуальных хозяйств превратить в народное хозяйство в строгом смысле слова. Кроме того, само собой понятно, что споспешествующее влияние правительств имеет целью не обеспечение потребностей народа, как одного хозяйственного целого, а лишь преуспевание той complication единичных хозяйств, которая равным образом отнюдь не есть народное хозяйство в строгом смысле слова.

Деятельность правительств (финансового управления), направленная на обеспечение их собственных потребностей, без сомнения есть самостоятельное хозяйство; правительство действительно хозяйствует; тем не менее финансовое хозяйство есть лишь часть той complication индивидуальных хозяйств, совокупность которых обыкновенно именуют «народным хозяйством», но само оно отнюдь не есть народное хозяйство.

Резюмируем сказанное: ни то обстоятельство, что единичные хозяйства народа вступают между собой в обмен, ни то, что властители народа развивают деятельность, направленную на споспешествование единичным хозяйствам в их совокупности, ни, наконец, существование особого

хозяйства, если бы возможно полное обеспечение потребностей всех членов общества стало общей целью всех хозяйствующих субъектов. Лишь в таком случае исчезли бы рассматриваемые здесь единичные хозяйства и на их место выступило бы общее хозяйство. Напротив, новое хозяйство и именно общее хозяйство присоединилось бы к прежним единичным хозяйствам в том случае, если бы хозяйствующие субъекты лишь часть своих хозяйственных стремлений организовали сказанным общехозяйственным образом, а в остальном удержали свои единичные хозяйства. Само собой понятно, что из числа рассматриваемых здесь субъектов лишь часть в состоянии образовать обширные общие хозяйства. То, что теперь называют народным хозяйством, есть организация единичных и общих хозяйств самого различного рода, но не народное хозяйство в собственном смысле слова, не одно целостное хозяйство (ср. *Sohn*: «*Gemeinbedürfniss und Gemeinwirthschaft*» в *Tübinger Zeitschr*, 1881. S. 478 ff.).

финансового хозяйства в государстве не могут сделать отдельные хозяйства народа одним цельным хозяйством народа, народным хозяйством в собственном смысле слова; напротив, то явление, которое обыкновенно обозначается указанным выражением, представляется всегда лишь организованной компликацией отдельных хозяйств, множественностью хозяйств, связанной в высшее целое, которое однако не есть одно хозяйство в строгом смысле слова.

Как важно указанное различие для правильного понимания экономических явлений, мы уже выяснили в другом месте¹³¹. Весьма не безразлично рассматривать ли явления хозяйства социально-организованных субъектов способом, совершенно несогласным с реальным положением вещей, а именно, как результат целостной деятельности народа, как такового, направленной на удовлетворение его потребностей, и употреблении соответственных средств для этой цели, и с точки зрения этой фикции объяснять их (явления), или же, соответственно действительности, выяснять явления, как результат бесчисленных индивидуальных стремлений, как результат стремлений хозяйствующих субъектов (физических и моральных), связанных обменом; не безразлично это потому, что в первом случае феномены человеческого хозяйства представляют нам в их настоящей социальной форме без сомнения весьма несложную картину явлений единичного хозяйства, и их толкование при таком понимании не вызывает никаких особенных затруднений, тогда как во втором случае мы имеем дело с социальной картиной, отличной от единичных хозяйств, столь же сложной, сколь и трудно объяснимой. В первом случае перед нами явление, аналогичное индивидуальному хозяйству и потому весьма доступное нашему пониманию; во втором — «выяснение сложных явлений человеческого хозяйства в их современной социальной форме из стремлений и отношений индивидуальных хозяйств, связанных между собой обменом» представляет несравненно более сложную и трудную задачу научного исследования.

Ясно однако, что указанное упрощение, покоясь на совершенно неправильной фикции, лишает нашу науку всякой действительной ценности; исследователи в области политической экономии в конце концов должны же будут брать и разрешать проблемы этой науки в той компликации, в какой они на самом деле существуют в действительности. «*Natura rerum subtilis*» — можно сказать и относительно человеческого хозяйства в его социальной форме. Как безрассудно однако, вместо того, чтобы исследовать реальные явления народного хозяйства в их компликации, т.е. вместо того, чтобы сводить их к их единичным хозяйственным фак-

¹³¹ См. с. 129 и сл.

торам и таким образом стремиться к их действительно трудному выяснению, — упрощать науку в противность природе вещей путем неуместной фикции — complication хозяйств представлять себе как одно большое индивидуальное хозяйство!? Конечно, проблемы науки могут быть таким способом крайне упрощены — однако лишь ценой всего успеха.

А. С м и т и его школа не думали сводить сложные явления человеческого хозяйства вообще и социальной формы последнего, «народного хозяйства», в особенности к стремлениям единичных хозяйств, теоретически выяснять нам первые явления, как результат вторых (единичных хозяйств); они стремились, по большей части вполне бессознательно, к теоретическому выяснению их с точки зрения указанной фикции; историческая же школа вполне сознательно следует этому ошибочному воззрению и склонна видеть в нем даже чрезвычайный прогресс нашей науки. Ясно, что при господстве рассматриваемой здесь фикции теоретическое выяснение «народно-хозяйственных» явлений, согласное с реальным положением вещей, недостижимо, и малоценность господствующих экономических теорий в немалой степени объясняется этим ошибочным основным воззрением на сущность современной социальной формы человеческого хозяйства.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ПОНЯТИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИИ И СУЩНОСТЬ ЕЕ ЗАКОНОВ

Определение науки должно заключать в себе три момента: 1) точное обозначение науки, подлежащей определению; 2) объект, подлежащий исследованию (например, животный или растительный мир, государство, народное хозяйство и пр., или же определенные области их) и 3) формальную точку зрения, с которой надлежит исследовать объект (например, историческую, теоретическую точку зрения и пр.). Правильное определение теоретической национальной экономики должно, поэтому, кроме обозначения этой науки и объекта ее — народного хозяйства, установить еще и формальную точку зрения, с которой эта наука о народном хозяйстве (в противоположность другим наукам, занимающимся тем же объектом, например истории, статистике народного хозяйства, народно-хозяйственной политике и пр.), должна исследовать его.

Определение всякой науки, а следовательно и теоретической науки о народном хозяйстве, может, таким образом, страдать тремя фундаментальными погрешностями. Во-первых, оно может не вполне точно

обозначать науку, подлежащую определению. Это имеет место во всех тех дефинициях теоретической национальной экономики, которые не указывают точным образом, идет ли речь о политической экономике вообще (о теоретической национальной экономике, народно-хозяйственной политике и финансовой науке в их совокупности), или только о первых двух частях политической экономики, или же, наконец, только о теоретической части ее; иногда же остается невыясненным, уж не идет ли речь о государственных и социальных науках вообще.

Во-вторых, дефиниция может не вполне точно обозначать объект данной науки. Это имеет место при всех тех определениях теоретической национальной экономики, которые оставляют нас в сомнении относительно объекта исследования в данной науке, или при таких, которые указывают объектом то социальные явления вообще, то лишь известные области или стороны народного хозяйства¹³². Понимание теоретической национальной экономики в смысле всеобщей теоретической социологии и в смысле простой каталлактики, философии народно-хозяйственной истории и пр. — суть именно ошибки этого рода.

В-третьих — и в этом именно заключается главный недостаток большинства дефиниций национальной экономики, — дефиниция может не точно указывать формальную точку зрения, с которой наша наука исследует явления народного хозяйства. Большая часть определений оставляет нас в сомнении, исследует ли эта наука народное хозяйство с исторической, теоретической или практической точки зрения, иными словами, есть ли она историческая, теоретическая или практическая наука о народном хозяйстве.

Однако даже и те, которые не отвергают вполне формального характера теоретической национальной экономики, почти без исключения впадают в известные ошибки относительно последнего. Теоретическое учение о народном хозяйстве должно выяснять нам не только «законы» народно-хозяйственных явлений, но и их «общую (родовую) сущ-

¹³² Значительная часть современных экономистов стремятся в дефинициях национальной экономики определить не столько ее, сколько понятие «народное хозяйство», т.е. не науку, а объект исследования, и свои особенные воззрения на сущность народного хозяйства стремятся включать в определение науки национальной экономики, вместо того, чтобы посредством особенного исследования сначала выяснить этот предмет и уже по разрешении этого предварительного вопроса переходить к определению национальной экономики; впрочем, указанный прием находит свое объяснение в большой неясности относительно настоящей области (относительно объекта) исследования, которой политическая экономия должна заниматься.

ность»¹³³. Поэтому, например, изложение этой науки, хотя и выясняющее нам законы, но не выясняющее сущности вещей, ценности и различных форм, в которых последняя проявляется, хозяйства, цены, земельной ренты, процента на капитал, предпринимательской прибыли, денег и пр., такое изложение должно быть признано несовершенным. Поэтому определение теоретического учения о народном хозяйстве (уже не говоря об определении политической экономии вообще), как «науки о законах народного хозяйства» — слишком узко.

Еще менее правильно указанное определение, когда понятие «законов» устанавливается в каком-либо произвольном смысле, например, обозначая лишь один определенный род их. Если под «законами» явлений понимать лишь так называемые «естественные законы», в противоположность так называемым «эмпирическим законам», как это делает, например, R ü m e l i n в своем исследовании о понятии социального закона¹³⁴, то определение теоретической национальной экономики, как науки о «законах» народного хозяйства, оказывается столь узким, что в действительности оно не обнимет большей части познаний, которые обыкновенно находят себе место в изложениях теоретического народно-хозяйственного учения. То же самое относится и к определению теоретической национальной экономики (или даже политической экономии!), как «науки о законах развития народного хозяйства», как «философии хозяйственной истории» и пр.

Мы проследим воззрения некоторых новых немецких экономистов на сущность нашей науки¹³⁵; критика их сама собою явствует из сказанного.

¹³³ Интересную попытку в этом отношении представил Herbert Spencer в своей «Descriptive Sociologie, or groups of sociological facts» (London, 1873). Спенсер в широко задуманном труде, издаваемом им совместно с своими сотрудниками, представляет формы социальных явлений (относящиеся к государственной, религиозной, интеллектуальной, хозяйственной жизни и пр.) отдельных народов на различных ступенях их развития в таблицах, в форме, облегчающей сравнение; предприятие это, хотя и не может представить сумму всего эмпирического материала, потребного для теоретического исследования в области социальных наук (как думает Спенсер), однако, если работа эта будет окончена, она возымеет несомненное значение для указанного направления научного стремления, особенно для различных отраслей эмпирико-реалистического направления теоретического исследования в области социальных наук.

¹³⁴ Reden und Aufsätze, 1875, I. S. 5 ff. (ср. также J. St. Mill. Logik. B. III. Ch. IV).

¹³⁵ Более старая литература у J. Kautz'a. Theorie und Geschichte der Nationalökonomie, I. S. 288 ff.

Н. Рау определяет в последних, еще им самим просмотренных изданиях политической экономии (1868, I, § 9): «Учение о народном хозяйстве или национальная экономия (первая теоретическая часть политической экономии) есть наука, выясняющая природу народного хозяйства, или показывающая, как народ постепенно обеспечивает себя вещами посредством хозяйственных стремлений его членов». — L. v. Stein (Lehrbuch der Volkswirtschaft, 1858. S. 2): «Научное изложение народного хозяйства образует науку о народном хозяйстве». — W. Roscher (System I, § 16) обозначает национальную экономику, науку о народном хозяйстве, как «учение о законах развития народного хозяйства, хозяйственной народной жизни». — Подобным же образом H. v. Mangoldt (Grundriss der Volkswirtschaft, 1871. S. 11). — Br. Hildebrand (Jahrbücher für Nat.-Ökonomie u. Statistik, 1863, I. S. 3) пишет: «Наука об экономии народов... имеет задачей исследовать постепенный исторический ход развития как отдельных народов, так и всего человечества, и этим путем выяснить то звено, которое работа настоящего поколения должна присоединить к цепи общественного развития». — Относительно взгляда Knies'a, нигде не сформулированного полностью, ср. его политическую экономию с точки зрения исторического метода, 1853, с. 17 и 32 сл. и особ. 2-е изд. 1881, с. 1 сл. — J. Kautz (Theorie und Geschichte der Nat.-Ökonomie, 1858, I. S. 288) говорит: «Национальная экономика есть учение об основаниях, средствах и законах развития народного благосостояния». — J. Glaser (Handbuch der Politischen Oekonomie, I. 1858. S. 10 ff.): «Учение о народном хозяйстве есть изъяснение деятельности людей, направленной на приобретение и потребление имущества, или что то же, на пользование природой и ее силами для удовлетворения своих потребностей»... Он же различает затем три рода рассмотрения хозяйственных отношений, «три рода учений о хозяйстве», а именно: техническое, собственное и этическое учение о народном хозяйстве (ср. *ibid.*, с. 12). — K. Umpfenbach (Die Volkswirtschaftslehre, 1867. S. 12): «Учение о народном хозяйстве есть систематическое исследование законов, по которым совершается обеспечение населения материальными средствами в борьбе за существование». — Schäffle (System, 3. Aufl., I, 46) определяет национальную экономию, «как учение о проявлении хозяйственного принципа в человеческом обществе», тогда как Ad. Wagner (Polit. Oekonomie, 1876, I. S. 59) понимает «учение о народном хозяйстве, национальную экономику или политическую экономию», как «науку о народном хозяйстве, об организме единичных хозяйств народов, имеющих государственный строй», и вопреки Schäffle замечает, что задача национальной экономии состоит в изъяснении о сущ е с т в л е н и я принципа хозяйственности в народном хозяйстве. — M. Wirthr (Grundzüge der National-Ökonomie, 1861, I. S. 3) видит в «учении о народном хозяйстве или национальной экономии науку о тех законах развития природы, под влиянием которых происходит про-

изводство и распределение вещей в человеческом обществе, о законах, следуя коим народы преуспевают, а нарушая — приходят в упадок».

G. Schönberg (*Die Volkswirtschaft der Gegenwart*, 1869. S. 38) говорит: «Предмет нашей науки — хозяйственная жизнь народа, которая, в качестве особенного проявления народного духа, постепенно прогрессируя в самой тесной причинной связи с развитием культуры, становится все более и более высоким организмом. Изучать его, как таковой, в его проявлении в законах и правилах, выступающих в нем, и на основании этого изучения, указывающего и задачи, разрешение коих предлежит работе нашего поколения, углубляться в эту работу, дабы все более и более приближать хозяйственную жизнь к ее высокой этической цели — вот в немногих словах задача нашей науки» (ср. его же *Volkswirtschaftslehre*, 1873. S. 3 ff.). — F. J. Neumann (*Tübinger Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft*, 1872. S. 267) видит в нашей науке «учение об отношении единичных хозяйств между собой и к государственному целому», тогда как H. v. Scheel (in Schönberg's *Handbuch der Polit. Oekonomie*, 1882, I. S. 57) задачей политической экономии считает «изъяснение связи частных хозяйств между собой и с высшими хозяйственными союзами (государством, общинами и пр.) по их возникновению и свойствам, и установление правил для наиболее целесообразного достижения порядка, соответствующего требованиям достигнутой и имеющей быть достигнутой ступени культуры. — G. Sohn (*Ueber die Bedeutung der National-Oekonomie*, 1869. S. 3) определяет национальную экономию, «как науку о хозяйствующем субъекте, т.е. о той деятельности, которая направлена на усвоение внешних средств, в которых мы нуждаемся для достижения наших разнообразных жизненных целей».

Все эти определения нашей науки отражают вполне отчетливо состояние научно-теоретических исследований в области политической экономии в Германии. Мы узнаем из них — без всякой надобности¹³⁶ — особенные воззрения отдельных авторов на сущность хозяйства, народного хозяйства, даже общества; однако ни один беспристрастный исследователь не станет же отрицать того, что эти воззрения, оставляя в стороне вопрос об их правильности, совершенно не удовлетворяют формальным требованиям основательной дефиниции науки.

Относительно некоторых относящихся сюда вопросов, возбужденных в социологической литературе Германии Rümelin'ом по вопросу о природе социальных законов, уместно сделать здесь еще следующие замечания: «Законы явлений» (в противоположность законам-нормам!) могут быть классифицируемы или по областям явлений, на которые они распространяются (по объектам!), или же по их формальной природе. В первом от-

¹³⁶ См. Примечание 131.

ношении различаются законы природы вообще и законы неорганической и органической природы в частности, законы моральной жизни, законы общественных явлений вообще и законы народно-хозяйственных явлений в частности и т.д. В формальном отношении мы можем различать законы последовательности и сосуществования, точные и эмпирические законы, и внутри этих категорий опять-таки — «законы развития», «законы больших чисел» и пр. Ошибочен и излишен поэтому весьма обычный способ выражения, именно когда говорят о естественных законах социальных явлений вообще и народного хозяйства в частности, тогда как на самом деле естественные законы могут относиться лишь к естественным явлениям, и в данном случае может быть речь лишь о точных законах социальных явлений и народного хозяйства в частности, и об эмпирических законах.

Термин так называемых «естественных законов» явлений, как «выражение для элементарного, постоянного, во всех случаях основного образа действия сил» можно, пожалуй, допустить вместе с Mill'ем и Rumelein'ом, так как он характеризует различие между «эмпирическими» и «точными» законами явлений и исключает возможность смешения обеих указанных групп научных познаний. Рюмелин оказал значительную услугу методике социальных наук в Германии, задавшись целью выяснить немецким социальным исследователям методологические приобретения новейшей английской логики и положить конец легкомысленному смешиванию точных законов явлений с теоретическими знаниями, добываемыми реалистически-эмпирическим путем. Однако, для теоретического учения о народном хозяйстве его понятие о «законе» слишком узко, так как эта наука в ее настоящем понимании, как уже было указано в другом месте, имеет задачей исследовать не только точные, но и эмпирические законы, даже разнообразные роды этих последних, и не только элементарные, но и производные правильности (законосообразности) в общей связи народно-хозяйственных явлений.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

ОТНОШЕНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ НАУК О НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ К ПРАКТИКЕ ПОСЛЕДНЕГО И К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ УЧЕНИЮ О НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Лицам, хотя бы несколько знакомым с общим учением о научном знании, хорошо известно, что так называемые практические науки (Kunstlehren) вообще и таковые о народном хозяйстве в частности (народно-хозяйст-

венная политика и финансовая наука) могут иметь в свою очередь практическое применение, а потому следует строго различать практические науки о народном хозяйстве, с одной стороны, и их практическое применение — с другой. Первые учат нас общим принципам, максимам, сообразно которым при данных обстоятельствах можно споспешествовать народному хозяйству и устроить финансовое хозяйство наиболее целесообразно; практическое же применение этих наук проявляется в форме конкретных законодательных актов, правительственных распоряжений и т.п. Таким образом, отношение теоретических наук к практическим и обеих этих категорий наук к практике народного хозяйства является в следующем виде: теоретическое учение о народном хозяйстве имеет целью представить нам общую (родовую) сущность и общую (родовую) связь (законы) народно-хозяйственных явлений, тогда как народно-хозяйственная политика и финансовая наука имеют задачей дать нам максимы, сообразно которым, при данных обстоятельствах можно наилучшим образом споспешествовать народному хозяйству и наиболее целесообразно устроить финансовое хозяйство. П р а к т и к а же народного хозяйства состоит в применении публичною властью практических наук о народном хозяйстве соответственно особнным условиям отдельных стран и народов. Следовательно, отношение теоретической национальной экономии к народно-хозяйственной политике и к финансовой науке и обеих этих категорий наук — к практике народно-хозяйственных политиков и финансистов тождественно с отношением, например, теоретический химии — к химической технологии, с одной стороны, и обеих их — к деятельности практиков-химиков с другой, или с отношением анатомии и физиологии к хирургии и терапии и обеих этих групп наук — к практической деятельности научно-образованных врачей.

Должно признать несомненным признаком слабого философского понимания исследователей нашей науки то обстоятельство, что в отношении этих прямо-таки элементарнейших вопросов учения о научном знании даже у выдающихся экономистов все еще наблюдается такая неясность и такое противоречие мнений (ср. J. B. Say: Cours complet d'E. P. Paris, 1852. I, 24 ff. и особ. прим. его к курсу Storch'a (Paris, 1823—21, I. P. 11), где Say допускает лишь практическое применение политической экономии, но никак не практическую науку о народном хозяйстве, воззрение, которому последовали почти все бесчисленные ученики Say'я. — И Roscher склоняется к мнению, что политическая экономия распадается на общую и особенную части, но не на теоретическую и практическую, тогда как на самом деле политическая экономия распадается на теоретическую науку и ряд практических наук о народном хозяйстве, и каждая из этих наук (как теоретическая национальная эконо-

номия, так точно и практические хозяйственные науки) в свою очередь имеют общую и особенную части (ср. также A. Wagner: *Allgemeine oder theoretische Nat.-Ökonomie*, I. Theil., 1878. S. XII u. passim, H. v. Scheel в Schönberg's *Handbuch der Politischen Oekonomie*, 1882, 1, 57, u. F. J. Nennann *ibid.* S. 115 ff.).

Конечно, теоретическая национальная экономия в качестве самостоятельной науки выступила позже обеих практических частей политической экономии; но ошибочно полагать, что она возникла путем выделения из последних общего и соединения этого общего в одно целое (F. Nennann). — Теоретическая национальная экономия возникла из потребности в теоретическом обосновании практических наук о народном хозяйстве. Изыскания этого рода, — исследования об общей (родовой) сущности и общей (родовой) связи, о законах явлений народного хозяйства — рассеяны уже в древнейших сочинениях об искусстве управления, позже в трактатах о народно-хозяйственной политике и о финансах; эти работы однако существенно отличаются от «общей» части этих наук, которая соответственно своей формальной природе, само собой разумеется, точно так же практическая, т.е. содержит в себе общие практические истины в отношении споспешествования народному хозяйству и управления финансами, но никак не теоретические знания о народном хозяйстве. Теоретическая национальная экономия в качестве самостоятельной науки возникла таким порядком, что теоретические изыскания, рассеянные в практических науках о народном хозяйстве, и притом как в общих, так и в специальных частях их, изыскания, получившие значительный объем уже у физиократов и особенно у Смита и Сея, были собраны некоторыми германскими учеными (Jacob, Hufeland, Soden и т.д.), усовершенствованы и систематизированы. В основании вышеприведенного воззрения лежит очевидно ошибочное предположение, будто общая и теоретическая части науки тождественны.

Непонимание истинного отношения между теоретическим и практическим учением о народном хозяйстве приводит, в частности, к тому воззрению, будто первое имеет задачей изучать «законы хозяйственной жизни народа, без отношения к активному воздействию на нее публичной власти», второе же — принципы для такого воздействия, взгляд, часто встречающийся в национально-экономической литературе Германии (ср. Pölit z. Staatswissenschaften im Lichte unserer Zeit, II. S. 3; Lot z: *Handbuch*, 1837, I, § 6; Rau: *Politische Oekonomie*, I, § 9 и др.). Указанное воззрение на сущность теоретической национальной экономии неправильно уже потому, что последняя причисляет к своим задачам исследование общей (родовой) сущности и законов реального, а

следовательно тем самым и явлений народного хозяйства, воздействуемых государством; поэтому абстракция хозяйственной жизни народа от государственного влияния, по крайней мере в отношении к эмпирическому направлению теоретического исследования, прямо-таки немыслима. Справедливо, поэтому уже L. H. v. Jacob (Grundsätze, 3 Aufl., § 5), Rotteck (Vernunftrecht, IV. B. 1835. S. 23 ff.), а в новейшее время Roscher, Knies, Scheel, Wagner и др. отвергают указанное понимание теоретического учения о народном хозяйстве. Ошибочно, однако, мнение Wagner'a (Pol. Oek. I, § 9), будто деление национальной экономики на теоретическую и практическую части в конечном своем основании покоится на мысли «рассматривать народное хозяйство сначала вне государственного влияния, а затем уже внутри такового». Деление это не находится ни в малейшем отношении к такой мысли. Вполне правильно трактует об отношении теоретических и практических наук о народном хозяйстве уже L. H. v. Jacob (Grundsätze, 3 Aufl., § 5 ff.) и с полным правом считает он своей заслугой проведение указанного важного разделения обеих главных областей политической экономики.

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

ТЕРМИНОЛОГИЯ И КЛАССИФИКАЦИЯ НАУК О НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

В другом месте мы уже говорили о сущности «политической экономики» и ее частей и о господствующей для их обозначения терминологии¹³⁷. Но может еще возникнуть вопрос, насколько подходяще указанное выражение для обозначения совокупности теоретико-практических наук о народном хозяйстве, и выражения: «теоретическое учение о народном хозяйстве» (теоретическая национальная экономика), «народно-хозяйственная политика» и «финансовая наука» — для отдельных частей политической экономики; хотя вопрос этот для наших исследований о сущности обсуждаемых здесь наук представляет, разумеется, лишь второстепенный, терминологический интерес, однако он имеет некоторое значение и для принципиальной постановки лежащих в его основании проблем.

Стремление установить удовлетворительным образом терминологию науки, особенно в отношении главных категорий ее, согласовать сущ-

¹³⁷ См. с. 301.

ность и обозначение их, вещи и понятия в науке, представляется нам во всяком случае весьма похвальным; правильная терминология не только предотвращает бесчисленные неясности в исследовании и рецепции научных знаний, но даже служит прямо-таки путеводной звездой для того значительного и, как известно из практики, всегда преобладающего большинства научных исследователей, взор которых в сущности устремляется не столько на вещи, сколько на слова.

Интересующая нас здесь терминологическая проблема представляет кроме того совершенно особенные трудности, которые происходят благодаря самым разнообразным, до настоящего времени продолжающимся попыткам преобразовать господствующую терминологию, относящуюся к обозначению политической экономии и ее частей¹³⁸, трудности, причину которых следует искать главным образом в том обстоятельстве, что политическая экономия в ее настоящем понимании обнимает науки весьма различной формальной природы, и потому проблема вполне подходящего обозначения ее, естественно, представляет нелегко преодолимые затруднения.

Прежде всего необходимо остановиться здесь на вопросе, касающемся и самой сущности политической экономии и ее частей, именно на вопросе, к государственным или к общественным наукам относится политическая экономия; мы не можем обойти этот вопрос, так как он, как известно, лег в основу рассматриваемых здесь терминологических попыток.

Если противопоставлять понятие общества понятию государства, как это делает большинство тех, которые считают политическую экономию общественной наукой, и тем не менее называть эту науку социальной экономией (*économie société* etc.), то при этом упускается из виду, что народно-хозяйственная политика и финансовая наука суть государственные науки в самом собственном смысле слова, и потому такое обозначение является при указанном условии во всяком случае неприменимым для изложений нашей науки, обнимающих также и вышеназванные части ее; с другой стороны, широко распространенный у более старых авторов (еще у Lotz'a, Fr. B. W. Hermann'a и даже у Roscher'a в его первых трудах!) термин для обозначения политической экономии — «учение о государственном хозяйстве» — опять-таки вызывает различные возражения против такого обозначения «теоретического учения о народном хозяйстве» (ср. L. v. Stein: *Die Volkswirtschaftslehre*, 1878. S. 571 ff.).

¹³⁸ Обзор таких попыток у Kautz'a: *Theorie und Geschichte der Nat.-Oekonomie*, I. S. 285 ff.; ср. Ibid. S. 288 ff.

Более верным представляется нам выражение «учение о народном хозяйстве» (национальная экономия) в качестве обозначения той совокупности теоретико-практических наук, которые обыкновенно обнимаются понятием политической экономии. Если правильно понимать выражение «народное хозяйство», т.е. в смысле компликации всех хозяйств в данном народе (включая и финансовое хозяйство!), как «организм» хозяйств, от которого, при прогрессивном ходе культуры, неотделима государственная деятельность, направленная на споспешествование ему¹³⁹ (народно-хозяйственная политика), — то указанное выражение окажется на самом деле довольно подходящим обозначением рассматриваемых групп наук. И разделение «учения о народном хозяйстве» на теоретическую и практическую части, а последней — на «народно-хозяйственную политику» и на «финансовую науку», вполне свободно вытекает из указанных соображений. Если же тем не менее значительная часть немецких и подавляющее большинство иностранных экономистов придерживаются столь же неопределенного, сколь и неточного выражения «политическая экономия», то очевидно объясняется это интернациональной употребительностью его, т.е. таким основанием, которое в вопросах терминологии всегда имеет важное, даже первенствующее значение; отчасти же, быть может, объясняется это и самой неопределенностью этого выражения, преднамеренно заволакивающего неясность обнимаемого им понятия.

Несравненно больший интерес, но и несравненно большие трудности, представит проблема удовлетворительной терминологии нашей науки, если мы будем иметь в виду не политическую экономию в ее современном понимании, а науку о человеческом хозяйстве вообще. Терминология, подходящая к последней, может явиться результатом лишь полного проникновения в природу различных задач, предстоящих исследованию в области хозяйственных явлений; терминология эта имеет своим предварительным условием разрешение обширной проблемы классификации наук о хозяйстве.

Всем известно, как далека еще от этой цели теория познания наук о человечестве вообще и хозяйственных наук в частности; и в области естественных наук еще далеко не разрешена аналогичная проблема и, как доказывают новейшие попытки, учение это еще спорно даже в самых существенных пунктах. А между тем, насколько выше стоит разработка естественных наук и относящаяся к ним теория познания по сравнению с состоянием наук о человечестве! Предстоит еще долгий путь развития этих последних, прежде чем вполне выяснятся различные цели научного

¹³⁹ См. Приложение VI.

исследования в области человеческих явлений и тем найдено будет основание для полной классификации и терминологии их вообще и народно-хозяйственных наук в частности. Пока же последующие замечания о некоторых главных пунктах рассматриваемых здесь проблем могут помочь подготовить их разрешение.

Совокупность наук, относящихся к человеческому хозяйству, наука о хозяйстве в этом самом обширном смысле слова, распадается, соответственно трем главным задачам, которые ставит себе человеческий ум при исследовании хозяйственных феноменов, на 3 группы наук:

- I) исторические;
- II) теоретические;
- III) практические.

I) Исторические науки о хозяйстве имеют задачей исследовать и представить нам индивидуальную¹⁴⁰ сущность и индивидуальную связь хозяйственных явлений; распадаются они, соответственно тому разрешают ли они свою задачу с точки зрения их статического положения, или же их развития, — на статистику и на историю человеческого хозяйства. Само собой понятно, что исторические науки могут разрешать свои задачи универсальным образом лишь при условии коллективного рассмотрения человеческих феноменов, а исторические науки о хозяйстве в частности — лишь при условии коллективного рассмотрения хозяйственных феноменов; это явствует уже из факта необозримого множества сингулярных явлений человеческой жизни¹⁴¹ и человеческого хозяйства, и

¹⁴⁰ См. с. 301—302 и особ. прим. 6 и 7, где мы охарактеризовали задачи научной статистики и различные направления статистического исследования. Ср. особ. M. Block'a: *Traité théorique et pratique de Statistique*, 1878, где принята во внимание и весьма ценная новейшая литература о сущности и понятии статистики.

¹⁴¹ Это весьма важное обстоятельство для методики исторических наук вообще не исключает, разумеется, изложения состояния и развития сингулярных хозяйственных явлений человеческого хозяйства; оно только показывает, как универсальная задача исторических хозяйственных наук необходимо ведет к коллективному пониманию хозяйственных явлений — к истории и статистике «народного хозяйства».

В этом также следует искать основания для разрешения проблемы, многократно занимавшей историческое исследование, а именно: выбор и изложение каких явлений человеческой жизни из необозримого множества их составляет задачу исторических наук? На самом деле они имеют своей задачей представить индивидуальные явления человеческой жизни с точки зрения коллективного рассмотрения, единичное же явление — лишь постольку, по-

из самых требований техники научного изложения. Исторические науки о хозяйстве, уже по своей универсально-научной задаче, необходимо суть изъяснения человеческого хозяйства с точки зрения коллективного рассмотрения, т.е. народного хозяйства в указанном смысле слова¹⁴².

сколько оно имеет значение для коллективной картины человеческой жизни. Лишь таким способом эти науки могут универсальным образом разрешать свои специфические задачи.

И то, что называют художественной задачей историографии, находит удовлетворительное объяснение в указанном понимании сущности истории и в отношении ее к сингулярным явлениям человеческой жизни. Особенное искусство историографа (а равно и статистика!) состоит, главным образом, в способности уяснить нам необозримое множество индивидуальных явлений человеческой жизни с точки зрения коллективного изображения, представить нам коллективную картину развития или состояния человеческих явлений в их целостности (ср. постоянно предпринимаемые со времени Humboldt'a попытки выяснения сущности так называемого «исторического искусства» у Gervinus'a: *Grundzüge der Historik*. S. 13 ff.; J. G. Droysen'a: *Historik*, 1875. S. 75 ff.; O. Lorenz'a: *Fr. Chr. Schlosser, Sitzungsbericht der Wiener Akademie der Wissenschaften*, 88 Bd. S. 136 ff.).

Здесь с особенной ясностью выступает различие между историческими и теоретическими науками. Последние имеют дело с выяснением не «индивидуального», а «родового», «форм явлений» и «законов явлений». Их задача — выяснить не необозримое множество индивидуальных явлений, а лишь несравненно более узкий круг форм явлений и их типических соотношений. Коллективная точка зрения рассмотрения, прямо неотделимая от идеи исторических наук, излишня и, как мы видели, прямо неприменима к теоретическим наукам (ср. соотв. выводы во 2-й книге, гл. 2, с. 376 и сл.).

¹⁴² Те, которые задалась целью на место прежних методов социального исследования, признанных неудовлетворительными, поставить «исторический метод», имеют с адептами так называемого «органического понимания» социальных явлений то общее, что одинаково находятся в весьма глубоком заблуждении относительно настоящего состояния соответственных методов. В другом месте мы указали уже, что объяснение общественных явлений посредством аналогий с органическими явлениями в сущности оказывается толкованием мало известного посредством еще менее известного (ср. с. 395). О том, что и исторический метод, которым оперирует часть наших экономистов с столь наивной уверенностью, как будто бы они вполне доказали глубину этого метода, и как будто бы не существует ни малейшего сомнения относительно

II. Теоретические науки о человеческом хозяйстве имеют своей задачей исследовать и изобразить общую (родовую) сущность и общую (родовую) связь (законы) хозяйственных явлений; в своей совокупности они образуют теорию народного хозяйства, в отдельности же они соответствуют различным направлениям теоретического исследования в области народного хозяйства. В этой области мы различаем точное и эмпирическое направление теоретического исследования и внутри их опять-таки историко-философское, теоретико-статистическое, физиологически-анатомическое и пр.; однако ясно, что этим отнюдь не исчерпывается совокупность различных вполне основательных направлений теоретического исследования в области народного хозяйства, что, напротив, развитие нашей науки может выставлять все новые и новые направления теоретического научного стремления. В настоящее время, при слабом развитии социальных наук, позволительно результаты всех направлений теоретического исследования в области народного хозяйства соединять в одну науку — «теоретическую национальную экономию», в одну дисциплину, которая, кстати сказать, уже по этой причине необходимо лишена строгой формальной целостности излагаемых ею знаний, а, следовательно, и строгой систематики; но мы не видим никакого препятствия к тому, чтобы при прогрессивном развитии эта наука, подобно тому, как это уже случилось в области естествознания, постепенно расчленилась, отчасти по логическим, отчасти по фактическим основаниям разделения, на различные ветви, из которых каждая в отдельности будет обладать по крайней мере относительной самостоятельностью. До тех же пор сказанное сейчас может служить к уяснению теоретической проблемы в области народного хозяйства и к уяснению особенных затруднений, препятствующих строгой систематике теоретической национальной экономики.

III. Наконец, практические науки о хозяйстве должны учить нас основаниям, по которым хозяйственные цели людей (смотря

но сущности его, — даже для самих историков вовсе не так ясен, как это кажется упомянутым экономистам, — об этом ср. Droysen (Historik, 1875. S. 3): «Если обратишься к историческим студиям с вопросом об их научном основании и их отношении к другим формам человеческого знания, если попросить их обосновать их прием и взаимную связь их задач, то они не будут в состоянии дать удовлетворительный ответ». O. Lorenz (Fr. Chr. Schlosser und über einige Aufgaben und Principien der Geschichtsschreibung, Berichte der Wiener Akademie der Wissenschaften, 88. Bd. S. 133): «Нужно сознаться, что мы и теперь еще не обладаем никаким общим принципом, никаким общепризнанным историографическим направлением, даже еще не имеем исторического стиля».

по данным условиям) могут быть достигаемы наиболее успешно. Науки эти суть:

1. Народно-хозяйственная политика, наука об основаниях для целесообразного (соответственно обстоятельствам) споспешествования «народному хозяйству» со стороны публичных властей.

2. Практическое учение о сингулярном хозяйстве, наука об основаниях, по которым наиболее совершенно могут быть удовлетворяемы экономические цели сингулярных хозяйств (сообразно данным условиям).

Это последнее распадается на:

а) Финансовую науку, науку об основаниях для целесообразного, соответствующего данным условиям ведения самого большого сингулярного хозяйства в народе, хозяйства правительства и других хозяйствующих субъектов, снабженных финансовой властью¹⁴³.

б) Практическое учение о частном хозяйстве, науку об основаниях, по которым частные лица (живущие при современных социальных условиях!) могут (соответственно своим условиям) наиболее целесообразно устраивать свое хозяйство¹⁴⁴.

¹⁴³ Хозяйство субъектов, снабженных финансовой властью, обладает различными особенными свойствами, что и обосновывает выделение особой практической науки о целесообразном устройстве этого рода хозяйства. Однако по своему существу оно есть сингулярное хозяйство, а потому финансовая наука вместе с практическим учением о частном хозяйстве входит в общую категорию «практических учений о сингулярном хозяйстве».

¹⁴⁴ Из сказанного ясно, что воззрение тех, которые усматривают принципиальное различие между практическим учением о частном хозяйстве и практическим учением о народном хозяйстве, совершенно ошибочно; и практическое учение о частном хозяйстве относится к хозяйству социально-организованных людей, и оно находит свое теоретическое основание не в особенном теоретическом учении о частном хозяйстве, а в теоретической национальной экономике. Биржевик, банкир, спекулянт процентными бумагами или хлебом и т.д. точно так же опираются в своих частнохозяйственных операциях на теорию цен, процентов на капитал, поземельной ренты и пр., т.е. на положения теоретического учения о народном хозяйстве, как и народно-хозяйственный политик или орган финансового правления в своей публичной деятельности. Теоретическое учение о народном хозяйстве является теоретическим основанием для практического учения о частном хозяйстве в такой же мере, как и для финансовой науки и народно-хозяйственной политики. Те, которые подобно Дж. С. Миллю (*Essays on some unsettled questions*. P. 125), совершенно не признают частное хозяйство предметом науки, а лишь предметом ис-

Указанные науки о хозяйстве относятся исключительно к человеческому хозяйству в его современной организации, т.е. к «народному хозяйству» в современном несобственном смысле слова. Но при строго социалистической организации общества эти науки, равно как и само хозяйство, приняли бы в значительной степени иной вид.

В обществе, устроенном по этому принципу, не имелось бы наряду с общественным хозяйством ни частных индивидуальных хозяйств, ни самостоятельного попечения о народном хозяйстве, ни финансового управления, а, следовательно, были бы упразднены и соответственные практические науки. Существовало бы тогда лишь одно хозяйство, народное хозяйство в собственном смысле слова; хозяйствующим субъектом его был бы народ (или его представитель), его целью — возможно более полное удовлетворение потребностей всех членов общества, и следовательно могла бы существовать лишь одна практическая наука о хозяйстве, а именно наука об основаниях, по которым общественное хозяйство, сообразно данным условиям, может быть устроено и ведено наиболее целесообразно. То, что в наше время весьма неточно называют «социалистическими теориями», суть стремления к этой практической науке, и этим выясняется сущность и положение их в системе наук о хозяйстве.

Что эта практическая наука о народном хозяйстве в собственном, социалистическом смысле слова, подобно и всем прочим практическим наукам, нуждается в теоретическом обосновании, — это столь же очевидно, как и то обстоятельство, что она могла бы найти это обоснование лишь в науке, которая уясняет нам общую (родовую) сущность и общую (родовую) связь общественно-хозяйственных явлений. Теоретиче-

ку с с т в а, впадают в указанную ошибку, ибо само собой понятно, что и в основании частного хозяйства лежат теоретические и практические знания.

Все практические науки о хозяйстве покоятся таким образом на теоретическом учении о народном хозяйстве; было бы, однако, ошибочно полагать, что это последнее является единственным теоретическим основанием первых. Практические науки, какого бы то ни было рода, не покоятся исключительно на отдельных теоретических науках; обыкновенно совокупность нескольких теоретических наук образует теоретическую основу первых. Не только анатомия, но и физиология, физика, механика, химия и пр. суть, например, теоретические основы хирургии и терапии; не только теоретическая химия, но точно так же и физика, даже механика и математика являются теоретическим основанием химической технологии. То же самое имеет место и в практических науках о хозяйстве. Они несомненно основываются на теоретическом учении о хозяйстве, но отнюдь не исключительно на нем.

ское учение о народном хозяйстве в этом, собственном смысле слова, никоим образом не могло бы вполне совпадать с этой же наукой в современном смысле слова; но столь же мало она должна была бы быть совершенно отличной от нее. Психологическое обоснование наиболее общих хозяйственных явлений, учение о человеческих потребностях и о средствах, имеющихся для удовлетворения их, учение о сущности и о мере потребностей и вещей (о потребностях и о находящемся в распоряжении количестве вещей!), о потребительной ценности и ее мере, о сущности хозяйства и хозяйственности — все это в обоих случаях входило бы в теоретическое учение о народном хозяйстве; лишь в отношении общей (родовой) сущности и общей (родовой) связи сложных хозяйственных феноменов они представляли бы в обоих случаях, соответственно различию реальных явлений, и с своей стороны отличия.

Систематика хозяйственных наук в социалистическом государстве отнюдь не будет, поэтому, тождественна с систематикой нынешних хозяйственных наук, так как в первом случае «народно-хозяйственная политика» и «финансовая наука», а в большинстве случаев и «практическое учение о частном хозяйстве», — не существовали бы в качестве самостоятельных наук. «Наука о хозяйстве» в самом универсальном смысле этого слова расчленялась бы тогда только на «исторические науки» о народном хозяйстве, на «теоретическую» и «практическую» науку о нем; и науки эти, в зависимости от изменения объекта исследования, представляли бы отличия от аналогичных хозяйственных наук настоящего времени.

ПРИЛОЖЕНИЕ V

В ОБЛАСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ ТОЧНЫЕ ЗАКОНЫ (ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ «ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ») ДОСТИЖИМЫ ПРИ ТЕХ ЖЕ ФОРМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ, КАК И В ОБЛАСТИ ЯВЛЕНИЙ ПРИРОДЫ

Наиболее широко распространено среди социальных философов мнение, будто в области явлений природы, но отнюдь не в области человеческих явлений, господствуют точные законы (так называемые естественные законы), и будто только в первой, но никак не во второй достижимы точные теории. Основывают это воззрение, с одной стороны, на том, что лишь в области природы могут быть наблюдаемы строго типические

явления (например, простейшие элементы химии, элементарнейшие силы физики и пр.), в области же человеческих явлений уже самая компликация их (уж оставляя в стороне ментент развития!) исключает строго типический характер, а вместе с тем и возможность точных законов их; с другой стороны, обосновывают это воззрение тем, что явления природы подчиняются исключительно действию механических сил, тогда как в человеческих явлениях существенную роль играет момент воли.

В этой аргументации заключается однако целый ряд фундаментальных ошибок. Что реальные человеческие явления не суть строго типические и что уже по этой причине, а кроме того и вследствие свободы воли человека (отрицать которую в качестве практической категории, само собой, мы и не думаем) исключается возможность эмпирических законов ненарушимой строгости в области явлений человеческой деятельности — все это мы безусловно признаем. Но мы отвергаем мнение, будто явления природы в их полной эмпирической действительности суть строго типические, или будто путем эмпирико-реалистического направления теоретического исследования природы могут быть добыты законы естественных явлений ненарушимой строгости¹⁴⁵. С точки зрения эмпирического реализма точные законы природы столь же недостижимы, как и точные законы социальных явлений. И точные законы природы, в собственном смысле этого слова, могут быть результатом никак не эмпирико-реалистического, а лишь точного исследования природы, а это последнее по своему основному характеру аналогично точному исследованию в области социальных явлений¹⁴⁶.

Ошибка социальных философов заключается в том, что они пытаются

¹⁴⁵ В основании всякого точного естественного закона, на какую бы область мира явлений он ни распространялся, лежат два неэмпирических предположения. Во-первых, что все конкретные явления какого-либо определенного рода (например, всякий кислород, всякий водород, всякое железо и пр. в том смысле, в котором принимает их соответственный естественный закон) качественно тождественны, и во-вторых, что они (явления) вполне точно измерены. В действительности же эти явления не суть ни строго типические, ни точно измеримые (ср. с. 348).

¹⁴⁶ Что точное исследование в области явлений человеческой деятельности исходит из предположения определенного направления воли действующих субъектов — это особенность точных социальных наук; но она не порождает никакого существенного различия между точным исследованием природы и точным исследованием социальных явлений, так как и первое исходит из предположений, которые обнаруживают формальную аналогию с предположениями второго.

ся получить точные законы социальных явлений посредством эмпирического исследования, т.е. таким путем, которым вообще никакие точные законы явлений не могут быть добыты: ни точные социальные законы, ни точные естественные законы.

Господствующее среди социальных философов воззрение, будто строгие законы физики, химии и пр. суть результаты эмпирического направления теоретического исследования, побудило некоторых стремиться к точным законам социальных явлений «эмпирическим», а не точным путем, других же привело к тому, что они стали прилагать к результатам эмпирического исследования в области социальных наук масштабы точного исследования, и обратно — к результатам точного социального исследования масштабы эмпирического исследования — две ошибки, одинаково губительно повлиявшие на развитие социальных наук и вызвавшие большую часть недоразумений, господствующих в теоретическом социальном исследовании в его настоящем виде и в его современных стремлениях (ср. гл. 4, 5 и 7 Первой книги).

ПРИЛОЖЕНИЕ VI

ИСХОДНЫЙ ПУНКТ И КОНЕЧНАЯ ЦЕЛЬ ВСЯКОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА СТРОГО ОПРЕДЕЛЕННЫ

При прогрессивном развитии хозяйственной культуры, мы ощущаем нужду не только в предметах потребления, т.е. в вещах, служащих непосредственно для поддержания нашей жизни и нашего благосостояния, но нуждаемся кроме того, с одной стороны, в средствах производства¹⁴⁷ (например, в сырье, в вспомогательных материалах, в машинах для целей технического производства, в технических работах и пр.), а с другой стороны, в меновых ценностях (например, в деньгах и в других товарах, предназначенных для обмена); потребности эти в про-

¹⁴⁷ См. мое сочинение: Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, I. S. 4. Употребленное нами выражение для обозначения предметов потребления «вещи первого порядка» и обозначение по отношению к ним средств производства различных ступеней — вещами второго, третьего, четвертого и высших порядков, не только представляется мне целесообразным, но лежащая в основании этой терминологии классификация вещей прямо необходима для точного понимания явлений ценности и цены.

тивоположность первым, непосредственным, можно бы назвать посредствующими. Наша потребность в средствах производства и в меновых ценностях обуславливается однако нашей потребностью в предметах потребления¹⁴⁸, и конечная цель всякого человеческого хозяйства заключается поэтому в удовлетворении нашей непосредственной потребности в вещах, в обеспечении удовлетворения наших непосредственных потребностей. Хотя для достижения этой цели мы принуждены предпринимать весьма обширные предварительные хозяйственные обороты и стремиться сначала к обеспечению нашей посредствующей потребности и в конкретных случаях эту последнюю считать целью нашей хозяйственной деятельности, — однако конечная цель хозяйственной деятельности, как сказано, всегда заключается в обеспечении нашей непосредственной потребности в вещах.

Напротив исходным пунктом всякого хозяйства являются вещи, непосредственно находящиеся в распоряжении хозяйствующих субъектов. В целях будущего мы озабочиваемся и вещами посредствующими (средства производства и обмена), однако вещи, которыми мы таким образом озабочиваемся (соответственные продукты и товары), обуславливаются в количественном и качественном отношении вещами, находящимися в нашем непосредственном распоряжении. Первейшим исходным пунктом нашего хозяйства являются лишь эти последние.

Под хозяйством мы понимаем предусмотрительную деятельность, направленную на покрытие нашей потребности в вещах. Из сопоставления сказанного раньше с этой характеристикой сущности хозяйства явствует, что «хозяйство» в результате означает ту деятельность, посредством которой мы обращаем на удовлетворение нашей непосредственной потребности в вещах, непосредственно находящиеся в нашем распоряжении вещи (непосредственно находящиеся в нашем распоряжении средства производства, обмена и потребления и именно путем производства, обмена и домохозяйства). Хозяйство в сущности есть не что иное, как путь, который мы проходим от вышеуказанного исходного пункта до вышеуказанной конечной цели человеческой деятельности.

Непосредственные потребности каждого данного хозяйствующего субъекта определяются для данного момента его личной природой и прежним развитием (его индивидуальностью), а непосредственно находящиеся в его распоряжении вещи определяются в данный момент экономическим положением вещей. Наша непосредственная потребность и непосредственно определенные для нее вещи в каждый данный момент являются фактом, находящимся вне нашего произвола, и таким образом

¹⁴⁸ Ср. мое учение о вещах. Ibid. С. 35 сл.

исходный пункт и конечная цель всякого конкретного человеческого хозяйства в результате оказываются строго определенными экономическим положением вещей в данный момент.

То, что лежит между обоими крайними пунктами всякого хозяйства, — хозяйственная деятельность людей, — может казаться на первый взгляд весьма сложной, лишенной правильности и произвольной; тем не менее непосредственные потребности, удовлетворение которых составляет конечный пункт, строго определены нашей природой и нашим прежним развитием, а точно так же строго определены данным положением вещей и непосредственно располагаемые нами вещи, являющиеся первоначальным исходным пунктом хозяйства. Единственное, что мы можем делать для поддержания нашей жизни и нашего благосостояния, единственное, что находится в этом отношении в нашей власти и воле, — проходить этот путь от строго определенного исходного пункта к столь же строго определенной конечной цели как можно целесообразнее, т.е. в данном случае как можно хозяйственнее.

Значение, которое имеет этот факт для разрешения теоретической проблемы нашей науки с точки зрения точного исследования едва ли требует особого объяснения; оно выступит однако еще явственнее, если принять в соображение следующее обстоятельство.

Если и строго определены исходный пункт и конечная цель человеческого стремления, то путь, по которому могут следовать или на самом деле следуют действующие субъекты к достижению предначертанной цели, отнюдь еще не является строго предопределенным. Произвол, заблуждение и другие влияния могут и действительно имеют своим последствием то, что лица могут избирать различные пути следования от строго определенного исходного пункта к столь же строго определенной конечной цели своих действий. Несомненно, однако, что при указанных условиях всегда лишь один путь может быть самым целесообразным.

Сказанное относится, разумеется, и к человеческому хозяйству. Если справедливо, что исходный пункт и конечная цель его в каждом конкретном случае предопределены экономическим положением вещей, то в каждом таком случае может быть лишь один наиболее целесообразный, лишь один экономический путь к указанной цели, или иными словами: если хозяйствующие субъекты желают возможно полным образом обеспечить при данных условиях удовлетворение своих потребностей, то им представляется от строго определенного исходного пункта к столь же строго определенной цели хозяйства лишь один путь, точно предначертанный экономическим положением вещей, и этот путь, или что то же, хозяйственная деятельность людей, так как указанные условия, во

всяком конкретном случае, совпадают — определяется не фактически, а экономически. Во всяком конкретном хозяйстве можно себе вообразить бесчисленные направления деятельности хозяйствующих субъектов; однако несомненно, что, — оставляя в стороне различия не имеющие существенного значения, — лишь одно направление ведения хозяйства может быть самым целесообразным, экономическим, или иными словами: в каждом хозяйстве мыслимы бесчисленные нехозяйственные формы ведения его, но экономическое направление и притом строго определенное, всегда может быть лишь одно.

Нетрудно видеть всю важность этого результата нашего исследования для методики нашей науки и в особенности для понимания сущности точного направления исследования в области народного хозяйства и его отношения к эмпирико-реалистическому направлению. Реальные явления человеческого хозяйства, как ни звучит это парадоксально на первый взгляд, суть в значительной части нехозяйственной природы и вследствие этого обстоятельства, будучи рассматриваемы с точки зрения хозяйственности, отнюдь не суть строго определенные феномены. Поэтому реалистическое направление теоретического исследования в области хозяйства не может, именно по сейчас указанной причине, вести к «точным законам», а лишь — к более или менее строгим «правильностям» в сосуществовании и в последовательности реальных явлений человеческого хозяйства. Точное направление теоретического исследования в этой области изучает, напротив, явления хозяйственности, феномены, которые, как мы видели, строго определены, и оно приходит поэтому не к точным законам реальных (отчасти даже в высшей степени неэкономических) явлений человеческого хозяйства, а к точным законам хозяйственности.

Мною уже указывалось неоднократно на высокое значение этих законов для теоретического выяснения хозяйственной стороны общественных явлений¹⁴⁹, равно как и на обстоятельство, что формальная природа этих законов точно та же, что и законов всех остальных точных наук и, в частности, точных естественных наук¹⁵⁰. Упрек, что эти законы представляют неэмпирический характер, и все те возражения, которые выставляются против них односторонними приверженцами эмпирико-реалистического направления теоретического социального исследования, показывают лишь, насколько этого рода социальные философы не понимают истинной сущности точного исследования в области социальных явлений.

¹⁴⁹ См. особ. с. 327.

¹⁵⁰ Приложение V. С. 471.

ПРИЛОЖЕНИЕ VII

ПРИПИСЫВАЕМОЕ АРИСТОТЕЛЮ МНЕНИЕ,
 БУДТО ГОСУДАРСТВО ЕСТЬ ЯВЛЕНИЕ
 ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ, ЗАЛОЖЕННОЕ
 В САМОМ СУЩЕСТВЕ ЧЕЛОВЕКА

Мы уже указывали выше (с. 407), что воззрение, будто государство есть явление первоначальное, заложенное в самом существе человека, неосновательно, даже просто бессмысленно. Такой нелепости был чужд, разумеется, и Аристотель, хотя на него весьма часто и указывают, как на основателя этой теории. Для уяснения этого вопроса о воззрении великого философа на происхождение государства мы приведем сначала относящиеся сюда места из его сочинений, так как некоторые из них послужили по крайней мере внешним поводом для указанного недоразумения.

О сущности и происхождении государства Аристотель высказывается следующим образом: «Наилучшим образом может быть изучена природа какой-либо вещи, когда видишь перед своими глазами ее возникновение. Этот метод намерены мы применить и к нашему предмету (выяснению природы государства!). Для этого мы должны прежде всего привести в связь тех двух людей, которые совершенно не могут обходиться друг без друга, а именно мужчину и женщину, так как их назначение — размножение их рода. Связь их, однако, не есть дело их намерения и ума, но инстинкта... Вторая из простейших связей есть связь между господином и рабом, между повелевающим и повинующимся... И эта связь — естественная... Из обеих этих связей — брака и господства — и возникает впервые дом, семья... Естественное образование поселения происходит таким образом, что первая семья выделяет из своей среды новых поселенцев... Так возникли города и племена из семей; в семьях существовала монархическая форма правления: старший в семье естественно является главой ее. Это господство легко распространяется затем на семьи, выделившиеся из первой и поселившиеся подле нее в отдельных домах. Возникающее из соединения многих поселений общество есть государство или гражданская община... Если указанные простые связи домов и поселений естественны, то и гражданская община есть нечто естественное... Отсюда явствует, что гражданское общество, государство в его первоначальной и простой форме, принадлежит к произведениям природы и что человек есть существо, определенное и приспособленное природой для гражданско-общественной жизни (ζφον πολιτικόν)».

В приведенном Аристотель рисует (с целью объяснения сущности государства) процесс, посредством которого государство возникает из

индивидуумов и из семей, показывает, что процесс этот отнюдь не является результатом намерения людей, направленного на образование государств, а является следствием их естественных влечений, что этот процесс — естественный и что государство поэтому — естественный продукт в указанном смысле; затем Аристотель говорит:

«Хотя семья состоит из отдельных людей, а государство из многих семей, но в известном смысле можно сказать, что государство или община есть первичное и первоначальное, и что семья и отдельный человек обуславливаются этим (зависят от этого), так как целое есть необходимое основание частей и, следовательно, должно быть рассматриваемо как более самостоятельное и более первоначальное. Раз умирает тело, то с ним уже умирают и руки, и ноги; по крайней мере они существуют тогда лишь своим внешним видом, своим именем, так само, как называют рукой модель руки, сделанную из камня... Если таким образом человек не может существовать вне гражданского общества и, будучи изолирован от него, не удовлетворяет себя самого, то отсюда заключаем, что человек относится к обществу не иначе, как и всякая часть к своему целому. Целое есть самостоятельное и первоначальное, часть — обусловленное и производное. Таким образом и государство есть первое, отдельный индивидуум — последнее».

Весьма часто ложно понимаемый смысл приведенного, отчасти, по-видимому, противоречивого изложения Аристотелем сущности и происхождения государства, состоит в следующем: государство есть существо, в котором каждая часть обуславливается целым. Человек (культурный) немислим без государства. Поэтому государство по отношению к культурному человеку есть явление более первоначальное, культурный человек — более позднее, обусловленное. Но Аристотель отнюдь не утверждает, будто и нецивилизованный человек немислим вне государства и будто явление государства поэтому столь же старо, как и явление человека вообще. Напротив, он говорит (Pol. I, 1, в конце): «У циклопов, как описывает их Гомер, семьи жили разрозненно друг от друга. Такой образ жизни был всеобщим явлением у людей в древнейшие эпохи» — и, как мы выше видели, Аристотель подробно рисует процесс, посредством которого государства возникли из семей (существенное отличие которых от государств он ясно отмечает: Pol. I, 1, в начале). Больше того, он прямо заявляет (Nic. Eth. V. 14), что человек от природы создан еще более для связи родовой, чем для государственного единения, и что поэтому семья древнее и необходимее, чем государство.

Аристотель признает даже, что культурный человек может жить, «вследствие случайных обстоятельств, вне гражданского общест-

ва» (Polit. I, 2). Только о таких людях, которые «по своей природе» живут вне общества, у которых, следовательно, нет естественного влечения к сообществу, Аристотель говорит в чисто эллинском духе, что они должны быть или выше, или ниже людей. Нецивилизованному человеку, который имеет это стремление, но еще не дошел до образования государства, Аристотель отнюдь не отказывает в возможности существования. Часто приводимое выражение Аристотеля: «ἀνθρώπου φύσις πολιτικὴν» не означает, поэтому, что человек всегда жил в государстве и что, следовательно, оно столь же старо, как сам человек; оно означает лишь то, что влечения, лежащие в человеке, ведут его естественно к сообществу и к образованию государства и что человек в «эллинском» смысле, культурный человек, не может быть древнее, чем государство. Этот взгляд, — если не брать только отдельные места, выхваченные из связного изложения, — не только согласен с словами великого философа, но и просто с здравым смыслом человека, который гласит нам, что сложное целое не может быть столь же старо, как элементы, которым оно необходимо обязано своим возникновением.

ПРИЛОЖЕНИЕ VIII

«ОРГАНИЧЕСКОЕ» ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРАВА И ТОЧНОЕ УРАЗУМЕНИЕ ЕГО

Право, поскольку оно представляется результатом положительного законодательства, есть социальное явление, объяснение которого, как такового, ни в каком отношении не представляет особенных трудностей. Право, как осмысленный результат воли организованного общества (народа) или его властителей, есть явление, которое ни в отношении его общей сущности, ни в отношении его происхождения не требует особенной проницательности исследователя. Иное дело, когда право является результатом не положительного законодательства (осмысленной общей воли), а «органического процесса». Здесь перед нами выступает, подобно тому, как и выше при институте денег, социальное явление, которое в самой высокой степени споспешествует общему благосостоянию, даже прямо обуславливает последнее, и однако не представляется результатом воли общества, направленной на его образование. Несознательный продукт общественного развития, обуславливающий общественное благосостояние и споспешествующий ему, быть может, в большей степени, нежели какое-либо иное общественное учреждение, представляю-

щееся делом человеческого намерения и расчета — объяснение этого замечательного явления представляет трудную задачу, разрешить которую предстоит социальной науке.

Едва ли нужно говорить, что одним лишь указанием на органическое происхождение, на «натуральность» и «первобытность» права¹⁵¹ не может быть на самом деле разрешена рассматриваемая здесь проблема. Такие попытки объяснения представляют собой картины, аналогии между возникновением естественных организмов и образованием права, аналогии, как уже было указано в другом месте¹⁵², совершенно внешние. Если теория об «органическом происхождении» права не должна быть только простой фразой, если эта проблема должна быть действительно разрешена, если действительно можно выяснить «органическое происхождение» права, в противоположность социально-прагматическому возникновению его, то нам необходимо исследовать природу и течение процесса, посредством которого право возникает помимо положительного законодательства, того процесса, который пожалуй можно назвать «органическим».

Исследование того, как право в действительности первоначально возникало в отдельных конкретных случаях, и соединение параллелизмов этого исторического развития у различных народов, несомненно представляется весьма целесообразным и допустимым методологическим приемом для выяснения происхождения права и разнообразных форм его. Столь же несомненно, однако, что цель эта не может быть вполне достигнута только что указанным путем. Право возникло в периоды человеческого развития, более ранние, нежели те, кои доступны достоверной истории; поэтому то, что историки могут нам с достоверностью сообщить об этом процессе, опирается лишь на выводах, а не на удостоверенном эмпирическом знании. Даже самое старательное пользование историей не могло бы дать нам удовлетворительного эмпирического основания для разрешения проблемы, соприкасающейся с законами доисторических развитий. Хотя бы при этом теоретическое исследование самым старательным образом использовало историю и этнографию,

¹⁵¹ Столь же мало разрешается эта проблема указанием на происхождение права из народного духа. Если даже считать реально существующим народный дух, отличный от духа человеческих индивидуумов, с особым сознанием и стремлением, отличными от отдельных индивидуумов, то все же может возникнуть вопрос, каким же образом в этом духе образуется на самом деле идея права и приобретает в конкретном случае своеобразный вид? Этой фикцией рассматриваемая здесь проблема лишь затемняется, но никак не разрешается. Ср. Ahrens: Philosophie des Rechtes, 1870. I. S. 175 ff.

¹⁵² См. с. 391.

тем не менее попытка разрешения рассматриваемой здесь проблемы исключительно историко-эмпирическим путем была бы столь же неуместна, как если бы естествоиспытатель вздумал разъяснить первоначальное происхождение естественных организмов путем историко-эмпирического исследования.

Простое указание на «органическое происхождение» права, на его «прирожденность» и на подобные аналогии не имеет никакой цены, стремление к специфически историческому разрешению указанной проблемы — безнадежно.

Путь к достижению теоретического уразумения того «органического» процесса, которому право обязано своим первоначальным происхождением, — один, а именно, надлежит исследовать, какие тенденции общей человеческой природы и какие внешние отношения способны вести к тому общему для всех народов явлению, которое мы называем правом, как могло возникнуть право из этих всеобщих тенденций и отношений и, смотря по различию последних, получить свои особенные формы проявления.

Приобретенное таким способом знание не есть, конечно, историческое в эмпирико-реалистическом смысле этого слова, однако такое, которое, в противоположность фразам о «первобытности», «прирожденности», «об органическом происхождении» права, его «зачатках в народном духе» и т.д., представляет во всяком случае решительный прогресс в теоретическом уразумении того процесса, путем которого право возникло в своем первоначальном виде; это знание имеет еще то преимущество, что представляет нам не только внешнюю картину рассматриваемого здесь развития, но выясняет нам и действующие силы, которые, по мере возрастания понимания людьми своих интересов, привели к возникновению права.

Едва ли нужно говорить, что право в развитых обществах возникает и развивается преимущественно путем законодательства, т.е. посредством прямого соглашения членов общества, направленного на установление права, следовательно, преимущественно прагматическим путем, а потому и должно быть выясняемо преимущественно прагматически, из целей законодателей и данных обстоятельств. Иначе обстоит дело при начатках культуры, в те эпохи, когда сношения между людьми, занимающими данную территорию, незначительны, связь их нетверда, и сознание последней недостаточно, и когда, следовательно, о праве, как выражении общей воли народа, конечно не может быть и речи. Здесь возникновение права, конечно, совсем не прагматическое в указанном смысле этого слова, и вопрос о природе его неизбежен.

Одинаковое внешнее положение, в котором находятся при самых первоначальных условиях главы семейств в данной территории, вызывает общую для всех необеспеченность добытого их индивидуальными

стремлениями, так что насилие одного весьма сильно чувствуется всеми остальными. Человеку свойственно постоянную угрозу зла чувствовать чуть ли не мучительнее, нежели даже зло, уже совершенное. Всякий, хотя бы он и не ощутил непосредственно вреда, ввиду актов насилия чувствует весьма серьезную угрозу с в о и м интересам, в особенности же слабые, которых, по сравнению с сильными, всегда гораздо больше.

При таких обстоятельствах возникает убеждение о необходимости известных ограничений произвола, сначала лишь в наиболее мудрых умах народа, именно у тех, которые в состоянии понимать свои постоянные интересы, а не только преходящие интересы минуты; мало-помалу, по мере возрастания проницательности, возникает это убеждение в умах всех тех, которым выгодно ограничение личного произвола, а к ним уже примыкает и сильный, интересы которого требуют сохранности приобретенной его силы.

Убеждение в необходимости такого ограничения произвола зарождается таким образом первоначально не в сознании народа, как организованного целого, и еще меньше оно является результатом помышления о благосостоянии общем со стороны отдельного лица, или хотя бы народного старейшины; убеждение это возникает в умах отдельных членов населения по мере возрастания сознания ими их личного интереса. То, что выгодно для всех, или, по крайней мере, для весьма значительного большинства, мало-помалу входит в общее сознание.

Форма, в которую выливаются убеждения этого рода в сознании населения, согласно природе вещей, есть форма правил для действий, однако отнюдь не обязательно одинаковая у всех членов народа. Только содержание правил (но никак не форма их) представляется одинаковым, пока постепенно случай или дарование не откроет особенно счастливой, особенно соответствующей уму менее цивилизованных людей формы этих правил, которая утверждается тогда в умах населения без всякого договора или особенного соглашения. У всех народов, даже у самых диких, имеются такие основные правила.

Возникновением известных правил для регулирования действий людей, правил, целесообразность коих для их благосостояния входит в сознание членов народа, понятие права еще не завершается. Для его завершения должен выступить еще один момент, который заключается уже в самом изложенном нами положении вещей.

Значение этих правил для личного благосостояния сознается при начатках общества, сознается всяким непосредственно; каждый в отдельности видит, что через исполнение этих правил членами общества достигаются его личные интересы, а через нарушение их его личные интересы нарушаются.

Что признается всяким за с в о й личный интерес, охрана того становится и интересом всякого отдельного лица, и таким образом в населении возникает сознание, что соблюдение этих правил не должно быть предоставляемо свободному усмотрению отдельных лиц, а должно быть обеспечено. Этим основывается различие между п р а в о м и м о р а л ь ю, а вместе с тем и завершается понятие права народа в его первоначальной форме. Оно есть совокупность вышедших из народного убеждения правил, ограничивающих произвол членов народа, исполнение коих, согласно воле населения, не должно быть предоставляемо свободному усмотрению отдельных лиц.

Что право на самом деле во всех случаях является принудительным, что нарушенное право действительно восстанавливается или может быть восстановлено, что существует призванная для этого принудительная власть и что она правильно функционирует — все это чуждо¹⁵³ понятию права в его первоначальной форме. Но возникновение принудительной силы является естественным последствием вышеизъясненных обстоятельств.

При начатках цивилизации, когда возникает народное право, всякий член народа не только проникается сознанием целесообразности правовых норм и необходимости не предоставлять их исполнение свободному усмотрению отдельных лиц, но он вместе с тем чувствует в себе побуждение защищать право, которому грозит опасность, восстанавливать право нарушенное; тогда еще отсутствует власть, помимо силы отдельных лиц, призванная защищать право. Право в его первоначальнейшей форме возникает и живет лишь в духе населения, и его осуществление являет-

¹⁵³ Ошибочно, со времени То м а з и я, ряд философов права ищут различия между п р а в о м и м о р а л ь ю в появлении принудительной власти или даже в фактической принудительности повелеваемого нормами права; очевидно, право всегда остается правом, хотя бы оно (например, в отношении к более разумным или сильным, или вследствие дурной юстиции) не было принудительным, хотя бы нарушенное право и не восстанавливалось, даже когда совершенно отсутствует соответственная принудительная власть (как, например, во многих случаях международных сношений). Право отличается от морали тем, что правовая норма в сознании населения или по мысли законодателя такова, следование которой н е д о л ж н о быть предоставлено свободному усмотрению отдельного лица, тогда как в правилах морали этого совершенно не имеется. Фактическое существование принудительной власти, фактическое восстановление нарушенного права, будучи естественными и обыкновенно наступающими последствиями этого положения вещей, отнюдь не являются необходимым условием или атрибутом права.

ся исключительно делом последнего; оно находит свое действительное выражение в «самообороне» и «народной юстиции», свою крепость — в традиции и в привычке к однообразному образу действий. Чем менее развит народ, тем интенсивнее сила очерченных здесь условий. У всех народов, правовая жизнь которых находится еще в младенчестве, самооборона и народная юстиция играют выдающуюся роль. Даже в периоды более высокого развития мы еще можем усмотреть в праве следы этих первоначальных форм его защиты.

Лишь постепенно, благодаря одинаковым внешним судьбам, общности истории, языка, религиозных убеждений, в значительной степени также вследствие общности правовых убеждений (правовых норм) и направленных на их осуществление действий, возникает в умах населения идея тесной взаимной связи, сознание общности и организация, соединяющая всех членов народа в одну общую целостность.

Лишь с этого времени право, которое до сих пор жило только в умах отдельных лиц и находило свою гарантию в энергии отдельных лиц (заинтересованных и лиц, разделяющих их убеждения), становится выражением целостно-организованной народной воли, и его осуществление становится делом организовавшегося в известную целостность населения данной территории, государства.

Народное право в его первоначальной форме не есть, таким образом, результат соглашения или сознания, направленного на обеспечение общего благосостояния. Оно не есть так же, как это утверждает историческая школа, нечто заложенное в самом народе; оно древнее, нежели появление последнего; право — одна из сильнейших связей, благодаря которым население известной территории становится народом и достигает государственной организации.

Когда идея общности проникает в сознание населения, когда оно начинает постепенно сознавать себя одним целым, тогда расширяется и круг его интересов, а вместе с тем и круг правовых норм. Последние перестают быть лишь простым результатом стремлений отдельных членов народа к охране индивидуального интереса; в умственный кругозор населения входит идея общественного интереса, а вместе с тем и сознание необходимости защищать этот интерес против индивидуального произвола. К праву, возникающему из стремления отдельных лиц обеспечить свои индивидуальные приобретения, присоединяется право, являющееся результатом стремлений, направленных на защиту общества. Но и это последнее не есть непременно результат общего совещания, соглашения, договора или положительного законодательства, а имеет происхождение, аналогичное с народным правом вообще.

В первоначальные эпохи культуры идея права подобно новому светочу, озаряет сознание людей; более поздние же поколения, не бывшие сами очевидцами первоначального образования права, унаследуют его основания от предков, как внушение высшей божественной мудрости. Все народы уже в весьма ранние эпохи своего развития приводили идею права в связь с самыми высокими верованиями. Нормы права становятся предметом народной веры, освященным преданием, переходящим из рода в род, и важным предметом религиозного воспитания. То, что при зачатках культуры всяким испытывается на себе и самим создается, мало-помалу становится таким образом в народном воззрении чем-то объективным, божественным, стоящим выше человеческой мудрости и людского интереса, и это благочестивое заблуждение утверждается постепенно возрастающим пониманием общепользности права.

Очерченный процесс, по самой природе своей, конечно мог совершаться лишь постепенно, почти не влияя на содержание права, но сущность права отнюдь не оставалась при этом процессе нетронутой.

На место живого наблюдения связи между интересами членов народа и правом, как результатом оценки этих интересов членами народа, мало-помалу выступает право, как предмет верования в авторитет, верования в святость и высшее происхождение права; оно выступает теперь перед народным умом, по крайней мере в своей идее и в своих основных положениях, уже не как нечто на самом себе пережитое, не как выражение своего взгляда и своего убеждения, не как нечто субъективное, а как нечто независимое от него, заповеданное ему извне, как нечто объективное.

Какое специальное содержание получает право в конкретном случае, прежде чем его начинает устанавливать законодательство, это зависит от особенных условий народонаселения, из духа которого оно исходит. В своем первоначальном виде направляясь на обеспечение наиболее важных и всеобщих индивидуальных интересов членов народа, оно постепенно расширяется и углубляется по мере развития сношений и усиления понимания отдельными лицами своих интересов; оно укрепляется обычаем, расшатывается и, наконец, преобразовывается вследствие изменения тех обстоятельств, которым оно обязано своим происхождением. Известные отношения, вытекающие из общечеловеческой природы и потому проявляющиеся повсюду, вызывают повсеместно по существу одинаковые правовые институты, тогда как племенные отличия, несходства внешних условий и мирозерцания имеют своим последствием различия права. Что кажется одному народу справедливым, может казаться другому отчасти несправедливым, а с изменением условий то же самое явление может обнаружиться и у одного и того же народа в различные

эпохи его развития. Вообще право шествует вместе с течением времени и с изменением человеческих отношений и лишь в этом смысле оно имеет свое самостоятельное существование¹⁵⁴.

Но право может возникать, даже при самых первоначальных условиях, и иным путем, существенно отличным от указанного, именно путем авторитета. Сильный физически или духовно может устанавливать известные ограничения произволу подпавших под его влияние слабых или менее развитых умственно, победитель — побежденному может предписывать известные правила действия, которым они должны подчиняться не по своему свободному убеждению, а из боязни. Эти правила, несмотря на все сходство своего внешнего проявления с правилами народного права, тем не менее по своему происхождению и по гарантиям их осуществления существенно отличаются от права, которое вырастает из убеждений населения и осуществление которого первоначально представляется делом народа; первые могут быть даже в прямом противоречии с народным правом: они в сущности — не право, а закон. Но сильный имеет интерес называть эти правила «правом», облекать их святостью права, связывать их с религиозными преданиями, возвеличивать их до степени предмета религиозного и этического культа, пока привычка к послушанию и вырабатывающееся через это сознание подчиненности не приведет к признанию их за нечто, аналогичное праву, и к неразличению правил, ограничивающих произвол отдельных лиц и исходящих из убеждений народа — от тех правил, которые сильный предписывает слабому. Амальгамирование народного права и законов власти совершается тем легче, чем более само народное право становится предметом веры в авторитет и уже не вытекает более из убеждений, покоящихся на уразумении собственного интереса и служащих первоначальным источником его образования. Все институты, освящающие право, а равно и философские системы, «объективирующие» его или представляющие его как нечто, «стоящее выше человеческой мудрости», всегда приносили пользу власти¹⁵⁵.

¹⁵⁴ Вполне основательно Sch m o l l e r (Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirthsch., 1875. S. 25 ff.) отвергает воззрение, будто нравственные понятия о браке, собственности и пр. остаются всегда одинаковыми, и показывает (S. 25 ff.), что нравственное лежит не в исторической неизменности института. Ср. его же «Gerechtigkeit in der Volkswirtschaft» (Jahrbuch für Gesetzgebung., 1881. S. 29 ff.).

¹⁵⁵ Правовой порядок представляется условием всякого прогрессивного развития сношений, а последнее в свою очередь — условием прогресса человеческого благосостояния; стремление же к благосостоянию лежит в общечело-

Право возникает первоначально из убеждения членов народа или же из силы. Когда с прогрессом культуры условия народа, а вместе с тем и его право приобретают столь сложный характер, что знание последне-

веческой природе. Таким образом, право не есть нечто случайное, но и в отношении своей идеи, и в отношении своего особенного содержания в существенных своих частях обусловлено человеческой природой и особенностью условий. Но это еще не значит, что право в отношении своей идеи и в отношении своего особенного содержания есть нечто искони существующее. Чтобы право на самом деле появилось, должны быть познаны, изучены те факторы, которые его определяют; право должно быть добыто известным умственным процессом. Если отвергнуть, что право вошло в сознание людей путем внешнего или внутреннего откровения, одним словом, если оперировать лишь с материями, входящими в сферу науки, то умственный процесс, посредством которого право, лишь обуславливаемое человеческой природой и другими соответствующими условиями, становится действительно существующим, этот процесс может начинаться лишь в человеческих умах, и задача науки состоит в том, чтобы уяснить нам этот процесс, задача, которая однако отнюдь не разрешается фразами: «первобытность», «природность», «органическое происхождение». Придя к разрешению указанной задачи соответственно существу дела, мы тем самым показали, что право в его объективном существовании не содержится а priori в человеческом духе вообще или в народном духе в частности, что оно не есть также внешнее откровение человеческому роду, но, поскольку оно не представляется продуктом власти или положительного законодательства, есть результат мыслящего рассмотрения и обсуждения членами народа нужд человеческой природы и окружающих нас условий. Таким образом, право не есть также нечто самоцельное, потому что, если бы те границы индивидуального произвола, которые мы называем правовым порядком, были бы излишни при известном состоянии общества, или если бы право не служило человеческому благу, то оно исчезло бы в самой идее своей и обратилось бы в столь же бесполезное, сколь и обременительное ограничение индивидуальной свободы. Каждый увидел бы тогда, что право не есть ни «вечное», ни «искони заложенное в человеке», ни «божественное» учреждение, а вытекающее из человеческого разума и служащее человеческим интересам. До появления исторической школы правоведения в Германии весьма часто не понимали того факта, что право не всегда бывает, а вначале даже и совсем не бывает результатом сознательной общевой, направленной на основание его в целях споспешествования общему благу, факт, который однако отнюдь не исключает возникновения права, как результата человеческого ума.

го не может быть более делом всех членов народа, то необходимость разделения труда приводит и здесь к образованию особого класса людей, который делает своей профессией изучение, применение и дальнейшую разработку права, к образованию сословия юристов; и в то же время прогрессирующая государственная организация делает право все более и более выражением целостно организованной общественной воли и охрану права признает делом государственной власти. В отдельных сферах жизни или там, где государственный закон представляет известные пробелы, право все еще может образовываться первоначальным способом, может возникать обычное право, вытекающее из убеждений известных слоев населения, даже могут возникать рядом с законом особые, несогласные с ним правовые воззрения; однако в общем с развитием культуры образование, выражение и осуществление права становится делом государственной власти и сословия юристов; это является условием всякого полного уразумения, всякого более высокого технического усовершенствования права и его применения.

Очерченный здесь процесс совершался, разумеется, лишь постепенно и отнюдь не непременно в отмену первоначального народного права. Государственная власть по большей части не устраняла обычного права, но признавала и усовершенствовала его в техническом отношении. И сословие юристов лишь постепенно вступало в свою правообразующую и правовыражающую функцию. Конечно, при этом появлялась возможность противоречия между правовыми убеждениями народа, юристов и законом.

При более тщательном исследовании, народное право отнюдь не во всех своих частях оказывалось чем-то низшим. Оно могло обнаруживать в частностях пробелы, противоречия, неточности и технические недостатки иного рода, могло в целом не всегда соответствовать данным воззрениям властителей на цели государства и его правового порядка, оно могло недостаточно быстро следовать за подвижностью государственных и социальных отношений. Все эти погрешности, как только особенное сословие стало профессионально заниматься изучением права, должны были тотчас предстать перед ним, и в тем большей степени, чем более изошрялся взгляд юристов на эти недостатки путем изучения иностранного развитого права. И в отношении своего содержания народное право, возникшее из наиболее индивидуальнейших жизненных условий, без сознательного отношения к общему благу, отнюдь не всегда могло выдерживать критику с точки зрения целесообразности его для общественной пользы.

Сословие юристов совершило, по большей части находясь на службе у государственной власти, глубокую реформу народного права, разумеет-

ся не без того, чтобы не впасть при этом в некоторые ошибки, вытекающие из природы вещей.

Народное право возникло из потребностей и убеждений, из особенных свойств населения, и благодаря продолжавшемуся в течение столетий применению, приобрело соответствующий конкретным условиям вид. Оно жило в сердцах населения, как результат древней испытанной народной мудрости; народ инстинктивно крепко держался его даже там, где он уже давно утерял понимание связи между нормами права и особенными условиями, из которых они возникали; значительная часть народа лишь чувствовала, но уже не понимала ясно мудрость в народном праве.

Ученое сословие юристов в течение целых столетий не понимало этого важного момента, и тем полнее, чем более оно, чуждаясь изучения собственного народа, вращалось исключительно в сфере идей чужого развитого права и абстрактных правовых теорий. У него не было не только понимания, но и ощущения бессознательной мудрости в народном праве.

Те, которые видели в государстве и в государственных институтах, в обществе и общественных установлениях единственно результат целесообразной деятельности населения данной территории или властителей его, разумеется, издавна склонны были все социальные институты, возникшие органическим путем, или находившиеся под влиянием органических сил, рассматривать, — вследствие непонимания ими этих институтов в их значении для сохранения и развития общества, — с точки зрения злоупотреблений и общественных недостатков и стремиться к реформе этих учреждений в смысле политики, нередко выступавшей тем насильственным, чем ошибочнее было лежавшее в ее основании воззрение. «Несознаваемая мудрость» в социальных институтах, возникших органическим путем (несколько аналогичная той «целесообразности», которая выступает в естественных организмах перед изумленным взором ученого естествоиспытателя, но которая легко не замечается тупицей!), была совершенно упущена из виду представителями указанного направления, и плодом этого в области практической политики являлась незрелая критика существующих социальных институтов, к которой присоединялись столь же незрелые реформаторские стремления.

Теоретическая односторонность и ошибочное стремление к новшествам губили, таким образом, весьма часто право известного народа даже там, где люди, накладывавшие на него реформаторскую руку, стремились действовать лишь в интересах общественного благосостояния, в особенности же там, где властители и юристы накладывали руку для того, чтобы на место обычного права, явившегося из народа и для народа, установить такое, которое служило бы интересам властителей!

Со стороны исторической школы юристов было несомненной заслугой, что она ограничила такие незрелые и опрометчивые реформаторские стремления в области законодательства и указала на органическое происхождение обычного права и на бессознательную мудрость в нем, заслуга, которая должна быть поставлена наряду с той, которую та же школа оказала своими обширными изысканиями в области истории права и углублением специфически исторического понимания нашего права.

В упрек же этой школе может быть поставлен ряд ошибок и упущений, которые мы не можем указать здесь.

Историческая школа юристов, правда, отметила «органическое происхождение» обычного права, его «природность» и «самобытность», его возникновение в духе народа и пр.; но на этом она остановилась, как будто этими, отчасти образными, отчасти ничего не выражающими фразами может быть сколько-нибудь разрешена проблема происхождения обычного права; она не позаботилась привести нас к теоретическому пониманию природы и течения того процесса, результатом которого является обычное право.

Равным образом, одним лишь указанием на «высшую мудрость» возникающего несознательным путем обычного права было достигнуто слишком мало, отчасти же даже внесена была этим новая ошибка в область науки. Смысл этого положения может означать собственно лишь то, что обычное право, хотя и не представляется результатом воли общества, сознательно направленной к общему благосостоянию, тем не менее споспешествует этому последнему в большей степени, чем это могло бы сделать соответственное положительное законодательство. Однако, утверждение это ошибочно, так как, с одной стороны, и обычное право весьма часто оказывалось далеким от общественной пользы, а с другой, и законодательство столь же часто преобразовывало обычное право весьма полезным для общественного блага образом; следовательно, теория эта противоречит фактам.

Если, тем не менее, это утверждение повторяется, разумеется со всевозможными оговорками, в методологических сочинениях исторической школы юристов, то причина этого заключается в неясном понимании сущности «органического процесса», результатом которого является обычное право. Естественные организмы действительно представляют замечательнейшую целесообразность, такую, которая справедливо возбуждает удивление ученого исследователя. Но какое отношение имеет это к обычному праву и его целесообразности в отношении споспешествования человеческому благосостоянию? Прежде всего обычное право можно лишь фигурально представлять как «органическое явление», а следовательно то, что имеет место в естест-

венных организмах, не может быть уже по одному этому прямо переносимо на обычное право, тем более, что обычное право, хотя и не есть сознательный результат общей воли, направленной на общее благо, однако оно, как мы видели, есть результат индивидуальных человеческих стремлений, а поэтому и отнюдь не находится в прямом противоположении с человеческой мудростью¹⁵⁶.

Если бы указанное представление было бы даже вполне верно, если бы обычное право на самом деле было явлением вполне аналогичным естественным организмам, то вытекало ли бы отсюда, что законодательство должно избегать всякого, или какого-либо, вызываемого положением вещей вмешательства в развитие этого организма?

Государственный муж, который на том основании, что право-де имеет «органическое» происхождение, опасался бы изменять его в целях общего блага, был бы подобен сельскому хозяину, технологу, врачу, который из благоговения перед высокой мудростью, являемой природой, отказался бы от всякого воздействия на течение естественных органических процессов. И разве нет даже абсолютно вредных организмов?

Теория о «высшей мудрости» обычного права, таким образом, не только противоречит фактам, но она покоится вместе с тем на недоразумении; она есть преувеличение до неузнаваемости того справедливого положения, что положительное законодательство иногда не постигало бессознательной мудрости в обычном праве и, стремясь преобразовать это последнее в целях общего блага, нередко приходило к противоположному результату.

Если бы историческая школа юристов не остановилась на фразах об органической природе и высшей мудрости обычного права, если бы она проникла глубже в основание рассматриваемых здесь фактических условий, то она не могла бы ни минуты колебаться в вопросе об отношении своем к указанной проблеме. Если нормы и институты обычного права нередко являются в высшей степени целесообразными в отношении общественного благосостояния, то задача науки должна была состоять в выяснении нам этого достоинства. Эта целесообразность обычного права, являющаяся результатом «органического процесса», должна была быть постигнута юристами и законодателями, дабы найденный таким образом новый взгляд сделать полезным для положительного законодательства. Если в известные эпохи не понимали настоящей ценности обычного права и незрелыми и опрометчивыми реформами искажали право, вместо того, чтобы улучшать его, то историческая школа юристов обязана была предотвратить на будущее время по-

¹⁵⁶ См. с. 482 и сл.

добные попытки не путем превозношения высшей мудрости в обычном праве, но путем выяснения ценности применения указанного взгляда к законодательным работам. Плодом указанного воззрения должно было быть не принципиальное отречение, хотя бы и с оговорками, от положительного образования права, но освещение последнего новым взглядом, добытым из мыслящего обсуждения обычного права. Подобно тому, как земледелец, технолог, врач исследуют природу и законы ее движения, дабы, на основании приобретенного таким путем уразумения, изменять вещи сообразно своим целям, так и историческая школа юристов должна была выяснить нам до того времени не постигнутые достоинства обычного права, дабы в виде столь расширенного познания дать законодателю новое орудие для выполнения своего высокого призвания. Однако никогда, — и это принципиальный пункт в настоящем вопросе, — не должна была наука отказываться от проверки и тех институтов, которые возникли «органическим путем», в отношении их целесообразности, и от преобразования и улучшения их, буде это потребует по тщательном исследовании, соответственно научным взглядам и фактическим данным. Никакая эпоха не должна отказываться от «призвания» к этому.

ПРИЛОЖЕНИЕ IX

ТАК НАЗЫВАЕМОЕ ЭТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Отлично от «исторического направления», и однако тесно связано с методикой последнего так называемое «этическое направление» нашей науки, главными представителями которого в немецкой национальной экономике могут быть названы C. W. Schütz, B. Hildebrand, K. Dietzel, венгр J. Kautz и др., приверженцами же этого направления — большая часть исторических экономистов Германии.

В первой книге мы принципиально указывали, что это направление по отношению к теоретической части «политической экономики» означает собой методологическое недоразумение, непонимание истинной сущности теоретического исследования в области народного хозяйства и ее специальных задач¹⁵⁷. Здесь мы можем еще указать, в частности, на то обстоятельство, что об этическом направлении теоретической национальной экономики, собственно говоря, не может быть речи

¹⁵⁷ См. VI и VII главы I книги.

ни по отношению к точному, ни по отношению к эмпирико-реалистическому направлению теоретического исследования.

Точные теории имеют своей задачей теоретическое выяснение отдельных сторон реального мира, а точная национальная экономия — хозяйственной стороны народной жизни¹⁵⁸. «Этическое направление точной национальной экономии», поэтому, отнюдь не может иметь такой смысл, что оно стремится к точному выяснению этической и хозяйственной сторон народной жизни, т.е. стремится соединить вместе задачи этики и экономики. Требование этического направления точного учения о народном хозяйстве могло бы означать лишь то, что последнее должно дать нам точное уразумение не просто экономических явлений, но явлений, находящихся под влиянием этических тенденций, или даже лишь тех хозяйственных явлений, которые согласуются с требованиями этики — постулат исследования, который, однако, само собой понятно, решительно противоречит сущности указанного направления теоретического исследования¹⁵⁹.

Столь же неуместна идея этического направления в эмпирико-реалистической теории народного хозяйства. В последней принятие во внима-

¹⁵⁸ См. с. 337 и сл.

¹⁵⁹ Некоторые экономисты ищут этическое направление теоретической национальной экономии в том, что рассматривают явления народного хозяйства с точки зрения морали, так, например, изучают, какие вещи следует с точки зрения морали считать таковыми, т.е. «справедливыми» вещами, какие цены, проценты на капитал и пр. признавать с точки зрения морали предосудительными и т.п. В этом, однако, само собой понятно, нет этического направления национально-экономического исследования, а есть лишь моральное суждение об отдельных явлениях народного хозяйства, суждение, которое никоим образом не может затрагивать результатов теоретического исследования в области народного хозяйства. Самая «несправедливая» или «антиморальная» вещь ведь подлежит же, например, экономическим законам ценности, цены и пр., и следовательно с хозяйственной точки зрения есть «вещь», которой ценность, цена и т.п. должна быть столь же изучаема, как и ценность или цена вещей, служащих самым высоким целям. Или быть может «этическая» теория народного хозяйства должна совершенно отвергнуть изучение экономических явлений, наблюдаемых в вещах, служащих антиморальным целям? Быть может она должна ограничиться теоретическим выяснением той части экономических явлений, которая соответствует принципам этики, или какого-либо одного направления ее? Какая же наука будет иметь тогда своей задачей теоретическое выяснение законов «несправедливых» вещей или «антиэтических» явлений народного хозяйства?

ние этических влияний на народное хозяйство, поскольку они обнаруживаются в явлениях последнего, вызывается уже самой сущностью этого познавательного стремления, и прямо-таки обязательно. Невозможно достигнуть реалистически-эмпирическим путем законов народно-хозяйственных явлений, не принимая при этом во внимание всевозможные этические влияния (ср. с. 334 и сл.), и поэтому собственно не понятно, в чем же должна заключаться задача этического направления эмпирико-реалистического учения о народном хозяйстве?

Идея «этического направления» в отношении к теоретической части нашей науки является непонятным постулатом исследования, лишенным всякого более или менее глубокого содержания.

Подобная же неясность лежит в основании так называемого «этического направления» и в отношении к п р а к т и ч е с к и м хозяйственным наукам. Разумеется, всякий и в своей хозяйственной деятельности, какого бы рода она ни была, находится под действием моральных законов, и следовательно исследователь в области практических наук о народном хозяйстве должен считаться с влиянием этого факта. И основания для хозяйственных действий людей, как их развивают практические науки о хозяйстве, должны находиться внутри границ, устанавливаемых правом и моралью.

Однако, это составляет особенность всех и всякого рода практических наук: и политики, и педагогики, и терапии, и военного искусства, и даже технологии. Если понимать «этическое направление» в практических науках о народном хозяйстве в указанном смысле, то в таком случае совсем не будет этических наук иного направления, как только этического, ибо все стремления людей, а не только хозяйственные, находятся под действием моральных законов.

Только те практические науки о хозяйстве, в которых этические точки зрения, сверх вышеуказанных пределов, признаются принципиально главенствующими для хозяйственной деятельности людей, практические науки о хозяйстве, в которых экономические точки зрения принципиально подчинены моральным — только такие науки могли бы претендовать на указанное название. Но ведь изложения такого рода были бы в сущности отнюдь не «практическими науками о хозяйстве», а м о р а л ь н ы м и сочинениями о человеческом хозяйстве.

Так называемое «этическое направление» политической экономии оказывается таким образом как по отношению к теоретическим, так и по отношению к практическим задачам ее, — постулатом непонятным, лишенным всякого глубокого смысла, заблуждением исследования; мы можем себе представить основательное научное направление, устанавливающее о т н о ш е н и е между правом, моралью и т.д., с одной стороны,

и хозяйством — с другой стороны, или между этикой и экономикой, но этическое направление экономики представляется идеей не более основательной, нежели, например, мысль об экономическом направлении этики.

В действительности эта идея коренится, с одной стороны, в непонимании природы и настоящих задач теоретических и практических наук о народном хозяйстве, а с другой стороны — в низкой оценке хозяйственной стороны народной жизни по сравнению с другими, слишком высоко оцениваемыми, а равно в вытекающем отсюда стремлении некоторых наших экономистов низко оцениваемый ими объект исследования облагораживать «этическим направлением» исследования, как будто достоинство науки заключается в ее объекте и в достоинстве тех, кто ею занимается, в природе объекта, а не в важности, глубине и оригинальности результатов ее исследования! Стремление к этическому направлению нашей науки представляется отчасти остатком древности, в иных отношениях — остатком средневекового аскетического мирозерцания, в значительной же степени оно является жалкой опорой для научной посредственности, подобно тому, как в свое время существовало этическое направление историографии. Прямо типическим признаком лиц, обладающих недостаточными силами для разрешения проблем с о е й науки, является стремление путем привлечения результатов других наук и механического применения их добиваться удовлетворительных решений в собственной области исследования.

Карл Менгер
Избранные работы

Оформление серии *В. Коршунов*
Редактор *А. Заиченко*
Верстка *Д. Кашкин*

Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 40. Уч.-изд. л. 25,2
Заказ №

Издательский дом «Территория будущего»
125009, Москва, ул. Б. Дмитровка, 7/5

Отпечатано в ГУППП «Типография «Наука»
121099 Москва, Шубинский пер., 9

